Генеалогия и архивы

2021

Государственный комитет по делам архивов
Челябинской области
Объединенный государственный архив
Челябинской области

Генеалогия и архивы

Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции

Челябинск
2021

УДК 929.5:930.25
ББК 63.2+79.3
Г34

Редакционная коллегия:
С. М. Иванов, канд. ист. наук,
Н. А. Антипин, канд. ист. наук, М. А. Базанов, канд. ист. наук,
В. Л. Бухаров, И. И. Вишев, канд. ист. наук,
С. А. Кусков, канд. ист. наук

Составитель, научный редактор
Н. А. Антипин, канд. ист. наук

Г34 **Генеалогия и архивы** : материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск, 2021. — 427 с.

ISBN 978-5-6043688-2-4

Сборник материалов третьей Всероссийской научно-практической конференции «Генеалогия и архивы», прошедшей в Челябинске 22 мая 2021 г. В сборник вошли статьи историков, архивистов, краеведов, генеалогов. Публикации посвящены методике и практике работы с архивными источниками, истории родов, семей и отдельным биографиям.

УДК 929.5:930.25
ББК 63.2+79.3

ISBN 978-5-6043688-2-4

© Алексеев Н. А., Антипин Н. А. и др., статьи, 2021
© Объединенный государственный архив Челябинской области, 2021

Содержание

Часть I. Теория и практика, архивные источники генеалогических исследований 7

Г. Н. Беляева. Материалы Минской епархии «Русского провинциального некрополя» как источник генеалогических исследований 8

Т. В. Богданова. Историко-документальная выставка «Российские предприниматели Демидовы» (14 октября — 11 декабря 2020 года, Санкт-Петербург) 14

В. Л. Бухаров. Каслинский родословный сад: развитие проекта 21

Е. Н. Воронкова. О чем рассказала одна метрическая книга (к генеалогии служителей Русской православной церкви второй половины XVIII века) 23

А. И. Гутков. Происхождение и формирование дореволюционных южноуральских фамилий (первоначальный опыт составления словаря местных фамилий) 34

Л. М. Завьялова. О развитии родословия в Югре: краткий экскурс 41

Ф. Г. Закирова. Биографические запросы и генеалоги: из опыта работы Национального архива Республики Башкортостан 44

Т. В. Игнатова. Материалы по истории старообрядчества на Урале в 1960–1970-е годы в архиве московской Преображенской старообрядческой общины 47

Л. В. Кирилюк. О чем расскажут метрические книги 55

В. Н. Макарова. Исповедные росписи Спасского храма Уфы как генеалогический источник 58

А. С. Марина. Обзор архивных источников по старообрядцам горнозаводского Урала 67

Н. К. Пирожкова. Клировые ведомости как генеалогический источник (на примере Красноуфимского и Кунгурского уездов Пермской губернии) 71

В. Л. Помыткина. Современные технологии в помощь архивисту (на примере документов филиала Исторического архива Омской области в г. Таре) 79

Н. Б. Салимов. Архив — школа изучения своих корней и воспитания патриотизма 82
Л. А. Сарабанская, Н. Н. Пермякова. Генеалогия как одно из направлений краеведческой деятельности библиотеки № 17 Каменска-Уральского 87
В. А. Хегай. Хронология жизни как результат генеалогического исследования 90

Часть II. История родов 97
Н. А. Антипин. Челябинские мещане Хованновы 98
Н. Т. Агуникян, Н. В. Гришина. Род Теплоуховых: дневниково-мемуарная культура и проблемы сохранения семейной памяти 101
М. С. Бессонов. Верхотурские (уральские) корни поэта Александра Блока. История поиска 106
Е. С. Гусева, Л. А. Сарабанская. Женщины семейства Вознюк в документах Коми-Пермяцкого окружного государственного архива 113
А. И. Гутков. Происхождение казаков Шеметовых из Спасского поселка 117
В. Г. Демаков. Челябинский след шадринских купцов Хохловых 120
Н. Ю. Емельянова. «Звучат, как музыка, как стих, фамилии простые... Вглядись — и ты увидишь в них историю России» 128
А. В. Козлов. Семья и родственные связи Павла Петровича Аносова 138
Н. Н. Мамаева. Семья Кукуц — из Риги на Урал: история поисков 164
К. А. Омигова. Златоустовский род Агарковых — Зотовых: от крепостных мастеровых до главы города 171
О. А. Полянина. Казачий род Вишняковых в Миасской станице ... 173
С. И. Пудовкин. Семячковы родом из Дрягуново 182
В. В. Савенко. Дворянский род Минхов 186
М. В. Тропина. Тобольская семья Красновских на рубеже XIX–XX веков по документам Государственного архива в г. Тобольске 195
В. А. Черных. Семья революционеров Мрачковских из Верхнего Уфалея 204

Часть III. История в биографиях 217
Н. А. Алексеев. Участковый врач Оренбургского казачьего войска Андрей Александрович Вятковский 218
М. А. Базанов. Николай Семенович Шибанов: ростки истории повседневности в челябинском краеведении 224

С. Д. Батищев. Дмитрий Никифорович Огиенко (1918–2010): солдат Второй мировой войны, маркшейдер, горный инженер Североуральского бокситового рудника 229

Л. А. Бенедиктович. Василий Иванович Плевак 234

Л. Т. Жайбалиева, О. К. Гукасян. Оренбургский губернатор В. А. Перовский и его роль в продвижении России в Среднюю Азию 242

М. А. Исаков. «Я остаюсь на своей солдатской позиции»: героический жизненный путь знаменитого земляка — токаря Южно-Уральского машиностроительного завода Ш. Б. Жуматаева 249

Н. А. Капитонова. «Два капитана». Трагедия вирусолога. «Госпожа пенициллин» 254

В. В. Кашин. Руководитель внешней разведки Советского Союза уралец П. М. Фитин 263

Н. Н. Кирилова. Мой дед Степан Яковлевич Кирилов 269

Ю. Я. Козлов. Два ордена учителя В. И. Марсуверского 275

Т. А. Королёва. Врач-терапевт Анна Павловна Купцова 279

И. А. Новиков. «Подушка и скамейка для юного шахматиста»: материалы периодической печати как один из источников изучения биографий знаменитых земляков (на примере чемпиона мира по шахматам А. Е. Карпова) 285

О. С. Репникова. Пауль Эмильевич Рикерт — антифашист, политэмигрант, ученый 290

В. Г. Семенов. Николай Альметьев — есаул с генеральскими обязанностями 295

Н. Н. Тараторина-Смит, Н. Н. Тараторина-Розанова. Одиссея лесничего Николая Николаевича Тараторина 300

А. В. Ульянов. Полковник Михаил Пашнин и его братья. Казачий крест 309

Часть IV. Генеалогия и краеведение 317

Р. Г. Буканова, Ф. Г. Закирова. Из истории деревни Курятмасово (Курьятмасово) Давлекановского района Республики Башкортостан 318

А. О. Буранок, А. В. Митин. Генеалогия сельца Елховка середины XVIII — начала XIX века 323

Е. Ю. Кожевникова. Личные и семейные истории в истории Урала. В стихии градостроительства 333

А. А. Назаров. История формирования городского населения Урала на примере отдельной семьи 340

И. В. Неповинных. Воспоминания Владимира Федоровича Востротина 343

Л. А. Новожилова. Атаманы Великопетровской станицы (персоналии, обзор источников) 348
М. Г. Плаксина. Тютняры на страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» 356
С. А. Сергеев. «От героев былых времен не осталось порой имен...» Память о полковнике российской армии Павле Петровиче Побыванце 360
М. А. Сидоров, С. А. Сергеев. Неизвестные факты фронтовой биографии ветеранов — сотрудников экономического отделения Златоустовского техникума технологий и экономики 367
А. А. Сокулин. Герои Советского Союза из г. Копейска Челябинской области: сравнительный анализ биографий 375
Г. И. Старикова. Локальная история и генеалогия (на примере казачьего рода Заварухиных из станицы Магнитной) 384
В. И. Таушканова. Море житейское: дневники и письма краеведа И. В. Дегтярева 391
А. Н. Титова. Дыхание ушедшей эпохи 409
И. И. Швецова. Судьбы родов одной деревни на Южном Урале 413

Сведения об авторах 420
Список сокращений 424

Часть I
Теория и практика, архивные источники генеалогических исследований

Г. Н. Беляева

Материалы Минской епархии «Русского провинциального некрополя» как источник генеалогических исследований[1]

В 1908–1914 гг. по инициативе великого князя Н. М. Романова в Российской империи был реализован широкомасштабный научный проект. Все епархии получили задание предоставить «списки лиц, погребенных в церквях и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных общественных деятелей купеческого и других сословий»[2]. Часть собранных материалов была представлена в изданиях «Московский некрополь» (1907–1908), «Петербургский некрополь» (1912–1913), в первом томе «Русского провинциального некрополя» (1914). Списки Минской епархии должны были войти в четвертый том «Русского провинциального некрополя». Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции не позволили реализовать проект. Собранные материалы сохранились в фондах великого князя Н. М. Романова в Российском государственном историческом архиве.

Несмотря на обилие в современной историографии генеалогических изысканий, специальные генеалогические исследования, основанные на архивных материалах Минской епархии, проведены не были. Изучение внесенных в списки 1192 эпитафий на могилах усопших, погребенных в период с 1560 по 1909 гг., показало, что, в соответствии с полученными инструкциями, главными критериями отбора фамилий являлась сословно-конфессиональная принадлежность умершего, его личные заслуги или заслуги его родственников перед государством, православной церковью. В результате в список были внесены значимые для своего времени особы, лица, имевшие статусных предков или знаменитых потомков.

Территория женского Спасо-Преображенского монастыря г. Минска (разрушен в 1960-е гг.) считалась элитным местом для погребения. В рапорте настоятельницы от 22 июня 1910 г. № 47 указаны три захоронения. Одно из них принадлежало начальнице гимназии Екатерине Николаевне Бабошиной (ум. 1903)[3], принадлежавшей к роду Стеблиных-Каменских, представители которого прославились своей преподавательской и научной деятельностью[4].

Дед Екатерины Николаевны — Павел Степанович Стеблин-Каменский (1782–1856) — участвовал в организации Полтавского института благородных девиц. Его старший сын, Степан Павлович (1814–1885), пятьдесят лет своей жизни посвятил педагогической деятельности,

преподавал в Золотоношском уездном училище, Полтавской мужской гимназии, Мариинской женской гимназии[5]. Другой сын, Егор Павлович (1815–1882), дослужился до инспектора казенных учебных заведений Киевского учебного округа, был директором Нежинского лицея. В дальнейшем занимал должность виленского губернатора[6].

Педагогическая деятельность не была привилегией мужчин рода Стеблиных-Каменских. Мать Екатерины Николаевны — Вера Платоновна, урожденная Милорадович (1833–1903) — основала в 1875 г. в Санкт-Петербурге общеобразовательное частное женское четырехклассное учебное заведение, которое в 1884 г. было преобразовано в семиклассную женскую гимназию. После смерти Веры Платоновны дела гимназии до 1917 г. вела ее старшая дочь Евгения Николаевна (р. 1852)[7]. К роду Стеблиных-Каменских принадлежат причисленный к лику святых новомучеников и исповедников российских протоирей Иоанн Стеблин-Каменский (1887–1930)[8], советский филолог-скандинавист Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903–1981), академик РАН и специалист в области иранистики Иван Михайлович Стеблин-Каменский (1945–2018).

В списках Спасо-Преображенского монастыря Минска значатся надгробия на могилах князя Николая Николаевича Трубецкого (ум. 1902) и его супруги Елизаветы Александровны Трубецкой (ум. 1902)[9]. Генерал-лейтенант минский губернатор Николай Николаевич Трубецкой (1836–1902) являлся представителем старшей ветви князей Трубецких[10]. Сын князя Николая Николаевича Трубецкого и Елизаветы Александровны Лопухиной приходился двоюродным племянником декабристу Сергею Петровичу Трубецкому[11]. Супруга князя Елизавета Александровна Трубецкая являлась дочерью генерал-адъютанта, генерала от артиллерии, командующего Киевским военным округом генерал-губернатора Юго-Западного края, участника Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Александра Павловича Безака (1801–1868), правнучкой профессора «философских, политических, исторических наук» Христиана Христиановича Безака (1727–1800)[12].

Продолжателями данной ветви рода стали сын Николай Николаевич (1964–1935) и внук Лев Николаевич (1898–?) Трубецкие[13].

При Телушской церкви 1-го благочинного округа Бобруйского уезда были упокоены супруги Аркадий Павлович (1822–1906) и Мария Петровна (1827–1900) Воронцовы-Вельяминовы[14].

Генеалогическое исследование показало, что Воронцовы-Вельяминовы вели свое родословие с XI в. от мифического скандинавского князя Шимона Африкановича, приехавшего из Норвегии в Киев на службу к князю Ярославу Мудрому[15]. В XIV в. представители рода занимали видное положение: среди них можно было найти бояр, тысяцких, окольничих, воевод[16].

Захороненный Аркадий Павлович Воронцов-Вельяминов дослужился до штабс-капитана, избирался бобруйским уездным предводителем дворянства Минской губернии. Его жена Мария Петровна принадлежала к русскому дворянскому роду Голохвастовых, основатели которого выехали из Литвы в Москву во второй половине XIV в. к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому[17]. Один из погребенных сыновей, Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов (1854–1920), служил

в 13-м гусарском Нарвском полку, которым командовал генерал Александр Александрович Пушкин.

Женитьба Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова на Наталье Александровне Пушкиной (1859–1912) объединила два рода. В браке родилось шестеро детей. Один из них — Михаил Павлович (1885–1851) — член IV Государственной Думы от Минской губернии, исполнявший обязанности бобруйского уездного комиссара Временного правительства. После Октябрьской революции Михаил Павлович эмигрировал во Францию.

Представитель следующего поколения Воронцовых-Вельяминовых — Григорий Михайлович (1912–1982) — получил образование во Франции, участвовал в боях Второй мировой войны, был ранен под Дюнкерком, схвачен немцами и отправлен в концлагерь. После войны занимался коллекционированием вещей, принадлежавших А. С. Пушкину, некоторые из них передал в музей им. А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге (Мойка, 12). Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа[18].

На Вицковщинском кладбище 3-го благочинного округа Минского уезда была похоронена «дочь коллежского асессора и сестра убитого под Плевной майора 117-го Ярославского полка Давида Васильевича, учительница Вицковского училища София Васильевна Соколова» (ум. 1902)[19].

В книге Д. Ф. Козлова «Краткая боевая история 117-го пехотного Ярославского полка. (1763–1913)», изданной в г. Рогачеве в 1913 г., содержится описание подвига, который совершил под Плевной майор Соколов: «Командир 1-го батальона, майор Соколов, старый севастополец, вел свой батальон на штурм, не слезая с коня. Будучи два раза раненым и тяжко страдая, он продолжал вести батальон вперед и сам еще успокаивал ближайших солдат, которые просили его вернуться на перевязку. Последними словами его были: “Вперед, голубчики!” Новая пуля, пробившая голову, свалила его с коня»[20]. С помощью эпитафии с надгробия на могиле сестры стало возможным восстановить забытое имя и генеалогические связи Давида Васильевича Соколова.

Эпитафии «Некрополя» помогли установить родственные связи священника минского Петро-Павловского кафедрального собора, строителя кладбищенской (Переспенской) церкви во имя святых Жен Мироносиц в Минске — Петра Григорьевича Елиновского (1803–1870)[21]. Он похоронен в алтарной части (в склепе) церкви. Архивы Н. М. Романова указывают, что на Переспенском кладбище были похоронены также жена священника Ефросиния Александровна Елиновская[22] и их сын — учитель Минского духовного училища Митрофан Петрович Елиновский[23]. Поскольку в эпитафии «Некрополя» было указано, что последний прожил 49 лет, стало возможным вычислить дату его рождения — 1840 г.

По данным «Некрополя», при Литвянской церкви 3-го благочиния Минского уезда находилась могила инспектора Якутской духовной семинарии Николая Петровича Трусковского (ум. 1892). Составитель списков объяснил, что смерть настигла его «в пути на родину, в Москву»[24]. Исследование показало, что на территории Минской губернии усопший оказался неслучайно. В материалах Станьковской

церкви сохранился рапорт с описанием надгробия на могиле протоирея Петра Федоровича Трусковского (ум. 1874)[25]. Можно предположить, что инспектор Якутской духовной семинарии Н. П. Трусковский приезжал навестить могилу отца.

По материалам биографического справочника «Знаменитые выпускники Минской духовной семинарии», протоиерей Петр Трусковский являлся братом архимандрита Николая Трусковского (ум. 1881), отцом преподавателя Могилевской духовной семинарии, редактора «Могилевских епархиальных ведомостей» Ивана Петровича Трусковского (1850/1851 — 1891)[26].

Эпитафия с кладбища Свято-Троицкой церкви м. Мир «Фекла Семашко, урожденная Ивановская. Родилась 20 июня 1778 г., скончалась 8 августа 1858 г. Мать митрополита Семашко»[27] позволяет дополнить родословие митрополита Литовского и Виленского Иосифа Семашко. В соответствии с «Литовскими епархиальными ведомостями» за 1893 г., дочь униатского священника Фекла Семеновна Ивановская была женой небогатого дворянина, выходца из Липовецкого уезда Киевской губернии Иосифа Тимофеевича Семашко (1776–1856). В 1798 г. у пары родился сын Иосиф. В 1839 г. в Полоцке Иосиф Семашко принял акт присоединения униатской церкви к православной. Греко-униатская духовная коллегия была переименована в Белорусско-Литовскую, председателем ее стал владыка Иосиф[28].

Еще один сын Феклы Семеновны и Иосифа Тимофеевича, Николай, работал вольно практикующим врачом в м. Илинцы. Дочь Елена была женой виленского кафедрального протоиерея Виктора Гомолицкого. Имя второй дочери Феклы Семашко установить не удалось, однако известно, что после смерти мужа в 1856 г. Фекла Семеновна переехала жить к своему зятю Луке Кудржицкому в м. Мир[29]. Эпитафия на могиле настоятеля Мирского прихода протоиерея Луки Федоровича Кудржицкого (1799–1871) сохранилась в списках «Некрополя»[30].

Материалы архива стали отправной точкой для определения генеалогических связей погребенного в Свято-Духовской церкви м. Паричи Егора Ивановича Пущина (1803–1833)[31].

В 1819 г. в м. Паричи сенатором Иваном Пущиным была построена приходская Свято-Духовская церковь. В 1863 г. вотчинным владельцем генерал-майором Михаилом Ивановичем Пущиным в местечке была отсроена вторая церковь — Святой равноапостольной Марии Магдалины[32]. Можно предположить, что упоминаемый в списках «Некрополя» Егор Иванович Пущин являлся сыном генерал-лейтенанта, генерал-интенданта и сенатора Ивана Петровича Пущина (ум. 1843) и Александры Михайловны (урожденной Рябининой), братом коменданта Бобруйской крепости генерал-майора Михаила Ивановича Пущина (1800–1869), декабриста Ивана Ивановича Пущина (1798–1859). Однако в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля упоминания Егора Ивановича Пущина нет[33].

Благодаря материалам «Некрополя» мы смогли дополнить сведения о годах жизни и смерти, чине, месте захоронения одного из представителей рода Афендиков — подполковника Василия Ивановича Афендика (1828–1876), похороненного на Переспенском кладбище Минска[34]. В соответствии с «Малороссийским родословником» В. Л. Модзалевского,

последний являлся сыном волынского вице-губернатора, псковского вице-губернатора Ивана Корнеевича Афендика и Софии Васильевны Нертовской, внуком премьер-майора, участника Русско-турецкой войны 1768–1772 гг. и Крымского похода 1783 г. Корнея Макисмовича Афендика[35].

География захоронения, временной период, совпадение фамилии и отчества дают возможность выдвинуть предположение, что похороненный на Переспенском кладбище Минска губернский воинский начальник и начальник госпиталя полковник Федор Александрович Стебут (1818–1869)[36] являлсся сыном похороненного на Успенском кладбище в г. Горки Могилевской области Александра Ивановича Стебута (1790–1864), братом заслуженного профессора, редактора журнала «Русское сельское хозяйство» Ивана Александровича Стебута (1833–1923)[37].

По данным материалов Минской консистории, в пещерах при Александро-Невской церкви м. Марьина Горка был погребен действительный статский советник Иосиф Бонч-Осмолович[38]. Член губернского по крестьянским делам присутствия, директор детского приюта[39] И. А. Бонч-Осмоловский являлся отцом революционера-народника, члена организаций «Земля и воля» и «Черный передел», члена ЦК партии социалистов-революционеров Антона Иосифовича Бонч-Осмоловского (1857–1930)[40].

Благодаря «Некрополю» удалось восстановить место погребения автора книги «Вывод о происхождении прозвищ Севрук и Курчевич-Севрук, дополненный и исправленный»[41] Василия Михайловича Курчевича-Севрука[42].

Архивные материалы из неопубликованного четвертого тома «Русского провинциального некрополя» позволили дополнить биографические данные, отследить генеалогические связи, очертить географию захоронений представителей родов Афендик, Бонч-Осмоловских, Воронцовых-Вельяминовых, Елиновских, Курчевичей-Севрук, Пущиных, Семашко, Соколовых, Стеблиных-Каменских, Стебутов, Трубецких, Трусковских, погребенных на территории Минской епархии в XVI — начале XX в.

Таким образом, материалы представленные Минской епархией для издания «Русского провинциального некрополя», являются важным источником по генеалогии и истории белорусских земель XVI — начала XX в.

Примечания

[1] Научный руководитель — доктор исторических наук профессор Д. С. Лавринович.

[2] *Романов Н. М.* Русский провинциальный некрополь : в 3 т. Т. 1. М. : Типолитогр. т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1914. 1020 с.

[3] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 2.

[4] *Коротенко В. В.* Стеблин-Каменские: (Стеблинские, Стеблин-Каминские): опыт ист.-генеал. исслед. СПб. : ВИРД, 2005. С. 115–114.

[5] Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 19. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. С. 364–365.

[6] *Павловский И. Ф.* Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава : Полтав. учен. архив. комис., 1912. С. 190.

[7] РГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19396.

[8] *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь : Булат, 2000. С. 221–287.

[9] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 2.

[10] Дворянские роды Российской империи : в 10 т. Т. 2. СПб. : Вести, 1995. С. 76.

[11] Минский городской исполнительный комитет. URL: https://minsk.gov.by/ru/org/10/attach/288793e.

[12] Русский биографический словарь. Т. 11. СПб., 1900. С. 630–633.

[13] Дворянские роды Российской империи. Т. 2. С. 76.

[14] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 21.

[15] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Воронцовы-Вельяминовы.

[16] *Савелов Л. М.* Родословные записи Леонида Михайловича Савелова: опыт родословного словаря русского древнего дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 41.

[17] Там же. С. 218–219.

[18] Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 : в 6 т. / под ред. Е. В. Макаревич. Т. 1. М., 1999. С. 633.

[19] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 17.

[20] *Козлов Д. Ф.* Краткая боевая история 117-го пехотного Ярославского полка. (1763–1913). Рогачев, 1913. С. 64.

[21] *Щеглов Г. Э.* Знаменитые выпускники Минской духовной семинарии : биограф. справ. / авт.-сост. свящ. Гордей Щеглов. Жировичи : Минс. духов. семинария, 2016. 194 с.

[22] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 6.

[23] Там же. Л. 11.

[24] Там же. Л. 18.

[25] Там же.

[26] *Щеглов Г. Э.* Указ. соч.

[27] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 52.

[28] *Боцяновский В.* Иосиф Семашко и воссоединение униатов // Ист. вестн. : ист.-лит. журн. 1893. № 54. С. 857–875.

[29] Соборный протоиерей Иосиф Семашко // Литов. епарх. вед. 1893. № 26. С. 214–218.

[30] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 52.

[31] Там же.

[32] Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям : в 9 т. Минск : Типо-литогр. Б. И. Соломонова, 1879. Т. 7. С. 120–121.

[33] *Руммель В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. Т. 2. СПб., 1887. С. 312.

[34] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 4.

[35] *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник : в 5 т. Киев : Тип. Г. Л. Фронцкевича и К°, 1908. Т. 1. С. 23–30.

[36] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 4.

[37] *Балашев Л. Л.* Иван Александрович Стебут. М. : Наука, 1966. С. 93.

[38] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 35.

[39] Памятная книжка Минской губернии на 1883 г. Минск : Типолитогр. Р. Дворжеца, 1883. С. 121.

[40] Деятели революционного движения в России : биобиблиогр. слов. : от предшественников декабристов до падения царизма : в 5 т. Т. 3: Восьмидесятые годы. Вып. 1: А — В. М., 1933. С. 379.

[41] *Курчевич-Севрук В. М.* Вывод о происхождении прозвищ Севрук и Курчевич-Севрук, дополненный и исправленный. Минск : Типолитогр. Тасьмана, 1896. 24 с.

[42] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 3.

Т. В. Богданова

Историко-документальная выставка «Российские предприниматели Демидовы» (14 октября — 11 декабря 2020 года, Санкт-Петербург)

14 октября 2020 г. в Выставочном зале федеральных архивов в Санкт-Петербурге состоялось торжественное открытие историко-документальной экспозиции «Российские предприниматели Демидовы», посвященной деятельности представителей семьи Демидовых с начала XVIII в. по 1917 г.

Организаторами выставки выступили Федеральное архивное агентство и Российский государственный исторический архив (РГИА). Документальные материалы и музейные экспонаты для выставки предоставили Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив древних актов, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Российский государственный архив кинофотодокументов, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации, Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», Российская национальная библиотека, акционерное общество «Гознак», частные коллекции.

Экспозиция «Российские предприниматели Демидовы» представляет собой уникальный выставочный проект, в рамках которого впервые широкой публике было представлено свыше 400 документальных свидетельств, всесторонне освещающих развитие горнозаводского дела на Урале и в центральной части Российской империи, а также широкую благотворительную и просветительскую деятельность рода Демидовых.

Документальную основу экспозиции составили уникальные архивные материалы из 65 фондов РГИА, в том числе из фондов Горного департамента и «Акционерного общества Нижнетагильских и Луньевских горных заводов наследников П. П. Демидова, кн. Сан-Донато».

Первый раздел выставки посвящен Никите Демидову (Антуфееву) (1656—1725) и его сыновьям. 1702 г. становится знаковым для Никиты Демидова: именно тогда Петр I пожаловал ему завод на уральской р. Нейве. С этого момента начинается двухсотлетнее господство пред-

ставителей рода Демидовых на уральских землях. Впоследствии Никита Демидов становится верным соратником царя Петра. Демидовские заводы являлись главными поставщиками оружия для армии и флота в период Северной войны, а к концу царствования императора заводы производили две трети всего металла, добываемого в империи. На выставке экспонировались фотография чугунной грамоты о пожаловании в 1702 г. Никите Демидову завода на Нейве в Верхотурском уезде и о строительстве других заводов на Урале[1] и донесение Н. Демидова в Канцелярию городового дела от декабря 1720 г. о поставке железа со своих заводов[2].

Жемчужиной выставки стали подлинные документы из фонда «Коллекции гербов, жалованных грамот, дипломов и патентов на чины Департамента герольдии Сената»: родословная рода Демидовых[3] и жалованная грамота императрицы Екатерины I «Акинфию Демидову и братьям его Григорию и Никите на дворянское достоинство по Нижнему Новгороду» с ларцом для ее хранения[4]. Как известно, еще Петр I за особые заслуги перед Отечеством пожаловал Никите Демидову дворянство. Указ о пожаловании дворянства царем подписан тогда не был, и в 1726 г. уже императрица Екатерина I исправила эту ошибку.

Акинфий Демидов (1678—1745) был самым верным помощником своего отца, наследником его дела. Он сыграл значительную роль в развитии горнозаводского дела и промышленности на Урале. Благодаря ему был восстановлен судоходный путь по р. Чусовой (обнаруженный еще Ермаком) и открыты знаменитые впоследствии алтайские серебряные рудники. Акинфий Никитич во много раз приумножил богатство своего отца, основал большое количество предприятий. На выставке представлены более десятка законодательных актов и указов российских императоров из коллекции именных указов и высочайших повелений Сенату: заключение кабинет-министров от 27 октября 1737 г. о наказании туляка Родиона Горбунова, тульского канцеляриста Якова Самсонова и дворового Карпа Васильева за их ложный донос на Акинфия и Никиту Демидовых, «давших будто бы» взятку тайному советнику Петру Шафирову[5]; подлинные указы императрицы Елизаветы Петровны Правительствующему сенату: от 8 сентября 1742 г. о награждении ряда лиц, в том числе Акинфия и Никиты Демидовых, «за тщательное произведение и размножение железных и медных заводов» чинами действительного статского и статского советников[6]; от 24 июля 1744 г. о личном докладе ей обо всех делах, касающихся Акинфия Демидова[7]; от 12 мая 1747 г. о принятии в казну горных заводов умершего Акинфия Демидова[8].

По завещанию Акинфия Никитича Демидова бóльшая часть его наследства должна была отойти младшему сыну Никите, однако старшие сыновья, не согласные с таким разделом наследства, возбудили процесс. По высочайшему повелению генерал-адъютантом А. Б. Батуриным 3 декабря 1757 г. был составлен план раздела имущества Акинфия Демидова между тремя его сыновьями — Прокофием, Григорием и Никитой[9] (план впервые демонстрировался посетителям выставки). Никите Акинфиевичу досталась Нижнетагильская группа заводов. Именно ему и его потомкам посвящен основной раздел экспозиции.

Большое внимание Никита Акинфиевич Демидов (1724–1789) уделял управлению своими предприятиями. При нем Нижнетагильские заводы достигли процветания. Никита Акинфиевич вел широкую благотворительную и меценатскую деятельность, переписывался со многими известными писателями, в том числе с Вольтером. 4 сентября 1774 г. Никита Демидов был назначен почетным членом Императорской академии художеств[10]. В фонде Академии художеств сохранилось письмо Никиты Демидова президенту Императорской академии художеств И. И. Бецкому от 1 февраля 1776 г. с предложением пожертвовать академии точную копию бронзовых врат из флорентийской церкви[11].

Николай Никитич Демидов (1773–1828) после смерти своего отца стал владельцем огромного состояния. Управлением заводами почти не интересовался. Свою юность он посвятил военной службе, в 16 лет стал флигель-адъютантом при князе Потемкине. Император Павел I, благоволивший Николаю Никитичу, в знак особого распоряжения жаловал ему звание командора ордена Св. Иоанна Иерусалимского. На выставке экспонировались высочайше утвержденная 25 марта 1799 г. Конвенция об учреждении Николаем Демидовым родового командорства[12] и расписка за подписью казначея М. Смирнова о принятии от камергера Николая Никитича Демидова «в казну 6000 руб. выкупа за командорское звание» 4 декабря 1813 г.[13] из личного дела о награждении орденом Николая Никитича, хранящегося в фонде Капитула российских орденов МИДв.

Период войны с Наполеоном отражен в экспозиции несколькими документами. Николай Никитич не только сформировал на свои деньги полк, который был назван Демидовским, но в этот полк также был зачислен его старший сын Павел. Впоследствии за участие в Бородинском сражении Николай Никитич получил благодарность от императора Александра I. Демидовские заводы поставляли также вооружение и снаряды, так необходимые армии[14].

Как и его предки, Николай Никитич вел огромную благотворительную деятельность. В 1807 г. он пожертвовал собственное каменное строение в г. Гатчине в пользу сельского воспитательного дома[15]. В ноябре 1813 г. подарил Московскому университету коллекции «натуральных произведений» стоимостью 60 тс. руб.[16]

В 1827 г. Николай Никитич за широкую благотворительную деятельность был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. На выставке представлено письмо Николая Демидова статс-секретарю Н. М. Лонгинову от 25 мая (7 июня) 1827 г. с благодарностью императрице Александре Федоровне за присланные ему грамоту и орденские знаки Св. Владимира 2-й степени[17] из фонда Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

В личном фонде Дурново, в документах по опеке и управлению им имуществом разных лиц, имеются различные документы наследников Н. Н. и П. П. Демидовых. В экспозицию были включены копия духовного завещания Н. Н. Демидова за 1824 г.[18] и краткая ведомость за 1828 г. о движимом и недвижимом имуществе, о наличных деньгах и долгах, оставшихся после кончины Николая Никитича Демидова[19].

Значительное место в экспозиции занимают материалы о детях Николая Никитича Демидова — Павле (1798–1840) и Анатолии

(1812–1870). Как известно, Павел Николаевич в течение нескольких лет служил курским гражданским губернатором. В это время в губернии произошла вспышка холеры. Павел Николаевич на собственные средства построил несколько лечебных заведений, благодаря этому распространение болезни было остановлено. В Собственной Е. И. В. канцелярии сохранился всеподданнейший рапорт курского гражданского губернатора П. Демидова от 14 сентября 1832 г. с приложением статистических сведений о положении в губернии[20].

2 (9) апреля 1835 г. Павел Николаевич пишет письмо министру финансов Е. Ф. Канкрину и предлагает приобрести в казну принадлежащий ему известный бриллиант «Санси»[21]. К сожалению, лишних средств для покупки бриллианта в казне не оказалось. Впоследствии «Санси» становится любимым украшением супруги Павла Николаевича Авроры Карловны (урожденной Шернваль). Во второй половине уже XX в. этот бриллиант был приобретен Лувром, где и хранится до сих пор.

Прославился Павел Николаевич и как основатель Демидовской премии. Как известно, она была учреждена в 1832 г. и просуществовала еще 25 лет после его смерти в 1840 г. Из фондов научно-справочной библиотеки РГИА на выставке демонстрировались печатные труды великих ученых, путешественников, государственных и общественных деятелей, внесших большой вклад в развитие науки. На выставке представлены труды Ю. А. Гагемейстера, Н. И. Ушакова, С. И. Шодуара, М. П. Погодина, Д. А. Милютина, К. А. Неволина, Д. А. Толстого, М. А. Корфа, М. И. Богдановича, Ф. М. Дмитриева, П. П. Пекарского. Из фонда Министерства народного просвещения экспонировался высочайше утвержденный 9 марта 1834 г. рисунок медали для награждения ученых, которым поручался отбор сочинений, поступавших на конкурс для получения Демидовской премии[22].

Младший сын Николая Никитича Анатолий (1812–1870) посвятил себя дипломатической службе. Анатолий Николаевич стал известным меценатом и благотворителем, большую часть своей жизни он прожил в Европе.

29 марта 1830 г. Анатолий Демидов подает всеподданнейшее прошение с просьбой учредить благотворительное заведение в память своего покойного родителя[23]. Таким образом был учрежден Демидовский дом призрения трудящихся, на устройство которого он пожертвовал 500 тыс. руб. 9 ноября 1833 г. императрица Александра Федоровна лично посетила Демидовский дом призрения трудящихся[24]. На выставке экспонировались: список кандидатов для избрания в почетные члены Демидовского дома призрения трудящихся (1833)[25], список лиц, приглашенных на торжественное открытие Демидовского дома призрения трудящихся (1833)[26] и «Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям» с сообщением о «вновь учреждаемом в Санкт-Петербурге заведении для призрения бедных и занятии их полезным трудом» (1832)[27]. В 1833 г. Демидовскому дому трудящихся была подарена печать с изображением герба рода Демидовых[28].

Именно А. Демидов заказал художнику К. П. Брюллову написать картину «Последний день Помпеи». Он не только оплатил работу художника, но и позже подарил картину императору Николаю I,

благодаря чему в наши дни картина хранится в Русском музее. Из фонда Академии художеств на выставке было также представлено письмо А. Н. Демидова президенту Императорской академии художеств А. Н. Оленину от 4 июля 1834 г. о доставке в Россию картины «Последний день Помпеи» и о сложностях, связанных с ее привозом[29], и расписка Анатолия Демидова от 13 сентября 1834 г. о получении для передачи художнику К. П. Брюллову высочайше пожалованного бриллиантового перстня с вензелевым именем императора Николая I[30]. В 1842 г. императрице Александре Федоровне был преподнесен экземпляр первого тома «Живописного путешествия по России», изданного камер-юнкером А. Н. Демидовым[31].

Как известно, Анатолий Демидов был женат на племяннице Наполеона Бонапарта Матильде. После свадьбы А. Демидов получает от герцога Тосканского титул князя Сан-Донато. На выставке впервые демонстрировались две уникальные подлинные грамоты от великого герцога Тосканского Леопольда II Анатолию Демидову — на дворянское достоинство г. Фьезоле (Nobile della citta di Fiesole)[32] и на княжеское достоинство[33].

После нескольких лет брака случился громкий развод. На выставке демонстрировались дело из фонда Горного департамента «О выдаче супруге Анатолия Демидова принцессе Матильде Бонапарт 50 000 руб. серебром ежегодно из доходов горнозаводского имения мужа» (1856)[34] и письмо Матильды Бонапарт министру финансов М. Х. Рейтерну от 14 сентября 1869 г. о финансовых расчетах (на французском языке)[35].

Павел Павлович Демидов (1839–1885), сын Павла Николаевича, становится главным наследником не только своего отца, но и бездетного дяди. В 1872 г. император Александр II высочайше разрешил ему использовать титул его дяди — князя Сан-Донато, а в 1877 г. Департамент герольдии Сената утвердил герб П. П. Демидова, князя Сан-Донато. На эскизе герба Павел Павлович поставил резолюцию: «Герб этот, предложенный мне из Гербового отделения Департамента герольдии, я желал бы сохранить без дальнейших изменений. Павел Павлович Демидов»[36]. На выставке также экспонировался формулярный список о службе Павла Павловича Демидова за 1873 г.[37] Он дважды исправлял должность киевского городского головы, в русско-турецкою войну 1877–1878 гг. являлся главноуполномоченным Российского общества Красного Креста. По завещанию Павла Павловича Демидова его состояние не было поделено между наследниками, а каждый из них получал ренту с доходов.

Организационно-распорядительные документы из фонда акционерного общества Нижнетагильских и Луньевских горных заводов наследников П. П. Демидова — инструкции, уставы, положения, ведомости, контракты, журналы заседаний правления и собраний опекунов и наследников, — представленные в выставочном зале, наглядно продемонстрировали этапы развития управления горными округами. Новое положение, по которому было реорганизовано управление округом и создано Главное правление, было утверждено 2 октября 1896 г.[38] На выставке экспонировались документы о добыче и продаже руды, меди, золота и платины. Непростое время первой русской революции

1905–1907 гг. представлено прошениями, жалобами служащих и телеграммами о приостановке работы на заводах, начале забастовок.

Впервые в Выставочном зале федеральных государственных архивов в Санкт-Петербурге экспонировались планы, чертежи, карты, графические материалы и фотографии демидовских промышленных предприятий, учебных и благотворительных заведений. В экспозицию были включены из фонда Горного департамента фотографии заводов, медных и железных рудников, копей. Среди них экспонировались фотографии служащих главного заводского управления[39] и конторы Нижнетагильских и Луньевских заводов[40], лесного[41] и геологического[42] отделов, отдела эксплуатации Нижнетагильских заводских железных дорог[43], Александровского[44], Никитинского[45], Висимо-Шайтанского[46], Висимо-Уткинского[47] заводов и других предприятий. Благодаря значительному количеству фотоматериалов организаторы выставки смогли воссоздать картину жизни и быта демидовских рабочих, показать условия, в которых они трудились.

В экспозицию также были включены фотографии воспитанников учебных и благотворительных заведений, основанных и содержащихся за счет семьи Демидовых: воспитанниц убежища для малолетних детей при Нижнетагильском благотворительном обществе[48], воспитанников Авроринского детского приюта[49], директора и учительского персонала заводского училища[50], служащих заводской больницы в Нижнем Тагиле[51].

Широкой публике впервые были продемонстрированы фотография экспонатов, представленных на Всероссийской промышленной выставке в Москве в 1882 г.[52] от Нижнетагильских заводов, и фотография павильона Нижнетагильских и Луньевских заводов наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г.[53]

Период Первой мировой войны на выставке был представлен документами о государственных заказах демидовским заводам на производство вооружения для нужд армии[54]. К сожалению, финансовое положение демидовских заводов с каждым десятилетием только ухудшалось. Разразившаяся война усугубила финансовый кризис. Согласно пересмотренному и вновь утвержденному уставу, 17 марта 1917 г.[55] было учреждено «Акционерное общество Нижне-Тагильских и Луньевских горных и механических заводов наследников П. П. Демидова, кн. Сан-Донато». Общество просуществовало недолго. Уже после Октябрьской революции по декрету СНК от 31 января 1918 г. имущество общества было конфисковано и передано в ведение Высшего совета народного хозяйства. Таким образом, более чем двухвековое промышленное господство династии Демидовых на Урале закончилось.

Подводя итоги, следует отметить, что вклад рода Демидовых в развитие экономики, промышленности и просвещения России огромен. Многие заводы и учебные заведения, основанные Демидовыми, продолжают свою работу. Наша масштабная, основанная на первоисточниках и востребованная временем историко-документальная экспозиция познакомила широкую общественность с уникальными документальными свидетельствами о деятельности Никиты Демидова и его потомков. Выставка вызвала живой отклик у посетителей

и пользовалась большой популярностью. На регулярной основе для посетителей проводились групповые и индивидуальные экскурсии.

Таким образом, выставка «Российские предприниматели Демидовы», направленная на популяризацию Архивного фонда Российской Федерации, внесла свою лепту в сохранение исторической и национальной памяти, показав связь времен и поколений. Это дань памяти великому роду, служившему более двух веков на благо России.

Примечания

[1] РГИА. Ф. 37. Оп. 81. Д. 232. Л. 12.
[2] Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 157. Л. 8.
[3] Там же. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 192.
[4] Там же. Д. 188а.
[5] Там же. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 49. Л. 225 об.
[6] Там же. Д. 66. Л. 434, 434 об.
[7] Там же. Д. 72. Л. 187.
[8] Там же. Д. 75. Л. 37, 37 об.
[9] Там же. Д. 89. Л. 73, 96.
[10] Там же. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 617. Л. 4.
[11] Там же. Д. 617. Л. 5.
[12] Там же. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1974. Л. 1.
[13] Там же. Л. 13.
[14] Там же. Ф. 560. Оп. 3. Д. 31. Обл.
[15] Там же. Ф. 758. Оп. 18. Д. 423. Обл. Л. 5.
[16] Там же. Ф. 733. Оп. 28. Д. 194. Л. 1.
[17] Там же. Ф. 759. Оп. 19. Д. 2403. Л. 21.
[18] Там же. Ф. 934. Оп. 1. Д. 834. Л. 1.
[19] Там же. Оп. 2. Д. 1037. Л. 13.
[20] Там же. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5719. Л. 1 б, 2.
[21] Там же. Ф. 560. Оп. 6. Д. 804. Л. 1, 1 об., 2.
[22] Там же. Ф. 733. Оп. 12. Д. 453. Л. 13.
[23] Там же. Ф. 759. Оп. 19. Д. 3489. Л. 1, 1 об., 2.
[24] Там же. Ф. 934. Оп. 2. Д. 964. Л. 5.
[25] Там же. Ф. 759. Оп. 19. Д. 3497. Л. 11.
[26] Там же. Л. 9.
[27] Там же. Д. 3489. Л. 31.
[28] Там же. Д. 3495. Обл.
[29] Там же. Ф. 789. Оп. 20. Д. 25. Л. 1 а, 1 а об., 1 б.
[30] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1819. Л. 12.
[31] Там же. Ф. 560. Оп. 15. Д. 103. Л. 8.
[32] Там же. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.
[33] Там же. Д. 191. Л. 1.
[34] Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 719. Обл.
[35] Там же. Д. 1040. Л. 14, 15 об.
[36] Там же. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 506. Л. 4.
[37] Там же. Оп. 46. Д. 310. Л. 8 об., 9.
[38] Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.
[39] Там же. Ф. 37. Оп. 81. Д. 216. Л. 1.
[40] Там же. Д. 213. Л. 1.
[41] Там же. Д. 216. Л. 5.
[42] Там же. Л. 4.
[43] Там же. Д. 213. Л. 11.

[44] Там же. Д. 189. Л. 4.
[45] Там же. Д. 218. Л. 1.
[46] Там же. Д. 208. Л. 3.
[47] Там же. Д. 207. Л. 5.
[48] Там же. Д. 215. Л. 6.
[49] Там же. Л. 7.
[50] Там же. Л. 2.
[51] Там же. Л. 1.
[52] Там же. Д. 232. Л. 10.
[53] Там же. Л. 11.
[54] Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 198. Л. 28, 28 об.
[55] Там же. Д. 100. Л. 2.

В. Л. Бухаров

Каслинский родословный сад: развитие проекта

В перспективе предполагается знание населением нашей многонациональной страны своей семейной истории как обычная норма, традиция.

«Каслинский родословный сад» — это коллективный труд. Сегодня на примере относительно небольшой территории (Каслинский район Челябинской области) мы создаем условия для проживающих здесь, а также для тех, у кого предки и другие родственники жили в этих местах, по составлению родословных.

1. По материалам ревизских сказок, метрических книг, списков захороненных на местных кладбищах, районной газеты «Красное знамя» (за все годы ее существования), работ родоведов-любителей, информации из Интернета и других источников строим родословные древа. Древа публикуются на сайте Каслинской центральной районной библиотеки, как электронное приложение к журналу «Каслинский альманах»*. Сейчас там можно видеть и копировать родословные схемы Батиных, Вольхиных, Востротиных, Гилевых, Горюшкиных, Егановых, Заколяпиных, Илютиных, Овчинниковых, Поповых, Самойлиных, Свистуновых, Тихомировых, Широковых, Шмачковых / Шмаковых.

2. Собираем алфавитный указатель всех людей, когда-либо проживавших на территории района, с указанием источников информации. Часть этого указателя публикуется на сайте Юго-Конево.рф в разделе «Родословный сад».

3. Два раза в году по вторым воскресеньям апреля и октября в Тюбукской сельской библиотеке проводим собрания родоведов и краеведов.

4. Консультируем очно и заочно по вопросам родоведения.

5. Пытаемся системно выстроить родоведческую работу со школами.

Делается это в инициативном порядке, отчасти кустарно.

Родоведение, наверное, не только хобби, но и государственно полезное дело. Как было отмечено в материалах предыдущей

* URL: mcb-kasli.chel.muzkult.ru/Rodoslovnyi_sad.

конференции, при больших переменах, происходящих в нашей стране, усилилась потребность людей в самоопределении, в прочном и основательном прошлом[1]. Генеалогия этому способствует. Если бы просканированные ревизские сказки, метрические книги государственные архивы размещались в Интернете в открытом доступе (бесплатно), тогда бы условия для родоведческих поисков многократно улучшились. И школьники (молодежь — наше будущее) смогли бы рассказы своих старших родственников углубить архивными материалами. Государственный архив Пермского края в рубрике «Поколения Пермского края» размещает ревизские сказки и метрические книги. Того же ждем от ОГАЧО, ГАСО, Государственного архива в г. Шадринске и других государственных архивов.

В публикуемых родословных схемах размещаем людей, родившихся за 70 и более лет до нынешнего года. Собирается же родоведческая информация без этого ограничения, то есть часть сведений собирается и долго не публикуется. Исключения составляют случаи, когда взрослые представители согласны на публикацию данных о составе своей семьи. В общедоступных родословных присутствуют ныне живущие люди старше 70 лет. Это напоминание поколению бабушек и дедушек о том, что в них есть клад, который нужно оставить потомкам. Клад — это рассказ о себе и своих предках. Им «спросить уже не у кого», а их самих сейчас часто не спрашивают. А потом и «спросить будет не у кого». То есть они должны «клад» оставить потомкам (конечно, для этого не надо ждать своего 70-летия).

Для предупреждения негативных последствий родоведческой работы в части публикации персональных данных нужно придерживаться ряда ограничений. Одно из них описано выше: люди в схемах, росписях не моложе 70 лет. Генеалогия интернациональна по своей природе, и в то же время это вспомогательная историческая дисциплина со всеми коллизиями, присущими исторической науке. Трудности не столько в родословных схемах, росписях, сколько в оценках людей, их поступков. Поэтому представляется, что семейные истории в оригинальном состоянии являются элементом частной жизни и для более широкого пользования, в том числе публикаций, и редактируются их составителями.

Родословный сад появился из-за огромной трудоемкости и, соответственно, стоимости индивидуального поиска. Первый заместитель комитета по делам архивов Челябинской области в интервью сказала: «Бывает, что суммарная стоимость генеалогического поиска достигает 70–100 тысяч рублей»[2]. Просмотр тысяч страниц метрических книг, да еще повторный просмотр, когда открываются новые, ранее не известные, но твои родные фамилии, самостоятельно или с помощью другого человека, требует нескольких недель работы. А для самостоятельного поиска еще в большинстве случаев местоположение архива не совпадает с местом проживания. Получается дорого. Помню заголовок в газете: «10 отпусков на родословную». О том, как появился «Родословный сад», я написал в докладе к прошлой конференции[3]. Кстати, вопросы получения еще не опубликованных сведений из «Каслинского родословного сада» решаются в основном путем обмена информацией (своего рода бартер).

Сейчас ситуация меняется. Архивы сканируют документы, в том числе родоведческие. При доброй воле трудоемкость, стоимость поисков могут многократно уменьшиться, а удобство повысится за счет размещения родоведческих документов в Интернете в открытом доступе. К чему и призываем.

В США с 1790 г. переписи населения проводятся каждые десять лет. Открыты материалы переписей 1790–1948 гг. (с целью защиты личных прав граждан доступ к подобным документам закрыт в течение 72 лет со времени создания, то есть 2020 – 72 = 1948). Еще с 1940 г. эти материалы Национальный архив издавал на микрофильмах, и они размещались в общественных библиотеках и архивах страны[4].

В перспективе «Каслинский родословный сад» должен исчезнуть, замениться массовой родоведческой культурой населения, опирающейся на доступность информации. Бесплатный доступ к электронным копиям метрических книг, ревизских сказок, информации ЗАГСов (с временны́м интервалом, например, в 70 лет) очень поможет укреплению самосознания народа за счет знакомства со своими корнями.

Примечания

[1] *Антипин Н. А.* Объединенный государственный архив Челябинской области и генеалогия: опыт и перспективы // Генеалогия и архивы : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 8—9.

[2] Южноурал. панорама. 2007. 4 окт.

[3] Антипин Н. А. Объединенный государственный архив Челябинской области и генеалогия: опыт и перспективы // Генеалогия и архивы : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 19—23.

[4] *Быкова Л. А.* Генеалогические информационные системы США. СПб., 2000. С. 15.

Е. Н. Воронкова

О чем рассказала одна метрическая книга (к генеалогии служителей Русской православной церкви второй половины XVIII века)

Родословїе — исчисленіе предковъ своихъ съ похвальбою[1].

Генеалогия русского народа стала одним из важнейших направлений в гуманитарных исследованиях рубежа XX–XXI вв. И что надо особо отметить: доступ к архивным документам получили не только ученые в области разных наук и дипломированные специалисты, но и обычные граждане, не обладающие навыками работы даже с обычным современным текстом. Так называемые генеалоги-любители стали одними из самых массовых посетителей читальных залов государственных архивов. Все это поставило перед архивистами очень непростые

задачи — обеспечить равный доступ граждан к уникальным во всех смыслах документам и в то же время сохранить архивный фонд России для будущих поколений.

Особая «страница» русской генеалогии — это история семей священнослужителей Русской православной церкви[2]. С одной стороны, исследователям задачу облегчает тот факт, что документы о древнейшем отечественном сословии сосредоточены преимущественно в «церковных» фондах региональных и федеральных архивов: консисторий, духовных правлений, приходских церквей, монастырей и т. п. С другой стороны, надо отметить необычайную «социальную подвижность» этого сословия на протяжении всей российской истории: священно- и церковнослужители происходили из разных слоев общества, их дети и внуки часто «записывались» в крестьяне или мещане — что существенно расширяет круг поиска сведений о конкретной семье или целом роде. Все это требует от человека, начинающего генеалогические изыскания, специальной историко-архивной подготовки. Важно знать следующее. *Региональные архивы* хранят в своих фондах метрические книги приходских церквей, клировые ведомости, ревизские сказки, самые разнообразные ведомости на священно- и церковнослужителей и их семьи. *Федеральные архивы* (Российский государственный архив древних актов) — ранние ревизии (1–3-й, частично 4-й); материалы переписи 1710 г.; писцовые, переписные и дозорные книги XVI–XVII вв.

И все же **базовым источником по генеалогии** как всего русского народа, так и священнослужителей, являются метрические книги приходских церквей**.** Тех церквей, где служили священники, диаконы, дьячки и пономари, где крестились и вступали в браки их дети и внуки, а потом и отпевались все умершие члены больших семей. Вот об одной такой особой книге и пойдет речь в этой статье. Но предварительно следует сделть небольшую историческую справку.

Метрики приходских церквей Челябинской округи за ранние годы (с 1760) находятся в историческом архиве Оренбурга в фонде № 179 «Оренбургская духовная консистория» (опись 11). В ОГАЧО в фонде И-226 «Коллекция документов учреждений религиозных культов» хранятся метрические книги начиная с 1786 г. Отдельные более ранние метрические записи имеются в делах фонда И-33 «Челябинское духовное правление» (например, по Еткульской крепости — 1769 г.[3]). Самое раннее (полное) собрание церковных метрик составляет дело № 3 из описи № 1 вышеуказанного фонда И-226.

Какую же информацию о причте церквей может почерпнуть исследователь из этого архивного дела?

Личные росписи практически всех священно- и церковнослужителей прихода в конце каждой метрической тетради позволяют определить состав причта на декабрь 1786 г. Записи о рождении и крещении, браке и смерти самих служителей и членов их семей, сведения о лицах, выступавших восприемниками их детей — все это содержит собственно генеалогическую информацию. Записи в разделе «Кто были при святомъ крещенiи восприемниками», в том случае если служители (или члены их семей) сами были «крестными» новорожденных детей у прихожан, дают представление о духовном родстве между отдельны-

ми членами причта и местными обывателями (крестьянами, казаками, мещанами, купцами, военными). Почерк, особенности письменного делового языка ведших в книге записи священников, дьяконов и дьячков представляют, несомненно, чисто лингвистический интерес для историков русского языка, а также в рамках генеалогических изысканий позволяют говорить о «языковой личности» конкретного представителя священнического рода.

Состав причта приходских церквей Челябинской округи на декабрь 1786 года[*]

Города Чилябы Христорождественской церкви — священникъ Корнілій Балярскихъ, священникъ Кайдаловъ Сумеонъ, диаконъ Іванъ Протасовъ, дьячокъ Ефімъ Трапѣзніковъ (Л. 1, 12).

Города Чилябы Троицкой церкви — священникъ Михаилъ Кузнецовъ, священникъ Василій Земляницынъ, дьяконъ Алеѯій Протопоповъ, дьячекъ Иванъ Земляницынъ, пономарь Стефанъ Петуховъ (Л. 13, 18 об.).

Белоярскаго села Флоролавровской церкви — священникъ Михаилъ Кочневъ, дьячокъ Павелъ Кочневъ (Л. 21, 24).

Кислянского села Кириловской церкви — священникъ Тимофей Зудиловъ, священникъ Іоаннъ Малцовъ, священникъ Іѡакимъ Іваницкихъ, дїяконъ Федоръ Ильиныхъ, дьячекъ Ѳеодоръ Поповъ, дьячекъ Михаилъ Зудиловъ, дьячекъ Феодоръ Зудиловъ, пономарь Иванъ Іваницкихъ, пономарь Андреи Куликовъ (Л. 29, 38).

Веденскаго села Веденской церкви — священникъ Михаилъ Пантуевъ, священнікъ Петръ Маѯімовъ, діаконъ Матфей Нифантіевъ, дьячекъ Алеѯій Комаровъ, дьячекъ Афонасей Нифантиевъ, пономарь Марко Анцыферовъ, пономарь Іосифъ Комаровъ (Л. 39, 44 об.).

Окуневской слободы Срѣтенской церкви — священникъ Стефанъ Івановъ сынъ Набережнинъ, священникъ Косма Михаиловъ Бѣлорусцовъ, диаконъ Михаилъ Васильевъ сынъ Ільиныхъ, дьячекъ Петръ Івановъ сынъ Набѣрежныхъ, дьячекъ Ефремъ Федоровъ сынъ Комаровъ, пономарь Никита Михаиловъ сынъ Ильиныхъ, пономарь Андреи Комаровъ (Л. 45, 54 об.).

Таловской слободы Николаевской церкви — священникъ Алѣѯей Насоновъ, священникъ Іѡаннъ Зудиловъ, діяконъ Даніилъ Игумновъ, дьячекъ Василей Лыткинъ, дьячекъ Лаврентей Караулщиковъ, пономарь Леонтей Зудиловъ (Л. 55, 62 об.).

Воскресенскаго села Воскресенской церкви — священникъ Адрїанъ Пѣуновъ, священникъ Іаковъ Протасовъ, священникъ Игнатій Капустинъ, дїаконъ Григорій Пѣуновъ, діаконъ Михай Тоболкинъ, дьячекъ Иванъ Арефьевъ, дьячекъ Иванъ Сидоровъ, дьячекъ Николай Маѯимовъ, понамарь Иванъ Библецкой, пономарь Иванъ Кремлевъ (Л. 63, 73 об.).

Города Троицка Троицкой церкви — [священникъ] Кайдаловъ, [священникъ] Бирюковъ, діаконъ Савва Крюковъ, дьячокъ Иванъ Милицынъ, пономарь Демидъ Перескоковъ (Л. 74, 81).

[*] Сведения из церковных книг приведены в исходной орфографии.

Каминской слободы Троицкой церкви — священникъ Самѱсонъ Панкратьевъ, священникъ Давидъ Папуловъ, діаконъ Евдокимъ Комаровъ, дьячекъ Гаврило Пушкаревъ, дьячекъ Борисъ Анцыферовъ, пономарь Петръ Арефьевъ (Л. 82, 98).

Пътичьего села Богородской церкви — священникъ Димитрий Протасовъ, дїаконъ Андрей Набережныхъ, дьячокъ Николай Протасовъ, пономарь Егоръ Бурцевъ (Л. 100, 108).

Леневскаго села Всесвятской церкви — священникъ Јванъ Анцыферовъ, діаконъ Іванъ Кыштымовъ, дьячекъ Василей Бирюковъ, пономарь Силвесетръ Насоновъ (Л. 109, 116).

Таловской слободы Петропавловскаго села Благовещенской церкви — священникъ Михаилъ Ниѳантіевъ, священникъ Іоаннъ Агаѳоновъ, діаконъ Порѳирій Нассоновъ, дьячекъ Петръ Русановъ, дьячекъ Егоръ Ильиныхъ, пономарь Матфей Комаровъ, пономарь Іосифъ Нифантиевъ (Л. 117, 125).

Мияской крепости Пророкоильинской церкви — священникъ Василей Мутинъ, диаконъ Василей Насоновъ, дьячокъ Андрей Колоколцовъ, пономарь Фома Переваловъ (Л. 126, 128).

Карачельскаго фарпоста Триехсвятительской церкви — священникъ Іѡаннъ Маѣимовъ, священникъ Иосифъ Мутинъ, диаконъ Гаврилъ Насоновъ, дьячекъ Прокопій Анцыферовъ, дьячекъ Петръ Ѳедотовъ, пономарь Федосей Базановъ, пономарь Федоръ Ионинъ (Ивонинъ) (Л. 129, 138 — 138 об.).

Долговскаго села Архангельской церкви — священникъ Артемій Шмотинъ, священникъ Михаилъ Сидоровъ, диаконъ Іоаннъ Іконниковъ, дьячекъ Игнатиі Емельяновъ, дьячекъ Феодоръ Иконниковъ, пономарь Симіонъ Емельяновъ (Л. 139, 146).

Куртамышской слободы Петропавловской церкви — священникъ Димитрий Земляницынъ, священникъ Михаилъ Петровъ, діаконъ Алеѯѣй Лыткинъ, дьячекъ Ілья Петровъ, пономарь Василей Русановъ, пономарь Алеѯей Серебрениковъ (Л. 147, 158 об. — 159).

Чумлятской слободы Спаской церкви — священникъ Петръ Рычковъ, священникъ Прокопиї Перескоковъ, диаконъ Василїй Бекреевъ, пономарь Екимъ Перескоковъ (Л. 160, 163 об.).

Города Верхоуральска Благовещенской церкви — священникъ Гавріилъ Поповъ (Л. 164, 168).

Надо отметить «особенности» причта церквей Челябинской округи второй половины XVIII в.: местные священно- и церковнослужители были членами больших семей, и нередко в одном приходе служили несколько родственников. Наиболее широко были представлены следующие семейные «династии»: Анцыферовы, Бирюковы, Дмитриевы, Земляницыны, Ильины (Ильиных), Комаровы, Кузнецовы, Лыткины, Максимовы, Малявины (Молявкины), Мутины, Набережных, Насоновы, Нифантиевы, Поповы, Протасовы, Русановы. Как следует из росписей в деле, несколько членов одной семьи служили в церквях (см. выше) с. Белоярского (Кочневы), с. Введенского (Нифантиевы), с. Воскресенского (Пеуновы), с. Долговского (Иконниковы, Емельяновы), с. Кислянского (Зудиловы, Иваницких), сл. Куртамышской (Петровы), сл. Окуневской (Набережных, Комаровы, Ильиных),

с. Петропавловского (Нифантиевы), с. Птичьего (Протасовы), сл. Таловской (Зудиловы), г. Чилябы, Троицкой церкви (Земляницыны), сл. Чумлятской (Перескоковы).

Многие служители церкви довольно часто перемещались с одной должности на другую, или с «места на место», и не всегда в фонде духовного правления сохранялись соответствующие документы. К ежегодной метрической тетради о составе прихода можно обращаться в тех случаях, когда важно точно определить, где служил член определенной семьи в конкретный год.

Записи о рождении, браках и смерти детей священнослужителей

Практически во всех метрических тетрадях есть записи о крещении новорожденных детей членов причта:

— с. Белоярское — у пономаря Василья Насонова дочь Ефимия (Л. 22);

— с. Введенское — у дьячка Афанасья Ніфантіева сынъ Анемподист (Л. 41 об.); у пономаря Осифа Комарова сынъ Петръ (Л. 41 об.); у дьячка Алеѣея Комарова сынъ Дометій (Л. 40 об.);

— г. Верхоуральск — у пономаря Никиѳора Малетина дочь Марѳа (Л. 165 об.);

— с. Воскресенское — у священника Іакова Протасова сынъ Іоанъ (Л. 66); у діакона Григорія Пѣунова дочь Пульхерія (Л. 67);

— сл. Каминская — у диакона Евдокима Комарова дочь Анна (Л. 83); у дьячка Бориса Анцыферова сынъ Иванъ (Л. 87 об.);

— Карачельский форпост — у дьячка Прокопия Анцыферова дочь Евдокия (Л. 130);

— с. Кислянское — у пономаря Степана Нифантиева сынъ Василей (Л. 31 об.); у дьякона Феодора Ильиныхъ сынъ Иванъ (Л. 32); у пономаря Ивана Иванитскихъ сынъ Симеонъ (Л. 33); у дьячка Ѳеодора Попова сынъ Иванъ (Л. 31);

— сл. Куртамышская — у священника Димитрия Земляницына сынъ Василей (Л. 149 об.); у пономаря Василья Русанова дочь Гликерия (Л. 150);

— с. Леневское — у пономаря Сѵлвестра Насонова дочь Ірина (Л. 110 об.); у диякона Івана Кыштымова сынъ Матфей (Л. 112 об.);

— крепость Миасская — у пономаря Фомы Перевалова дочь Параскева (Л. 127);

— сл. Окуневская — у неслужащаго пономаря Івана Бѣлорисцова сынъ Іванъ (Л. 50);

— с. Петропавловское — у діачка Петра Русанова сынъ Ѳедоръ (Л. 117 об.); у діачка Георгія Ильиныхъ дочь Марья (Л. 119 об.);

— сл. Таловская — умершаго діякона Маѯима Трепезникова сынъ Василей (Л. 55); у дьякона Алеѣея Протопопова дочь Алѣѯандра (Л. 56); у дьячка Василья Лыткина сынъ Стефанъ (Л. 57); у дьякона Данила Ігумнова сынъ Алѣѯандръ (Л. 58); у священника Івана Зудилова сынъ Петръ (Л. 58);

— Христорождественская церковь г. Чилябы — у священника Симеона Каидалова дочь Марія (Л. 2 об.); у диакона Ивана Протасова

сынъ Николай (Л. 7); у дьячка Ефима Трепезникова сын Николай (Л. 7);

— Троицкая церковь г. Чилябы — у пономаря Степана Пѣтухова сынъ Михаилъ (Л. 17);

— сл. Чумлятская — у дьячка Кирила Сидорова дочь Агафья (Л. 160).

Примечательна «статистика» восприемников детей священно- и церковнослужителей. В сельских церквях, г. Верхоуральске, приходах крепостей это выглядит так. Служители и их родственники: священник (3 человека), диакон (2), дьячок (2), дети священников (4), дочь дьячка (1), родная сестра (3), родной брат (1), жена диакона (2), жена дьячка (1); обыватели: мещанин (2), дочь казначея (1), вдова канцелярист-ская жена (1) крестьянин (5), крестьянская дочь (2), казачья жена (1), солдатский сын (1), вахмистр (1). В городских челябинских церквях картина уже существенно отличается. Так, в Христорождественской церкви восприемниками при крещении дочери священника Симеона Кайдалова были «г. Чилябы уезднаго казначейства порутчика Андрея Баженова жена Анна Иванова; г. Чилябы титулярный советникъ Николай Ивановъ Оловенниковъ» (Л. 2 об.); сына диакона Ивана Протасова — «отставной коллежской секретарь Филипъ Ивановъ Портнягинъ; купца Семена Андреева Боровинскова жена Елена Максимова» (Л. 7); сына дьячка Ефима Трепезникова — «Духовнаго правленія канцелярістъ Дмитрій Гилевъ; присяжнаго секретаря Сергея Цыпанкова жена Степанида Иванова» (Л. 7). Примечательно, что канцелярист Гилев и жена челябинского бургомистра Боровинского стали восприемниками при крещении сына пономаря Степана Пѣтухова (Л. 17) в Троицкой церкви. Очевидно, что социальный статус восприемников значил для городских священнослужителей больше, чем для сельских. Кроме того, налицо и тенденция челябинских «светских» властей состоять в духовном родстве с местным причтом.

О браках. Так, в метрической тетради с. Воскресенского есть запись о венчании: «Укстюйской крепости поповской сынъ Ѳилипъ Трофимовъ Тоболкинъ села Воскресенскаго вдовы Дарьи Амосовой Шестаковыхъ съ дочерью дѣвкой Марьей первымъ бракомъ» (Л. 70). Венчание происходило в селе, а не в Усть-Уйской крепости, вероятно, потому что в этой церкви служил диаконом Михай Тоболкин. В с. Петропавловском венчались «того села священника Михаила Ниѳантіева поверстанный в багадельню сынъ Василей (19), Таловской слободы с крестьянской Лазаря Мазилова дочерью дѣвкой Ѳедосьей (17), оба первымъ бракомъ» (Л. 122 об.). В с. Птичьем «венчанъ поповской сынъ Иванъ Димитриевъ Протасовъ села крестьянина Григорья Горшкова зъ дочерью его девкой Матроной обои первымъ бракомъ» (Л. 104 об.). В Таловской слободе «венчанъ Таловской слободы крестьянин Осифъ Јвановъ Голошаповъ тоя жъ слободы священника Алѣѯея Насонова съ сестрой ево дѣвкой Устиньей первымъ бракомъ» (Л. 59 об.). Как следует из этих метрических записей, дети и другие близкие родные священнослужителей вступали в браки с местными крестьянскими молодыми людьми и девушками, что подчеркивает достаточно близкие семейные узы причта со своими прихожанами.

Об умерших. В метриках Верхоуральска есть запись: «19 ноября пономарь Никиѳоръ Малетинъ, 34, исповеданъ и приобщенъ, погребенъ при церкви». Детская смертность в раннем младенчестве была не редкостью, и в семьях священнослужителей нами отмечено пять случаев погребения детей в возрасте от 4 до 12 месяцев. Особо надо подчеркнуть, что в метрических записях всегда указывалось на семейные связи прихожан с духовенством, даже в том случае, если это родство не было близким. В записях об умерших в метрической тетради Каминской слободы встречаем: «...въ слободе дьячка Гаврилы своячина Матрена, 80 лет, 23 января, в покаянии погребена при кресте». (Л. 95 об.).

Так из метрических тетрадей можно почерпнуть ту информацию о семьях священнослужителях (дети, внуки, жены, братья, сестры, племянники и другие родственники), которую больше не встретишь ни в каких других документах.

Священнослужители и их родные в качестве восприемников. Духовное родство

Метрические книги являются уникальным источником для изучения такого важнейшего понятия в церковном праве, как «духовное родство». Профессор Н. С. Суворов определяет его так: «Духовное родство возникает из восприемничества при крещении и миропомазании, — по Кормчей книге, кроме того, еще из совершенного с церковным благословением усыновления и братотворения или побратимства»[4]. В рамках же нашей статьи рассмотрим его применительно к генеалогии священнослужителей.

Практически каждый член причта выступал восприемником новорожденных детей своих прихожан. Отметим служителей, чаще всего упоминаемых в этом качестве: священники Петр Максимов (4 раза), Игнатий Капустин (5), Артемий Шмотин (4), Давыд Папулов (5), Иаким Иваницких (Иаким Иванитских) (8), Тимофей Зудилов (5), Михаил Петров (4), Иван Агафонов (8), Димитрей Протасов (5), Корнилий Балярских (5), Симеон Кайдалов (22), Василий Земляницын (16); пономари Петр Арефьев (4), Егор Бурцев (4).

Священник Христорождественской церкви г. Чилябы Симеон Кайдалов (сын протопопа Иоанна Кайдалова), отмеченный нами в документах за 1785 г. как диакон данной церкви[5], был, безусловно, примечательной личностью, и его биография заслуживает особого научного исследования. Здесь мы хотели бы отметить несколько исторических фактов, касающихся генеалогии рода Кайдаловых (Кайдановых).

Данная фамилия встречалась нам в челябинских архивных документах второй половины XVIII в. только в среде священнослужителей. На ее вариативность указал еще Н. М. Тупиков в своем знаменитом словаре: «Кайдалов, Кайданов (Мишка Кайдалов, енисейский казак 1684; Степанко Кайданов, чердынский посадский, 1639»[6]. Ее же отмечает в своем словаре пермских фамилий профессор Е. Н. Полякова: «Кайдалов (Чердынец Илюшка сын Кайдалов 1623; житель Соликамска Евсей Семенов сын Кайдалов, 1751»[7]. В справочнике Н. Ф. Демидовой указано: «Кайданов Никита, ранее 1681 подьячий Приказа

панихидных дел»[8]. При генеалогических исследованиях всегда важно очертить «географический» круг поиска документов о конкретной семье (фамилии). В нашем случае фамилия в научных справочниках и словарях фиксируется в начале XVII в. (1623, 1639) в Чердыни, и уже позже — в Соликамске и в Сибири. Упоминание Кайдановых среди дьяков и подьячих XVII в. указывает на тесные связи двух русских сословий — бюрократии и священничества[9]. Сам же челябинский священник Симеон Кайдалов только в 1786 г. связал себя духовными узами с многими местными семьями (22 записи): Пастуховыми, Васильевыми, Горбуновыми, Вешняковыми, Пятыниными, Плотниковыми, Андреевыми, Баландиными, Киселевыми, Рукавишниковыми, Сарапулцовыми, Пермяковыми, Иевлевыми, Ворониными, Чипышевыми, Михеевыми, Соколовыми, Первухиными, Подкорытовыми. Крестил младенца, отмеченного как «незаконнорожденный» (служители церкви достаточно часто выступали восприемниками таких детей).

В тех случаях, когда восприемниками становились родственники членов причта, появляется дополнительная информация об их семьях. Так, в метрических записях упоминаются: жена дьячка Афонасея Нифантиева Параскева (Л. 39); жена Фекла священника Гавріила Попова (Л. 165), поповская дочь Евдокія Сидорова (Л. 65), поповский сын Анемподистъ Протасовъ (Л. 66), дочь Евдокея диакона Іоанна Іконникова (Л. 140), поповская дочь Евдокия Папулова (Л. 84), жена Матрона Савина пономаря Базанова (Л. 131 об.), жена Гликерья Макарова дьякона Алексея Лыткина (Л. 149 об.), дочь Анна дьячка Ивана Русанова (Л. 148 об., 149 об., 154 об.), жена Наталья Антонова дьячка Ивана Русанова (Л. 152 об.), попова дочь дева Јрина (священника Ивана Анцыферова) (Л. 109 об.), дьячица Устинья Осипова (дьячка Василея Бирюкова) (Л. 109 об.), поповский сынъ Афанасий Анцыферовъ (Л. 110), дочь девица Марья священника Космы Бѣлорусцова (Л. 47), поповской сынъ Иванъ Протасовъ (Л. 100 об.), дьяконицкая дочь Марина Набережныхъ (Л. 102 об.), жена Агафия диакона Саввы Крюкова (Л. 76), дочь Агрипина вдовы попадьи Марии Гилевой (Л. 74 об.), жена Евдокия Сергеева священника Корнілія Балярскихъ (Л. 2 об.), дьячковская вдова Параскева Вторыхъ (Ториныхъ) (Л. 5 об., 6 об.), внучка Наталия священника Кузнецова (Л. 16 об.).

Примечательно, что дьячка Ивана Русанова нет среди служителей, поставивших свои росписи в метрических тетрадях (такое нередко случалось в церковном делопроизводстве), и лишь упоминание родных указывает на факт его присутствия в составе причта своей приходской церкви.

Почерк и ведение приходской книги, «языковая личность» писца

Данная метрическая книга является консисторским экземпляром, то есть списком с приходского[10]. Консисторский экземпляр именовался в церковном делопроизводстве «беловой метрической книгой», и подробное его описание дано в научной статье архивистов Антоновых «Метрические книги: время собирать камни». Приведем точное определение понятия «консисторский экземпляр метрической книги»: «Экземпляр для консистории начинал формироваться приходским свя-

щенником, заполнявшим метрическую тетрадь (список трех частей приходского экземпляра за истекший год). В первых числах января она подавалась через духовное правление в консисторию, где тетради приходов города и уезда брошюровались погодно в один фолиант, который и получил название консисторского»[11].

Надо отметить, что, несмотря на достаточно строгий формуляр метрической книги, приходские священнослужители вносили определенные «персональные черты» в церковное делопроизводство. Это относится большей частью к приходским экземплярам, где записи велись непосредственно священником, диаконом или причетником сразу после совершения таинств. Консисторский экземпляр часто формировался несколькими писцами (членами причта); он мог отражать особенности языка как переписчиков, так и «авторов» начального варианта. Это обязательно надо учитывать, чтобы не приписывать те или иные «языковые» особенности книги конечному переписчику. Важнейшим результатом такого «многоголосия» метрик было варьирование имен и фамилий как самих членов причта, так и прихожан.

Здесь же мы укажем на тех служителей, кто делал записи в метрической тетради своей приходской церкви, а также отметим коротко наиболее яркие черты «языковой личности» того или иного писца. Хотим сразу предупредить, что наши выводы об «авторстве» письменного текста метрик основываются исключительно на росписях (крайне небольшом материале), так что на абсолютную точность в данном случае претендовать сложно. В том случае, когда отмечены «особенности» ведения тетради, речь идет обо всех членах причта, участвовавших в составлении как приходского, так и консисторского экземпляров.

Село Белоярское — священник Михаил Кочнев, дьячок Павел Кочнев.

Село Введенское — священник Петр Максимов (характерные начертания «ъ», «р» «ѯ»); пономарь Иосиф Комаров («у», «р», «ф»), дьячок Афанасий Нифантиев.

Город Верхоурал(ь)ск — вели два писца, в том числе священник Попов.

Село Воскресенское — священник Игнатий Капустин. Идеальный каллиграфический почерк, очень разнообразные начертания (буква «д» в одной записи имеет три разных начертания).

Село Долговское — дьячок Федор Иконников, каллиграфический почерк, с разнообразием начертаний.

Слобода Каминская — диакон Евдоким Комаров, каллиграфический почерк. Особенности: 1) активное использование выносных букв; 2) варьирование имен (Семионъ — Семенъ, Федоръ — Ѳедоръ) и фамилий (Нагаевъ — Нагиевъ, Баншиковъ — Банщиковъ); 3) редкие имена, разговорные формы имен: Диянъ (разговорная форма от славянского Деянъ и церковного Дий), Фокъ (церк. Фока), Порфилъ (разг. от Порфирий), Авдокия (разг. от Евдокия), Харитона (древнецерковное), Нифанъ (разг. от Нифонтъ), Ведениктъ (разг. от Венедиктъ)[12].

Карачельский форпост — несколько писцов; из-за затухающего текста на листе росписей определить сложно.

Село Кислянское — дьячок Феодор Зудилов. Каллиграфический почерк. Особенности: 1) впервые появляется запись, где есть отчество

у девицы: «Д. Золиной крестьянинъ Александръ Ершевъ (26) д. Маятской у крестьянина Якова Кувалдина дочь девица Ефимію Яковлеву (23)»; 2) несколько вариантов названия деревень (Карасьи, Карасьей, Карасией, Караси; Ретудская и Ретуди).

Слобода Куртамышская — священники Димитрий Земляницын и Михаил Петров.

Село Леневское — диакон Иван Кыштымов. Скоропись.

Крепость Миасская — пономарь Фома Перевалов. Скоропись.

Окуневская слобода — священник Стефан Иванов сын Набережнин, священник Косма Михаилов Белорусцов. Скоропись. Наиболее архаичный почерк в книге: знак «исо» (придыхание с оксией): ΄Артемѣя, ΄Анна, ΄Антон; ѢА: ѢАков; церковный знак препинания [:] как поясняющий, в значении запятой.

Село Петропавловское — священники Михаил Нифантиев и Иоанн Агафонов. Каллиграфия, скоропись. Элемент «аканья» как причина варьирования (Сакаловъ, Багадельцовъ).

Село Птичье — диакон Андрей Набережных. Варьирование фамилии (Санбурскихъ — Самбурскихъ).

Слобода Таловская — священник Алексей Насонов, диакон Даниил Игумнов. Скоропись. Особенности: 1) варьирование (Самороковъ — Сомороковъ, Благинъ — Благининъ); 2) «озвончение» глухих (Гороговая вместо Гороховая; «вдорым» вместо «вторым»).

Крепость Троицкая — дьячок Иван Милицын. Особенности: 1) использует «ерок» (Сав”ва); 2) «оглушает» звонкие согласные: Хрептовъ (Хребтовъ), Рупцовъ (Рубцовъ), Бороткинъ (Бородкинъ); 3) активно использует выносные буквы.

Христорождественская церковь г. Чилябы — дьячок Ефим Трапезников, священник Симеон Кайдалов. Особенности: жители деревень Долгой, Киселевой, Медианской крестят детей здесь, хотя эти селения относились к приходу Троицкой церкви г. Челябинска[13].

Троицкая церковь г. Чилябы — диакон Алексий Протопопов (до Л. 16), священник Василий Земляницын, дьячок Иван Земляницын. Так, диакон Протопопов смешивает «м» и «н», отсюда варианты одной и той же фамилии — Уржумцовъ и Уржунцовъ. Священник Василий Земляницын — Поликовъ и Поляковъ.

Чумлятская слобода — пономарь Еким Перескоков.

Комментируя особенности ведения священнослужителями метрических тетрадей, хотелось бы выделить следующий важный момент. Консисторский экземпляр являлся документом, обладавшим полной юридической силой (об этом подробно в работе Антоновых[14]), и дьячок или священник, достаточно свободно варьировавшие имена и фамилии своих прихожан, время от времени «давали жизнь» новым фамилиям, особенно в тех случаях, когда это касалось новопоселенцев. Двигаясь дальше, казаки и крестьяне часто становились основателями новых деревень и починков, получавших названия по фамилиям глав семейств. Таким образом, именно служители церкви в метрических книгах буквально своими руками создавали тот русский антропонимикон, который мы имеем на сегодняшний день.

В заключение сделаем несколько важных выводов. Исключительная информативность региональных метрических книг дает возможность —

при изучении родословных священнослужителей — документально засвидетельствовать глубинные связи Русской православной церкви и народов России. Этнический состав южноуральского крестьянства, пришедшего в массе своей с Русского Севера (Новгород — Пермь Великая — Соликамск — Верхотурье), достаточно разнообразен. Вступая в браки с крестьянскими девушками, «приписываясь» к мещанскому сословию, крестя младенцев в казачьих и купеческих семьях, дети и внуки священнослужителей Челябинской округи выполняли, по сути дела, историческую миссию — несли свет христианства на границу Европы и Азии. И самое главное — служители Церкви, неразрывно связанные семейными и духовными узами с другими сословиями, составили неотъемлемую часть русского народа.

Примечания

[1] Полный церковно-славянский словарь : [репр.] / сост. прот. Г. Дьяченко. М., 2000. С. 551.

[2] *Воронкова Е. Н.* Источники по генеалогии уральских православных священнослужителей // Православие на Урале: связь времен : материалы IX науч.-практ. конф. УЦИО. Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2020. С. 3–13.

[3] ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 31. Л. 708–716.

[4] *Суворов Н. С.* Учебник церковного права : [репр.] / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 328.

[5] ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 91 об.

[6] *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусскихъ личныхъ собственныхъ именъ. СПб., 1903. С. 563.

[7] *Полякова Е. Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С. 153.

[8] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700) : биограф. справ. / отв. сост. Г. А. Иванова. М., 2011. С. 246.

[9] *Воронкова Е. Н.* Указ. соч. С. 10–11.

[10] *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги: время собирать камни // Отечеств. архивы. 1996. № 4. С. 21 ; № 5. С. 30–31.

[11] Там же. № 4. С. 31.

[12] *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М., 2005. С. 165, 333, 277, 380, 447, 254, 141.

[13] *Сухина Е. Н. [Воронкова].* Приходы православных церквей Челябинской округи второй половины XVIII века (из опыта создания научно-справочного аппарата к историческому фонду И-33 «Челябинское духовное правление») // Архивы России на службе общества и государства : материалы науч.-практ. конф., посвященной 90-летию создания архивной службы России». Челябинск, 2008. С. 110.

[14] *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Указ. соч. № 5. С. 32–33.

А. И. Гутков

Происхождение и формирование дореволюционных южноуральских фамилий (первоначальный опыт составления словаря местных фамилий)

Проблема происхождения фамилий в контексте генеалогических поисков занимает особое место. Ведь вместе со знанием истоков своего родового имени (фамилии) открываются и глубины семейных корней. Поэтому в статье затрагиваются такие вопросы формирования фамилий, которые дают нам картину хода и особенностей преобразования изначального имени предка. Несомненное благо для тех поисковиков, у которых в наличии простые и понятные фамилии: Иванов, Петров, Баранов и т. д. Но в то же время мы имеем массу фамилий, которые были подвергнуты значительным преобразованиям местными диалектами и «грамотностью» отдельных писарей (канцелярских служащих и церковных псаломщиков). А если эти изменения многократные, то мы вообще теряем первоначальную основу фамилии. Это то же самое, как и в лихо закрученном сюжете киношного сериала.

Происхождение и видоизменение фамилий в современных условиях является острой насущной темой еще в том плане, что зачастую сведения по данной проблеме в сети Интернет имеют явно искаженный характер. Насколько, например, нелепой является попытка вывести происхождение фамилии «Хомутовы» из английской формы «Гамильтон». И ведь находятся люди, которые верят этому! Натянутым досужим домыслам надо дать обоснованную историческую оценку. Когда в Восточной Европе появились первые Хомутовы, тогда вообще не могло быть никакой речи об английских Гамильтонах. Это касается вопроса о происхождении русских — руссов — славян — ариев-асов и позднего этноса англичан — бриттов-саксов. Тем более русский этнос отличался изначальной однородностью, а англичане формировались на основе смешанного конгломерата племен. Поневоле обращаешь внимание на такие явные несуразицы, когда в современном словаре личных имен узнаешь, что чисто русскими объявляются уже имена христианской религиозной традиции[1].

I. Опыт работы с тысячами фамилий (главным образом Челябинского, Троицкого, Верхнеуральского уездов Оренбургской губернии и Шадринского уезда Пермской губернии, отчасти Оренбургского и Уфимского уездов, единично — Белебеевского и Бирского уездов) помогает наметить некоторые закономерности образования и классификации фамилий. В среднем примерно на один уезд приходятся тысяча-полторы разных фамилий. В перечне есть фамилии казаков, солдат и преимущественно государственных крестьян. Общий перечень составляют списки по каждому из указанных социальных слоев населения. Естественным образом многие фамилии «кочуют» из одного социального слоя в другой: отдельные крестьяне становятся солдатами, основная масса солдат в 1840-е гг. была поверстана в казаки.

Первоначальные наблюдения показывают, что есть фамилии более раннего и более позднего происхождения. К числу относительно

ранних следует отнести фамилии, образованные от неканонических, нехристианских имен. Подобные имена имели широкое (фактически массовое) употребление вплоть до середины XVII в., то есть до так называемой никонианской религиозной реформы, когда утверждались исключительно христианские имена и религиозная обрядность. Мы знаем, что христианские библейские имена изначально бытовали в древнесемитской и древнегреческой этнической среде. Таким образом, официальным путем насаждалась чуждая русскому народу традиция. Тем не менее из неканонических имен русичей впоследствии возникли неформальные фамилии.

В свое время автору приходилось исследовать материалы «Писцовых книг Обонежской пятины» 1496 и 1563 гг. (издание АН СССР 1930 г.). В этих писцовых книгах одного из районов распространения по северу восточно-европейской части Руси новгородских крестьян приводятся хозяйственно-административные записи с указанием имен землевладельцев. Конечно, у крестьян преобладают христианские имена, однако здесь также присутствуют имена народной традиции.

Для показательного примера вначале приведем небольшой перечень имен народной традиции, поскольку здесь прослеживаются явные параллели с южноуральскими фамилиями. В порядке последовательности записей отметим такие имена, как Палка Локоть, Перша Пянтин, Волоско Данилов, Некраско, Овсянко Рядовитин, Чудин Русанов, Невзорко Васильев, Коптяйка Иванов, Немирко Федоров, Ширяйко Яковлев, Лобанко Дмитриев, Юшко Коптяев, Истомка Иванов, Новичко Титов, Нечайка Онтипин, Житко, Сушко Дмитриев, Бурак Васильев, Самук Берхин, Поздейко Михайлов, Одинец Григорьев, Меншик Конанов, Кубаско Лутьянов, Худячко Микифоров, Карей да Вешняк Ефимовы, Чюрак Андреев, Бурко Семин, Прока Пянтин да братанич (племянник) его Третьячко, Рагозка Григорьев, Первыша Иванов Зеленик, Гридка Павлов да брат его Чюбар, дьяк Посничко, подьячий Ляпун Добрынин. Кроме этого упоминаются фамилии Шалимов, Косиков, Шангин, Бахорев.

Следует добавить записи крестьян с указанием кличек, которые впоследствии переходят в фамилии потомков: Костка Щетков, Иванко Максимов Щербина, Иванко Пирог, Максимко Андомец, Дениска Шепелов (шепелявый), Якуш Пономарев, Ивашко Крюк, Федко да Микитка Кузнецовы, Ивашко Голосов, Ивашко Зарубежник, Васюк Кусочек, Михалко Грязной, Иванко Белоус, Минка Петров Курбатко, Васюк Лутьянов Кошелев, Нечайко Олексеев Зеленик, Третьячко Васильев Котельников, Ивашка Шмак, Иванко Болото, Негодяйко Иванов Зеленик, Третьячко Федоров Куликов, Михалка Семенов Каша, Фомка Гудин, Федка Щетина.

Здесь указаны имена, чьи потомки живут и поныне. У них, естественно, возникает потребность разобраться в своих корнях: откуда, от какого имени или клички пошли их родовые фамилии. Осознание глубинных взаимосвязей дает нечто большее, чем простое знакомство с происхождением предков. Это напрямую укрепляет дух народа, его единство с одной из древнейших традиций.

Эти старинные традиции мы или не знаем или лишь поверхностно ощущаем их суть. К примеру, нам важно знать, почему отдельные

старинные имена имеют некоторые, казалось бы, отрицательные черты. Невольно напрашивается вопрос: а почему кого-то из наших предков называли Негодяйко, Злобка, Некрас, Безсонко, Постник, Незван, Неждан, Молчун, Плакса, Ненаш, Нехорош, Неустрой, Волк, Медведь и т. д.? В этом отношении хорошо и понятно сказано в книге Александры Баженовой «Славян родные имена»[2], где ею были собраны исторические имена славян и русов за два тысячелетия (всего около 20 тыс. слов!). Баженова объясняет, что родившимся детям давали «временные» имена для отвращения от сглаза или иной порчи. Наряду с такими именами для внешнего мира детей нарекали своим, особым именем для домашних, и именно оно было настоящим. Порой временные имена оставались на всю жизнь. Они потом становились фамилиями потомков носителей этих неблагозвучных имен. Верно подмечено Баженовой, что имена имеют сокровенный смысл, определяющий в дальнейшем судьбу их владельцев. В народе говорят: «Как назовешь корабль, так он и поплывет»! Разве случайно представители христианской религии на Руси насаждали местному населению имена из «мертвых» и искусственных языков: древнееврейского, древнегреческого и латинского?! Эти имена разных пророков-мучеников и сейчас сплошь и рядом вокруг нас. Назови ребенка именем такого вот «мученика», и будет человек всю жизнь повторять судьбу «пророка» и мучиться.

А какими выразительными и прекрасными именами, наполненными глубоким смыслом, владели славяне-русичи до христианизации Руси! Исконно русскими были изначальные имена: Ратибор, Святослав, Ярополк, Годимир, Дарослав, Драгомир, Крепимир, Светозар, Милослав, Людмила, Светлена, Заряна, Доброслава и многие другие. До настоящего времени сохранились лишь некоторые: Богдан, Владимир, Вячеслав (Вечеслав — от «вече»).

Если мы обратимся к началу XVIII в., то наиболее полными для нашей местности будут материалы по Шадринскому уезду (ранее находившемуся в Тобольском уезде). Мы обращаемся к этому уезду для ознакомления с более ранними формами фамилий. Заметим, что к середине XVIII в. основная масса крестьян, записавшихся в Исетское казачье войско (казаки Челябинской, Миасской, Еткульской и Чебаркульской крепостей), происходила из государственных крестьян Шадринского уезда Пермской губернии. К указанному времени неканонические имена крестьян почти совсем исчезли. Приведем лишь единичные примеры: Любимко Костылев, Картушка Оконишников, Ермак Анфилов, Мамант Иванов сын Ярославцов. Эти и другие неофициальные имена перешли в фамилии. Правда, еще сохранялись в качестве фамилий некоторые прозвища. Так, по писцовым книгам дьяка Льва Поскочина этого уезда (1710) нам известны: Петр Семенов сын Солома, Иван Дмитриев сын Черепан, Матвей Степанов сын Соска, Лука Прокопьев сын Волк, Григорий Ильин сын Малета, Василий Иванов сын Свищ, Борис Мартемьянов сын Гудошник, Иван Яковлев сын Матерой, Иван Артемьев сын Пакля, Иван Михайлов сын Ваган, Иван Андреев сын Шитик, Давид Иванов сын Охряста, Иван Иванов сын Седачь, Иван Лутьянов сын Кошка, Гавриил Иванов сын Кокора, Иван Ильин сын Гореван, Михайло Яковлев сын Шипуля, Дмитрий

Дементьев сын Ребро, Иван Ларионов сын Кубышка, Еким Тимофеев Пылайко, Григорий Иванов сын Щепогрыз и др. Кроме того, отмечены сыновья Черного, Статного, Страшного, Глухова, Долгого, Глаткого. Наряду с христианскими именем и отчеством часто упоминаются в качестве фамилии те местности, откуда они прибыли: Вологженин (с Вологды), Устюженин, Казанец, Колмогорец (из Холмогор), Уфимец, Мезенец, Галичанин, Усолец (последние оба из Соли Галичской), Пинежанин (с Пинеги), Нижегородец, Сарапулец, Каргаполец, Тотьмянин, Костромитин, Самарин, Алабуженин, Чердынец и даже Заонежин (из района озера Онега).

Упомянутые клички-фамилии указывают нам на то, откуда люди прибыли в данную местность — в основном с севера восточноевропейской части Руси. Это были потомки новгородских крестьян, распространившихся вплоть до Урала, а затем перекочевавших за Урал на земли Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Потом часть из них опустилась южнее — в Шадринский уезд, а уж впоследствии оказалась в восточной части Челябинского уезда. Для этой более или менее однородной массы пашенных (государственных) крестьян были характерны общие механизмы образования и закрепления фамилий. Так, уже стало признанным явлением наличие в среде зауральских крестьян фамилий с окончанием на *-их*: Тимофеевских, Макаровских, Ярафиевских (Ярушинских), Тонких, Коротких, Благих, Глухих, Седых и т. д. Следует подчеркнуть, что наряду с приведенными выше неканоническими именами на Урале бытовали и другие имена, потомки их обладателей и поныне носят произошедшие от них фамилии: Воинко, Добрыня, Дружина, Ждан, Замятня, Завьялко, Коптяй, Ляпун, Невер, Нехорошко, Неудача, Пьянко, Таскайко, Томилко, Розепка, Суботка, Ушачко, Чудинка, Шадра, Шулеп.

В качестве любопытного факта отметим отголоски старинной традиции давать неканонические имена в Челябинской станице еще в первой половине XIX в. По ревизской сказке 1816 г. нам известно, что в семье челябинского казака Егора Чибина внук был крещен под именем Боголеп. Сын Боголепа, Василий Боголепов Чибин, завершил свой жизненный путь в 1894 г. в возрасте 59 лет в казачьем пос. Есаульском под Челябинском.

По ревизской сказке 1834 г., в церкви той же самой Челябинской станицы был крещен под неканоническим именем Разумник сын служащего казака Андрея Григорьева Смолина. Потомки этого Разумника в конце XIX — начале XX в. жили в пос. Мысы Кременкульской станицы под Челябинском.

Имена Боголеп и Разумник в данном случае являются попытками священников давать неканонические имена в духе христианской традиции почитания Бога и божественных качеств.

II. В качестве объекта исследования в следующую группу включены фамилии, в основе которых лежат христианские имена. На первый взгляд может показаться: а что тут такого непонятного может быть среди христианских фамилий Иванов, Петров, Сидоров, Михайлов и пр.? При более пристальном рассмотрении мы можем оказаться перед значительной проблемой. Ведь не каждый из нас знает все канонические христианские имена, особенно в их первоначальном варианте.

Сравните две фамилии — Симанов и Семенов. Они разные, хотя производная основа у обеих одна и та же — имя Симеон. Имя Семен уже преобразовано народным восприятием.

Имеется еще одно затруднение: в ходе повседневного употребления и особенно при перемещении людей из одной местности (региона) в другую фамилии под воздействием местной традиции могут принимать такие формы, в которых мало что остается от первоосновы. Приведем ряд характерных примеров:

Анкудин — Анкудинов — Кудинов — Киндинов;

Анофрий — Аноша — Аношкин — Анашкин — Анохин — Нохрин;

Варфоломей — Вахрамей — Вахромеев — Вахрин — Вахрушев — Вахин — Вахнин — Вахлов;

Варфоломей — Вахрамей — Вахромеев — Ахрамеев — Охряпин — Ахрямкин;

Евстафий — Астафий — Астахов — Астанин;

Евстифей — Естифеев — Евтеев (Ефтеев);

Евстифей — Евставьев — Оставьев (Остафьев) — Стафеев;

Евстифей — Евтихей — Евтихов;

Иов — Иев — Иевлей — Иевлев — Ивин — Ивакин — Иванин — Ивашкин — Ивошин — Ивонин — Ивойлов;

Кондратий — Кондратьев — Кондрин — Кондряков;

Константинов — Костин — Костицин — Костев — Костеев — Костенкин — Костиков — Костарев — Костыгин — Костюгин;

Константин — Котя — Котин — Котов — Котышев;

Мартемьянов — Мартьянов — Мартынов — Мартюшев — Мартышев;

Моисеев — Мосев — Мосеев — Мосин — Мосягин;

Никанор — Никаноров — Норов — Норкин;

Патрикей — Патраков — Батраков (Ногуши, 1811);

Сысой — Сысолятин — Солятин — Салятин;

Сысой — Сысин — Сысков;

Сысой — Сусой — Сусев;

Сысой — Сысуев;

Трофим — Трофимов — Труша — Трушин — Трушников — Трухин;

Трофим — Троша — Трошин;

Феофилакт — Феофилов — Филатов;

Федор — Федоров — Федин — Феденев — Федяев — Федяшев;

Феодора — Федорин — Федоринин;

Вряд ли приведенные примеры изменения форм фамилий, произошедших от христианских имен, имели такую уж строгую предопределенность. Некоторые вытекающие новые формы фамилий можно ставить под сомнение, однако они дают направление или толчок для начала поисков первоначальной формы. Автор подчеркивает, что сам опыт прослеживания эволюции фамилий в современной генеалогической литературе практически не освещается. По крайней мере, в таком массовом и организованном порядке, как составление словаря трудноопределимых по смыслу и происхождению фамилий с указанием последовательных форм развития каждой из них. Это особенно касается варианта фамилий, происходящих от христианских имен.

Можно даже предположить, почему возникали разные виды фамилий от одного и того же христианского имени. Наиболее характерный пример фамилий — с пересогласовкой той или ной буквы в имени. Так зачастую происходило с именем Инфантий. Естественно предположить, что фамилия будет Инфантьев. Да, есть такая фамилия! Правда, она чаще встречается именно в среде священников, требующих по службе строгости и точности исполнения религиозных предписаний. Данная фамилия встречается среди служителей религиозного культа в Челябинске и округе. А вот народная традиция преобразовала имя Инфантий на свой, образный лад: у простых людей оно приняло форму Нифантий или попросту Нифонт. Отсюда и фамилия, распространенная в Челябинской округе и далее — Нифонтовы. А если посмотреть другие имена — народные «перевертыши»?! Авраам — Абрам, Георгий — Егор, Дементий — Дема, Дмитрий — Митрий, Иоанн — Иван, Иосиф — Осип, Елфим — Ефим, Поликарп — Карп, Клементий — Клим, Николай — Коля, Никула (Никулин). Этот список можно продолжать. В любом случае нам приходится отметить эту особенность народного имявосприятия и объяснить ее желанием простых людей перевести чуждый именослов на свой разговорный лад.

III. В заключительную группу исследуемых имен включены все те, которые не вошли в описанные выше группы (I и II). Часть имен из этой группы поддается классификации, часть остается необозначенной.

Некоторые фамилии происходят от старинных имен народностей царской России. К ним следует отнести вотяков (ныне удмурты): Вотяковы, Вотиновы; черемисов (ныне марийцы): Черемисиновы; зырян (ныне коми-пермяки): Зыряновы; мордву (ныне также мордва): Мордвиновы, Мордвинцовы. Однако есть и отдельные ветви мордвы — эрзя (Эрзянин, Ерзянин) и мокша (Макшаковы, Мокшанцевы). Далее вообще следуют их этнографические группы: в среде эрзя — тарахаи и шокша (Шукшины), в среде мокша — каратаи (Каратаевы); у суваз или сувар, иногда булгар (ныне чуваши) — Чувашевы, Чуваковы, Болгурцевы; у башкир (Башкировы, Башкирцевы); у татар — Татаркины, Татаринцевы, Мишарины; у каракалпаков — Колпаковы (правда, есть и русские Колпаковы); у калмыков — Калмаковы (потомки смешения калмыков и русских).

Отдельно представлена группа фамилий, происходящих от топонимов и гидронимов. Просто узнать фамилии, вытекающие из известных и крупных местностей или городов. Такими могут быть Астраханцевы, Алабуженины, Белгородцевы, Вологжанины, Устюженины, Нижегородовы, Колмогоровы и Колмогорцевы (от Холмогор) и пр. Однако встречаются и более мелкие места, реки и озера. Таковы фамилии Каргаполовы и Каргапольцевы, Кайгородовы, Тотьмянины, Белозеровы, Пустозеровы и т. д.

Представляет интерес и группа фамилий, происходящих от окончаний первоначального образца. Приведем ряд примеров: Лямины от Голяминых, Шиловы от Ворошиловых, Бурдины от Раздобурдиных. Далее на первое место поставим исходную основу, а на второе — новую оставшуюся форму: Глаголев — Голев, Кривошлыков — Шлыков, Кулебякин — Бякин, Ширыбакин — Бакин, Подкопаев — Копаев,

Тарабукин — Букин. А теперь просто предложим читателю самому определить первооснову фамилий: Гобов, Гизин, Гарин, Геков, Дуклов, Дрокин, Креков, Лавин, Лопин, Миров, Назин, Пекин, Прыкин, Рбеев, Туев, Чалов, Шеин. И это только часть фамилий из этой группы.

Следует учитывать и то обстоятельство, что первоначальной основой могут быть несколько фамилий. Как, например, в фамилии Алимов. Данная фамилия могла происходить и от Шалимовых, и от Налимовых. Не исключен вариант и от Алымовых, где могла быть пересогласовка одной буквы. Последний вариант вполне вероятен, поскольку в народе всегда стремились к более удобному произношению непривычных фамилий, имен и слов.

Следующей группой являются фамилии, отличающиеся лишь перестановкой одной буквы. А смысл и происхождение настолько меняются, что уже трудно определить исходную основу. Это понятным становится на следующих примерах: Жарков — Шарков, Ожегов — Ужегов, Оплетаев — Полетаев, Шамшурин — Шашмурин, Швецов — Шевцов.

Остается еще значительное число фамилий, первоначальной основой которых были разные исходные слова, обозначающие разные предметы, состояния, оттенки, обстоятельства. Для образования каждой фамилии здесь представлено лишь одно слово. Эти слова настолько индивидуальны и единичны, что перечислить их в данной статье просто невозможно. Добавим к этому, что вне словаря остается еще много неясных и пока не открытых для понимания их происхождения фамилий.

В заключение стоит описать методику поиска смысла непонятной фамилии и обнаружения ее первоначального образца.

Как правило, сталкиваясь с непонятной фамилией, исследователи начинают расширять круг поисков, беря во внимание аналогичные или подобные фамилии. Проверяется, есть ли в исследуемом поселении такие сходные фамилии. В нашей практике был такой случай. В с. Ногуши Троицкого уезда в ревизской сказке 1811 г. была обнаружена фамилия Патраков. Ею было наделено несколько семей. В этом же селении присутствовала и фамилия Батраков, достаточно редкая в наших краях. Фамилия Патраков явно происходила от христианского имени Патрикей (вспомните сказку про лису Патрикеевну) и дала затем основание для воспроизведения новой фамилии — Батраков. Если часто и постоянно употреблять фамилию Патраков (что и случалось в повседневной жизни), то неизбежно в какой-то раз она внезапно перейдет в новую форму — Батраков.

В Еткульской станице казаки Широбакины проживали наряду с казаками Бакиными. Как правило, такие «совпадения» редки, однако тем самым они усиливают подтверждение родства.

Если истоки фамилии в поселении не обнаружены, то следует «удревнить» поиски и обратиться к более ранним ревизским сказкам. Для нашего региона полезно будет обратиться к фамилиям, запечатленным в писцовых книгах XVII в. и ревизских сказках начала XVIII в. Здесь исследователь наверняка найдет еще не устоявшиеся образцы фамилий, что может натолкнуть в дальнейшем на признаки ее видо-

изменения до исследуемой формы. Самые трудные для определения образцы фамилий можно поискать в этнографических словарях диалектов отдельных местностей. Что-нибудь толковое там всегда можно извлечь. Есть небольшие словари местных диалектов и определения фамилий конкретного региона на сайтах генеалогов-любителей (например, «Зауральская генеалогия»).

Любые поиски ведут нас к расширению и постижению нашего родства, нашего единства.

Примечания

[1] См. раздел «Русские имена» в: Словарь личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской. М., 1979.

[2] *Баженова А.* Славян родные имена : слов. ист. родокорен. имен и прозваний славян и русов за два тысячелетия. М. : Ладога-100, 2006.

Л. М. Завьялова

О развитии родословия в Югре: краткий экскурс

Часто ли вы задаете себе вопросы: «Кто мы и откуда?», «Кто наши предки?» и «Чем они занимались?» Именно эти вопросы привели меня в Тюменское родословное общество, руководителем которого была доцент кафедры культурологии Нефтегазового университета профессор Антонина Ивановна Баикина. После свыше десяти лет пребывания в членах этого общества меня, уже как сотрудника Государственного архива Югры, однажды посетила мысль: а почему бы и в округе не организовать живое общение людей — генеалогов, краеведов, опытных и начинающих, и просто жителей, которые интересуются историей своей семьи? Другим мотивом, побудившим организовать родословные чтения, послужил стабильный рост числа обращений генеалогического характера в Государственный архив Югры. Так, по сравнению с 2006 г. посещение читального зала в 2019 г. исследователями для воссоздания истории своей семьи увеличилось в 48 раз (29 % от общего числа посещений читального зала), а количество исследователей — в 17 раз (15 % от общего числа пользователей читальным залом). Сам факт проснувшегося интереса современного общества к генеалогической культуре, к родословной — это естественное желание личности соотнести пройденный жизненный путь и жизненные планы на будущее.

«Генеалогия» — слово греческое, переводится на русский язык как «родословная», «слово о семье». Феномен ее состоит в том, что в контакт с ней вступают более 60 специальных наук. Говоря словами А. И. Баикиной, автора брошюры «Этюды о генеалогии» (2016), «многодетная мама История и предположить не могла, что ее средневековая дочка Генеалогия станет столь общительной и коммуникабельной, что она закажет своей родительнице много-много сестричек — вспомогательных гуманитарных наук». Кстати, все науки — женского рода: этнография, геральдика, фалеристика и т. д. Богатое вспомогательное информационное поле генеалогии позволило встать ей, как науке, в центре человековедения. Именно поэтому современные исследователи

склонны рассматривать генеалогию на пути ее превращения в фундаментальную науку.

Надо отметить, что в Государственном архиве Югры создана хорошая информационная база для генеалогических исследований: на хранении находятся метрические книги второй половины XIX — начала XX в., а воспользовавшись автоматизированной информационной системой «Электронный архив Югры», любой пользователь Интернета может ознакомиться с электронными образами метрических книг начиная с 1730 г., приобретенных Службой по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в Тобольском государственном архиве в рамках ведомственной целевой программы «Документальное наследие Югры».

Помимо этого Службой по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры подготовлен и запущен в эксплуатацию региональный информационный ресурс — генеалогический портал «Связь поколений Югры», об удобстве пользования которым говорят многие обращающиеся к данному порталу.

Таким образом, все вместе взятое — инициатива сотрудников, интерес жителей Югры, хорошая информационная база Государственного архива Югры для генеалогических исследований и, главное, поддержка Службы по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — пало на благодатную почву, и 17 ноября 2016 г. впервые состоялись окружные родословные чтения «Память будущих поколений». И надо признать тот факт, что окружные родословные чтения стали первой ласточкой в кругу государственных архивов Уральского федерального округа. Согласно резолюции, принятой участниками первых окружных родословных чтений, было решено проводить такие чтения раз в два года.

Нынешние обстоятельства, в частности пандемия коронавируса, не позволили провести Третьи окружные родословные чтения в формате живого общения. Но и двухдневное общение в режиме видеоконференции выявило, насколько расширился круг заинтересованных в воссоздании истории своей семьи. В адрес участников родословных чтений прозвучали приветственные слова от заместителя губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры В. С. Кольцова, руководителя Службы по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Ю. В. Дружининой, заместителя председателя Архивного комитета Санкт-Петербурга И. О. Гарькуши, заслуженного работника культуры РФ Э. П. Сургутсковой, архивного волонтера Е. Дейковой.

Впервые на родословных чтениях состоялся методический семинар, проведенный специалистами из Дома родословия (Санкт-Петербург). В рамках данного семинара, прошедшего в первый день чтений, Ю. Ф. Мироновым (директор автономной некоммерческой организации «Дом родословия», автор метода ведения родословной, лидер движения за формирование в семьях России культуры родословия, отец десяти детей, дед 21 внука и прадед одной правнучки) в докладе с аналогичным названием был озвучен простой и изящный метод ведения родословной семьи. Семь простых шагов к созданию родословной предложила сделать Е. В. Черных, член Русского генеалогического

общества, ведущий консультант Российского дома родословия, обладательница международной премии «Выдающаяся женщина» (2018). На особенностях поколений, методике родовых закономерностей заострила внимание слушателей Е. Ю. Шабанова, руководитель Российской общественной организации «Центр возрождения “Счастливая семья”», главный редактор журнала «Экология семьи», дипломант премии «Женщина года — 2017». Опытом генеалогических исследований в государственных архивах России поделились наши коллеги из Челябинска, Удмуртии, Татарстана, Екатеринбурга.

Выступления, заслушанные на второй день чтений, были не менее интересными и содержательными, тем более что все они касались в основном родословия Югры. Было прослушано 26 докладов в рамках двух секций, посвященных 75-летию победы в Великой Отечественной войне и 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Всего же на участие в Третьих окружных родословных чтениях «Память будущих поколений» поступило 47 заявок, треть выступающих составляли учащиеся общеобразовательных учреждений, что особенно порадовало организаторов чтений. Расширилась география участников: если в двух предыдущих родословных чтениях были гости из Ханты-Мансийска, Излучинска, Березово, Тюмени, Горноправдинска, то в 2020 г. к ним присоединились представители муниципальных образований округа: Нижневартовска, Урая, Федоровского, Сургута, Нягани, Нефтеюганска и пос. Салыма, с. Казыма Березовского района и сельских поселений Луговского и Селиярово Ханты-Мансийского района. Количество слушателей Третьих окружных родословных чтений в режиме онлайн достигло 250 человек (для сравнения: в Первых родословных чтениях участвовали 60 человек).

Сегодня с уверенностью можно сказать, что направленные на сохранение семейных ценностей окружные родословные чтения одновременно пробуждают интерес участников к своим корням и дают стимул к воссозданию истории семьи.

Прямым продолжением проекта — окружных родословных чтений «Память будущих поколений» — является деятельность клуба «Моя родословная», функционирующего на базе Государственного архива Югры, цель которого — формирование культуры семейно-родовой памяти у жителей Ханты-Мансийска, в числе которых есть и архивные волонтеры. В 2019 г. заседания проходили раз в месяц с учетом индивидуальных консультаций по созданию родословного древа и работе с источниками генеалогического характера. Деятельность клуба «Моя родословная» в 2019 г. проходила благодаря финансовой поддержке, полученной в результате участия Государственного архива Югры в грантовом конкурсе социальных инициатив по программе социальных инвестиций «Родные города» компании «Газпром нефть». В результате деятельности клуба в 2019 г. его заседания посетило около 150 человек, получивших как теоретические знания, так и практические навыки по выявлению генеалогической информации. В 2020 г. занятия клуба организованы в формате только индивидуальных консультаций, которые проходят каждую третью субботу месяца на базе Государственного архива Югры.

Как показала практика, среди югорчан есть опытные генеалоги, стремящиеся постичь историю своего рода, стихию характера

предков, страданий наших предшественников и достигшие уже высоких результатов. В связи с этим на Третьих окружных родословных чтениях было предложено поддержать инициативу Службы по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры об учреждении официального знака отличия за плодотворную поисковую работу в области генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин на уровне Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В круг награждаемых могут входить не только генеалоги, но и геральдисты, фалеристы, архивисты, музейные работники, историки, исследователи, отличившиеся и внесшие весомый вклад в дело возрождения, развития и популяризации специальных исторических наук. Знаком отличия можно также награждать за благотворительность, гуманизм, и приумножение духовных ценностей Югорского края.

Человек нуждается в собственной истории, в следах своей, пусть не очень примечательной, биографии. Это нужно прежде всего ему самому, а потом и детям его, внукам. К сожалению, не всякий и не всегда вовремя осознает это.

Ф. Г. Закирова

Биографические запросы и генеалоги: из опыта работы Национального архива Республики Башкортостан

Исполнение запросов органов государственной власти и управления, учреждений, организаций и предприятий, а также граждан — одно из основных направлений деятельности архива. В Национальном архиве Республики Башкортостан (далее — РБ) эта деятельность также остается под контролем Управления по делам архивов Республики Башкортостан и руководства архива и под пристальным вниманием заявителей. Это одна из форм работы с обращениями граждан РФ и РБ и регулируется соответствующими законодательными актами страны и республики.

Тематический запрос — запрос о предоставлении информации по определенной проблеме, теме, событию или факту. Разновидностью тематического запроса является биографический, по которому устанавливаются сведения, необходимые для изучения жизнедеятельности определенного лица, уточняются факты его биографии. Источниками для исполнения таких запросов, как правило, служат документы постоянного хранения, а также литература из фондов научно-справочной библиотеки Национального архива РБ. В 2005 г. в главном архивном учреждении республики одними из первых в России были составлены «Методические рекомендации по исполнению тематических запросов». Рекомендации составлены с учетом опыта, накопленного сотрудниками архива по этому вопросу, и путем анализа практической деятельности Национального архива РБ в этом направлении.

В настоящее время большая часть биографических запросов, поступающих в архив — о деятелях науки и культуры, народных просветите-

лях, священниках, а также о дальних и близких родственниках жителей республики и страны. Интерес к этим персоналиям зачастую возникает в связи с включением их в словник энциклопедий, создаваемых в настоящее время во всех национальных республиках и региональных центрах как в России, так и за рубежом, а также в связи с различными юбилейными датами. Сведения об этих деятелях содержатся в различных фондах архива, и выявление информации ведется по тем же принципам, что и при генеалогических запросах.

Фонды учреждений, содержащих необходимую информацию о дворянских родах Уфимской губернии (дворянского депутатского собрания, губернского и уездных предводителей дворянства), на хранение в архив не поступали. Копии отдельных дворянских родословных книг имеются в архивном фонде Оренбургского губернского правления (И-1). Кроме того, отдельные сведения по родословию уфимских дворян содержит книга В. А. Новикова по истории уфимского дворянства[1] 1879 г., адрес-календари и справочные книжки Уфимской губернии за 1873–1917 гг. Большой объем информации о дворянах Уфимской и Оренбургской губерний содержится в книге Г. Ф. и З. И. Гудковых «С. Т. Аксаков. Семья и окружение»[2]. Эта книга особенно актуальна в преддверии предстоящего 230-летнего юбилея известного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, уроженца столицы Республики Башкортостан.

Из монографических работ по теме составления генеалогических древ следует особо отметить книгу И. В. Галлямова и Р. Р. Кутушева «Генеалогия балакатайцев»[3]. Первая глава книги посвящена характеристике архивных источников по генеалогиям и способам построения родословных. Вторая является методическим руководством по составлению мусульманских родословий (шежере). В настоящее время «Генеалогия балакатайцев» — это многотомный труд. И работа над ним продолжается.

Кроме того, большим подспорьем для сотрудников архива при исполнении запросов является картотека супругов Г. Ф. и З. И. Гудковых — результат их многолетней работы в архивах и библиотеках страны, — приобретенная архивом при финансовой поддержке правительства республики. Картотекой можно пользоваться также для поиска информации по биографическому запросу.

По запросам о священнослужителях сведения можно почерпнуть в журналах «Уфимские епархиальные ведомости», выходивших в Уфе с 1879 по 1917 г.: сведения о назначениях, перемещениях и увольнениях всех служащих епархии, списки награжденных и учеников всех духовно-учебных заведений, биографии и некрологи по смерти многих священников, исторические описания приходов. Из архивных документов основными являются клировые ведомости, содержащие сведения о службе священников.

Информация по истории мусульманского духовенства содержится в документах архивного фонда Оренбургского магометанского духовного собрания. Наряду с метрическими книгами в фонде имеются формулярные списки муфтиев, имамов (настоятелей мечетей). Фонд содержит также сведения о назначении духовных лиц (муфтиев, имамов).

В Национальном архиве РБ имеется именной каталог, составленный по документам архивного фонда Уфимского губернского жандармского управления, содержащий сведения о лицах, состоявших под надзором полиции. Некоторые сведения для исполнения биографических запросов можно найти в систематическом каталоге архива в разделе «Персоналии».

Информация о деятелях государства, науки, культуры, искусства имеется в документах фондов личного происхождения Национального архива РБ: например, имеются фонды С. В. Волкова-Кривуши, Г. Х. Еникеева, П. Ф. Ищерикова, Ш. Х. Сюнчелей, И. И. Урядова и др. В предисловиях к фондам, как правило, содержатся биографические сведения о запрашиваемой личности.

Итак, биографические запросы являются одним из разновидностей тематических запросов, исполняемых сотрудниками государственных архивов России. Генеалогические исследования — трудоемкая работа, предполагающая долгий, кропотливый поиск как в семейных архивах, так и в государственных, муниципальных, ведомственных архивах и других источниках информации генеалогического характера (Интернет, международные организации по поиску данных биографического характера и т. д.). Государственные архивы исполняют генеалогические запросы на платной основе, согласно прейскурантам, утверждаемым органами управления архивным делом в регионе (в Башкортостане — Управление по делам архивов Республики Башкортостан).

Граждане России и других стран ближнего и дальнего зарубежья могут заниматься поиском своих родственников в архивах России лично, а также с привлечением лиц, владеющих знаниями по чтению арабографичных текстов и по русской палеографии.

Таким образом, при наличии обширной научной, краеведческой литературы и архивных фондов, содержащих достаточно полные сведения о биографиях не только известных личностей, но и тружеников в различных сферах жизни края, считаем необходимым рекомендовать придерживаться методики исследования, опробованной архивистами и историками. В итоге кропотливой работы с источниками и литературой можно составить достаточно полную и научно обоснованную биографию граждан республики, страны и зарубежья, которая может также стать одной из составляющих генеалогического древа.

Примечания

[1] *Новиков В. А.* Материалы к истории уфимского дворянства. Уфа, 1879.

[2] *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* С. Т. Аксаков. Семья и окружение : краевед. очерки. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991. 373 с.

[3] *Галлямов И. В., Кутушев Р. Р.* Генеалогия балакатайцев : в 2 кн. Кн. 1. Уфа, 2013. 408 с.

Т. В. Игнатова

Материалы по истории старообрядчества на Урале в 1960–1970-е годы в архиве московской Преображенской старообрядческой общины

Преображенское кладбище было основано в 1771 г. Ильей Алексеевичем Кавылиным (1731–1809) и с первых лет своего существования стало всероссийским центром федосеевского согласия. С конца XVIII в. московская Преображенская община староверов-федосеевцев располагается в стенах Преображенского старообрядческого монастыря, также именуемого Преображенским кладбищем и Преображенским богаделенным домом. С тех пор и до настоящего времени здесь не прерывалась духовная жизнь московской федосеевской общины.

В 2021 г. Преображенский старообрядческий монастырь отмечает 250-летний юбилей. В преддверии торжественной даты в апреле 2020 г. при московской Преображенской старообрядческой общине (далее — МПСО) начал работу научно-исследовательский отдел. В состав отдела вошли столичные исследователи, чья научная деятельность в течение многих лет была посвящена старообрядцам Преображенского богаделенного дома. Среди первоочередных задач отдела — создание музейной экспозиции, посвященной этому известнейшему духовному центру староверия[1], и систематизированного архива МПСО. В состав архива общины вошли коллекции письменных источников, фотодокументов, старообрядческих церковных календарей, изобразительных материалов, печатных изданий и периодики[2].

Из разобранных на данный момент бумаг бóльшую часть составляют документы советского периода — 1950–1980-х гг. Деятельность общины в эти годы связана с именами двух ее председателей — Максима Сергеевича Сергеева (1886–1967) и Михаила Ивановича Чуванова (1890–1988). М. С. Сергеев возглавлял общину с 1929 по 1967 гг. После его кончины председателем стал М. И. Чуванов, который занимал эту должность с 1967 по 1988 гг. Именно Чуванов внес неоценимый вклад в создание «Старообрядческого церковного календаря».

Известно, что «Старообрядческий церковный календарь» в 1954–1990 гг. выпускался несколькими соиздателями: Высшим старообрядческим советом в Литовской ССР, Рижской Гребенщиковской старообрядческой общиной, московскими Поморской и Преображенской общинами[3].

«Старообрядческий церковный календарь» был единственным в то время старообрядческим церковно-историческим изданием. Его авторы осуществляли историко-просветительскую деятельность: популяризировали древнерусское искусство, делали подборки наиболее важных дат из истории староверия, в статьях обращались к архивным и рукописным источникам. В создание календаря огромный вклад внес известнейший деятель староверия Иван Никифорович Заволоко (1897–1984), проживавший в Риге[4].

В московской Преображенской федосеевской общине вопросами церковного календаря, помимо прочих обязанностей, всецело

занимался председатель М. И. Чуванов. Он, крупный собиратель книг, глубокий знаток истории старообрядчества, готовил тексты публикаций, отвечал на письма единоверцев, составлял списки для рассылки издания, отслеживал поступление денежных переводов. Для сотрудников научно-исследовательского отдела настоящим открытием стали более 70 писем, адресованных М. И. Чуванову и присланных из самых разных уголков СССР. Наивные и официальные, короткие и пространные — все эти письма объединяет одно: просьба выслать «Старообрядческий церковный календарь». Заметим, что география переписки Чуванова была весьма обширной: Алапаевск, Барабинск, Верхний Уфалей, Заводоуковск, Караганда, Копейск, Краматорск (Донецкая область Украины), Куйбышев, Курган, Лысьва, Минусинск, Новгород, Пермь, Уфа, поселки Таватуй и Темиртау, многочисленные деревни и села бывшего СССР.

На данный момент среди бумаг МПСО выявлено 16 документов, отразивших связь уральских старообрядцев с московским федосеевским центром. Это письма частных лиц, адресованные М. И. Чуванову и содержащие просьбу выслать церковные календари; копии ответов, которые М. И. Чуванов иногда оставлял в своем деловом архиве; составленные и подписанные Чувановым ведомости об отправке календарей по адресам заказчиков. Выявленные источники уральского происхождения датированы 1969–1978 гг. Адреса отправителей позволили установить, что М. И. Чуванов переписывался с одноверцами из Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей.

Судя по выявленным документам, больше всего адресантов проживало в Свердловской области. Приведем их (здесь и далее адреса указаны, как на конвертах):

1) Свердловск-23 Уктус — Филипп Иванович Аникин (источник: ведомость № 1–2 заказных бандеролей, отправленных от московской Преображенской старообрядческой общины за 22 марта 1972 г.);

2) Свердловская обл., г. Алапаевск — Степан Иванович Печерин (источники: письмо с конвертом от 23 декабря 1963 г.; письмо с конвертом от 3 июля 1970 г.; копия ответа М. И. Чуванова от 12 августа 1970 г.);

3) Свердловская обл., ст. Талица — Яков Яковлевич Паньков (источники: письмо с конвертом от 25 ноября 1969 г.; письмо с конвертом от 19 марта 1970 г.; копия ответа М. И. Чуванова от 27 мая 1970 г.);

4) Свердловская обл., ст. Шамары, пос. Гора — Мария Калинина Ивановна (источник: ведомость № 2–3 заказных бандеролей, отправленных от московской Преображенской старообрядческой общины за 22 марта 1972 г.);

5) Свердловская обл., Артинский р-н, д. Волокушино — Евдокия Васильевна Черепанова (источник: письмо с конвертом, не позднее июля 1978 г., датировано по штемпелю и пометам, сделанным М. И. Чувановым на конверте);

6) Свердловская обл., Невьянский р-н, с. Таватуй — Пелагея Евстигнеевна Серебрякова (источники: письмо с конвертом от 13 октября 1969 г.; письмо с конвертом, не позднее начала января 1970 г., датировано по штемпелю и пометам, сделанным М. И. Чувановым на конверте).

Трое желающих получить «Старообрядческий церковный календарь» проживали в Челябинской области:

1) Челябинская обл., г. В[ерхний] Уфалей — Яков Федорович Сидоркин (источник: письмо с конвертом от 10 февраля 1970 г.);

2) Челябинская обл., г. Копейск — Иван Петрович Чувардин (источники: письмо с конвертом от 12 ноября 1969 г.; копия ответа М. И. Чуванова от 26 января 1970 г.);

3) Челябинская обл., Колхозный р-н, Уйский с/с, д. Косогорка — Мария Осиповна Голощапова (источник: письмо с конвертом, не позднее конца февраля 1975 г., датировано по штемпелю и пометам, сделанным М. И. Чувановым на конверте).

В архиве МПСО сохранилось два письма из Курганской области:

1) г. Курган — Александр Агапович Шадеркин (источник: письмо с конвертом от 10 ноября 1969 г.);

2) Курганская обл., Шатровский р-н, Ильинский с/с, д. Дружинино — Харитон Дмитриевич Чащилов (возможно, Чещилов) (источник: письмо с конвертом от 14 января 1970 г.).

Выявлено одно письмо, отправленное из Тюменской области:

1) Тюменская обл., г. Заводоуковск — Феоктист Тимофеевич Русаков (источник: письмо с конвертом, не позднее начала июня 1970 г., датировано по штемпелю и пометам, сделанным М. И. Чувановым на конверте).

Уточним, что на момент написания статьи документам уральского происхождения, выявленным в архиве МПСО, еще не присвоены шифры.

Содержание писем разнообразно. Часть посланий содержит лишь несколько предложений и краткую просьбу выслать церковные календари по указанному адресу (здесь и далее орфография авторская):

> Прошу выслать мне старообрядческие четыре календаря церковные на 1970 г., в чем и прошу не отказать, Михаил Иванович.
> К сему [подписываюсь] Шадеркин.
> 10/XI-69 г.
> Деньги посылаю переводом 14 руб.

(из письма А. А. Шадеркина из Кургана).

> Михаил Иванович, прошу вас вышлите мне книгу чтобы все были старинные праздники.

(из письма Е. В. Черепановой из дер. Волокушино Артинского района Свердловской области, письмо без даты).

Другие авторы формулировали просьбу более пространно, напоминали о своих предыдущих письмах, уточняют цену календарей, выясняли, был ли получен их денежный перевод:

> Многоуважаемому о Христе Михаилу Ивановичу!
> С Християнским приветом к вам Яков Федорович!
> От известного Вам Якова Федор[овича], проживающего в г. В[ерхнем]-Уфалее. К Вам, Михаил Иванович, я обращаюсь

вторично в отношении ранее моего вам заказа на календари старообрядческие на 1970 год в ко[личест]ве 3х экземпляров.

Как вы получили его или же не получили? И еще что будут ли календари на 70-й г. печататься?

Моя просьба: убедительно Бога ради прошу принять мой заказ на 3 экземпляра календаря. По получении от вас ответа я могу выслать вам деньги переводом. Об результате Бога ради сообщите.

С Християнским уважением к вам Сидоркин Як. Ф.
10/II 70 г.

(из письма Я. Ф. Сидоркина из Верхнего Уфалея).

Уважаемый тов. Зав старообрядческой общины города Москвы, обращаю[сь] к вам, Чащилов Харитон Дмитриев Курганской области Шатровскаго района деревни Дружининой Ильинскаго с/совета

Я в июне м[еся]це 1969 г. посылал заявку на старообряческий церковный календарь на 1970 г.

В письме вместе с заявкой положено три рубля денег, так как мне не известный № вашего счета. И на календаре издатели есть, а № счета и цены нет И я не получил ни ответа, и ни календаря. Неужели ваш сотрудник письменнаго стола мог призарится трем рублям? Пущай и так, но послать бы календарь с наложним платежом. Я бы с радостью уплотил. Если будет возможность выслать мне календарь, то прошу, пожалуйста, пошлите и укажите № вашего счета в государственном Банке. И я перечислю через госбанк.

(из письма Х. Д. Чащилова из дер. Дружинино Шатровского района Курганской области от 14 января 1970 г.).

Многоуважаемый Михайло Иванович, с сердечным приветом и пожеланием от Господа Бога доброго здоровья, Печёрин Степан Иванович, проживающий, Свердловская обл. гор. Алапаевск ул. Лётчиков дом 17.

Михайло Иванович, моя к вам просьба, я через вас выписывал старообрятческий церковный календарь три экземпляра. Вами была указана стоимость календаря с пересылкой на 1969 г. три рубля 50 коп. Я послал денег в сумме двенатцать рублей на три экземпляра. А я получил только один календарь на 1969 год. За которое сердечно благ.арю по получению календаря. Я посылал вам ответное письмо 20 Апреля 1969 г., в котором было описано, денег было послано на три календаря, а получил только один. Но я выписывал поздно, в марте месяце 1969 год[а] в излишке календарей могло и не быть. Михайло Иванович, если у вас это дело из виду не отпущено, то будте любезны вышлите эти два календаря на 1970 год. Если есть таковые на этот год. **А если нет, то, может быть, за прошедшие годы есть? В основном нужна пасхалия и указание повседневной молитвы, и святцы** (вы-

делено мной. — *Т. И.*). Если никак не будет, то сообщите мине все подробно. Сердечно благодарен вам.

(из письма С. И. Печерина из Алапаевска Свердловской области от 23 декабря 1969 г.).

Отмеченные нами слова из письма С. И. Печерина позволяют понять, как высоко ценился «Старообрядческий церковный календарь» в региональных общинах: покупатели готовы были получить выпуски прошлых лет, поскольку в номерах содержались исторические сведения, научно-популярные статьи и информация, важная для соблюдения домашнего благочестия и совершения повседневной молитвы.

Некоторые письма, адресованные М. И. Чуванову, помимо заказа на календари, содержали вопросы духовного характера, в частности о богослужебных песнопениях. И. П. Чувардин из Копейска уточнял смысл 3-го ирмоса канона Богоявлению:

Г. І. Х. С. Б. п. н. Аминь
Животна малаѧ свеликими.
Предорогой и присный брате о Христе, Михаиле!
Просте ради бога за безпокойствие. Михаил Иванович, Я издавна Ваш подписчик на церковные календари, ПРОШУ ВАСЪ, НЕЗАБЫТИ МѦ ВКЛЮЧИТЬ И НА ПРЕДСТОѦЩЫИ ѢАЇО (1970. — *Т. И.*) ГОДЪ.
М. И. простите за наивность, я считаю за Вами по подписке 1967 г. 7 (семь) руб. на два экземпляра. Так вот, эти 7 руб. и вслед этого письма я еще высылаю 7 руб. И вот на 14 руб. прошу принять от меня заявку.
Кроме этого, убедительно прошу Вас объяснить мне, како понимается ІРМОСЪ Богоявлению, КРѢПОСТЬ ДАѦИ ЦРЮ НАШЕМУ ГДЬ? А которому царю, земному или НБНОМУ.
Потрудись ради Христа, повеждь ми.
С християнским приветом и братней любовию. ІѠАННЪ.
Чувардин 12/XI

На подобные письма М. И. Чуванов отвечал обстоятельно (многоточия в тесте авторские):

26 января 1970 года.
Уважаемый Иван Петрович.
Отвечаем на Ваше письмо от 12/XI-69 г.:
По поводу вопроса как понимать ирмос 3-й «крепость дая царю нашему» канона Богоявлению
Такая печать наших книг в царское время была вынуждена тем, что цензура не разрешала печатать церковно-служебные книги, где не было молитв за царя — земного конечно.
Так в каноне ВОЗДВИЖЕНИЮ ЧЕСТНАГО КРЕСТА ГОСП. В тропаре и кондаке есть напечатано: «Победы благоверному царю нашему»... Так печатали у нас, НО слова эти у нас на мо-

литве никогда не произносились, а молились мы заменяя слова за «царя» — «Победы православным христианам»...

Вероятно, Вам это знакомо, и у Вас молились также, ведь древле-православные христиане, наши старообрядцы, считали, совершенно справедливо, что благочестие после никонианских нововведений исчезло на Руси, — значит, нет благочестивого царя, а за иного царя молиться нельзя.

Также и канон Богоявлению Господню напечатан: «Крепость дая царю нашему»... и т. д.

А на молитве читается: «Крепость дая рабом Твоим Господи»... и т. д. Также есть и в других канонах, такие замены напечатанных слов молитв за «царя» словами «православных христиан», например в каноне Положению Ризы Господа нашего Исуса Христа, — и в других канонах. По этому вопросу я думаю все ясно.

(из ответа М. И. Чуванова И. П. Чувардину).

Как явно следует из писем, отправка календарей в регионы шла очень медленно. Если письмо в столицу запаздывало, то к моменту поступления заказа тираж мог уже закончиться. В этом случае иногородняя община оставалась без долгожданного издания. Еще сложнее складывалась ситуация с оплатой. Письма с вложенными в них наличными деньгами могли потеряться или прийти слишком поздно. В некоторых случаях терялись и денежные переводы из регионов. Вероятно, это происходило в том случае, если перевод был направлен не тому адресату или некорректно указывался адрес Преображенской общины.

Насколько долго бандероли с календарями шли в региональные общины, можно понять из письма Феоктиста Тимофеевича Русакова, отправленного в 1970 г. из Заводоуковска:

Мир вам, Михаил Иванович.

Прошу прощения, извините меня за беспокойство вас, вот у меня к вам такой вопрос. Я в 1969 году 8-го Августа посылал перевод на сумму 10 рублей 50 коп. на 3 шт. старообрядческие календаря. И вот уже 10 месяцев и я до сего времени не получил календари.

А второй перевод я посылал на 2 календаря на сумму 7 руб. 00 [коп] 24 Октября 69 г. Уже календари 2 шт. получил во второй половине Апреля с/г (1970. — *Т. И.*).

А посему прошу проверить, в каком месяцу были отправлены. Которые старички просили меня выписать, начинают беспокоится, часто стали спрашивать, но я все успокаиваю их, говорю: в 1968 году я получил в Июле месяце.

Посему и прошу, не откажите моей просьбе проверить и отправить.

С сердечным приветом к вам

Феоктист Тимофеевич Русаков

Несмотря на задержки и периодически возникающую путаницу с оплатой календарей, М. И. Чуванов очень точно вел записи о поступлении денежных средств и об отправке изданий по конкретным адресам, объяснял заказчикам изменения в цене издания, компенсировал недоставленные в срок номера. Поэтому поток посланий в Преображенскую общину не иссякал.

Некоторые авторы писем сообщали биографические сведения, например точно указывали свой возраст («70 лет») или характеризовали себя («старица»), передавали поклоны и поздравления от одноверцев, сообщали о смерти других членов общины, а также рассказывали о духовной жизни своего края:

> Просьба на заказ календарей в количестве 3х экземпляр[ов] от старицы Серебряковой Пелагии Евситгеевны по адресу село Таватуй <...> по поручению Даринцева Александра Андреевича село Таватуй Ленина 53. Даринцев представился августа месяца

(из письма П. Е. Серебряковой из с. Таватуй Невьянского района Свердловской области от 13 октября 1969 г.).

> Я, Мария Осиповна, являюсь старообрящицей, мне 70 лет. И общая община не имеется, т.к. деревни друг от друга далеко, и нам негде и некуда сходить и узнать, когда какой праздник. Молиться собираемся в частном доме. Я очень прошу Вас, вышлите, пожалуста, календарь

(из письма М. О. Голощаповой из дер. Косогорка Колхозного района Челябинской области, письмо не датировано).

Приведем здесь простое и трогательное послание, отправленное в марте 1970 г. из г. Талица Свердловской области (на конверте указано «станция Талица», в письме — «город Талица»). Автор письма Яков Яковлевич Паньков сообщает, что численность Талицкой общины до 60 человек, но общей моленной нет, так как все храмы, даже «мелкие», ликвидировали в 1929 г., поэтому община собирается на общую молитву в частном доме. Соавтором послания стал другой член общины — Ефросин Алимпиевич Устьянцев:

> Председателю Чуванову Михаилу Ивановичу от старообрядтцев Свердловск[ой] обл. Гор. Талицы.
>
> Просим мы Вас, ради Христа, не оставить нас сирых. Нас сдесь старообр[ядцев] много до 60 ч[еловек]. Мы сдес храма не имеем. Молиться собираемс[я] в частном доме. Были храмы. Но Вы Сами понимаете. Все храмы Ликвидированы Мелких [в] 1929 году. Все ликвидировано, а поетому просим нам сообч[ить], когда будут выходить из печати [календари]. Просим сообчить стоймость экземпл[яра] календаря.
>
> И просим Вас, Михаил Иванович, прин[ять] от нас ниский покл[он] 1. Яков Яковл. 2. Ефросин Алимпиевич посдрав[ляют] Вас с великим постом четыредесятн[ицей]. И мы душевно

просим Вас // выделить нам 7 календарей. Просим Вас не оставить нас сирот.

Пажелаю Вам многих лет жизни и привести нас на путь и достигнуть всем нам сообща Царьствия Небеснаго.

К сему подп[исываюсь] Ефросин. Ал. Устьянцев

К сему [подписываюсь] Паньков.

19/III 70.

(из письма Я. Я. Панькова из Талицы Свердловской области).

Дополнительная информация о некоторых адресантах была найдена в базе данных «Память народа». Там удалось обнаружить учетную запись о Харитоне Дмитриевиче Чащилове. Он родился в 1898 г., был призван на фронт в 1941 г. Шатровским райвоенкоматом Курганской области.

Благодаря этому же источнику стало известно, что Иван Петрович Чувардин родился в 1897 г. в Челябинске. За участие в Великой Отечественной войне был трижды награжден: медалью «За оборону Ленинграда» (приказ от 22 декабря 1942 г.), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (приказ от 9 мая 1945 г.) и медалью «За боевые заслуги» (приказ от 28 мая 1945 г.).

Ефросин Алимпиевич Устьянцев родился в 1907 г., был призван в РККА Петро-Каменским райвоенкоматом Свердловской области. Приказом № 1 от 2 декабря 1942 г. по 111-му стрелковому полку 55-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта был представлен к награде — медали «За отвагу». В наградных документах описан подвиг санитарного инструктора 1-го стрелкового батальона старшего сержанта Е. А. Устьянцева: «...он в бою 28 ноября 1942 года в районе болота Сунан при наступлении на опорный пункт противника непосредственно на передовой линии оказал медицинскую помощь 30 раненым красноармейцам и вынес с поля боя 15 бойцов с их оружием».

Переписка уральских старообрядцев с председателем Преображенской федосеевской общины М. И. Чувановым о покупке церковных календарей и книг прямо указывает на конфессиональную принадлежность адресантов. Таким образом, даже самые короткие послания содержат информацию об именах и местах проживания представителей федосеевского согласия в Уральском регионе. Указание полного имени и адреса позволяет найти дополнительную информацию об отправителях как в электронных базах данных, размещенных в Интернете, так и в архивных источниках. Это делает каждое письмо, выявленное в архиве МПСО, источником информации по истории старообрядческих общин Урала.

Примечания

[1] *Зотова Е. Я.* Концепция экспозиции «Преображенское медное литье старообрядческих мастерских Москвы» // Наследники протопопа Аввакуме в наших краях: доклады, сообщения XIII краевед. науч.-практ. конф. / сост. Н. С. Юкин. М., 2021. С. 79—93.

[2] *Игнатова Т. В.* Научно-исследовательский отдел Совета православных церковных приходов Преображенского монастыря: создание, деятельность, находки // Там же. С. 68–78.

[3] *Юхименко Е. М.* «Слава Богу за всё!»: переписка И. Н. Заволоко и М. И. Чуванова (1959–1983). 2-е изд. М., 2019. С. 15.

[4] Там же. С. 15–21.

Л. В. Кирилюк

О чем расскажут метрические книги

В настоящее время очень популярным стало составление своих родословных. Родословная — это сведения о семье. Чаще всего под родословной понимают историю семьи, описанную в форме генеалогического древа. Сегодня проблема изучения истории своей семьи особенно актуальна, потому что в современных семьях теряется связь поколений, мало общаются не только дальние, но и близкие родственники. Узнать историю семьи — значит сохранить семейные ценности и традиции.

Основной источник для составления родословной — метрические книги. До 1918 г. метрические книги были единственными документами, регистрирующими акты гражданского состояния жителей России. Они велись в зависимости от вероисповедания и фиксировали рождение, брак и смерть каждого прихожанина.

Для желающих восстановить историю своего рода, открыть новые неизвестные страницы семейной летописи в Тарском филиале Исторического архива Омской области в электронном виде имеются документы метрических книг церквей Тарского уезда.

В состав электронной описи вошли метрические книги актовых записей церквей г. Тары: Соборо-Николаевской (1877, 1891–1896, 1908–1910, 1912–1915, 1918, 1919), Богородице-Казанской (1878–1885, 1908–1911, 1913–1915, 1918), Спасской (1889, 1893, 1908–1918), Свято-Параскевиевской (Пятицкой) (1891–1896); а также метрические книги церквей сел: Атирского (1899–1900, 1907–1908, 1910, 1912–1918), Заводо-Екатерининского (1885, 1887–1897, 1904, 1905, 1907, 1909, 1910, 1913–1914, 1916–1918), Кореневского (1877–1892, 1894–1904, 1908–1918), Князевского (1909–1917, 1920, 1922–1923, 1925), Ложниковского (1880, 1882–1889, 1891–1899, 1909–1910, 1912–1920), Малокрасноярского (1880), Могильно-Посельского (1915), Муромцевского (1880), Нагорно-Ивановского (1897–1899, 1908–1913, 1915–1918), Нижне-Колосовского (1877), Нижне-Васисского (1912–1913, 1915–1917), Орловского (1877–1879, 1889–1890, 1897, 1885, 1891–1896, 1898–1899, 1908, 1911–1918), Самохваловского (1914), Самсоновского (1891–1896, 1913–1914, 1917–1918), Сафоновского (1908), Строкинского (1912), Чередовского (1908).

Метрические книги велись священнослужителями от руки. Структура метрических книг была однотипна и состояла из трех разделов.

В разделе «О родившихся» отмечались: порядковый номер регистрации новорожденного, пол, имя, месяц, день рождения и крещения,

сведения о родителях и крестных родителях (восприемниках), имя священника.

Графа «Звание, фамилия, имя, отчество восприемников», в которую записывались имена и отчества крестных младенца, также является весьма интересной. Крестными выбирались, как правило, ближайшие родственники родителей (родные братья, сестры, дядья, тетки), и поэтому информация, изложенная в этой графе, в совокупности с именем крестника, именами его отца и матери, дает дополнительный материал для сопоставления при исследовании родственных линий.

В раздел «О бракосочетавшихся» вносились сведения о молодых: имя, возраст, каким браком сочетаются, дата обручения, место проживания, данные о свидетелях (поручителях), кто проводил обряд. В отдельной графе метрической книги указывались свидетели — отдельно со стороны жениха и со стороны невесты. Свидетели удостоверяли беспрепятственность заключения брака и за ложное удостоверение подлежали ответственности перед гражданским и церковным судом.

Значение записей о свидетелях в разрезе генеалогических исследований является важным, так как совершение брака требовалось осуществлять при посторонних свидетелях, но в основном в поручители записывались хотя и не близкие, но, как правило, родственники второй линии родства. Важным для исследователей является тот факт, что бракосочетания (венчания) совершались, как правило, по месту жительства жениха.

В третьем разделе церковных книг — «Об умерших» — регистрировались умершие граждане, над которыми проводилось отпевание перед погребением. Регистрировались возраст усопшего, пол, причина смерти, дата отпевания, место погребения. Запись о возрасте умершего особенно важна, если исследователь не владеет информацией о годе рождения своего предка.

Наряду с метрическими записями о рождении, бракосочетании и смерти священнослужители вели итоговые подсчеты, в которых учитывались количество родившихся обоего пола, в том числе незаконнорожденных, число браков, количество умерших. Метрические книги велись в двух экземплярах. Один направлялся на хранение в архив консистории (орган церковно-административного управления при епархиальном архиерее), а второй оставался в церкви. После 1918 г. регистрация актов гражданского состояния была передана отделам ЗАГС местных органов исполнительной власти.

Для работы с метрическими книгами прежде всего нужно определить приход интересующего исследователя населенного пункта (церковный округ населения, имеющий свой храм). Это можно сделать с помощью справочника-указателя «Метрические книги», изданного Историческим архивом Омской области (Омск, 2016). Затем выбрать к просмотру метрические книги указанной церкви за соответствующие годы. После того как первые записи по конкретной семье выявлены, можно попытаться, опираясь на известные даты, найти записи о браке родителей предка и затем об их рождении либо изучать все сохранившиеся метрические книги, выписывая записи по интересующей фамилии.

Кроме важного значения метрических книг как документа, свидетельствующего о правах гражданского состояния, они интересны и как источник по истории населения России.

Мною была просмотрена метрическая книга Соборо-Николаевской церкви г. Тары за 1877 г. К сожалению, книга сохранилась не полностью.

Просмотрев книгу, можно сделать вывод о неплохом уровне рождаемости в тот период. Детей называли самыми обычными русскими именами: Петр, Мария, Евдокия, Василий, Елена, Кондратий и др. Встречаются в метрической книге и неправильно записанные имена, например Елисавета. По православным законам, выбор имени младенца предоставлялся родителям с возможным участием восприемников, родственников и приходского священника. Главным условием было присутствие выбранного имени в православных святцах.

Из метрической книги также следует, что смертность населения в то время была высокой, особенно среди детей младенческого возраста — до 1 года. Дети умирали, прожив две недели, от 1 до 3 месяцев, 6 месяцев и т. д. Шел естественный отбор, то есть выживали самые физически сильные дети. Судя по метрической книге, основными причинами младенческой смертности были понос и «слабость». Дети старшего возраста умирали от скарлатины, коклюша, оспы, кори, дифтерии, золотухи.

Среди болезней, от которых умирали взрослые прихожане, значатся: боли в горле, голове, болезнь сердца, печени, желудка, чахотка, горячка, тиф, лихорадка. В те годы уже знали такую болезнь, как рак. У одного из прихожан записано, что он умер от рака пищевода. Одной из причин смертности людей старшего возраста (от 70 до 90 лет) называлась старость. Формулировка причины смерти от старости применялась, вероятно, в тех случаях, когда причина смерти была неочевидна или просто неизвестна. Очень редко в метрической книге встречаются записи о смерти от утопления, убийства, отравления ядом.

В разделе «Об умерших» мне попалась запись: «Неизвестный человек, найденный в поле около д. Чекрушево убитым». К этой метрической записи была приложена справка из полицейского управления. Интересной причиной смерти, на мой взгляд, является «хроническое отравление вином».

В брак наши земляки могли вступать: мужчины — с 18 лет, женщины — с 16 лет (согласно семейному законодательству 1775 г.). Для вступления в брак необходимо было получить согласие родителей. Минимальный возраст вступления в брак, который встретился мне при просмотре метрической книги: жених — 21 год, невеста — 16 лет; жених — 22 года, невеста — 18 лет; жених — 19 лет, невеста — 19 лет. Максимальный возраст брачующихся: жених — 58 лет, невеста — 41 год. Ну, а разводы были редкими и совершались только через консисторию, поэтому я не встретила ни одного документа о разводе[1].

Еще раз хочется отметить, что метрические книги важны не только для отдельно взятых граждан, так как из них человек получает генеалогическую информацию, но и для исследователей, занимающихся историческими изысканиями, ведь в них содержатся сведения по истории населения нашей страны. В статистической части

можно выявить количество демографических событий за год и получить другую статистическую информацию. Например, данные метрических книг «об умерших» использовались для разработки мер по борьбе с распространением эпидемий.

Сведения из метрических книг — это незаменимый источник для генеалогических и исторических исследований. Метрические книги актовых записей церквей Тарского уезда востребованы, но пока только как источник в генеалогических исследованиях.

Примечание

[1] ГИАОО. Ф. 16. Оп. 14. Д. 1085.

В. Н. Макарова

Исповедные росписи Спасского храма Уфы как генеалогический источник

В последние десятилетия в отечественной историографии наблюдается усиленный интерес к церковной документации периода Российской империи, когда православное духовенство исполняло важнейшую государственную функцию регистрации населения, которая в XX в. перешла к системе ЗАГСов.

Привлечение текущей церковной отчетности (метрических книг и др.) началось еще в советскую эпоху: происходил критический анализ данного вида источников, они использовались во многих монографических трудах. Сейчас вслед за краеведами, которые выбирают генеалогическую информацию, историки активно привлекают фонды духовных ведомств как массовый источник в первую очередь при изучении демографических процессов[1]. Помимо сельского населения по метрикам изучается состав городских жителей[2].

Исследователи начинают анализировать отдельные виды церковной документации, в частности исповедные росписи, которые привлекаются еще в несравненно меньшей степени, чем метрические книги. Информационный потенциал исповедных росписей высоко оценивается историками[3].

Исповедные росписи имели важное значение как в церковном, так и в гражданском отношении. Исповедные ведомости при отсутствии метрических книг имели юридическую силу при определении возраста, доказательствах законности и самого события брака, в других обстоятельствах. Справка об исповеди была обязательна при вступлении в брак в другом приходе.

Исповедные ведомости — источник, обладающий большим потенциалом. Его можно использовать в генеалогических изысканиях при изучении родословной населения (статских, военных, купцов, крестьян и мещан), а также в случае отсутствия клировых ведомостей, духовенства. Преимущество этого источника по сравнению с ревизскими сказками состоит в регулярности составления таких документов, меньшем объеме и четкой структуре.

Данная документация была введена в Российской империи указом Петра I от 17 февраля 1718 г. с целью выявления раскольников для их налогообложения[4]. Форма была окончательно утверждена при Анне Иоанновне, далее происходило некоторое совершенствование формуляра. Вначале шла информация о священниках прихода. Но основную часть документа составляла роспись сведений по каждому двору. Указывались владелец двора и его семейство (с указанием родства), дворовые люди, квартиранты, наемные работники, люди, жившие при дворе «по милости», солдатские жены и вдовы. Записывались сословие, род занятий, пол, возраст. В одной из колонок ставилась отметка, был ли на исповеди, в другой — причащался ли. Сразу после росписи следовала итоговая таблица. Во второй и третьей графах учитывались причастившиеся и не причащавшиеся, раскольники и иноверцы.

Священники должны были посылать копии исповедных росписей в духовную консисторию не позже Фоминой недели, то есть в апреле, оригиналы хранились в церковных архивах. Формуляр исповедных росписей просуществовал до 1917 г. (когда они были официально запрещены), в течение столетия он несколько изменялся. В 1861 г. была исключена группа «дворовых», но появилась группа «постояльцев».

Списки имеют большую полноту описаний, которая зависела от масштабов миграции, и дают возможность восстановить посемейные состав православных прихожан, бывших на исповеди и уклонившихся от нее. Недостатком исповедных росписей является то, что в них не содержатся сведения об умерших, а также о том, куда перемещался прихожанин или семья, что очень важно в изучении родословных.

Исповедные росписи дают информацию о численности, половозрастном и социальном составе населения. В них фиксируются лица обоего пола и всех возрастов, включая годовалых младенцев. Исповедные ведомости составлялись погодно, что позволяет проследить изменение родственной и поколенной структуры, общего состава населения.

В местной литературе лишь отдельные краеведы в небольшой степени привлекали материалы исповедных росписей, научного анализа и публикаций данного источника еще не производилось. Хотя в фондах Национального архива Республики Башкортостан сохранилась большая часть делопроизводственного архива Спасского храма Уфы[5]. И среди метрических, приходно-расходных книг, описей имущества, клировых ведомостей, брачных, обыскных документов, книги поминаний особое место занимает коллекция исповедных ведомостей, иногда называемых духовными росписями, в которых указаны имена священников и прихожан, бывших у исповеди. Всего до наших дней сохранилось восемь томов за период с 1820 по 1925 гг., и объем документации весьма значительный[6].

Для исповедных ведомостей Спасского храма характерна полнота записей о прихожанах, которые бывали в храме и у исповеди, и даже тех, кто на ней не бывал. Фактически сохранились сведения за сто лет (с небольшими изъятиями). Имеется также роспись о духовных служителях, их происхождении, образовании, службе, наградах, семейном положении.

Церковная статистика — не самый простой источник. Количество исповедовавшихся часто не совпадает с количеством причащавшихся.

Но они объединяются в единую итоговую цифру — в разные годы от 200 до 2500 человек.

По исповедным росписям, как и по метрикам, можно проследить состав причта Спасского храма. Качество записей, несмотря на стандартизированный формуляр, все же во многом зависело от кадрового состава духовенства. В начале XIX в. настоятелем храма был Григорий Андреев. Наиболее известными из протоиереев Спасской церкви являлись Иоанн Григорьевич Несмелов (1823–1859), Владимир Терентьевич Аманацкий (десять лет), Николай Павлович Левитский (1872–1876), Николай П. Геллертов (около 1888 — около 1897), Михаил Афанасьевич Шестаков (около 1898 — около 1919), Николай Георгиевич Алексеев (около 1923 — 1924), Дмитрий Разумов (около 1924 — около 1928). Есть упоминания о внештатном, или младшем священнике Ипполите Никитовиче Подбельском, встречаются имена Николая Соколова, Якова Цервицкого, Петра Прокофьева, Тихановского, Георгиевского. В приходе проживала вдова священника Фрагранского, возможно он в какой-то период имел отношение к службе в храме. Но это предварительный список, история духовенства этой церкви еще ждет своего исследователя.

Уфимский Спасский храм не случайно избран объектом изучения. Сохранившаяся и поныне, это одна из самых красивых церквей города, воплотившая в своем облике традиции петербургской архитектуры. В XIX в. это была одна из самых (если не самая) престижных церквей Уфы, тем более что Спасский храм стоит на Большой Казанской улице, уфимском «Невском проспекте» — одной из главных транспортных артерий города, вокруг которой селилась губернская элита.

В отдельном томе статистических описаний сохранилась справочная информация о настоящем храме, который заложен был 20 мая 1824 г. Первый предел его во имя Рождества Христова освящен 28 ноября 1825 г.; второй, во имя Николая Чудотворца, — 2 июня 1826 г.; третий престол, во имя Спаса Нерукотворного, — 27 октября 1829 г. Из воспоминаний коллежского советника и кавалера Василия Андреевича Ребелинского извлечены предания о постройке на этом месте, которое было городской окраиной, самых первых деревянных церквей — Спасской холодной и Благовещенской теплой. Написано, что строительство этих храмов осуществлялось радением и под надзором праправнука известного Афанасия Ивановича Власьева. Из древних реликвий церквей после пожара сохранился только антиминц, освященный в 1773 г. преосвященным епископом Вятским и Великопермским Варфоломеем[7].

И в духовных росписях Градоуфимской Спасской церкви находим массу интересных сведений о населении этого района Уфы. В храм на службу приходили статские, военные, купцы, ремесленники, крестьяне, дворовые люди. Многие первые лица губернии, чиновники, почетные граждане принадлежали приходу этой церкви. Дом губернатора также находился в ее приходе (на ул. Голубиной, напротив нынешней поликлиники по ул. Пушкина). В исповедных росписях встречаем имена губернаторов и их домочадцев (Иосиф Львович Дебу, Матвей Андреевич Навзоров, Авксентий Павлович Гевлич, Иван Дмитриевич Талызин).

В рядах прихожан — статские и военные, купеческие фамилии, городские головы, известные в свое время уфимцы: Артемьевы, Либины, Чирковы, Першины, Большаковы, Блохины, Деевы, Нестеровы, Скриповы, Чижовы, Кадкины, Поповы, Коротковы, Кожевниковы, Полетаевы, Подъячевы, Мамины, Гирбасовы, Глазырины, Хасабовы, Пенно, Уткины. Встречаются фамилии Ушковых, Комаровых, Грунского, Колотовых, Девятияровых и Эварестовых, Веригиных, Куроедовых, Нагаткиных, Топорниных, Мисайловых. Чиновники, врачи, землемеры, аптекари, банкиры, люди, имевшие большое значение для развития края, — все они ходили на службы, исповедовались, причащались, крестились, венчались, отпевались в этом православном храм. Многие жертвовали на его строительство и развитие немалые средства.

Духовные росписи (а именно так официально называется документ) позволяют представить и проследить не только историю прихода, но также историю каждой уфимской семьи, приписанной к церкви. Исповедные ведомости Спасского храма имеют непреходящее значение как источник по истории Уфы.

Исповедная роспись (ведомость) составлялась по следующей схеме: в первой графе обозначался порядковый номер дома или двора, во второй — число в них людей, раздельно мужчин и женщин. В отдельных графах представлялась информация об исповедовавшихся, причащавшихся и не бывших у причастия, указывалась причина. Если семья была полной, то фамилия чаще всего записывалась один раз для всех членов, у супругов указывались имя и отчество (по-старинному, без -вич), а у их детей — только имя. В случае смерти одного из супругов показывалось вдовство. Отдельно для мужчин и женщин фиксировался возраст членов семьи на данный год.

Самые ранние исповедные росписи — за 1820 и 1830 гг. — мы подготовили к печати, и вскоре с ними можно будет ознакомиться на страницах сборника «Река времени». В данной статье мы публикуем список исповедовавшихся и причащавшихся в Градоуфимской Спасской церкви в 1892 г.[8]

Священнослужители

1. Священник Николай Павлов Гелертов, 40. Жена его Людмила Дмитриева, 34. Дети их: Павел, 15, Варвара, 13, Зинаида, 12, Александра, ½.

2. Штатный дьякон Николай Николаев Тимашев, 55. Жена его Мария Васильева, 50. Сын их Сергей, 26.

3. Заштатный священник Ипполит Николаев Подбельский, 58. Жена его Елена Иванова, 49. Дочь их Марья, 10.

4. Заштатный священник Николай Павлович Левитский, 61. Жена его Елизавета Матвеева, 55. Дети их: Раиса, 32, Валериан, 26, Анна, 22, Елизавета, 20, Александр, 1, Владимир, 13.

Прихожане и их домашние

В доме купца Першина *квартиранты*:

5. Города Казани мещанин Михаил Семенов Волков, 52. Жена его Мария Васильева, 46. Сын их Василий, 26.

6. Купец Евдоким Антонов Большаков, 46. Жена его Мария Илларионова, 35. Дети их Эпистимия, 22, Стефан, 18 — *раскольники*. *Квартиранты*: крестьянин Михаил Николаев Сальников, 34. Тетка его вдова, солдатка Александра Илларионова Леонтьева, 62.

7. Купец Николай Кондратьев Блохин, 55. Жена его Софья Николаева, 39.

8. Купеческий брат Алексей Кондратьев Блохин, 36. Жена его Антонина Аркадьева, 26. *Квартиранты*: уфимский купец Василий Стефанович Першин, 43. Жена его Анастасия Петрова, 32. Дети их: Вера, 6, Анастасия, 5, Александра, 3.

9. Купец Георгий Александров Деев, 31. Жена его Елизавета Алексеева, 26. Сын их, Александр, 4. Брат Григорий Александров, 25. Жена его Мария Леонтьева, 20. Их же брат Николай, 21. Мать их Неонила Егорова, 62. *Квартиранты*: мещанин, Ганнуариев Боровков. Жена его Мария Филиппова, 34. Дети их: Василий, 16, Юлия, 14, Алексей, 7, Вера, 4.

10. В доме купца Чижева *квартиранты*: статский советник Александр Иванов Безбородкин (Безбородов), 62. Жена его Надежда Леонтьева. Дети их: Мария, 20, Наталья, 18, Екатерина, 16, Анна, 15.

11. Купец Василий Николаев Суслен, холост, 43. *Квартиранты*: статский советник Владимир Ильин Березин, 50. Ольга Михайлова Соловьева, 33. Сын ее Михаил, 6. Уфимский мещанин Меркурий Андронов, вдов, 65 — раскольник.

12. Мещанин Василий Иванов Гре(а)ков, 61. Жена его Анна Григорьева, 60. Дети их: Николай, 24, Василий, 22, Иван, 18, Хрисанф, 17, Крискентия, 16. *Квартиранты*: мещанин Илья Кирсанов, 48. Жена его Ольга Иванова, 48.

13. В доме Янчевского *квартиранты*: вдова Ольга Остафьева Михайлова, 47. Дети их: Ольга, 17, Михаил, 15.

14. В доме купца Чижева *квартиранты*: крестьянин Михаил Аркадьев, 48. Жена его Наталья Прокопьева, 38. Дети их: Николай, 23, Илья, 22, Александр, 15, Мария, 13, Павел, 11, Всеволод, 9. Мать Аркадьева крестьянка Елизавета Аркадьева, 68.

15. Отставной губернский секретарь Николай Сергеев, вдов, 37. *Квартиранты*: аптекарь Игнатий Карлович Янчевский, холост, 56, католич. исповедания.

16. В доме Городецкого *квартиранты*: мещанин Иван Кириллов, 29. Жена его Капитолина Федорова, 29. Дети их: Александр, 10, Иван, 9, Анна, 8, Мария 7, Федор, 6. Из дворян Михаил Никитин, 52. Жена его Алевтина Егорова, 24.

17. Крестьянин Андрей Васильев Городецкий, 48. Жена его Дарья Кузьмина, 47. Сын их Александр Андреев, 20. Тетка его крестьянка Евдокия Федорова, 70.

18. Вдова жена унтер-офицера Евдокия Николаева Риваниз, 43. Дети их: Вера, 19, София, 15, Мария, 10, Александра, 7. Сестра ее вдова мещанка Анна Николаева Соколова, 38. Дети ее: Вера. 16, Надежда, 15, Иван, 10, Лидия, 5. Зять Евдокии Николаевой дворянин Константин Карлович Поплавский, 28. Жена его Анна Михайлова, 25. Дочь их Алевтина, 2.

19. В лечебнице фельдшер Николай Петров, 35. Жена его Анна Григорьева, 30. Дочь их Мария, 2.

20. Вдова коллежская ассесорша Мария Федорова Кларк, 57. Дети их: Александр, 35, Николай, 33, Василий, 32, Павел, 28, Федор, 23, Иван, 22. Зять ее Николай Яковлевич Барсов, 28. Жена его Надежда Иванова, 26. Дети их: Иоанн, 4, Владимир, 2. *Квартиранты*: мещанин Владимир Михайлов Кан, 46. Дети его: Владимир, 12, Александр, 7.

21. Вдова коллежская советница Иония Ивановна Протопопова, 55. Дети ее: Владимир, 21, Мария, 18, Анна, 14, Сергий, 12.

22. Вдова губернская секретарша Екатерина Димитриева Подъячева, 52. Дети ее: Димитрий, 33, Ольга, 31, Михаил, 23, Мария, 22.

23. Губернский секретарь Василий Алексеев Чуфаровский, 42. Вторая жена его Елена Васильева, 22. Дети от 1 жены: Александр, 21, Леонид, 20, Елизавета, 16, Николай, 13. От 2 жены: Владимир, 2.

24. Купец Николай Андреев Першин, 69. Жена его Пелагея Агафонова, 50. Дети их: Иван, 27, Александр, 26, Николай, 23, Василий, 12. Приказчик их Федор Алексеев Усов, 54. Жена его Марфа Иванова, 54 — *раскольники*.

25. В доме купца Першина *квартиранты*: 83 уфимский мещанин Захар Иванов, 45. Жена его Ирина Федорова, 40. Дети их: 84 Александр, 16, Яков, 13, Анна, 11.

26. Купец Федор Семенов, 65. Жена его Александра Назарова, 60. Дочь их София, 26 — *раскольники*.

27. Вдова купеческая жена Ирина Федорова Чубукова, 66. Дети их: Константин, 41, Ираида, 26. Жена Константина Анастасия Иванова, 22. Дети их: Иван, 7, Надежда. 8, Федор, 6, Николай, 4, Любовь, 2.

28. Купеческий сын Михаил Федоров Лебедев, 43. Холост.

29. Купец Кузьма Семенов Борисов, 41. Жена его Надежда Васильева, 39. Тесть Борисова мещанин Василий Михайлов Горшков, 66. Жена его Параскева Николаева, 69.

30. Вдова жена военного штурмана Любовь Васильева Менхен, 47. Дочь ее Мария, 19. Сестра Любови Екатерина Васильева, 40.

31. Действительный статский советник Владимир Афонасьев Бегичев, 83. Племянница его Александра Яковлева, 50.

32.Титулярный советник Василий Васильев Шестаков, вдов, 53.

33. Купец Александр Игнатьев Думнов, 39. Жена его Екатерина Иванова, 31. Дети их: Михаил, 5, Мария, 4, Иоанн, 3, Сергий, 2. Племянники его Владимир, 13, Иоанн, 12. Тетка его Мария Иванова, 62.

34. Коллежский ассесор Леонид Александров Хабаров, 60. Жена его Анна Стефанова, 52.

35. Мещанин Алексей Потапов, 48. Жена его Анна Григорьева, 45. Дети их: Василий, 17, Григорий, 16, Агриппина, 15 — *раскольники*.

36. Вдова коллежская ассесорша Анна Михайлова Комарова, 43. Дочь их Елисавета, 17. *Квартиранты*: мещанин Иван Григорьев, 44. Жена его Ксения Петрова, 40. Дети их: Александр, 12, Акилина, 8.

37. Вдова коллежская ассесорша Анастасия Прокопьева Сысоева, 60. Дочь ее Мария, 24. *Квартиранты*: мещанка девица Екатерина Григорьева Миртова, 40. Мещанин Василий Егоров Севастьянов, 45. Жена его Мария Савельева, 45. Дети их: Клавдия, 15, Николай, 9, Зинаида, 4. Солдат Петр Щевелев, 50. Жена Анна Васильевна, 45. Сын Григорий, 19.

38. Мещанин Дмитрий Аристархов, 34. Жена его Мария Стефанова, 29. Дети их: Алексей, 11, Александра, 10, Лидия, 8, Цицилия, 7, Анна, 6. В доме священника Подбельскаго *квартиранты*: из дворян Александр Васильев Вавилов, 27. Жена его Дарья Васильева, 24. Из дворян чиновник железной дороги Василий Петров Константинов, 31. Жена его Зинаида Константинова 26.

39. Отставной канцелярский служитель Петр Иоаннов Иванов, 41. Жена его Пелагея Александрова, 39. Дети их: 112 Елизавета, 14, Глафира, 10, Дмитрий, 7. *Квартиранты*: надворный советник Константин Калистратов (Сизов) Глинин, 40. Дети его: Юлия, 14, Георгий, 9. Мещанская вдова Евдокия Васильева, 60. Дочь ее Крискентия, 35.

40. Купец Мартиниан Стефанов Васильев, вдовец, 56. Дети его: Елена, 17, Александр, 16, Константин, 14.

41. Вдова мещанка Александра Сергеева Кулагина, 50.

42. Мещанин Аполлон Васильев Вереньков, 77. Жена его Любовь Герасимовна, 45.

43. Мещанин Виктор Осипов Волков, 52. Жена его Елена Николаева, 47. Дети их: Михаил, 13, Анна, 12, Мария, 9. Родители Виктора: Осип Иванов Волков, 78. Жена его Анна Федоровна, 74. *Квартиранты*: мещанин Иван Михайлов, 33. Жена его Мария Николаева, 29. Сын их Василий, 8.

44. Мещанин Иларион Федоров Кожевников, 56. Жена его Мария Константинова, 45. Дети их: Яков, 23, Максим, 21, Пелагея, 18, Агриппина, 2. *Квартиранты*: мещанин Иван Васильев, 40. Жена его Мария Кириллова, 33. Дети их: Трофим, 15, Пелагея, 10, Иван, 9.

45. Мещанин Кирилл Тимофеев Полетаев, 68. Жена его Евдокия Иванова, 32. *Квартиранты*: мещанин Василий Григорьев, вдовец, 40. Сын его Владимир, 5.

46. Вдова мещанка Афанасия Яковлева Соколова, 49. Вдова мещанка Акилина Потапова, 40. Дочь ее Ксения, 18. Мещанин Алексей Дмитриев Коротков, 42. Жена его Дарья Сергеевна, 40. Дети их: Екатерина, 15, Елисавета, 13, Григорий, 9.

47. В доме Ведерниковой *квартиранты*: мещанин Алексей Львов Касицкий, 33. Жена его Анна Николаева, 40.

48. В доме Петровскаго *квартиранты*: губернский секретарь Мефодий Александров Конопасевич, 52. Жена его Екатерина Афанасьева, 40.

49. Вдова крестьянка Праскева Андреева Кириллова, 70. Племянник ее крестьянин Лука Григорьев, 45. Жена его Ирина Федорова, 44. Дети их: Иван, 21, Ефвросинья, 20, Елисавета, 16, Василий, 13. *Квартиранты*: мещанин Яков Яковлев Смирнов, 42. Жена его Мария Димитриева, 46. Воспитанница их Акилина, 20. Статский советник Петр Стефанович Савицкий, 71. Жена его Анна Петрова, 60. Дети их: Иван, 31, Петр, 28, Григорий, 27, Мария, 21.

50. Вдова дворянка Мария Михайлова Топорнина, 55. Племянница ее девица Александра Нагадкина, 43.

51. Вдова мещанка Акилина Федорова Капустина, 48. Дети ее: Николай, 21, Василий, 18, Сергей, 15, Димитрий, 13.

52. Купец Федор Егоров Чижов, 64. Жена его Раиса Алексеева, 40. Дети их: Александр, 18, Елисавета, 8. *Квартиранты*: действительный статский советник Александр Иванов Богородицкий, 66. Жена его

Елисавета Егорова, 53. Купец Петр Андреев Одинцев, 50. Жена его Гортензия Андреева, 43 (*лютер. исповед.*). Дети их: Елена, 17, Виктор, 16, Мария, 11, Людмила, 9.

53. Вдова купеческая жена Елисавета Васильева Чижова, 46. Дети ее: Михаил, 10, Николай, 17, Димитрий, 16, Сергий, 15, Федор, 14. Тетка вдовы Елисаветы Чижевой вдова крестьянская жена Александра Стефановна Фокина, 65. Прислуга ее крестьянская жена вдова Мария Никитина Кириллова, 54. Крестьянская девица Татьяна Иванова Брюханова, 63.

54. Мещанин Иван Григорьев, 66. Жена его Мария Прокопьева, 52. Сын от 1 жены Виктор, 40. Жена его Анна Федорова, 34. *Квартиранты*: мещанин Осип Семенов, 46. Жена его Екатерина Стефанова, 33. Крестьянин Яков Михайлов Уваров, 63. Жена его Анна Андреева, 49. Дети их: Пелагея, 27, Михаил, 25, Агафья, 23, Екатерина, 20, Феодосия, 11. Мещанин Тарас Семенов Самсонов, 58. Жена его Акилина Яковлева, 50. Дети их: Татьяна, 27, Ксения, 26, Анна, 22, Елисавета, 16. Мещанин Ефим Иванов, 61. Жена его Татьяна Васильева, 61. Дети их: Димитрий, 28, Пелагея, 22, Николай, 20. Мещанин Иван Стефанов Петров, 39. Жена его Анисья Ильина, 33. Сын их Алексей, 4.

55. Мещанин Александр Прокопьев Пунтаков, 66. Жена его Екатерина Гаврилова, 59. Дети их: Никонор, 35, Федор, 28, 181 Анастасия, 25, Василий, 22, Евдокия, 21, Вера, 16. Жена Никонора Параскева Иванова, 35. Дочь их Анна, 8. Жена Федора Александра Захарова, 31. Дочь их Мария, 8.

56. Мещанин Иван Дмитриев, 41. Жена его Фекла Кириллова, 40 — *раскольники.*

57. Вдова купеческая жена Анна Федоровна Блохина, 48. Сын ее Николай Игнатьевич, 26. Жена его Евгения Иванова, 22. Мать Анны Федоровой вдова купеческая жена Ульяна Николаева Белышева, 80. Сноха ее вдова купеческая жена Надежда Стефановна Белышева, 31. Сын ее Федор, 13. *Квартиранты*: мещанин Иван Александров Удалов, 45. Жена его Мария Николаева, 34. Дети их: Николай, 16, Александр, 13, Мария, 11, Нина, 10, Иоанн, 7, Анна, 4.

58. Отставной фельдфебель Михаил Михайлов, вдов, 68. Дети его: Василий, 33, Николай, 28, Михаил, 14.

59. Купец Василий Иванов Нестеров, 41. Жена его Мария Михайлова, 62. Дети их: Александра, 34, Михаил, 30.

60. Купец Николай Иванов Мамин, 40. Жена его Пелагея Федорова, 38. Дети их: Константин, 16, Татьяна, 13, Николай, 9. Сестра его вдова мещанка Александра Иванова Нагоркина, 34. Дети ее: Павел, 15, Анна, 13.

61. Купец Николай Михайлович Гирбасов, 64. Жена его Феодора Михайлова, 61. Сын их Сергей, 28. Жена его Елисавета Николаева, 27. Дети их: Екатерина, 8, Ольга, 5.

62. В доме Базилевского *квартиранты*: мещанин Иван Николаевич Полетаев, 43. Дети его: Мария, 18, Лидия, 14, Александр, 13. Свояченица мещанская девица Мария Вячеславовна Барлицкая, 35. Дети ее: Мирония, 18, Лидия, 14, Александра 13. Свояченица его мещанская девица Мария Вячеславовна Барлицкая, 35. Дети ее: Анастасия, 8, Борис, 7, Валентина, 5.

63. В бывшем доме Пенно: мещанин Николай Василий Садов, 53. Жена его Аккилина Викторова, 50. Дети их: Григорий, 30. Жена его Анна Васильева, 28 (лютеранского исповедования). Дочь их Глафира, 10.

64. Из дворян девицы Тарасовы: Анна, 54, Елисавета, 52, Надежда, 51.

65. Городовой врач коллежский советник Иван Васильев Виноградов, 54. Жена его Татьяна Николаева, 44. Дети их: Иван, 24, Елисавета, 21, Николай, 19, Василий, 18, Александра, 12, Владимир, 8, Татияна, 5. Брандмейстер коллежский секретарь Лев Афанасьев Пресс, 61. Жена его Мария Васильева, 60. Сын их Николай, 20.

66. Мещанин Архип Петрович Скворцов, вдов, 65. Сын его Иоанн, 37. Жена его Евдокия Романова, 31. Дети их: Пелагея, 15, Михаил, 13, Александр, 11, Петр, 10, Сергей, 7, Феодор, 2, Иоанн, 5 месяцев.

Примечания

[1] *Шустрова И. Ю.* Русская крестьянская семья Верхневолжья XIX — начала XX века: источники и методы изучения. Ярославль, 2013 и др.

[2] *Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е.* Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII — начале XX в.). Барнаул, 2013 и др.

[3] *Миронов Б. Н.* Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 29. Л., 1989 ; *Он же.* Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007 ; *Дитрих И. И.* Исповедные росписи и метрические книги как источники по исторической демографии г. Пскова // Макарьевские чтения : материалы третьей междунар. конф. (21–22 нояб. 2004 г.). Горно-Алтайск, 2004 ; *Постников А. Б.* Исповедные росписи как источник по истории Псковской церкви и духовенства в 1727–1762 гг. // Вестн. Православ. Свято-Тихон. гуманит. ун-та. Сер. История. История Русской православной церкви. 2016. № 6 (73) ; *Федорец А. И.* Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 2013. № 1 ; *Чернякова И. А.* Ревизские сказки и исповедные ведомости — сравнительный анализ содержания с точки зрения достоверности и полноты информации // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002 и др.

[4] См.: *Марков Н. Ф.* Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия : в 12 т. / под ред. А. П. Лопухина. Т. 5. СПб., 1904. Стб. 1119 (приложение к журналу «Странник» за 1904 г.).

[5] НАРБ. Ф. И-290. Оп. 1 ; Ф. И-294. Оп. 7. Д. 69–78, 80, 81.

[6] В фонде И-290 Спасской церкви имеются исповедные росписи за 1820–1831 гг. (235 страниц), 1831–1836 (219), 1837–1841 (159), 1842–1847, 1848 (116), 1852–1865 (405), 1863–1875 (513), 1886–1897 гг. (198 страниц). Среди них нет ведомостей за 1876–1882 гг. Отдельной подшивкой представлены сведения за 1884 г. В делах за 1898–1925 гг. нет материалов за 1889, 1909, 1912, 1916–1924 гг. Еще сохранились рабочие, может быть, предварительные списки причащавшихся за 1852, 1860, 1873–1878, 1884–1889 и 1890–1900 гг.

[7] НАРБ. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4 об.
[8] Там же. Д. 73. Л. 109–121 об.

А. С. Марина

Обзор архивных источников по старообрядцам горнозаводского Урала

На Урале проживает большое количество потомков старообрядцев, которым было бы интересно узнать о своих предках. Поиск сведений осложнен отсутствием метрических записей и какой-либо иной архивной информации. И это порождает множество вопросов. Как связать те малые крохи семейных преданий, что сохранились в памяти, с найденными документами? Возможно ли составить родословную, если прадеды были старообрядцами?

Следует подчеркнуть, что до начала XX в. во всей полемической литературе, издаваемой господствующей Церковью, христиане, исповедующие дораскольные церковные традиции, именовались «раскольниками», а само духовное движение русского народа в защиту отеческих церковных обычаев называли «расколом». В церковных документах, переписке, бытовом общении верующие предпочитали именовать себя «христианами», иногда «староверами»[1].

В качестве примера рассмотрим поиск генеалогической информации семьи N. Первое исследование по метрическим книгам единоверческих и православных церквей, переписным книгам, ревизским сказкам Невьянского и Быньговского заводов положительных результатов не принесло. Вследствие чего были сделаны выводы, что члены семьи N были приверженцами церковного мировоззрения, традиций и культуры древней Русской православной церкви (дониконовского периода).

Известно, что при заводах существовали старообрядческие часовни, действовали такие и в Невьянском (большая деревянная и кладбищенская), и в Быньговском (Пузановская и Мягковская) заводах[2]. К сожалению, старообрядческие метрические книги за XVIII–XIX вв. практически невозможно найти, на хранение в архив они не передавались. Зато информация о старообрядцах имеется в документах Конторы судных и земских дел, Канцелярии главного начальника Уральских горных заводов, в частично сохранившихся полицейских отчетах и переписке Екатеринбургской епархии.

При изучении документов особое внимание было уделено росписям «раскольников, проживавших при заводах Акинфия Демидова» (материалы переписи заводского населения за 1734–1737 гг.)[3]. Сведений о старообрядцах Невьянского и Быньговского заводов обнаружить не удалось. Предположим, что списки раскольников Невьянского и Быньговского заводов в этот период не составлялись вовсе, а если и были, то эти записи не отражают всего состава рабочей силы на заводах, так как за каждого раскольника или члена его семьи Демидовы расплачивались железом. Такое заключение можно сделать на основе документов Главного правления Сибирских и Казанских заводов

за 1734–1735 гг., из которых следует, что «за обретавшихся у них на заводах раскольников за раскол за 1734 и 1735 годы с него Демидова железа не спрашивать, а сбирать с них самих раскольников деньгами»[4].

С учетом выявленной информации на втором этапе изучались документы Канцелярии главного начальника Уральских горных заводов первой половины XIX в. (1830–1850)[5]. При просмотре исторических источников обнаружены прошения старообрядческих обществ Невьянского, Быньговского, Петрокаменского заводов и селений, которые включают в себя все личные подписи проживавших в общине старообрядцев за 1831 и 1832 гг., исключая тех, кто на период создания документа отсутствовал по уважительной причине: «...находятся в разных отлучных от домов своих занятиях исполнения заводских работ...»[6] В дополнение к изученному материалу были просмотрены отчеты и немногочисленные списки горнозаводских женщин, вступивших в сводные по расколу браки с крестьянами и мещанами[7]. Содержание документов позволяет узнать состав семьи, «каких имеют детей» и сколько им лет, подробности о месте жительства женщин до вступления в сводный по расколу брак.

Таким образом, в записях было обнаружено несколько составов семей, подходящих под проводимое генеалогическое исследование. Анализ выявленных и имевшихся данных позволил выяснить имена предков семьи N, проживавших в конце 1820-х — начале 1830-х гг. Конечно, вышеперечисленных документов недостаточно для составления родословной, но так можно установить имена прапрадедов, проживавших в конце XVIII — начале XIX в. Если исходить из того, что в семье N сохранились воспоминания о месте жительства предков, именах членов семьи, биографические данные, то в этом случае выявленная информация дополнит семейную летопись и даст новую пищу для размышлений.

Важно подчеркнуть: для изучения истории семьи необходимо использовать взаимодополняющие источники. При проведении самостоятельной исследовательской работы стоит обратить внимание на хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области документы архивного фонда «Канцелярия главного начальника Уральских горных заводов». Архивный фонд содержит указы Департамента горных и соляных дел, предписания главного начальника Уральских заводов, а также переписку с начальниками и управляющими заводов, затрагивающую различные стороны быта и религиозной жизни старообрядцев. Особый интерес вызывают дела Секретного совещательного комитета по делам о раскольниках[8].

История создания секретных комитетов, занимавшихся проблемой раскола, начинается в царствование императора Александра I. Первый комитет работал в 1820–1823 гг., второй был организован в 1825 г. и продолжил свою работу при Николае I, а затем при Александре II. В 1838 г. Николай I повелел открыть секретные совещательные комитеты в губернских городах. 24 января 1845 г. в Екатеринбурге появился «Секретный совещательный комитет по делам о раскольниках и отступниках от православной веры по заводам хребта Уральского и Екатеринбургскому уезду», действовавший до 20 декабря 1863 г.[9]

Основные направления деятельности и особенности функционирования секретных совещательных комитетов детально описал в своей

статье И. С. Наградов: «Комитет рассматривал следующий спектр дел о раскольниках: о крещении, браке, погребении по старым обрядам; о воспитании в “расколе”; об уклонении в “в раскол”; о постройке, возобновлении скитов и моленных; о беглых крестьянах и солдатах (в основном, старообрядцах и странниках); о произнесении “дерзких слов” против официальной церкви и ее служителях. Однако в процессе работы комитета им были присвоены некоторые полицейские и судебные функции. Указ императора 1849 года запретил подобную деятельность. Тем не менее, в некоторых губерниях практика административных решений продолжалась до 1854 года. Например, используя возможности гражданской и духовной власти, комитет мог обязать полицию установить наблюдение за старообрядцами, удалить их из места жительства»[10]. Основными задачами комитетов являлись секретный надзор за старообрядцами и выработка единой политики местных светских и духовных властей.

В ГАСО хранятся журналы заседаний Екатеринбургского секретного совещательного комитета за 1845–1848, 1850–1851 гг., составленные по рапортам исправников заводов и «отзывам» членов комитета[11]. Значительную часть рассматриваемых дел занимают «отзывы» о сводных незаконных и законных браках старообрядцев. Исследователь проблемы брака в старообрядчестве Н. С. Канатьева отмечает: «Государственный гнет над старообрядчеством доходил до такой степени, что самые частные и личные стороны жизни людей регламентировались и сопровождались массой притеснений. Вступление в брак являлось одной из таких сторон и находилось полностью под государственным контролем. Самым распространенным способом вступления в брак был так называемый “уход”, “увод”, “тихоматный брак”, или “самокрутка”, заключавшийся в побеге невесты к жениху и последующему венчанию в православной или единоверческой церкви с наложением общиной или семейной епитимии впоследствии»[12].

Аналогичные описания «семейных наказаний» можно встретить в делах Екатеринбургского секретного совещательного комитета по Кыштымскому заводу[13]. Также в журналах заседаний комитета можно найти множество подтверждений вступления в брак «самокруткой». Одним из таких доказательств может служить рапорт исправника Невьянских заводов, который представил тринадцать подписок, данных крестьянами Невьянского завода[14]. Отметим, что имеются списки «вступивших в сводные браки незаконные, по раскольническому обряду» и по другим заводам, например Очерскому[15].

Следующим шагом комитета по ужесточению мер и вынесению вердикта было рассмотрение дел по отдельно взятым семьям. В одном из дел отмечается, что «мещанин Тимофеев, быв оглашен во вступлении в брак с девкой Чуваковою, без обряда священнодействия, подтверждал это сам; а между тем ныне он Тимофеев при допросе показал, что брак его венчан 28 января сего года, Шадринского уезда села Ольховского в Единоверческой церкви священником Алексеем Орловым...»[16]; по делу выносится определение: «...предложить Шадринскому городничему истребовать от помянутого священника надлежащие против показания мещанина Тимофеева сведение о действительности браковенчания...»[17]

Рассмотрим этот «отзыв» более подробно, с так называемой генеалогической точки зрения. Из обвинительного «отзыва» исследователь может извлечь имена, фамилии мужа и жены, их сословие, место проживания и регистрации брака, а также самостоятельно проверить по метрическим записям единоверческой церкви запись о венчании. Однако в деле есть нюанс и его надо учитывать. В с. Ольховском Шадринского уезда не было единоверческой церкви, а была только православная — Христорождественская. В этом случае исследователю рекомендуется проверить состав приходов и церквей Шадринского уезда и определить для исследования метрическую книгу Крестовоздвиженской единоверческой церкви с. Ольховское-Озеро Шадринского уезда.

Нельзя сказать наверняка, что венчание в действительности имело место. Если учитывать коррумпированность духовных лиц того периода, можно предположить, что за определенную сумму было возможно записать имена брачующихся в метрические книги. Тем самым старообрядцы не отходили от своей веры и соблюдали закон того времени[18]. Подобного рода «отзывы» имеются по Алапаевскому, Холунинскому, Невьянскому, Миаскому, Очерскому и другим Гороблагодатским заводам.

Кроме вышеперечисленных источников генеалогическая информация может содержаться в рапортах и отзывах на старообрядцев, которые занимались обучением своих детей грамоте, а также в донесениях на заводских крестьян, обвиняемых в уклонении из единоверия в раскол и оставлении своих детей без крещения.

Ценную генеалогическую информацию содержат дела о старообрядцах, занимавших заводские должности. В подтверждение можно привести следующий пример: «...о раскольниках Ревдинского полковницы Демидовой завода, — находит, что: 1. Значительные заводские должности возложены на раскольников: Александра Усольцева, Константина Кадникова, Сильвестра Бакуева...»; «...Павел Якорнов, будучи закоренелый раскольник, управляет Режевским заводом 12 лет, что покровительством пользуются родственники его: Иосиф Поздняков и Григорий Потехин...»[19] Полезные сведения можно извлечь из записей «о некоторых раскольниках Петрокаменского завода участвующих при погребении умерших раскольников же... а в этом участвуют старики, певцы и чтецы: Порфир Шадрин, Иван Солодов...»[20] Из подобных записей можно определить должность прадедов, дополнить историю семьи информацией о других лицах для определения степени родства.

Представленный выше обзор источников показывает, что в ГАСО хранится значительное количество документов, которые могут быть использованы для генеалогических исследований. Для экономии времени и труда при поиске нужной информации в многообразии источников исследователю не обойтись без знаний по истории и культуре родного края.

Примечания

[1] Русская вера : сайт. URL: http://ruvera.ru/staroobryadchestvo.

[2] Приходы и церкви Екатеринбургской епархии: ист. очерк. Екатеринбург : Братство Св. правед. Симеона, верхотурского чудотворца, 1902. С. 63, 75, 585, 591.

[3] ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 14, 14а, 14б.

[4] Там же. Д. 14а. Л. 111, 119.
[5] Там же. Ф. 43. Оп. 1, 2, 3.
[6] Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 69 об.
[7] Там же. Д. 82.
[8] Там же. Оп. 2. Д. 1572.
[9] Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5166. Л. 10 — 10 об.
[10] *Наградов И. С.* Деятельность губернских секретных совещательных комитетов о раскольниках: от «Мрачного семилетия» до великих реформ (на материалах Костромского комитета) // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2011. № 3. С. 247–251.
[11] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5773, 6647, 6647а.
[12] *Канатьева Н. С.* Браки в старообрядчестве // Журн. фронтир. исслед. 2019. № 3. С. 123–139.
[13] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1572. Л. 126, 238.
[14] Там же. Л. 45 — 45 об.
[15] Там же. Л. 70, 145, 174.
[16] Там же. Л. 18.
[17] Там же. Л. 18 об.
[18] *Кожурин К. Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. М. : Молодая гвардия, 2014. 554 с.
[19] ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1572. Л. 43, 46, 66.
[20] Там же. Л. 91.

Н. К. Пирожкова

Клировые ведомости как генеалогический источник (на примере Красноуфимского и Кунгурского уездов Пермской губернии)

Помимо общих генеалогических источников (метрические книги, брачные обыски, исповедальные ведомости) существуют и специфические, например для духовенства. Клировые ведомости — документы, включавшие в себя три части («Ведомости о церкви», «Послужные списки» и «Ведомости о приходе»), — могут служить источником сведений для исследования как истории отдельных церквей, их материально-технической базы, количества, сословного состава прихожан, наличия в приходе иноверцев (мусульман, иудеев и др.) и раскольников, так и генеалогии представителей церковного клира. В Государственном архиве Пермского края находятся 519 таких ведомостей за период с 1805 по 1937 гг. В настоящей статье предпринята попытка оценить возможность использования клировых ведомостей (64 ед. хр.) соседних уездов Пермской губернии — Красноуфимского и Кунгурского — для генеалогических исследований.

Клировые ведомости могут оказаться полезны при поиске информации по истории конкретной церкви, поскольку в них фиксировалась следующая информация: время постройки, на какие средства возводилось здание [например, «тщанием прихожан и других дателей» (Введенская, Артинский завод)[1], «тщанием прихожан, частию страхового вознаграждения и при пособии добровольных пожертвователей»

(Казанско-Богородицкая, с. Быковское)[2], «тщанием бывших заводовладельцев гг. Демидовых» (Свято-Троицкая Молебский завод)[3]], описание материально-технической базы (от количества алтарей и наличия в достаточном количестве утвари до подробностей внешней строительной отделки и цвета краски), наличие колокольни, «теплое» здание или нет, источники выплат денежного содержания полагавшемуся при ней обязательному штату духовных лиц, приносимый храмом доход и расходы (например, наличие церковной земли, факт ее сдачи в аренду), нахождение при храме школы или училища, наличие построек, таких как дом священника или сарай при церкви[4]. В начале XX в. в клировых ведомостях указывалось также: местоположение церкви по отношению к ближайшему городу (в верстах), к крупному населенному пункту, к близлежащей церкви или церквям, приписанным к данному храму часовням; молельные дома, описи церковного имущества, приходно-расходные книги, период, за который хранятся при церкви метрические книги, брачные обыски, исповедные росписи[5]. Таким образом, сохранившиеся клировые ведомости дают возможность уточнить наличие или отсутствие других генеалогических источников, количество книг в церковной библиотеке, описание имевшихся в приходе школ и источников их содержания, кто является церковным старостой, с какого года находится в должности, в каком году церковь посещало высшее духовное начальство.

В печатной форме для заполнения клировых ведомостей за 1829 г., приложенных к ведомости Покровской церкви Кунгурского уезда с. Усть-Кишерть, указывают, сколько причта положено храму по штату[6]. Ведомости приписных церквей заполняли по тому же образцу, что и ведомости тех храмов, к которым они были приписаны[7]. В части «О причте означенной церкви» сведения требовалось излагать достаточно подробно: например, «всю службу священника», дату посвящения в сан и перевода[8]. Кроме того, требовалось зафиксировать следующие сведения: дату и место рождения, из какого звания происходит, где и чему обучался, когда и кем в какой чин произведен и к какому месту, какие проходил и проходит особенные должности, когда и чем был награжден, кого имеет в семействе. Например: «Священник Михаил Екустодианов Луканин, 58 лет, дьяческий сын»; «Дьякон Афанасий Васильев Дубровский, 52 лет, священнический сын»[9]. Заносились имя, отчество, фамилия настоятеля / протоиерея / священника, его возраст, происхождение, в каком городе / селе / заводе какого уезда родился, по окончании курса в какой семинарии или академии был уволен с аттестатом какого разряда или с какой академической степенью, для какой церкви посвящен в сан священника, откуда переведен на настоящее место, имеет грамоту или нет, факт исполнения обязанностей благочинного, депутата или духовника, за что и какими наградами удостоен (например, за двухлетнее преподавание катехизиса награжден набедренником), когда и за что даны все полученные поощрения. Затем перечисляются все члены его семейства: жена (имя, отчество, возраст), дети (возраст, в каком классе семинарии или духовного училища или гимназии, на каком курсе университета находится, зарабатывает сын или дочь самостоятельно на жизнь или находится на содержании отца, факт обучения дома чтению, пению, письму, рукоделию). Под-

робные данные имелись о протоиерее, дьяконе, дьячке и их семьях[10]. Среди предполагаемых сведений о том, «кто какого поведения. А дети, обучающиеся в училищах, как вели себя во время отпусков в доме», значатся варианты: «хорошего» (или «весьма хорошего), «не худо, не хорошо», «хорошего» (или «воздержанного», «кроткого» и пр.), «смирного, но не совсем трезв»[11]. Ведомость следовало подписывать всем причтом и направлять в конце года благочинному, который дополнял ее данными о познаниях и поведении указанных в ней лиц, засвидетельствовав подписью, пересылал ее епархиальному преосвященному архиерею в первой половине января[12].

Согласно печатной форме для клировых ведомостей на 1880 г., приложенной к рассматриваемым документам Свято-Троицкой церкви с. Асова Кунгурского уезда, как и в более ранней форме от 1829 г., должны были писать, сколько положено причта по штату; внести те же сведения, что и ранее, во второй части документа «О причте означенной церкви». Об уровне образования детей духовенства писали, например: «читать и писать не учится», «учится читать у отца»[13]. Там, где был второй священник (помощник настоятеля храма), те же сведения давали о нем и его семье[14]. О псаломщиках — когда был посвящен в стихарь, факт наличия у него грамоты, сколько раз был женат («двоеженец»), дети от каждого из браков и те же сведения о семье и этапах духовной карьеры. О просфорне — имя и отчество, женой или вдовой какого священника (дьякона, псаломщика) она была, когда определена на должность, что получает за исполнение обязанностей, а также про ее детей[15].

По определению Синода от 14 ноября 1876 г. № 1674 и от 20 сентября 1878 г. № 1498, при внесении в ведомость служащих или заштатных священнослужителей и причетников или их вдов следовало указывать всех их детей, в каком бы духовном сане, гражданском или военном чине они ни состояли. В Своде законов о состояниях (т. 9, изд. 1876 г., п. 4 ст. 370) сказано, что в том случае, если светские военные или гражданские лица вступали в должность священнослужителя, их предыдущая деятельность вне церковного поприща в послужные (формулярные) списки не вносилась.

По тому же образцу заполняли ведомости приписных церквей[16]. В ведомости вносили, кто и как знает чтение, пение, катехизис, число проповедей за год. Например: «чтение и пение хорошо, катехизис весьма хорошо», «12 проповедей в год». Включались для заполнения разделы о том, «кто какого поведения, а дети, обучающиеся в училищах, как вели себя во время отпусков в дом», «кто кому в каком родстве»: например, «ни с кем ни в каком родстве не состоит», или «помощнику настоятеля троюродный брат», или «настоятелю отец»[17]; «кто и когда за что был судим, и чем штрафован, или не состоит под следствием или судом по какому делу» (с указанием, с какого месяца какого года состоит под следствием или судом): например, «за нетрезвость послан в монастырь на месяц», «получил выговор», «обязан подпиской»[18].

Про заштатных и сиротствующих, как и в форме 1829 г., излагали такие подробности: к какой церкви относился престарелый священник, где и сколько времени состоял на службе, когда и по какой причине был уволен за штат, где и у кого живет на пропитании, факт

получения пенсии от казны и сумма, находится на содержании у своих детей или обеспечивает себя самостоятельно: «Бывшего в сем причте диакона такого-то вдова такая-то, живет в своем после мужа доме, на пропитании Попечительства, и получает столько-то рублей» (или живет на своем пропитании от работы или от доходов, с оставшегося после мужа имении). А также дети у нее в семействе и уровень их образования[19] (например: «Павел Дубровский, 14 лет, обучается в Пермском духовном училище»), умения, официальные должности, в том случае, если дети уже самостоятельны и работают (служат) («Анфиса, 24-х лет, окончила курсы в Кунгурской женской прогимназии. Занимает должность помощницы учителя при Верх-Суксунском народном училище»;, «еще имеет двух сыновей Николая 25 лет и Александра 20 лет — Дубровских, состоящих на службе»[20], один — священником при Сылвинском заводе Красноуфимского уезда, а другой — псаломщиком при Сылвинской Крестовоздвиженской церкви Кунгурского уезда).

В клировых ведомостях указывались возраст священника на момент составления ведомости, социальное происхождение, в какой семинарии проходил обучение и когда ее окончил, его успехи в ходе учебы и при выпуске, территориальные перемещения из прихода в приход. Например: «Переведен к сей Александровской Покровской церкви Пермским губернским комитетом высочайше учрежденного общества попечительного о тюрьмах, был определен учителем в Красноуфимском тюремном замке»; «Определен учителем Кишертского народного училища»[21]. Можно отметить факты перевода из уезда в уезд. Так состоялся, например, перевод священника Адриана Заборнова из Прокопьевской церкви с. Плотниковского Кунгурского уезда в Свято-Троицкую церковь Молебского завода Красноуфимского уезда[22]. Указывались участие его в педагогической деятельности, сопричастность к судебной и общественной деятельности, участие в военных действиях, исполнение особых поручений, наличие отличий за участие в боевых действиях, награды (грамота, набедренник, крест, медаль) и когда они получены. Отмечался факт владения недвижимым имуществом и описывалось это имущество: например, священник Воскресенской единоверческой церкви с. Березовского Николай Гуриев Мезенцев по ведомости — «из крестьян», имеет «собственный дом в селе Воробьях Оханского уезда» (то есть не по месту служения)[23].

Отмечался факт нахождения священника под судом и следствием, за какие провинности, находился он в отпусках или нет, насколько строго соблюдал их сроки (если не соблюдал, то по какой причине), факт нахождения за штатом или без места. Приводилась дата указа Пермской духовной консистории, которым священник был определен на свою первую должность, куда и в качестве кого был определен, кем и когда рукоположен в сан, основные факты духовной карьеры: например, «утвержден законоучителем в Белянковском училище»[24].

В разные годы название части с послужными списками могло отличаться: например, «О причте означенной церкви»[25] или же «Послужные списки священно-церковно-служителей с их семействами и церковных старост и сведения о вдовах и сиротах, подведомственных церкви»[26].

Помимо имени и отчества супруги, ее происхождения (например, «священническая дочь»), даты рождения, иногда указывались ее умения и уровень образования. Можно предположить, что такое подробное описание (не требовавшееся в формах) делалось в отдельных случаях и по желанию ведущего ведомость.

Иногда в штате церкви подходящих свободных мест не было, и, например, вакансию псаломщика мог занимать дьякон[27]. Место псаломщика могло оставаться временно праздным, потому что ранее занимавший ее дьякон был переведен в другую церковь[28]. Иногда вакансию дьячка, псаломщика, дьякона берегли для сына представителей клира той же церкви, продолжавшего обучение в семинарии, о чем в ведомостях делалась соответствующая запись.

Подробно описывали карьеру и биографии священников, дьяконов. псаломщиков. Про церковников, просфорен, церковных старост писали немного: возраст, происхождение, когда был определен(а), семейное положение, на какие доходы живет, факт получения денежного вознаграждения от церкви. Внимание уделялось и членам семей. Так, в числе «сиротствующих» Покровской церкви Александровского завода в 1892 г. упоминается некая «умершего псаломщика Василья Зеленцева дочь Вера. 30 лет. Проживает неизвестно где»[29].

Иногда духовенство совмещало несколько направлений деятельности: например, вновь назначенный в Покровскую церковь Александровского завода священник Андрей Андреевич Челышев, судя по его послужному списку, в период служения в Свято-Троицком соборе г. Красноуфимска был назначен «для присутствования в судебных заседаниях отделения окружного суда и в съезд мировых судей в г. Красноуфимске для привода к присяге лиц православного исповедания»[30]. Священник Афанасие-Кирилловской церкви Бисертского завода Николай Васильевич Первушин с 1913 по 1917 гг. состоял в губернском избирательном собрании от духовенства Красноуфимского уезда для выбора членов Государственной думы, с 1912 по 1915 гг. являлся депутатом от духовенства округа для участия в заседаниях уездных церковно-школьных съездов[31]. Второй священник Михайло-Архангельской церкви с. Ачит, Симеон Васильев Руднев, приписанный формально к Осинскому собору, помимо основных обязанностей, находился в должностях законоучителя в четырехклассном училище с. Аряж и одновременно являлся членом благочиннического совета в 1900–1912 гг., кроме того, был членом ревизионной комиссии в 1911–1912 гг.[32] Второй псаломщик при той же церкви, Алексей Павлов Нечаев, являлся с 1913 г. «епархиальным инородческим миссионером». Священник Казанско-Богородицкой церкви с. Быковского Иоанн Матфеев Мичков «состоял на должности законоучителя Быковского земского училища. Благочинническим собранием был избран депутатом от духовенства округа на очередной епархиальный съезд»[33].

Следует отметить, что в Пермской губернии духовное сословие в XX в. не было закрыто для лиц других званий. Например, священник Преображенской церкви с. Сокольского Красноуфимского уезда Николай Кесарев Кашин, выпускник Пермской епархиальной псаломщической школы, по происхождению «сын мастерового», отбывал с 1908 по 1911 гг. действительную военную службу. Став дьяконом,

он состоял в должности учителя пения в Кизеловском двухклассном училище (1913–1916), после чего сдал экзамен на сан священника[34]. Исполнявший должность псаломщика Николаевской единоверческой церкви Уткинского завода Иоанн Кашеваров, крестьянин по происхождению, «состоял в походе против неприятеля в сем 1914 году»[35].

Просфорни, согласно ведомостям, преимущественно были либо из духовного звания, либо из крестьян, однако в Покровской церкви Александровского завода была «просфорня. Дочь дворянина. Майора Вера Никитина Никитина, 51 год, девица»; «определена в сей должности указом Пермского епархиального попечительства о бедных духовного звания от 8 августа 1912 года»[36]. Назначение на данную должность таким указом было стандартной процедурой. Например, Надежда Иоаннова Новожилова, крестьянская дочь 32 лет, тоже была направлена в Петро-Павловскую церковь с. Ялым указом от 25 апреля 1915 г.[37]

В клировые ведомости нередко вносили данные о родственниках представителей клира, которые исполняли свои обязанности в той же церкви или в других храмах того или иного уезда Пермской губернии, что дает возможности отследить и исследовать внутри- и межсемейные связи духовенства Пермской губернии. Так, например, священник Покровской церкви Александровского завода Андрей Андреевич Челышев приходился сыном просфорне той же церкви вдове священника Марии Федоровне Челышевой[38].

Детали характера духовных лиц, от иерея до просфорни, указывали отдельно[39]. Относительно наложения наказаний следует отметить, что зачастую характеристики поведения, такие как «примерное», «очень хорошее», «хорошее», «весьма отличное», не избавляли от взысканий за проступки. Так, священник Николаевской единоверческой церкви Уткинского завода Авраамий Дмитриев Крылов, «заводской мастеровой» по происхождению, «был судим и отрешен от места с запрещением священнослужения», затем «низведен в причетники», но через год оправдан, причем в графе о его поведении сохранилась отметка «очень хорошее»[40]. Священник Христо-Рождественской единоверческой церкви Федор Михайлов Луговых поведения «весьма отличного», тоже «из крестьян». Той же церкви дьякон Александр Михайлов Захваткин, по поведению «склонный к доносам и кляузам», был под судом, «по делу о потере псаломщиком Пономаревым узла со святым крестом и за неоказание содействия по отысканию его, был наказан двухмесячной епитимией»[41]. Псаломщик Свято-Троицкой церкви Молебского завода Павел Дмитриев Коровин был обвинен и судим «по обвинению в нетрезвости и неблагонадежных стихийных поступках» в 1889 г. В 1903 г. он снова был судим за «небрежное и неправильное ведение метрических книг», в результате чего «подвергнут строгому выговору со внесением в форму»[42].

Штатный псаломщик Владимир Александров Попов из Крестовоздвиженской церкви Иргинского завода получил более суровое наказание: в 1908 г. был на два месяца направлен в Белогорский монастырь «за то, что разстраивал прихожан против священника Будрина и за нетрезвое поведение», «составлял против священника Будрина пасквильные стихотворения»[43]. Напротив, дьякон Свято-Троицкой единоверческой церкви Иргинского завода Герман Иоаннов Симагин

удостоился оценки своего поведения как «очень хорошее». Он же был принят на действительную военную службу и пребывал там с 1906 по 1915 гг.[44]

Священник Введенской единоверческой церкви Артинского завода Красноуфимского уезда состоял под судом «за повенчание брака Батюкова, не достигшего совершеннолетия», при том что священник по ведомости считался поведения «хорошего». Псаломщик той же церкви Никита Антониев Козлов тоже был осужден епархиальным начальством «за повенчание брака Стефаниды Копыркиной, не достигшей совершеннолетия» и осужден «на труды и послушание» в Белогорский монастырь на полтора месяца. Вместе со священником Введенской церкви состоял под судом «за повенчание брака Батюкова не достигшего совершеннолетия»[45]. Тоже считался «хорошего поведения». Священник Воскресенской единоверческой церкви с. Березовского Николай Гуриев Мезенцев, поведения «удовлетворительного», по указу Пермской духовной консистории содержался под следствием и судом по обвинению в проступках против должности «благочиния и благоповедения», признанный виновным, был затем отправлен в Белогорский монастырь на два месяца из-за наложенной на него на епитимии, впоследствии отрешен от должности епархиальным начальством с предоставлением ему права проситься на другое место. Наказан он был за «вмешательство в распоряжения сельских властей»[46]. Священник настоятель Рождество-Богородицкой церкви Бисертского завода Красноуфимского уезда Евграф Яковлев Коноплев, «из крестьян», по поведению был «склонен к кляузам»[47]. Священник Рождество-Богородицкой церкви Саранинского завода Красноуфимского уезда, «из крестьян», по поведению «слишком заносчив»[48]. А священник Свято-Троицкой единоверческой церкви Сылвинского завода, «из крестьян», был поведения «посредственного»[49].

В 1836 г. относительно поведения клира существовали иные формулировки: например, про дьякона Градо-Кунгурского благовещенского собора Иоанна Игнатьева Попова говорилось что он поведения «доброго, по должности исправен»[50]. Того же собора исполняющий пономарскую должность запрещенный дьякон Антоний Иоаннов Корионов — поведения «порядочного». Запрет на служение он получил «по указу консистории по случаю произведенного крику в Соликамском соборе сторожем Баженовым, быв замечен свидетелями в довольной подирике, запрещен и сие запрещение вменено ему в штраф»[51].

Таким образом, можно сделать вывод, что клировые ведомости в Кунгурском и Красноуфимском уездах велись согласно рекомендаций от 1829 и 1880 гг., но при этом в отдельных случаях выходили за рамки тех данных, которые необходимо было в них вносить. Что позволяет ныне составить полное впечатление о биографии и генеалогии семей духовных лиц, их родственных связях, образе жизни, быте, труде. Клировые ведомости можно рекомендовать как профессиональным исследователям, так и любителям, изучающим родственные связи и историю своей семьи, предков — священников, дьяконов, пономарей и других представителей церковного причта — как полный, надежный в силу строгого регламента ведения и требований, предъявляемых к точности документа, информативный и разнообразный источник.

По причине повышенного интереса заявителей, обращающихся в ГАПК, к судьбам духовенства Пермской губернии в дореволюционный и послереволюционный период в нашем архиве в 2021 г. планируется завершить создание базы данных «Клировые ведомости церквей Пермской губернии», которая существенно облегчит и упорядочит поиск данных о предках — представителях духовенства.

Примечания

[1] ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
[2] Там же. Д. 2. Л. 23.
[3] Там же. Л. 76.
[4] Там же. Д. 4. Л. 1 об.
[5] Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
[6] Там же. Л. 1.
[7] Там же. Л. 2.
[8] Там же. Л. 2 об.
[9] Там же. Д. 11. Л. 2 об. — 4.
[10] Там же. Д. 4. Л. 2 об. ; Ф. 359. Оп. 1. Д. 9. Л. 22 об.
[11] Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
[12] Там же. Л. 5.
[13] Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 9. Л. 22 об.
[14] Там же. Л. 20–20 об.
[15] Там же. Л. 22 об.
[16] Там же. Л. 20 об. — 21.
[17] Там же. Л. 23.
[18] Там же. Л. 22, 23.
[19] Там же. Л. 22 об., 23 об.
[20] Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 11. Л. 3 об. — 5.
[21] Там же. Л. 2 об. — 3.
[22] Там же. Ф. 542. Оп. 1. Д. 5. Л. 12 об.
[23] Там же. Д. 12. Л. 13 об.
[24] Там же. Д. 4. Л. 21.
[25] Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об. — 3.
[26] Там же. Д. 16 Л. 5.
[27] Там же. Д. 11. Л. 3 об. — 4 ; Ф. 359. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об.
[28] Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об.
[29] Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об. — 6.
[30] Там же. Л. 8 об. — 9.
[31] Там же. Ф. 542. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.
[32] Там же. Л. 59 об.
[33] Там же. Л. 60 об., 87 об.
[34] Там же. Л. 67 об., 68 об.
[35] Там же. Д. 12. Л. 86.
[36] Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об. ; Д. 15. Л. 7 об. — 8.
[37] Там же. Ф. 542. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.
[38] Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 об. — 4.
[39] Там же. Ф. 542. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.
[40] Там же. Д. 12. Л. 83 об., 84 об.
[41] Там же. Л. 92.
[42] Там же. Д. 5. Л. 17 об.
[43] Там же. Л. 28 об.
[44] Там же. Д. 12. Л. 32 об. — 33.

[45] Там же. Л. 5.
[46] Там же. Л. 14.
[47] Там же. Л. 14, 21 об.
[48] Там же. Л. 57 об., 58.
[49] Там же. Л. 65 об., 66.
[50] Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 207. Л. 4.
[51] Там же. Л. 6.

В. Л. Помыткина

Современные технологии в помощь архивисту (на примере документов филиала Исторического архива Омской области в г. Таре)

Ни для кого не секрет, что последнее десятилетие тема поиска своих семейных корней очень востребована. Люди всегда интересовались своим корнями, но одно дело желать узнать, другое — делать. Если каких-то двадцать лет назад основным источником знаний о своем роде была устная история, основанная на воспоминаниях бабушек, дедушек, родителей, изучении домашних архивов, то сейчас исследователями штурмуются всевозможные сайты генеалогической направленности. Наверное, только ленивый не искал своих однофамильцев в социальных сетях. Те же, кто увлекается генеалогией довольно серьезно, приходят в архив.

Современное развитие киберпространства позволяет, не выходя из дома, разослать запросы в десятки архивов по всей стране, а потом обрабатывать полученную информацию. К тому же это намного выгоднее, чем самому в свой отпуск или выходные ехать за сотни и тысячи километров, чтобы посидеть в читальном зале. Настоящие исследователи согласятся, что ни одна архивная справка не принесет столько положительных эмоций, как лично найденный документ о своих прабабушке или прадедушке. Но технические возможности архивов сейчас таковы, что человек получит по электронной почте не просто сухую официальную справку — он получит качественную цветную копию нужного ему документа. А ведь иногда для того чтобы найти хоть какое-либо упоминание о человеке, архивисту требуется «перелопатить» гору документов.

В филиале Исторического архива Омской области находится 156 500 ед. хр. Штат архива состоит из директора, шести архивистов и шести технических сотрудников. В филиале собраны и продолжают поступать документы из семи районов северной части Омской области: Тарского, Знаменского, Седельниковского, Колосовского, Большеуковского, Усть-Ишимского, Тевризского. В архиве имеется читальный зал, который посещают краеведы, научные сотрудники и исследователи, занимающиеся составлением своей родословной.

В нашем филиале хранятся документы в основном советского периода. Дореволюционных фондов совсем немного. Наиболее ранний фонд досоветского периода — фонд Тарской поземельно-устроительной

партии (1822–1939). Здесь можно найти документы о наделении крестьян землей, планы переселенческих участков и населенных пунктов Тарского уезда. Фонд заведующего водворением переселенцев в Тарский переселенческий район (1879–1928) содержит списки, заявления переселенцев по участкам округа, приговоры сельских сходов, отчетные ведомости о зачислении и водворении переселенцев. Фонд Тарской уездной тюрьмы (1886–1922) включает списки ссыльных, обвинительные акты и приговоры судебной палаты, списки служащих, заключенных.

Еще один блок документов — фонды волостных правлений и волостных земских управ, волисполкомов. Несколько фондов архива относятся к периоду существования Временного Сибирского правительства. Это фонды Тарской уездной следственной комиссии, Тарского земельного отдела при Тарской земельной управе, документы Тарского мужского высшего начального училища и Тарской мужской гимназии.

Документы досоветского периода наиболее востребованы опытными исследователями, которые уже работали в архивах Тобольска и Омска. Их предки в большинстве случаев — переселенцы в Сибирь в рамках столыпинской аграрной реформы.

Основная масса документов охватывает период с 1920-х гг. до настоящего времени. Территориально они относятся к Тарскому уезду и округу. После 1965 г. районная сеть северной части Омской области оставалась неизменной, и архив комплектовался документами семи районов. Фонды советского периода характеризуют экономическую, социальную, культурную, политическую стороны жизни. Они представлены документами учреждений органов власти различного уровня, организаций и предприятий, учреждений образования и культуры, сельского хозяйства, кооперации, здравоохранения, профсоюзных и общественных организаций и пр.

Искушенные исследователи, почувствовав «вкус» самостоятельного поиска, предпочитают лично знакомиться с документами, они точно знают, где и что искать. Для них на сайтах архивов имеются справочники, каталоги, путеводители, тематические обзоры и перечни документов, оцифрованные описи. Новички же пишут в архив, зачастую зная лишь фамилию предка, при этом не учитывают, что транскрипция за пару сотен лет могла поменяться до неузнаваемости (особенно в случае иностранной фамилии). Многие думают, что искать архивисту ничего не надо — достаточно просто «нажать кнопку». Современный человек, привыкнув к всеобщей цифровизации, уверен, что все архивные документы уже давно оцифрованы, и поиск ведется просто нажатием клавиш на клавиатуре.

Здесь уместно будет сказать, что такие суждения не лишены здравого смысла. Последние годы в нашем филиале ведется большая работа по заполнению нашими документами различных баз данных: «Личный состав», «ScanDoc», «Электронный архив», «Архивный фонд». И хотя создавались и ведутся они для разных целей, каждая из них — помощник в генеалогическом поиске. Когда заявитель в запросе указывает место рождения родственников, профессию, другие факты их биографии, поиск вести намного легче. А как быть, когда известны

только имя и фамилия, а в графе «место жительства» указан Тарский уезд или округ? Ведь в 1910–1911 гг. в уезде проживали 252 800 человек, в округе, согласно результатам переписи населения 1939 г., — 254 525 человек[1].

База данных «Личный состав» включает в себя сведения по 659 фондам архива. В нее включены сведения только о тех делах, в которых содержатся документы личного характера. Найти, не беря опись в руки, за какие годы имеются похозяйственные книги того или иного населенного пункта? Легко! Уточнить без дополнительных справочников, как переходила из одного сельского совета в другой та или иная деревня? Тоже просто. Выяснить, имеются ли списки верующих какой-то определенной общины? И это здесь. Все документы, в которых может содержаться информация о личности, собраны в этой базе данных. Архивисты, занимающиеся генеалогическим запросом, пользуются ей постоянно. В нее внесены заголовки всех дел, в которых имеются сведения личного характера: списки, карточки, личные дела, паспорта, свидетельства, удостоверения и т. д. Данная база используется постоянно, когда у родственников сохранилось свидетельство о рождении, где указано место рождения, или они точно знают населенный пункт проживания. Также она незаменима, когда известна профессия (место работы необязательно), есть списки учителей, медицинских работников и пр.

В базе данных «Электронный архив» при генеалогических запросах мы пользуемся разделом «Научно-справочный аппарат». Это решения органов власти семи северных районов Омской области, а также распоряжения администрации Тарского муниципального образования. Суммарно эта база включает в себя 40 895 карточек. Здесь указаны все решения районных органов власти, что тоже помогает в генеалогическом поиске, решения о награждении медалями и орденами, о назначении на должность, заявления о восстановлении в избирательных правах и т. д. Данная база удобна тем, что в нее занесены не заголовки дел, а вопросы, которые рассматривались на заседаниях советов. Если при рассмотрении какого-либо вопроса звучали фамилии, они тоже заносились в базу. Поэтому возможен поиск по фамилии или адресу.

«ScanDoc» — это база фотодокументов, находящихся на хранении в архиве. База содержит 2882 карточки (фотографии) и ежегодно пополняется. Каждая карточка содержит поисковый адрес (фонд, опись, дело, лист), на ней указаны дата съемки, место съемки, автор снимка (если известен), имеется описание фотодокумента и индекс в соответствии с Единым классификатором документной информации Архивного фонда РФ, сам снимок. Доступен поиск по любому слову из описания, по поисковому адресу.

Самая объемная база данных — «Архивный фонд». Из 156 500 ед. хр. в нее занесено 127 184 заголовка дел. Поиск возможен и по названию описей, и по заголовкам дел. Эта база очень помогает в том случае, когда кроме имени и фамилии человека ничего не известно. Зная минимум информации, можно довольно быстро проверить наличие личного дела не только условного Иванова, но и Ивонова, Иванцова, Иванцева и т. д. Ведь при написании фамилии ее часто искажали. В базу занесены заголовки личных дел почти всех предприятий

и организаций, находящихся на хранении в филиале омского Исторического архива в г. Таре. В личном деле могут быть указаны место рождения, образование, период службы в армии и многое другое, что значительно увеличивает шансы на поиск дополнительной информации о человеке.

Таким образом, работать по генеалогическим запросам становится намного интереснее, а с введением электронных баз данных количество отрицательных ответов на запросы уменьшается, и архивист может выполнить запрос, имея минимум исходных данных. Конечно, не всегда нужно полностью доверять электронике, человеческий фактор так же очень важен в архивном деле. Внимательность, хорошая память, знание истории в целом и истории родного края в особенности, помогает делать нужные выводы, анализировать документы, чтобы знать, куда двигаться дальше. Тем не менее использование на практике баз данных показывает, что в некоторых случаях слова о «нажатии одной кнопки» — не такой уж миф, как казалось двадцать-тридцать лет назад.

Примечание

[1] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тарский_уезд#наследие.

Н. Б. Салимов

Архив — школа изучения своих корней и воспитания патриотизма

Национальный архив Республики Башкортостан в своей разносторонней деятельности большое внимание уделяет проведению ежегодного открытого республиканского генеалогического конкурса научно-исследовательских работ, организации различных видов выставок и других социально значимых мероприятий, которые направлены на популяризацию архивных документов, привлечение внимания юных жителей республики и граждан Российской Федерации к исследованию истории родного края на основе изучения документальных источников, привитие учащимся и студентам навыков работы в архивах, музеях и библиотеках. Все эти мероприятия в целом нацелены на практическое решение задач патриотического воспитания подрастающего поколения.

Издревле люди различными способами стремились сохранять для будущих поколений память о себе и своих предках. Родословные записи передавались для хранения самым уважаемым людям деревни. Однако в годы советской власти партийные функционеры посчитали составление шежере пережитком прошлого, тем самым был наложен запрет на ведение этого рода деятельности в семейных кругах.

В последние годы в Республике Башкортостан наблюдается повышенный интерес к изучению собственных корней и истории своего рода. Толчком к этому процессу стало принятие 10 мая 2006 г. Постановления Правительства Республики Башкортостан № 121 «О проведении народного праздника “Шежере байрамы” в Республи-

ке Башкортостан». С тех пор у нас в целях привлечения населения к изучению генеалогической летописи и истории родного края проводятся традиционные праздники родословной.

В нашей республике интерес к генеалогическим корням возродился в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Однако исследовательской деятельностью в этом направлении в основном занимались краеведы.

В целях осуществления государственной политики в области патриотического воспитания граждан, развития национальных традиций и удовлетворения потребностей населения в составлении родословной (шежере) при отделе использования и публикации документов Национального архива Республики Башкортостан в 2017 г. был создан Центр шежере (родословной) для составления генеалогических древ по заказам жителей республики и граждан Российской Федерации.

Центр исполняет запросы, поступающие от граждан, в порядке выполнения платных услуг в соответствии с заключенными с ними договорами. После предварительной работы по определению наличия документов по данному запросу и при хорошей сохранности источников с заявителем заключается договор возмездного оказания услуг по генеалогическому исследованию. По итогам изучения ревизских сказок и других документов составляется генеалогическое древо в художественном оформлении. Информация предоставляется заявителю в форме родословной росписи, генеалогической таблицы или архивных справок, выписок или копий документов, устанавливающих родственные связи.

В Национальном архиве Башкортостана хранятся материалы 5–10-й ревизий населения за период с 1795 по 1859 гг., в количестве 815 ед. хр. по уездам Оренбургской и Пермской губерний[1], а также небольшая часть первичных документов Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897), Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи населения 1917 г. по пяти уездам Уфимской губернии (за исключением Мензелинского). Наиболее полно в фондах главного архивного учреждения Башкортостана сохранились первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., которые отложились в архивном фонде Уфимского губернского статистического бюро.

Одновременно с сельскохозяйственной переписью в 1917 г. проводилась и Всероссийская перепись городского населения. Большой интерес для генеалогического исследования представляют подворные ведомости и поквартирные карточки, которые отложились по уездным городам — Белебею, Бирску, Златоусту, Стерлитамаку. По ряду причин в Уфе перепись в 1917 г. не проводилась. В Национальном архиве Республики Башкортостан также имеются на хранении материалы Всероссийской переписи 1920 г., Всероссийской городской переписи 1923 г. и Всесоюзной переписи 1926 г.

Наши соотечественники, интересующиеся своими генеалогическими корнями, могут не только обращаться в Центр шежере Национального архива Республики Башкортостан, но также имеют возможность самостоятельно изучать архивные документы в читальном зале главного корпуса и составлять родословную при методической помощи наших сотрудников.

Желающие ознакомиться с ревизскими сказками — основными источниками изучения корней своего рода, — до 2020 г. обращались к материалам специального раздела «Шежере» на сайте Управления по делам архивов Республики Башкортостан. Здесь размещались общие сведения о шежере, методические рекомендации по составлению генеалогического древа, образцы шежере, а также электронные копии ревизских сказок 1795–1858 гг.

В настоящее время в связи с созданием совместного с Обществом краеведов Республики Башкортостан историко-документального проекта «Башархив.рф» информация по составлению шежере сосредоточена на специальном сайте с одноименным названием, ссылка на который имеется на официальных сайтах органа управления архивным делом и главного архивного учреждения Республики Башкортостан.

«Башархив» — это уникальный проект, который впервые в истории открыл жителям Башкортостана доступ к отсканированным подворным карточкам сельскохозяйственной переписи 1917 г. по пяти уездам Уфимской губернии (бóльшая часть районов современного Башкортостана). Благодаря данному проекту, который направлен на популяризацию генеалогических исследований, в открытом доступе размещены 5740 уникальных в своем роде документов. Этот электронный ресурс позволяет вникнуть в историю своих предков, их повседневную жизнь.

Кроме того, на сайте имеются электронные копии ревизских сказок 10-й ревизии 1859 г. по населенным пунктам Белебеевского, Бирского и Стерлитамакского уездов Оренбургской губернии. Размещение копий ревизских сказок будет продолжаться до полного охвата всех материалов ревизий 1795–1859 гг.

Огромный пласт информации, основанной на материалах центральных, региональных и республиканских архивов, обширной научной литературе, содержат электронные копии научных изданий сборников документов, списков населенных мест, справочников, размещенные на сайте[2]. Архивные документы экспонируются в виде цифровых копий как наполнение электронного контента.

Управление по делам архивов и Национальный архив Республики Башкортостан ведут целенаправленную работу по популяризации изучения генеалогического древа среди школьников и молодежи. Именно на это нацелен конкурс научно-исследовательских работ по составлению родословной (шежере). О двух конкурсах было рассказано нами в докладе на предыдущей конференции[3].

Третий открытый республиканский конкурс научно-исследовательских работ по теме «Мы — летописцы Великой Победы», посвященный 75-летию Великой Победы, состоялся в октябре 2019 — марте 2020 г. Коллективным трудом конкурсантов была создана целая галерея героев республики, проявивших мужество и героизм на фронтах и в тылу в период Великой Отечественной войны. Проведение данного творческого состязания стало не только достойным вкладом к 75-летию Великой Победы, но и значимым событием в общественно-культурной жизни Башкортостана и Архивной службы республики. Мы уверены в том, что такие конкурсы среди юных исследователей будут способствовать сохранению исторической памяти о событиях

и участниках Великой Отечественной войны, патриотическому воспитанию школьников и молодежи на примере своих предков — славных защитников Отечества.

Следует отметить, что в конце 2020 г. в рамках проведения мероприятий, посвященных 130-летию со дня рождения выдающегося советского дипломата Карима Хакимова, Национальным архивом Республики Башкортостан при поддержке Управления по делам архивов Республики Башкортостан был проведен конкурс научно-исследовательских работ «Карим Хакимов — посол мира на Востоке», одной из номинаций которого стала тема «Семья и шежере К. А. Хакимова».

Таким образом, за период проведения генеалогических конкурсов были охвачены школьники и молодежь всех муниципалитетов республики и близлежащих регионов Российской Федерации.

Отрадно, что значимая работа архивистов республики в деле популяризации генеалогических исследований положительно оценена руководством Башкортостана. Результатом такого внимания стало принятие Постановления Правительства Республики Башкортостан от 2 апреля 2020 г. № 202 «О проведении ежегодного открытого республиканского конкурса научно-исследовательских работ “Мое шежере”». В соответствии с этим постановлением 25 января 2021 г. дан старт IV открытому генеалогическому конкурсу научно-исследовательских работ по теме «История моей семьи — в архивных документах», посвященному Всероссийской переписи населения. Надеемся, что и этот конкурс не оставит равнодушными старшеклассников, студентов, а также молодежь в возрасте до 30 лет, интересующихся историей родного края, своей семьи, биографиями и родословными известных земляков.

В деле популяризации архивных документов по истории переписей населения в стране и республике, исследования истории демографических процессов очень важное значение имеют стационарные и передвижные выставки, а также их презентации на сайтах Управления по делам архивов, Национального архива Республики Башкортостан и в социальных сетях.

Управление по делам архивов и Национальный архив Республики Башкортостан начали планомерную подготовку к освещению истории переписей населения в России и Башкортостане задолго до объявления даты начала Всероссийской переписи населения. К 100-летию Всероссийской переписи населения 1920 г. в сентябре прошлого года в главном корпусе Национального архива открылась выставка «Документы о переписях населения в Национальном архиве Республики Башкортостан». На ней представлены ревизские сказки, метрические книги, уставные грамоты, материалы переписей различных годов.

В рамках подготовки к Всероссийской переписи населения Управлением по делам архивов и Национальным архивом Республики Башкортостан запущен еще один уникальный проект — в декабре 2020 г. дан старт марафону передвижной выставки «Из истории переписей населения в Башкортостане», который начался в торговом центре «Гостиный двор» Уфы.

Далее выставку архивных документов приняли лайфстайл-центр «Башкирия», торгово-развлекательные центры «Мега» и «Планета».

Данный проект подарил многим уфимцам и гостям столицы возможность непосредственно прикоснуться к истории края. Представленные на выставке метрические книги, ревизские сказки, образцы шежере, а также подворные карточки переписи 1917 г. и материалы ревизии, установленные на сенсорном столе — все это вызвало большой интерес у посетителей торгово-развлекательных центров.

Роль экскурсоводов на вышеуказанных площадках выполняли сотрудники Национального архива Республики Башкортостан и волонтеры, которые рассказывали об экспонатах выставки, давали консультации о возможностях составления генеалогического древа на основе архивных документов и материалов переписей, а также презентовали экспозицию «Башархив».

В феврале и марте очередными площадками для передвижной выставки стали Башкирский государственный университет и Уфимский авиационный технический университет. Далее выставочный марафон продолжит путешествие по другим высшим учебным заведениям Уфы, где также будут организованы экскурсии для студентов.

Значимым событием в разносторонней деятельности главного архивного учреждения Башкортостана по популяризации архивных документом стали Дни открытых дверей, проведенные 2–4 марта для курсантов Уфимского юридического института МВД России. За три дня наши сотрудники познакомили более 160 курсантов (среди которых были представители многих регионов Российской Федерации) и их преподавателей с внутренней жизнью архива: читальным и выставочным залами, архивохранилищами, кабинетами реставрации и сканирования документов. Экскурсанты также получили от опытных специалистов ценные рекомендации по составлению генеалогического древа и методике работы по исследованию своих корней.

Итак, деятельность главного архивного учреждения Республика Башкортостан по исполнению генеалогических запросов, проведению генеалогических конкурсов научно-исследовательских работ, организации стационарных, передвижных и виртуальных выставок, а также по популяризации проекта «Башархив», проведению Дней открытых дверей — вся эта масштабная работа направлена на развитие чувства патриотизма, повышение интереса населения к изучению исторического прошлого своего рода и родного края, культурного наследия народов Башкортостана и Российской Федерации.

Примечания

[1] НАРБ. Ф. И-138. Оп. 2.

[2] Списки населенных мест Российской империи. Т. 45, СПб., 1877. С. 44 ; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45: Уфимская губерния. Тетрадь 1. СПб., 1906 ; *Асфандияров А. З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа : Китап, 2009 и др.

[3] *Салимов Н. Б.* Молодежь изучает свои корни // Генеалогия и архивы : материалы регион. научн.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 18–22.

Л. А. Сарабанская, Н. Н. Пермякова

Генеалогия как одно из направлений краеведческой деятельности библиотеки № 17 Каменска-Уральского

Современные библиотеки давно уже входят в число основных обладателей краеведческих ресурсов, поэтому постоянно расширяют комплекс дополнительных услуг, среди которых имеются и генеалогические. Для библиотек Каменска-Уральского генеалогическая составляющая стала новым этапом развития, так как это деловое партнерство открыло новые перспективы в местном сообществе, расширило круг пользователей. Библиотека № 17, расположенная на территории поселка им. Чкалова — микрорайона, отдаленного от центра города, занимается краеведческо-генеалогической деятельностью с 2012 г. За это время накоплен большой информационный ресурс.

В первую очередь в него входит новая краеведческая литература:

- сборники и монографии по истории городов Свердловской области, Уральского региона;
- издания историко-родословных обществ «Уральский родовед» и «Пермский родовед»;
- материалы научно-практических конференций этого общества;
- издание Уральского генеалогического общества «Сплетались времена, сплетались страны»;
- сборники конференции Рефтинского объединения родоведов и краеведов «Возрождение родословных традиций»;
- сборники материалов научно-практических конференций «Первые Арцибашевские чтения», «Первые Чечулинские чтения», «Каменские чтения», «Стяжкинские чтения» и т. п.;
- выпуски «Вестника краеведа»;
- журналы «Архивы Урала», «Каменский заводъ», «Юнона и Авось-ка», «Уральский следопыт» и др.

Генеалогическая тематика в этих сборниках представлена как в специальных статьях, типа родословных росписей или историй семей, так и в общеисторических работах.

Определенный генеалогический интерес представляют и книги, написанные местными авторами. К примеру, «Дорога длиною в жизнь» Александра Николаевича Котлова о Каменск-Уральском металлургическом заводе (КУМЗ), «По жизни совпал наш маршрут» Юрия Сергеевича Пономарева об истории пассажирского автопредприятия Каменска-Уральского, «История спорта Каменска-Уральского» Владимира Федоровича Калистратова и т. д. В этих изданиях также можно найти немало информации по истории семей.

Важное место в сохранении и тиражировании генеалогической информации занимает работа в архивах различной ведомственной принадлежности. Так, наша библиотека активно сотрудничает с филиалом Государственного архива Свердловской области, расположенным в нашем городе. Сотрудники архива — директор Татьяна Витальевна Судакова, заведующая отделом использования архивных документов

и научно-справочного аппарата Татьяна Геннадьевна Сахарных и главный архивист Юлия Алексеевна Четыркина — это наши друзья и партнеры. Благодаря их помощи мы получили доступ к документам, которые практически никто не видел на протяжении 70 лет. Огромна помощь начальника городского Управления культуры Светланы Владимировны Казанцевой и главного специалиста Елены Вячеславовны Беляевой. Они с пониманием отнеслись к нашему желанию собрать и сохранить историю поселка им. Чкалова и его жителей. Письма-обращения в ГАСО, завизированные в управлении, помогли библиотеке бесплатно получить большое количество копированных и сканированных документов и фотографий 1940–1950-х гг.

С 2016 г. библиотекари и волонтеры активно занимаются оцифровкой архива Каменск-Уральского металлургического завода, который собирал почетный гражданин города, бывший главный энергетик этого завода Дмитрий Феодосиевич Родкин. Оцифрованные материалы хранятся не только в электронном, но и в бумажном виде и бесплатно предоставляются пользователям по их запросу. А благодаря настойчивости волонтера-краеведа Елены Вячеславовны Румянцевой нам разрешили доступ в закрытый архив КУМЗ, которым заведует Наталья Евгеньевна Таланова. Увидев, что нас интересуют данные о строителях поселка и первых работниках завода, она проявила большую заинтересованность и оказала нам неоценимую помощь, предоставив их личные дела. Естественно, что в результате мы получили огромное количество генеалогической информации.

Начальник так называемого «первого» отдела завода Юрий Анатольевич Косминин также оказал нам помощь в поиске и получении материалов, которые долгие годы хранились под грифом «совершенно секретно» и «секретно». Поработав с этими документами, мы смогли получить достаточно большое количество генеалогических данных.

Одной из самых популярных форм современной библиотечной работы является экскурсия. Она предполагает активное участие обеих сторон — как гида, так и экскурсантов. Помимо общей экскурсии по поселку библиотекари разработали тематическую экскурсию, посвященную отдельной улице — Западной. Она начинается у самого первого дома на четной стороне и заканчивается у него же, но уже на нечетной стороне. То есть экскурсанты делают своеобразный круг. Во время прогулки участники экскурсии знакомятся не только с настоящим, но и с помощью старых фотографий погружаются в прошлое. Причем мы даже даем информацию о том, какие люди жили в том или ином доме. Иногда бывает так, что люди не только видят те дома, где жили их родственники или знакомые, но и сами активно дополняют наш рассказ, тем самым увеличивая объем генеалогической информации. В 2020 г. удалось провести две такие экскурсии, причем одна — по ул. Центральной — была разработана именно в период дистанционной работы.

Большой популярностью пользуются и виртуальные экскурсии «Поселок имени Чкалова. Начало», «75 лет поселку имени Чкалова», «Дворец культуры “Металлург”: прошлое и настоящее», «Поселок имени Чкалова. Любимых улиц милый облик» и др. Все они созданы на основе информационных ресурсов нашей библиотеки и включают в себя материал, представляющий интерес для генеалогов.

Выставочная деятельность также занимает большое место в работе библиотеки. К примеру, когда в читальном зале впервые была открыта выставка «75 лет поселку Чкалова», посвященная годовщине присвоения рабочему поселку завода № 268 имени знаменитого советского летчика Валерия Павловича Чкалова, на ней посетители увидели редкие документы и фотографии. Их наши волонтеры и библиотекари сумели отыскать в фондах филиала ГАСО, закрытом и открытом архивах КУМЗа, хранилищах городского краеведческого музея им. И. Я. Стяжкина и редакции городской газеты «Каменский рабочий». Благодаря этому в библиотеку пришли пользователи из других районов города, которые до этого вообще не бывали в поселке им. Чкалова. Для организованных групп (школьники, студенты, рабочая молодежь) библиотекари провели экскурсии по поселку. А на нашу электронную почту стали активно поступать запросы на документы о том или ином человеке.

А к 9 мая 2018 г. была открыта новая выставка под названием «Поколение победителей завода № 268», где были представлены собранные нами фотографии первых строителей поселка и первых рабочих завода, а также документы о награждениях, Книги почета и т. д. На открытии выставки семья Соболевых не только нашла своих родных — трех братьев (Алексея, Федора и Николая), но и предоставила библиотеке дополнительные материалы о своей семейной трудовой династии. На выставке побывали гости из гг. Заречный, Екатеринбург и Курган. Это также была своеобразная реклама нашего генеалогического продукта. Кстати, в 2019 г. эта выставка была вновь открыта к 9 мая, но уже с новыми документами и фотографиями. В 2020 г. из-за пандемии коронавируса все экспонаты были представлены в электронном виде на сайте «Поселок имени Чкалова 1942 — наши дни».

Для успешного продвижения краеведческих ресурсов и укрепления интереса к генеалогическим исследованиям библиотека № 17 ведет работу по созданию собственных электронных продуктов. В конце июля 2017 г. в сети Интернет появился краеведческий блог (сайт) нашей библиотеки под названием «Поселок имени Чкалова 1942–2017»*. Сейчас он называется «Поселок имени Чкалова 1942 — наши дни». Это настоящая краеведческая копилка полезной и важной информации, которая доступна любому пользователю сети Интернет в любое время суток. Здесь можно найти документы, фотографии, статьи, видеофильмы по истории как самого поселка им. Чкалова, так и всех объектов, располагавшихся когда-то и расположенных сейчас на его территории. А еще имеется информация о людях, внесших значительный вклад в развитие поселка. К примеру, можно узнать биографии первого главного инженера Рувима Исаевича Барбанеля, директоров завода Константина Николаевича Михайлова и Федора Терентьевича Маленка, рабочей Марии Ивановны Пахомовой, супругов Василия Петровича и Евдокии Ивановны Румянцевых, инженера и фотографа-любителя Анатолия Тихоновича Мальгина и многих других. А в фотогалерее размещено огромное количество фотографий, на которых пользователи находят своих родственников. Блог еженедельно пополняется новой

* URL: http://posyolokchkalova.blogspot.ru.

информацией, его на 5 марта 2021 г. просмотрел уже 15 631 посетитель из 55 стран. Опубликовано 773 поста.

С 2016 г. в библиотеке совместно с волонтерами ведется работа над реализацией комплексного краеведческого волонтерско-библиотечного проекта «Они были первыми», в котором тесно переплелись два направления — краеведческое и родоведческое. Кроме того, чтобы сделать помощь в поиске родовых корней более полной и понятной, в библиотеке начал работу консультационный пункт Уральского историко-родословного общества. Мы проводим консультации, помогаем найти выход на архивы, показываем, как работать с генеалогическими сайтами и блогами в сети Интернет, рассказываем о собственных находках.

За работу над вышеупомянутым проектом коллектив библиотеки в 2019 г. стал лауреатом премии губернатора Свердловской области.

Формирование имиджа библиотеки как активного агента — одна из главных задач современной краеведческо-генеалогической деятельности. Библиотека сохраняет культурное наследие и традиции, помогает восстанавливать и укреплять родовые связи, вносит свой вклад в развитие системы культурно-познавательного пространства Среднего Урала, приобщает местное сообщество к истории родного края и жителей, его населяющих.

В. А. Хегай

Хронология жизни как результат генеалогического исследования

Как древо пьет корнями сок,
Из почвы к кроне жизнь качая,
Так ищет человек исток,
Своей истории не зная.
Елена Муралева

Типичный современный житель, как правило, знает свою родословную за очень непродолжительный промежуток времени — 100–150 лет, это около четырех — семи поколений. Достаточно неглубокий багаж знаний. Но и этот небольшой период насыщен датами, событиями, лицами, в которых легко запутаться, и их достаточно трудно запомнить.

Начальные сведения об истории своей семьи и рода обычно знают благодаря старшему поколению, а учебники в этом деле — это их устные воспоминания, которые, впрочем, могут изобиловать неточностями.

В самом начале истории поиска своих корней у меня были сведения о шести поколениях, составленные по воспоминаниям моей бабушки. Я застала в живых своих прабабушку, прадедушку и сестру другой прабабушки, но, к сожалению, осознание важности истории рода дошло значительно позже, спустя несколько лет после их смерти.

Это произошло в 2006 г. Стимулом к начала стала деятельность моей коллеги по работе, чья родословная удивила и заставила задуматься: «Как же так? А я не знаю своих далеких предков!» Тем более у нас было столько нераскрытых семейных тайн, ждущих своего часа. Идея «вылежала» в моей голове определенное время, и в конце 2010 г. началась ее постепенная реализация.

В ходе личных генеалогических исследований я столкнулась с рядом вопросов:

1. Какой выбрать вариант оформления результата генеалогических исследований, как максимально интересный, понятный и доступный для восприятия?
2. Стоит ли оформлять промежуточные результаты поисков?
3. Когда стоит остановиться в своих поисках?

Ответы на данные вопросы появились позже в процессе ведения работы.

Хронология жизни людей

Хронология — это вспомогательная историческая наука упорядочивания событий в порядке их возникновения во времени.

Изначально итоги своей работы в 2016 г. я оформила в виде настенной картины — генеалогического древа. Исторически классический вариант, все компактно сведено воедино — все родственные связи, лица, фамилии и поколения. Но не видно было главного — какую жизнь прожил каждый человек, какие события страны ему довелось пережить, чем занимался, чего достиг. Кроме того, данные, выявленные в ходе последующих генеалогических поисков, невозможно было добавить в уже распечатанное древо.

И тут мне в голову пришла одна мысль: «Ведь история одного рода, сплетенного из историй нескольких фамилий, — это отражение части истории нашей страны». Это натолкнуло меня на идею оформления результата по-другому — индивидуально, как хронологию жизни каждого человека в виде временной шкалы, привязанной к хронике событий в стране и мире. Сразу отмечу, что такой вариант приемлем только для тех персон, о которых собрана довольно обширная информация: большой ряд фотографий — от рождения до пенсии, факты семейной жизни и их точные даты, учеба, место жительства и работы. Наложив хронику одной семьи по годам на основные вехи истории страны, мы получим интересный, наглядный и легко запоминающийся результат, дающий более полную картину жизни предков.

Вот что у меня получилось:

1. Моя прабабушка Мария — ровесница Агнии Барто, Л. И. Брежнева и Д. Шостаковича. Год ее рождения (1906) был крайне неурожайным и тяжелым на ее родине, в Уфимской губернии, где в то время произошло более 150 столкновений крестьян с полицией. Также этот год отмечен тем, что премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин объявил о проведении аграрной реформы, названной впоследствии «столыпинской аграрной реформой».

2. Моя другая прабабушка, Наталья, родилась в 1911 — в год убийства П. А. Столыпина, после одиннадцатого по счету покушения

на него. В том же году во Франции произошла кража века — унесли картину «Мона Лиза» из Лувра (нашли ее лишь в 1913 г.).

3. Моя прабабушка Мария окончила первый класс начальной школы в год начала Первой мировой войны. На этом ее образование и закончилось, скорее всего, потому, что каждая пара рук в крестьянской семье была наперечет после мобилизации населения на фронт.

4. Мой прадед Николай родился в один год (1901) с целой плеядой известных людей: Рина Зеленая, Иван Пырьев, Уолт Дисней, Марлен Дитрих, Луи Армстронг. В год его рождения в дореволюционной России была прекращена практика ссылки преступников в Сибирь. А в год окончания прадедом учебы в школе (четыре класса) произошла катастрофа века — гибель теплохода «Титаник». В том же году Россия отмечала 100-летие победы над Наполеоном.

5. В 1920-е гг. мой прапрадед Прокофий был раскулачен и сослан с семьей в Сибирь, а другой прадед, Николай, в другом регионе в этот же период занимался раскулачиванием, подавлением бунтов и продразверсткой. Таков был жизненный путь представителей двух крестьянских родов из разных российских губерний, потомки которых спустя 30 лет встретились на Урале и поженились.

Сто лет назад партия большевиков учредила части особого назначения (ЧОН), которые должны были противостоять «контрреволюции». В одном из таких отрядов служил будущий знаменитый писатель Аркадий Гайдар, а также Николай Островский и Павел Бажов. Мой прадед Николай был призван в армию именно в год создания этих частей, где и прослужил четыре года.

6. Моя бабушка Валентина родилась в тот год, когда по всей стране начали разрушать храмы, в год ее рождения (1931) в Москве был взорван храм Христа Спасителя. В этот же год началось грандиозное строительство Московского метрополитена и введены нормы ГТО. Менялась страна, менялись люди, ценности и цели.

7. Моя бабушка вышла замуж в год начала правления Н. С. Хрущева и запуска программы строительства «хрущевок» (1953). Начало семейной жизни совпало с новым витком перемен в стране и сменой идеалов. А наша семья получила свою «хрущевку» значительно позже — в 1966, в год выхода на экраны фильма режиссера Леонида Гайдая «Кавказская пленница».

8. Моя бабушка родила мою маму в год передачи Крыма Украине (1954), а умерла, когда завершился обратный процесс — возвращение Крыма России (2015). Страна меняла свои границы.

9. Моя бабушка начала свой трудовой стаж на Челябинском часовом заводе «Молния» в тот год, когда ВКП(б) переименовали в КПСС (1952). А ее выход на пенсию произошел в год показа первого иностранного телесериала «Рабыня Изаура» и фильма Владимира Бортко «Собачье сердце» (1988). Зарубежье прорвалось во многие моменты жизни страны. В этом же году прошел первый в СССР конкурс красоты «Московская красавица».

10. Моя мама — ровесница Уго Чавеса. В год ее рождения в школах впервые ввели совместное обучение мальчиков и девочек, а также началось освоение целины (1954).

11. Мой дядя, всю жизнь проработавший в милиции, родился в год, когда в Советской армии был принят на вооружение автомат Калашникова, ликвидирован Степан Бандера, образованы первые добровольные народные дружины в стране, и когда Н. С. Хрущев пообещал Америке «показать кузькину мать» (1959).

12. Моя дочь и мой прадед связаны друг с другом редкими астрономическими явлениями: дочь родилась точно в день кольцевого солнечного затмения, а ее прапрадеду не было и одного года, когда Земля пролетела через хвост кометы Галлея. Разница в возрасте между ними — почти сто лет (99,5 года), но они уникально внешне похожи друг на друга.

История жизни человека видна «как на ладони», когда изложена в виде хронологии жизни, уместившейся на одном листе. Наглядно и красочно, самые главные факты и документы, вплоть до личного автографа.

Таким образом, возвращаясь к своим первоначальным вопросам, могу ответить, что конечный результат работы в виде генеалогического древа превратился с течением времени в промежуточный результат. Но эти промежуточные итоги — окончание очередного этапа работы, и они могут выглядеть по-разному в зависимости от появления новых идей.

Хронология путей миграции

В моем случае достаточно многие вехи истории страны отразились на истории моего рода: переселение крепостных крестьян помещиком на вновь купленные земли на восточных рубежах страны, миграция в промышленную часть Урала на заработки, сталинские репрессии по классовому признаку, депортация по национальному признаку, раскулачивание, индустриализация, Великая Отечественная война, распределение молодых кадров вглубь страны на Урал.

Каждое такое событие в истории страны превращалось в массовую миграцию населения, что очень часто обрывало родственные связи. Пути миграций представителей моего рода у меня сведены в единую карту с указанием временны́х периодов и населенных пунктов.

Хронология генеалогических запросов (2011–2020)

Важным в работе генеалога является периодическое подведение итогов и упорядочивание массива имеющейся информации.

Генеалогические поиски сродни хроническому процессу, который с момента своего появления в жизни человека не заканчивается никогда. Всплывают новые данные, вносятся изменения как в древние пласты истории жизни рода, так и по вновь рожденным потомкам — ведь жизнь продолжается.

Результаты работы с архивами и органами ЗАГС мною были оформлены в виде таблицы в хронологическом порядке. За 2011–2020 гг. накоплен опыт работы со следующими учреждениями: Государственным архивом г. Пензы, Национальным архивом Республики Татарстан, Государственным архивом Приморского края, Российским государственным архивом древних актов, территориальным отделом ЗАГС

г. Каменки и Каменского района Пензенской области, ЗАГС Мензелинского района Республики Татарстан, архивом ЗАГС г. Пенза.

Организация	Дата и номер запроса	Дата получения ответа	Длительность ожидания ответа, количество выявленных данных
Государственный архив г. Пензы	20.08.2011, № 228-Т/11	29.08.2011	Девять дней, получены разъяснения
Территориальный отдел ЗАГС г. Каменки и Каменского района Пензенской области	05.03.2012	07.04.2012	Один месяц, данные по одной персоне
ООО «Кувака»	19.03.2012	—	Ответ не получен
ЗАГС Мензелинского района Республики Татарстан	30.05.2012	07.08.2012	Три месяца, две даты жизни предков
Городской архив ЗАГС г. Пенза	01.06.2012	18.06.2012	Семь дней, четыре даты жизни предков
Национальный архив Республики Татарстан	28.09.2012	03.06.2013	Девять месяцев, данные по восьми персонам
Государственный архив Пензенской области	27.06.2013, № 228-Т/11, № 69-Т	28.04.2014	Десять месяцев, данные по 22 персонам, пяти поколениям
Национальный архив Республики Татарстан	25.08.2013, № 5744-Т	08.09.2014	Один год, данные по восьми персонам
Государственный архив Приморского края	17.01.2016, № 183-Х	25.01.2016	Восемь дней, данные не найдены
Российский государственный архив древних актов (Москва)	27.04.2017, № 104К, № 1064ИД	08.02.2018	Девять месяцев, копии документов 2-й и 3-й ревизии, выявлена родина прадедов
Государственный архив Пензенской области	15.01.2018, № 214-Т	14.09.2019	Один год девять месяцев, данные не найдены
Государственный архив Приморского края	13.03.2019, № 1027-Х	18.03.2019	Пять дней, данные не найдены
Государственный архив Пензенской области	30.09.2019, № 546-Т	04.09.2020	Один год, данные по девяти персонам, четырем поколениям

Результативность поисков в разные периоды времени варьировалась от нулевого до значительного прогресса. В итоге изначальное генеалогическое древо из шести поколений удалось увеличить чуть более чем в два раза.

Дополнительная информация

Кроме дат и имен был выявлен большой объем дополнительной информации: народный фольклор родины предков, особо значимые события тех мест, где человек жил и работал. Также были раскрыты семейные тайны, исчезли белые пятна в истории моего рода:

- по сестре моего прапрадеда [узнала данные по ее супругу, адрес места жительства их семьи в районе старого города в Харбине (Китай)], удалось также сделать перевод с китайского языка надписи на ее фото;
- по брату прабабушки, уехавшему в молодости строить Комсомольск-на-Амуре (нашла его потомков в Хабаровском крае);
- по отцу моей бабушки, по которому лишь с третьего запроса архив нашел информацию (узнала о четырех поколениях его семьи, которая была белым пятном в истории нашего рода: почему-то в семье бабушки о них не говорили);
- получила архивную информацию об истории некоторых семейных реликвий;
- нашла сборник песен 1888 г. жителей того села, откуда родом мой прадед.

Сам сборник песен примечателен тем, что в нем дополнительно отражены особенности местного говора, названные как «Местные слова, встречающиеся в песнях сборника»: назола — грусть, досада; танок — хоровод; кружало — питейный дом; разболокать — раздевать, разоблачать; ромода — шум, толпа, возня; турбачить — тревожить; шумаркать — говорить шумливо. В предисловии ко второму изданию сборника (1896) написано: «А время, между тем, идет, и русская старинная народная песня понемногу исчезает, ее коренные напевы портятся посторонними вставками, а часто песня совсем выходит из обращения, вымирает, забывается — и новые поколения поют уже новые песни». Этот сборник песен был высоко оценен этнографическим отделом Императорского Русского географического общества в 1888 г. Благодаря тому, что в село в 1960 г. была отправлена экспедиция Московской консерватории, которая сделала аудиозаписи (из 125 изначальных песен было найдено лишь 26), сейчас я могу даже послушать записанные тогда песни, которые пели мои далекие предки-крестьяне по разным поводам (свадебные, хороводные).

В «Известиях Императорского Русского географического общества» сообщалось: «27.03.1887. Доложено о поступлении на заключение Отделения ходатайства А. Е. Пальчикова, исспрашивающего у Общества 1000 рублей на покрытие расходов по предпринятому им изданию песен с напевами, записанных братом его Н. Е. Пальчиковым с голоса крестьян села Николаевки». Также со ссылкой на данное выступление во многих источниках сообщается, что крестьяне данного села были переселены из Пензенской, Тамбовской и Смоленской губерний. Таким образом, становятся известны варианты родины первопоселенцев села моего прадеда до 1784–1785 гг. В сборнике есть и несколько песен про Волгу (41. «Как у нас было на Волге», 45 «Вниз по Волге по реке»), что теоретически может говорить о том, что часть первопоселенцев была родом с Поволжья.

За свой многолетний труд по сохранению крестьянского фольклора сам составитель сборника Н. Е. Пальчиков был награжден серебряной медалью общества.

Будущие этапы работы

Весь накопленный в ходе поисков дополнительный материал определил будущий этап работы — оформление родословной книги. Эта книга может включать в себя как хронологию жизни людей и страны, так и фотографии людей, населенных пунктов и значимых мест, дополнительные сведения о краеведении, фольклоре и копии архивных документов о тех, по кому нет упоминаний в ином виде — всего того, что тем или иным образом дает полную детальную картину рода.

Конечно же, в определенный период нужно ставить точку в своей работе, но так хочется сделать еще больше открытий, связанных с историей моего рода.

Время покажет, что нас ждет в будущем.

Часть II
История родов

Н. А. Антипин

Челябинские мещане Хвостовы

В центре Челябинска на ул. Васенко стоит особняк Хвостовых. Он признан объектом культурного наследия регионального значения и является одним из ярких архитектурных памятников. Во внешнем облике дома Хвостовых нашли себе место признаки разнообразных стилей: средневековая русская архитектура, классицизм, барокко, неорусский стиль, модерн[1].

Особняк принадлежал Хвостовым, поэтому интересно не только архитектурное своеобразие этого памятника, но и семья, которая построила такой дом в начале XX в. Главой семьи был Дорофей Филиппович Хованов (1858 — 22.05.1910) — мещанин, предприниматель. Он служил в армии, был уволен в запас рядовым, после чего приехал в Челябинск, где был приписан в мещане, то есть в городское сословие, представители которого имели право заниматься мелкой торговлей и ремеслом.

В Челябинске Д. Ф. Хованов женился на Варваре Васильевне (1863 — ?). После женитьбы купил дом в заречной части Челябинска, на ул. Уральской. В деревянном доме было три комнаты, амбар, завозня, крытые тесом, погреб и баня — оценочной стоимостью 200 руб. (по данным оценочной ведомости недвижимого имущества 1891 г.)[2].

Д. Ф. Хованов был членом Челябинского сиротского суда[3], открыл свое дело, торговал лесом и изделиями из леса. Его торговые лавки располагались на Восточной и Хлебной площадях Челябинска[4]. В 1906 г. Дорофей Филиппович баллотировался в гласные Челябинской городской думы. Согласно положению, кандидата выдвигали горожане, таких было 29 человек. В итоге на выборах за Д. Ф. Хованова проголосовали 49, против — 96, и он не прошел в думу[5].

Журналист В. А. Весновский в 1909 г. в путеводителе «Весь Челябинск и его окрестности» отмечал: «Наконец, нельзя не отметить еще одну, развивающуюся с каждым годом, новую отрасль торговли, именно торговлю лесом. Помимо нескольких лесных складов, существующих в городе и слободах, близ пермского переезда, между Восточным бульваром и линией Пермской железной дороги в настоящее время образовался целый лесной городок. Тут имеются конторыи склады лесных материалов: Хованова, Бормотова, Селезнева, Лаптева и Манаева, наследников Воробьева и др. Все эти лесные склады вызваны к жизни усиленным строительством в городе и отсутствием здесь строевого леса. Общий оборот лесных складов достигает до 500 000 рублей»[6].

Успешная торговля позволила Дорофею Филипповичу купить дворовое место на ул. Оренбургской (ныне ул. Васенко) в центре Челя-

бинска, где сначала у него был деревянный дом с флигелем и службами оценочной стоимостью 1500 руб. (по данным оценочной ведомости недвижимого имущества 1903 г.)[7]. В 1906 г. имущество Д. Ф. Хованова оценивалось в 2500 руб. Затем на Оренбургской улице был построен большой двухэтажный каменный дом — тот самый, который позднее был признан объектом культурного наследия. В доме было 25 комнат и имелся флигель. Двухэтажное кирпичное неоштукатуренное здание построено на цоколе из серого гранита. Над проездом — большой балкон с уникальными коваными решетками изящного рисунка. Стены главного фасада обильно декорированы кирпичной кладкой, пилястры украшены «бриллиантовым» рустом. Над венчающим карнизом по всей длине фасада — аттик с фигурными столбиками с вазонами.

По семейной легенде, Дорофей Филиппович во время строительства своего каменного дома упал с лесов и вскоре умер. Согласно записи в метрической книге Христорождественского собора Челябинска, Д. Ф. Хованов умер 22 мая 1910 г. «от поражения легких», похоронен 24 мая того же года на Казанско-Богородицком кладбище Челябинска[8]. Строительные работы заканчивал сын Геннадий. К 1911 г. дом был построен и оценивался в 10 тыс. руб.

Геннадий Дорофеевич Хованов (1880–1956) — мещанин, предприниматель[9]. Сначала торговал вместе с отцом, после его смерти перенял от него место члена Челябинского сиротского суда и торговлю. Однако в 1911–1912 гг. он переключился с торговли лесом на торговлю хлебом. Вскоре Г. Д. Хованов столкнулся с финансовыми трудностями, он начал сдавать часть своего дома в аренду. Так, в 1913 г. помещения в доме Хованова арендовал доктор-акушер Б. М. Шехтер, бывший ординатор Киевского городского родильного приюта[10]. Он вел прием посетителей по акушерству и женским болезням ежедневно с 11 до 13 и с 16 до 18 часов. В 1913 г. из-за долгов Г. Д. Хованов вынужден был продать свой дом с торгов[11].

7 апреля 1913 г. челябинская газета «Голос Приуралья» сообщала, что 5 апреля городская дума обсуждала вопрос о покупке дома Хованова: «Училищная комиссия в заседании своем от 26 марта, рассмотрев вопрос о постройке здания для 4-й женской школы, высказалась за покупку дома Хованова, который будет продаваться с торгов. Заложен он в 20 тыс. рублей. Дума дает на это принципиальное согласие»[12].

27 апреля 1913 г. Челябинский городской общественный банк в своем правлении на Ивановской улице Челябинска провел публичные торги. На продажу были выставлены каменный двухэтажный дом Хвановых, флигель, каменные и деревянные надворные постройки с дворовым местом площадью 458,49 кв. саженей. Торги были назначены за «неплатеж банку по ссуде, произведенной Хвановым под залог этого имущества». Хованов задолжал банку 22 333 руб. 30 коп. Дом купил челябинский купец Г. А. Башкиров. У него дом, в свою очередь, купило за 60 тыс. руб. товарищество «Лаптевы и Манаев», которое в 1916 г. передало его городу. 15 ноября 1916 г. Челябинская городская дума приняла дом в собственность города. Шла Первая мировая война, и здание было подарено городу с условием размещения в нем «городского приюта для детей-сирот, оставшихся от героев-воинов»[13].

После завершения Гражданской войны и установления советской власти бывший дом Хохановых муниципализировали. Тогда же была составлена опись недвижимого имущества с оценкой: «Дом каменный двухэтажный 14,00×8,00 и 4,00×5,50 и 4,00×3,50 саженей — 43 448 руб. Изба каменная 3,50Ч3,00 саж. — 491 руб. Кладовая каменная 4,00×3,00 саж. — 588 руб. Службы дощатые крыты железом 4,40×2,00 саж. — 95 руб. Службы дощатые крыты железом 2,00×2,00 саж. — 43 руб. Кладовая каменная 5,00×4,80 саж. — 972 руб. Службы бревенчатые крыты железом 6,70×2,00 саж. — 271 руб. Навес крыт железом 6,70×2,10 саж. — 72 руб. Изба деревянная крыта железом 2,00×2,00 саж. — 216 руб. Навес крыт железом 5,00×3,00 саж. — 67 руб. Службы крыты железом 9,80×2,00 саж. — 176 руб. Кладовая каменная 9,00×4,80 саж. — 1166 руб. Службы дощатые 2,00×3,00 саж. — 54 руб. Навес 7,80×3,00 саж. — 153 руб. Итого: 47 815 руб.»[14]. В 1920–1922 гг. в доме Хованова размещалась Челябинская губернская ЧК, затем Челябинский окружной отдел ОГПУ, сегодня — ФСБ.

В начале 1900-х гг. Г. Д. Хованов женился на Анне Ивановне Смолиной. В 1928 г. он вместе с ней уехал в Ташкент к дочери Антонине, но через год вернулся в Челябинск. В Челябинске Ольга Ивановна работала в военной швейной мастерской. Последние годы Г. Д. Хованов жил в Миассе, где и умер в 1956 г.

У Геннадия Дорофеевича и Анны Ивановны Хохановых родились дети: Олимпиада (23.07.1901 — 06.10.1973), Николай (р. 04.12.1902)[15], Антонина (1905 г. р.), Валентина (1907 г. р.), Борис (28.04–20.07.1910)[16]. Четверо детей окончили гимназию, девочки посещали балетную школу. Николай по окончании коммерческого училища работал бухгалтером в строительной организации. В 1937 г. он был арестован и расстрелян. Антонина жила в Ташкенте. У Валентины был сын Лев Дуденко.

Олимпиада 25 июля 1901 г. была крещена в Христорождественском соборе Челябинска[17]. Окончила Челябинскую женскую гимназию, затем ездила по деревням с целью ликвидации неграмотности. Училась в Пермском медицинском институте два года, была отчислена в связи с тем, что ее отец до революции являлся торговцем. У Олимпиады и Алексея Антоновых были дети: Юрий (23.08.1925 — 28.07.1990), Галина (р. 09.01.1933), Евгения (р. 20.05.1937). Жили в Миассе.

Мать Алексея Степановича Антонова (25.02.1901, Челябинск — 06.02.1964, Миасс) рано умерла от чахотки. Он учился в коммерческом училище в Челябинске. Познакомился с будущей женой Олимпиадой на катке. Дружили с 12 лет. Поженились в 1920-е гг. У них было шесть детей, из них трое мальчиков умерли в раннем детстве. Дочь Галина (р. 09.01.1933, Миасс) окончила фармацевтический институт в Ташкенте. Работала фармацевтом в Миассе. Дочь Евгения (р. 20.05.1937, Миасс) окончила медицинское училище, работала медсестрой в родном городе. Сын Юрий (23.08.1925 — 28.07.1990) похоронен в Миассе.

Ныне потомки Хохановых живут в Челябинске и Миассе.

Примечания

[1] Особняк Хованова. URL: https://arhistrazh.livejournal.com/35599.html (дата обращения: 20.03.2020).

[2] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 252. Л. 371 об. — 372.
[3] Там же. Д. 943. Л. 290 об.
[4] *Весновский В.* Весь Челябинск и его окрестности. Челябинск, 1909. С. 96.
[5] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 831. Л. 16, 74, 75.
[6] *Весновский В.* Указ. соч. С. 21–22.
[7] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 756. Л. 159 об. — 160.
[8] Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 592. Л. 417 об. — 418.
[9] Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1175. Л. 20.
[10] Голос Приуралья. 1913. 23 марта.
[11] Объявление // Голос Приуралья. 1913. 18 апр.
[12] О покупке дома Хованових // Голос Приуралья. 1913. 7 апр.
[13] ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 313. Л. 116 — 117 об.
[14] ОГАЧО. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 61 об.
[15] Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 360. Л. 126 об. — 127.
[16] Там же. Д. 592. Л. 107 об. — 108, 440 об. — 441.
[17] Там же. Д. 359. Л. 69 об. — 70.

Н. Т. Агуникян, Н. В. Гришина

Род Теплоуховых: дневниково-мемуарная культура и проблемы сохранения семейной памяти

Обращение потомков к семейной памяти является значимым действием, которое нужно для самоидентификации и ориентации в социальном пространстве. Потомки осваивают окружающий мир, опираясь на фундамент жизненного опыта своих предков, который начинает восприниматься как уникальный.

Род Теплоуховых в Челябинске стал известен благодаря акцизному чиновнику, мемуаристу, фотографу и общественному деятелю Константину Николаевичу Теплоухову, чьи дневники и мемуары, посвященные событиям последних десятилетий XIX — первым десятилетиям XX в., стали уникальным источником о прошлом региона[1]. Узнавание истории Челябинска и окрестностей через воспоминания К. Н. Теплоухова началось на рубеже XX–XXI вв. и сейчас сформировалось в выраженную историографическую традицию[2]. Интерес к К. Н. Теплоухову и его наследию подтверждается изданием и переизданием его мемуаров и статей[3].

К. Н. Теплоухов затмил других представителей своей многочисленной семьи, также оставивших дневники и воспоминания. Их наследие пока остается малоизвестным. Кроме того, вне исследовательского внимания оказались вопросы, связанные с собиранием этого наследия, передачей его на хранение в архивы и музеи. Предлагаемая читателю статья призвана восполнить эту лакуну.

К. Н. Теплоухов, целенаправленно занимавшийся ведением дневниковых записей, а позднее составлением на их основе мемуаров, безусловно, в этом вопросе дал импульс и организующее начало детям и внукам. Работу К. Н. Теплоухова с текстами, по аналогии с методами обращения к прошлому историка С. Б. Веселовского, мож-

но определить как «дневниково-мемуарную форму» повествования[4]. В содержательном смысле такая форма повествования означала написание воспоминаний спустя достаточно продолжительное время после событий с опорой на дневниковые записи, которые делались по «горячим следам». Дневниково-мемуарная культура стала частью семейной традиции, ее проявления были свойственны ряду потомков К. Н. Теплоухова. Еще одной особенностью ведения дневников, в первую очередь детьми К. Н. Теплоухова, стал феномен коллективного / походного дневника[5].

Традиция хранения семейной памяти была заложена усилиями К. Н. Теплоухова. В семье уделялось большое внимание поддержанию ритуалов семейного общения, один из которых предполагал оставление потомкам воспоминаний, реконструирующих всю историю рода. К. Н. Теплоухов воспринимал составление воспоминаний как важное семейное мероприятие и старался привлечь к этому занятию всех членов семьи. Особенно активно он действовал на этом поприще в 1930-е гг., когда сам взялся за переработку дневниковых записей.

Отметим, что его стремление разделяли не все члены семьи. Так, О. Н. Сосунова, сестра К. Н. Теплоухова, в марте 1937 г. (время, когда К. Н. Теплоухов наиболее активно занимался подготовкой мемуаров) находила неблагоразумным делиться информацией по поводу своих детей: «...не желаю, чтобы мои дети фигурировали в различных фельетонах»[6]. В более раннем письме (от 27 февраля 1935) Ольга Николаевна объясняла, почему она не сможет представить информацию о детях для родословной: «Насчет материала для твоего романа “Предки и потомки”, мне что-то не хочется писать тебе о своих ребятах: мне кажется, что мои младенцы почему-то твоей симпатией не пользуются, а как мать я не могу изобразить их совершенно беспристрастно, невольно, но они у меня получаются типами положительными. ...не сердись, милый Костя, что не исполню твоей просьбы насчет характеристики своего семейства, право нечего о нем писать»[7]. Несмотря на семейную традицию вести дневники, Сосуновы уже были представителями другой фамильной ветви и, вероятнее всего, не желали оставаться в семейных хрониках. Вместе с тем О. Н. Сосунова все же проявляла интерес к семейной истории. Так, в 1939 г. она переосмыслила значение работы Теплоухова: «...в Ейске, ты мне сказал, что пишешь семейную хронику; ...была невнимательна к твоему творению. Ты обиделся не зря... Теперь, когда ты написал о знакомстве с А. Ф. Теплоуховым и его интересе к семейной хронике, мне очень захотелось знать, что вы раскопали о Теплоуховых... От папы (Николая Андриановича) осталось списанное из газеты письмо Герцена и больше ничего»[8].

Действительно, важными респондентами для К. Н. Теплоухова стали пермские родственники — Александр Федорович Теплоухов и Мария Федоровна Вологдина. В ходе их переписки 1938 г. с К. Н. Теплоуховым был выявлен общий предок — Александр Ефимович Теплоухов, крепостной Очерского округа Пермского края. Сохранились его дневники, в одном из них под названием «Сведенья о жизни моих родителей и вообще обо всей фамилии»[9] обе ветви Теплоуховых узнали еще об одном общем предке — прапрапрадеде Спиридоне Теплоухове. В отличие от челябинской ветви Теплоуховых Александр

Ефимович вел записи «за 55 лет, конечно, не каждый день, но все что его занимает»[10]. Общий объем его наследия составляет 10 книг, объем каждой достигает от 250 до 400 страниц. Дневники А. Е. Теплоухова хранятся в Государственном архиве Пермского края.

К. Н. Теплоухов стремился не только писать мемуары, но и сохранить их для потомков. По свидетельству А. Б. Гуськовой, в 1930-е гг. он начал копировать документы и передавать их на хранение дочери О. К. Гуськовой в Москву. Этому решению способствовали переезды К. Н. Теплоухова и опасения, что документы могут быть утеряны. Так с 1935 г. начал формироваться семейный архив в Москве. Таким образом, постепенно сложились два центра хранения семейного наследия — у дочерей Анны Константиновны (Ульяновск, Бийск, Челябинск) и Ольги Константиновны (Москва).

Еще одна часть семейного наследия была предметом постоянного внимания и заботы К. Н. Теплоухова. Это архив фотографий. Увлекающийся фотосъемкой К. Н. Теплоухов собрал большую коллекцию снимков уральской природы, жителей Южного Урала, бытовой стороны их жизни. Однако в первые десятилетия XX в. архив фотографий значительно поредел. Часть снимков, переданных на хранение в гимназию, пропала в годы Гражданской войны вместе с альбомами, в которых они хранились. Другая была подарена К. Н. Теплоуховым в 1919 г. оперативным работникам Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, проводившим у него обыск. В 1933 г. К. Н. Теплоухов систематизировал оставшиеся фотографии, что обеспечило их дальнейшую сохранность.

Вторым человеком, благодаря которому традиция написания и собирания семейной истории продолжилась, стала дочь Анна Константиновна Теплоухова. Именно она разглядела особую историко-культурную ценность накопленного отцом материала[11]. Ее роль видится в первую очередь в обосновании важности сохранения истории рода для младших членов семьи Теплоуховых. А. К. Теплоухова передала уважительное отношение к семейному наследию следующему поколению семьи Теплоуховых. Внучки Анна Борисовна Гуськова и Муза Владимировна Пасешник сохранили документы, черновые наброски, литературные произведения, записные книжки, письма не только деда, но и других членов семьи. Они же предприняли шаги по формированию архивных фондов и музейных коллекций семьи Теплоуховых, передали документы на хранение в Центр историко-культурного наследия г. Челябинска (ЦИКНЧ), Объединенный государственный архив Челябинской области, Государственный исторический музей Южного Урала (ГИМЮУ) и Ильинский районный краеведческий музей. То есть благодаря А. Б. Гуськовой и М. В. Пасешник семейная история Теплоуховых стала доступна общественности, а многие страницы прошлого Южного Урала и мироощущения его современников, сохраненные в документах семейного архива, придали им статус важного исторического источника.

Потомки К. Н. Теплоухова осознавали уникальность семейного архива еще в 1950–1960-е гг., когда были осуществлены первые неудачные попытки его публикации. В итоге, отказавшись от идеи обнародовать семейные документы, внучки сосредоточились на их сохранении,

расшифровке, литературной обработке для внутренних нужд семьи. Лишь на рубеже XX–XXI вв. сложились благоприятные условия для реализации некогда задуманного.

С 2000 г. внучки Теплоухова начали передавать документы из семейного архива в места организованной памяти. Так, ЦИКНЧ было передано 116 предметов: оригиналы мемуарной прозы за 1899–1907 и 1916–1924 гг., копии и оригиналы других документов из архива К. Н. Теплоухова.

А. Б. Гуськова инициировала создание личного фонда Теплоухова в ОГАЧО. Она совместно с сотрудниками отдела инициативного документирования архива с 2007 г. начала организацию личного фонда П-830 «Теплоухов Константин Николаевич. Акцизный чиновник, городской и общественный деятель, фотограф, мемуарист 16 (28).08.1870 — 07.06.1942, г. Челябинск, Челябинская область». Ныне фонд включает в себя комплекс документов, охватывающих период жизни К. Н. Теплоухова и членов его семьи (1866–2018). В него вошли документы к биографии К. Н. Теплоухова (аттестат, удостоверение реального училища и т. д.), тетради К. Н. Теплоухова, мемуары К. Н. Теплоухова, подготовленные А. Б. Гуськовой, имущественно-хозяйственные бытовые документы К. Н. Теплоухова, документы о фондообразователе, изобразительные документы К. Н. Теплоухова, документы членов семьи К. Н. Теплоухова, документы, отложившиеся в фонде К. Н. Теплоухова. Фонд пополнялся до 2018 г., когда А. Б. Гуськова передала туда документы и фотографии брата и внука К. Н. Теплоухова — Константина Борисовича Гуськова. А. Б. Гуськова на протяжении длительного времени помогала расшифровывать материалы и консультировала сотрудников архива по вопросам научного описания документов. В формировании архивного фонда принимала участие и М. В. Пасешник, которая помогла дополнить архивные материалы различными документами об А. В. Теплоухове. Отметим, что А. Б. Гуськова передала все материалы в архив с правом совместного пользования с М. В. Пасешник. Еще одним центром, где сформировалось место памяти семьи Теплоуховых, стал Ильинский районный краеведческий музей, куда в 2013 г. А. Б. Гуськова передала некоторые материалы деда.

Муза Владимировна Пасешник стала фондообразователем в ГИМЮУ. Еще в интервью 25 декабря 2013 г. на вопрос о том, как она распорядится десятками тетрадей и фотографиями, М. В. Пасешник ответила, что планирует часть передать в музей. Действительно, в начале 2015 г. М. В. Пасешник приняла решение передать туда часть дневников и мемуарных тетрадей, некоторые личные вещи. В результате в 2018 г. в музее сформировался личный фонд К. Н. Теплоухова. В него вошли три дневника К. Н. Теплоухова (в каждом от 45 до 250 страниц), два юношеских дневника сына Александра (65–72 страниц), семь дневников сына Владимира, в которых встречается феномен коллективного ведения дневника (то есть имеются записи не только его и сыновей, но и дочери Анны), и шесть юношеских каникулярных дневников внука Алексея, а также небольшая автобиография Анны Константиновны Теплоуховой и летопись рода Теплоуховых.

В музейной коллекции наиболее интересным является дневник Владимира Теплоухова за период с февраля 1915 по март 1916 г. В. Теплоухов вел ежедневные записи в тетради размером 20,3×16,8 см в твердом ледериновом переплете объемом около 310 страниц, со спутанной и прерывающейся нумерацией, которая расположена в верхних углах листов. В конце тетради имеется список дел на май, а на последней странице — попытка составить родословную Свиридовых, Гилевых, Теплоуховых, Сосуновых, Чабаевых[12]. Основные линии в древе родственников прописаны чернилами, факты, которые требовали уточнения прописывались карандашом. Также родословное древо имело схематические обозначения, одинаковые для все родов: круги — представительницы женского пола, квадраты — представители мужского пола, пустая фигура обозначала живого человека, с крестом внутри — умершего. Подчеркнем, что попытка составления родословной встречается только у сына К. Н. Теплоухова.

Имея общую семейную коллективную память, потомки заботились о фотографиях, дневниково-мемуарных тетрадях, для того чтобы знать историю своих предков, иметь возможность обратиться к опыту предыдущего поколения. Все это составляет особенный семейный «культурно-исторический образ мира, запечатленный в коллективном сознании в конкретно-исторических условиях ее развития»[13].

Изучение наследия семьи Теплоуховых позволяет выделить два уровня дневниково-мемуарной культуры. Первый был заложен самим К. Н. Теплоуховым. Он пытался распространить практику дневниковых записей и составления воспоминаний на всех членов семьи, сделав ведение дневников и написание мемуаров семейной традицией. Часть членов семьи разделила любовь К. Н. Теплоухова к мемуаристике. Так сформировался второй уровень семейной дневниково-мемуарной культуры, выраженный в стремлении приумножить, сохранить и обнародовать наследие К. Н. Теплоухова и других членов семьи. Наибольшую роль в этом сыграли внучки К. Н. Теплоухова — А. Б. Гуськова и М. В. Пасешник. Они, по сути, создали в глазах челябинской общественности образ Теплоухова как интеллектуала, мемуариста. Они же, передав мемуарное наследие семьи в архивы и музеи, создали «места памяти» о своем деде и семье Теплоуховых.

Несмотря на то что история с сохранением наследия семьи Теплоуховых достаточно непростая, начиная от обысков в первые десятилетия советской власти и заканчивая более поздними семейными разногласиями, можно отметить, что благодаря усилиям потомков стало возможным открытие новых источников по истории Южного Урала. Пример работы с прошлым членов семьи К. Н. Теплоухова позволяет узнать больше о способах и традициях передачи семейной памяти.

Примечания

[1] *Гайнуллин М. Ш.* Уральский Леонардо да Винчи. Хроники Челябинска вековой давности // Южноурал. панорама. 2015. 13 марта. URL: https: // up74.ru/articles/kultura/74903 (дата обращения: 12.03.2021).

[2] *Алеврас Н. Н., Андреева Т. А.* Челябинские хроники Теплоухова: образ мемуариста // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска ; сост. и науч. ред. В. С. Боже. Вып. 4. Челябинск,

2008. С. 117–142 ; *Горелова Г. Г., Попкова Т. А., Степанов В. А.* Контент-анализ мемуаров уральского чиновника К. Н. Теплоухова // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Психология. 2013. № 3 ; *Журавлева Н. С.* Челябинск первой трети XX столетия в мемуарах К. Н. Теплоухова // Урал. ист. вестн. 2018. № 2. С. 102–108.

[3] *Теплоухов К. Н.* Челябинские хроники: 1899–1924. Челябинск, 2001. 512 с. ; *Он же.* Мемуары: 1899–1934 / сост. А. Б. Гуськова ; науч. ред. В. С. Боже. М. : Лист Нью, 2011. 717 с. ; Константин Теплоуховъ. Удивительное жизнеописание акцизного чиновника и человека в его мемуарах, рассказах и фотографиях. 1897–1924 гг. / сост. Д. Г. Графов. Челябинск : Камен. пояс, 2015. 624 с. ; *Теплоухов К. Н.* Путешествия по Уралу : рассказы / сост. Д. Г. Графов. Челябинск : Камен. пояс, 2017. 242 с. ; *Теплоухов К. Н.* С ружьем по Уралу : очерк, дневниковые записи, публикации в журнале / сост. Д. Г. Графов. Челябинск : Камен. пояс, 2020.

[4] См.: *Юрганов А. Л.* «Всё это ушло далеко в вечность» — дневник и жизнь Степана Борисовича Веселовского // Знание — сила. 2001. № 11. С. 115–127 ; *Поляков И. А.* С. Б. Веселовский и его наследие в историографии и памяти общества // Клио. 2013. № 12 (84). С. 153–157.

[5] Подробнее см.: *Алеврас Н. Н., Андреева Т. А.* Указ. соч. С. 120.

[6] ГИМЮУ. ОФ-7585/4. Теплоухов К. Н. Дневниковые записи. 1935–1937 гг. С. 9.

[7] ОГАЧО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 76. Л. 2–3. Перепечатка писем О. Н. Сосуновой К. Н. Теплоухову, брату, и А. К. Теплоуховой, племяннице.

[8] Там же. Л. 15–16.

[9] ОГАЧО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 21. Л. 15. Материалы (переписка писем, дополнения к дневникам К. Н. Теплоухова) к родословной Теплоуховых 1883–1935 гг.

[10] Там же. Л. 21.

[11] См.: *Гуськова А. Б.* О К. Н. Теплоухове // К. Н. Теплоухов. Мемуары: 1899–1934. С. 610–654.

[12] ГИМЮУ. ОФ-7585/6 Теплоухов В. К. Дневниковые записи. 1915–1916 гг. С. 309.

[13] *Логунова Л. Ю.* Структурные характеристики семейно-родовой социальной памяти // Вестн. МГУ. 2009. № 1. С. 123.

М. С. Бессонов

Верхотурские (уральские) корни поэта Александра Блока. История поиска

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня смерти русского поэта Александра Александровича Блока.

Бабушка поэта, Ариадна Александровна, была дочерью псковского губернатора Александра Львовича Черкасова. В «Псковской энциклопедии» сказано, что он родился 16 августа 1796 г. А вот где он родился, неизвестно[1]. Давайте возьмем исповедную ведомость Знаменской церкви г. Верхотурья за 1800 г., в которой записано: «...г. Верхотурья городничий, надворный советник Лев Иванов Черкасов, 49 лет, у него жена Елена Иванова, 42 лет, дети их: Константин, 14 лет, Николай, 11 лет, Александр, 4 лет, Гавриил, 3 лет, Серафима, 16 лет, Александра, 9 лет,

Лариса, 7 лет», и с ними дворовые люди — 28 человек. В исповедной ведомости заречной Богородицы Одигитриевской церкви Верхотурья за следующий, 1801 г. запись несколько отличается: здесь записан пропущенный Иван 3 лет, а Николай записан в возрасте 14 лет, Гавриил — 9 лет[2].

Возникает вопрос: где родился Александр Львович? Чтобы это выяснить, просмотрим «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796». Оказывается, в этом году Лев Иванович Черкасов уже был городничим в Верхотурье. Более того, в Пермской губернии нашлись еще Черкасовы: титулярный советник Иван Черкасов, асессор палаты гражданского суда в Перми подпоручик Алексей Черкасов, исправник нижнего суда в Алапаевске[3]. Более того, все оказались с отчеством Иванович, и возраст у всех практически одинаковый: на 1798 г. Льву Ивановичу было 49 лет, Алексею Ивановичу — 43 года, а Ивану Ивановичу — 41 год[4]. То есть, возможно, они были братьями. Просматривая ревизскую сказку по Верхотурью за 1795 г., наткнулся в ней на запись со слов живущей в городе жены коллежского асессора Федора Иванова Чуракова: «...дала сию скаску о состоящих за мною доставшихся мне по уступной от родителя моего отставного секунд маиора Ивана Черкасова»[5]. Значит, она являлась сестрой Льва Ивановича Черкасова и, возможно, Алексея и Ивана Черкасовых. А главное, становится известным, что отцом их был отставной секунд-майор Иван Черкасов.

Идем далее. Просматривая метрическую книгу Спасской церкви Соликамска за 1800 г., я наткнулся на запись о браке: «...соликамский мещанин отрок Георгий Александров сын Рязанцов того же г. Соликамска прихода Свято-Троицкого собора здешнего городничего Василия Яковлева Колтовского женой его Марией Ивановой, принятой вместо дочери покойного Верхотурского городничего секунд-майора Ивана Васильева сына Черкасова и покойной же жены его Ксении Михайловой дочери девицей Екатериной, оба первым браком»[6]. Оказывается, Екатерина тоже являлась дочерью секунд-майора Ивана Черкасова, и, скорее всего, Мария Ивановна Колтовская, у которой она воспитывалась, — ее сестра. О родстве Ивана и Льва Черкасовых говорит то, что в 1805 г. верхотурский городничий Лев Иванович Черкасов был восприемником дочери Ивана Ивановича[7]. Получаем в итоге следующее: Лев, Алексей, Иван, Федора, Екатерина и Мария — очевидно, все братья и сестры.

Итак, мы выяснили, что их отцом был секунд-майор Иван Васильевич Черкасов. Давайте снова обратимся к «Месяцесловам». По ним выясняется, что он с 1775 по 1781 г. был управителем канцелярии Исетского дистрикта Исетской провинции Оренбургской губернии (Исетский острог)[8]. В 1781 г. Исетская провинция была ликвидирована, и Исетский дистрикт отошел к Тобольской губернии. Очевидно, тогда Иван Васильевич Черкасов и был назначен на некоторое время городничим Верхотурья. По 4-й ревизии по Верхотурью (1782) за ним числились 52 души дворовых людей[9]. Жена — Ксения Михайловна[10].

Давайте познакомимся с их детьми. Дочь Федора Ивановна была замужем за Данилой Петровичем Чураковым. Его отец, секунд-майор Петр Данилович Чураков, был городничим в Камышлове (1795)[11].

Сам Данила Петрович с 1783 г. служил исправником в нижнем земском суде Верхотурья. Капитан, коллежский асессор. В 1800 г. надворный советник, товарищ советника Архангельской удельной экспедиции. С 1802 г. советник казенной палаты Вологодской губернии, коллежский советник[12].

Лев Иванович Черкасов начал военную службу в 1764 г. Вышел в отставку в чине секунд-майора и проживал в Перми, где служил заседателем верхнего земского суда (1782–1784). Здесь он в 1781 г. стал членом-учредителем масонской ложи «Золотого ключа». В 1784 г. был определен городничим Верхотурья, на какой должности и прослужил до 1808 г. в чинах от коллежского асессора до коллежского советника. Был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1808 г. переведен на должность городничего в г. Ирбит, где и умер 16 июня 1814 г. Лев Иванович был женат на Елене, дочери воеводы из г. Туринска коллежского асессора Ивана Андреевича Панаева, которая умерла 9 февраля 1840 г. в Ялуторовске. Определением Казанского дворянского депутатского собрания от 28 марта 1794 г. род был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии[13].

Второй сын Ивана Васильевича Черкасова, Алексей, впервые упоминается в 1794 г. в Чердыни, где он в звании подпоручика служил исправником в нижнем земском суде. Потом был Алапаевск, затем Верхотурье, где он был заседателем Верхотурского уездного суда. Несколько лет (1802–1805) он являлся заседателем уездного суда в Шадринске, а затем был переведен в г. Курган Тобольской губернии на должность судьи местного уездного суда. В Кургане он прослужил по крайней мере до 1822 г. и дослужился до чина надворного советника[14].

Третий сын, Иван Иванович Черкасов, начал военную службу в 1782 г. и вышел в отставку поручиком. Служил в Перми асессором губернской палаты гражданского суда (1892–1896), затем асессором 2-го департамента Пермской палаты суда и расправы, губернским стряпчим в Пермском губернском правлении, советником уголовного суда. В 1808 г. был переведен в ведомство Гороблагодатских и Камских заводов на должность помощника горного начальника по Камским заводам в чине коллежского советника. Известны его дети: Феодора, Александр, Константин, Федор, Христина, Серафима, Иван, Мария и Платон[15].

Мария Ивановна Колтовская — жена соликамского городничего. Василий Яковлевич Колтовский начал службу в 1769 г. После выхода в отставку в чине секунд-майора являлся городничим Соликамска (1790–1805), дослужился до надворного советника. Умер, очевидно, в 1805 г. После смерти мужа Мария Ивановна проживала в Перми, последний раз упоминается в метрической книге за 1816 г. Известны их дети: Лариса, Евгений, Наталья и Василий[16].

Самая младшая дочь, Екатерина Ивановна Черкасова, как мы уже знаем, в 1800 г. вышла замуж за соликамского мещанина Георгия Александровича Рязанцова из известного рода соликамских солепромышленников. К сожалению, Екатерина Ивановна прожила недолго — в декабре 1802 г. умерла во время родов в возрасте 24 года[17].

А теперь давайте познакомимся с внуками Ивана Васильевича Черкасова. Возможно, его внуком был губернский секретарь, помощник

секретаря канцелярии 2-го округа Главного управления путей сообщения (1811) Петр Данилович Чураков[18].

Старшая дочь Льва Ивановича Черкасова, Серафима, в 1805 г. вышла замуж за исправника нижнего земского суда Верхотурья титулярного советника Василия Ивановича Высоцкого, который позднее служил исправником в Перми, заводским исправником, судьей в Екатеринбургском уездном суде и дослужился до чина коллежского советника[19].

Старший сын Льва Ивановича, Константин, начал службу в 1808 г. заседателем нижнего земского суда Верхотурья в чине коллежского архивариуса. В 1811 г. женился на Антонине, дочери верхотурского уездного судьи титулярного советника Ивана Егоровича Решетникова. В Верхотурье Константин Львович прослужил до 1815 г. и был переведен в Екатеринбург на должность исправника земского суда в чине губернского секретаря. С 1821 г. были Шадринск и та же должность исправника земского суда. Здесь он прослужил до 1838 г. в чине титулярного советника. За службу награжден орденом Св. Анны 3-й степени (1826). Пока известно только об одном его сыне — Владимире[20].

Второй сын Льва Ивановича, Николай, связал свою жизнь с военной службой. В 1812 г. он корнет лейб-гвардии уланского полка. Позднее адъютант лейб-гвардии уланского цесаревича Константина полка. С 1827 по 1838 гг. директор 1-го Сибирского кадетского корпуса в Омске. Умер в ноябре 1843 г. в чине генерал-майора. Был женат на Марии, дочери генерал-майора Антона Степановича Чаликова. После его смерти остались восемь детей, в том числе дочери Елена и Марфа[21].

Вторая дочь Льва Ивановича, Александра, вышла замуж за помощника горного начальника Богословских заводов обер-гиттенфервальтера Александра Николаевича Фарафонтова, который позднее служил управляющим Дедюхинскими соляными промыслами в чине обер-бергмейстера. Александра Львовна умерла в 1817 г. в 26-летнем возрасте при родах. Известно, что в семье были дети: Елизавета, Александра, Юлия, Николай, Елена[22].

Еще один сын Льва Ивановича, Гавриил, как и отец, служил по гражданскому ведомству, начав с должности заседателя земского суда в Ирбите (1814). С 1819 г. исправник земского суда. В Ирбите он служил до 1834 г., когда он был переведен в г. Туринск Тобольской губернии на ту же должность. Но в 1838 г. он исправник уже в Ялуторовске, а в 1840 г. — судья Ялуторовского окружного суда. В 1842 г. он снова исправник земского суда в Туринске, а с 1844 по 1849 гг. — окружной начальник в Ирбите в чине надворного советника. Был награжден орденом Св. Анны 3-й степени (1827), имел знак беспорочной службы за XX лет (1832). 13 ноября 1818 г. сочетался браком с Ольгой, дочерью камышловского купца Петра Федоровича Щепетильникова. У них были дети: Мария, Лев, Иван, Павел, Лариса, Варвара[23].

Младшая дочь Льва Ивановича, Лариса, в 1816 г. вышла замуж за шихтмейстера Екатеринбургских заводов Евграфа Ивановича Данилова (в дальнейшем — управитель Уктусского, Пышминского заводов; горный исправник в чине маркшейдера)[24].

Прадед поэта Александра Блока, Александр Львович Черкасов, начал военную службу 18 августа 1816 г. В 1825 г. он подпоручик

артиллерийской бригады, находящейся на Урале. Позднее служил в Сибири. В 1843 г. действительный статский советник, состоящий в ведомстве МВД. В 1845 г. назначен на должность губернатора Псковской губернии. Должность принял в сложное для края время — после голода и сильного наводнения, произошедших в Пскове в 1845 г. В годы его губернаторства в Пскове был построен чугунолитейный завод, открыт Кутузовский сад, сооружен мост через реку Пскову близ Троицкого собора, позолочен купол собора, построено каменное здание для губернской гимназии. Награжден орденами Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 4-й степени. Умер 16 сентября 1856 г., похоронен в Пскове на кладбище Ивановского монастыря. 10 апреля 1825 г. в Екатерининском соборе Екатеринбурга сочетался браком с Ариадной, дочерью члена Главной конторы Екатеринбургских заводов берггауптмана 6-го класса Ивана Леонтьевича Тетюева[25].

Младший сын Льва Ивановича Черкасова, Иван, тоже посвятил свою жизнь военной службе. С 11 августа 1817 г. учится в Дворянском кавалерийском эскадроне в Петербурге, затем корнет лейб-гвардии уланского полка, старший адъютант штаба Сибирского отдельного корпуса в Тобольске. В 1834 г. переведен в корпус жандармов с переименованием в подполковники. В 1835 г. его переводят в Томскую губернию, затем в Оренбургскую, Нижегородскую, Саратовскую, Минскую губернии, а 1 февраля 1838 г. Иван Львович был перемещен на должность «по особым поручениям» при начальнике 7-го округа генерал-майоре графе Апраксине в Казани, где и умер 15 апреля 1838 г. Был награжден орденами Св. Анны 4-й степени, Св. Станислава 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени. Женился на дочери коллежского асессора Екатерине Степановой Языковой. Их дети: Елена, Лидия, Леонид, Диодор. Надо сказать, что Иван Львович обладал и поэтическим даром. Его произведения публиковались на страницах газеты «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», на его стихи Александр Алябьев написал романс и ряд музыкальных сочинений для хора с оркестром[26].

Три сына Ивана Ивановича Черкасова служили по горному ведомству. Старший сын, Александр, служил в Старой Руссе Новгородской губернии на Старорусском соляном промысле: смотритель лесов, пристав припасного и соляного магазинов в чине коллежского асессора. Определением Новгородского дворянского депутатского собрания от 5 марта 1838 г. и Указом Сената об утверждении от 26 июня 1846 г. род был занесен в 3-ю часть родословной книги Новгородской губернии по Демянскому уезду. У Александра Ивановича были дети: Иван, Александр, Елизавета, Федор, Николай, Владимир, Аполлинарий и Вера[27].

Второй сын Ивана Ивановича, Федор, по окончании Горного кадетского корпуса тоже служил на Старорусском соляном промысле: смотритель Старорусского солеваренного завода, управитель завода, советник Старорусского соляного правления, управляющий Старорусским соляным правлением в чине обер-берггауптмана 6-го класса[28].

Третий сын Ивана Ивановича, Иван, по окончании Горного кадетского корпуса служил на Гороблагодатских заводах и был управителем Нижне-Туринского завода. Позднее чиновник для особых поручений

при Уральском горном правлении в чине капитана. Был женат на Надежде, дочери презуса военного суда Гороблагодатских заводов обергиттенфервальтера Владимира Тимофеевича Винокурова. Известно, что у них была дочь Мария[29].

Возможно, четвертым сыном Ивана Ивановича был командир 1-го рабочего экипажа Балтийского флота подполковник Константин Иванович Черкасов[30].

И немного о детях Василия Яковлевича и Марии Ивановны Колтовских. 6 октября 1809 г. дочь Лариса сочеталась браком в Петропавловском соборе Перми с управителем Воткинского завода маркшейдером Карлом Даниловичем Макка. 2 июня 1816 г. дочь Наталья сочеталась браком в том же Петропавловском соборе с исправляющим должность маркшейдера при Пермском горном правлении Степаном Алексеевичем Гладких (Гладковым). Сын Василий по окончании Горного кадетского корпуса служил на Гороблагодатских заводах: управитель Серебрянского, Баранчинского заводов в чине маркшейдера (1842)[31].

В данной статье рассказывается только о трех поколениях потомков Ивана Васильевича Черкасова. Надеюсь, что исследование будет продолжено.

Примечания

[1] Псковская энциклопедия. 2-е изд. Псков, 2007. С. 938.

[2] ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 29 об.; Д. 3. Л. 38 об.

[3] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., 1796. С. 270, 276.

[4] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 41. Л. 14 об. — 16, 52 об. — 53, 85 об. — 86.

[5] ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2977. Л. 1.

[6] Там же. Ф. 37. Оп. 2. Д. 255. Л. 22 об.

[7] Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.

[8] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1775. СПб., 1775. С. 211 ; Месяцеслов... 1781. С. 389.

[9] Казанское дворянство 1785–1917 гг. : генеалог. слов. / сост. Г. А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 601.

[10] ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2977. Л. 1.

[11] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1795. СПб., 1795. С. 266.

[12] ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 26. Л. 5 об. ; Месяцеслов... 1796. СПб., 1796. С. 276 ; Месяцеслов... 1802. С. 257 ; Месяцеслов... 1808. С. 82 ; Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов на 1800 год. СПб., 1800. С. 260.

[13] ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 359. Л. 14 ; Ф. 491. Оп. 1. Д. 26. Л. 16 ; Казанское дворянство 1785–1917 гг. ... С. 601 ; *Курочкин Ю.* Уральские находки. Свердловск, 1982. С. 31 ; Месяцеслов... 1782. СПб., 1782. С. 406 ; Месяцеслов... 1784. С. 401 ; Месяцеслов... 1809. СПб., 1809. С. 310 ; *Ранская А. Г.* Туринский воевода Иван Алексеевич Панаев, его семья и потомки. Новые архивные находки // Прикосновение к векам: Туринская старина. Вып. 8. Туринск, 2020. С. 68 ; *Ранская А. Г., Толстой М. Н.* Третья жена поэта П. П. Ершова, Елена Николаевна (урожденная Черкасова) — внучка героя войны 1812 года генерал-майора А. С. Чаликова и правнучка Туринского воеводы И. А. Панаева // Там же. С. 90 ; Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов... С. 146.

[14] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 41. Л. 85 об. — 86 ; Месяцеслов... 1794. СПб., 1794. С. 257 ; Месяцеслов... 1796. С. 276 ; Месяцеслов... 1802. С. 412 ; Месяцеслов... 1806. СПб., 1806. С. 318 ; Месяцеслов... 1822. С. 270.

[15] ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 3 об., 20 ; Д. 11. Л. 28 ; Д. 13. Л. 43 об. ; Д. 14. Л. 24 ; Оп. 2. Д. 249. Л. 49 ; Д. 257. Л. 17 ; РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 41. Л. 52 об. — 53 ; Месяцеслов... 1792. СПб., 1792. С. 302 ; Месяцеслов... 1796. С. 270 ; Месяцеслов... 1802. С. 408 ; Месяцеслов... 1806. СПб., 1806. С. 307 ; Месяцеслов... С. 296 ; Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов на 1811 год. СПб., 1811. С. 74.

[16] ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 22 ; Д. 22. Л. 17 об. ; Оп. 2. Д. 245. Л. 2 ; Д. 255. Л. 2 об. ; Месяцеслов... 1790. СПб., 1790. С. 256 ; Месяцеслов... 1805. СПб., 1805. С. 215 ; Список находящимся в статской службе чинам на 1795 год (первым восьми классам). СПб., 1795. С. 210.

[17] ГАПК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 244. Л. 27 об.

[18] Месяцеслов... 1811. Ч. 1. СПб., 1811. С. 506.

[19] ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 13. Л. 67 об. ; ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 28 об. ; Оп. 3. Д. 7. Л. 21 об. ; Д. 361. Л. 4 ; Месяцеслов... 1822. Ч. 2. СПб., 1822. С. 264.

[20] ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 154. Л. 25 об. ; Д. 367. Л. 22 ; Месяцеслов... 1808. СПб., 1808. С. 329 ; Месяцеслов... 1815. Ч. 2. СПб., 1815. С. 342 ; Месяцеслов... 1821. Ч. 2. СПб., 1821. С. 362 ; Месяцеслов... 1826. Ч. 2. СПб., 1826. С. 299 ; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1838. Ч. 2. СПб., 1838. С. 294.

[21] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. Ч. 1. СПб., 1812. С. 75 ; *Ранская А. Г., Толстой М. Н.* Указ. соч. С. 89–90.

[22] ГАПК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 267. Л. 41 об. ; Д. 278. Л. 564, 578 ; ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 354. Л. 27 ; Д. 356. Л. 7 об. ; Д. 358. Л. 3 ; Д. 359. Л. 2 об.

[23] ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 406. Л. 5 ; Оп. 3. Д. 4. Л. 1; Д. 363. Л. 9 об., 13 об. ; Д. 366. Л. 7 об. ; Д. 368. Л. 4 об. ; Д. 369. Л. 8 об. ; Д. 373. Л. 10 ; Д. 374. Л. 17 ; Д. 375. Л. 9, 38 об. ; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1844. Ч. 2. СПб., 1844. С. 148 ; Адрес-календарь... 1849. Ч. 2. СПб., 1849. С. 127 ; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814. Ч. 2. СПб., 1814. С. 347 ; Месяцеслов... 1827. Ч. 2. СПб., 1827. С. 309 ; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832. Ч. 2. СПб., 1832. С. 257 ; Месяцеслов... 1838. Ч. 2. СПб., 1838. С. 303 ; Месяцеслов... 1840. Ч. 2. СПб., 1840. С. 277 ; Месяцеслов... 1842. Ч. 2. СПб., 1842. С. 178.

[24] ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 48. Л. 19 об. ; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818. Ч. 1. СПб., 1818. С. 686 ; Месяцеслов... 1822. Ч. 1. СПб., 1822. С. 613 ; Месяцеслов... 1825. Ч. 1. СПб., 1825. С. 678 ; Месяцеслов... 1829. Ч. 1. СПб., 1829. С. 721.

[25] ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 63. Л. 19 об. ; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., 1825. С. 678 ; Псковская энциклопедия. С. 938 ; Список гражданским чинам первых четырех классов по старшинству. Составлен в Герольдии и исправлен по 25 декабря 1843. СПб., 1843. С. 157.

[26] Казанское дворянство 1785–1917 гг. ... С. 601 ; *Ранская А.* Сибирский поэт Иван Черкасов // Сибир. огни. 2020. № 6. С. 162–165.

[27] Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1844. Ч. 1. СПб., 1844. С. 248 ; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827.

Ч. 1. СПб., 1827. С. 733 ; Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1 января 1910 года (составлен новгородским губернским предводителем дворянства князем П. П. Голицыным). Новгород, 1910. С. 241.

[28] Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1844. Ч. 1. СПб., 1844. С. 248 ; Адрес-календарь, общая роспись всех чиновных особ в государстве, на 1858–1859 годы. Ч. 1. СПб., 1858. С. 241 ; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. СПб., 1821. С. 756 ; Месяцеслов... 1830. Ч. 1. СПб., 1830. С. 568.

[29] ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 38в. Л. 194 об. ; Д. 46. Л. 162 ; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1844. Ч. 1. СПб., 1844. С. 251.

[30] Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1844. Ч. 1. СПб., 1844. С. 160.

[31] ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 22 ; Д. 22. Л. 17 об. ; ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 28а. Л. 722 ; Д. 53. Л. 846 об. ; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. Ч. 1. СПб., 1823. С. 638.

Е. С. Гусева, Л. А. Сарабанская

Женщины семейства Вознюк в документах Коми-Пермяцкого окружного государственного архива

Село Кува Пермской губернии (ныне Пермский край) «впервые упоминается в 1792 году как Щукинский починок, где стояло 4 избы и проживало 29 человек. С открытием рудоплавильного завода Строгановых в 1856 году селение Кува стало быстро расти, как важный промышленный и культурный центр Иньвенского края»[1]. Впоследствии его называли Заводским поселком или просто Кувинским заводом. Но к концу XIX в. это было уже большое село под названием Кува, где стояло 365 дворов и проживали 1556 человек.

Метрические книги Иоанно-Предтеченской церкви, которая находилась в с. Кува, сохранились в фондах Государственного архива Пермского края и Коми-Пермяцкого окружного государственного архива. Мы работали с метрическими книгами и другими документами во втором архиве. Там сохранились далеко не все документы, имеются лишь за 1872, 1873 (не той церкви), 1875 и далее с 1881 г.

По имеющимся на сегодняшний день данным, семья Вознюк появилась в Куве в начале 1874 г., так как в «Журнале по сбору с крестьян податей 1874–1875 гг.»[2] за 1874 г. данная фамилия появляется уже на листе № 90. Первая запись о женщинах из этого семейства имеется в метрической книге Иоанно-Предтеченской церкви за 1875 г. На листе 9 под номером 21 записано, что 23 марта родился Георгий, сын кувинского мастерового Ивана Осипова Вознюка и его жены Пелагии Петровой. Оба православные[3].

Итак, Пелагия Петрова — первая представительница семейства Вознюк, известная на сегодняшний день. В следующий раз ее имя

и отчество появляются в метрической книге за 1881 г. На странице 22 под номером 42 есть запись о рождении 20 августа сына Петра у Ивана Осипова Вознюк и жены его Пелагии Петровой[4]. Далее Пелагия Петрова вписана в «Посемейные списки мастеровых Кувинской волости» за 1882 г. вместе с дочерью Марией, которой на тот момент было пять с половиной лет[5]. А в «Посемейном списке жителей Кувинского волостного правления» за 1889 г. в записи № 142 можно узнать о том, что у «Ивана 2-я жена Павла Иванова 29. Его дочь Мария 13 ½»[6]. То есть за прошедшие семь лет в семье Вознюк произошли изменения: глава семьи Иван Осипович овдовел и женился во второй раз — на Павле Ивановне.

2 февраля 1894 г. в с. Кува произошло венчание, о котором во второй части метрической книги сделана запись № 22: «Мастеровой Кувинского завода Александр Иоаннов Вознюк, православный, первым браком, 19. Кувинская мастеровая девица Мария Стефанова Керкина, православная, 17»[7] (возраст Александра указан неверно: ему на тот момент было не 19 лет, а 21 год. С чем связана данная ошибка, неизвестно).

Это были наши прапрадедушка и прадедушка.

1896 г. принес в семью Вознюк сразу два печальных события. 27 мая в возрасте 20 лет от чахотки умерла Мария Стефановна, жена Александра Ивановича. 29 мая она была отпета священником Иоанном Яковкиным с дьяконом Николаем Будриным и псаломщиком Андреем Любимовым и похоронена на общем кладбище[8]. А 30 июля от раковой опухоли умер Иван Осипович, которому на тот момент было 57 лет[9]. Его вдова Павла Иоанновна вновь вышла замуж в сентябре того же года. В деле № 16 за 1896 г. на листе № 41 она записана следующим образом: «Кувинская мастеровая вдова Павла Иоаннова Вознюк, православная, вторым браком, 38»[10]. И вышла она замуж за православного двадцатисемилетнего крестьянина из Глазовского уезда Вятской губернии Тита Васильева Радостева, у которого это был первый брак.

И вот очень важная запись для нашего рода. Метрическая книга Иоанно-Предтеченской церкви за 1897 г. 17 января под номером 2 сделана следующая запись о венчании: «Кувинский мастеровой Александр Иоаннов Вознюк, православный, вторым браком, 24. Кувинская мастеровая девица Александра Константинова Мальцева, православная, 18»[11]. Это основатели именно нашей родовой ветви.

Надо отметить тот факт, что Александра Константиновна (04.11.1878 — 1935) была дочерью пермского мещанина Константина Максимовича Мальцева (в другом написании — Мальцова), который был столоначальником Кувинской заводской конторы. Ее крестили в Пророко-Ильинской церкви с. Ильинского 6 ноября 1878 г. А восприемниками стали «коллежского асессора Николая Матвеева Михайлова жена Акилина Федорова и Очерского завода мастеровой Стефан Иванов Баранов»[12].

Прошло меньше месяца, и в метрической книге Иоанно-Предтеченской церкви появилась новая запись о венчании от 2 февраля № 14: «Кувинский мастеровой Николай Иоаннов Вознюкъ, православный, первым браком, 25. Прихода Отевской церкви деревни Паниной девица Пелагия Семенова Панина, 19»[13]. Это была свадьба Николая,

старшего брата Александра Ивановича. Видимо, Иван Осипович смог устроить две свадьбы в одном году, да еще обе зимой.

Через 23 дня, 25 февраля, молодая супруга Николая Пелагия Семеновна Вознюк стала восприемницей у Глафиры, дочери кувинского мастерового Антипы Петровича Надымова и законной жены его Глафиры Иоанновны[14].

5 марта 1898 г. Александра Константиновна Вознюк родила сына, которого назвали Николаем[15].

Дочь Мария Александровна Вознюк родилась 22 июля 1899 г. 30 июля ее крестили священник Иоанн Яковкин с дьяконом Николаем Будриным и псаломщиком Андреем Любимовым. Восприемницей стала родная сестра Александры Константиновны пермская мещанская девица Анна Константиновна Мальцева. Запись о рождении сделана под номером76[16]. Мария дожила до преклонных лет.

Дочь Пелагия (Пелагея) Александровна Вознюк родилась 1 октября 1900 г. 8 октября ее крестили священник Иоанн Яковкин с дьяконом Николаем Будриным и псаломщиком Андреем Любимовым. Запись сделана под номером 104. Восприемницей также стала тетя девочки, родная сестра родившей Александры, жена почетного гражданина г. Риги Екатерина Константинова Ганнеман[17]. Пелагея также дожила до преклонных лет.

В метрической книге за 1902 г., в первой ее части, под номером 17 была сделана запись о том, что 21 июня родился, а 30 июня был крещен мальчик по имени Петр. Его родители — «кувинский мастеровой Александр Иоаннов Вознюк и законная жена его Александра Константинова, оба православные. Восприемники: Пермские мещане Григорий Константинов и Мария Константинова Мальцовы. Протоиерей Иоанн Яковкин с диаконом Иоанном Мелехиным и псаломщиком Любимовым. Подписи поставили протоиерей Иоанн Яковкин. Диакон Иоанн Мелехин»[18].

Петр Александрович Вознюк — наш прадедушка и дедушка.

Дочь Любовь Александровна Вознюк родилась 6 сентября 1904 г. 26 сентября ее крестили священник Александр Журавлев с псаломщиком Андреем Любимовым. Запись сделана под номером 85. Восприемницей вновь стала родная сестра Александры Константиновны пермская мещанская девица Анна Константиновна Мальцева[19]. Любовь так же, как и ее сестры, дожила до преклонных лет.

В следующем, 1905 г. Александра Константиновна вновь стала матерью: 24 октября она родила сына Дмитрия[20].

Дочь Елена Александровна Вознюк родилась 17 мая 1907 г. (запись в книге № 48). Ее восприемницей при крещении, которое 29 мая в одиночку провел священник Александр Журавлев, стала родная сестра Анна[21].

Елена прожила чуть более двух месяцев и умерла 26 июля от диареи. Она была отпета 29 июля священником Александром Журавлевым с дьяконом Андреем Любимовым и похоронена на приходском кладбище[22].

А про Анну Александровну Вознюк пока никаких сведений не найдено. Единственное, что о ней известно, это то, что она вышла замуж за Ивана Кылосова.

И еще одна запись в метрической книге за 1910 г. под номером 58. Кувинская мастеровая, жена Александра Ивановича Александра Константиновна была восприемницей у Марии, родившейся 30 мая и принявшей крещение 1 июня. Ее родителями были кувинский мастеровой Федор Карпович Истомин и законная его жена Мария Иоанновна, оба православные. Таинство крещения провели священник Александр Журавлев с диаконом Александром Сипягиным и псаломщиком Иоанном Налимовым[23].

Это была последняя запись в метрических книгах Иоанно-Предтеченской церкви с. Кува и других документах Кувинского волостного правления и Кувинской заводской конторы графа Строганова, в которых упоминалась фамилия Вознюк применительно к женскому полу.

Примечания

[1] История возникновения села Кувы (Козлов Василий Федорович). URL: https://www.sites.google.com/site/skuvaperm/ekskursii/istoria-vozniknovenia-sela-kuvy-kozlov-vasilij-fedorovic (дата обращения: 04.03.2021).
[2] КПОГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 90.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4. Л. 9.
[4] Там же. Д. 5. Л. 22.
[5] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94. Л. 156.
[6] Там же. Д. 121. Л. 194.
[7] Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 13. Л. 48.
[8] Там же. Д. 16. Л. 52.
[9] Там же. Л. 58.
[10] Там же. Л. 41.
[11] Там же. Д. 17. Л. 39.
[12] ГАПК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 585. Л. 247.
[13] КПОГА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 17. Л. 41.
[14] Там же. Д. 17. Л. 7.
[15] Там же. Д. 18. Л. 7.
[16] Там же. Д. 19. Л. 31.
[17] Там же. Д. 20. Л. 37.
[18] Там же. Д. 22. Л. 27.
[19] Там же. Д. 24. Л. 35.
[20] Там же. Д. 25. Л. 33.
[21] Там же. Д. 27. Л. 16.
[22] Там же. Л. 76.
[23] Там же. Д. 30. Д. 23.

А. И. Гутков

Происхождение казаков Шеметовых из Спасского поселка

Казачий род Шеметовых своими корнями уходит глубоко в старину. Об этом читателям, интересующимся генеалогией, хорошо и обстоятельно поведал В. С. Кобзов в своей статье[1]. Она проникнута теплыми и светлыми чувствами истинного сына рода Кобызевых и Шеметовых. Кровнородственные связи всегда почитались и поддерживались в среде казаков.

Данная же статья посвящена казакам Шеметовым из пос. Спасского Верхнеуральской станицы. К 1834 г., по материалам 8-й ревизии, казаков Шеметовых еще не было в Спасском редуте. Да и точное время появления их здесь тоже остается пока не выясненным[2]. Имеющиеся метрические книги Спасской церкви, составленные после 8-й ревизии, относятся к началу 1880-х гг.[3] На основании метрических данных мы выяснили состав наиболее ранних в Спасске представителей рода Шеметовых. К ним относятся следующие казаки.

У казака пос. Спасского Лаврентия Максимова Шеметова (1817–1893) был сын Андреян Лаврентьев Шеметов. У Лаврентия братья: Андреян Максимов Шеметов, Игнатий Максимов Шеметов, Афанасий Максимов Шеметов и Николай Максимов Шеметов. Кроме того, стоит упомянуть казаков Ивана Николаева Шеметова (1826–1900) и Филиппа Васильева Шеметова. Многочисленные потомки указанных казаков проживали в Спасском вплоть до событий 1917 г. и Гражданской войны.

Где же искать корни казаков Шеметовых из пос. Спасского? Владимир Серафимович Кобзов высказал предположение о происхождении казаков Шеметовых на Южном Урале либо из ст. Ельдяцкой Бирского уезда Оренбургской губернии, либо из ст. Красноуфимской Пермской губернии. Казаки Шеметовы, поселенные в пределах Новой пограничной линии, явно тяготеют к предкам из ст. Ельдяцкой. Красноуфимские же корни Шеметовых, напротив, остаются лишь в области предположений и догадок.

В ходе наших предварительных исследований красноуфимских казаков на Южном Урале Шеметовы среди них практически не обнаружены. Нет Шеметовых ни в реестрах красноуфимских казаков, материально и физически пострадавших во времена пугачевского бунта 1773–1775 гг.[4], ни среди официально установленных красноуфимских казаков, переведенных после расформирования станицы в Верхнеуральский, Челябинский и Троицкий уезды. О последних свидетельствуют материалы ревизии 1834 г. по Верхнеуральской, Степной и Санарской станицам, по Чернореченскому, Урлядинскому, Бобровскому, Стрелецкому, Луговому, Прорывному, Казак-Кочердык, Алабужскому отрядам. По 8-й ревизской сказке, в указанных пунктах выявлено около 130 фамилий красноуфимских казаков. По реестрам от 10 февраля 1774 г. установлены 73 фамилии казаков из само́й ст. Красноуфимской и ее окрестностей. К слову сказать, в отношении красноуфимских казаков необходимо писать отдельную статью, поскольку их потомки и поныне живут и здравствуют на Южном Урале.

Теперь приступим к выяснению вопроса об ельдяцких корнях спасских Шеметовых. По ревизии 1834 г., в ст. Ельдяцкой казаки Шеметовы были представлены разветвленным древом. Среди них мы находим упоминание и о Леонтии Максимовиче Шеметове. В записи № 101 (лист 229, оборотная сторона) — казак ст. Ельдяцкой Иван Семенов Шеметов (1757–1816); у него сыновья: Егор (1801 г. р.), Архип (1787–1818), Иван (1790 г. р.), Дмитрий (1798 г. р.) и Максим (1795 г. р.; запись о нем — лист 231, оборотная сторона). У Максима Иванова Шеметова сыновья: Лаврентий Максимов Шеметов (1816 г. р.), Афанасий Максимов Шеметов (1831 г. р.), Иван Максимов Шеметов (1832 г. р.).

И у спасского казака Лаврентия Максимова Шеметова (1817 г. р.), и у ельдяцкого Лаврентия Максимова Шеметова (1816 г. р.) почти полностью совпадают данные. Разница в год в данном случае не столь существенна, если принять во внимание то обстоятельство, что разница в год-полгода с последующими ревизиями может возникать в зависимости от того, когда проводилась конкретная перепись населения: в год рождения записываемого или же на следующий. Например, человек родился в октябре, а ревизия проходит в марте следующего года. В записи о возрасте тогда поставят «6 месяцев». Запись произведена в этом году, но сам человек родился ведь в предыдущем! Вот и получается разница в год-полгода.

Казак Афанасий Максимов Шеметов есть и в Ельдяцкой станице и в Спасском отряде. Отметим, что у ельдяцкого казака Ивана Семенова Шеметова упоминался сын Архип (1787–1818). У последнего были сыновья — Ларион Архипов Шеметов (1805 г. р.) и Василий Архипов Шеметов (1810 г. р.). Ларион и Василий — двоюродные братья Лаврентию и Афанасию Максимовым Шеметовым. У Василия Архипова Шеметова (1810 г. р.) в Ельдяцкой станице на 1834 г. был сын Филипп Васильев Шеметов (1830 г. р.). Но и в Спасске был казак Филипп Васильев Шеметов! Спасский Филипп Шеметов в 1884 г. был поручителем на свадьбе. Спасский Филипп Шеметов и ельдяцкий Филипп Шеметов примерно одного возраста.

Остается выяснить корни Ивана Николаевича Шеметова (1826–1900), казака пос. Спасского. В ревизской сказке Ельдяцкой станицы за 1834 г. под номером 12 (лист 182, оборотная сторона) указан отставной зауряд-хорунжий Назар Егоров Шеметов (1766 г. р.), у него сын — служащий хорунжий Николай Назаров Шеметов (1796 г. р.); у Николая сыновья: Иван (1825 г. р.), Петр (1828 г. р.) и Константин (1833 г. р.). Ельдяцкий казак Иван Николаев Шеметов (1825 г. р.) впоследствии оказался в Спасском отряде (1826–1900).

Стоит отметить, что после 8-й ревизии (1834) в Спасском отряде наряду с другими появились казаки Гребенщиковы, Колесниковы, Кожевниковы, Горбуновы, Ивановы, Головины, Швецовы, Крыловы, Лебедевы, Зайцовы. Все указанные фамилии являются распространенными среди казаков ст. Ельдяцкой.

Таким образом, ельдяцкие корни казаков Шеметовых из Спасского отряда проявляются ясно и однозначно.

Особо отметим, что спасские Шеметовы находятся в близком родстве с Шеметовыми из пос. Александровского ст. Николаевской Тро-

ицкого уезда. Ведь ельдяцкий казак Архип Иванов Шеметов (1787–1818) и ельдяцкий казак Максим Иванов Шеметов (1795 г. р.) были родными братьями. Только потомки Архипа оказались в Александровском казачьем поселке, а потомки Максима Шеметова обосновались в Спасском отряде.

К вышесказанному добавим, что казаки Шеметовы, по материалам 8-й ревизии, первоначально появились в Кидышевском, Бирюковском и Стрелецком отрядах, единично — в Степной и Петропавловской станицах. Ельдяцкие Шеметовы транзитом через Кидыш распространились в Бирюковку, Стрелецкое и в пос. Петропаловский ст. Карагайской.

Хотя тема происхождения казаков Кидышевского отряда выходит за рамки заявленной статьи, отметим, что один из наиболее возрастных представителей кидышевских казаков, Емельян Никитин Шеметов (1756 г. р.; ревизия 1834 г.) является родным братом ельдяцкого казака Дмитрия Никитина Шеметова (1753–1822). У обоих имеются сыновья по имени Дмитрий: ельдяцкий казак Дмитрий Дмитриевич Шеметов (1791–1818) и кидышевский казак Дмитрий Емельянов Шеметов (1796 г. р.), переведенный в 1832 г. в Стрелецкий отряд. В Кидышевском отряде присутствуют потомки Афанасия Шеметова (Николай Афанасьев Шеметов, 1773 г. р., и Тихон Афанасьев Шеметов, 1774 г. р.), в Ельяцкой станице также имеются таковые (Василий Афанасьев Шеметов, 1754–1826).

Другое дело, что на Южный Урал казаки Шеметовы из ст. Ельдяцкой могли попасть еще до ревизии 1816 г. Скорее всего, так и было, потому что у значительной части казаков Шеметовых на Урале, по 8-й ревизии, отсутствуют сведения о том, откуда они прибыли. А материалы 7-й ревизии (1816) по Ельдяцкой станице отличаются плохой сохранностью, и поэтому сведения весьма неполные.

По итогам предварительной работы становится понятным, что практически все казаки Шеметовы находятся между собой в близком или дальнем родстве. Истоком этого родства являются их предки из Ельдяцкой станицы Бирского уезда Оренбургской губернии.

Примечания

[1] *Кобзов В. С.* Казачий род Шеметовых // Генеалогия и архивы : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 62.

[2] НАРБ. Ф. И-138.

[3] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 31. Д. 24.

[4] Реестр казаков, убитых и взятых в плен неприятелем в бою 30 января 1774 года под Кунгуром, составленный атаманом М. Е. Мальцевым от 10 февраля 1774 года.

В. Г. Демаков

Челябинский след шадринских купцов Хохловых

Родоначальником известной зауральской купеческой фамилии стал Иван Степанович Хохлов, происходивший из крестьян с. Ряполово Ковровского уезда Владимирской губернии — вотчины дворянского рода Засецких[1]. В поисках лучшей доли со всей своей большой семьей он перебрался в г. Шадринск Пермской губернии, где к концу 1830-х гг. развернул бурную предпринимательскую деятельность.

По имеющимся сведениям, к январю 1838 г. глава семейства, состоя уже в купеческом сословии по третьей гильдии, торговал шелковыми, суконными и бумажными товарами[2]. В 1845 г. Хохловы снимали четыре лавки в гостином дворе, приспособив одну под кладовую. У купца были взрослые сыновья: кто-то из них торговал в самом городе, другие ездили продавать товары по уезду на ярмарках и торжках или находились в отлучках по деловым поручениям отца. Время от времени все они приезжали в Шадринск, чтобы сдать выручку и отчитаться о сделках.

Большая купеческая семья представляла собой «слаженный механизм», управляемый купцом-основателем для ведения общего дела. Статус каждого ее члена был законодательно урегулирован. Звание купца имел только глава семьи, свидетельство на торговлю и билеты на лавку выдавались на его имя. Остальные, состоявшие с ним под одним капиталом, именовались купеческими детьми, пользовались теми же сословными правами и привилегиями, однако торговать могли исключительно по доверенности.

В 1842 г. Иван Степанович приписался ко второй гильдии, а в 1845 г. — к первой, где непрерывно находился семь лет. В 1852 г. он опять состоял во второй гильдии, в следующем году — в первой, а с 1854 до 1857 г. — вновь во второй[3]. Перешел в первую гильдию, но умер от горячки 2 мая 1857 г.[4] После смерти наследственный капитал по второй гильдии объявила вдова Ксения Киприановна, однако 25 августа 1858 г. она скончалась от чахотки[5]. На 1859 г. капитал по первой гильдии заявил старший сын купца Дмитрий Иванович, а братья Семен, Алексей и Иван с этого времени числились по третьей гильдии: первый в г. Далматово, двое других — в Шадринске[6]. Очевидно, при жизни И. С. Хохлова оказались не розданными долги, поскольку позже его сыновей вызывали в суд для «выслушания» решения по взысканию с них денег разными кредиторами[7].

Наиболее удачливым в предпринимательской деятельности из всего семейства оказался Дмитрий Иванович. Действуя поначалу от имени отца, он уже в 1840-е гг. сосредоточил свои интересы на заключении подрядов с казной. Подрядничество широко практиковалось в купеческой среде, однако требовало обладания большими наличными финансовыми средствами, недвижимостью, достаточной для залога под крупные коммерческие сделки, деловыми связями в торговом мире. Так, в ноябре 1844 г. Д. И. Хохлов заключил два контракта на отгрузку провианта для войск, размещавшихся в Оренбургской и Пермской губерниях, на общую сумму 25 853 руб. 83 коп. серебром[8]. В декабре

1846 г. он взял подряд на поставку в сельские запасные магазины Курганского округа 112 247 пудов ржаного хлеба в зерне стоимостью 18 452 руб. 57 коп. В договоре Дмитрий Иванович условился, чтобы волостные правления тех мест, куда будет доставляться хлеб, при получении выдавали его поверенному лицу квитанции о принятии товара и денежных суммах, которые следует получить из Курганского окружного казначейства[9].

Вершиной предпринимательской деятельности Хохловых стали 1840-е гг. Их торговые связи к этому времени простирались не только по всему Уралу, но и далеко в Сибирь. В 1847 г. Дмитрий Иванович взял гостевые свидетельства на торговлю сразу в пяти городах: Екатеринбурге, Красноярске, Челябинске, Семипалатинске и Камышлове, имея в своем подчинении 17 приказчиков[10].

Нажитым капиталам Хохловы нашли достойное применение. В 1849 г. купец построил в Шадринске конезавод, где было 10 жеребцов и 42 кобылицы, из которых «жеребцы и 30 маток рысистые, а остальные арабские и местной породы, сорта упряжного и возового»[11]. Лошади продавались на городских ярмарках или использовались для различных нужд.

В отличие от многих других шадринских купеческих фамилий Хохловы были тесно связаны с сельским хозяйством. В 1850-е гг. они осуществляли посев картофеля, который затем употреблялся на выделку патоки в собственных заводах[12]. Предприятия находились при дер. Липняговой и с. Вороновском Каргапольской волости и являлись наиболее значительными во всем Шадринском уезде. Так, на первом паточном заводе в 1859 г. было переработано 115 тыс. пудов картофеля стоимостью 17 500 руб. серебром, получено при этом 15 тыс. пудов продукции на сумму 20 тыс. руб.[13] Персонал завода состоял из одного мастера и пяти рабочих. Второе предприятие имело аналогичные производственные мощности. О сбыте получаемого товара сообщалось следующее: «Картофельная патока, выделываемая на существующих в уезде заводах от 20 т до 35 т пуд., идет исключительно на приготовление пряников и продается как на месте, так и в смежные с Шадринским уезды Пермской губернии и некоторые места Сибири»[14].

Во второй половине 1850-х гг. Дмитрий Иванович пытался наладить производство сахара, осуществив в 1856 г. посев силезской свекловицы. Уродилось ее 750 четвертей, которые затем были направлены на фабрику для выварки сахарного песка[15]. Известно также, что ему принадлежали мельницы в Каргапольской волости, приобретенные в 1851 г. у екатеринбургского купца Михаила Клементьевича Ушкова[16].

В 1855 г. купеческий сын Д. И. Хохлов пожертвовал на государственное ополчение 25 руб., а также на содержание в Шадринском уезде трех семейств бессрочноотпускных солдат, призванных на действительную военную службу, — по 45 руб. каждому в год. В то же время его младший брат Иван Иванович, состоя представителем Шадринской торговой депутации, выделил на ополчение 15 руб. и на покрытие расходов, сопряженных с призывом в него, еще 5 руб. За это оба были внесены в перечень лиц, имеющих право на получение темно-бронзовой медали в память Крымской войны для ношения на Аннинской ленте[17].

По сведениям 1857 г., Дмитрию Хохлову в Шадринске принадлежали: конезавод, имеющий до 150 лошадей известной «орловской рысистой», русской, сибирской и степной киргизской пород; в его оброчном содержании состояло: четыре крупчаточных водяных мельницы в уезде; паточный завод, на котором за предшествующий год было выварено 17 тыс. пудов патоки[18].

После смерти родителей Дмитрий Иванович объявил наследственный капитал по первой гильдии, а вскоре подал в Сенат прошение с просьбой о возможности причисления всего семейства к числу потомственных почетных граждан[19]. После рассмотрения вопроса особым указом в 1860 г. было предписано возвести Д. И. Хохлова с женой и детьми, а также его родную сестру Федосью, как состоящую с ним в одном капитале, в сословие почетных граждан[20]. Относительно остальных членов семьи возникла неопределенность с их правами на данное звание, поэтому ходатайство осталось частично неудовлетворенным[21]. С переходом к этой сословной группе приобретались привилегии свободы от рекрутской повинности, подушного оклада, телесного наказания, права именоваться во всех актах почетными гражданами, а также быть избираемыми в городские общественные должности. В 1860-е гг. Хохловы исчезают из списков шадринских купцов: Дмитрий поселился в Санкт-Петербурге, Семен — в Челябинске, Алексей — в Оренбурге.

Семен Иванович с 1864 г. занимал в столице Южного Урала пост депутата для оценки недвижимых имуществ[22]. Как свидетельствуют документы, к этому времени он перебрался в Челябинск вместе с семьей и состоял здесь купцом второй гильдии. 13 января 1864 г. в местную думу от него поступило обращение с намерением занять из городских доходов для своих торговых оборотов «денег российской серебряной монетой тысячу рублей сроком на один год»[23]. Неясно, по какой причине, но к концу оговоренного периода он был уже мещанином, однако взятую в долг сумму вернул вовремя[24]. Из архивных материалов известно, что Семен Хохлов в 1870-е гг. имел в Челябинске собственную лавку на Торговой площади[25].

В 1873 г. на ул. Христорождественской (ныне Цвиллинга) зафиксирована усадьба Хохловых общей оценочной стоимостью 3100 руб., записанная на имя супруги Семена Ивановича — купчихи Анастасии Арсеньевны: «Деревянный дом, при нем магазин, 3 амбара для склада хлеба, каретник, погреб, сарай, конюшня и баня»[26]. Участок со всеми этими постройками располагался в том месте, на котором сегодня стоит торгово-развлекательный комплекс «КУБа». В 1870-е гг. Анастасия Хохлова получила купеческое свидетельство второй гильдии с тремя билетами на торговые заведения в Челябинске и уезде[27]. Пожить семье Хохловых здесь пришлось недолго: 26 марта 1873 г. в возрасте 32 лет скоропостижно скончался Никандр Семенович[28]. Предан земле он был на приходском Казанско-Богородицком кладбище, приписанном к собору Рождества Христова. Через несколько лет не стало и главы семьи. В метрической книге Христорождественского собора за 1881 г. об этом свидетельствует запись от 17 марта. Из нее следует, что Семен Иванович Хохлов умер от водянки в 64 года[29].

После смерти супруга наследницей усадьбы осталась вдова Анастасия Арсеньевна[30]. Интересную деталь находим в раскладочной

ведомости по сбору налога с недвижимых имуществ Челябинска за 1883 г. Здесь в графе о его уплате с домовладения Хохловых сделана приписка, что деньги «получены 27 сентября от Павла Степановича Степанова»[31]. Видимо, из-за отсутствия средств нечем было выплачивать пошлину, и необходимую сумму внес небезызвестный в торгово-промышленном мире купец.

На рубеже 1880–1890-х гг. не стало и Анастасии Хохловой, с ее кончиной пресеклась челябинская ветвь большого купеческого клана. 9 сентября 1890 г. землемер С. А. Латышев составил план принадлежавшего ей земельного участка с постройками в 34-м плановом квартале, при этом купчиха значится в документе умершей[32]. На основании решения судебной палаты от 31 декабря того же года все недвижимое имущество Хохловых, заключавшееся в деревянном палубленном доме о пяти комнатах, погребе, трех конюшнях, четырех амбарах, бане, поднавесе на восемь сажен и двух сараях на шесть сажен, перешло в собственность наследников челябинского купца Петра Васильевича Мурашкина[33]. Сам он скончался от воспаления легких в возрасте 45 лет несколькими днями ранее — 25 декабря 1890 г.[34]

В дореволюционном Челябинске Казанско-Богородицкое кладбище, на котором похоронили представителей рода Хохловых, считалось наиболее крупным и сегодня находилось бы в самом центре мегаполиса, в районе кинотеатра им. А. С. Пушкина и близлежащих кварталов. Известно, что в 1925 г. его закрыли для захоронений. А уже вскоре, по свидетельству Николая Чернавского, погост пришел в запустение, памятники и оградки разрушались, а каменная стена по периметру «понемногу разбиралась»[35]. Летом 1930 г. начался снос некрополя. Городские власти обращались к жителям с предложением забирать останки родственников для перезахоронения за счет собственных средств, но многие в те годы испытывали финансовые трудности, поэтому были вынуждены отказаться.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Челябинске развернулось большое строительство: возводились промышленные предприятия, а вслед за ними и жилье для рабочих. В этих условиях образовалась острая нехватка стройматериалов, городские власти использовали любые способы их добычи. Часть надгробий с разрушенного кладбища пошла на сооружение фундаментов домов, что-то предприимчивые граждане растащили для собственных утилитарных нужд. Свидетелями тому стали многие горожане.

Например, Зоя Федоровна Журба записала в воспоминаниях о своих родственниках такие строки: «Около Народного дома находились могилы погибших революционеров, они были огорожены. На этом кладбище были похоронены дед Михайло, бабушка Аксинья, первый муж матери Пашутин и его родители. Могилы были в разных местах, но на могиле Н. П. Пашутина была хорошая кованая загородка на фундаменте и мраморный памятник из двух деталей — куб и доска. Мать загородку сняла, привезла во двор и огородила ей палисадник около дома. А мраморные памятники тоже вывезла, и они, вероятно, были потом заложены в фундамент строящейся на нашем месте гостиницы в 1930 г.»[36]. Или вот свидетельство другой очевидицы: Августа Александровна Глушко, с 1965 г. проживающая в доме, известном

старшему поколению челябинцев как магазин «Ритм», вспоминает, что раньше в их дворе стояли бордюры, сделанные из старинных надгробий, на которых виднелись надписи.

По нашим сведениям, фрагменты могильных камней находили во дворах на ул. Пушкина и Свободы, несколько попало на Митрофановское кладбище[37]. Здесь в июле 2020 г. недалеко от входа они и были обнаружены. На одном из них прочитывалось: «Подъ симъ / камнемъ покоится / прахъ / Никандра Семенова / Хохлова, / Челябинскаго купеческаго / сына, род. 24 Сентября / 1840 г., / скончался 26 Марта / 1873 г.». Тогда же удалось пообщаться со смотрителем кладбища, а затем и с его бывшим директором, рассказавшими, что в 1990-е гг. решили восстановить этот изрядно запущенный к тому времени некрополь: провели реконструкцию и благоустройство, создали музей погребальной культуры. В экспозиции последнего и были представлены эти памятники. Как и когда надгробия попали на кладбище, сейчас уже никто не помнит, но вероятнее всего, оказались они здесь еще в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Также в музее находились различные нательные кресты, траурные ленты и венки, старинные церковные книги, одежда, в которой уходили в мир иной, документы, выдолбленный из цельного древесного ствола детский гробик-колода XVIII столетия, найденный при раскопках на пл. Ярославского[38]. К слову, 22 мая 1998 г. на Митрофановском кладбище перезахоронили останки первых жителей Челябинской крепости, обнаруженные двумя годами ранее возле оперного театра[39]. Увы, сейчас на месте этого исторического погребения нет никакого памятного знака.

В упоминаниях в литературе о времени возникновения Митрофановского кладбища фигурируют 1870-е гг.[40] Но эта информация не соответствует действительности — очевидно, их авторы приняли как факт дату с вышеупомянутого надгробия Никандра Хохлова, но не учли, что изначально оно размещалось совершенно в другом месте. На Митрофановском находится братская могила павших борцов за советскую власть, похоронены Герои Советского Союза Г. В. Старков (1909–1943), Г. А. Борисов (1911–1996), В. С. Чернышенко (1925–1997), детский поэт В. Н. Кузнецов (1893–1953), тракторостроитель Я. В. Мамин (1873–1955), заслуженные артисты РСФСР И. Е. Рагозин (1886–1955) и В. А. Южанов (1897–1961), основатель Челябинского театра кукол Н. А. Гарянова (1891–1949) и другие знаменитости[41].

Так исторически сложилось, что в Челябинске не сохранилось погостов, на которых можно было бы увидеть дореволюционные надгробия. Получается, память о наших предках не исчисляется даже одним веком. В настоящий момент в городе известны единичные сохранившиеся надгробные памятники XIX столетия: мещанина П. И. Ильиных (умер в 1896) около Свято-Симеоновского собора, купца В. Ф. Комольцева (скончался в 1887), привезенный весной 2020 г. в Государственный исторический музей Южного Урала из городского бора[42], а также несколько вышеназванных фрагментов, найденных на Митрофановском кладбище. К сожалению, после смены руководства музей погребальной культуры прекратил свое существование, экспонаты стали не нужны и попросту оказались сваленными недалеко от

входа. Нависла угроза уничтожения артефактов: высказывались предложения пустить их в переработку на мраморную крошку.

В сентябре 2020 г. удалось достичь договоренности о вывозе исторических надгробий на территорию Одигитриевского женского монастыря. Было получено согласие игуменьи Евсевии, а уже 17-го числа их разместили на территории монастырского некрополя, рядом с могилой купца Петра Перцева. Тогда же выяснилось, что среди безымянных обломков находился еще один хорошо сохранившийся именной памятник. После очистки на нем стала видна надпись: «Здесь / погребено тѣло / Раба Божія / Симеона Ивановича / Хохлова. / Скончался 18го / Марта 1881 года». Он не кто иной, как отец упомянутого выше купеческого сына Никандра Семеновича Хохлова. Получается, что изначально эти два камня стояли рядом на фамильном участке семейного захоронения, потом оказались вместе на Митрофановском кладбище, где пробыли долгое время, и вот теперь обрели новый дом. Здесь они и сохранятся для потомков.

Приложение

Поколенная роспись Хохловых

I поколение

1. Степан Иванович (?) — из владимирских крестьян

+Ж (?) Акулина Федоровна (?) — крестьянская дочь

II поколение

2.1. Иван Степанович (ок. 1789 — 02.05.1857) — крестьянский сын, позже купец

+Ж (26.05.1813, Николаевская церковь, с. Ряполово Ковровского уезда Владимирской губернии) Ксения Киприановна (ок. 1797 — 25.08.1858) — крестьянская дочь

III поколение

3.2. Дмитрий Иванович (05.05.1817 — ?) — купеческий сын

+Ж1 (?) Мария Ивановна (03.03.1817 — ?) — крестьянская дочь

+Ж2 (09.11.1858, Николаевская церковь, Шадринск) Мария Андреевна Сухова (01.06.1842 — ?) — купеческая дочь

4.2. Семен Иванович (15.02.1819 — 17.03.1881) — купеческий сын

+Ж (29.10.1839, Богоявленский собор, Екатеринбург) Анастасия Арсеньевна Телегина (03.03.1822 — ок. 1890) — купеческая дочь

5.2. Федосья Ивановна (20.05.1820 — ?) — купеческая дочь

6.2. Алексей Иванович (16.03.1822 — ?) — купеческий сын

+Ж1 (?)

+Ж2 (29.09.1852, Троицкая церковь, Оренбург) Анастасия Степановна Путалова (?) — купеческая дочь

7.2. Иван Иванович (05.02.1824 — ?) — купеческий сын

+Ж (27.04.1847, Николаевская церковь, Шадринск) Александра Ивановна Бабинова (21.04.1831 — ?) — купеческая дочь

8.2. Петр Иванович (26.05.1831 — ?) — купеческий сын

9.2. Александра Ивановна (20.03.1835 — ?) — купеческая дочь

IV поколение

10.3. (Ж1) Александра Дмитриевна (24.04.1856 — ?) — купеческая дочь

11.3. (Ж2) Николай Дмитриевич (17.10.1859 — ?) — купеческий сын

12.4. Никандр Семенович (24.09.1840 — 26.03.1873) — купеческий сын

13.4. Надежда Семеновна (23.09.1848 — ?) — купеческая дочь

14.6. (Ж2) Александр Алексеевич (30.08.1856 — ?) — купеческий сын

15.6. (Ж2) Ольга Алексеевна (08.07.1859 — ?) — купеческая дочь

16.6. (Ж2) Иван Алексеевич (26.08.1860 — ?) — купеческий сын

17.7. Серафима Ивановна (06.10.1850 — ?) — купеческая дочь

Примечания

[1] Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 1. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. Губернии: Астраханская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Казанская, Калужская, Курская. СПб., 1860. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Владимирская губерния. С. 18.

[2] РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 589. Л. 46.

[3] Там же. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5221. Л. 3.

[4] Там же. Л. 11 об. — 12.

[5] Там же. Л. 13 об. — 14.

[6] Там же. Л. 32.

[7] Распоряжения губернского начальства // Перм. губерн. вед. 1863. 1 нояб. Часть офиц. С. 197.

[8] *Битюков А. Г.* Шадринские купцы Хохловы // Шадринская провинция : материалы второй регион. краевед. конф. Шадринск, 1998. С. 77.

[9] История Курганской области : в 7 т. / отв. ред. Н. Ф. Емельянов. Т. 1. Курган, 1995. С. 269 ; Хрестоматия по истории Курганской области : досов. период / сост.: А. В. Гилев и др. Курган, 1995. С. 179–181.

[10] *Битюков А. Г.* Шадринское купечество в первой половине XIX века // Шадринская старина : краевед. альм. / сост. С. Б. Борисов. Шадринск, 1998. С. 30.

[11] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния : в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1864. С. 69.

[12] *Битюков А. Г.* Купечество Южного Зауралья в конце XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. С. 95.

[13] Материалы для географии и статистики России... Ч. 2. С. 139.

[14] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 гг. : в 2 ч. Ч. 2, гл. 28. СПб., 1863. С. 33.

[15] *Серафимов А. А.* Записка о Шадринском уезде Пермской губернии // Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом. 1858. Кн. 4. С. 108–109.

[16] История Курганской области... Т. 3. С. 118 ; Шадринская летопись (1649–1916 гг.) / сост. М. Ф. Ершов. Шадринск, 1997. С. 53.

[17] *Битюков А. Г., Ершов М. Ф.* Архивные документы о шадринских предпринимателях 1850–1880-х гг. // Шадринская старина : краевед. альм. / сост. С. Б. Борисов. Шадринск, 1998. С. 13, 15.

[18] *Бирюков В. П.* Шадринский округ Уральской области: природа, население и хозяйство. Шадринск, 1926. С. 437.

[19] РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5221. Л. 1–2.

[20] Там же. Л. 26.

[21] Там же. Л. 43 — 44 об.

[22] ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1438. Л. 129 об. — 130.

[23] Там же. Д. 5941. Л. 2.

[24] Там же. Л. 4.

[25] Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 100. Л. 94 об.

[26] Там же. Л. 25 об.

[27] Там же. Д. 72. Л. 20; Д. 115. Л. 145 об.

[28] Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 52. Л. 156 об. — 157.

[29] Там же. Д. 111. Л. 178 об. — 179. Исходя из имеющихся у нас данных о рождении, Семен Иванович Хохлов умер в возрасте 62 лет.

[30] Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 152. Л. 40 об.

[31] Там же. Д. 156. Л. 70 об. — 71.

[32] РГИА. Ф. 1424. Оп. 2. Д. 312. Л. 5.

[33] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 252. Л. 22 об.

[34] Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 203. Л. 244 об. — 245.

[35] *Чернавский Н. М.* Челябинск в его прошлом. 1736–1926 (хроника) / отв. за вып. Е. П. Турова. Челябинск, 2016. С. 99.

[36] Воспоминания любезно предоставлены А. О. Журба (Москва).

[37] *Демаков В. Г.* История одной находки // Природное и культурное наследие Урала : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. / сост.: Ю. В. Гушул, А. В. Лушникова. Челябинск, 2020. С. 234.

[38] *Овсяницкий Н. Г.* В мир иной: похоронные обряды, обычаи, услуги. Челябинск, 1999. С. 108–109.

[39] *Гайнуллин М. Ш.* Тени забытых предков // Южноурал. панорама. 2012. 14 июня. С. 19.

[40] *Баканов В. П. и др.* Кладбища // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 226 ; *Моисеев А. П., Овсяницкий Н. Г.* Кладбище Митрофановское // Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 379 ; *Овсяницкий Н. Г.* В мир иной: похоронные обряды, обычаи, услуги. С. 106.

[41] Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Челябинская область : сб. науч. тр. / сост., науч. ред. Л. С. Рафиенко. М., 1986. С. 48–52.

[42] *Демаков В. Г.* Указ. соч. С. 231–235.

Н. Ю. Емельянова

«Звучат, как музыка, как стих, фамилии простые... Вглядись — и ты увидишь в них историю России»

Испокон веков знание своего генеалогического древа считалось делом чести, уважалось и поддерживалось. История рода собиралась, записывалась и передавалась из поколения в поколение. В настоящее время мало кто знает историю своего рода. Но самое важное — начать ее создавать, собирать по крупицам, чтобы восстановить преемственность поколений. Понятие «безродность», как и «бездомность», должно уйти из нашей жизни, потому что род — это одно из главных наследий, которое получает ребенок от рождения. В старину говорили: «Где сам не устоишь, род удержит».

Можно изучать историю страны по учебникам, а можно по истории своего рода, что гораздо интереснее, поскольку обнаруживается некая причастность предков к тем или иным историческим событиям. Это ведь только на первый взгляд мы просто живем. На самом деле мы жили и живем в историческом времени, в определенную историческую эпоху и участвуем в общем историческом процессе, который уже наши потомки будут исследовать и оценивать... Сегодня мне предстоит изучить историю края и историю рода Ярушиных. Ярушина — девичья фамилия моей прабабушки Дарьи Павловны Курбатовой.

Челябинская крепость была заложена в 1736 г. на месте урочища Селябэ. Одной из причин строительства Челябинской крепости, как и Миасской и Чебаркульской, были нападения башкир на обозы с продовольствием, следующие из Теченской слободы в Оренбургскую и Верхояицкую крепости. 13 сентября полковник А. И. Тевкелев «в урочище Челяби от Миясской крепости в тридцати верстах заложил город». Крепость была основана с согласия ашкирского тархана Таймаса Шаимова — владельца земли, на которой планировалось строительство, что в конечном итоге привело к освобождению его башкир от податного обложения. Позже завершал строительство Челябинской крепости майор Я. Павлуцкий[1]. А. И. Тевкелев набирал первопоселенцев, руководствуясь указаниям, изложенным в приказе императрицы от 11 (22) февраля 1736 г.: «Крайних сибирских и теченских слобод из крестьян записать в казаки охотников до тысячи» из государственных крестьян с семьями шадринских земель, Далматова монастыря, Теченской слободы. Также записал он в Челябинскую крепость семьи мастеровых, в основном с демидовских заводов. Всех записанных Александр Иванович тут же принял в казаки и снабдил бумагой для открепления с прошлых мест. На новом месте жительства новоиспеченные казаки получили материальную помощь для обустройства и пополнения инвентаря. На каждую семью нарезали пашенные земли и луга. Так как все первые жители были приняты в Оренбургское казачье войско, то Челябинск стал казачьим поселением[2].

В 1744 г. канцелярия Исетской провинции приняла два важных решения: «О казачьих заимках для содержания скота и о помощи проезжающим» и «О строительстве мельниц и договорах о земле». На основании этих документов по дорогам и при мельницах появились

жилища; в последующие годы казакам разрешили заниматься на заимках земледелием — были созданы условия для зарождения постоянных населенных пунктов в пределах земельных дач крепостей. До 5-й Генеральной ревизии (1795) казачье население учитывалось по крепостям, и поэтому сведения о казачьих деревнях очень редко встречаются в архивных источниках, включая планы и карты XVIII в. Некоторые деревни были смешанного типа: в одних жили государственные или дворовые крестьяне совместно с казаками, в других — без казаков[3]. Однако в представленных источниках, связанных с изучением фамилий первопоселенцев Челябинской и близлежащих крепостей (Миасской, Еткульской, Чебаркульской), фамилия Ярушин не упоминается вплоть до 1782 г. Лишь в «Списке учиненной при Исетских воинских казачьих делах состоящих в городе Челябе чинам и казакам и их женам и детям, а кто имянно и скольких отроду лет явствует подлинно июня 15 дня 1782 году» я нашла поименный список казаков Челябы, среди которых впервые упоминаются представители интересующей меня фамилии:

> № 489 Вдова Соломея Васильева Ярушиных 45 лет, дети: служащий Григорий 26, Егор 16, Петр13, у Григория жена Наталья Ивановна, сын Андрей 7 м-в.
>
> № 683 Отставной Дмитрий Ярушин 58 лет, жена Федора Парфентьевна 50 лет, дети: Марфа 17, Степанида 12, Арина 4 лет[4].

Чтобы определить, откуда эти люди пришли в наш край, необходимо сделать небольшой экскурс в историю образования фамилий, то есть понять, как они формировались. В книге М. В. Горбаневского говорится о нескольких основных путях образования русских фамилий: 1) от канонических и различных народных форм крестильных христианских имен; 2) от имен мирских, которые пришли из языческих времен, когда имен церковных не существовало; 3) от профессиональных прозвищ предков, рассказывающих, кто из них и чем занимался; 4) от названия местности, откуда родом был один из предков (основой таких фамилий становились разные топонимы — названия городов, деревень, станиц, рек, озер)[5].

Первая гипотеза такова: фамилия Ярушин образована от прозвища Ярушинский, которое ведет свое начало от топонима Ярушино. Так называется деревня в Суксунском районе Пермской области. Вполне вероятно, что предок Ярушин родился или долгое время жил в этом населенном пункте. Само же название деревни восходит к нарицательному «яруш». Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, в старину в вятских, пермских и вологодских краях так называли яровой печеный хлеб (в ржаную тестяную корку наливали жидкий раствор ячной муки и ставили в печь). Возможно, жители Ярушино пекли такой хлеб[6].

Вторая гипотеза: Ярушка — река в России, которая протекает в Томской области. Следовательно, предки, селившиеся на ее берегах, могли получить такую фамилию[7].

Обе гипотезы имеют право на существование, но первый вариант образования фамилии оказался наиболее информативным.

На интернет-ресурсе 1670.ru мной были найдены документы по истории и переписи русского населения Кунгурского уезда за 1679 и 1725 гг., составленные по первоисточнику[8]. Та самая деревушка Ярушино находится в близлежайшей округе деревень Кунгурского уезда.

> 1679 год. Перепись Кунгурского уезда:
>
> № 15 Пермской губернии Кунгурского уезда деревни Плеханова бобыль Меркушка Юдин сын Ярушин. У него скотная изба.
>
> № 16 Пермской губернии Кунгурского уезда деревни Плеханова Андрюшка Андреянов сын Ярушин. У него дети Савиноко 6 да Никишка дву лет.
>
> № 28 Пермской губернии Кунгурского уезда деревни Мартьяновой Кондрашка Федоров сын Ярушин. У него дети Никитка 6, да Михейко трех, да Ортюшка дву лет.
>
> В Кунгурском уезде над рекою Сывою Тохтаревская пустыня Пресвятые Богородицы Неопалимые Купины, а строиться вновь после башкирского разорения № 9 Крестьяне Ивашко Фомин сын Ярушин. У него братья Мишка семи лет да Федька двух лет.

> 1725 год. Книга переписная, окладная, посадских людей г. Кунгура, разночинцев, русских государственных, черносошенных, ясачных крестьян и монастырских вкладчиков Кунгурского уезда:
>
> Деревни Мартьяновы крестьяне Михайло Кондратьев сын Ярушин 50, у него дети Григорей 9, Григорей же 2.
>
> Деревни Мартьяновы крестьяне Никита Кондратьев сын Ярушин 60, Киприян 20, Ананья 18, Афанасий 14.
>
> Деревни Мартьяновы крестьяне Кондратей Федоров сын Ярушин 90, у него сын Илья 30, у него сын Василий 1.
>
> Деревни Сыру крестьяне Никифор Андреев сын Ярушин 50, у него дети Фрол 25, Иван 12, у Фрола сын Конан полугуду.
>
> Деревни Шатлыка крестьяне Михайло Фомин сын Ярушин 50, у него сын Лаврентий[9].

Что касается второго варианта (переселение Ярушиных на Южный Урал из Сибири), то на интернет-ресурсе kurgangen.ru мной также были найдены материалы из переписной книги Тобольского уезда за 1680, 1710, 1719 гг.[10], где также фигурирует фамилия Ярушин:

> 1680 год. Да в Шадринской же слободе вновь прибраны крестьяне в десятинную пашню, которые здав пашни живут своими дворами, и с Руси пришлые люди поселились своими ж дворами и пашут свои собинные пашни, а государевы десятинные пашни не пахали.
>
> Во дворе Лучка Андреив сын Ярушин. Сказал: родился де он Галицкого уезду на Унже реке Макарьивского монастыря в деревне Починке (ныне Костромской области. — *Н. Е.*) жил за тем монастырем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в

Шадринской слободе со 186-го году. У него сын Микишка году да брат Макарко 15 лет.

1710 год. Сибирская губерния, Тобольский уезд. Переписная книга переписи тобольского «по выбору» дворянина Василия Савича Турского

Окуневской слободы. Двор крестьянина Ивана Ярушина, сказался 60 лет, жена Татьяна 50 лет, дети: Фадей 18, Онисим 12, дочь Овдотья 15, Олена 13, Ховронья 7 лет. У него ж подворница, солдатцкая жена, Катерина 20 лет. Иван Ярушин указ Великого Государя об Утайке дворов и людей под опасением смертныя казни слышал, по его велению Иван Качесов руку приложил.

Шадринской слободы деревни Короткая. Двор, а в нем живет бобыль Макар Егорьев сын Ярушиных 50 жена у него Федосья 45 дети Петр 20 Григорей 13 Ферапонт 8 Емельян 4 Карп 3 дочь девка Наталья 10 у сына ево Петра жена Марфа 20.

Шадринской слободы деревни Короткая. Двор, а в нем живет бобыль Костянтин Ярафиев сын [Ярушин] 40 жена у него Онтонида 40 дети Семен 11 Михайло 9 Агафон 8 Филип 5 Матфей 3 дочь девка Ирина 12.

Шадринской слободы деревни Сухрина, что под Исетью. Двор, а в нем живет пашенной крестьянин Лука Андриев сын Ярушин. Сказал себе от роду штидесят лет. Жена у него ефросинья 60 сын Симан 20 у сына ево Симана жена Василиса 20 дочь девка Матрона полугоду.

1719 год.1719-го году маия в 20 день в Барневской слободе селе Кабанье. Во дворе Терентий Гордеев сын Ярушиных сказался 55 лет. У него сын Дмитрий 20 лет.

1719-го году маия в 20 день в книги Окуневского острогу деревни Игнатьевой. Во дворе Иван Нестеров сын Ярушин 75 лет. У него сын Анисим 24 лет[11].

1679 год. До появления первых Ярушиных в Челябинской крепости еще сто лет. Пока трудно предположить, чей потомок, из Сибирской или Пермской губернии, стал основателем казачьего рода Ярушиных на Южном Урале. Но выскажу смелое предположение. Первые Ярушины упоминаются в Челябинской крепости после событий 1773–1775 гг. — крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева.

В конце декабря 1773 г. пугачевцы захватили значительную часть территории Урала. В их руках находились важные стратегические пункты — Оса, Красноуфимск. Восставшие угрожали и Кунгуру. Так, 26 декабря в руках повстанцев оказались дер. Усть-Турка, Бырма. Сам Емельян Пугачев не был у Кунгура. Осаждали город только его отряды, состоящие из татар и башкир под руководством Салавата Юлаева, Ивана Белобородова, Батыркая Иткинева, Ивана Кузнецова[12]. Охвативший Поволжье, оренбургские степи и Урал пугачевский бунт вскоре достиг и Тобольской губернии. 10–12 февраля 1774 г. в Куртамыш прибыл отряд ясачного татарина есаула Ивана Алферова сына

Иликаева. Отряд состоял из татар, башкир, мещеряков и окуневских крестьян. Вскоре к ним присоединились местные жители[13]. Могли ли мои предки оказаться в Челябинской крепости именно в результате этих событий? И да и нет. Однозначного ответа пока нет.

Итак, один из первых представителей рода Ярушиных начиная с 1782 г. значится городовым казаком Челябинской крепости, однако в силу объективных причин один из его сыновей переводится на службу в крепость Еткульскую[14]. Именно с этого момента установлена родовая цепочка моих предков, подтвержденная материалами из ОГАЧО.

[Имя неразборчиво]: сын Дмитрий, 1724 г. р., городовой казак Челябинской крепости; Лука, 1730 г. р. (впоследствии казак Еманжелинской крепости).

Дмитрий Ярушин, 1724 г. р. Жена Федора Парфентьевна, 1730 г. р. Дети: Иван, 1749 г. р.; Марфа, 1765 г. р.; Степанида, 1777 г. р.; Арина, 1778 г. р.

Иван Дмитриевич Ярушин, 1747 г. р., казак крепости Еткульской. Жена (?). Дети: Савелий, 1764 г. р.; Тимофей, 1779 г. р.; Гликерия[15].

Савелий Иванович Ярушин, 1764 г. р. До 1787 г. казак крепости Еткульской[16]. Жена (?). Сыновья: Архип и Федор, 1781 г. р. (у Федора жена Надежда Ивановна, сыновья: Прокоп (?); Егор, 1812 г. р.), Ларион, 1786 г. р.; Михаил (?). Дочь Марфа, 1787 г. р. Архип и Федор — братья-близнецы, впоследствии служили в редуте Луговом[17].

19 августа 1804 г. были утверждены правила обустройства Оренбургской пограничной линии. Согласно этим правилам казаков, живущих в городах и крепостях внутри края и на Самарской линии, было решено перевести на Оренбургскую линию, поселив их между Звериноголовской крепостью и городом Оренбургом; составить четыре гарнизонных батальона из не способных к полевой службе и подлежащих отставке нижних чинов Оренбургской и других ближайших инспекций, а на следующий год (1805) пополнить батальоны также не способными к полевой службе и женатыми казаками в возрасте до 37 лет. Батальоны разместить в крепостях Троицкой, Верхнеуральской, Орской и Верхнеозерной дистанций.

Одними из первых изъявили желание переселиться на линию казаки, заявив, что они «повергаются священной монаршей воле» и готовы служить там, где «Его Императорскому Величеству благоугодно назначить им место». Вследствие этого оренбургский военный губернатор князь Г. С. Волконский 27 мая 1805 г. поручил председателю оренбургской войсковой канцелярии капитану Дмитрию Ханжину объявить казакам, что всем переселяющимся будет выдано по две лошади, для занятий земледелием — соха, борона и телега на каждого казака, а на семью — топор и коса; на посев выдавалось 10 пудов семян, а на пропитание — от 2 до 4 пудов семян, в зависимости от возраста детей, и по 5 пудов крупы, овса и пшеницы на каждые 10 человек. В 1805 г. казаков из семи крепостей Исетской провинции (Челябинской, Миасской, Чебаркульской, Еткульской, Еманжелинской, Кичигинской, Коельской) переселили в укрепления Оренбургской линии, в Таналыцкую, Уртазымскую, Кизильскую, Магнитную, Усть-Уйскую и другие крепости. Количество переселенных составляло 1181 человек.

Так в Усть-Уйской крепости появились первые казаки. К 1811 г. в приход церкви крепости Усть-Уйской входили всего 11 казаков. Фамилии первых казаков крепости Усть-Уйской: Аксенов, Бухарин, Вишняков, Воробьев, Кабанов, Кадошников, Казанцов, Максимов, Медведев, Мельников, Новиков, Пермяков, Печоркин, Плотников, Понамарев, Протасов, Сазонов, Саночкин, Степанов, Сухоруков, Харин, Худяков, Черкасов, Шелехов, Щербаков, Ярушин...[18]

Именно в связи с этими событиями на Нижне-Уйской пограничной линии оказался **Ларион Савельевич Ярушин**, 1786 г. р. Казак крепости Усть-Уйской, в 1813 г. переведен в редут Луговой с братом Федором[19]. Жена — Параскева Аврамовна (1793–1856, умерла от удушья), вдова к 1845 г. Сыновья: Алексей, 1814 г. р.; Михаил, 1816 г. р. (жена Мария Гавриловна, сын Николай); Ефим, 1820 г. р. (жена Пелагея Васильевна Пушкина). Дочери: Параскева, 1824 г. р.; Татьяна (?), Авдотья (?), Афанасий (?)[20].

В 1827 г. Ларион Савельевич по не установленным мною причинам был сослан на поселение[21]. В дальнейшем его дети и жена переселились в крепость Крутоярскую, где до сих пор проживают его потомки.

Алексей Ларионович Ярушин, 1814 г. р. Казак редута Лугового, в 1831 г. с братьями и сестрами переселен в крепость Крутоярскую[22]. Первая жена (?); вторая жена — Марфа Ивановна (незаконнорожденная), брак зарегистрирован в 1833 г. Сыновья: Афанасий (?); Павел, 1830 г. р.; Николай, 1832 г. р. — дети от первого брака (судьба не установлена). Михаил, 1833 г. р.; Григорий, 1838 г. р. (умер в младенчестве); Петр, 1841 г. р. (умер в младенчестве); Апполон, 1843 г. р. (умер в младенчестве); дочери: Евдокия, 1837 г. р. (умерла в младенчестве); Матрона, 1844 г. р. (умела в младенчестве); Акулина (?) — дети от второго брака[23]. Марфа Ивановна, будучи замужем, «в отсутствии мужа от инвалида Уфимской команды Антона Тимофеева родила дочь Мавру 27.05.1834 г.»[24].

Михаил Алексеевич Ярушин, 1833 г. р. Казак станицы Крутоярской[25]. Жена (?). Сыновья: Андрей, 1850 г. р.; Прокопий, 1856 г. р.; Иван (?). Дочь Устинья (?)[26]. Иван Михайлович — участник Русско-японской войны[27]. Андрей Михайлович служил младшим писарем в 12-м полковом правлении[28].

Прокопий Михайлович Ярушин, 1856 г. р. Казак станицы Крутоярской[29]. Жена — Татьяна Михайловна Дударева. Сыновья: Михаил, 1876 г. р.; Афанасий, 1883 г. р.; Павел, 1887 г. р. Дочери: Анна, 1879 г. р.; Евдокия, 1881 г. р.; Анастасия, 1885 г. р.; Елена, 1888 г. р.; Анастасия, 1889 г. р.[30] Прокопий Михайлович, как и его брат Андрей, были урядниками. Андрей служил писарем при полковом правлении, а Прокопий, предполагаю, в 1896 г. мог быть атаманом ст. Крутоярской: в фондах ОГАЧО нашлось дело следующего содержания:

> Раппорт № 17 от 05.02.1896 г.
>
> Представляю при сем казака Андрея Васильевича Кораблева. Прошу Вашего Благородия выдержать его при станичном правлении под арестом двое суток за грубое выражение противу меня и за обозвание десятника сволочью.
>
> Атаман поселения Ярушин[31].

Еще один интересный факт. Прокопий Михайлович в 1891 г. мог быть свидетелем визита в станицу будущего императора цесаревича Николая Александровича, посетившего Крутоярскую во время восточного путешествия по Российской империи.

> ...Ночевали в поселке Луговом... В 10 часов утра 21 июля наследник прибыл в следующий пункт своего путешествия поселок Крутоярский, где посетил церковь и пожертвовал на украшение храма сто рублей. Здесь же состоялась беседа с казаками о недавнем пожаре, уничтожившем половину поселка (150 домов). Погорельцам было пожаловано шестьсот рублей. Радости казаков не было конца и со слезами благодарности за великую милость, провожали они далеко за поселок августейшего гостя[32].

Павел Прокопьевич Ярушин, р. 01.06.1887. Казак ст. Крутоярской. Жена — Пелагея Семеновна Круглова, 1887 г. р. Сын Иван, 1923 г. р. Дочери: Дарья, 1908 г. р.; Александра, р. 1913; Евдокия, 1916 г. р.; Галина (?); Степанида (?); Анастасия (?)[33].

В 1909 г. Павел Прокопьевич «был призван в царскую армию на действительную службу на австрийскую границу Волынской губернии в местечко Волочаевск в составе 12-го Оренбургского казачьего полка. Находился на службе до 1912 г., был демобилизован, вернулся в станицу и занялся хозяйством»[34]. По возвращении из армии был зачислен в призыв 2-й очереди в резерв 12-го казачьего полка.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Из казаков станицы была сформирована Оренбургская казачья дивизия, куда вошли 9, 10, 11 и 12-й казачьи полки. Был призван и Павел Прокопьевич. За участие в боях был «награжден 29.07.1915 от имени Государя Императора, Его Императорским Высочеством Великим князем Георгием Михайловичем за храбрость и мужество Георгиевским крестом 4 ст. № 402131»[35]. Внесен в «Книгу героев Первой мировой войны»[36].

П. П. Ярушин вернулся в станицу в октябре 1917 г., еще не зная, что впереди его ждут более страшные испытания. В стране произошла революция, начиналась Гражданская война, которая позднее разделит станицу на два лагеря. В августе 1918 г. после станичного собрания Крутоярская выставила пять сотен казаков в армию А. В. Колчака. Записались и братья Ярушины — Павел и Михаил[37]. Павел Прокопьевич «вступил в армию Колчака и участвовал в боях против красных под Уфой. С поражением белых войск отступал до Канска, где в декабре 1919 г. был взят в плен и отправлен на работу к крестьянам в Молокоманскую волость. Проработав там три месяца, смог уехать в станицу Крутояркую. В ноябре 1920 г. был мобилизован в Красную трудармию в г. Троицк, прослужил там восемь месяцев до июля 1921 г., затем опять вернулся домой, начал заниматься хозяйством, хлебопашеством»[38]. В 1929 г. в ст. Крутоярской началась коллективизация, жители организовали колхоз имени Чапаева. Хотя и не сразу, но Павел Прокопьевич все же решил вступить в колхоз, отдав туда все свое движимое и недвижимое имущество. Произошло это в 1930 г. За ум, рассудительность, трудолюбие он был назначен бригадиром отделения. Но в 1933 г. снят с этой должности, лишен права голоса

и подлежал выселению со всем своим семейством. Однако был оставлен «в связи с прекращением выселки»[39].

Еще большая беда пришла в 1937 г. П. П. Ярушина обвинили в участии в деятельности «контрреволюционной организации». Одним из аргументов обвинения было следующее: «...организовал саботаж по срыву посевной кампании 1937 года»[40]. Обвинительное заключение по делу № 4030 по ст. 58-10 было вынесено на заседании тройки УНКВД по Челябинской области 17 октября 1937 г.: «...заключить в ИТЛ на 10 лет, считая срок с 7 июля 1937 г.»[41]. П. П. Ярушин был выслан в Иркутскую область, в Тайшетлаг. Последнее письмо жене было написано им в январе 1938 г. Позже жена случайно знала, что Павел Прокопьевич умер в начале 1938 г. от истощения в районе ст. Тайшет, в лагерном поселении. Но место его захоронения до сих пор неизвестно[42]. С началом реабилитации жертв массовых политических репрессий в середине 1950-х гг. Пелагея Семеновна делала запрос на пересмотр дела своего мужа (16 декабря 1959). В результате П. П. Ярушин был посмертно реабилитирован «из-за отсутствия в его действиях состава преступления». 30 марта 1960 г. Пелагее Семеновне была выдана справка о реабилитации мужа. А чуть позже она получила справку о смерти Павла Прокопьевича «29 января 1938 г»[43].

Дарья Павловна Ярушина, 1908 г. р. Вышла замуж за Сергея Афанасьевича Курбатова. Сын Алексей, 1932 г. р. Дочь Анна, р. 08.12.1927. Проживали в с. Крутоярском.

В архиве школьного краеведческого музея пос. Крутоярского хранится хозяйственная книга артели колхоза им. Чапаева. Здесь имеются подтверждающие документы, а именно справки о работе женщин во время войны. Эти справки выдавались на имя работника, трудившегося в артели до образования в марте 1957 г. совхоза «Крутоярский». На основании этих справок работники музея составили списки тех, кто трудился в годы войны в селе:

> Список тружениц колхоза им. Чапаева (сельскохозяйственной артели им. Чапаева), реорганизованного в совхоз «Крутоярский» в марте 1957 года (данные из архива совхоза «Крутоярский» от 14 октября 2013 года, выданы ответственным за документацию в ЗАО «Крутоярский» Локис Г. Н., документы подготовлены для сдачи в областной архив).
>
> Список женщин, работавших в годы войны в колхозе им. Чапаева, подтверждается справками, фактически удостоверяющими стаж работы.
>
> ...Курбатова Дарья Павловна
>
> ...Курбатова Анна Сергеевна[44].

Анна Сергеевна Курбатова, р. 08.12.1927. Вышла замуж за Михаила Ивановича Быбина. Сын Иван, р. 01.05.1953. Дочери: Валентина, р. 08.08.1948; Мария, р. 02.08.1955. Проживали в с. Крутоярском Челябинской области.

Родилась Анна Сергеевна в 1927 г. И когда началась война, ей было всего тринадцать лет. О страшной вести узнала сразу. На второй день войны почти все мужчины получили повестки из военкомата.

Уходили на фронт отцы, старшие братья. От мирных привычных забот не осталось и следа. А главное место на селе заняли матери, жены, сестры воинов. Пахота и сев, уборка урожая, уход за скотом, заготовка кормов, вся работа в колхозе легла на плечи женщин. А впереди ждали голодные времена, когда ели все подряд — траву, гнилую картошку. Осенью 1943 г. мою бабушку от колхоза послали на лесоразработки. В трудармии наравне с мужчинами пилила она, молодая девушка, деревья двуручной пилой. «Выдавали паек: 600 грамм хлеба и суп из крапивы, из одежды — матерчатые ботинки с деревянной подошвой, а так всю войну были обуты в лапти, одеты в фуфайки»[45].

Валентина Михайловна Быбина, р. 08.08.1948. Муж Юрий Михайлович Боронин, 1941 г. р. Дочь Наталья, р. 04.11 1975. В 1978 г. переехали на постоянное место жительства в Челябинск.

Наталья Юрьевна Быбина, р. 04.11.1975. Вышла замуж за Матвея Михайловича Емельянова. Дочь Екатерина, р. 13.04.2005. Окончила Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), работает учителем-дефектологом.

Вот такая получилась история рода Ярушиных длиной почти 350 лет. Но многое еще предстоит узнать.

Примечания

[1] Источник: *Самигулов Г. Х.* Из истории Челябинска: Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год / науч. ред. д-р ист. наук А. Д. Таиров. Челябинск : Камен. пояс, 2015. 140 с.

[2] *Дегтярев И. В.* Челябинская старина : сб. ст. и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е гг. XVIII — середина XIX в.). Челябинск, 1996.

[3] *Потанин Я. Д.* Топонимы г. Челябинска и его окрестностей, связанных с первопоселенцами Челябинской крепости // Старт в науке. 2018. № 5-5. С. 673–679.

[4] О топонимах фамильного происхождения и первопоселенцах Челябинской области см.: *Поздеев В.* В. Флаг семьи на карте // Инфор. 1999. № 4. С. 73–76. ; *Он же.* Кто же вы первопоселенцы? // Исторические чтения : материалы науч. конф. Вып. 3. Челябинск, 1997. С. 13–16.

[5] *Горбаневский М. В.* В мире имен и названий. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Знание, 1987. 208 с.

[6] *Даль В. И.* Иллюстрированный толковый словарь русского языка. М. : Астрель, 2007. 349 с.

[7] *Статина Н. В.* Словарь фамилий Еткульской станицы 1896 года // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь : Изд-во Перм. гос. гуманит.-пед. ун-та, 2014. С. 109–112.

[8] http://1670.ru/census/1679/kungur.

[9] Там же.

[10] http://www.kurgangen.ru/Istochniki.

[11] Там же.

[12] http://www.microarticles.ru/article/osada-kyngyra-pygachevim.html.

[13] http://www.kurgangen.ru/local-finding/pugachovskii_bun/Pugachev.

[14] *Статина Н. В.* Указ. соч. С. 109–112.

[15] *Поздеев В. В.* Кто же вы первопоселенцы? С. 13–16.

[16] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1 Д. 4 Л. 410 ; https://archive.bashkortostan.ru.

[17] https://archive.bashkortostan.ru.

[18] http://www.kurgangen.ru/History%20of%20Kurga/Tselinny%20region/Ust-Uyskoe%20selo/Ust-Uyskoe%20krepost.

[19] https://archive.bashkortostan.ru.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 13. Л. 59.

[24] Там же. Д. 24.

[25] https://archive.bashkortostan.ru.

[26] ОГАЧО Ф. И-226. Оп. 1. Д. 276.

[27] *Антипин Н. А.* Забытые имена героев Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Инфор. Ветер времени: материалы к поколенным росписям российских родов Урала. 2007. № 1. С. 26–38.

[28] ОГАЧО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 107.

[29] Там же. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 276.

[30] Там же. Оп. 4 Д. 69, 96, 108, 125.

[31] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 381.

[32] *Антипин Н. А.* Николай II // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2008 / сост. И. Н. Пережогина и др. Челябинск, 2007. С. 124–129 ; ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 247. Л. 4.

[33] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 11. Д. 83.

[34] Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 8463.

[35] https://gwar.mil.ru/heroes/ ; *Завершинский В. И., Семенов В. Г., Шалагин А. В.* Именной справочник казаков ОКВ, награжденных государственными наградами Российской империи. Третий военный отдел. Магнитогорск : Статус, 2011. 224 с.

[36] http://gwar.mil.ru.

[37] ОГАЧО. Ф. Р-885. Оп. 1. Д. 2. Л. 603.

[38] Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 8463.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] Там же.

[42] Там же ; http://www.pribaikal.ru/5408.html.

[43] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 8463 ; *Емельянова Н. Ю.* Судьба человека: история поиска // Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. 383 с.

[44] https://infourok.ru/nauchnaya-rabota-zhenschini-tila-o-s-krutoyarka-oktyabrskogo-rayona-chelyabinskoy-oblasti-1818530.html.

[45] Там же.

А. В. Козлов

Семья и родственные связи Павла Петровича Аносова

Известно, какую большую роль в жизни каждого человека играют семья и родственные связи. До недавнего времени этому уделялось не так уж много внимания. Не стал исключением великий русский металлург и организатор горнозаводской промышленности Павел Петрович Аносов. В его биографиях, изданных в советское время, сведения о семье отрывочны и неполны. В настоящем генеалогическом исследовании восполняется этот пробел.

Мне хочется здесь выразить искреннюю благодарность за помощь в работе праправнуку П. П. Аносова Андрею Николаевичу Алексееву (Санкт-Петербург), Ирине Михайловне Яковлевой — жене праправнука П. П. Аносова В. В. Абрашкевича (Абхазия), потомкам П. П. Аносова из Новокузнецка, краеведу из Владивостока Николаю Петровичу Троянну, главному специалисту Златоустовского архива Ирине Борисовне Шубиной, а также Евгению Михайловичу Заблоцкому — автору многочисленных публикаций по генеалогии горных инженеров России.

Родительские корни

18 февраля 1793 г. в тверской Скорбященской церкви (Живоноснаго источника Пресвятыя Богородицы) были венчаны Петр Аносов и Домна Сабакина, о чем свидетельствует запись в метрической книге за этот год, хранящейся в Тверском государственном областном архиве: «...казенной палаты секретарь Петръ Васильевъ Оносовъ женился первымъ бракомъ у Титулярнаго Советника Льва Федорова Сабакина на дочери Его девице Домнике». Это были родители Павла Петровича Аносова, который появился на свет в Твери 29 июня 1796 г.

Из каких же семей были Петр и Домна (Домника)? Домна была дочерью Льва Федоровича Сабакина, известного механика и изобретателя. Сведения о ней очень скудны — это, вообще, характерная особенность того времени, когда женщина как самостоятельный субъект не рассматривалась: она всегда была при ком-то — отце, муже, сыне. Несколько больше сведений о Петре Аносове.

Аносовы

Дед П. П. Аносова по отцу Василий Аносов (ок. 1740 — не позднее 1794) служил канцелярским чиновником в Твери. Женат он был на Ксении Семеновне (1743 — не ранее 1798), имел трех сыновей — Петра (1766–1809), Афанасия (1772 — ?) и Василия (1775 — ?) — и дочь Евдокию (1779 — ?). В Твери все Аносовы жили вместе, снимая квартиру. В 1794 г. Ксения Семеновна уже именовалась «вдовой канцеляристской женой». После того как старший сын Петр и младший Василий уехали служить в Петербург в Берг-коллегию, средний сын Афанасий (крестный отец П. П. Аносова), получивший к 1798 г. чин коллежского регистратора, женился на Анне Степановне, девице

17 лет, и продолжал жить с матерью. Правда, к семейству добавилась «крепостная их девка Дарья Якимова» 19 лет.

О том, как сложилась судьба братьев Петра и Василия Аносовых, подробно рассказал Е. М. Заблоцкий в статье «К генеалогии горной династии Аносовых»[1].

В 1806 г. после преобразования Берг-коллегии в Горный департамент Петр Васильевич Аносов был назначен советником Пермского горного правления. Умер он в Екатеринбурге 1 мая 1809 г.

О дальнейшей же судьбе Василия Васильевича Аносова дополнительных сведений нет, как, впрочем, и о жизни Афанасия Аносова, среднего из братьев Аносовых.

Сабакины

Дед Павла Петровича Аносова по матери Лев Федорович Сабакин был талантливым изобретателем-самоучкой, не менее значимым, чем широко известный Кулибин. Родился он в 1746 г. в г. Старице Тверской губернии в купеческой семье. В начале 1740-х гг. женился на Настасье Константиновне (происхождение ее, к сожалению, неизвестно, но вероятнее всего, она была дочерью какого-то купца). В 1773 г. у супругов появилась дочь Домна (в некоторых документах имя пишется как Домника), а затем три сына: Александр (1774), Иван Большой (1778) и Иван Меньшой (1881).

В 1776 г. Л. Ф. Сабакин поступил на службу в палату уголовного суда в Твери, вначале работал копиистом, но вскоре его перевели в канцеляристы. С 1779 г. он исполнял должность механика, занимаясь в свободное время конструированием часовых механизмов. В 1784 г. был представлен императрице Екатерине II с изготовленными им сложнейшими астрономическими часами. За эти часы Л. Ф. Сабакина наградили 1000 руб. (по тем временам весьма значительная сумма). Своим указом императрица исключила его из купеческого звания (здесь исключение — не наказание, а повышение общественного статуса) и послала его в Англию для приобретения дополнительных знаний по механике.

Поездка оказалась весьма плодотворной. Русский посол граф С. Р. Воронцов оказал Сабакину всяческое содействие. Лев Федорович познакомился с Дж. Уаттом, Балатоном, другими английскими механиками. И принялся за разработку собственной паровой машины. Уже через год были готовы ее чертежи, о чем Воронцов сообщил в Петербург секретарю Екатерины II графу А. А. Безбородко. Из сохранившихся документов явствует, что конструкция русского механика обладала рядом преимуществ перед другими типами паровых машин, созданных в это время. Помимо этого Сабакин занимался и другими изобретениями.

По возвращении в Россию изобретатель представил Екатерине II сделанный им перевод «Лекций по разным предметам» Д. Фергюсона с описанием паровой машины Уатта (издан в 1787). Это было первое описание паровой машины Уатта на русском языке. По личной просьбе Л. Ф. Сабакина определили в Тверь губернским механиком. Продолжая заниматься изобретательством, он создал машину для

измерения «корабельного ходу» (1789) и инструмент для измерения расстояний и высот (1796), за который был пожалован чином коллежского асессора и орденом Св. Владимира 4-й степени.

В 1786 г. в Москве вышла книга под названием «Малое здание, или Разговоры, касающиеся до астрономии, физики и механики, основанные на ясных доказательствах и самопростейших опытах, сочиненные ТГМ в пользу малолетних детей». Под аббревиатурой ТГМ скрывался тверской губернский механик Л. Ф. Сабакин. По сути дела, это была одна из первых научно-популярных книг для детей. Написана она в характерной для того времени форме диалога автора с воображаемым собеседником, где применительно к детскому восприятию увлекательно и живо изложены начала трудных научных дисциплин.

В 1793 г. Лев Федорович выдал замуж за Петра Васильевича Аносова свою единственную дочь Домну, и два года спустя стал дедушкой: в 1795 г. у молодых появился первенец — Василий. Вскоре после рождения второго внука Павла (1796) Сабакина вместе с сыном Иваном в 1797 г. вновь посылают в Англию (теперь уже по указу нового императора Павла I) для знакомства с постановкой монетного дела.

По возвращении из Англии Л. Ф. Сабакин по именному указу был назначен в 1799 г. в Екатеринбург механиком при канцелярии главного заводоуправления, главным образом при монетном дворе. В 1803 г. занимался постройкой паровой машины для Березовских золотых промыслов, сделал многочисленные изобретения для механизации тяжелых, вредных и трудоемких работ (прорезные, гуртильные станки для Монетного двора, цилиндрические воздуходувные меха для Нижне-Исетского и Каменского заводов, большегрузные весы для Медицинской коллегии в Петербурге). В 1805—1812 гг. Лев Федорович по приглашению А. Дерябина служил на Ижевском и Воткинском заводах, где значительно обновил машинный парк. На Воткинском заводе построил первый на Урале листокатальный стан с чугунными валками, воздуходувную печь. На Ижевском заводе изготовил шустовальный станок для обработки канала ружейного ствола (увеличил производительность в 16 раз). На Воткинском заводе запустил в производство изобретенные им станки для нарезки винтов и внедрил их на Гороблагодатских заводах.

В 1809 г. умерли Петр и Домна Аносовы, оставив сиротами четверых детей. Лев Федорович взял внуков на воспитание и постарался устроить мальчишек — Василия и Павла — на учебу в Горный кадетский корпус.

В начале 1812 г., будучи уже больным, Л. Ф. Сабакин ушел в отставку. Но с началом Отечественной войны 1812 г. управляющий Ижевского завода, где Лев Федорович был хорошо известен, обратился с ходатайством в артиллерийскую экспедицию Военной коллегии, чтобы она посодействовала возвращению Сабакина для работы на заводе. Сабакин отказался, но начальник Ижевских заводов не отступал. В конечном итоге Сабакин все-таки вернулся на службу. Умер Лев Федорович в Ижевске 12 августа 1813 г.

О судьбе старшего сына Л. Ф. Сабакина Александре известно немного, златоустовский краевед Н. К. Тимофеев в своих записках упо-

минает, что в 1834 г. в семье П. П. Аносова жил его дядя Александр Сабакин. Возможно, что он и умер в Златоусте.

Один из младших сыновей, Иван Львович Сабакин (1778 — ?), учился в Тверском главном народном училище (1786–1794). В 1797 г. определен механиком Тверской губернии, а по «уничтожении» должности губернских механиков назначен механиком Гороблагодатских заводов (1800). На Урале первое время работал под руководством отца, показывая «немалую в механике способность» (1800–1803).

Братья и сестры

Павел Петрович Аносов был не единственным ребенком в семье. У его родителей — Петра Васильевича и Домны Львовны — родилось пятеро детей: трое сыновей (Василий, Павел и Лев) и две дочери (Мария и Александра). Как сложились судьбы братьев и сестер Павла Петровича?

Старший брат Василий. Старший брат П. П. Аносова Василий родился в Твери 10 апреля 1795 г. В метрической книге тверской Скорбященской церкви (Живоноснаго источника Пресвятыя Богородицы) сохранилась запись об этом событии: «Апреля 10го числа у городового секретаря Петра Васильева Оносова жена Домника Львова родила сына Василия, кой крещен 12 числа». Восприемником (крестным отцом) первенца Петра и Домны Аносовых был его родной дед по матери Лев Федорович Сабакин.

После смерти родителей (1809) Василий вместе с младшим братом Павлом непродолжительное время жил в семье деда Л. Ф. Сабакина. Вскоре дед устроил братьев Аносовых на учебу в Горный кадетский корпус в Петербург. Проучившись несколько месяцев, Василий умер от болезни в сентябре 1810 г.

Видимо, сырой петербургский климат стал роковым для 15-летнего Василия Аносова, сведя его в могилу.

Младший брат Лев. О младшем брате П. П. Аносова Льве сведения очень скудны. Основываясь на формулярных списках П. В. Аносова, Е. М. Заблоцкий предполагает, что Лев Аносов родился в 1800 г., а умер в 1802 (1803) г.

Младшие сестры Александра и Мария. Младшие сестры П. П. Аносова Александра и Мария родились в Санкт-Петербурге. О времени их рождения можно пока судить только по одному документу — «Прошению на имя императора Александра I» (13 мая 1809), хранящемуся в Государственном архиве Свердловской области и опубликованному в книге «Генерал от металлургии Павел Аносов» (1999). Вот что говорится в этом прошении детей П. В. Аносова: «Родитель наш, служа Вашему Императорскому Величеству более 30-ти лет, сего мая на 1-е число умер, оставя из нас первого — 13 а второго — 12 лет, и двух сестер наших Александру 5 и Марью 4 лет без всякого состояния и призрения, следовательно, без малейшего средства иметь безбедное пропитание».

Из этого следует, что Александра Аносова родилась либо во второй половине 1803 г. (после 13 мая 1803), либо в первой половине 1804 г. (до 13 мая 1804); а Мария — соответственно, во второй по-

ловине 1804 г. (после 13 мая 1804) или в первой половине 1805 г. (до 13 мая 1805). Из этого же документа явствует, что над маленькими сестрами Сашей и Машей Аносовыми было установлено опекунство: «К подлинному прошению сыновья Василий и Павел руку приложили. О сестрах же наших во уверение представляется при оном определенных опекунов свидетельство». Возможно, опекуном сестер был или их дед Л. Ф. Сабакин, или дядя Иван Львович Сабакин, также работавший в это время на Урале.

По окончании Горного кадетского корпуса Павел Петрович Аносов в декабре 1817 г. приехал в Златоуст, забрав с собой повзрослевших к этому времени сестер: Александре было 13–14 лет, Марии — 12–13.

Александра, судя по документам, так и жила в семье брата Павла. Златоустовский краевед Н. К. Тимофеев в своих выписках из старых метрических книг и формуляров отмечает, что в 1834 г. семья «горного начальника, полковника и кавалера» П. П. Аносова состояла из него самого, его жены Анны Кононовны, их детей Марии и Александра, его сестры Александры Петровны и его дяди Александра Львовича Сабакина. А из метрических книг златоустовской Трехсвятительской церкви явствует, что «девица Александра» была крестной матерью старшего сына П. П. Аносова Александра (1832) и рано умершей дочери Ольги (1836). Каких-либо еще подробностей об Александре Петровне Аносовой пока найти не удалось.

Судьба самой младшей сестры П. П. Аносова, Марии, сложилась, наверное, счастливо. В 1818 г. в Златоуст приехал молодой горный инженер Фердинанд Богданович Грасгоф, однокашник Павла Петровича по Горному кадетскому корпусу. Наверное, юный Фердинанд частенько бывал в доме у Аносовых, где и познакомился со своей будущей женой — младшей сестрой Павла Аносова Марией. Они обвенчались в Трехсвятительской церкви 13 января 1822 г. Поезжанами (выражаясь современным языком, свидетелями) при венчании были титулярный советник Александр Савицкий, гиттенфервалтеры Андрей Давидович-Нащинский и Александр Тверский, а первым в списке поезжан был упомянут «6-го класса Евграф Ковалевский», который в это время был в долговременной командировке на Златоустовских заводах. Евграф Петрович Ковалевский — крупный государственный деятель России первой половины XIX в. (директор Горного департамента, министр просвещения, сенатор) и старший брат Егора Ковалевского, с которым П. П. Аносов работал в Златоусте во второй половине 1840-х гг.

Через год после этой свадьбы Павел Петрович стал дядюшкой: у четы Грасгофов в 1823 г. родилась первая дочь — Мария. Фердинанд Грасгоф проработал в Златоусте до 1829 г., был смотрителем клинкового и арсенального отделений Оружейной фабрики, в 1821 г. получил благодарность Горного департамента «за составленное им описание части производства Златоустовской Оружейной фабрики», стал отцом четырех дочерей: Марии (1823), Надежды (1825), Юлии (1826) и Александры (июнь 1829). В сентябре 1829 г. Ф. Б. Грасгоф получил новое назначение — управителем Воткинского завода. В Воткинске у него в апреле 1833 г. родился сын Николай. В конце 1833 г. Грасгофы вновь возвращаются на Златоустовские заводы в связи с назначением Фердинанда Богдановича управляющим Миасским заводом и золотыми

промыслами. В 1840-е гг. Ф. Б. Грасгоф, к тому времени уже полковник Корпуса горных инженеров, служил горным начальником Богословских заводов на Среднем Урале. Был уволен с этой должности по болезни в 1848 г. Однако и в 1949 г. числился членом совета, ученого комитета и горного аудиториата Корпуса горных инженеров.

Сын Марии Петровны Грасгоф (Аносовой) Николай в 1853 г. вместе со своими двоюродными братьями Александром и Николаем Аносовыми окончил Институт Корпуса горных инженеров (ИКГИ) и получил направление на Златоустовские заводы. В Златоусте Н. Ф. Грасгоф работал горным смотрителем по Миасским золотым приискам (1854–1861), затем был назначен помощником управителя Березовских золотых промыслов (Екатеринбургские заводы), а в июле 1864 г. вновь вернулся на Златоустовские заводы, но уже управителем Саткинского завода, и работал в этой должности, по имеющимся данным, до конца 1871 г. Он был женат на дочери надворного советника Надежде Ивановне Моставенковой. В 1877 г. статский советник Н. Ф. Грасгоф был назначен помощником горного начальника Гороблагодатских заводов и инспектором горного училища и заводских школ округа.

Старшая дочь Грасгофов Мария (племянница Павла Петровича) в первой половине 1840-х гг. вышла замуж за Петра Михайловича Карпинского, одного из представителей большой семьи уральских горных инженеров. У Петра Михайловича и Марии Фердинандовны было пятеро детей: трое сыновей (Алексей, Александр и Михаил) и две дочери. Алексей Петрович Карпинский (р. 1843) в 1865 г. окончил ИКГИ и получил назначение на Златоустовские заводы, в 1866–1867 гг. работал смотрителем Саткинского завода. Его младший брат, Александр Петрович Карпинский (р. 26.12.1846) окончил институт годом позже, и в 1867–1868 гг. работал смотрителем Миасских золотых промыслов. Впоследствии А. П. Карпинский — крупный русский геолог и организатор науки, первый выборный президент Российской академии наук (1917–1925) и первый президент АН СССР.

В общем, и сама Мария Петровна Грасгоф (Аносова) немало лет прожила в Златоусте, и ее потомки (сын Николай Грасгоф и внуки Алексей и Александр Карпинские) оставили след в истории Златоустовского Урала.

Жена и ее родные

Павел Петрович Аносов был женат на Анне Кононовне Нестеровской, старшей дочери Конона Яковлевича Нестеровского. Вероятно, венчались они в Златоусте, в Трехсвятительской церкви. К сожалению, точной датой этого события мы пока не располагаем, поскольку метрические книги этого периода в Златоустовском архиве не сохранились. Можно только предположить, основываясь на дате рождения первой дочери Аносовых Марии (01.09.1831), что вступление в брак Павла Петровича и Анны Кононовны состоялось осенью 1830 г. Познакомились же будущие супруги, вероятнее всего, задолго до этого.

Павел Петрович Аносов приехал в Златоуст в декабре 1817 г., а на следующий год здесь появился Конон Яковлевич Нестеровский,

назначенный помощником горного начальника Златоустовских заводов. К этому времени у Конона Яковлевича и его супруги Марии Яковлевны уже было четверо детей: Яков (1810), Анна (1811), Нафанаил (1813) и Александра (1816). Четыре младших дочери (Екатерина, Елизавета, Мария и Лариса) родились у Нестеровских, вероятнее всего, уже в Златоусте (Конон Яковлевич получил новое назначение на Камско-Воткинские заводы только в конце 1824 г.). Молодой горный инженер Аносов (Павлу Петровичу тогда было 24 года) с двумя сестрами-подростками (Александрой и Марией) на руках, наверное, вызвал у Нестеровских чувство сострадания и желание помочь. А спустя некоторое время стал своим человеком. К сожалению, о самой Анне Кононовне известно очень мало; после смерти Павла Петровича она жила с детьми в Петербурге, возможно, в том самом доме на Литейном проспекте, о котором упоминает правнук Аносова Павел Алексеевич Аносов. Неизвестна и дата смерти А. К. Аносовой (Нестеровской).

Если судить по документам, то родственные связи Аносовых с Нестеровскими были весьма тесными. Через сестер Анны Кононовны клан Аносовых породнился с Лисенками, Давидовичами-Нащинскими, Борисяками. Поэтому стоит обо всех этих людях рассказать несколько подробнее.

Нестеровские-старшие

Конон Яковлевич Нестеровский (тесть П. П. Аносова) родился в 1775 г. Учился в Киевской академии, а в 1794 г. за отличные успехи был переведен в Санкт-Петербургскую учительскую гимназию, которую окончил в 1797-м. С 1806 г. служил в Горном департаменте столоначальником (1807) и начальником архива (1811). Шесть лет проработал на Златоустовских заводах помощником горного начальника (1818–1824), затем был переведен на Камско-Воткинские заводы, где был первоначально управителем, а с 1828 г. — горным начальником. В 1832 г. получил чин обер-берггауптмана 5-го класса (в армейской службе это соответствовало генерал-майору). В 1833 г. вышел в отставку. Умер в 1837 г.

Мария Яковлевна Нестеровская (теща П. П. Аносова) была, по всей вероятности, старшей дочерью горного деятеля Якова Симоновича Качки. В некрологе по поводу смерти П. П. Аносова, опубликованном в «Сыне Отечества» в декабре 1851 г., отмечалось, что супруга Аносова Анна Кононовна «была внучка (по матери) незабвенного в горной истории нашей Г. С. Качки». Отсюда следует, что ее мать должна быть дочерью Гавриила Симоновича Качки и носить соответствующее отчество — Гаврииловна (Гавриловна). Однако в документах жена К. Я. Нестеровского именуется Марией Яковлевной. Приведу в качестве доказательства фрагмент метрической записи о рождении Марии Павловны Аносовой, где в графе «Кто были восприемники» записано: «Бергауптмана Конана Яковлева Нестеровскаго жена Марія Яковлева».

Следовательно, отца М. Я. Нестеровской должны были звать Яковом. Именно так звали младшего брата Гавриила Симоновича Качки. Оба брата Качки были в горной службе, только старший бо-

лее известен. О них достаточно подробно рассказано в «Биографическом словаре деятелей горной службы дореволюционной России» Е. М. Заблоцкого[2].

Можно предположить, что составитель некролога просто спутал двух братьев, не располагая точной информацией. Вероятно, Мария Яковлевна Нестеровская была дочерью Якова Качки и родной племянницей Гавриила Качки. А Анна Кононовна Аносова — внучкой Я. С. Качки и внучатой племянницей Г. С. Качки. Замечу на полях, что под началом Г. С. Качки некоторое время служил отец П. П. Аносова Петр Васильевич Аносов, которого Гавриил Симонович ценил за деловые качества. Такое вот переплетение судеб.

Нестеровские-младшие

Я упоминал, что у Конона Яковлевича и Марии Яковлевны Нестеровских было восемь детей — шесть дочерей (Анна, Александра, Екатерина, Елизавета, Мария и Лариса) и два сына (Яков и Нафанаил). Старшая дочь Анна, став супругой П. П. Аносова, тем самым ввела своих братьев и сестер в круг близких своего мужа. А для младших Аносовых братья и сестры Нестеровские стали кровными родственниками — дядюшками и тетушками.

Наиболее известен и очень тесно связан со Златоустом старший сын — Яков Кононович Нестеровский[3]. Он был крестным отцом старшего сына Аносовых Александра. Женился на Капитолине Григорьевне Азарьевой, дочери капитан-лейтенанта флота Г. Азарьева. В 1866 г. получил чин генерал-майора и вышел в отставку. Последние свои годы жил в Петербурге. Умер 26 июня 1887 г., похоронен на Смоленском православном кладбище.

Его старший сын Григорий (1846–1861) учился в ИКГИ и умер, будучи кадетом, 30 декабря 1861 г. Похоронен на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга.

Младший сын Николай (1848 — после 1918), в 1871 г. окончил Горный институт, работал на Алтае, в 1890-е гг. служил при Горном департаменте инженером для командировок и разведок. Последние годы жизни был членом Горного ученого комитета в чине генерал-майора. Н. Я. Нестеровский автор многих статей в «Горном журнале», его перу принадлежат «Материалы к биографии Аносова», опубликованные в 1918 г. Эта статья, по сути, первая подробная биография П. П. Аносова, содержащая очень ценные сведения. Надо полагать, что при ее написании Николай Яковлевич опирался на сведения, полученные от потомков П. П. Аносова.

О младшем брате Якова Кононовича Нафанаиле известно очень мало. По сути, все сведения, которыми я располагаю, это запись в «Петербургском некрополе» (1912) о том, что генерал-майор Нафанаил Кононович Нестеровский скончался 30 марта 1865 г. и похоронен на Смоленском православном кладбище Петербурга (позднее рядом с ним будут погребены его племянник Григорий и старший брат Яков).

Александра Кононовна Нестеровская в 1834 г. в Златоусте вышла замуж за капитана Корпуса горных инженеров Ивана Романовича

Лисенко. Замечу, что фамилия Лисенко тоже весьма известна в горной истории России[4]. В 1837 г. у супругов Лисенко родился сын Конон, в будущем известный русский химик. В метрических книгах златоустовской Трехсвятительской церкви за январь 1837 г. записано так: «16 числа у управителя заводской конторы майора Корпуса горных инженеров Ивана Романова Лисенки и законной жены его Александры Кононовой родился сын Конон». Из записей в метрической книге следует, что крестным отцом новорожденного Конона стал «горный начальник Полковник и Кавалер Павел Петров Аносов» — муж родной тети младенца Анны Кононовны.

Добавлю, что в 1841 г. Иван Романович Лисенко вместе со своим свояком Павлом Петровичем Аносовым сопровождал в путешествии по Златоустовскому горному округу экспедицию английского геолога Р. Мурчисона. А его сын, Конон Иванович, будучи редактором «Горного журнала», в 1874 г. составил примечания к публикации «Заметка на приготовление булата, адресованная П. П. Аносову покойным профессором химии в Харьковском университете П. П. Эйнбродтом» (само письмо было написано в начале 1840-х гг.)[5].

Екатерина Кононовна Нестеровская была замужем за Андреем Васильевичем Давидовичем-Нащинским, который принадлежал к семье уральских горных инженеров. Его старший брат Игнатий Васильевич дослужился до обер-бергмейстера 7-го класса, был младшим советником 2-го департамента Уральского горного правления. Сам Андрей Васильевич после окончания в 1813 г. Горного кадетского корпуса служил на Урале, в 1820 г. проводил разведку впервые открытого каменноугольного месторождения в Индерских горах. С начала 1820-х гг. — на Златоустовских заводах, к 1835 г. получил чин обер-гиттенфервалтера 8-го класса и служил чиновником для особых поручений. К 1840 г. он уже умер, поскольку в метрической записи о рождении Ларисы Аносовой ее крестная мать Екатерина Кононовна отмечена как вдова «умершего обер-гиттенфервалтера Андрея Васильева Давидовича-Нащинского». Сын Екатерины Кононовны и Андрея Васильевича Николай родился в Златоусте в 1830 г. Сведения о нем приведены у Е. М. Заблоцкого[6].

О младших дочерях Конона Яковлевича и Марии Яковлевны Нестеровских известно немного. Елизавета Кононовна была крестной матерью Маши Аносовой, старшей дочери Павла Петровича, а Мария Кононовна — крестной матерью Наташи Аносовой (получается, что младшие сестры регулярно ходили на крестины к старшей — Анне). Самая младшая из сестер Нестеровских — Лариса — вышла замуж за Никифора Дмитриевича Борисяка, в будущем профессора Харьковского университета. Обвенчались они, видимо, в 1839 — начале 1840 г., когда выпускник Харьковского университета Н. Д. Борисяк был на Урале. Никифор Дмитриевич интересовался работами Аносова по булату и довел их до сведения своих коллег по Харьковскому университету, о чем свидетельствует письмо профессора химии П. П. Эйнбродта[7]. Довольно подробная биография Н. Д. Борисяка приведена энциклопедических источниках[8]. Внук Ларисы Кононовны и Никифора Дмитриевича — Алексей — стал крупнейшим отечественным палеонтологом[9].

Внимательный читатель, вероятно, заметил, как постоянно пересекаются судьбы людей, связанных с Павлом Петровичем Аносовым. Среди учителей Алексея Борисяка (внучатого племянника Анны Кононовны Аносовой) мы видим Александра Петровича Карпинского (внучатого племянника Павла Петровича Аносова). Об Аносове пишет племянник Анны Кононовны Николай Нестеровский, другой племянник Конон Лисенко комментирует публикацию о булатах в «Горном журнале». С полным основанием можно сказать, что память о П. П. Аносове бережно хранилась его многочисленными родными и близкими.

Дети и их потомки

Даже по меркам XIX в., когда многодетные семьи в России были не исключением, как сегодня, а правилом, семья у Павла Петровича Аносова была очень большой. В Златоусте у супругов Аносовых родилось десять детей (пятеро сыновей и пять дочерей): Мария (1831), Александр (1832), Николай (1833), Петр (1835), Ольга (1836), Павел (1838), Лариса (1840), Алексей (1841), Анна (1843), Наталья (1845). Из них только Ольга умерла от коклюша, когда ей было немногим более года. Остальные дети выросли, получили хорошее образование, а сын Николай прославился немногим меньше своего отца Павла Петровича. В «Русском биографическом словаре» (издавался Русским историческим обществом в 1896–1918 гг., вышло 25 томов, издание не завершено) биографии отца и сына Аносовых помещены рядом и по объему не уступают друг другу.

Когда в семье Аносовых в сентябре 1831 г. родилась первая дочь Мария, Павел Петрович уже стал горным начальником Златоустовских заводов и директором Оружейной фабрики. На плечи 35-летнего горного инженера свалился огромный груз служебных забот. Златоустовский казенный горный округ в те времена был одним из самых крупных на Урале, здесь было сосредоточено производство холодного оружия для российской армии и флота, а Миасские прииски лидировали по уровню золотодобычи в России (золото на Дальнем Востоке будет открыто позднее сыном П. П. Аносова Николаем). Да и территория округа была весьма значительной — занимала более семи тысяч квадратных верст. Наверное, в кругу семьи Павлу Петровичу удавалось проводить не слишком много времени, хотя его влияние на детей, особенно на мальчишек, было большим. Недаром ведь двое старших сыновей (Александр и Николай) окончили тот же ИКГИ, в котором некогда учился и сам Павел Петрович (правда, тогда это учебное заведение носило другое название — Горный кадетский корпус).

Бóльшая часть семейных забот лежала, безусловно, на Анне Кононовне. Родить десятерых детей, достойно воспитать девятерых из них, пережить утрату одной из дочерей, всегда быть рядом с немного рассеянным супругом, вечно занятым своими делами... Настоящий подвиг верной и любящей женщины. Замечу на полях, что в советские времена Анна Кононовна Аносова, без сомнения, была бы удостоена ордена «Материнская слава» 1-й степени. Хотя для нее самой лучшей наградой были ее дети, как, наверное, и для любой матери...

О младших Аносовых и пойдет далее речь. Замечу только, что даты рождения детей П. П. Аносова (за исключением Алексея и Анны) приводятся по записям в метрических книгах Трехсвятительской церкви и Свято-Троицкого собора. Выявила эти записи по моей просьбе сотрудник Златоустовского архива И. Б. Шубина.

К сожалению, метрические книги 1841–1843 гг. в Златоустовском архиве не сохранились, поэтому даты рождения Алексея и Анны Аносовых приводятся по данным Е. А. Толмачевой-Карпинской, на которую ссылается правнук П. П. Аносова Павел Алексеевич Аносов в своей статье «Аносовы»[10].

Мария

Мария была первенцем в семье Павла Петровича и Анны Кононовны. Она родилась в Златоусте первого сентября 1831 г. Крестили ее 20 сентября в Трехсвятительской церкви, восприемниками были протоиерей Илья Петрович Попов, штаб-лекарь Август Иванович Тиме, бабушка со стороны матери Мария Яковлевна Нестеровская и тетя Елизавета Кононовна Нестеровская. Образование Мария Павловна Аносова получила в Смольном институте благородных девиц (Санкт-Петербург), учрежденном в 1764 г. указом императрицы Екатерины II при Воскресенском Новодевичьем (Смольном) монастыре. Смольный институт был первым в России учебно-воспитательным заведением закрытого типа для дочерей дворян.

Счастливый случай помог в 1999 г. отыскать потомков старшей дочери Павла Петровича — Марии Павловны Аносовой-Пузановой, которые сегодня живут в Петербурге. Когда я начинал поиски материалов по родственникам П. П. Аносова, заведующий отделом истории нашего музея Ю. П. Окунцов сказал мне, что в журнале «Огонек» за 1988 г. есть статья о ленинградском социологе Андрее Николаевиче Алексееве, где говорилось, что он является потомком П. П. Аносова. К счастью, этот номер журнала сохранился в моей библиотеке. При помощи редактора «Златоустовского рабочего» Михаила Алексеевича Тарынина удалось связаться с работниками завода «Ленполиграфмаш», где А. Н. Алексеев работал в 1988 г. Они сообщили адрес и телефоны Андрея Николаевича. Сначала мы созвонились с А. Н. Алексеевым по телефону, а потом между нами завязалась переписка. В присланных материалах Андрей Николаевич сообщил много интересных подробностей о потомках М. П. Аносовой-Пузановой (он является ее правнуком и, соответственно, праправнуком П. П. Аносова). Добавлю, что в июне 2016 г. мы с Ю. П. Окунцовым и Л. В. Лаженцевой во время поездки в Санкт-Петербург побывали в гостях у А. Н. Алексеева, подарили ему памятную гравюру «Визитная карточка Златоуста» и книгу «Эпоха Аносова».

Дополнительные сведения по потомкам Марии Павловны удалось найти также в статье Е. М. Заблоцкого «К генеалогии горной династии Аносовых» и обширном материале И. М. Яковлевой (жены праправнука П. П. Аносова В. В. Абрашкевича) «О моих родных — потомках знаменитого русского металлурга Павла Петровича Аносова», размещенном в Интернете на форуме «Союза возрождения родословных

традиций». Ниже я попытался свести все сведения по потомкам Марии Павловны воедино.

В Петербурге Мария Аносова познакомилась с горным инженером Михаилом Михайловичем Пузановым (1828 — ок. 1886) и вышла за него замуж (предположительно, в 1854 г.). М. М. Пузанов был сыном статского советника и камергера, помещика Щигровского уезда Курской губернии Михаила Александровича Пузанова (1794 — не ранее 1857). В 1847 г. М. М. Пузанов окончил ИКГИ, служил по горной части в Барнауле и Оренбурге. У Марии и Михаила Пузановых было семеро детей: Софья (1855 — ?), Михаил (1857–1915), Павел (1858–1920), Владимир (1860 — ?), Петр (1862–1935), Мария (1864 — ?), Сергей (1869 — ?).

Мария Павловна Аносова умерла в Петербурге не ранее 1912 г., поскольку в подробном Петербургском некрополе, изданном в 1912 г., ее имя не упоминается (хотя есть имена ее братьев Николая и Алексея).

Сыновья Марии Павловны (внуки П. П. Аносова) получили хорошее образование: Михаил окончил Горный институт (1882); Павел — физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1880), а затем — Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения (1886); Петр — Санкт-Петербургский практический технологический институт (1889); Сергей — Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения (1892).

У Михаила Михайловича Пузанова было шестеро детей (правнуков П. П. Аносова): Владимир (1893), Михаил (1894) и Ольга (1896) — от первого брака с Верой Карловной, дочерью действительного статского советника Жолнеркевича; Ия (1899), Сергей (1902) и Наталья (1903) — от второго брака с Инной Яковлевной, дочерью полковника Пакидова.

Павел Михайлович Пузанов стал инженером-путейцем, проектировщиком и строителем железных дорог. Он был знаком с Н. Гариным-Михайловским, известным писателем и строителем Самаро-Златоустовской железной дороги. От первого брака с Марией Эрастовной Мельгуновой (? — 1905) у него было четверо детей (правнуки П. П. Аносова): Ксения, Вера (1895–1957), Нина (1897–1981), Николай (1900–1967). Рано овдовев, П. М. Пузанов незадолго до революции 1917 г. женился на 18-летней Марии Александровне Карамзиной, предком которой был великий русский историк. После смерти Павла Михайловича Пузанова (внука П. П. Аносова) А. М. Карамзина вторично вышла замуж за Михаила Петровича Карпинского, внучатого племянника П. П. Аносова, брата Александра Карпинского. Так благодаря ей пересеклись две ветви аносовского родословного древа.

Вера Павловна Пузанова вышла замуж за матроса Балтийского флота Даниила Яковлевича Пивена (? — 1956), ставшего впоследствии крупным хозяйственным руководителем в Ленинграде. 14 сентября 1924 г. у них родился сын Игорь (праправнук П. П. Аносова). Игорь Данилович Пивен — известный корабел, доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель РСФСР и лауреат Государственной премии России, капитан 1-го ранга в отставке. Он участник Великой Отечественной войны, выпускник Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского, много лет

занимался исследованиями в области строительной механики кораблей, внес большой вклад в решение проблем прочности и взрывостойкости подводных лодок. И. Д. Пивен умер 13 сентября 2014 г., не дожив один день до своего 90-летия. Похоронен на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга рядом с отцом.

Петр Михайлович Пузанов до 1910 г. работал на Путиловском заводе, затем — на Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороге. В 1901 г. построил автомобиль собственной модели «Трикар Пузанов — Bolle». В браке с Ольгой Николаевной, вдовой дворянина Еропкина, у него родились три дочери (правнучки П. П. Аносова): Варвара (1899), Елизавета (1901) и Мария (1905).

Варвара Петровна Пузанова (1899–1963) по окончании гимназии поступила в Петроградский технологический институт, а завершив образование, работала на заводе «Красный путиловец» (бывший Путиловский завод), участвовала в освоении массового производства первых советских тракторов. Ее перу принадлежат несколько книг по допускам и посадкам, в 1953 г. она получила ученую степень кандидата технических наук. Была замужем за Николаем Николаевичем Алексеевым (1904–1974). В 1934 г. у них родился сын Андрей Николаевич Алексеев (праправнук П. П. Аносова) — журналист и социолог, автор интересной книги «Драматическая социология». У Андрея Николаевича дочь Ольга (р. 1960) и двое внуков: Иван Александрович (р. 1983) и Егор Александрович (р. 1986) Новиковские — это уже прапрапраправнуки П. П. Аносова.

Мария Петровна Пузанова (1905–1973) в 1933 г. вышла замуж за инженера-кораблестроителя Владимира Васильевича Абрашкевича (1902–1994). В 1939 г. у них родился сын Владимир (праправнук П. П. Аносова), который был женат на Ирине Михайловне Яковлевой. Сын Владимира Абрашкевича Андрей (прапраправнук П. П. Аносова) появился на свет в 1963 г. В 2001 г. он работал инженером связи в миссии ООН в Абхазии. Восьмого октября над Кодорским ущельем чеченские боевики сбили вертолет миссии ООН, погибло девять человек, в том числе и Андрей Владимирович Абрашкевич, прапраправнук П. П. Аносова.

Самый младший сын Марии Павловны Пузановой (урожденной Аносовой) Сергей Михайлович Пузанов был женат на Антонине Александровне Ставровской. их дети: Ольга (1893), Георгий (1895), Мария (1897) и Николай (1899). После революции 1917 г. Сергей Михайлович эмигрировал из России.

Александр

Первым сыном в семье Аносовых стал Александр, родившийся в Златоусте 23 октября 1832 г. Крестили Сашу в той же Трехсвятительской церкви 13 ноября, а его крестными родителями стали дядя по матери Яков Кононович Нестеровский и тетя по отцу Александра Петровна Аносова.

Окончив в 1853 г. вместе с братом Николаем ИКГИ, Александр Павлович Аносов служил, как и его отец, на Алтайских горных заводах. С 1859 г., будучи причисленным к Главному горному управлению

(для сохранения стажа и продвижения в чинах), работал у купца Попова, на средства которого занимался поисками золотых россыпей. Кроме того, А. П. Аносов занимался и разысканием железных руд. В 1859 г. открыл богатейшие месторождения магнетитов у Пудож-горы на Онежском озере (Карелия), а позднее — месторождения железного блеска на Северном Урале по р. Кутим (известны как железные прииски Колчина, Аносова и Щеголихина). На базе Кутимского месторождения позднее был построен металлургический завод.

В начале 1860-х гг. Александр Павлович Аносов женился на Капитолине Михайловне, дочери купца 2-й гильдии, золотопромышленника Михаила Григорьевича Крюкова. В 1865 г. у супругов родилась дочь Елизавета, и в том же году А. П. Аносов «по домашним обстоятельствам» вышел в отставку. Точная дата его смерти неизвестна, но уже в 1879 г. он тяжело болел, а последний документ, подписанный им (доверенность), датирован 1880 г. В 1892 г. Николай Яковлевич Нестеровский писал о своем двоюродном брате А. П. Аносове как о «преждевременно сошедшем в могилу» [статья в «Горном журнале» о Кутимском месторождении и его первооткрывателе А. П. Аносове (1892. № 12)]. В 1890 г. Николай Павлович Аносов в составленном перед кончиной завещании включил в число своих наследников, помимо своих детей и брата Алексея, и племянницу Елизавету — дочь Александра Павловича Аносова.

Интересные сведения о семье А. П. Аносова удалось найти благодаря помощи краеведа Н. П. Трояна из Владивостока. Оказывается, Елизавета была уже второй дочерью, а первой 12 августа 1864 г. родилась Вера. Вот запись № 59 из метрической книги екатеринбургского кафедрального Богоявленского собора за 1864 г.: «Августа 12 дня у капитана корпуса горных инженеров Александра Павловича Аносова и законной жены его Капитолины Михайловны родилась дочь Вера. Восприемники: Екатеринбургский купец Михаил Григорьевич Крюков и Оренбургского купца Петра Доева Харитонова воспитанница Петрова. Таинство крещения совершил иерей Филарет Зубарев».

Вера Александровна Аносова 10 февраля 1886 г. вышла замуж за Федора Арсеньевича Усольцева. Событие это произошло в Иркутске. Отец Федора — Арсений Федорович Усольцев — известный исследователь Дальнего Востока (его именем назван мыс в Новгородской гавани бухты Посьет), был хорошо знаком с Николаем Павловичем Аносовым (возможно, что это и послужило началу знакомства Веры и Федора). По воспоминаниям родных, Вера Александровна получила хорошее образование, знала много языков и была одной из первых переводчиц трудов К. Маркса. У супругов родились трое детей: дочери Любовь и Антонина, сын Александр (1898–1930?). Но младшие Усольцевы не оставили потомства, и на этом линия В. А. Усольцевой-Аносовой прервалась.

Муж Веры Александровны Федор Арсеньевич Усольцев был известным врачом-психиатром, в начале XX в. содержал в Москве частную психиатрическую клинику. Примечательно, что у доктора Усольцева некоторое время лечился известный русский художник М. А. Врубель, нарисовавший портреты Федора Арсеньевича и его жены Веры Александровны — внучки Павла Петровича Аносова.

Николай

Николай Аносов родился в Златоусте 12 декабря 1933 г. Он был крещен в Трехсвятительской церкви, а его восприемниками были настоятель этой же церкви протоиерей Илья Петрович Попов и тетя по отцу Мария Петровна Грасгоф (урожденная Аносова). В 1853 г. вместе с братом Александром Николай Аносов окончил ИКГИ и получил назначение на Нерчинские заводы. Здесь двадцатилетний выпускник в первые же месяцы работы открыл крупные россыпи золота по руслу р. Бальджи, за что получил ежегодную пенсию в 600 руб. до выработки открытых им приисков.

Более двадцати лет проработал Николай Павлович Аносов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, занимаясь поисками и разработкой месторождений золота. Он создал и применил на практике специальную поисковую методику, позволяющую определить первичные геологические предпосылки формирования узлов россыпной золотоносности. Будучи с 1854 г. чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском, Николай Аносов проводил геологическое изучение берегов Амура и возможность нахождения здесь золота. В 1862 г., уйдя с государственной службы, Н. П. Аносов стал руководителем поисковой партии золотопромышленника Д. Бенардаки. Зимой 1865/1866 гг. в верховьях р. Ольдой и Ур открыл богатейшие россыпи золота. В 1868 г. совместно с Д. Бенардаки основал Верхнеамурскую компанию для разработки золота в верховьях Амура, в 1873 г. — вторую золотопромышленную компанию — Среднеамурскую, добывавшую золото в верховьях р. Зея и Селемджа (базовый поселок промысловиков был назван Златоустовском, ныне это поселок городского типа Экимчанского района Амурской области). В 1875 г. совместно с И. Ф. Базилевским основал Ниманскую компанию для разработки золота, открытого по его изысканиям на р. Ниман. Перу Николая Аносова принадлежат книги «Геогностическое описание берегов р. Амура» (1871), «Карта маршрутов» (СПб., 1875), он был членом-корреспондентом Сибирского отделения Русского географического общества. Открытый им золотоносный район в Приамурье давал до ⅕ всего российского золота, а созданные по его инициативе золотопромышленные компании входили в число крупнейших в России.

За исключительные заслуги в открытии месторождений россыпного золота Николай Аносов удостоен чина камер-юнкера (в числе очень немногих горных инженеров). Он награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 4-й степени. Осталось имя Н. П. Аносова и на карте Восточной Сибири и Дальнего Востока: в Амурской области есть поселок Аносовский (ранее — казачья станица Аносовская), на меридиональной ветке, соединяющей Транссиб и Байкало-Амурскую магистраль, в 1973–1974 годах построена ст. Аносовская. Она находится в Сковородинском районе, где в 1866 г. Н. П. Аносов открыл золото.

Примечательно, что Н. П. Аносов не только занимался золотодобычей, но и был озабочен проблемами развития Дальнего Востока. В 1877 г. он составил докладную записку «О соединении рельсовым

путем Владивостока с бассейном Амура», которая была представлена генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому и получила его одобрение[11].

Последние годы жизни Николай Павлович Аносов прожил в Петербурге. Здесь он нашел себе подругу жизни, женившись в конце 1860-х гг. на Софье Александровне Панфиловой, дочери адмирала Александра Ивановича Панфилова (1808–1874).

Контр-адмирал А. И. Панфилов участвовал в 1853 г. в знаменитом Синопском сражении, будучи командиром отряда пароходофрегатов и одним из сподвижников адмирала П. С. Нахимова. Во время обороны Севастополя контр-адмирал Панфилов с 10 сентября 1854 г. командовал 3-м отделением оборонительной линии Севастополя (за отражение штурма удостоен ордена Св. Анны 1-й степени), последним оставил южную сторону Севастополя, а затем был назначен начальником сухопутных и морских войск и всех укреплений на северной стороне и 27 июля 1855 г. произведен в вице-адмиралы. Позднее А. И. Панфилов служил на Балтике, 1 января 1866 г. стал полным адмиралом.

У Николая и Софьи Аносовых было шестеро детей (внуки П. П. Аносова и А. И. Панфилова): Елизавета (1870? — не ранее 1917), Зинаида (1873 (?) — ?), Людмила (1874 (?) — ?), Николай (1880 (?) — не ранее 1908), Александра (1875 — ?) и Ольга (1875 (?) — ?).

В Петербурге Николай Павлович Аносов за большие пожертвования был удостоен звания почетного члена многих детских приютов. За вклад в улучшение жизни сирот Аносову пожаловали орден Св. Анны 2-й степени. Умер Николай Павлович Аносов 17 сентября 1890 г., похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге.

После смерти Н. П. Аносова его вдова и дети жили в Ницце, в Петербурге осталась лишь старшая дочь Елизавета Николаевна, которая была замужем за бароном Николаем Аркадьевичем Штемпелем. Основываясь на данных справочника «Весь Петербург», Е. М. Заблоцкий предполагает, что у супругов Штемпелей были сыновья Николай и Виктор.

Н. А. Штемпель известен как участник Первой мировой войны, в августе 1914-го он в чине генерал-майора командовал 2-й бригадой 6-й кавалерийской дивизии, а с апреля 1917 г. — 9-й кавалерийской дивизией. Затем оказался в эмиграции в Югославии, был председателем полкового объединения лейб-гвардии Кирасирского полка, с 1935 г. жил во Франции, в 1939 г. председатель Союза инвалидов в Югославии. Умер после 1944 г. Вероятно, что вместе с ним в эмиграции жила и семья.

Зинаида Павловна Аносова вышла замуж за маркиза Спинолу (из древнего генуэзского аристократического рода).

Судьбу Николая, Александры (Александрины) и Ольги прояснила Ирина Михайловна Яковлева (жена Владимира Абрашкевича, праправнука П. П. Аносова). Ирина Михайловна последние годы занимается сбором генеалогических сведений о роде Аносовых, которые публикует на своем интернет-сайте. В сентябре 2009 г. я получил от нее коротенькое письмо: «Здравствуйте, дорогой Александр Вениаминович! У меня небезынтересные новости — объявилась (вышла

на мой сайт) наша дальняя родственница — потомок Николая Павловича Аносова».

«Дальней родственницей» оказалась прапраправнучка П. П. Аносова Алессандра (Александра) Гондолфи, которая живет в итальянском городе Империя, расположенном на побережье Средиземного моря, 40 км от французской границы.

Вот что рассказала синьора Алессандра:

> Я одна из потомков, как и ваш муж, Павла Петровича Аносова, поскольку от его сына, инженера горной промышленности Николая Павловича, женившегося на Софии Александровне Панфиловой, родилась 25 декабря 1875 г. (а не 1883 г.) в Ницце (Франция) моя прабабка Александрина Николаевна Аносова, которая вышла замуж в Ницце (Франция) 6 июня 1894 г. за Алфредо Гандолфи. У Александрины и Алфредо родились два сына: Алберто — мой дед, и Витторио, умерший, не имея детей. Алберто женился на Марии Даволи, моей бабушке, и у них родился единственный сын Джан-Паоло, уже скончавшийся. Джан-Паоло, в свою очередь, женился на моей матери Ирене Ореджиа, и у них родилась только я — Александра.
>
> Ольга Николаевна Аносова — сестра-близнец моей бабушки Александрины, вышла замуж за Графа Турина, а именно Дел Мелло, у нее не было детей, и она скончалась в доме моей бабушки. Брат Николай Николаевич Аносов никогда не был женат и умер в Ницце (Франция), где был погребен на русском кладбище Кокад и оставил единственную наследницу — сестру Александрину.
>
> До настоящего момента я не знала о существовании живых родственников, поскольку полагала, что после революции 1917 г. вся часть моей семьи, оставшаяся в России, была уничтожена. Вы не можете представить себе радость, которую я почувствовала, узнав, что это не так![12]

Если судить по тем материалам, которые Александра Гондолфи переслала И. М. Яковлевой, у итальянских Аносовых довольно богатый семейный архив. Здесь многие документы Николая Павловича Аносова, его рисунки, семейные портреты. И, что самое интересное, в семье Гондолфи бережно хранится и портрет самого Павла Петровича Аносова, написанный в последние годы его жизни, когда Аносов жил и работал в Западной Сибири.

Петр

Из всех сыновей П. П. Аносова Петр самый загадочный в том смысле, что информация о нем минимальна. Родился Петр Аносов, как и его братья, в Златоусте 29 июня 1835 г. (в тот же самый день 39 годами ранее в Твери появился на свет и его отец — Павел Петрович Аносов). Петр был крещен в Трехсвятительской церкви, а его восприемниками стали управляющий Саткинской заводской конторой Андрей Васильевич Давидович-Нащинский и Анна Адольфовна Агте,

дочь бывшего начальника Златоустовских заводов Адольфа Андреевича Агте (именно его сменил П. П. Аносов в 1831 г.).

Образование Петр получил в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а затем посвятил себя военной службе. К слову сказать, школа, которую окончил Петр Аносов, была элитным военным училищем Российской империи (с 1864 г. — Николаевское кавалерийское училище). В школе обучали юношей из дворянских семей, а затем выпускали их в полки гвардейской кавалерии. Среди выпускников этого учебного заведения были поэт Михаил Юрьевич Лермонтов (1834) и композитор Модест Петрович Мусоргский (1856).

Ольга

Ольга в семье Аносовых была второй дочерью. Она родилась в Златоусте 6 августа 1836 г. Ее крестными родителями были управляющий Миасского завода Фердинанд Богданович Грасгоф и тетя со стороны отца Александра Петровна Аносова. К сожалению, судьба оказалась к ней неблагосклонна — девочка умерла от коклюша 29 декабря 1837 г. Похоронена на общем кладбище Трехсвятительской церкви (старое Уреньгинское кладбище Златоуста).

Павел

Павел стал у Аносовых четвертым сыном. Родился он накануне дня апостолов Петра и Павла 27 июня 1838 г. А раз Петр в семье уже был, младенца 3 июля окрестили Павлом. Именины теперь можно было справлять в один день сразу троим Аносовым — отцу Павлу Петровичу и сыновьям Петру и Павлу. Крестными родителями маленького Павлуши стали друг отца майор Корпуса горных инженеров Павел Ефимович Ахматов и бабушка со стороны матери Мария Яковлевна Нестеровская.

Павел Павлович Аносов получил образование в Императорском Александровском лицее (бывший Царскосельский лицей, в котором учился А. С. Пушкин). По окончании лицея Павел Аносов-младший служил чиновником для особых поручений в канцелярии Главного правления Восточной Сибири. Во время службы ему довелось побывать в Северной Америке, осуществляя государственный инспекционный надзор над работой американской экспедиции, проводившей изыскания на трассе телеграфной линии на территории Русской Америки в 1865–1866 гг., непосредственно перед ее продажей. Замечу, что под Русской Америкой подразумевается не только Аляска, но и тихоокеанское побережье Калифорнии. Именно в Калифорнии Павел Аносов-младший познакомился с гидравлическим способом промывки золотоносных песков и впоследствии стал его горячим пропагандистом (он даже взял привилегию на изобретенный им новый аппарат для промывки золота). Выйдя вскоре в отставку, Павел Павлович по плану, составленному братом Николаем, провел успешные поиски золота в Приамурье (в верховья рек Зея и Селемджа), открыв богатые россыпи, для эксплуатации которых была создана Средне-Амурская золотопромышленная компания. Умер Павел Павлович Аносов в 1888 г. Вероятно, он не был женат, поскольку сведения о его

семье отсутствуют. В 1897 г. в «Горном журнале» была опубликована статья Павла Павловича Аносова «Американский способ разработки золотосодержащих россыпей».

Лариса

Третья дочь Аносовых Лариса родилась 31 марта 1840 г. в Златоусте и была крещена 7 апреля в Трехсвятительской церкви. Ее восприемниками были Павел Ефимович Ахматов и тетя со стороны матери Екатерина Кононовна Давидович-Нащинская (урожденная Нестеровская).

Образование Лариса Аносова, как и ее младшие сестры, получила в женских институтах ведомства императрицы Марии в Петербурге. Замуж вышла за Михаила Ипполитовича Аболтина (1821–1888). М. И. Аболтин происходил из дворян Тобольской губернии, воспитывался в частном учебном заведении, затем посвятил себя карьере военного. В 1858 г. по болезни вышел в отставку в чине майора. Вероятно, к этому времени относится и его женитьба на Ларисе Аносовой. После выхода в отставку с военной службы Михаил Ипполитович около четверти века служил по гражданской части: на Алтайских заводах (1859), локтевским окружным лесничим (1863), смотрителем Спасского промысла (1864). В 1871 г. был зачислен в Корпус лесничих, а 1874 г. получил чин коллежского советника (соответствовал чину полковника). В 1883 г. М. И. Аболтин уволился со службы по домашним обстоятельствам.

Детей у супругов Аболтиных не было. После смерти мужа Лариса Павловна жила в Петербурге, в доме на Литейном проспекте, где в это время проживала семья ее младшего брата Алексея. Она оставила воспоминания о последних днях своего отца — П. П. Аносова, у нее же хранились некоторые личные вещи Павла Петровича, которые позднее оказались в семье ее племянника Алексея Алексеевича Аносова. Умерла Лариса Павловна в 1917 г.

Алексей

Самый младший сын Аносовых Алексей (пятый по счету) родился в Златоусте 15 июня 1841 г. Окончил Лесной институт, дослужился до губернского лесничего, был управляющим лесной частью Алтайского горного округа. Потом попал под суд и был отрешен от должности[13].

Алексей Павлович Аносов был женат на Софье Александровне (возможно, отчество супруги Алексеевна, более подробных данных о ней нет). У него было трое детей: дочери Надежда и Елена и сын Алексей. Умер А. П. Аносов 11 мая 1897 г. в Петербурге, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Надежда Алексеевна Аносова (внучка П. П. Аносова) вышла замуж за петербургского присяжного поверенного Бориса Митрофановича Алексеева. По сведениям одного из первых биографов П. П. Аносова Н. Я. Нестеровского, в семье Алексеевых хранились подлинники дипломов, выданных П. П. Аносову Казанским и Харьковским университетами.

Сын А. П. Аносова — Алексей Алексеевич Аносов — родился в 1871 г., был юристом по образованию. Женился на Галине Константи-

новне Пестяковой. Последние годы жил в Петербурге вместе со своей семьей: женой, дочерью Надеждой, сыновьями Алексеем и Павлом. После его смерти в 1916 г. семья переехала в Енисейск.

С потомками А. А. Аносова связана история одного из экспонатов Златоустовского краеведческого музея. В 1959 г. наш музей принимал туристов из г. Сталинска (ныне Новокузнецк Кемеровской области). И вот какая история тогда произошла. Николай Александрович Косиков, один из первопроходцев «аносовской темы», работал тогда директором музея и позднее вспоминал об этом так:

> Всматриваясь в портрет великого русского металлурга, творца булата, Павла Петровича Аносова, один из них (экскурсантов из г. Сталинска. — *А. К.*) сказал:
>
> — Удивительное дело. У нас, в институте, есть студент Славка Аносов. Он очень похож на этого Аносова, который на вашем портрете. Может быть, родственник?
>
> Это сообщение заинтересовало экскурсовода музея. Из беседы туристов выяснилось, что отец Славы работает директором Кузнецкого металлургического техникума. В Сталинск тотчас же было направлено письмо. Вскоре музей получил ответ, из которого мы узнали, что автор его Павел Алексеевич Аносов является правнуком великого русского металлурга[14].

Вскоре П. А. Аносов прислал в дар музею письменный прибор П. П. Аносова и коротко рассказал его историю:

> В 1916 году наша семья Аносовых проживала в Петербурге, Литейный проспект, 31. По этому же адресу была прописана проживавшая у нас дочь Павла Петровича Аносова Лариса Павловна Аболтина (по мужу). Она была моей бабушкой (двоюродной. — А. К.), и ей было тогда 76 лет. У нее был ряд семейных вещей Павла Петровича. В 1916 году после смерти отца мы вынуждены были уехать в гор. Енисейск. Перед отъездом Лариса Павловна оставила нам прибор латунный письменный Павла Петровича, который хранился в нашей семье и передан Златоустовскому музею[15].

К сожалению, вскоре связь музея с сибирскими Аносовыми была утеряна. Благодаря помощи редактора газеты «Златоустовский рабочий» М. А. Тарынина в 1999 г. удалось через Сибирскую горно-металлургическую академию отыскать следы Вячеслава Павловича Аносова (того самого Славки Аносова, что похож на своего великого прапрадеда). В кратком телефонном разговоре Вячеслав Павлович тогда сказал, что ему сейчас 63 года, он продолжает работать инженером в отделе главного энергетика Кузнецкого металлургического комбината. У него двое сыновей: старший, Игорь, живет в Москве, младший, Павел, — в Украине, в Черноморске. Так что получается, что родовое имя Аносовых — Павел — живо и по сей день!

Я попытался тогда уточнить у Вячеслава Павловича некоторые детали, но на мои письма он, к сожалению, не ответил. А в начале

ноября 1999 г. я получил из Новокузнецка письмо, ставшее для меня приятным сюрпризом. На конверте стояла знакомая мне фамилия «Аносова» и незнакомые инициалы. Начиналось письмо так: «Пишет Вам дочь Аносова Юрия Борисовича, внучка Аносова Бориса Павловича — Аносова Анна Юрьевна. Меня заинтересовало Ваше письмо. С ним меня познакомил Аносов Вячеслав Павлович, когда мы приходили к ним в гости»[16].

Прочитав письмо до конца, я понял, что его автор — прапрапраправнучка Павла Петровича Аносова. Добавлю, что Вячеслав Павлович Аносов — двоюродный дедушка Анны Юрьевны — это так похожий на своего знаменитого прадеда Слава Аносов, о котором писал Н. А. Косиков, рассказывая об истории появления в нашем музее ценного экспоната — чернильного прибора П. П. Аносова. В письме Анна Аносова коротко рассказывала о своей семье и в конце приводила адрес своей бабушки Раисы Петровны Аносовой, живущей в Пятигорске.

Ответив на неожиданно полученное письмо из Новокузнецка, я написал и в Пятигорск. В ответном письме, датированном 14 ноября 1999 г., Раиса Петровна сообщила много любопытных сведений о «сибирской» ветви Аносовых:

> Мой муж Борис Павлович родился 1/IX-1933 г. Отец его Павел Алексеевич, мать Галина Евтихеевна Алалыкина, второй сын Вячеслав Павлович (о котором Вы писали). Был еще один сын — Юрий, он умер, не дожив до года.
>
> Мой муж поступил в Сибирский металлургический институт им. Орджоникидзе в 1951 году и окончил в 1956 г. по специальности: обработка черных металлов давлением. Остался работать в институте в должности ассистента. В 1958 г. перевелся на Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), в рельсобалочный цех — вальцовщиком. Работал по 24/VIII-59. У него обнаружили саркому бедра, был переведен на инвалидность. После трех операций он вернулся к работе преподавателя в Новокузнецкий монтажный техникум. Работал там до 1964 года, умер 10/IX-1964 г.
>
> У нас родился сын в 1953 г. Юрий Борисович. Он окончил металлургический техникум по специальности — электрооборудование промышленных предприятий. Работал на Кузнецком метал. комбинате до 1983 г. Затем переехал в г. Пятигорск. Сейчас работает в строительной организации прорабом.
>
> Мой свекор — Павел Алексеевич, замечательный человек. Был директором металлургического техникума до 1964 г. и преподавал. Постоянно избирался депутатом городского Совета. Необыкновенно душевный и добрый человек. Мы жили одной семьей 11 лет. Последние годы он очень сильно болел. У него были коралловые камни в почках. В 1964 г. он был прооперирован, но результатов положительных не было. Вот такая страшная судьба отца и сына.
>
> У Павла Алексеевича был брат Алексей Алексеевич. Он работал на КМК инженером (где я не помню). Примерно в 1954–55 был переведен с повышением на Череповецкий ме-

таллургический завод. Женат, его жена Капитолина Николаевна работала экономистом в заводоуправлении. У них одна дочь — Нина. С ними жила мать Галина Константиновна, тоже необыкновенная женщина. Умерла вскоре после переезда в г. Череповец. Она очень дорожила родословной Аносовых и возможно у них есть более подробные данные о родословной. Я не знаю их адреса т. к. была занята проблемами моей семьи. А потом потеряла связи.

Еще была сестра Надежда Алексеевна — врач-педиатр. Жила в Алма-Ате, там и умерла[17].

Летом 2000 г. я вновь написал в Новокузнецк и попросил Анну Юрьевну чуть поподробнее рассказать о себе и своей семье. Прошло несколько месяцев, а ответа на мое письмо все не было. И только в марте 2001 г. я получил толстый конверт из Новокузнецка, в котором кроме довольно подробного и интересного письма были и фотографии. Анна Юрьевна Аносова писала, что ей 22 года, она с отличием окончила торговое училище, а сейчас работает и заочно учится в институте. В свободное время любит читать: «...из классиков — Лермонтова, Пушкина, Булгакова», увлекается компьютером. А еще она пишет, что умеет «немного рисовать, этот талант мне достался от отца и маминого брата, они рисуют великолепно» (кстати, и ее знаменитый предок Павел Петрович Аносов был прекрасным рисовальщиком). Младшему брату Анны, Борису, 19 лет, он учится в Новокузнецком монтажном техникуме, где когда-то работал преподавателем его дед — Борис Павлович Аносов. Вот такие подробности о самых младших «сибирских» Аносовых — прапрапраправнуках Павла Петровича. К сожалению, впоследствии наша переписка сошла на нет.

Интересные подробности о «сибирских» Аносовых сообщил доцент кафедры «Материаловедение и технология металлов» Томского политехнического университета кандидат технических наук Юрий Михайлович Лозинский. Вот что он писал в своем письме, датированном 21 декабря 1999 г., адресованном Ю. П. Окунцову:

В Томске в 20-х годах жила семья Аносовых по адресу: пер. Никольский, 16, кв. 7. В семье было 4 человека:

1. Галина Константиновна Аносова, жена Алексея Алексеевича, умершего в 1914 году в Сувалках (Польша), служащего суда. Г. К. Аносова была инвалидом труда и работала в Томске в городской управе, горпродкоме, Губпродкоме, Губраспреде служащей в период с 1914 по 1922 год. В 1929 году работала в комиссии по безработице при Томском отделе Рабпроса.

2. Галина Алексеевна, дочь. Работала врачом на железнодорожной станции Томск-II во 2-й половине 20-х гг.

3. Алексей Алексеевич, сын. Родился 28 октября 1904 г. в Красноярске. В 1923 году окончил в Томске 8-ю Советскую комплектную школу. В 1926 году поступил на химический факультет Сибирского технологического института (теперешний Томский политехнический университет), через год перевелся на 2-й курс механического факультета. Окончил институт

в 1930 году по специальности «холодная обработка металлов». Начиная с 1919 года, работал курьером, учеником в мастерских, пом. торгового агента в кооперативе научных работников. В 1930 году он был на практике в Златоусте. После окончания института работал на кожевенном комбинате в Новосибирске. Затем переехал в Новокузнецк и работал механиком на Кузнецком металлургическом комбинате. Потом переехал в Череповец и работал там до смерти на металлургическом комбинате механиком (это со слов В. П. Аносова). У него была дочь Нина, которая, видимо, живет сейчас в Петербурге (адреса у меня нет).

4. Павел Алексеевич, сын. В 1930 году окончил горный факультет Сибирского технологического института (в Томске) по металлургической специальности. Затем работал в Новокузнецке в металлургическом техникуме преподавателем, а затем директором. Умер в возрасте 58 лет[18].

Единственное расхождение здесь в дате смерти Алексея Алексеевича Аносова: по документам, найденным Лозинским, он умер в 1914 г. в Польше, а по утверждению сына Павла (см. выше его письмо в Златоустовский краеведческий музей) — в 1916 г. в Петербурге.

Анна

Анна Аносова родилась в Златоусте 17 августа 1843 г. Образование получила в женских институтах ведомства императрицы Марии в Петербурге. Первым браком была замужем за горным инженером Степаном Александровичем Ивановым, вторым — за гвардейским офицером Экебладом, который после отставки жил в своем поместье в Серпуховском уезде Московской губернии.

С. А. Иванов (1832 — после 1860) происходил из дворян Казанской губернии, в 1852 г. окончил ИКГИ (старшие братья Анны — Александр и Николай Аносовы — окончили этот же институт годом позже) и был направлен помощником пристава на Алтайские заводы. Вероятно, Анна Павловна вышла за него замуж в 1860 г. (и была упомянута в формулярном списке мужа). Можно предположить, что С. А. Иванов умер довольно молодым, и поэтому Анна Павловна вторично вышла замуж.

К сожалению, в доступных источниках упомянута только фамилия ее второго мужа — Экеблад, без упоминания имени и отчества. Это, конечно, затрудняет поиск, но учитывая достаточную редкость фамилии (Экеблад — не Иванов), кое-какие предположения можно сделать. В Интернете удалось найти только трех Экебладов, живших в России на протяжении XIX в. Это Христиан Адольфович Экеблад (1800–1877), медик, биолог и психолог; командир 8-го линейного батальона майор Экеблад, отличившийся в 1860 г. во время осады хокандской крепости Пишпек в Средней Азии; наконец, штабс-капитан 1-го Гренадерского полка Павел Ильич Экеблад (сведения на 1901 г.). Есть упоминание и о детской писательнице Софии Христиановне Даневской (урожденная Экеблад) — очевидно, что это дочь Христиана Адольфовича Экеблада. Можно предположить, что майор Экеблад — сын Х. А. Экеблада

(по времени это в пределах вероятного) и второй муж Анны Павловны. А штабс-капитан Павел Ильич Экеблад, возможно, сын майора Экеблада и Анны Аносовой (обратите внимание на имя — Павел, которое постоянно встречается среди потомков П. П. Аносова). Иными словами: Христиан Адольфович Экеблад — отец, Илья Христианович Экеблад — сын, Павел Ильич Экеблад — внук.

Разумеется, все сказанное выше — пока предположения, которые в дальнейшем следует подкрепить документальными доказательствами родственных связей.

Наталья

Пятая и самая младшая дочь Аносовых родилась в Златоусте 14 марта 1845 г. и была крещена 25 марта в недавно выстроенном Свято-Троицком соборе. Ее крестным отцом был «Оренбургского линейного батальона батальонный командир, от армии полковник и кавалер» Андрей Васильевич Карпов, а крестной матерью — тетя по матери Мария Кононовна Нестеровская. Образование, как и ее старшие сестры, получила в женских институтах ведомства императрицы Марии в Петербурге. Наталья Павловна была замужем за А. Яновским, ее сын Н. А. Яновский (внук П. П. Аносова) в конце прошлого века был директором частной гимназии Янсона в Петербурге. Об этом упоминает Н. Я. Нестеровский в «Материалах к биографии Аносова»[19]. Именно он написал заметку «Могила П. П. Аносова», опубликованную 22 марта 1899 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и подписанную инициалами Н. А.

К сожалению, каких-то других подробностей о потомках Натальи Павловны найти пока не удалось.

Прямые потомки П. П. Аносова

К настоящему времени удалось найти сведения (разные по полноте) о 72 прямых потомках Павла Петровича Аносова. Ниже я привожу общий список, сгруппированный по поколениям. Надеюсь, что он сможет стать ориентиром новым исследователям, решившим продолжить поиск в этом направлении.

1. Дети (10)

Мария Павловна Пузанова, урожденная Аносова (1831 — после 1912).

Александр Павлович Аносов (1832).

Николай Павлович Аносов (1833).

Петр Павлович Аносов (1835).

Ольга Павловна Аносова (1836–1837).

Павел Павлович Аносов (1838).

Лариса Павловна Аболтина, урожденная Аносова (1840–1917).

Алексей Павлович Аносов (1841–1897).

Анна Павловна Иванова (1-й брак), Экеблад (2-й брак), урожденная Аносова (1843 — ?).

Наталья Павловна Яновская, урожденная Аносова (1845 — ?).

2. Внуки (23)
Софья Михайловна Пузанова (1855 — ?).
Михаил Михайлович Пузанов (1857–1915).
Павел Михайлович Пузанов (1858–1920).
Владимир Михайлович Пузанов (1860 — ?).
Петр Михайлович Пузанов (1862–1935).
Мария Михайловна О'Рурк, урожденная Пузанова (1864–1941).
Сергей Михайлович Пузанов (1869 — позднее 1899).
Вера Александровна Усольцева, урожденная Аносова (1864 — ?).
Елизавета Александровна Труть, урожденная Аносова (1865 — ?).
Елизавета Николаевна баронесса фон Штемпель, урожденная Аносова (1870? — не ранее 1917).
Зинаида Николаевна маркиза ди Спинола, урожденная Аносова (1873? — ?).
Александра (Александрина) Николаевна Гандолфи, урожденная Аносова (1875 — ?).
Ольга Николаевна графиня дел Мелло, урожденная Аносова (1875–1934).
Людмила Николаевна Аносова (1874? — ?).
Николай Николаевич Аносов (1880? — не ранее 1908).
Степан Петрович Аносов (? — ?), предположительно.
Алексей Алексеевич Аносов (1871–1916).
Елена Алексеевна Таскина, урожденная Аносова (ок. 1874? — ?).
Ада Алексеевна Алексеева, урожденная Аносова (ок. 1880? — ?).
Павел Ильич Экеблад (? — ?), предположительно.
Н. А. Яновский (? — ?).
Алберто Гандолфи (? — ?).
Витторио Гандолфи (? — ?).

3. Правнуки (26)
Владимир Михайлович Пузанов (1893 — ?).
Михаил Михайлович Пузанов (1894 — ?).
Ольга Михайловна Пузанова (1896 — ?).
Ия Михайловна Пузанова (1899 — ?).
Сергей Михайлович Пузанов (1902 — ?).
Наталья Михайловна Пузанова (1903 — ?).
Ксения Павловна Пузанова (? — ?).
Вера Павловна Пивен, урожденная Пузанова (1895–1957).
Нина Павловна Пузанова (1897–1981).
Николай Павлович Пузанов (1900–1967).
Варвара Петровна Алексеева, урожденная Пузанова (1899–1963).
Елизавета Петровна Брусенцова, урожденная Пузанова (1903–1970).
Мария Петровна Абрашкевич, урожденная Пузанова (1905–1973).
Ольга Сергеевна Пузанова (1893 — ?).
Георгий Сергеевич Пузанов (1895 — ?).
Мария Сергеевна Пузанова (1897 — ?).
Николай Сергеевич Пузанов (1899 — ?).
Николай Николаевич Штемпель (предположительно).
Виктор Николаевич Штемпель (предположительно).

Джан-Паоло Гандолфи (? — 2008).
Любовь Федоровна Усольцева (? — ?).
Антонина Федоровна Очкина, урожденная Усольцева (? — ?).
Александр Федорович Усольцев (1898–1930?).
Надежда Алексеевна Алалыкина, урожденная Аносова (1903 — ?).
Алексей Алексеевич Аносов (1904 — ?).
Павел Алексеевич Аносов (1906–1964).

4. Праправнуки (10)
Игорь Данилович Пивен (1924–2014).
Андрей Николаевич Алексеев (р. 1934).
Владимир Владимирович Абрашкевич (р. 1939).
Алессандра (Александра) Гандолфи.
Галина Анатольевна Алалыкина (г. р. неизв.).
Евгения Анатольевна Алалыкина (г. р. неизв.).
Юрий Павлович Аносов (умер в младенчестве, не дожив до года).
Борис Павлович Аносов (1933–1964).
Вячеслав Павлович Аносов (р. 1936).
Нина Алексеевна Аносова (р. 1947?).

5. Праправправнуки (7)
Сергей Игоревич Пивен (р. 1959).
Ольга Андреевна Новиковская, урожденная Алексеева (р. 1960).
Андрей Владимирович Абрашкевич (1963–2001).
Анна Владимировна Крупко (р. 1981).
Юрий Борисович Аносов (р. 1953).
Игорь Вячеславович Аносов (р. 1959).
Павел Вячеславович Аносов (р. 1966).

6. Прапрапраправнуки (6)
Иван Александрович Новиковский (р. 1983).
Егор Александрович Новиковский (р. 1986).
Евгения Андреевна Абрашкевич (р. 1989).
Ирина Андреевна Абрашкевич (р. 1991).
Анна Юрьевна Аносова (р. 1978).
Борис Юрьевич Аносов (р. 1981).

Примечания

[1] *Заблоцкий Е. М.* К генеалогии горной династии Аносовых // Генеалогический вестник. Вып. 22. СПб., 2005. С. 54–66.

[2] *Заблоцкий Е. М.* Биографический словарь деятелей горной службы дореволюционной России. URL: http://russmin.narod.ru/dictionary.html (дата обращения: 13.03.2021).

[3] Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / редкол. К. Н. Бочкарев (пред. редкол., гл. ред.) и др. Челябинск : Камен. пояс, 2008.

[4] Там же.

[5] Генерал от металлургии Павел Аносов / под ред. проф. М. Е. Главацкого. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999.

[6] *Заблоцкий Е. М.* Биографический словарь деятелей горной службы дореволюционной России.

[7] Генерал от металлургии Павел Аносов.

[8] Большая русская биографическая энциклопедия. М. : Бизнессофт, 2007 ; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Тласнет, 2002.

[9] Там же.

[10] *Аносов П. А.* Аносовы // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). Кемерово, 1957. С. 147–152.

[11] *Троян Н. П.* Мыс Усольцева: историческое исследование. Владивосток : Рус. остров, 2008.

[12] *Яковлева И. М.* Клан Аносовых: о предках моего мужа и его родственниках. URL: http://sundry.wmsite.ru/predki-muzha/klan-anosovyh/ (дата обращения: 13.03.2021).

[13] *Заблоцкий Е. М.* К генеалогии горной династии Аносовых.

[14] Эпоха Аносова: материалы к Аносовской энциклопедии / авт.-сост. А. В. Козлов. Златоуст : ФотоМир, 2008.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] *Лозинский Ю. М.* Старейший технический факультет Сибири: история создания и развития. Томск : Изд-во НТЛ, 2000.

[19] Горн. журн. 1918. № 1–6.

Н. Н. Мамаева

Семья Кукуц — из Риги на Урал: история поисков

Мой прадед Ришард Кукуц был крестьянином Миорской волости Дисненского уезда Виленской губернии. Проживали Кукуцы в дер. Плейки Миорской волости Дисненского уезда Виленской губернии. Сейчас это территория Белоруссии, г. Миоры.

Год рождения Ришарда пока выяснить не удалось, но точно раньше 1881 г. По религиозной принадлежности Ришард был католиком, с национальностью сложнее.

Впрочем, в конце XIX в. значительная часть населения Виленской губернии не определила свою национальную принадлежность. Во время переписей люди обычно определяли свой язык как «тутэйший». Это означало — местный, здешний житель. В противовес делению на «поляков» (католиков) и «русских» (православных).

Отца Ришарда звали Александром. Отцом Александра был Игнат Кукуц. У Игната было четыре сына: Антон, Александр, Иосиф (Осип), Вильгельм. Соответственно это были двоюродные братья Александра и дядья Ришарда.

Перейдем к предкам по женской линии.

Софья Устиновна Березновская, моя прабабка, была крестьянкой Виленского уезда Виленской губернии. Она родилась 1 января 1882 г. Сейчас это Литва, окрестности Вильнюса. Но следует иметь в виду, что к Литве эта территория отошла только в 1939 г. Раньше она принадлежала Российской империи, а еще раньше — Польше. Софья Березновская, как и Ришард, находилась в лоне католической церкви.

Виленский уезд окормлял Виленский деканат Виленской архиепархии. Виленский деканат включал 12 приходов, но все они были расположены в Вильно. А Софья жила в деревне. Видимо, это был другой деканат.

Каким образом Ришард и Софья оказались в Риге, на территории современной Латвии, выяснить не удалось. В Рижском архиве сведений о них нет. Удалось найти только сведения о крещении их детей. Познакомились и поженились Ришард и Софья до приезда в Ригу или уже в Риге — неизвестно. Внучки говорят, что бабушка Софья вспоминала, как «пан ей устроил роскошную свадьбу». Но тогда, значит, Ришард познакомился с Софьей в ее деревне. А как он там оказался? Да и свадьбу обычно играли на родине жениха, а не невесты... Видимо, все-таки венчание состоялось в Риге. Наверное, в Ригу Ришард и Софья уехали в поисках работы. В Риге были крупные фабрики, можно было хорошо зарабатывать.

Ришард в Риге работал красильщиком. Софья Березновская у себя на родине была батрачкой, пасла скотину. Внучки помнят только, что она «работала у пана», и этот пан, когда она выходила замуж, устроил ей роскошную свадьбу. Осталось еще одно воспоминание: Софья вместе с девчонками пасла коров, и устав, они, естественно, плюхались на землю — посидеть или полежать. А проходивший мимо пан их ругал: «Девки, задницу застудите, а вам еще рожать!»

Софья в Риге работала на фарфорово-фаянсовой фабрике. Первоначально это был лифляндский филиал «Товарищества семьи Кузнецовых», открытый в 1841 г. в предместье Риги Дрейлингсбуш (современный микрорайон Дрейлини). Хотя Софья говорила, что работала у «англичанина на фабрике». С другой стороны, откуда фабричная работница могла знать, кто именно владел предприятием? А изделия фабрики действительно вывозились даже в Англию. На Рижской фарфорово-фаянсовой фабрике трудились в те времена 2500 человек, что было очень много для города.

Рабочие фабрики чаще всего селились в Кенгарагсе, по соседству с Московским форштадтом, на границах которого располагались заводские помещения. Кенгарагс — жилой район в южной части Риги (Латгальское предместье), между Даугавой и железнодорожной линией Рига — Даугавпилс. В Кенгарагсе рабочие строили деревянные дома, разбивали сады и обустраивали огороды. Часто рабочие могли позволить себе держать скот и домашнюю птицу, пристраивали к домам сараи и хлевы.

При фабрике имелась собственная школа для обучения детей рабочих и инженеров. Располагалась она у будущего Стахановского моста и в обиходе рижан получила название «Кузнецовская школа». При фабрике работали также просветительские кружки, в которых происходило обучение рабочих и членов их семей музыке, языкам, живописи, грамоте, игре на различных музыкальных инструментах.

Все это совпадает с воспоминаниями Софьи. Во время болезни работницам давали оплачиваемые больничные. Денег хватало, чтобы детей прокормить, а у Софьи к моменту ее отъезда из Риги их было трое [всего у Ришарда и Софьи родилось четверо детей: Моника (скончалась в младенчестве), Станислав (1906), Михалина (1908), Оттон

(1910)]. По воспоминаниям свойственницы Софьи Марии Ганебной, жили работницы действительно довольно неплохо.

Все дети Кукуцев были крещены в Рижской римско-католической церкви Скорбящей Богоматери, расположенной в Старом городе. Церковь Скорбящей Богоматери (Mater Dolorosa) — это католический костел, расположенный на территории Замковой площади Старого города. Был построен во второй половине XVIII в.

Записи о крещении удалось найти в метрических книгах, находящихся в самой церкви и в копиях метрических книг, которые хранятся в Национальном архиве Латвии. А вот записей о венчании Ришарда и Софьи найти не удалось. В связи с этим у меня возникает следующее предположение. Когда у Ришарда и Софьи родился первый ребенок Станислав, Софье было уже 24 года. Это довольно много по тем временам. Обычно девушки выходили замуж в 17–19 лет, и следовательно, в 18–20 лет уже рожали первенца. Вероятно, до этого у супругов были проблемы с зачатием или дети были мертворожденными, возможно, умирали в младенчестве. Так что не исключено, что когда супругам наконец повезло с наследником мужского пола, они решили сменить церковь. Обычно, по традиции, детей крестили в той же церкви, где венчались родители. Но если Ришард и Софья выбрали для крещения детей другую церковь, то записи об их венчании в архивах церкви Скорбящей Богоматери, конечно, нет.

В пользу этого есть еще оно косвенное доказательство. Горожане, работавшие и жившие в Латгальском предместье, в Кенгарагсе, по соседству с Московским форштадтом, окормлялись двумя католическими костелами — Святого Франциска (Rīgas Sv. Franciska Draudze) и Святого Иосифа (Rīgas Sv. Jāzepa Draudze). Возможно, Ришард и Софья венчались именно там, а потом решили сменить церковь из суеверных соображений (в этом костеле крестили детей — они умирали, пойдем в другой костел), а может быть, ко времени рождения первенца они переехали в центральный, более престижный район Риги, где и находилась церковь Скорбящей Богоматери.

Впрочем, можно допустить, что Ришард и Софья венчались не в Риге. Все это на данный момент делает поиск информации практически невозможным.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Город находился на линии фронта, поэтому для обеспечения военной экономики около 200 тыс. жителей (работники разных заводов со своими семьями) были эвакуированы вместе с предприятиями в Центральную Россию. Ришард или уехал с своим заводом, или был выслан принудительно как поляк и возможный представитель «пятой колонны».

В 1916 г. Ришард и Софья вместе с детьми — Станиславом, Михалиной и Отто — уехали в Петроград.

Сыновья Иосифа Игнатьевича Кукуца — Иосиф Иосифович и Норберт Иосифович — к тому времени уже перебрались на Урал (возможно, они уехали туда сразу же из Риги) и позвали туда своего двоюродного брата Ришарда. В Петрограде был голод, а братья уверяли, что на Урале прожить гораздо легче и всегда есть чем прокормиться, хотя бы рыбу ловить можно бесплатно. Ришарду, по слухам, помогал перебраться на Урал некий Кондратович.

По-видимому, все братья получили какое-то техническое образование. Ришард на Урале работал машинистом тепловоза. Все без исключения родственники вспоминают, что прадед всегда ходил на работу в шейном платке и жилете. На Урале Ришард сменил свое имя на Григорий, Софья так и осталась Софьей. Их дочь произносила свое имя как «Михалина Рышардовна».

На заводском Урале семья сменила несколько мест: вначале жила в пос. Калиново (здесь в 1918 г. родилась младшая дочь Ришарда и Софьи — Вероника), затем, возможно, некоторое время — в Невьянске, а потом переехала в Верх-Нейвинск (в 1937 г.?). Тогда это был поселок Невьянского района Свердловского округа (уезда) Уральской губернии.

Хотя семья Кукуцев и переехала на Урал, спасаясь от голода, но жили они не очень сытно. Во всяком случае, все активно охотились и рыбачили. Ришард ловил рыбу в оз. Таватуй, а Софья выпускала весь улов обратно, потому что ей не хотелось эту рыбу чистить. Не правда ли, это напоминает фрагмент из творчества И. Хмелевской? Поскольку рыбу выбрасывали, то, наверно, все-таки с голоду семья не умирала. Позднее в Верх-Нейвинске семья совершенно точно держала корову, козу, птицу. Наверное, какая-то живность была и в Калиново.

Жили ли Кукуцы в Невьянске, неясно. С одной стороны, в Невьянске у дочери Ришарда и Софьи Михалины и ее мужа Ивана родилась в 1927 г. старшая дочь Ида, то есть внучка Ришарда и Софьи (если бы она родилась в Верх-Нейвинске, в ее паспорте так и было бы записано — «Верх-Нейвинск». В Верх-Нейвинске в то время была очень приличная больница, и вряд ли бы роженицу повезли в Невьянск). Возможно, в Невьянске жили только Иван Тамакулов и Михалина Кукуц, то есть первая дочь Ришарда и Софьи и ее муж. Во всяком случае Иван Тамакулов в 1925 г. работал и учился в Невьянске и, наверное, там же и жил.

Последние годы совместной жизни Ришард и Софья точно жили в Верх-Нейвинске. Поселок Верх-Нейвинск (Верх-Нейвинский) — это один из самых старых поселков на Урале. Он был основан в 1662 г. в месте добычи железной руды. Спустя сто лет здесь был основан Невьянский железоделательный завод. Вначале поселок был демидовским, потом завод купили Яковлевы. В начале XX в. поселок жил за счет заводов и золотодобычи. В Верх-Нейвинске семья жила, видимо, на ул. Ленина, 30, на втором этаже над аптекой, судя по всему, в бывшем особняке Чуванова.

Ришард умер от гангрены (наступил на ржавый гвоздь) 1 июля 1945 г., похоронен в Верх-Нейвинске. Старое кладбище, на котором была его могила, не сохранилось, не осталось и фотографий могилы. После смерти мужа в 1945 г. Софья продала дом в Верх-Нейвинске и переехала в Свердловск к дочери Михалине на ул. К. Маркса, 8, а в 1954 г. — к младшей дочери Веронике. Там она помогала воспитывать свою младшую внучку — Марину Сергеевну Неустроеву. Скончалась Софья 24 августа 1975 г. в возрасте 93 года. Похоронена на Широкореченском кладбище г. Свердловска (ныне Екатеринбург).

Перейдем к судьбе детей Ришарда и Софьи. Напоминаем, что выжили четверо: Станислав (1906 г. р.), Михалина (1908), Оттон (1910), Вероника (1918).

Станислав Кукуц родился 3 августа (по новому стилю) 1906 г. в Риге, был крещен в Рижском костеле Скорбящей Богоматери. Когда семья приехала на Урал, Станиславу было одиннадцать лет. Кем он работал вначале, неизвестно. В его военном билете написано «административно-хозяйственный работник». В 1928 г. в возрасте 22 года Станислав был призван на строевую службу и зачислен в машинную школу Черноморского флота. Служил четыре года. С ноября 1928 по май 1930 г. был курсантом. С мая 1930 по декабрь 1932 г. — машинистом на эскадренном миноносце «Шаумян». В 1935 г. окончил десятилетнюю школу. В феврале 1926 г. вступил в коммунистическую партию.

В ноябре 1941 г. Станислав добровольно ушел на фронт. По воспоминаниям родственников, так как Станислав был руководящим работником, он ждал, что за ним придут со дня на день. Аресты шли постоянно. Несколько месяцев Станислав даже спал в одежде, поскольку аресты, как правило, происходили по ночам. А фронт давал надежду спастись.

После войны Станислав работал на предприятии «Уралцветмет» (Свердловск) инженером, затем снабженцем. Умер в 1974 (1975?) году, похоронен на Сибирском кладбище Екатеринбург. Его жена Агния Антоновна Пономарева пережила мужа на тридцать лет. Она умерла 1 сентября 2005 г., ее прах захоронен в колумбарии Михайловского кладбища Екатеринбурга.

Михалина Кукуц — моя бабушка. Родилась 28 января (по новому стилю 10 февраля) 1908 г. в Риге. Третьего февраля 1908 г. была крещена в церкви Скорбящей Богоматери. Здесь сохранилась метрическая книга с записью о крещении Михалины. Крещение проводил ксендз Довястлович. Крестными родителями были Станислав Латковский и Мария Спицевич. Вот запись из метрической книги костела Скорбящей Богоматери о крещении Михалины Кукуц: «№ 265. Дата рождения: 28 янв. Дата крещения: 3 февр. Дочь кр. Вилен. губ. Дисненского уезда Міорской вол. Ришарда Кукуця и Софіи ур. Березновской. Крестные: Станислав Латковский и Марія Спицевичъ».

Собственно с этой записи и начались все мои родоведческие изыскания: она позволила оттолкнуться от конкретной даты, имен родителей Михалины, церкви, города, вероисповедания.

В метрических книгах, хранящихся в Национальном архиве Латвии, эта запись выглядит аккуратнее. Ее я нашла, работая в архиве в 2019 г.: «№ 265. Тысяча девятьсотъ восьмого года третьего Февраля въ Рижскомъ приходскомъ костелъ викарнымъ ксендзомъ Довястловичемъ окрещенъ со всеми обрядами Таинства младенец женского пола Михалина. Дочь законныхъ супруговъ крестьянъ Виленской губ. Дисненского уеъзда Міорской вол. Ришарда Кукуця и Софіи урожд. Березновской родившейся двадцать восьмого Января того же года в г. Рига. Восприемниками были: Станислав Латковский и Марія Спицевичъ. (Rigas Romas Katolu Draudžu Baznica Grāmatas/ 1888–1909 g. Fonds 632. Apraksts 2).

Когда семья переехала на Урал, Михалине было восемь лет. В 1926 г. Михалина Кукуц вышла замуж за Ивана Андреевича Тамакулова. Произошло это, когда Ивану было 23 года, а Михалине 18 лет. Официально брак не был оформлен ни как церковный, ни как гражданский. Гражданский брак был заключен только в 1945 г., когда у Ивана и Михалины уже родились все дети.

В 1937 г. Иван и Михалина окончили курсы мастеров социалистического труда в Верх-Нейвинске. Это были курсы подготовки квалифицированных индустриальных кадров в СССР в 1935–1941 гг. Являлись высшей ступенью технического образования рабочих.

Таким образом, Иван имел неплохое по тем временам образование — комвуз плюс курсы соцмастеров. Михалина помимо курсов соцмастеров, кажется, еще окончила какие-то курсы повышения квалификации в Москве.

Первоначально Иван с Михалиной, видимо, жили в Верх-Нейвинске вместе с родителями Михалины, в том самом особняке Чуванова. Возможно, перед этим вся семья жила в Невьянске, потому что старшая дочь Ивана и Михалины Ида родилась в Невьянске в 1927 г. В Верх-Нейвинске было свое и очень хорошее акушерское отделение, поэтому родильницу не должны были везти в Невьянск.

По окончании курсов соцмастеров Михалина работала учителем начальных классов в Верх-Нейвинске. Возможно, она еще работала библиотекарем. Из ее воспоминаний: «Я возвращаюсь домой с работы — из сугроба торчат три пары ног — двое детских, одни мужские. Ясно — муж, дочь и ее подруга. Я вынимала их из сугроба и вела ужинать». Кстати, вторые ноги принадлежали Люсе Воздвиженской, в будущем очень известному верх-нейвинскому врачу.

Иван с Михалиной переехали в Свердловск в конце 1930-х гг. (1937?). Другие две дочери Ивана и Михалины родились уже в Свердловске (ныне Екатеринбург): Светлана — в 1937 г. (после длительного перерыва — долгожданный ребенок), Эльвира — в 1942 г. Была еще одна дочь, Наташа, но она умерла в младенчестве. Возможно, были еще дети, и совершенно точно было несколько абортов. В те времена это воспринималось совершенно естественно.

В Свердловске Михалина устроилась работать на завод «Машиностроитель» (завод им. Воровского) помощником мастера, затем стала мастером, затем начальником отдела кадров. Механический завод «Машиностроитель» был создан в 1923 г. Почти сразу же ему было присвоено имя Вацлава Вацлавовича Воровского — революционера и первого дипломата Советского государства (кстати, поляка). Завод производил буровую технику. Точные даты работы Михалины на заводе неизвестны, но во время Великой Отечественной войны она уже была начальником отдела кадров. Во время войны завод выпускал минометы, гранаты и снаряды к знаменитым «катюшам».

Михалина в конце и после войны летом работала директором пионерского лагеря (а может, это были просто летние лагеря для детей, не обязательно пионерские) на оз. Балтым и в с. Аверино Сысертского района. Туда она брала с собой младших дочерей — Свету и Элю. А старшая дочь Ида и муж Михалины, когда он уже вернулся с фронта, приезжали к ним на выходные. В лагерь семья ездила несколько

сезонов. Бабушка рассказывала мне, что, несмотря на достаточно голодные времена, она старалась, чтобы детей кормили именно так, как они хотели. Она рассуждала так: ребенок приехал в лагерь отдыхать и поправляться. Если он не ест манную кашу, значит, ему надо дать что-то другое. Это проблема повара и директора лагеря, а не ребенка.

В 1954 г. Михалина ушла с работы по инвалидности — в связи с болезнью сердца. В Калиново, который, видимо, Михалина воспринимала как свою родину, Михалина и Иван ездили во время всех своих отпусков. Вот цитата из письма, написанного Иваном жене сразу после войны: «Отдыхать я думаю в деревне, чтоб было молоко, грибы, ягоды, конечно, и утки, неплохо и рыба, а такое место мы найдем. Картошка, лук и прочее, я думаю, это будет безоговорочно... Для этого давай поживем 10–15 дней в деревне, и все будет в порядке, лес, вода и тишина для меня будет лучшее лекарство, это не заменит никакой курорт».

Михалина Кукуц умерла в 1991 г. в возрасте 83 года, похоронена рядом со своим мужем Иваном на Широкореченском кладбище. В той же могиле захоронен прах ее старшей дочери Иды и гражданского мужа средней сестры Светланы — Рамиля (после кремирования).

Третий ребенок Ришарда и Софьи — Оттон Кукуц — родился 16 февраля (по старому стилю) 1910 г. в Риге. В семье Оттона всегда звали Отто. О том, что полное имя его было Оттон, я узнала только из записи в метрических книгах в латышском архиве.

О детских и юношеских годах Оттона узнать ничего не удалось. Будучи взрослым человеком, Отто Кукуц занимал пост заместителя директора Калатинского медеплавильного завода. Одновременно он был секретарем парткома этого завода (ныне Калата — это г. Кировоград, переименован в 1935 г., за четыре года до смерти Оттона). Возможно, Отто занимал и не столь высокий пост. В 1930 г. он женился на Зинаиде Александровне Шахминой (родилась 16 сентября 1909 г.). Ее родители — Александр Филиппович и Анастасия Павловна Шахмины — происходили из полевской заводской интеллигенции. Александр Филиппович был маркшейдером.

В 1937 г. Отто вместе со своим другом был арестован по обвинению во вредительстве. Дочь Отто Эльза говорит, что, по воспоминаниям матери, отец не подписал никаких бумаг ни против себя, ни против других. Жена Отто вместе с сыном навещала его в тюрьме. Отто довольно быстро выпустили, чуть ли не по заступничеству С. Орджоникидзе, с которым удалось связаться его другу. Оттон был полностью оправдан, но тюрьма сказалась на его здоровье, и в 1939 г. он умер от туберкулеза. Таким образом, Отто и Зинаида прожили вместе только девять лет. Зинаида вновь замуж не выходила. Где похоронен Отто, неизвестно.

Младшая дочь Ришарда и Софьи Кукуц Вероника родилась 17 декабря 1918 г. в пос. Калиново. Свидетельство о рождении № 273465 выдано в Таватуйском сельском ЗАГСе Невьянского района Свердловского округа Уральской губернии.

Вероника Кукуц жила вначале с родителями, потом примерно в 1938–1945 гг. — у своего брата Отто в Калате (возможно, она жила там уже после смерти Отто у его вдовы Зинаиды; напомним, Отто

умер в 1939 г.). После войны Вероника уехала работать в Казахстан. Там она проработала год или два в отделе кадров на заводе, а затем вернулась в Свердловск. Окончила курсы библиотекарей. Работала в разных библиотеках, в частности в библиотеке Сельскохозяйственного института. Ее племянница Светлана вспоминает, как она, сидя у тетки в библиотеке за шкафами, читала не вполне одобряемую литературу: «Декамерон», сказки «Тысяча и одна ночь», Эжена Сю. Другая племянница Вероники, Эльза, поступила на зоотехнический факультет этого же института.

В июне 1954 г. Вероника Кукуц вышла замуж за Сергея Петровича Неустроева (родился 7 октября 1920 г. в Талице). Сергей Петрович скончался 2 апреля 1992 г. Вероника скончалась 26 марта 2003 г. Оба похоронены на Широкореченском кладбище Екатеринбурга, в той же могиле, что и мать Вероники Софья.

К. А. Омигова

Златоустовский род Агарковых — Зотовых: от крепостных мастеровых до главы города

Представители рода Агарковых — Зотовых были мастеровыми Златоустовского завода практически с момента основания — переведены его первыми владельцами Мосоловыми до 1763 г. с Шанского завода Можайского уезда: «Умершего мехового мастера жена Фекла Тихонова 60 лет. У нее дети: Тимофей 32 лет, Василей 18 лет, Акимовы дети, дочь Екатерина 19 лет...»[1] Как видно, на тот момент семья была записана еще без семейного прозвания.

В документах государственного учета (ревизских сказках за 1795, 1816 гг.) семья записана с прозванием Агарковы (Огарковы), а в 1834 г. одна веточка рода уже с двойной фамилией: «Зотов или Агарков» (в ревизии 1858 г. они записаны под фамилией Зотовы). Документы церковного учета (исповедные ведомости) фиксируют смену фамилии раньше — с 1799 г.[2] Таким образом, в XIX–XX вв. в Златоусте проживало множество родственников, одни из них носили фамилию Агарковы, другие — Зотовы.

Автор статьи занималась исследованием именно той ветви рода, которая сменила фамилию на Зотовы.

До 1816 г. представители рода Зотовых числились мастеровыми Златоустовского металлургического завода. В 1817 г. их перевели в мастеровые на вновь построенную Златоустовскую оружейную фабрику.

В середине XIX в. некоторые представители рода перешли из мастеровых Оружейной фабрики в писцы. Так, в 1852 г. был переведен на службу в заводскую контору Василий Харитонович Зотов (1825 — после 1858)[3].

В семье мастерового златоустовской Оружейной фабрики в 1856 г. родился и будущий глава города — Александр Алексеевич Зотов (1856–1919), он был младшим из семи детей Алексея Харитоновича Зотова

(1821 — до 1913) и его первой жены Татьяны Тимофеевны Зотовой (1821 — до 1893)[4].

Александр Зотов, как его отец и старшие братья, после отмены обязательной заводской повинности в 1861 г. получил статус сельского обывателя. Однако уже как минимум с 1883 г. единственный в семье был причислен к мещанам г. Златоуста[5]. В том же году Александр Зотов начинает свою государственную службу: 3 марта 1882 г. его избрали на должность городского секретаря[6]. На 1889 г. А. А. Зотов являлся гласным Златоустовской городской думы, а также членом Златоустовской городской управы — городским секретарем[7]. Помимо этого Александр Алексеевич совмещал и должность секретаря сиротского суда, и на 1894 г. — канцелярского служителя в штате Златоустовского уездного полицейского управления[8].

С 1897 по 1905 гг. мещанин и губернский секретарь Александр Алексеевич Зотов трудился в качестве городского головы Златоуста. Как гласит информация, полученная из «Альбома городских голов Российской империи» за 1903 г., «немногие годы службы А. А. во главе управления города Златоуста ознаменовались значительными городскими постройками, а именно был выстроен новый корпус деревянных лавок, городская скотобойня с новейшими приспособлениями и дом для пожарного обоза с конюшнями и сеновалом»[9]. Надо отметить, что именно на годы службы Александра Алексеевича на должности главы города пришлись революционные события конца XIX — начала XX в. на Южном Урале. В марте 1903 г. 45 (по другим данным — 69) участников стачки на Златоустовском заводе были расстреляны, 97 (по другим данным — 250) — ранены, более 30 человек арестованы.

В 1908 г. при вступлении в брак сын Николай Александрович Зотов был записан как «сын чиновника». Это говорит о том, что Александр Алексеевич и после 1905 г. продолжал свою государственную службу[10].

Помимо государственной службы Александр Алексеевич значительное время и силы отдавал благотворительности: состоял членом Общества попечения о бедных детях-сиротах, Общества вспомоществования бедным учащимся и Общества покровительства животным.

21 апреля 1876 г. в Свято-Троицкой церкви Златоуста тогда еще сельский обыватель Александр Алексеевич Зотов вступил в брак с Елизаветой Александровной Рыковой (1853 — ок. 1929). Поручителями на свадьбе со стороны жениха были: старший брат Александра — Иван Алексеевич Зотов и сельский обыватель Златоуста Захар Степанович Шляхтин; со стороны невесты: обыватели Алексей Трифонович Волочнев и Василий Афанасьевич Проколов. Елизавета Александровна происходила из семьи мастеровых Златоустовского завода, а ее отец был урядником[11].

В семье Александра Алексеевича и Елизаветы Александровны воспитали сына Николая Александровича Зотова (1884 — ок.1936) и четырех дочерей: Евгению Александровну Кабанову (1877–1934), Антонину Александровну Воронину (1892 — ок.1943), Марию Александровну Сазонову (1889 — ок.1956) и Евдокию Александровну Зотову (1894 — после 1914). Сын Антонин, 1886 г. р., и дочь Ольга, 1898 г. р., умерли

в детском возрасте; судьба дочери Анны, 1879 г. р., не установлена (переехала из Златоуста или умерла до 1911 г.).

Семья поменяла несколько адресов в Златоусте: в 1883–1888 гг. они проживали на ул. Большой Ольховке (позже переименована в Кузнечную)[12], в 1889–1892 гг. — на ул. Мостовой[13], а в 1893 г. семья переехала в двухэтажный дом на ул. Большой Громотушной, 614, во второй части города (семья занимала второй этаж дома, первый сдавался квартирантам, а в отдельном флигеле жил отец Александра — Алексей Харитонович)[14].

Умер Александр Алексеевич 21 февраля 1919 г. на 61-м году жизни от «грудной жабы». Отпевание прошло 24 февраля в Трех-Святительской (Никольской) церкви Златоуста. Похоронен он на Приходском кладбище[15].

Потомки Александра Зотова в наши дни проживают в Екатеринбурге, Москве, в Словении и США.

Примечания

[1] ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 13. Л. 120 об.
[2] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 247. Л. 20.
[3] ГАСО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 241. Л. 85 об. — 86.
[4] Там же. Л. 202 об. — 203.
[5] АЗГО. Ф. И-41. Оп. 1. Д. 56. Л. 42 об.
[6] НАРБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 64. Л. 9–11.
[7] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Уфа, 1889. С. 44–46.
[8] АЗГО. Ф. И-41. Оп. 2. Д. 13. Л. 7 об. — 8.
[9] Альбом городских голов Российской империи. СПб., 1903. С. 100.
[10] АЗГО. Ф. И-56. Оп. 1. Д. 39. Л. 260 об. — 261.
[11] Там же. Д. 10. Л. 276 об. — 277.
[12] Там же. Ф. И-41. Оп. 1. Д. 30. Л. 68 об.
[13] Там же. Д. 31. Л. 62 об.
[14] Там же. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
[15] Там же. Ф. И-41. Оп. 2. Д. 37. Л. 149 об. — 150.

О. А. Полянина

Казачий род Вишняковых в Миасской станице

В современной России генеалогические исследования оказались важным инструментом возвращения исторической памяти, чувства сопричастности к событиям прошлого. История Урала неотделима от истории династий: промышленных, купеческих и, конечно, казачьих. К одной из таких династий относится род Вишняковых из станицы Миасской. Общим их предком являлся Федор Дмитриевич Вешняков. Фамилия происходит от распространенного прозвища Вешняк. Прослеживается «непосредственная связь прозвища с весной. Могло означать и ветер, и дорогу, и скотину, и гидротехнические термины»[1]. С 1830-х до начала 1880-х гг. в Миасской станице параллельно использовалось два написания фамилии: Вешняковы и Вишняковы; современный вариант (Вишняковы) утвердился с середины 1880-х гг.

Согласно спискам первопоселенцев Челябинской области, опубликованным В. В. Поздеевым, «Федор Дмитриев сын Вешняков шестидесяти лет. Родом Устюга Великого волости Черевковской дворцовой крестьянин. Оттоль сошел от хлебной скудости назад тому лет с сорок и пришед жил Шадринского дистрикта в Замараевском селе»[2].

Федор Дмитриевич был принят в Челябинскую крепость и записан в казаки в 1736 г. полковником Тевкелевым. Семью Федора Дмитриевича составляли «жена Акилина Аникина, дочь сорока лет; дети: Иван четырнадцати, Андрей десяти, Игнатий пяти лет». Именно последний стал основателем рода Вишняковых в Миасской крепости (станице), поскольку ревизия 1816 г. зафиксировала семьи четырех Игнатьевичей: Саввы, Кирилла, Ильи и Анисима. Старшие братья Игната, вероятно, остались в Челябинской крепости. По крайней мере, в ревизской сказке Челябинска 1782 г. упоминаются два отставных казака Ивана Вешняковых и их семьи[3]. По данным ревизий 1816 и 1834 гг., помимо Миасской и Челябинской крепостей казаки Вешняковы (Вишняковы) служили в Еткульской, Самарской, Красногорской станицах, Верхнекизильском, Спасском, Сыртенском, Ключевском отрядах, Крутоярской и Луговой станицах, г. Оренбурге, Каменно-Озерном отряде[4].

В рамках данной статьи предпринята попытка восстановления истории казачьего рода Вишняковых в станице Миасской. Информационную базу исследования составили ревизские сказки Миасской станицы 1816 и 1834 гг.[5], метрические книги Миасской крепости (станицы)[6] за 1786–1917 гг., а также базы данных участников Первой мировой и Великой Отечественной войн, база данных раскулаченных жителей Челябинской области. Необходимо отметить, что начиная с середины 1860-х гг. основная часть Вишняковых относилась к приходу Иоанно-Предтеченской церкви. Даты, установленные по косвенным источникам (венчальным записям или записям о смерти), выделены курсивом. Все даты до 1 января 1918 г. приводятся по старому стилю.

Савва Игнатьевич Вишняков и его потомки

Савва Игнатьевич — старший из четырех братьев, сыновей Игната Федоровича Вишнякова. Савва родился в 1751 г. Казачий капрал (1787). По данным А. Г. Любимова, на рубеже XVIII–XIX вв. Савва Вишняков был сотником, получал жалование[7]. Жена Саввы — Евдокия (Авдотья) Леонтьевна (1770 — 28.01.1834). Савва Игнатьевич умер 14 января 1839 г. «от старости».

Дети Саввы Игнатьевича Вишнякова:

1. Захар (01.09.1787 — после 1838). Служащий казак (1816), отставной урядник (1837). Жена Захара — Прасковья Трифоновна (Трофимовна) (1782 — 28.10.1843). Их дочери: Устинья (1810 — ?) и Пелагея (1812 — ?).

2. Иван (1791 — ?). Служащий капрал, находился в армии с 1811 г., пропал без вести и «выключен» в 1817 г. Исследователи относят его к боевым потерям Отечественной войны 1812 г.[8]

3. Пелагея (1798 — после 1816).

4. Авдотья (1801 — после 1816).

5. Анна (1808 — ?). С большой долей вероятности можно утверждать, что она была замужем за казаком Миасской крепости Яковом Ивановичем Воронцовым. Их дети: Иван (1833 — ?), Павел (13.01.1835 — ?), Мария (21.03.1837 — ?), Анна (02.02.1839 — ?), Иван (01.09.1843 — ?).

6. Петр (1810 — 15.03.1881). Служащий казак (1841), урядник (1843 и далее).

7. Матрена (1813 — 08.01.1839). Умерла «от падучей болезни, по немоте не исповедана».

Петр Саввич был женат на Степаниде Ефимовне (1806 — 26.01.1871). Брак предположительно датируется 1827 г. Степанида Ефимовна умерла «от паралича». Петр Саввич умер «от старости».

Дети Петра Саввича и Степаниды Ефимовны Вишняковых:

1. Анна (1827 — ?).

2. Федосья (1831 — ?). Возможно, в замужестве Пашнина.

8. Евдокия (Авдотья) (1832 — ?). Обвенчалась 9 января 1855 г. со служащим казаком Петровской станицы выселка Малого Худякова Иваном Абрамовичем Худяковым (*1834* — ?).

3. Иван (12.05.1835 — ?).

4. Анастасия (18.10.1837 — ?).

5. Мария (20.06.1841 — ?).

6. Павел (27.06.1843 — после 1917). Казак.

7. Михаил (15.10.1845 — после 1917). Казак.

8. Степан (*1848* — 15.04.1908). Служащий казак.

Продолжение линии Саввичей связано с именами трех младших сыновей этой пары: Павла, Михаила и Степана Петровичей.

Павел Петрович Вишняков обвенчался 15 октября 1861 г. с казачьей девицей Петровской станицы выселка Пашнина Татьяной Матвеевной Шадриной (184? — 09.07.1910).

Дети Павла Петровича и Татьяны Матвеевны Вишняковых:

1. Владимир (14.07.1862 — 07.08.1862). Умер «от худобы».

2. Михаил (*1865* — после 1930). Казак.

3. Наталья (16.08.1867 — 10.08.1868). Умерла «от поносу».

4. Мария (08.03.1869 — 17.08.1869). Умерла «от младенческой».

5. Елизавета (04.05.1870 — ?).

6. Дмитрий (22.10.1872 — 01.08.1873). Умер «от младенческой слабости».

7. Василий (21.03.1874 — 28.08.1874). Умер «от худобы».

8. Константин (10.05.1876 — 13.09.1876). Умер «от младенческой».

9. Петр (27.06.1877 — 19.07.1877). Умер «от худобы».

10. Анастасия (18.12.1878 — 27.03.1881). Умерла «от родимца».

11. Ольга (27.06.1881 — после 1937). Обвенчалась 30 октября 1897 г. с урядником Миасской станицы Виталием Владимировичем Согриным (25.03.1873 — после 1914), сыном фельдшера Владимира Павловича Согрина.

12. Елизавета (01.09.1882 — после 1932).

13. Василий (24.02.1887 — 14.05.1887). Умер «от младенческой».

14. Иван (19.03.1890 — 27.08.1890). Умер «от родимца».

Единственный выживший сын этой пары Михаил обвенчался 28 января 1884 г. с Натальей Терентьевной Фалалеевой (*1865* —

после 1930). Брак между представителями Вишняковых и Фалалеевых, по-видимому, был не случайным. Основатели этих родов (Федор Дмитриевич Вишняков и Василий Иванович Фалалеев) перед поступлением в казаки жили в одном населенном пункте — с. Замараевском. В ревизских сказках 1816 и 1834 гг. записи о семьях Анисима Вишнякова, Назара Фалалеева и Саввы Вишнякова следуют друг за другом, что позволяет предположить, что они жили по соседству. Терентий Ларионович Фалалеев был восприемником Григория Семеновича Вишнякова (1836) и поручителем на его свадьбе (1859), восприемником Натальи Семеновны Вишняковой (1849) и поручителем по невесте на ее свадьбе (1868). Анастасия Ларионовна Фалалеева также была крестной у двоих детей Семена Анисимовича. В свою очередь Захар Саввич Вишняков стал поручителем по жениху на свадьбе Федора Ларионовича Фалалеева (1837).

Дети Михаила Павловича и Натальи Терентьевны Вишняковых:

1. Ольга (07.07.1885 — 01.08.1885). Умерла «от худобы».

2. Олимпиада (12.07.1886 — после 1961). Обвенчалась 19 января 1904 г. с казаком Миасской станицы Константином Ивановичем Заплатиным (*1878* — ?).

3. Серафима (28.07.1891 — 13.08.1891). Умерла «от младенческой».

4. Анфиса (28.07.1891 — 04.08.1891). Умерла «от младенческой».

5. Анна (07.08.1892 — ?).

6. Сергей (09.09.1895 — после 1950). Казак. Обвенчался 20 января 1914 г. с казачьей девицей Миасского поселка Антониной Михайловной Рукавишниковой (*1896* — ?). 22 апреля 1915 г. у них родилась дочь Александра. В 1931 г. был внесен в списки кулаков, выселяемых из Челябинского района в Свердловск, однако затем вычеркнут из списка[9].

7. Таисия (21.09.1897 — 20.08.1898). Умерла «от поноса».

8. Николай (06.12.1898 — 26.01.1900). Умер «от родимца».

9. Василий (23.01.1900 — после 1923).

10. Александра (03.11.1902 — ?).

11. Григорий (27.02.1906 — 07.02.1992). С сентября 1941 по декабрь 1945 г. служил на авиабазе ВВС Тихоокеанского флота. Жена — Евгения Афанасьевна Пяткова (12.01.1908 — 1985). Дети: Павел (09.07.1927 — 06.01.2006) и Аркадий (14.01.1930 — 07.12.1968).

Михаил Петрович Вишняков обвенчался с Александрой Васильевной (девичья фамилия не установлена) около 1865 г. Некоторые из детей этой пары были крещены в Пророко-Ильинской, а не в Иоанно-Предтеченской церкви.

Дети Михаила Петровича и Александры Васильевны Вишняковых:

1. Ольга (16.06.1868 — 09.08.1868). Умерла «от худобы».

2. Елена (*1870* — ?). Обвенчалась 24 апреля 1889 г. с казаком поселка Худякова 2-го Георгием Семеновичем Стариковым (*1870* — ?).

3. Евфимия (29.02.1872 — ?).

4. Степан (*1873* — 10.09.1874). Умер «от худобы».

5. Михаил (27.09.1875 — после 1917). Казак (1903–1910), состоящий в запасе казак (1911).

6. Игнат (27.05.1878 — после 1917). Казак (1904–1907), зачисленный в разряд неспособных (1911).

7. Дарья (19.03.1883 — 07.08.1883). Умерла «от кашля».

8. Степан (*1884* — 23.04.1885). Умер «от младенческой».

9. Пелагея (04.05.1886 — после 1906).

Михаил Михайлович Вишняков обвенчался 31 января 1903 г. с Еленой Васильевной Черноскутовой, крестьянской девицей Пермской губернии Камышловского уезда Зырянской волости.

Дети Михаила Михайловича и Елены Васильевны Вишняковых:

1. Георгий (04.02.1906 — 09.03.1906). Умер «от младенческой».

2. Василий (*1906* — 20.01.1907). Умер «от младенческой».

3. Михаил (07.01.1908 — 21.02.1908). Умер «от младенческой».

4. Павел (15.12.1908 — ?).

5. Алексей (11.02.1910 — 19.07.1910). Умер «от поноса».

6. Сергей (08.10.1911 — 17.12.1911). Умер «от младенческой».

7. Антоний (12.06.1914 — после 1951).

8. Александр (01.07.1917 — ?).

Игнат Михайлович Вишняков обвенчался с Евдокией Адреевной (девичья фамилия не установлена, возможно, Пяткова), брак ориентировочно датируется 1902 г.

Дети Игната Михайловича и Евдокии Андреевны Вишняковых:

1. Павел (23.12.1904 — ?).

2. Мария (19.01.1907 — 17.02.1907). Умерла «от слабости».

3. Василий (01.01.1908 — после 1948). В Книге памяти участников Великой Отечественной войны упоминается Василий Игнатьевич Вишняков, 1908 г. р. Был призван Красноармейским райвоенкоматом, служил в 18-м гвардейском танковом полку, умер в 1978 г. в с. Канашево[10].

4. Мария (06.06.1911 — 15.07.1915). Умерла «от поноса».

5. Александр (27.08.1914 — после 1969).

6. Николай (26.04.1917 — ?).

Степан Петрович Вишняков был женат дважды. 27 января 1867 г. он обвенчался с Екатериной Петровной Пашниной, которая родилась около 1845 г. Екатерина Петровна скончалась 13 сентября 1878 г. «от горячки». Уже через месяц, 15 октября 1878 г., Степан Петрович обвенчался с казачьей девицей Миасской станицы Евгенией Даниловной Макаровой (*1856* — после 1917). Поручителями на этой свадьбе были Михаил и Павел Петровичи Вишняковы. Степан Петрович умер «от старости».

Дети Степана Петровича и Екатерины Петровны Вишняковых:

1. Анастасия (28.10.1867 — 25.03.1871). Умерла «от оспы».

2. Ксения (22.01.1872 — 01.09.1872). Умерла «от младенческой».

3. Иван (10.06.1873 — после 1910). Обвенчался 14 февраля 1897 г. с казачьей девицей станицы Миасской Татьяной Афанасьевной Воронцовой (*1880* — ?).

4. Григорий (23.01.1878 — 31.03.1878). Умер «от младенческой».

Дети Степана Петровича и Евгении Даниловны Вишняковых:

1. Анна (20.10.1879 — ?).

2. Михаил (07.07.1881 — 12.12.1881). Умер «от оспы».

3. Пелагея (24.09.1882 — ?). Обвенчалась 2 февраля 1901 г. с казаком *Моисеем Романовым* (имя и фамилия требуют уточнения).

4. Мария (06.02.1885 — ?). Обвенчалась 23 января 1906 г. с казаком Козыревского поселка Григорием Семеновичем Козыревым (*1887* — ?). Их сын: Иван (15.10.1907 — ?).

5. Евдокия (25.02.1887 — после 1906).

6. Павел (01.03.1889 — после 1917). Состоящий на действительной службе казак (1911). Обвенчался 23 января 1909 г. с казачьей девицей Канашевского поселка Анастасией Григорьевной Анфаловой. До 1918 г. у них родились три сына: Иван (21.02.1910 — 10.09.1910), Александр (20.08.1911 — 07.04.1915), Александр (21.06.1916 — ?). Во время Первой мировой войны Павел Степанович был рядовым 3-го Уфимо-Самаро-Оренбургского казачьего полка. 25 августа 1915 г. в бою с австрийцами на р. Серет (в Галиции, ныне Украина) был ранен, в начале сентября находился на лечении в Киевском госпитале № 2[11].

7. Марфа (01.07.1891 — ?). Обвенчалась 18 января 1910 г. с казаком Адищевского поселка Никитой Максимовичем Худяковым (*1891* — ?).

8. Наталья (06.08.1894 — 01.01.1900). Умерла «от скарлатины».

9. Александр (04.04.1897 — 09.04.1897). Умер «от слабости».

10. Федор (04.04.1897 — 11.05.1897). Умер «от младенческой».

11. Александра (09.03.1898 — 10.01.1899). Умерла «от коклюша».

12. Ольга (22.06.1900 — 19.07.1900). Умерла «от слабости».

Кирилл Игнатьевич Вишняков и его потомки

Младший брат Саввы Кирилл (1762–1821). Служащий казак (1816). Жена — Улита Степанова (1754 — после 1816). Данная линия в настоящий момент является наименее изученной, так как потомки Кирилла жили не в самой Миасской станице и относились к разным приходам.

Дети Кирилла Игнатьевича и Улиты Степановны Вишняковых:

1. Малафей (1784–1828). Был переведен из Миасской крепости в Сыртинский отряд[12].

2. Мариамна (17.02.1787 — ?).

3. Яков (1794 — 16.02.1834). Служащий казак (1816). Отставной казак (1834).

4. Савва (1796 — после 1839). Служащий казак (1834).

5. Агафья (1800 — ?).

6. Аграфена (1803 — ?).

Яков и Савва Кирилловичи со своими семьями проживали на заимке Притчиной. Яков Кириллович был женат на Устинье Ивановне (1796 — после 1840). Умер «от чахотки». В ноябре 1837 г. Устинья Ивановна вышла замуж второй раз за отставного казака Миасской крепости Спиридона Петровича Кочеткова. Савва Кириллович был женат на Елене Матвеевне (1802 — ?).

Дети Якова Кирилловича и Устиньи Ивановны Вишняковых:

1. Иван (1815 — ?). Служащий казак. Жена — Мария Семеновна (1814 — ?). Их дети (список неполный): Иван (1833 — ?), Петр (20.06.1836 — 19.07.1836).

2. Арина (Ирина) (1821 — ?). Обвенчалась 20 октября 1837 г. с государственным крестьянином дер. Боровой Силой Галактионовичем Вагановым (?). Их дочь: Ефимия (14.09.1838 — ?).

3. Варвара (1822 — ?). Обвенчалась 4 февраля 1840 г. с казачьим малолетком Миасской крепости Степаном Федосеевичем Пановым (*1819* — ?).

4. Пелагея (1826 — ?).

5. Леонтий (1829 — ?).

6. Елена (1833 — ?).

Дети Саввы Кирилловича и Елены Матвеевны Вишняковых:

1. Матрена (1823 — ?). Обвенчалась 4 февраля 1838 г. с казаком заимки Чистой Григорием Иосифовичем Малковым. Их сын: Федор (01.06.1839 — ?).

2. Арина (1826 — ?).

3. Дмитрий (1829 — ?). Возможно, у него была дочь Матрена.

4. Александра (19.04.1835 — ?).

5. Ксения (16.01.1839 — ?). Обвенчалась 16 мая 1855 г. с казаком выселка Большого Худякова Алексеем Андреевичем Мокеевым (*1834* — ?).

В конце 1860-х — начале 1870-х гг. в Притчино проживала казачья вдова Пелагея Андреевна Вишнякова. У нее были незаконнорожденные дети Степан и Саломея. Пелагея Андреевна могла быть женой либо Дмитрия Саввича, либо Леонтия Яковлевича. В годы Первой мировой войны в Притчинском поселке проживали Петр Никифорович Вишняков и его жена Мария Петровна, а также Степан Иванович Вишняков, но установить степень их родства с Кирилловичами пока не удалось.

Илья Игнатьевич Вишняков и его потомки

О самом Илье Игнатьевиче в настоящий момент практически ничего не известно. Он умер между 1808 и 1811 гг. В 1816 г. в станице проживали его сын Семен (1798 — ?), вдова Агафья Васильевна (1767 — 22.12.1836), дочери Анастасия (1801 — ?) и Наталья (1808 — ?). Семен Ильич был женат дважды. Первая жена — Матрена Яковлевна (1794 — 1816/1817). Детей в этом браке не было. Вторая жена — Пелагея Алексеевна (1796 — ?). По состоянию на 1835 г. семья Семена Ильича жила на заимке Вешняковой. Деревня Вешнякова, расположенная в восьми верстах от станицы, упоминается в «Ведомости башкирским и казачьим деревням, состоящим в отводе Миасской казачьей станицы» (1846)[13].

Дети Семена Ильича и Пелагеи Алексеевны Вишняковых:

1. Дарья (1818 — ?). Обвенчалась 20 января 1839 г. с казаком Миасской крепости Петром Герасимовичем Заплатиным (*1820* — ?).

2. Анисья (1821 — после 1839).

3. Захар (1825 — 30.01.1879). Служащий казак (1860-е гг.), отставной казак (1870-е гг.).

4. Фекла (1825 — ?).

5. Екатерина (1833 — ?).

6. Ксения (20.01.1835 — ?).

Захар Семенович был женат на Ксении Петровне (1830 — 03.05.1912). Умер «от горячки».

Дети Захара Семеновича и Ксении Петровны Вишняковых:

1. Иван (*1858* — ?). Обвенчался 11 ноября 1879 г. с казачьей девицей пос. Малое Пашнино Натальей Дмитриевной Пашниной (1861 — ?). Их дети: Наталья (14.08.1880 — 29.08.1880), Мария (31.03.1882 — ?), Павел (13.01.1884 — 30.04.1886), Параскева (07.10.1885 — ?), Анастасия (29.12.1886 — ?), Наталья (15.08.1890 — ?).
2. Александра (12.05.1860 — 12.10.1860). Умерла «от худобы».
3. Андрей (02.10.1861 — 26.03.1864). Умер «от худобы».
4. Алексей (02.10.1861 — 30.04.1864). Умер «от худобы».
5. Александра (03.11.1863 — ?). Обвенчалась 14 февраля 1886 г. с казаком Миасской станицы Степаном Максимовичем Курочкиным (*1868* — ?).
6. Агриппина (16.06.1866 — 25.09.1866). Умерла «от худобы».
7. Прокопий (*июль 1867* — 19.08.1867). Умер «от младенческой».
8. Евдоким (30.07.1868 — ?). Обвенчался 24 января 1896 г. с крестьянской девицей с. Белоярского Натальей Герасимовной Щипуновой. В последующих записях она указана как Дмитриевна. Их дети: Иван (20.07.1896 — ?), Петр (07.01.1898 — 06.04.1898), Федор (05.06.1900 — после 1934), Татьяна (10.01.1904 — ?), Надежда (16.09.1905 — ?).
9. Лукия (Гликерия) (13.12.1870 — после 1890).
10. Агапия (13.04.1873 — 01.05.1873). Умерла «от младенческой».
11. Пелагея (04.05.1874 — 28.08.1874). Умерла «от худобы».
12. Екатерина (18.11.1876 — 01.12.1876). Умерла «от младенческой».

Анисим Игнатьевич Вишняков и его потомки

Младший из четырех братьев Анисим Игнатьевич (1770–1818). Служащий казак. Был женат на Акулине Мироновне (1770 — 14.04.1841).

Дети Анисима Игнатьевича и Акулины Мироновны Вишняковых:

1. Василий (1792–1815). Служащий казак. Его жена Параскева Ивановна (1788 — 10.09.1842) после смерти Василия замуж не выходила, осталась жить в семье Вишняковых. Единственная дочь Василия — Лукия (1813 — ?), обвенчалась 11 февраля 1834 г. с казаком заимки Пашниной Николаем Кузьмичом Шевяковым.
2. Михаил (1795–1818). Служащий урядник. Михаила также относят к боевым потерям оренбургского казачества.
3. Василиса (1803 — ?).
4. Семен (1805 — 10.01.1862). Служащий казак (1834–1844).
5. Матрена (1809 — ?).
6. Марфа (1811 — после 1834).

После смерти Анисима и двух его старших сыновей главой семьи остался 13-летний Семен Анисимович. Кроме него во дворе Анисима остались только женщины: мать Семена, три сестры, сноха и ее дочь. Семен Анисимович был женат дважды. От первого брака детей не было. Вторая жена — Татьяна Ефимовна (1810 — 10.04.1862). Супруги умерли в 1862 г. с разницей в три месяца: Семен Анисимович «от горячки», Татьяна Ефимовна «от чахотки».

Дети Семена Анисимовича и Татьяны Ефимовны Вишняковых:

1. Дарья (03.09.1832 — ?).

2. Елизавета (03.09.1834 — ?).

3. Григорий (23.11.1836 — 01.07.1889). Служащий казак. Обвенчался 8 февраля 1859 г. с казачьей девицей выселка Сафонова Параскевой Ефимовной Пашниной. Умер «от болезни рака».

4. Матрона (01.11.1838 — ?).

5. Семен (*14.04.*1841 — 28.04.1841).

6. Василий (05.03.1843 — 23.07.1843).

7. Параскева (19.10.1844 — ?).

8. Наталья (13.08.1849 — после 1882). Осталась круглой сиротой в 13 лет, вероятно, жила в семье брата Григория. Обвенчалась 18 октября 1868 г. с казаком Миасской крепости Михаилом Васильевичем Худяковым (*1846* — после 1882). Их дети (перечень неполный): Татьяна (28.12.1869 — ?), Глафира (24.04.1871 — ?), Иван (24.02.1874 — ?), Михаил (21.03.1876 — 05.07.1876), Евдокия (30.07.1877 — 01.10.1877), Павел (09.12.1878 — ?), Наталья (22.08.1881 — ?), Николай (04.12.1882 — ?).

Таким образом, по состоянию на 1917 г. продолжить династию миасских Вишняковых по прямой мужской линии могли не более десяти человек (прежде всего — по линии Саввы Игнатьевича). Установление судьбы потомков и дальнейшее изучение истории рода предполагает привлечение таких видов источников, как духовные росписи, материалы переписей, похозяйственные книги, документы личного происхождения и т. д.

Примечания

[1] *Конюченко А. И.* Антропонимика первопоселенцев Челябинской крепости // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2020. Т. 20, № 3. С. 27–31.

[2] *Поздеев В. В.* Первопоселенцы Челябинской области / публ. Ю. А. Ургиной, О. А. Щетковой. URL: http://samlib.ru/s/shetkowa_o_a/mojaelektronnajagazeta-6.shtml.

[3] Ревизская сказка города Челябинска от июня 15 дня 1782 года // Союз. мысль. 2-13. № 22 (357). URL: http://files.uralgenealogy.ru/soyuznaya_mysl/soyuznaya_mysl_22_ot_21_09_13.doc.

[4] *Вишневский В. В.* Справочник фамилий казаков Оренбургского казачьего войска по населенным пунктам, 1816–1834 гг. Б. м. : Издат. решения, 2020. С. 10–14, 44, 49, 58, 60, 64, 72, 73, 80, 84.

[5] Ревизская сказка Миасской станицы 1816 г., ревизская сказка Миасской станицы 1834 г. URL: http://www.edoclib.gasrb.ru (дата обращения: 21.12.2020).

[6] ОГАЧО. Ф. И 226. Оп. 1. Д. 3, 4, 25, 30, 36, 50, 55, 65, 72, 261, 390, 588 ; Оп. 4. Д. 4, 12, 44, 54, 281, 294, 405, 425, 815 ; Оп. 9. Д. 7, 11, 28, 39, 48, 49, 60, 69, 83, 106, 119, 131, 147, 158, 168, 174.

[7] *Любимов А. Г.* Миасская крепость (станица). XVIII век (о некоторых событиях) // Южный Урал и Южное Зауралье в XVIII–XIX веках // Гороховские чтения : материалы седьмой регион. музейн. конф. Челябинск, 2016. С. 165–172.

[8] *Криворотова Ж. А.* Оренбургский казак — герой Отечественной войны 1812 г. // Наследие земли уральской. Челябинск, 2018. С. 38–40 ;

Гутков А. И. Оренбургские казаки в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1815 гг. (казаки 3-го и части 2-го военных отделов ОКВ по состоянию на 1816 год) // Генеалогия и архивы : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 24–29.

[9] Раскулаченные : база данных. URL: https://archive74.ru/dbases/disposs.

[10] Книга Памяти участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — жителей Челябинской области. URL: https://hero.gov74.ru/books.

[11] Первая мировая война 1914–1918 : информ. портал. URL: https://gwar.mil.ru.

[12] *Криворотова Ж. А.* Внутривойсковые переводы оренбургских казаков (Миасская станица, первая половина XIX в.): генеалогический аспект // Генеалогия и архивы : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 184–195.

[13] *Кортунов А. И.* Земельные споры казаков крепости (станицы) Миасской и башкир 5-го Башкирского кантона (первая половина XIX века) // Гуманистическое наследие просветителей народов Евразии в культуре и образовании : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., 15 дек. 2016 г. Уфа : Изд-во БГПУ, 2017. С. 38–39.

С. И. Пудовкин

Семячковы родом из Дрягуново

В переписи Верхотурского уезда 1680 г. упоминается дер. Драгуново (ныне Дрягуново) с шестью дворами в округе Краснопольской слободы. И тут же сообщается, что там имеются мельница, кузница. Население деревни придерживалось старообрядчества, а средства к существованию добывало от земледелия. Подсобными промыслами жителей являлись подзаводские работы и старательские разработки асбеста. В селении имелись кожевенное заведение, несколько тележников, санников, чеботарей, кадочников и овчинников. Расположенная на живописных берегах р. Нейвы, дер. Дрягуново радовала глаз приезжих. Поэтому за ней закрепилось неофициальное название «Уголок Москвы».

В 1919 г. в Дрягуново проживали 125 душ мужского пола, а в Краснополье — 176. Даже в суровых условиях Первой мировой и Гражданской войн жителям удалось сохранить поголовье скота. В Дрягуново насчитывалось 328 коров и телят, 165 свиней 371 овца, 230 лошадей. В Краснополье — 327 коров, 115 свиней, 437 овец и 211 лошадей. По этим цифрам видно, насколько зажиточными были крестьяне в этих деревнях[1]. Основная масса жителей Дрягуново носила фамилию Семячковы. Семьи были большие, многодетные. Так, у моего прапрадеда Антона было три сына: Иосиф, Ефим и Афанасий. Первые двое служили в царской армии и являлись участниками Первой мировой войны. По данным информационного ресурса «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов»[2], Ефим Антонович проходил службу в чине прапорщика в 195-м Оровайском полку начальником пулеметной команды. Во время отступления из Карпат был контужен на Румынском фронте (1916), проходил лечение в Одессе. Его брат Иосиф Антоно-

вич проходил службу в 94-м пехотном Енисейском полку и также был ранен. Лечился в госпитале в Костроме. Оба принимали участие в Гражданской войне в рядах Красной Армии, в сражениях против войск Колчака. Их дети сражались уже в годы Великой Отечественной, хотя некоторым из них довелось начать свою ратную службу уже на финской войне.

В сознании простых тагильчан отложились самые разные воспоминания о начале финской войны. Мария Ефимовна Пудовкина (Семячкова) делится своими воспоминаниями о своем брате:

> ...Мой старший брат Семячков Михаил Ефремович родился 22 ноября 1915 года. Отслужил в рядах РККА в 1937–1938 годах, вернулся домой и устроился работать. С началом финской войны, в ноябре 1939 года, Миша вновь был призван в ряды Красной Армии. Прошло много лет, но я хорошо помню, какая это была холодная и голодная зима. Начались перебои с хлебом, в очередь за ним приходилось вставать в 4–5 часов утра. Мне было 13 лет, но помню, как мы, ребятишки и взрослые, переживали за своих воевавших родных и близких.
>
> Письма от брата мы получали регулярно. Возвращение его с фронта помню очень хорошо, хотя это и было давно. Раннее весеннее утро. Мы, дети, собирались в школу. Стук в окно: «...откройте, это я, Михаил, Миша!» Вернулся живой, здоровый, даже не был ранен. Он был такой веселый, жизнерадостный, в новом обмундировании. Вернулся в звании младшего лейтенанта. Привез нам гостинцы. Мы, счастливые и радостные, ушли в школу.
>
> Михаил устроился работать в депо станции Смычка, работа ему нравилась. Но недолго ему пришлось пожить мирной жизнью. Началась война, и в ноябре 1941 года он был мобилизован на фронт. 22 февраля 1942 года по окончании Кировского училища комсостава был направлен в 527-й стрелковый полк 118-й стрелковой дивизии.
>
> Погиб на Калининском фронте в феврале 1943 года, во время сильных боев за Ржев. Было ему всего 28 лет. Так мало прожил... Осталась дочь Тамара пяти лет.

Воспоминания сестры дополняет письмо Михаила с фронта:

> Привет с фронта! Здравствуй, дорогой папа и все наше семейство. Шлю вам свой сердечный, пламенный фронтовой привет. Папа, письмо ваше получил 23 января, за которое сердечно благодарю. ...Пару слов о своей жизни. Нахожусь на передовой, от немцев в 60 метрах. Служу в должности командира батареи, которая равняется батальону. Имею звание лейтенанта, скоро присвоят старшего лейтенанта.
>
> Жизнь фронтовая для всех известна — сегодня жив-здоров, а завтра? Теперь просьба, как к родному отцу: какая бы не была ваша жизнь тяжелой, это нужно пережить, как подобает хозяину семьи. Конечно, трудно переживать такое время, но кто

не переживет трудностей, тот будет жить тяжело после. Вот, папа, как я живу. Что вам непонятно из моего письма, спрашивайте, отвечу.

Пока до свидания. Ваш сынок Михаил. Жду ответа. Пишите, не забывайте.

24 января 1943 года. Адрес старый: 1710, полевая почта, часть 527.

...А спустя какое-то время пришла похоронка:

...3 апреля 1943 года, № 3/211. Ваш сын, лейтенант Семячков Михаил Ефимович, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 29 января 1943 года. Похоронен у деревни Костоносова, Зубцовского района, Калининской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 220)[3].

Есть тут одна странность: последнее письмо от Михаила было датировано им собственноручно 24 января 1943 г., в то время как, по документам архива Министерства обороны, он погиб «еще» 18 декабря 1942 г. Да и с момента «официальной» гибели до похоронки прошло уж слишком много времени...

Вспоминает Юлия Иосифовна Семячкова (Мищенко):

С началом войны на фронт стали забирать бывших одноклассников по 23-й школе. От учебы в пединституте, в который я была зачислена, пришлось отказаться. Мы с подругами устроились работать на завод. После работы ходили работать санитарками в госпиталь. Нам, еще девчонкам, вначале было тяжело и страшно обрабатывать раны вчерашних мальчишек.

В июле поступил в летное училище мой брат, Поликарп. Но закончить его не смог по состоянию здоровья, и заканчивал уже пехотное. Был направлен на Калининский фронт в звании младшего лейтенанта. Мой двоюродный брат тоже воевал там.

С братьями я вела активную переписку. Поликарп писал мне, что Миша воюет где-то рядом, и как было бы здорово увидеться[4].

Погиб он 27 мая 1942 г. Пришла похоронка, в которой говорилось, что младший лейтенант Поликарп Иосифович Семячков, временно исполняющий должность командира роты 186-й стрелковой дивизии, похоронен в дер. Комары Молодотудского района Калининской области. Недавно нам удалось узнать, что, по данным Центрального архива Министерства обороны, он после неудачной атаки не был вынесен с поля боя[5]. Наверное, таким, как он, молодым лейтенантам, посвятил свою книгу писатель Григорий Бакланов:

Живые стояли у края вырытой траншеи, а он сидел внизу. Не уцелело на нем ничего, что при жизни отличает людей друг от

друга, и невозможно было определить, кто он был: наш солдат? Немец? А зубы все были молодые, крепкие.

Что-то звякнуло под лезвием лопаты. И вынули на свет запекшуюся в песке, зеленую от окиси пряжку со звездой. Ее осторожно передавали из рук в руки, по ней определили: наш. И, должно быть, офицер.

Пошел дождь. Он кропил на спинах и на плечах солдатские гимнастерки, которые до начала съемок актеры обнашивали на себе. Бои в этой местности шли тридцать с лишним лет назад, когда многих из этих людей еще на свете не было, и все эти г.ы он вот так сидел в окопе, и вешние воды и дожди просачивались к нему в земную глубь, откуда высасывали их корни деревьев, корни трав, и вновь по небу плыли облака. Теперь дождь обмывал его. Капли стекали из темных глазниц, оставляя черноземные следы; по обнажившимся ключицам, по мокрым ребрам текла вода, вымывая песок и землю оттуда, где раньше дышали легкие, где сердце билось. И, обмытые дождем, налились живым блеском молодые зубы[6].

В то время был популярен фильм «Штурман дальнего плавания». Главным героем там была женщина. Под влиянием фильма многие тагильские девчонки в апреле 1942 г. ушли в действующую армию. Это был первый большой призыв среди девушек.

Юлия Иосифовна продолжает свой рассказ:

Мы с подругами ушли со вторым призывом — в сентябре. Попали мы на Ленинградский фронт, в сплошные болота, связистами. Полк наш был учебным. Условия Ленинградского фронта были крайне тяжелыми, вода и сверху, и снизу. Бывало, сидим в землянке на куче лапника, укрывшись мокрой шинелью, и ревем. Молоденькие ведь были. Утешали письма Михаила. Писали мы друг другу часто, но потом он перестал отвечать, и в апреле 1943 года я узнала, что он погиб.

В конце 1944 года я вышла замуж за майора Павла Мищенко. Вместе освобождали Прибалтику, потом — Германия. Сейчас я часто вспоминаю, глядя на школьные фотографии, наших погибших ребят, и своих братьев — Поликарпа и Михаила, и семерых братьев Федченко — Лёву, Володю и других, шесть из которых погибли за Родину...[7]

Примечания

[1] НТГИА. Ф. 147. Оп. 1. Д. 4. Л. 22, 22 об.
[2] URL: https://gwar.mil.ru.
[3] Воспоминания Ю. И. Мищенко (личный архив автора).
[4] Там же.
[5] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 80.
[6] *Бакланов Г.* Навеки девятнадцатилетние. М., 1980.
[7] Воспоминания Ю. И. Мищенко.

В. В. Савенко

Дворянский род Минхов

Родоначальником российской ветви рода Минхов, к которому я имею честь принадлежать, является Johann Heinrich von Munch, уроженец Ганновера, доктор медицины. По неподтвержденным пока сведениям, Иоганн Минх принадлежал к древнему рыцарскому роду Bussche-Munch. Об этом косвенно свидетельствует идентичность гербов родов Минх и Bussche-Munch.

По предложению первого медика Великобритании и Курфюршества Ганноверского надворного советника Иоанна Георга Циммермана И. Г. Мюнх принял приглашение императрицы Екатерины II о поступлении на российскую службу. В далеком 1786 г. он приехал в Россию и так здесь и остался, женившись на русской девушке. Все его дети были впоследствии причислены к дворянскому сословию и служили на благо России.

Поколенная роспись

1. **Johann Heinrich von Munch (Иоганн Генрих фон Мюнх**, или **Андрей Иванович Минх** (1765, Ганновер — 1803, с. Архангельское Орловской губернии). Немец, лютеранского вероисповедания. Имел степень доктора медицины, получив образование в Германии (вероятно, в Геттингенском университете). Был приглашен Екатериной II в 1786 г. в Россию для замещения вакансии доктора в г. Орле с годовым жалованием в 700 руб. и наделением чином коллежского асессора. В 1797 г. произведен в надворные советники, а уже в 1800 г. вышел в отставку[1].

Андрей Иванович Минх женился на дочери тамбовского помещика Прасковье Александровне Павловой [2]. У Прасковьи Александровны был брат — Иван Александрович Павлов, лейтенант флота, женатый на Варваре Анатольевне Буниной. У Ивана Александровича и Варвары Анатольевны родилось восемь детей, одним из которых был сын Александр (1814 г. р.). Именно у него в 1852 г. родилась дочь Мария, которая стала впоследствии второй женой Александра Александрович Пушкина, сына Александра Сергеевича, великого русского поэта. Таким образом, Андрей Иванович Минх породнился с родами **Буниных** и **Пушкиных**.

Дети А. И. Минха: Александр Андреевич Минх (1798 г. р.), Николай Андреевич Минх (1800), Любовь Андреевна Семенова (Минх) (1801).

2/1. **Александр Андреевич Минх** (1798, Орел — 1862 (1863), Орловская губерния). Образование получил в Московском частном благородном пансионе. На военную службу поступил 10 мая 1813 г. в Орловский кирасирский полк юнкером. В это время ему было 15 лет, шла война с Наполеоном. Служил в лейб-гвардии Уланском полку, Польском уланском полку, Екатеринославском кирасирском полку. В 1822 г. в связи с болезнью в возрасте 24 лет А. А Минх вышел в отставку в звании ротмистра[3].

После службы Александр Андреевич проживал в своем имении, занимался делами уездного дворянства. 22 марта 1838 г. в результате дворянских выборов был назначен предводителем дворянства Мценского уезда Орловской губернии. На этой должности пробыл с 1842 по 1846 г. 11 сентября 1848 г.[4] получил звание коллежского асессора. За усердную и беспорочную службу по выборам дворянства 22 сентября 1847 г. стал кавалером орденов Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени. Также в 1847 г. в ответ на прошение Николай I пожаловал роду Минхов герб[5].

Женился Александр Андреевич на Елизавете Андреевне Бодиско. Отец ее — Андрей Андреевич Бодиско — директор Московского Ассигнационного банка, коллежский асессор. Мать — баронесса Юлия-Анна-Мария (Анна Ивановна) Горгона де Сент-Поль.

К древнему европейскому роду **Бодиско** принадлежало много известных людей. Назовем лишь несколько, которые оставили заметный след в истории России.

Александр Андреевич Бодиско (1786–1854) — российский государственный деятель, дипломат, действительный статский советник, камергер, советник посольства в Швеции, в 1837–1854 гг. посланник в США.

Яков Андреевич Бодиско (1794–1876) — генерал-майор, с 1854 г. состоял при артиллерии. Участник Бородинского сражения. Участник кампаний 1813–1814 гг. В 1837 г. служил в русской дипломатической миссии в Стокгольме.

Борис Андреевич Бодиско (1800–1828) воспитывался в Морском кадетском корпусе, лейтенант гвардейского экипажа. За участие в восстании декабристов был лишен прав и разжалован в матросы.

Михаил Андреевич Бодиско (1803–1867) воспитывался в Морском кадетском корпусе (1812–1820), выпущен мичманом в 1-й флотский экипаж. Декабрист.

Константин Константинович Бодиско (1831–1902) — генерал от кавалерии, член Военного совета Российской империи. Участник Восточной (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн.

Владимир Александрович Бодиско (1820–1878) с 1858 г. был генеральным консулом России в США, участвовал в переговорах о продаже Аляски Соединенным Штатам Америки.

Дети А. А. Минха:

– Наталья Александровна Минх (1823);
– Владимир Александрович Минх (1825);
– Любовь Александровна Мацнева (Минх) (1825).

3/1. **Николай Андреевич Минх** (1800, с. Архангельское Орловской губернии — 1863, с. Колено Саратовской губернии). Получил домашнее воспитание. В 1815 г. поступил на военную службу в 58-ю легкую роту, затем в Гвардейскую артиллерийскую бригаду, в 1819 г. перевелся в Екатеринославский кирасирский полк. В 1824 г. штабс-ротмистр, в 1826 г. ротмистр, в 1829 г. вышел в отставку в чине майора и с мундиром[6].

Женился Николай Андреевич на Варваре Борисовне Бланк (1814–1892). Познакомились они в имении Бланков — в с. Елизаветино

Липецкого уезда Тамбовской губернии. Варвара Борисовна была дочерью Бориса Карловича Бланка, липецкого помещика, принадлежавшего к славному роду архитекторов **Бланков**:

Иван Яковлевич Бланк (Иоганн Фридрих) (1708–1745) — архитектор. Принимал участие в украшении Петергофа (Петродворца). И. Бланк, М. Земцов, И. Давыдов совместно создали пять фонтанов Верхнего сада, обнесли балюстрадой фонтан «Пирамида», построили служебные корпуса Монплезира, фонтан «Китовый», «Клоши», Кавалерские дома по ул. Правленской. Также по проекту Ивана Яковлевича построены Троицкая церковь в Красном Селе и Знаменская церковь в Царском Селе.

Сын Ивана Яковлевича — **Карл Иванович Бланк** (1728–1793) стал тоже известным архитектором. По его проектам построены церковь Николы в Звонарях, Голландский домик в усадьбе Воронцова, Воспитательный дом в Москве. Именно у Карла Ивановича родился Борис Бланк.

В 1840 г. Николай Андреевич приобрел имение в с. Колено Аткарского уезда Саратовской губернии, куда и перебрался с семьей в августе 1843 г. Здесь он выстроил в 1848 г. дом.

Николай Андреевич занимался делами дворянства и своим имением, исполнял обязанности уездного предводителя дворянства Аткарского уезда Саратовской губернии в период с 1850 по 1851 гг. Также Николай Андреевич создал Иоанно-Предтеченскую церковь в с. Колено, где впоследствии крестились его внуки. В XX в. она была разрушена большевиками.

Дети Н. А. Минха:

– Александр Николаевич Минх (1833);
– Петр Николаевич Минх (1834);
– Григорий Николаевич Минх (1835);
– Николай Николаевич Минх (1838);
– Анна Николаевна Подъяпольская (Минх) (1839).

4/1. **Любовь Андреевна Семенова (Минх)** (1801, с. Архангельское Орловской губернии — 1894, Санкт-Петербург). До замужества сведений о Любови Андреевне практически никаких. Она вышла замуж за Николай Николаевича Семенова (1796–1875), представителя знатного рода **Семеновых**[7]. Он был дворянином Рязанской губернии, директором Рязанской гимназии, Вятским губернатором (1851–1857).

К роду Семеновых имеет непосредственное отношение Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914) — известный путешественник, член Российского географического общества, член-эксперт редакционных комиссий в 1857–1860 гг., в эпоху освобождения крестьян России.

Дети Л. А. Семеновой (Минх):

– Мария Николаевна Семенова (1832);
– Николай Николаевич Семенов (1833);
– Любовь Николаевна Семенова (1836).

5/3. **Александр Николаевич Минх** (1833, с. Елизаветино Липецкого уезда Тамбовской губернии — 1912, с. Колено Саратовской губернии).

Кроме получения домашнего образования обучался также в Москве в частном пансионе француза Адольфа Стори. С началом Крымской кампании с согласия отца вступил юнкером в Московский драгунский полк (впоследствии — лейб-драгунский Московский Его Величества полк), где сначала был зачислен в резервный батальон в г. Чугуеве, а затем зимой был отправлен в Крым в действующую армию. Юнкером был назначен ординарцем к князю Радзивиллу, принимал участие во многих кровавых сражениях (при р. Черной, на Федюхиных высотах в Крыму и др.); за боевые заслуги произведен в офицеры (1855) и направлен в Елизаветградский полк принца Карла Баварского, где назначен ординарцем к графу Ржевускому. По окончании войны состоял в свите императора Александра II, затем у принца Карла Баварского[8].

После реформы 1861 г. Александр Николаевич стал мировым посредником в Аткарском уезде Саратовской губернии. Служа в должности мирового посредника и по долгу службы общаясь с крестьянами, Александр Николаевич Минх в период с 1861 по 1888 гг. усиленно собирал и анализировал сведения о бытовавших в Саратовской губернии народных обычаях, суевериях, записывал народные предания, сказки, заговоры. Этот богатый материал сложился в этнографический труд «Народные обычаи, суеверия, предрассудки, поверья и обряды крестьян Саратовской губернии», который был издан Русским географическим обществом в 1890 г. За эту работу Александр Николаевич Минх был награжден большой серебряной медалью Географического общества.

В 1860–1880-е гг. в местной печати появилось множество материалов и статей А. Н. Минха по истории, этнографии, топонимии, фольклору Саратовского края. Александр Николаевич одним из первых провинциальных исследователей был избран членом Императорского археологического общества (1861) и членом Императорского Русского географического общества. В 1879–1882 гг. он вместе с А. И. Соколовым, А. И. Шахматовым — отцом знаменитого филолога и историка А. А. Шахматова, Ф. Ф. Чекалиным и другими был инициатором создания и активным членом краеведческого общества при Саратовском губернском статистическом комитете, на основе которого в 1883–1885 гг. в Саратове были созданы общества археологии, истории и этнографии. В 1886 г. Саратовская ученая архивная комиссия, в которой А. Н. Минх по праву считался одним из «столпов», избрала его почетным председателем.

Женился Александр Николаевич на Варваре Ивановне Янковской (1843–1903), дочери подполковника Ивана Андреевича Янковского, саратовского помещика. В семье случилось страшное горе: дочери Ольга, Надежда, Александра и Мария умерли в младенчестве в течение двух недель от дифтерии в с. Полчаниновка Саратовского уезда.

И только впоследствии в семье родился единственный сын — Александр Александрович Минх (1876).

6/3. **Петр Николаевич Минх** (1834, с. Грязи Липецкого уезда Тамбовской губернии — около 1911, с. Колено Саратовской губернии). Получил домашнее образование. В возрасте 16 лет (1851) вступил на военную службу унтер-офицером в Егерский генерал-адъютанта

князя Чернышева полк (впоследствии — Кабардинский пехотный полк). Полк в это время участвовал в боевых действиях по замирению горцев на Кавказе. Петр Николаевич принимал непосредственное участие в этих сражениях. 25 декабря 1854 г. произведен в прапорщики (на тот момент ему исполнилось 19 лет)[9]. После Кавказа боевой офицер был переведен в 8-й запасной батальон Литовского егерского (впоследствии — пехотного) полка (1855). По случаю расформирования резервных войск 7 мая 1855 г. поступил в действующий батальон Литовского егерского полка и прослужил в нем два года. В 1857 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам с награждением чином подпоручика.

На момент увольнения от службы ему было 23 года, то есть это был еще достаточно молодой человек, но уже с большим опытом. Он остался в Малороссии. Согласно формулярному списку, 28 декабря 1860 г. он по собственному прошению был определен чиновником особых поручений при Полтавской палате государственных имуществ с переименованием в коллежские регистраторы. Но уже в 1862 г. по личному прошению определен младшим помощником надзирателя III округа питейно-акцизных сборов Саратовской губернии; впоследствии — старший помощник (20.11.1866). В этой должности он проработал долгое время, почти до 1890-х гг. В 1863 он был произведен в чин губернского секретаря; в 1865 г. — в чин коллежского секретаря; в 1868 г. — в чин титулярного советника; в 1871 г. стал коллежским асессор.

Женился Петр Николаевич на Ольге Алексеевне Соколовой, дочери офицера Черноморского флота.

Дети П. Н. Минха:

– Петр Петрович Минх (1865);

– Алексей Петрович Минх (1866).

7/3. **Григорий Николаевич Минх** (1835, с. Грязи Липецкого уезда Тамбовской губернии — 1896, Саратов). По окончании Саратовской мужской гимназии (1853) поступил на медицинский факультет Казанского университета. Уже через год вынужден был покинуть Казань (по-видимому, в связи с участием в студенческих беспорядках) и продолжил свое медицинское образование в Московском императорском университете (1857–1861). Окончил курс с отличием, получив степень лекаря.

Григорий Николаевич выбрал путь ученого, стал выдающимся врачом. Становление Г. Н. Минха как ученого относится к середине 1860-х гг. В 1864 г. он сдал соответствующий экзамен, в 1865 г. начал работу над диссертацией в лаборатории Риндфлейша[10], в 1870 г. успешно защитил ее, получив степень доктора медицины. В 1872 г. Минх занял по конкурсу должность прозектора патологической анатомии в Одесской городской больнице. В 1874 г. для исследования влияния крови тифозного на кровь здорового впрыснул самому себе тифозную кровь, заразился в тяжкой форме, с осложнениями, и едва не умер. В 1876 г. занял должность заведующего кафедрой патологической анатомии в Киевском университете Св. Владимира, где через четыре года получил звание ординарного профессора.

Григорий Николаевич был женат на Людмиле Ильиничне Бредовой, вдове генерала Бредова. Детей у них не было.

8/3. **Николай Николаевич Минх** (1838, с. Грязи Липецкого уезда Тамбовской губернии — 1912, с. Колено Саратовской губернии). По окончании юридического факультета Санкт-Петербургского императорского университета вернулся в Саратов и 28 июня 1863 г. (в 25 лет) вступил в службу кандидатом на должность судебного следователя при Саратовской палате уголовного суда. Затем исполнял обязанности судебного следователя Аткарского уезда Саратовской губернии. С 1867 по 1878 гг. член Саратовской губернской земской управы. 1 июля 1869 г. назначен товарищем (то есть заместителем) саратовского губернского прокурора, в 1871 г. — товарищем прокурора Саратовского окружного суда. В том же году за выслугу лет произведен в чин коллежского секретаря. Впоследствии статский советник. За отличие произведен в чин действительного статского советника (январь 1900). Награжден орденом Св. Станислава 1-й степени.

Позднее, уже в возрасте 71 года, председательствовал в Саратовской ученой архивной комиссии. Член многих комиссий губернского земского собрания. Гласный Аткарского (1880), затем Сердобского (1880–1904) уездных земских собраний.

Николай Николаевич женился на Варваре Николаевне Юматовой, дочери помещика Н. С. Юматова (г. Сердобск, Саратовской губернии), землевладельца Сердобского уезда Саратовской губернии.

Дети Н. Н. Минха:

– Анна Николаевна Васильева (Минх) (1872);

– Софья Николаевна Скрипицина (Минх) (1875);

– Владимир Николаевич Минх (1878);

– Григорий Николаевич Минх (1887). Женился на Зинаиде Николаевне Кропотовой. У них родился сын —Николай Григорьевич Минх (1912–1982), впоследствии композитор, член Союза композиторов СССР.

9/3. **Анна Николаевна Подъяпольская** (1839, с. Грязи Липецкого уезда Тамбовской губернии — 1883, с. Чемизовка Аткарского уезда Саратовской губернии). Получила домашнее образование. Вышла замуж за Павла Петровича Подъяпольского. О нем можно сказать следующее: землевладелец Аткарского уезда Саратовской губернии (владелец с. Лисичкино; депутат дворянства от Аткарского уезда Саратовской губернии (1860–1864); губернский секретарь (1880, 1888); гласный Аткарского уездного земского собрания (1871, 1880, 1895); гласный Саратовского губернского земского собрания от Аткарского уезда (1880, 1882, 1884); мировой судья 2-го участка Аткарского судебного мирового округа (1880); статский советник (1908); предводитель дворянства Аткарского уезда Саратовской губернии (1882–1884, 1885–1887, 1888–1890 и 1891–1893). Попечитель Аткарской земской библиотеки (1903–1905); член Аткарского уездного училищного совета (1904–1906).

Дети А. Н. Подъяпольской (Минх):

– Елена Павловна Подъяпольская;

– Петр Павлович Подъяпольский (1863).

10/5. **Александр Александрович Минх** (1876, Саратов — 1935, г. Тулон, Франция). Получив домашнее образование, поступил в Санкт-Петербургское Николаевское инженерное училище (в 1896 — юнкер старшего класса). В Первую мировую войну был призван в действующую армию, подпоручик запаса. Имел титул надворного советника. Из должностей, которые он занимал, можно перечислить следующие: земский начальник 6-го участка Саратовского уезда; член административного присутствия Саратовского уездного съезда; гласный Саратовского уездного земского собрания от 1-го избирательного собрания (1904**)**; участковый мировой судья 2-го участка Саратовского городского округа (1907–1914); почетный мировой судья; член Саратовской городской исполнительной училищной комиссии (1914).

Революцию не принял. Был защитником Государственной думы в октябре 1917 г. Пленник «Баржи смерти» с мая по октябрь 1918 г. Участник Белого движения. Состоял в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован на о. Лемнос, где находился летом 1920 г. 16 октября 1920 г. выехал в Крым на корабле «Херсон». В Крыму был в Русской армии, затем эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». Остался в эмиграции, сначала жил в Болгарии (1922), затем во Франции.

Александр Александрович женился на Эмилии Васильевне Ганке. Детей у них не было.

11/6. **Петр Петрович Минх** (1865, с. Колено Саратовской губернии — 1912, там же). Образование получил в Саратовском Александро-Мариинском реальном училище. По его окончании поступил на службу рядовым в 158-й пехотный Кутаисский полк (1884). Уже 3 августа 1884 г. командирован в Казанское юнкерское училище, где достаточно успешно учился. В апреле 1886 г. произведен в унтер-офицеры. По окончании курса наук по II разряду 22 июля 1886 г. был произведен в подпрапорщики. В сентябре 1887 г. в возрасте 22 лет произведен в подпоручики с зачислением в запас армейской пехоты. Закончив военную службу, в 1891 г. был назначен земским начальником 9-го участка (Медведицкая, Невежкинская и Александровская волости) Аткарского уезда Саратовской губернии. Проживал в с. Александровка Александровской волости (1891–1896)[11]. В 1904 г. назначен земским начальником 8-го участка Аткарского уезда и переехал вместе с семьей в с. Колено Аткарского уезда. По данным Саратовского архива, он являлся землевладельцем Аткарского уезда Саратовской губернии (владел родовым имением в 500 десятин). Член административного присутствия Аткарского уездного съезда (1898–1904); попечитель Алексеевского начального народного училища; гласный Аткарского уездного земского собрания (1900–1904); попечитель Коленской земской больницы (1904–1906).

Петр Петрович женился на Наталье Николаевне Карповой, дочке дворянина Саратовской губернии из Аткарска.

Дети П. П. Минха:

– Александр Петрович Минх (1890);
– Владимир Петрович Минх (1892);
– Алексей Петрович Минх (1895);
– Людмила Петровна Минх (1899).

12/6. **Алексей Петрович Минх** (1866, с. Колено Саратовской губернии — 1939, Саратов). В 1885 г. окончил Саратовское реальное училище и сдал экзамен на аттестат зрелости при Саратовской классической гимназии. После этого его взял на воспитание дядя профессор Г. Н. Минх, у которого своих детей не было. Алексей переехал к нему в Киев. Здесь он окончил естественное отделение физико-математического факультета Императорского университета Св. Владимира (21.09.1890) и был отправлен за границу для усовершенствования своих знаний. В 1892 г. поступил на третий курс медицинского факультета, который окончил с отличием (18 октября 1894 удостоен степени лекаря). С 1895 г. работал земским врачом в родном с. Колено. 22 июня 1896 г. перемещен на должность врача — заведующего Аткарской городской земской больницей. В 1899 г. переехал в Петербург для работы над докторской диссертацией в Институте экспериментальной медицины под руководством профессораМ. В. Ненцкого. Выдержал установленное испытание на степень доктора медицины в Императорской военно-медицинской академии (1901. специализация — хирургия). В 1902 г. возвратился в Саратов. Был избран городской думой старшим врачом Саратовской городской больницы. Здесь он проработал до 1937 г. Надворный советник, за особые труды в период холерной эпидемии (1910) награжден орденом Св. Станислава 3-й степени[12].

Алексей Петрович был женат на Вере Александровне Эстеррейхер, двоюродной сестре композитора Сергея Рахманинова (родство с родом **Рахманиновых**).

Дети А. П. Минха:

- Николай Алексеевич Минх (1900);
- Вера Алексеевна Минх (1901);
- Александр Алексеевич Минх (1903);
- Алексей Алексеевич Минх (1904);
- Петр Алексеевич Минх (1909);
- Владимир Алексеевич Минх (1912).

13/11. **Александр Петрович Минх** (1890, с. Колено Саратовской губернии — 1937, г. Златоуст Челябинской области). Учился в Саратове в реальном училище, потом окончил четыре курса Петербургских высших сельскохозяйственных курсов. В 1910–1914 гг., будучи студентом, подрабатывал репетитором у частных лиц в Саратове и Петербурге. Во время Первой мировой войны был мобилизован (1915) рядовым в 54-й запасной полк, который находился в то время в Пензе, где и пробыл до 1916 г. 1 января 1916 г. — Москва, Александровское военное училище, юнкер. А уже 1 мая 1916 г. — Златоуст, 128-й запасный полк, адъютант полка. В мае 1917 г. Александр Минх оказался на турецком фронте в составе 17-го Туркестанского стрелкового полка в должности делопроизводителя полкового суда. Перешел на сторону большевиков. В октябре 1918 г. находился на деникинском фронте в составе 97-го Саратовского крестьянского полка в качестве адъютанта. В 1919–1920 гг. Александр Петрович Минх — начальник канцелярии, затем находился на других штабных должностях в Саратовском укрепрайоне.

После демобилизации в 1924 г. семья Минхов перебралась в Златоуст. Здесь Александр Петрович работал в различных организациях Златоустовского окрисполкома.

Женился на Марии-Марте Абрагамовне Эслингер (1896–1962), дочери потомственных немецких оружейников Златоустовской оружейной фабрики.

Дети А. П. Минха:

– Лидия Александровна Гущина (Минх) (1919);
– Вера Александровна Романова (Минх) (1922);
– Георгий Александрович Минх (1926);
– Тамара Александровна Пшакина (Минх) (1929);
– Леонора Александровна Минх (1937).

14/12. **Николай Алексеевич Минх** (1900, Саратов — 1987, Москва). Образование получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Стал профессиональным писателем, впоследствии членом Союза писателей СССР. Автор книг «На Кудеяровом пруду» (М., 1974), «Течет река Волга» (М., 1978), «Братья Феврали» (М., 1980), «Воскресенье у деда» (М., 1981), «Капитаны поперечного плавания» (М., 1989) и др. В своих произведениях воссоздал неповторимый мир Поволжья начала XX в. Особенно выделял охотников и охоту — псовую, голубиную и перепелиную (за певчими птицами).

Сведений о женитьбе Николая Алексеевича и его детях нет.

15/12. **Алексей Алексеевич Минх** (1904, с. Колено Саратовской губернии — 1984, Москва). Образование получил на медицинском факультете Саратовского университета (1927), затем в аспирантуре на кафедре экспериментальной гигиены. В 1932 г. перешел на кафедру общей гигиены 1-го Ленинградского медицинского института. В 1936 г. ему была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук. В 1937 г. Алексей Алексеевич стал доцентом кафедры общей гигиены, зарекомендовал себя опытным педагогом, пользующимся большим авторитетом у студентов. В том же году он защитил докторскую диссертацию по теме «Ионизационное состояние комнатного воздуха и его гигиеническое значение». В 1932–1936 гг. одновременно руководил гигиенической лабораторией в Институте физкультуры им. Лесгафта. В 1938 г. возглавил (пройдя по конкурсу) кафедру гигиены Ленинградского медицинского стоматологического института. В 1939 г. утвержден в ученом звании профессора.

Во время Великой Отечественной войны был привлечен к работе в качестве специалиста по диетическому питанию и пищевой санитарии в эвакогоспиталях Ленинграда. За работу в блокадном городе награжден медалью «За оборону Ленинграда». В 1942 г. направлен в Саратов в Управление эвакогоспиталей в качестве главного диетолога.

В 1946 г. начался новый период жизни А. А. Минха. Он возглавил основанную им кафедру общей гигиены Московского медицинского стоматологического института, став ее бессменным руководителем. В 1953 г. его избрали членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР, в 1969 г. — действительным членом. В 1963 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель наук РСФСР», он

занял видное место среди советских гигиенистов. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями.

Сведений о браке А. А. Минха и его детях нет.

В завершение хочется сказать, что здесь представлена лишь краткая информация об основных представителях рода Минхов. Основная работа вылилась в итоге в книгу по истории рода, которая в настоящее время находится в стадии подготовки к изданию.

Примечания

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 4181. Л. 60 — 61 об.
[2] Там же. Л. 57.
[3] Там же. Л. 76 — 78 об.
[4] Там же. Л. 130–131.
[5] Там же. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 74. Л. 276.
[6] Там же. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 4181. Л. 95 — 97 об.
[7] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары : в 5 т. Т. 1: Детство и юность. 1827–1855 гг. М., 2019. С. 47.
[8] *Коновалов Ф. П.* Александр Николаевич Минх (1833–1912) : некролог. С портретом и списком трудов А. Н. Минх // Живая старина. 1913. № 1–2. С. 203. URL: https://www.booksite.ru.
[9] ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1831. Л. 2 — 4 об.
[10] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 427. URL: http://enc.biblioclub.ru.
[11] ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1831. Л. 48 — 53 об.
[12] Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 год. Саратов, 1910. С. 136. URL: http://elibrary.sgu.ru.

М. В. Тропина

Тобольская семья Красновских на рубеже XIX–XX веков по документам Государственного архива в г. Тобольске

В последние десятилетия исследование родословных приобрело широкую популярность среди самых различных слоев общества. Процесс этот сложный, трудоемкий и растянуться может на годы. Не так давно заинтересовался поисками сведений о своих предках и житель Екатеринбурга, обратившийся к нам с запросом. Поисковые данные состояли из фамилии, имени и отчества прадеда — Николай Александрович Красновский — и воспоминаний, записанных заявителем со слов его бабушки Евфалии Николаевны.

Сведения о семье Красновских были выявлены в переписных листах первой Всеобщей переписи населения 1897 г. по Тобольску. От этого источника и начался поиск.

Семья тобольского мещанина Александра Фадеевича Красновского проживала в собственном доме по ул. Большой Пятницкой. Сам хозяин, 56 лет, уроженец Тобольского уезда, грамотный, занимался

рыбопромышленностью. Жена его, Анна Андреевна, 57 лет, также родом из Тобольского уезда, вела домашнее хозяйство. Сын Николай, 33 лет, окончивший уездное училище, вместе с отцом занимался рыбным промыслом. У Николая Александровича была семья: жена Екатерина Павловна, 26 лет; дети: Василий 8 лет, Зоя 5 лет и Семен 10 месяцев. Кроме сына Николая в доме Александра Фадеевича проживали три дочери: Мария 18 лет, Александра 14 лет и Феофила 10 лет. Девочки были грамотными, Александра обучалась в Тобольской Мариинской школе. В семье «при брате» также жила сестра Ольга Ивановна Туркова, вдова 70 лет, занимавшаяся торговлей на толкучем рынке. На момент переписи в доме гостила дворянка Александра Андреевна Бирюкова, 52 лет, из Санкт-Петербурга, замужняя. С хозяевами жили также кухарка Пелагея Марковна Жернакова, 25 лет, и кучер Алексей Игнатьевич Долгушин, 15 лет, оба уроженцы Дубровной волости Тобольского уезда[1].

Отметим, что фамилия Красновский в архивных документах интерпретируется по-разному: Красновский, Крестновский, Кресновский. Откуда же появились в Тобольске Кресновские — Красновские? В первую очередь были просмотрены метрические книги церквей Тобольска и уезда. Кресновские жили в приходе Тобольской Крестовоздвиженской (Покровской) церкви. В этой части города селились тобольские купцы, промышленники, пароходовладельцы и просто богатые и предприимчивые люди[2]. Из всех детей Александра Фадеевича и Анны Андреевны в Тобольске, как указано в переписном листе, были рождены только Мария и Феофила, остальные — в Тобольском уезде. В метрической книге была выявлена лишь запись о рождении в 1886 г. Феофилы Красновской[3]. Среди предбрачных документов Крестовоздвиженской церкви за 1890 г. было выявлено свидетельство Тобольской духовной консистории о том, что «по метрикам село Дубровинской Троицкой церкви на 1868 год под № 37 значится Ольга, родилась 9, крещена 13 июля. Родители: г. Тобольска мещанин Александр Фадеев Крестновский и жена его Анна Андреева. Восприемники: села Дубровного священник Василий Алексеев Зиновьев и села Березовского священническая дочь Варвара Андреева Лепехина»[4]. Таким образом, мы узнали, что у Кресновских была еще и старшая дочь, Ольга, в 1890 г. вышедшая замуж за тобольского купеческого сына Ивана Ефимовича Панфилова[5].

В ревизских сказках 1858 г. о купцах и мещанах Тобольска сведений о Красновских не было выявлено. В материалах этой же 10-й ревизии в семье мещанина Петра Туркова у сына его Игнатия Петровича значится вторая жена — Ольга Ивановна, 27 лет[6]. Та самая, указанная в переписном листе семьи Красновских за 1897 г. как «сестра». В метрической книге Тобольской Богоявленской (Богородицкой) церкви за 1848 г. имеется запись о браке «тобольского мещанина Игнатия Петрова Туркова 41 года вторым браком и Тобольской гимназии умершего учителя Ивана Феодорова Шалаева дочери, девицы Ольги 21 года»[7]. Какая же родственная связь могла быть между Александром Фадеевичем Красновским и Ольгой Ивановной Турковой (Шалаевой)? Поиски по исповедным росписям Тобольской Богоявленской церкви, которую посещали служащие Тобольской мужской гимназии и

Крестовоздвиженской церкви и в приходе которой жили Красновские и Турковы, положительного результата не дали. Поскольку в документах о Красновских часто упоминаются Дубровная, Бегишевская, Карачинская (Худяковская) волости Тобольского уезда, были просмотрены материалы 10-й ревизии и по указанным волостям. Сведений о Красновских выявлено не было и в них.

По данным первой Всероссийской переписи населения (1897), рыбным промыслом занимались 60,5 % жителей Березовского и 82,5 % жителей Сургутского уездов Тобольской губернии, а также значительная часть русского населения волостей Тобольского уезда. Тобольск служил пунктом сбора на промысел крестьян в основном из Тобольской и Пермской губерний. Для рыболовного промысла на крупных стрежевых песках, расположенных в низовьях Оби и Иртыша, были оборудованы постоянно действующие промысловые заведения, каждое из которых включало засольню, складские и жилые помещения, пекарню, баню, вешала для сушилки и ремонта неводов. Управляли промыслами доверенные лица владельцев — приказчики. Наемные ловцы трудились на путине по пять-шесть месяцев в году, выполняя самую низкооплачиваемую работу[8]. В низовьях Оби кроме «мастодонтов» рыболовного промысла — купцов Плотникова, Корнилова, Рымарева, Бронникова, Попова, Туркова, купчихи Котовщиковой — рыбопромышленными песками владели торгующие мещане Толстых, Фофановы, Чикирдин, крестьяне Башмаков, Шеймин, Питухин и др. Сведения о занятии отца и сына Красновских (Кресновских) рыбным промыслом появляются в документах с середины 1890-х гг.

За рыбопромысловыми заведениями губернской врачебной управой осуществлялся строгий санитарный надзор, в рейды с проверкой выезжал врачебный инспектор, общение с владельцами «рыболовных песков» велось через окружного исправника. В фонде Тобольского окружного полицейского управления в деле «Об устройстве санитарной части на рыболовных песках и о взыскании с рыбопромышленников сбора за 1895 год» в ведомости значится Николай Кресновский, с которого было взыскано за первую треть 1895 г. 15 руб., в другой ведомости, от 25 августа 1895 г., указаны Николай Кресновский и его отец Александр Кресновский[9]. В апреле 1895 г. рыбопромышленники дают тобольскому окружному исправнику отзыв о содержании рабочих и санитарном состоянии рыболовных песков. Рыбопромышленник Николай Александрович Кресновский сообщает, что «он вместе с отцом его Александром Кресновским будут промышлять рыбу в начале лета на Байгаринском, Кобякском, и, быть может, еще на Истезерьском (Экстезерьском. — *М. Т.*) песке», и предполагает, что у них «будут работать до 40 человек рабочих, хотя сейчас не может определить точного числа рабочих и по расчету этого числа рабочих представит 40 рублей, что, вместе с уплаченными в январскую треть 30 рублями, составит 70 рублей. Остальные 30 руб. обязуется внести осенью». В этом же деле содержится сообщение Тобольской врачебной управы тобольскому окружному исправнику от 8 мая 1895 г.: «По объезде врачом Дашевским рыболовных песков, расположенных по р. Тоболу оказалось, что <...> на Шишкинской статье на правом берегу Тобола в трех верстах от с. Шишкина находятся рыболовные пески,

арендуемые Тобольским мещанином Николаем Александровичем Кресновским и Василием Васильевым Кончиным, где находятся у первого приказчик, стряпка и 22 неводчика и у второго 14 рабочих <...> в трех верстах от Шишкинской статьи и в пяти верстах от Тобольска — Кутумовский песок того же Николая Кресновского, где 16 неводчиков и 11 человек татар, всего же рабочих 27 человек <...> Вследствие этого врачебная управа просит Вас немедленно командировать одного из земских заседателей, находящихся в г. Тобольске для взыскания с указанных лиц $^{2}/_{3}$ платы за 1895 год, а именно с Николая Кресновского за песок Шишкинский за 24 человека 40 рублей, за песок Кутумовский за 27 человек 45 рублей <...> Деньги эти прислать инспектору Тобольской врачебной управы. Причем объявить означенным рыбопромышленникам, что больных своих рабочих они должны посылать на излечение в Тобольскую городскую больницу, деньги же за лечение их будет уплачивать Тобольская врачебная управа». В сообщении от 7 июня 1895 г. окружной исправник уведомляет Тобольскую врачебную управу, что деньги рыбопромышленником Кресновским были уплачены за Шишкинский, Кутумовский пески и содержание 60 рабочих и приказчика[10].

В газете «Тобольские губернские ведомости» 1897 г. в «Отчете о приходе и расходе сумм, собранных с рыбопромышленников на организацию врачебной и санитарной частей в 1894–1896 годах» упоминаются владельцы рыболовных песков Александр, Николай и Екатерина Кресновские[11].

В числе других рыбопромышленников при содействии поверенного С. Л. Вилькошевского в октябре 1902 г. отец и сын Кресновские ходатайствовали перед тобольским губернатором о продаже шхуны, приобретенной на собранные с промысловиков средства без их согласия. Шхуна оказалась «совершенно непригодна для рейсирования по рекам Западной Сибири». Рыбопромышленники просили губернатора продать шхуну с аукциона и «вырученные деньги распределить по больницам: в с. Самаровское, г. Березов и с. Обдорск, с тем чтобы рабочие всех рыбопромышленников в течение летнего времени пользовались бесплатным лечением и содержанием»[12].

Семейная жизнь Николая Красновского не была гладкой, о чем свидетельствует «Дело о расторжении брака Николая Александровича Кресновского с женой по ее прелюбодеянию», хранящееся в фонде Тобольской духовной консистории. В феврале 1908 г. в консисторию обратился тобольский мещанин Н. А. Кресновский с прошением в котором обвинял свою жену Екатерину Павловну в прелюбодейной связи с фельдшером Андреем Николаевичем Ивановым и прижитии с ним дочери Софии. Просил брак свой расторгнуть и разрешить ему вступить в новый брак. В свою очередь супруга его, Е. П. Кресновская, сообщила, что ее муж незаконно сожительствует с крестьянкой М. Н. Ивановой. Красновский виновным себя в нарушении супружеской верности не признавал. Жена же его подтвердила, что действительно состояла в прелюбодейной связи с неким фельдшером Ивановым и вне брака прижила дочь, и сообщила, что муж ее тоже имеет нескольких детей, прижитых вне брака от М. Н. Ивановой. Екатерина Павловна подала об этом в консисторию отдельное про-

шение, предъявив встречный иск к своему мужу «в прелюбодеянии с Ивановой и прижитии с ней детей». Затем были опрошены свидетели, подтвердившие что Е. П. Красновская и А. Н. Иванов «жили как муж и жена». Супруги же Красновские прекратили совместную жизнь уже давно. Многочисленные опрошенные по делу свидетели подтвердили, что Николай Красновский живет в одном доме с Марией Ивановой, «взаимные их отношения те же, что и с женой, и дети называют его папой, а сами они называют друг друга мужем и женой». Священник с. Бегишевского о. Алексей Александровский дал о Н. А. Красновском положительный отзыв, говорил что «очевидцем прелюбодеяния его с кем-либо, а тем более с Марией Ивановой, не был, с кем прижиты дети Ивановой, объявить не имеет права, так как является ее духовником». Опрошенная без присяги Мария Иванова показала, что «в прелюбодеянной связи с Кресновским не состояла и не состоит, имеющиеся у нее дети, пять человек, прижиты ею не от Кресновского, а от другого лица, которого сказать не желает, виновною себя в прелюбодеянной связи с Красновским не признает. Прикосновенное по делу лицо по иску Красновского — фельдшер Иванов — по делу опрошен не был «за неразысканием оного». В метрической выписке из книги о родившихся Тобольской Крестовоздвиженской церкви значится рожденная 19 сентября и крещенная 30 сентября 1906 г. новорожденная София, родителями которой являются Николай и Екатерина Кресновские.

В дальнейшем течении дела Николай Александрович Красновский настойчиво просит Тобольскую духовную консисторию расторгнуть его брак с Екатериной Павловной, привлекая свидетелей, которые могут подтвердить факт неверности его супруги. Супруга же пишет в духовную консисторию отзыв «на увещание священника Тобольской Крестовоздвиженской церкви о. Петра Паникаровского прекратить супружеское несогласие». Сообщает, что муж «обращается с ней жестоко, ведет себя распутно и держит в доме своем в г. Тобольске наложницу — мещанскую девицу Марию Николаевну Иванову». Священник Бегишевской церкви Тобольского уезда о. Иоанн Купцов в апреле 1908 г. представляет в консисторию отзыв от Н. А. Красновского после «производства увещаний, чтобы Красновский прекратил супружеское несогласие с женою христианским примирением и оставался в брачном союзе».

После многочисленных заседаний по бракоразводному делу супругов Красновских в августе 1909 г. Тобольской духовной консисторией была вынесена резолюция: ходатайство тобольского мещанина Н. А. Красновского о расторжении брака отклонить, супругам Красновским назначить епитимию сроком на семь лет, а Марии Ивановой — на четыре года. Имена и возраст детей Марии Николаевны Ивановой в данном деле не упоминаются[13].

Среди детей М. Н. Ивановой была бабушка нашего заявителя, Евфалия, 1904 г. р. В метрических книгах церквей Тобольска и уезда новорожденной по имени Евфалия, матерью которой является крестьянская девица Мария Иванова, не выявлено. Наш заявитель высказал предположение, что дети Ивановой могли быть записаны в римско-католическом костеле (по воспоминаниям его бабушки,

крестил их ксендз). Но и в метрических книгах Тобольского римско-католического костела сведения о крещении детей Марии Николаевны Ивановой выявлены не были.

В фонде Тобольского окружного суда содержится «Дело об утверждении к исполнению духовного завещания тобольского мещанина Н. А. Красновского» (1911–1912). В ходатайстве своем окружному суду крестьянская дочь, девица дер. Кулиги Карачинской волости Тобольского уезда Мария Николаевна Иванова, проживающая в Тобольске по ул. Кузнечной, 18, в собственном доме, просит утвердить духовное завещание тобольского мещанина Н. А. Красновского. В деле имеется выписка из метрической книги Тобольской Крестовоздвиженской церкви о смерти 13 февраля 1911 г. тобольского мещанина Николая Александровича Красновского в возрасте 48 лет от порока сердца. Согласно завещанию, Н. А. Красновским было оставлено недвижимое имущество — деревянный дом, амбар, завозня и скотный двор, — находящиеся в с. Бегишевском Бегишевской волости Тобольского уезда, выстроенное завещателем на крестьянской усадьбе и оцененное в 500 руб. Движимого имущества — капиталов в наличных деньгах, государственных процентных бумагах, акциях и т. д. — завещатель не оставил. Из движимого имущества были оставлены только молочно-бакалейные товары и ржаная мука в с. Бегишевском на общую сумму 600 руб. Также завещатель оставил после себя рыболовную промышленность, в с. Бегишевском — домашней обстановки и скота на сумму 400 руб. По векселю тобольскому купцу И. Желтовскому был уплачен долг 700 руб.

По духовному завещанию тобольского мещанина Н. А. Кресновского, составленному 8 ноября 1908 г. в нотариальной конторе тобольского нотариуса Ф. К. Гергардта, все недвижимое имущество (дом со службами и лавкой в с. Бегишевском и всем находящимся в ней товаром, а также вся квартирная обстановка) было завещано в собственность крестьянской девице дер. Кулиги Карачинской волости М. Н. Ивановой, а все свои рыболовные пески, арендованные озера и рыболовные принадлежности Красновский завещал «сыну своему, Василию Николаевичу Кресновскому, которому поступает еще в собственность хозяйственный инвентарь, а также телеги, сани, одежда мужская». Капиталы, если таковые останутся, должны были быть поделены между Ивановой и сыном. В данном деле имеется свидетельство о том, что крестьянин с. Бегишева Бегишевской волости Василий Николаевич Красновский отказывается от части, завещанной ему отцом, Н. А. Красновским, в настоящем духовном завещании, «в пользу матери побочных детей моего отца девицы дер. Кулиги Карачинской волости Марии Николаевны Ивановой. Отказываюсь я на основании того, что получил уже при жизни моего отца в 1909 году в декабре месяце». В деле есть также примечание, что наследственной пошлины на переход имущества к М. Н. Ивановой взыскано не было, так как завещанное имущество по своей стоимости составило менее тысячи рублей[14].

В фонде Тобольского сыскного отделения в списке домовладельцев Тобольска за 1911 г. по ул. Кузнечной, 18, значится Мария Николаевна Иванова[15]. Кузнечная улица находилась в приходе Тобольской

Богоявленской (Богородицкой) церкви. В исповедных росписях за 1911–1918 гг. появляются сведения о М. Н. Ивановой и ее детях. Так, в росписи за 1911 г. указаны: Мария Николаевна Иванова, крестьянская девица, 33 года. Ее дети (внебрачные): Галина 10 лет, Валентина 9 лет, Евфалия 7 лет, Александр 6 лет, Нина 1 года. В исповедной росписи за 1913 г. указан сын Лев, родившийся 16 июля[16]. Запись о крещении 27 июля 1913 г. Льва, сына крестьянской девицы дер. Кулиги Марии Николаевны Ивановой, выявлена в метрической книге Богоявленской церкви. Сведений об отце ребенка в записи нет, а восприемниками значатся канцелярский служащий Тобольской казенной палаты Михаил Хрисанфович Колесов и учительница Романовского сельского училища Анна Николаевна Алексеева[17]. В книге описаний земельных владений частных лиц Тобольска за 1924 г. фонда коммунального отдела Тобольского окрисполкома указано, что двухэтажный дом со службами по ул. Кузнечной, 18, принадлежит А. С. Злобину и приобретен им у М. Н. Ивановой в 1922 г.[18] Так как нотариальных документов 1910-х — начала 1920-х гг. не сохранилось, узнать, как достался дом Марии Николаевне не удалось. Остается только предполагать, что, получив после смерти Николая Александровича Красновского наследство, Мария Николаевна купила дом или же он был приобретен Красновским для своей второй семьи еще при жизни.

О старшем сыне Николая Александровича, Василии Николаевиче Красновском, известно, что родился он в январе 1889 г. В документах фонда Тобольского уездного по воинской повинности присутствия, в «Деле о внесении рыбопромышленных предприятий тобольских купцов Фришмана, Красновского, Власова в список предприятий, работающих на оборону государства, и о предоставлении отсрочки работникам этого предприятия» (1916–1917), сообщается, что предприятие существовало с 24 марта 1916 г., и Василий Красновский, белобилетник, призыва 1910 г., состоял в должности заведующего, «башлыка». Крестьянину Бегишевской волости Василию Николаевичу Красновскому, владельцу рыболовных песков Карачинских в дер. Бича Загваздинской волости Тобольского уезда, было отказано в предоставлении отсрочки от воинской службы в 1916 г.[19] Также в документах фонда народного суда Дубровного района Уральской области было выявлено «Дело по иску Красновского Василия Николаевича к Красновской Мавры Федоровны о расторжении брака» (1925). Указано, что брак был заключен в 1912 г., супруги не проживают вместе с 1913 г., совместных детей нет. Иск был удовлетворен. В деле есть сведения, что В. Н. Красновский проживал в дер. Фотеевой Сосновского сельского совета Дубровного района[20]. Запись о вступлении во второй брак 22-летнего Василия Красновского с крестьянской девицей с. Березовского Дубровной волости Марфой Фоминой в июле 1912 г. действительно есть в метрической книге Тобольской Крестовоздвиженской (Покровской) церкви[21]. Сведений о том, почему Василий женился снова и что случилось с его первой женой, по метрическим книгам установить не удалось. Книги брачных обысков Тобольской Покровской, Дубровинской Троицкой, Бегишевской Крестовоздвиженской церквей за нужные нам годы не сохранились. В документах Фатеевского сельского совета Дубровного района Омской области в подворных

списках за 1926 г. по юртам Баишевским указан домохозяин Василий Николаевич Красновский, 37 лет. В составе его семьи: жена, Татьяна Кон. (Константиновна или Кондратьевна?), 30 лет, свояченица Мария, 36 лет. Дети: Николай 8 лет, Нина 5 лет, Тамара 2 лет. Фамилии домочадцев не указаны. Приписано лишь: «...земельного надела не имеет»[22]. Далее следы Василия Красновского и его семьи теряются. А Мавра Красновская до глубокой старости прожила одна в собственном домике в одном из старинных тобольских переулков.

Необычайно сложный, яркий, многогранный жизненный и педагогический путь прошла родная сестра Николая Александровича, Александра Александровна Красновская — известный в Тобольском районе и за его пределами учитель. На ее долю выпало много испытаний: революция, Гражданская война, строительство колхозной жизни, Великая Отечественная война. В фонде Тобольской Мариинской женской школы содержится прошение мещанина Александра Кресновского от 14 марта 1891 г.: «Покорнейше прошу принять дочь мою, Александру, в 1-е отделение Мариинской школы». К заявлению приложено свидетельство доктора Афонского о наличии у девятилетней Александры Кресновской прививки от оспы[23]. В приходных документах Тобольской Мариинской женской школы также упоминается о внесении платы за право Александры Кресновской обучаться в первой половине 1895 г. В постановлении педагогической конференции Мариинской школы от 23 декабря 1896 г. отмечено: «Удостоить аттестата воспитанницу Кресновскую Александру»[24]. В документах фонда Тобольского губернского управления в «Деле о назначении в Филинское сельское училище Тобольского округа учительницей Александры Красновской, дочери мещанина» сообщается о том, что А. А. Красновская, окончившая курс Тобольской Мариинской женской гимназии, прослужила учительницей в с. Филинском с 1898 по 1900 гг. и уволена была по собственному прошению в связи с «дальностью расстояния»[25]. Сведения о пребывании у исповеди учительницы церковно-приходской школы Александры Александровны Крестновской 20 лет есть в росписи Тобольской Крестовоздвиженской церкви за 1899 г. В 1901 г. Александра Александровна была переведена в Березовскую церковно-приходскую школу Дубровинской волости Тобольского уезда, в 1918 г. ставшую школой первой ступени, затем начальной опытно-показательной.

После установления советской власти Красновская принимает активное участие в перестройке крестьянского быта и жизниё вместе с учениками организовав культурно-просветительский кружок. В 1922 г. при ее участии была организована сельскохозяйственная коммуна «Искра», члены которой в 1929 г. перешли на устав сельскохозяйственной артели и вступили в колхоз. В 1939 г. односельчане избрали ее депутатом Омского областного Совета депутатов трудящихся. В том же году Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся успехи в деле школьного обучения и советского воспитания детей в сельских школах А. А. Красновская была награждена орденом Ленина. Для получения награды сельская учительница была приглашена в Москву. По воспоминаниям учеников, когда Красновская возвращалась с орденом из Москвы домой, ее встречали на пристани жители с. Березовского и ближайших деревень. От пристани до школы дорога,

по которой шла Александра Александровна, была устлана тканными дорожками и усыпана цветами — так выражали сельчане свою любовь и признание заслуженной учительнице.

В годы Великой Отечественной войны Александра Александровна продолжала работу в школе. В новогодней газете «Сталинец» за 1942 г. Красновская пишет: «Несмотря на преклонный возраст — мне 60 лет, я в грозные годы войны твердо решила работать не жалея сил, не покладая рук. Обязуюсь в 1942 году дать стопроцентную успеваемость. А что я дала для фронта? Я передала 2380 рублей облигаций государственного займа, ежемесячно отчисляю двухдневный заработок, на 100 рублей приобрела билетов денежно-вещевой лотереи, при сборе теплых вещей сдала бойцам десять различных предметов и семь новогодних подарков». За самоотверженный бескорыстный труд и беззаветное служение своему народу сельская учительница из рода Красновских была награждена медалями, двумя орденами Ленина, удостоена почетного звания «Заслуженный учитель РСФСР». Ушла из жизни Александра Александровна в 1965 г.

В фонде Дубровинского районо в отчетах об учебно-воспитательной работе школ района за 1947 г. приводятся примеры из опыта многолетней работы учителя-орденоносца Березовской начальной школы А. А. Красновской: «Излагай свой предмет увлекательно. Сделай его живым, интересным. Учи детей правильно произносить выученное. Люби ученика и он будет любить тебя. Помни, что учитель для учеников, а не наоборот». Александра Александровна, сообщается в отчете инспектора районо, обращает внимание прежде всего на безусловную грамотность лично своей устной и письменной речи: «Когда я сомневаюсь в том, как правильно написать то или иное слово или какой поставить знак препинания, то перерою все словари и справочники, а все же добьюсь того, что искала. Писать и говорить безграмотно я считаю позором»[26].

В похозяйственных книгах Березовского сельского совета Вагайского района за 1950-е гг. указано, что Александра Александровна Красновская жила в с. Березовском с 1897 г. вдвоем со старшей сестрой Марией Александровной, которая вела домашнее хозяйство. Дом, в котором проживали сестры, был дореволюционной постройки[27]. Проанализировав все документы, мы предполагаем, что корни Красновских происходят все-таки из южной части Тобольского уезда — Бегишевской или Дубровной волостей.

За каждым листом архивного документа стоит судьба представителей традиционной большой семьи, становление которой происходило на рубеже столетий. Семьи, история которой корнями вплетена в историю края и государства. Люди своего времени, они трудились во благо своих детей и Родины, строили семейный быт и разрушали его, любили и расставались... В истории тобольской семьи Красновских еще достаточно белых пятен, которые предстоит закрыть.

Примечания

[1] Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 3. Л. 94 — 96 об.

[2] Нельзя не влюбиться в нашу старину! По Тобольску с Галиной Кондаковой. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2015. 215 с. ; Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 7904. Л. 13.
[3] Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 689. Л. 324 об. — 325.
[4] Там же. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 44. Л. 209.
[5] Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 701. Л. 259 об. — 260.
[6] Там же. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 783. Л. 273 об. — 274.
[7] Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 479. Л. 94 об. — 95.
[8] *Прибыльский Ю. П.* Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. Тобольская биологическая станция РАН. М. : Наука, 2008. 235 с. ; Государственный архив в г. Тобольске. СИФ. Оп. 1. Д. 7160. Л. 27, 29.
[9] Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-656. Оп. 1. Д. 541. Л. 53 об. — 54.
[10] Там же. Ф. И-656. Оп. 1. Д. 541. Л. 65 — 66 об.
[11] Там же. Ф. И-152. Оп. 43. Д. 58. Л. 8 об.
[12] Там же. Л. 20, 23 об.
[13] Там же. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 463.
[14] Там же. Ф. И-158. Оп. 2. Д. 2490.
[15] Там же. Ф. И-202. Оп. 2. Д. 4. Л. 10.
[16] Там же. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.
[17] Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 765. Л. 280 об. — 281.
[18] Там же. Ф. Р-525. Оп. 1. Д. 61. Л. 116.
[19] Там же. Ф. И-455. Оп. 1. Д. 90.
[20] Там же. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 47.
[21] Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 763. Л. 453 об. — 454.
[22] Там же. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 об. — 85.
[23] Там же. Ф. И-165. Оп. 1. Д. 86. Л. 2–3.
[24] Там же. Д. 88. Л. 83.
[25] Там же. Ф. И-152. Оп. 48. Д. 130.
[26] Там же. Ф. Р-1190. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.
[27] Там же. Ф. Р-924. Оп. 2. Д. 61. Л. 52 об. — 54.

В. А. Черных

Семья революционеров Мрачковских из Верхнего Уфалея

Отец семейства Виталий Яковлевич Мрачковский — один из старейших революционеров России, большевик с 1905 г., член Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП (1906–1907), Совета рабочих депутатов Уфалея с августа 1917 г., секретарь волкома партии (1917), участник Гражданской войны. Его сыновья: Сергей (легендарный военачальник в период Гражданской войны, командующий Приуральским, Приволжским, Западно-Сибирским военными округами, 5-й армией); Леонид (участник Октябрьской революции и Гражданской войны); Николай (участник Гражданской войны, первый почетный гражданин Челябинска (1932), бывший директор завода им. Колющенко, Саратовского завода щелочных аккумуляторов).

История семьи Мрачковских была полностью вычеркнута из истории страны. Изредка и очень робко появлялись в печати отдельные сведения о ней. Но за несколько лет нам удалось разыскать и восстановить биографию этой большой и дружной семьи. Помогали в поиске сотрудники архивов, музеев бывшего Советского Союза, люди, заинтересованные в раскрытии белых пятен истории. Валерий Алексеевич Федорук-Мрачковский, внук Виталия Яковлевича, чудом найденный с помощью людей из Челябинска, Киева, Чернигова, Полтавы, Омска, Москвы, прислал биографию деда, написанную его теткой Марией Витальевной Мрачковской-Бобылевой.

Из этой биографии, документов из украинских архивов явствует, что Виталий (Витольд) Яковлевич родился в 1855 г. в Каменец-Подольске в семье обедневшего дворянина поляка Якова Иосифовича Мрачковского. Отец его работал агрономом в одном из имений богатого польского помещика. В семье было пятеро детей, воспитанием которых занималась сестра отца: родная их мать умерла в 28 лет. Старший брат Виталия Яковлевича, преследуемый правительством «по поводу польского восстания», был вынужден бежать в Турцию и в Россию больше не вернулся. Самый младший в семье умер от туберкулеза. Когда дети подросли, отец отдал их для обучения ремеслу в Одессу.

Пятнадцатилетним подростком попал Виталий на обучение в частную механическую мастерскую Реклицкого (по контракту, через цеховую управу). Изучив слесарно-кузнечное дело, он поступил на крупную механическую фабрику Гулье Бланшарда, а оттуда — на железную дорогу. Именно там стал он членом Южнороссийского союза рабочих[1] — первой рабочей организации России. В 1923 г. на вопрос корреспондента омской газеты «Рабочий путь», как он оказался в союзе, Виталий Яковлевич ответил: «...до 15 лет я учился грамоте, пристрастился к книжкам. Ну, конечно, во время пребывания у Реклицкого не до книжек было, а как сделался самостоятельным, на железной дороге, вновь воскресла эта тяга к чтению. Было нас несколько таких на железной дороге. Через них я узнал и вошел в тайное общество» (которое действовало до середины января 1876 г.[2]). Но нашелся предатель. К середине января 1876 г. был арестован основной состав союза. До суда Виталий Яковлевич и его товарищи сидели в сыром, без окон, холодном подвале киевской гостиницы[3], куда их определили за неимением более подходящего места. Когда их вывели через семь месяцев на свет, одежда на них почти вся истлела, а «глаза долго не могли привыкнуть к свету»[4].

Только теперь заключенным удалось установить связь друг с другом. Выяснилось, что арестовано было большинство членов союза. Во время следствия, рассказывал Виталий Яковлевич, они никаких показаний не давали из опасения предать оставшихся на свободе. «Связавшись с волей, получили оттуда предложение — для ускорения нашего процесса и освобождения некоторых из арестованных дать безобидные показания... Многих после этого из-под ареста освободили». Но группу из 15 человек, куда входил и Витольд Мрачковский, препроводили из одесского тюремного замка в Санкт-Петербург, в дом предварительного заключения[5].

Дело о Южнороссийском союзе рабочих рассматривал суд Особого присутствия Правительствующего сената, продолжавшийся

с 23 по 27 мая 1877 г. Руководитель союза дворянин Е. О. Заславский был приговорен к десяти годам каторги; члены союза Я. Рыбицкий, Ф. Кравченко — к пяти годам каторги с лишением всех прав состояния; С. Наумов, Силенко, Ляхович, В. Мрачковский и М. Сквери — к поселению в Сибирь с лишением всех прав состояния. «Процесс продолжался около недели, — рассказывал Мрачковский. — Интересовался им Тургенев, раза два был, уж почему интересовался — не знаю»[6].

Осужденных содержали в Петропавловской крепости. «Вначале начальник тюрьмы Федотов, человек мягкий, смотрел на политических сквозь пальцы, но после него стал начальником Курнеев, который установил жестокий режим. Мы решили протестовать против жестокостей (все сидели в одиночках). В часы прогулок... на плац выбиралась сначала одна группа заключенных, потом — другая, в которой были участник казанской демонстрации Боголюбов (А. Емельянов), писатель Коровин-Петропавловский, Каднан, Иванов по процессу "пятидесяти", Алексеев, Скворцов и я. Однажды мы нарвались на приехавшего в тюрьму генерала Трепова. Боголюбов сделал замечание в ответ на грубость охранника, тот сбил с арестованного шапку, за что мы забросали их чем могли... Всех нас связали и отправили в карцер, а часа через два Курнеев объявил приказ Трепова — выпороть Боголюбова. Все мы слышали его крики в ту ночь во время экзекуции...»[7]

Тюрьма гудела. Заключенные били в стены, двери чем могли. К крепости вызвали войска. «Рассказываю это потому, — говорил дочери В. Я. Мрачковский, — что сам был свидетелем и участником этого случая, который вызвал выстрел Веры Засулич в Трепова[8]. Вскоре после бунта всех нас перевели в Литовский замок, а потом подготовили к отправке в Москву, оттуда — в Нижний Новгород и... на тройке с двумя жандармами из губернии в губернию — в Тобольск», куда и «следовал со строгим караулом, с выбритою правою стороною головы, в ножных кандалах и в сопровождении двух жандармов».

После тяжелой дороги Виталий Яковлевич заболел, и его поместили для поправки здоровья в Тобольскую тюрьму, а после выздоровления вновь отправили в кандалах в Сургут, куда он и был «водворен» 25 сентября 1877 г.[9]

В ссылке Мрачковский трудился у местного торговца молотобойцем-кузнецом. С товарищами по союзу работали коммуной в слесарной мастерской. И жили коммуной, помогая друг другу чем могли.

В 1881 г. женился на дочери местного кузнеца — матроса из Кронштадта, сосланного в Сургут за бунт. В октябре 1882 г. в семье родился первенец Леонид, через год — еще один сын, Андрей. В июне 1883 г. Виталий Яковлевич ходатайствовал об облегчении жизни ему и его семье, просил снять с него надзор. Отказали.

Положение ссыльнопоселенцев было нелегким: постоянные издевательства начальства, бесконечные придирки. В коммуне решили протестовать. Толчком послужила смерть в 1887 г. одного из ссыльных — больного капитана-артиллериста Иванова. Товарищи ходатайствовали перед губернатором о разрешении больному жить в Тобольске, но получили отказ. Иванов умер. Протест 25 ссыльных выразился в том, что они стали отлучаться из селения, не допускали к квартирам контролирующих их полицейских, к тому же устроили побег ссыльным

Лебедеву и Лазаревичу, у которых еще «сохранилась связь с революционными кружками», Власти встревожились. В Сургут для усмирения был прислан отряд полицейских[10].

Под новый 1888 г., когда все ссыльные собрались вместе, в дом вломился исправник, сорвал маску с жены одного из них и ударил ее. Виталий Яковлевич не сдержался, сломал шашку исправника, и собравшиеся все вместе вытолкали представителя власти из дома. В результате все участники организации побега и «новогоднего приключения» были арестованы и разосланы по разным улусам в округе. Часть ссыльных была направлена в Восточную Сибирь. «Губернатор, — рассказывал В. Я. Мрачковский, — оказался несколько сентиментальным человеком: оставил по улусам возле Сургута несколько семейных — до навигации. А весной, с первыми пароходами их развезли по "местам". Виталий Яковлевич с женой, ожидавшей ребенка, и двумя детьми был направлен в Тобольскую тюрьму, а оттуда — в Курганскую. Здесь в семье появился еще один сын — Сергей, после рождения которого семью перевели в Березов, затем вновь в Сургут».

В 1889 г., после 12 лет ссылки, Мрачковского освободили. Он устроился на работу на Пермскую железную дорогу. Покидая Сургут, вынужден был оставить там жену и детей на попечении товарищей.

Работая слесарем в железнодорожных мастерских в Перми, он собрал необходимую сумму для переезда семьи к нему и выслал деньги жене. Мрачковская раздала все деньги нуждающимся ссыльным, а сама с детьми добиралась до Тобольска на арестантской барже. Здесь она добилась свидания с одним из губернских начальников, рассказала ему о невыносимых условиях, созданных для арестантов на барже, и потребовала прекратить безобразия. Начальник позволил себе «возмутительную вольность» по отношению к жене бывшего политссыльного, и она, не сдержавшись, ударила его по лицу[11].

С этого момента охране было дано распоряжение везти строптивицу с детьми на правах арестованной. Каково было удивление Виталия Яковлевича, когда, встречая жену с детьми на перроне вокзала в Перми, он увидел, как из арестантского вагона жандармы с шашками наголо вывели ее с ребятами и направили в тюрьму, не разрешив мужу подойти к ним и узнать причину случившегося. Только после вмешательства товарищей семья была освобождена и «выдана на руки» Виталию Яковлевичу[12].

Долгое время Мрачковский был лишен права на постоянное место жительства. И семья кочевала по России: Тбилиси, Баку, Пермь, Тюмень, Камышлов. В 1896 г. они поселились в Верхнем Уфалее. Виталий Яковлевич устроился машинистом паровоза на введенном в эксплуатацию участке Пермской железной дороги. «В Уфалее квартира Мрачковских превратилась в нелегальный партийный комитет... Она была конспиративной, в ней проходили нелегальные совещания. Это был не только уфалейский центр, туда сходились сведения со всего Урала»[13]... Виталий Яковлевич занимался с рабочими Уфалейского участка дороги. У него в доме собирались и друзья сына Сергея — молодые железнодорожники, рабочие металлургического завода Иван Пантелеев, Иван Анциферов, Михаил Земцов, Григорий Долматов, Гурий Медведев, читали нелегальную литературу, проходили азы револю-

ционной борьбы. «Он был активным участником революции 1905 года, организатором октябрьской забастовки железнодорожников на Пермской железной дороге. В эти дни вся семья его становится активной ячейкой социал-демократической партии. Его сын Сергей — организатор (и начальник) боевой дружины в Уфалее. Даже младший в семье (из мальчишек), восьмилетний Николка хочет драться за "правду"». По словам одного из членов Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП Ивана Петровича Анциферова, Виталий Яковлевич был «учителем и воспитателем всех уфалейских социал-демократов, революционеров»[14].

К этому времени (1905) В. Я. Мрачковский был машинистом 2-го класса службы тяги. В 1904 г. во время крушения поезда под ст. Кыштым он получил травму ноги, «в связи с чем ему было выдано пособие по состоянию здоровья, и он был вынужден оставить работу. 26 февраля 1905 года при прохождении медицинского осмотра по заключению старшего врача доктора Единицы просьбу Мрачковского о предоставлении ему работы решили удовлетворить в качестве маневрового машиниста... Имеет на своем иждивении пять детей в возрасте от 2 до 20 лет»[15].

В связи с разгромом организации летом 1905 г. в Уфалее проводились обыски. Был обыск и в доме Мрачковских. Ничего предосудительного обнаружено не было — то ли помогло родство с урядником (старший сын Леонид женился на дочери урядника Козьмы Старожилова Анисье), то ли все было вовремя и надежно спрятано... А подозревали, и всерьез, восемнадцатилетнего Сергея, всегда бывшего в центре любого происшествия в поселке, ярого поборника справедливости, кстати, тоже члена РСДРП с 1905 г., одного из членов Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП[16].

Реакция свирепствовала. Но и после разгрома организации в поселке распространялись прокламации, листовки, вновь была развернута массовая и кружковая работа. На завод доставлялись нелегальные издания Уральского обкома РСДРП. В мае 1908 г. — вновь аресты. На этот раз среди арестованных оказался и Сергей. Ввиду отсутствия улик все были освобождены. А в декабре молодежь (Сергей Мрачковский, Козьма Витвицкий, Лазарь Терентьев, Павел Федотов) привела в исполнение приговор партии провокатору — смотрителю завода Василию Плясунову. Сергей с друзьями были вновь арестованы[17].

1910 г. принес перемены. Сергей, а с ним и его друзья были освобождены ввиду недостаточности улик. Но семья вынуждена была уехать из Уфалея. Поселились в Екатеринбурге, отец и Сергей стали работать на железной дороге, а младший Николай устроился на завод «Ятес».

Февральскую революцию Виталий Яковлевич встретил вновь в Уфалее. Александр Николаевич Степанов, участник Октябрьской революции и Гражданской войны, партийный и хозяйственный деятель на Урале, один из учеников В. Я. Мрачковского, писал в газете «Уральский рабочий»: «Духовенство призывало рабочее население Верхнего Уфалея присягать на верность Временному правительству. Виталий Яковлевич неустанно твердит о том, что это — правительство помещиков и капиталистов, его нужно свергнуть, а не присягать ему. Скоро разросшаяся партийная организация Уфалея (в апреле 1917 г. — 150 че-

ловек, в июне — 464 человека[18]) находит в лице Мрачковского лучшего своего советчика и руководителя. Его революционный и жизненный опыт были так богаты, что от него можно было не только получить практические указания, но и справку по истории революции...»[19]

Молодежь заслушивалась рассказами старого большевика: «Мы слушали его рассказы о народовольцах, о разных рабочих союзах, кружках, о Н. К. Михайловском, Степане Халтурине, Плеханове, Ленине, большевиках и меньшевиках»[20]... «Борьба еще не закончена, — говорил он. — Будет еще рабочая революция и борьба за власть...»

С воодушевлением встретил Виталий Яковлевич Октябрьскую революцию. Власть в Верхнем Уфалее принадлежала Советам (большевистским с августа 1917). Огромная заслуга в этом и Виталия Яковлевича Мрачковского, Василия Александровича Худякова (по инициативе Мрачковского торжественно встреченного из сибирской ссылки в дер. Рожково Красноярского края одного из руководителей Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП), Ивана Степановича Пантелеева, Андрея Кузьмича Старожилова (первого председателя Совета рабочих депутатов Уфалея), Ивана Петровича Анциферова, Александра Николаевича Степанова и многих других. Большевики избрали старого революционера секретарем Верхнеуфалейского комитета РСДРП(б)[21].

Гражданская война. «Седой как лунь старик призывает к защите революции. Мы, молодежь, беремся за винтовки, и он не хочет отставать от нас, настойчиво просит дать ему оружие[22]. Сначала он в своем доме, где живет вместе с Сергеем, направленным в Уфалей Уралобкомом для мобилизации. В доме — штаб Красной гвардии, где принимается и выдается оружие рабочим отрядам, направляющимся на фронт».

Сергей, назначенный еще 23 мая 1918 г. начальником красных войск екатеринбурго-челябинского направления, должен был выезжать на фронт. Рвался на защиту молодой советской республики и старый большевик. Но сын чуть не силой заставил его вернуться в Екатеринбург. «И как ни старались мы отправить его подальше в тыл, он не уезжал, — писал А. Н. Степанов. — Во время обороны он находился вблизи фронта, часто бывал в штабе дивизии, где сын был комиссаром, чтобы узнать о положении на фронте, чтобы подбодрить нас». И все-таки под Нижним Тагилом он появился на передовой, проводил в минуты затишья читку газет среди красногвардейцев. Штабу донесли, что на передовой появился какой-то старик с белой бородой, и штаб отдал распоряжение привести его. Но это долго не удавалось — красноармейцы скрывали старика. Когда же его удалось обнаружить и привести в штаб, стариком оказался Виталий Яковлевич, которого знали все. Его переправили в Вятку, где он работал бухгалтером, кассиром при губвоенкомате»[23].

Ни яростные атаки Колчака, ни тяжелейшие сражения, отступление красных войск не поколебали уверенности старого революционера в том, что народ победит. После освобождения Екатеринбурга от белых В. Я. Мрачковский вернулся в город, возглавлял при отделе социального обеспечения комиссию по приему насильно угнанных белыми людей.

В 1919—1920 гг. он работал председателем конфликтной комиссии при губсобесе, в 1920—1922 гг. — казначеем финансового отдела

губкома РКП(б). В личной служебной карточке № 800 (удостоверение ЧОН), выданной 9 февраля 1922 г., записано: «Коммунар Мрачковский Виталий Яковлевич, 1-го Екатеринбургского особого назначения полка, 1 роты 3 взвода...» Было тому коммунару 67 лет.

Вскоре Сергея назначили командующим Западно-Сибирским военным округом. Вместе с ним в Омск поехал и отец. Человеком он был редкостным — внимательным, чутким, отзывчивым. «Он был товарищем, другом... С товарищами готов делиться всем, вплоть до последнего гроша и рубашки. Но он был и отцом всей семьи. Надо было видеть, с какой любовью он относился к каждому из них. Много ли нам известно семей, когда у отца все сыновья и дочери — коммунары, революционеры? Семья Мрачковского — тому пример. В своей семье он сам — восьмой коммунист...»[24]

Умер ветеран российского революционного движения в Екатеринбурге 5 февраля 1924 г. Тело старого большевика было помещено в здании Коммунистического клуба, и прощались с ним «члены РКП(б), РКСМ, беспартийные трудящиеся, делегации от фабрик и заводов».

Трагична судьба семьи Виталия Яковлевича. Стали жертвами политических репрессий все члены ее — сыновья, дочери, снохи и зятья, внуки. 24 августа 1936 г. расстрелян сын Сергей, проходивший по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (первый открытый Московский процесс). В 1937—1939 гг. расстреляны Леонид Витальевич Мрачковский и его сыновья Вячеслав, Евгений, Виталий, младший брат Николай Витальевич, их сестра Ангелина. Сестра Мария отбывала ссылку до 1955 г., когда была реабилитирована; расстреляны ее муж, герой Гражданской войны Иван Александрович Бобылев, его брат Николай. Отбывали сроки в лагерях жены братьев и племянников, дважды побывал там с перерывами на Великую Отечественную войну Валерий — внук Виталия Яковлевича, сын младшей дочери, Ангелины, расстрелянной в 1938 г. Всего в те годы было репрессировано из семьи Мрачковских около сорока человек. Реабилитированы все. Большинство — посмертно.

Леонид Витальевич (1882, Тундринская волость Сургутского уезда Тобольской губ. — 26.03.1937. Свердловск) — старший сын В. Я. Мрачковского. Образование незаконченное среднее. Член РСДРП (с 1905). Участник революции и Гражданской войны. По окончании Тюменского высшего городского 4-классного училища (1900) работал слесарем в паровозном депо ст. Уфалей (1900—1903), Тюмени (1903—1906), Кургана (1906—1908), слесарем в с. Морозовском Сургутского уезда Тобольской губернии (1908—1910), Тюменских железнодорожных мастерских (1910—1911). За участие в очередной забастовке (1911) уволен с Сибирской железной дороги; слесарь паровозного депо ст. Тайга Омской железной дороги (1911—1914).

С 1914 г. в Верхнем Уфалее: работник службы движения ст. Уфалей (1914—1916), Аргаяш (1916—1918). Председатель ячейки РСДРП(б), РКП(б), организатор и член исполнительного комитета Совета рабочих депутатов ст. Аргаяш, начальник боевой дружины ст. Аргаяш (1917—1918); член железнодорожного Совета ст. Уфалей (1917); исполкома железнодорожного Совета, член месткома (1917); ответственный исполнитель по станционным работам (1918).

6 февраля 1918 г. получил распоряжение от Челябинского уездного совета о сборе налогов, хлеба. На собрании, где он выступал с речью, кулаки угрожали ему смертью. 27 мая 1918 г., когда в Аргаяш ворвались белочехи, связался с Екатеринбургом, организовал дружинников к обороне. В годы Гражданской войны начальник железнодорожных перевозок 29-й стрелковой дивизии 3-й армии Восточного фронта, комиссар при штабе дивизии, непосредственно вел переброску войск, эвакуацию железнодорожного имущества; руководил всеми железнодорожными операциями в районе действия дивизии с 17 мая 1918 по 30 апреля 1919 г. Особоуполномоченный при начальнике снабжения 30-й стрелковой дивизии 3-й армии (1 мая — 31 августа 1919); демобилизован на транспорт как специалист службы движения 31 августа 1919 г.; назначен помощником комиссара службы движения Пермской железно дороги; с 1921 по 1931 гг. помощник начальника службы движения этой дороги; в 1927 г. начальник группы 3-го эксплуатационного отделения ст. Свердловск. С 1931 по 1935 гг. заведующий делопроизводством ст. Свердловск. В ноябре 1918 г. получил благодарность по штабу и войскам 29-й стрелковой дивизии за успешную переброску войск на передовые позиции[25]. Исключен из партии 2 декабря 1927 г. решением партколлегии ОКР КК ВКП(б) за фракционную работу. Арестован в августе 1936 г. Осужден к расстрелу 25 марта 1937 г. как участник контрреволюционной троцкистской организации, действовавшей на Свердловской железно дороге. Реабилитирован посмертно 2 сентября 1958 г.[26]

Вячеслав Леонидович (1907, Курган — 31.03.1937, Свердловск) — старший сын Леонида Витальевича. Окончил металлургический факультет Уральского политехнического института (1930). Работал мастером, старшим мастером сборки в механическом цехе Уралмашзавода (1930–1936). С апреля по ноябрь 1932 г. служил в цензовой команде артполка Владивостокской стрелковой дивизии. С 1921 г. член ВЛКСМ; в 1927 г. исключен из комсомола за участие в деятельности троцкистской оппозиции. Арестован 29 июня 1936 г.; осужден Особым совещанием Военной коллегии Верховного Суда СССР 31 марта 1937 г., приговорен к расстрелу как активный участник антисоветской террористической организации (обвинен в поджоге цеха). Реабилитирован посмертно в 1958 г. Жена — Клавдия Александровна Мрачковская (Уртминцева) (1905, Екатеринбург — 1988, с. Луначарское Орджоникидзевского р-на Узбекской ССР). Работала секретарем Свердлметаллопромсоюза (1934–1938). Арестована в 1938 г. как жена «врага народа». Срок отбывала в Карлаге (Долинка) (1939–1949). Реабилитирована в 1957 г.

Евгений Леонидович (1910, с. Морозовское Сургутского уезда Тобольской губ. — 31.03.1937, Свердловск) — средний сын Леонида Витальевича. Окончил Свердловский строительный техникум (1932); техник-строитель. Работал прорабом в тресте «Уралэнергостроительство» (1932–1936), на момент ареста (1937) — прораб ОУГРЭС. Осужден 31 марта 1937 г. к расстрелу как активный участник антисоветской террористической организации. Реабилитирован посмертно в 1958 г. Жена — Людмила Александровна Мрачковская (1912, Екатеринбург — 1940, Свердловск). Осуждена к лишению свободы как жена «врага народа», срок отбывала в Карлаге. Реабилитирована в 1958 г.

Виталий Леонидович (1912, ст. Тайга Тобольской губ. — 19 28.03.1938, Свердловск) — младший сын Леонида Витальевича. Окончил строительный факультет Свердловского индустриального института (1935), инженер-строитель. Работал архитектором в Свердместпромпроекте (1932–1937). Арестован в 1937 г., осужден 28 февраля 1938 г. органами НКВД Свердловской области к восьми годам лишения свободы в ИТЛ; 25 марта 1938 решением особой тройки НКВД по Челябинской области — к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1958 г.

Сергей Витальевич [15(27).06.1888, Курган — 24.08.1936, Москва] — партийный, военный, хозяйственный деятель, участник революционного движения и Гражданской войны. Средний сын В. Я. Мрачковского. Учился в Камышловской (1897), Тюменской (1898), Уфалейской (1898–1900) народных школах; Челябинском 2-классном железнодорожном училище (1900–1902), которое не окончил по состоянию здоровья. Работал в товарной конторе в Тюмени (1904–1905), в железнодорожных мастерских Верхнеуфалейского паровозного депо (1905–1911). В 1905 г. вступил в РСДРП. Участник забастовок железнодорожных рабочих (октябрь — декабрь 1905). В 1905–1907 гг. организатор и начальник боевой дружины, член Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП; в 1907–1909 гг. секретарь подпольного комитета. Неоднократно подвергался аресту, находился под гласным надзором полиции[27]. Работал слесарем в железнодорожных мастерских в Екатеринбурге (1911–1914), в Уфалейском депо, конторщиком в Уральском союзе потребительских обществ Верх-Исетского завода (1916–1917). Член первого Совета рабочих и солдатских депутатов (Екатеринбург), Уралобкома; пропагандист и агитатор Уралобкома. В 1917 г. народный комиссар по управлению Уральской области.

В феврале 1918 г. комиссар 1-й Уральской дружины, участвовал в боях с войсками атамана А. И. Дутова. Командовал войсками красных на екатеринбурго-челябинском направлении, руководил мобилизацией уфалейских рабочих (май 1918). В 1918 г. комиссар 2-й дивизии, Сводной Уральской дивизии, 29-й дивизии 3-й армии Восточного фронта (с 15 октября)[28]. После отступления красных из Перми участвовал в создании Особого Северного экспедиционного отряда (1 января 1919), действовавшего на правах дивизии (ОСЕВЭК), развернутого во 2-ю бригаду 52-й стрелковой дивизии (6 июля 1919), командовал дивизией на Северном фронте (январь 1919)[29]. Командующий войсками Приуральского военного округа (ПриУрВО, 1920–1922), участвовал в подавлении Кронштадтского восстания (1921), был комендантом крепости Кронштадт. Командовал войсками Западно-Сибирского военного округа (с 17 мая 1922), 5-й армии (с 11 января 1923), Приволжского военного округа (с мая 1923)[30].

Председатель трестов «Уралзолото» (1925–1926), «Госшвеймашина» (1926–1927); начальник промышленного отдела Главхлопрома (декарь 1929), главный инженер Хлопстроя, председатель правления Хлопстроя (Ташкент, 1930–1931).

В октябре 1926 г. получил партийный выговор, неоднократно вызывался И. В. Сталиным для «личной беседы». В сентябре 1927 г. исключен из партии по обвинению в организации подпольной типографии, в ноябре 1927 г. арестован (на уральских заводах расклеива-

лись листовки с протестом против его ареста). В январе 1928 г. приговорен к трем годам лишения свободы в Угличском политизоляторе, в феврале сослан в Северо-Двинскую губернию. В 1929 г. освобожден. С марта 1931 г. управляющий Казжелдорстроем (Акмолинск). Начальник строительства БАМ (февраль 1932 — сентябрь 1933). В 1933–1935 гг. начальник строительства железной дороги Караганда — Балхаш. Делегат 7-й Всероссийской партийной конференции (1917); 11-го съезда КПСС, 10-го Всероссийского и 1-го Всесоюзного съездов Советов (1922); 7-го Всесоюзного съезда Советов (1935)[31]. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1919, 1923), именным золотым оружием — шашкой (1923).

Арестован 2 февраля 1935 г. Постановлением Особого совещания при НКВД приговорен к пяти годам заключения в лагере особого назначения, по делу троцкистско-зиновьевской оппозиции (19–24 августа 1936) — к расстрелу. Реабилитирован в июне 1988 г.

Первая жена — Ольга Николаевна (Кузовникова; 1889–1940-е), педагог, участница Гражданской войны. Репрессирована в 1937 г., реабилитирована в 1957. Вторая жена — Ида Марковна (Орловская; 1895–1938), врач-педиатр. Репрессирована в 1937 г., реабилитирована в 1958 г.

Николай Витальевич Мрачковский [03.(16).12.1897, Тундринская волость и село Сургутского уезда Тобольской губ. — 01.07.1938, Саратов) — организатор производства, участник Гражданской войны. Младший сын В. Я. Мрачковского. Директор Челябинского плужного завода им. Колющенко (1929–1934), почетный гражданин Челябинска (1932). По окончании Уфалейского училища и подготовительных курсов окончил три класса Екатеринбургского промышленно-художественного училища (1910–1912). Работал электриком по монтажу на механическом заводе «Ятес» (Екатеринбург); член ВКП(б) с 1918 г. 27 мая 1918 г. добровольцем вступил в красногвардейский отряд (комиссар С. В. Мрачковский). Заведующий вещевым складом 2-й Уральской дивизии, заведующий походными банями и прачечными 29-й стрелковой дивизии, заведующий вещевым складом, заведующий снабжением, интендант, начальник снабжения Особого Северного экспедиционного отряда (с 18 декабря 1018); интендант 2-й бригады 51-й стрелковой дивизии (с января 1920); военный комиссар снабжения 152-й бригады[32]. В сентябре 1920 г. переведен в распоряжение Хозяйственного управления Приуральского военного округа: военком и командир 62-й военно-трудовой строительной дружины; военком окружного военно-инженерного управления (ОВИУ) ПриУрВО (ноябрь 1921), военком ОВИУ Западно-Сибирского военного округа (июнь 1922), заместитель начальника строительной конторы и политпредставитель 5-й армии (январь 1923), Приволжского военного округа (июнь 1923).

После увольнения из рядов РККА — заместитель директора, директор Нижне-Сергинского металлургического (1924–1925), помощник директора Бисертского металлургического (1925), директор Тирлянского железопрокатного (1925–1927) заводов, Симского завода сельскохозяйственного машиностроения (1927–1928), где за короткое время сумел развернуть широкое хозяйственное строительство: были сооружены четыре барака, столовая, прачечная, значительно укрепилась трудовая дисциплина.

В 1928 г. назначен директором Челябинского плужного завода им. Колющенко — основного поставщика сельхозтехники для Урала и Западной Сибири. Наладил производство, которое стало наращивать объемы; по его предложению был разработан план экономии электроэнергии, пересмотрены нормы отпуска металла, электроэнергии, вспомогательных материалов, в каждом цехе назначены специалисты, отвечающие за экономию. Много внимания уделял развитию социалистического соревнования (по освоению новой техники). Колющенцы выступили инициаторами оказания помощи Челябтракторострою, где остро ощущался недостаток рабочей силы. Укреплялась трудовая дисциплина. На предприятии была проведена реконструкция, в результате долгих и упорных переговоров Н. В. Мрачковскому удалось подписать договор с Уральским государственным промышленным трестом сельскохозяйственного машиностроения на расширение существующих кузнечного, сборочного и заготовительного цехов, строительство ремонтно-инструментального цеха, пожарного депо, столовой; бараков для рабочих (к концу 1931 г. сдано 8443 м^2 жилья), фабрики-кухни, прачечной. Развивалось рационализаторство. Предприятие наладило массовый выпуск тракторных плугов К-412 «Колющенец». Для подготовки квалифицированных кадров директор принял решение об организации трехмесячных курсов. В 1932 г. школа ФЗО (открытая по его ходатайству перед трестом «Уралсельмаш») подготовила для завода около 400 квалифицированных рабочих[33]. Благодаря ему завод превратился в крупное современное предприятие (в 1929 г. выпускалось 40 плугов в день, в 1933 г. — 1200)[34].

В июле 1934 г. переведен на должность начальника отдела капитального строительства Уралэнерго. С октября 1935 по август 1936 г. — директор Саратовского свинцово-аккумуляторного завода. В 1942 г. предприятие было эвакуировано в Верхний Уфалей (№ 195А), на базе его создан Верхнеуфалейский завод «Уралэлемент».

Н. В. Мрачковский дважды избирался членом бюро Челябинского городского и окружного комитета ВКП(б), трижды включался в состав городской и окружной контрольных комиссий РКИ. Бессменный член партбюро первичной организации завода им. Колющенко. Почетный командир Дальневосточной армии (1922), почетный гражданин Челябинска (1932). Здесь, в Челябинске, ему и его жене (Галине Петровне) были торжественно вручены первые советские паспорта (с объявлением в челябинской печати, 1932).

Арестован 31 августа 1936 г., приговорен к высшей мере наказания 21 марта 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1957 г.[35]

Жена — Галина Петровна Мрачковская (Титова) (1900, Верхнеуфалейский завод — 1986, Челябинск). Арестована в 1938 г., приговорена к восьми годам лишения свободы (1938–1946). После освобождения и реабилитации жила в Свердловске (1946–1980), затем в Челябинске.

Мария Витальевна Мрачковская-Бобылева (1896, Камышлов Пермской губ. — 10.06.1976, Москва) — партийный и советский работник. Дочь В. Я. Мрачковского. Член РСДРП(б) с 1906 г. В годы Гражданской войны сотрудница Вятской губЧК (1918–1920). Работала в партийных и советских органах Вятки, Екатеринбурга (1920–1924). Инструктор отдела охраны материнства и младенчества Наркомпроса (Москва, 1929–1932). Ввиду болезни (костный туберкулез) некоторое

время не работала, следовала за мужем во время его служебных перемещений (1925–1929, 1935–1937). В декабре 1928 г. арестована по обвинению в антисоветской деятельности; освобождена постановлением коллегии ОГПУ от 2 марта 1929 г. После ареста мужа (1937) переехала в Москву, жила в семье младшей сестры Ангелины. Работала секретарем в управлении делами завода шлифовальных станков (до 1940). Арестована органами НКВД, осуждена к ссылке на север Кировской области. Работала санитаркой в поликлинике, детском саду г. Малмыжа. Вернулась из ссылки в 1955 г. Реабилитирована в 1957 г. После освобождения жила в семье Валерия — сына младшей сестры. Умерла в 1976 г., похоронена на Новодолгопрудненском кладбище.

Ангелина Витальевна Мрачковская (Федорук, Неруш) (1902, Верхнеуфалейский завод — 17.07.1939, Москва) — партийный и советский работник. Младшая дочь В. Я. Мрачковского. Член РКП(б) с 1920 г. В 1917–1918 гг. одна из организаторов (вместе с Риммой Юровской) Союза молодежи в Екатеринбурге, одна из руководителей Екатеринбургского губкома СКРМ (1918–1919). Училась на рабфаке (1924–1928). До 1934 г. работала в госучреждениях Свердловска (тресты «Востокосталь», «Востокоруда»). Арестована 23 ноября 1937 г. по обвинению в принадлежности к троцкистской организации. Осуждена 16 июля 1939 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР, приговорена к расстрелу. Реабилитирована в 1959 г. Расстреляны ее мужья: первый — Алексей Федорук, и второй — Николай Неруш. Реабилитированы посмертно в 1957 и 1958 гг.

Валерий Алексеевич Мрачковский-Федорук (15.10.1923, Екатеринбург — 23.05.2003, Москва) — участник Великой Отечественной войны, заслуженный работник транспорта СССР (1975). Сын А. В. Мрачковской. С 1928 г. воспитывался в семьях Сергея Витальевича, Николая Витальевича и Марии Витальевны. После ареста и расстрела родителей (1937) был арестован и он (1939); сидел в «Бутырке», на Лубянке, где велись следствия по поводу его родственных связей с С. В. Мрачковским и дискредитации органов НКВД в связи с арестом родителей, а также «создания молодежной организации, готовящей покушение на Сталина и др. вождей революции». Решением Особого совещания НКВД в апреле 1940 г. определен в колонию для несовершеннолетних; содержался в Свердловске (Ивановская тюрьма), затем на ст. Фосфоритной, откуда был отправлен в Москву. В июне 1940 г. прибыл в Верхотурскую колонию, где обучался ремеслу. В 1942 г. освобожден с пометкой «минус 5 городов» и направлен в г. Искитим Новосибирской области. Осенью 1942 г. в составе пулеметной роты направлен на Ленинградский фронт (21-я дивизия погранвойск НКВД): шофер, наводчик, разведчик. Демобилизован в 1946 г., вернулся в Москву. Особым совещанием Министерства госбезопасности осужден к пяти годам содержания в ИТЛ (4-е отделение Степлага, Джезказган; 1949–1953). «О том, что пользовался дядя Сережа огромным личным авторитетом не только в Сибири и на Урале, но и в Казахстане, — вспоминал Валерий Алексеевич, — я убедился на своем горьком опыте, когда самого затянуло в сталинскую мясорубку — невидимыми крыльями берегли меня имена деда (Виталия Яковлевича) и дяди Сережи...»[36] Реабилитирован в 1958 г. Работал начальником автоколонны 5-го автобусного парка

Москвы (1959–1983), шофером (1983–1995). Награжден медалью «За отвагу» (1944), «За победу над Германией» (1945), юбилейными медалями.

Примечания

[1] *Влад. Л-ов.* Полвека на революционном посту // Рабочий путь. 1923. 14 марта.

[2] Деятели революционного движения в России. Т. 3: Восьмидесятые годы. Вып. 3. М., 1931. С. 979.

[3] Воспоминания М. В. Мрачковской-Бобылевой.

[4] ГАОО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1.

[5] Рабочий путь. Омск. 1923, 14 марта ; Робітничий Рух на Україні (1861–1884 рр.). Київ, 1986.

[6] Рабочий путь. 1923. 14 марта.

[7] Там же.

[8] Тобольский филиал ГАТО. Ф. 152. Оп. 8. Д. 43.

[9] Там же.

[10] Воспоминания М. В. Мрачковской-Бобылевой.

[11] Рабочий путь. 1923. 14 марта.

[12] *Степанов А.* О В. Я. Мрачковском // Урал. рабочий. 1924. № 34.

[13] Биография И. П. Анциферова (ЦДООСО).

[14] Там же.

[15] Архив при управлении железной дороги (Екатеринбург). Д. 1403, М/24, вязка 13.

[16] НАРТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 300.

[17] Там же ; Биография И. П. Анциферова.

[18] *Черных В.* Борец-пролетарий // Уфал. рабочий. 1988. 5 нояб.

[19] *Степанов А.* Указ. соч.

[20] Там же.

[21] *Черных В.* Борец-пролетарий. Уфал. рабочий. 1988. 5 нояб.

[22] *Степанов А.* Указ. соч.

[23] Письмо от 5 июля 1988 г.

[24] *Степанов А.* Указ. соч.

[25] ЦДООСО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 257.

[26] Военная коллегия Верховного Суда СССР. 4н-2964/58 — 22 дек. 1988.

[27] ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 1909. Ед. хр. 5, 42 ; Воспоминания В. Я. Мрачковского и О. Н. Мрачковской. 1923 г. (личный архив В. А. Черных).

[28] Личное дело С. В. Мрачковского.

[29] *Рихтер З.* Поход ОСЕВЭКа. М., 1931 ; ГАГО. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 9, 28 ; Ф. 1585. Оп. 1. Ед хр. 197.

[30] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2331 ; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1360 ; Личное дело С. В. Мрачковского.

[31] Архивы Узбекистана, Амурской области, Хабаровского края, Омска, Военной коллегии Верховного Суда СССР. Воспоминания В. Я. Мрачковского, В. А. Федорук-Мрачковского из личного архива Е. Сиуновой — В. Черных.

[32] *Рихтер З.* Указ. соч. ; ЦГАРА. Личное дело 341-265.

[33] ОГАЧО. Ф. 252. Оп. 2. Д. 139.

[34] *Крошилов А.* Из семьи революционеров // Челяб. рабочий. 1989. 6 сент.

[35] Фонды Военной коллегии Верховного Суда СССР, Центрального архива ФСБ (КГБ).

[36] Из личной переписки В. А. Черных и В. Ф. Федорук-Мрачковского.

Часть III
История в биографиях

Н. А. Алексеев

Участковый врач Оренбургского казачьего войска Андрей Александрович Вятковский

Среди врачей, работавших в Челябинске во второй половине XIX в., довольно известным и уважаемым человеком был Андрей Александрович Вятковский. Он не был блестящим профессионалом, заметным общественным деятелем. Вместе с тем Андрей Александрович прожил в Челябинске вполне достойную жизнь, в течение многих лет исполнял обязанности врача 9-го медицинского участка ОКВ, избирался гласным Челябинской городской думы, был почетным мировым судьей.

Сведений о докторе А. А. Вятковском в доступных архивных документах немного. В данной статье представлены практически все материалы, которые удалось обнаружить. Эти материалы включены в комплект документов для публикаций о медицинской службе ОКВ.

А. А. Вятковский родился в 1834 г. в семье обер-офицера. Место рождения неизвестно. 2 июня 1859 г. окончил полный курс медицинского факультета Киевского императорского университета Св. Владимира. Поскольку он обучался в университете «на казенном коште», то в августе этого же года Министерством внутренних дел был направлен в Челябинск на вакантную должность городового врача, в которой должен был отработать шесть лет (как получивший образование за казенный счет)[1].

В сентябре 1859 г. Андрей Александрович прибыл в город. Врачебная управа Оренбургского губернского правления поручила Челябинской городской управе «по прибытии в город Челябу лекаря Вятковского привесть его на верность службы к присяге, допустить к исправлению настоящей должности и присяжный лист отослать в губернское правление, а подорожную, с которой в город Челябу прибыл лекарь Вятковский, доставить в врачебную управу для сделания распоряжения о выдаче ему Вятковскому второй половины пособия»[2].

Приведение к присяге врачей, как и любого другого чиновника, было обязательной процедурой при вступлении в должность. Жалованья А. А. Вятковскому было положено в размере 84 руб. 4 ¼ коп. за годовую треть (год делился не на кварталы по три месяца, а на трети — по четыре месяца: январскую, майскую и сентябрьскую)[3]. Годовой размер жалованья составлял 252 руб. 15 коп. В обязанности городового врача входили: работа в городской больнице, тюремной больнице, лечение жителей города на дому, санитарный надзор, судебно-медицинская экспертиза. Городовой врач обслуживал в основном население города, жителей уезда лечил уездный врач.

В июле того же 1859 г. после смерти врача Михаила Тимофеевича Новицкого в Челябинск на должность уездного лекаря был назначен выпускник Харьковского университета Владимир Тимофеевич Преображенский. Он проработал в городе пять лет, впоследствии его сменил Федор Карлович Клаус.

Накануне вступления А. А. Вятковского в должность городового врача, в январе 1858 г., было произведено обследование городской больницы архитектором Карминым в присутствии членов больничного совета. Больница находилась на берегу реки Миасс, у моста. Было выявлено большое количество неисправностей. Крыша главного корпуса во многих местах протекала, во время сильного дождя промокали потолки, фундамент кухни дал значительную усадку вследствие мягкости грунта и разрушенной подпорной каменной стены от реки. В результате кухня значительно наклонилась в сторону реки, и ей практически грозило падение в воду. Полы в трех палатах и двух коридорах, голландские печи в палатах были ветхими. В таком же состоянии находились воротные полотна и заборы. Баня и прачечная, крыльца основного здания и амбара нуждались в срочном ремонте. Необходима была побелка стен и потолков во всех палатах.

По мнению архитектора, все эти неисправности требовали неотложного устранения. Сверх того он считал, что к зданию необходима пристройка для развертывания дополнительно трех палат — для женщин и венерических больных. Нужна была и покойницкая, так как умершие больные помещались в амбар. В больнице на момент обследования, как писал архитектор, существовала «чрезмерная теснота»: «В существующих ныне палатах больницы 30 кроватей, между ними так тесно, что едва можно проходить, почему от тесноты большого числа больных воздух угажен и вреден для пользуемых в этом заведении»[4].

В таких условиях начинал свою работу городовой врач А. А. Вятковский. Больница была отремонтирована, и городские власти начали обсуждение вопроса о переносе ее в другое место, затянувшееся на несколько лет.

У Андрея Александровича уже в молодом возрасте появились проблемы с сердцем (грудная жаба). В июле 1863 г. он взял отпуск по болезни на 28 дней, но по состоянию здоровья пробыл на лечении три месяца (до 26 октября), о чем представил медицинское свидетельство[5].

В 1865 г., после отработки шестилетнего срока в должности городового врача, А. А. Вятковский перешел на службу участковым врачом 9-го медицинского участка ОКВ. Всего в губернии было организовано десять медицинских участков казачьего войска. Девятый участок находился в Челябинске. К Челябинскому уезду относился и 10-й участок, но центром его была станица Усть-Уйская. Работал на 10-м участке Валериан Иосифович Слободзинский. Одной из причин перехода А. А. Вятковского была довольно значительная разница в заработной плате. Врач казачьего войска получал жалованья почти в два раза больше, чем уездные и городовые врачи[6].

Правда, территория обслуживания была довольно большой — включала прилегающие к городу казачьи станицы. Помимо исполнения своих прямых обязанностей по оказанию казачьему населению

медицинской помощи участковые врачи привлекались на лагерные учебные сборы, к частным и различным освидетельствованиям казаков: например, в станицах при зачислении в служилый состав, при перечислении из приготовительного разряда в строевой, при командировании на службу со сборных пунктов, по прибытии команд «на льготу на распускных пунктах и по разным случаям военной службы»[7].

После перехода А. А. Вятковского на службу в казачье войско должность городового врача Челябинска длительное время оставалась вакантной. Некоторое время эти обязанности исполнял отставной военный врач Петр Николаевич Любомудров. Но он был серьезно болен. Андрей Александрович нередко подменял коллегу[8].

В 1866 г. Андрей Александрович получил чин титулярного советника, в 1868 г. — коллежского асессора[9].

В декабре 1870 г. после смерти Любомудрова Андрея Александровича вновь приглашали на заведование больницей. В конечном итоге к работе в городской больнице был привлечен, так же на правах исполняющего обязанности, врач из башкирской больницы майор Антон Иосифович Сикорский. Проблема с поисками постоянного врача заключалась в том, что жалованье городового врача было крайне низким. И именно в эти годы оплата была значительно повышена за счет городских доходов, поэтому впоследствии проблем с поиском постоянного врача стало гораздо меньше.

В 1870–1871 гг. в Оренбургской губернии и Челябинском уезде вспыхнула эпидемия холеры. 16 августа 1871 г. в Челябинском уездном комитете общественного здравия слушали распоряжение губернского правления по поводу эпидемии, один из пунктов которого предписывал порядок перемещения имеющихся в уезде врачей для борьбы с холерой: «...в Челябе достаточно оставить при больнице одного врача Сикорского, а прочих из них: Понятовского, Вятковского и Клауса следует немедленно откомандировать, по усмотрению уездного Комитета общественного здравия независимо, в случае надобности следует вызвать из станицы Усть-Уйской участкового врача Слободзинского» (Антон Иосифович Сикорский — врач башкирского медицинского участка; Козьма Лукич Понятовский — помощник участкового врача 3-го башкирского участка; Федор Карлович Клаус — челябинский уездный врач; Валериан Иосифович Слободзинский — участковый врач 10-го участка Оренбургского казачьего войска).

В 1873 г. после ликвидации эпидемии холеры А. А. Вятковский и А. И. Сикорский от вознаграждения по итогам работы благородно отказались, и причитающиеся деньги были поделены между фельдшерами, помогавшими им в лечении больных[10].

Андрей Александрович в конце 1860-х гг. женился. Сведений о точной дате венчания и о жене, Александре Емельяновне, пока не обнаружено. В метрической книге 1872 г. в записи о рождении у А. А. Вятковского дочери Анны отмечено, что восприемницей была дворянка Вера Емельяновна Смирнова. На основании этой записи можно делать только предположения. В 1876 г. у А. А. Вятковских родилась дочь Александра[11].

По воспоминаниям врача В. Б. Загорского (о нем ниже), у Вятковских был еще сын, покончивший с собой в подростковом возрасте.

В 1876 г. Оренбургским отделом Императорского Русского географического общества А. А. Вятковскому было предложено проводить в Челябинске метеорологические наблюдения, от чего, в связи с частыми разъездами по делам службы, он отказался[12].

Круг обязанностей участкового врача казачьего войска был довольно обширен. В участок входили окружающие город станицы, которые врач должен был посещать не реже двух раз в месяц. В станицах, куда входило по несколько поселков, медицинскую помощь населению оказывали фельдшера. В 1878 г. из десяти штатных единиц участковых врачей ОКВ в наличии было пять. На одного врача в целом по губернии приходилось по 36 784 человека, на фельдшера — 7996. Кроме того, врачи несли судебно-медицинские и медико-полицейские обязанности[13].

А. А. Вятковский после нескольких лет службы в городе построил дом по ул. Ахматовской (ныне ул. Свободы), 2. Фактически на участке стояли два дома — деревянный и полукаменный: «Дом деревянный обложенный кирпичем в 6 комнат, дом 2-х этажный полукаменный в 6 комнат, 2 амбара, 2 погреба, 2 каретника, 2 конюшни, 2 сарая, подвал и баня». Все имение оценивалось в 4000 руб.[14] По меркам того времени, это было довольно обширное и дорогое имение. Для одной семьи помещения были избыточны, поэтому второй дом Андрей Александрович сдавал в аренду под арестный дом. Практика аренды частных домов под тюремные помещения в городе существовала много лет, вплоть до постройки тюрьмы в 1908 г.

В контракте 1883 г., заключенном председателем Челябинского съезда мировых судей Владимиром Корнильевичем Покровским и надворным советником Андреем Александровичем Вятковским, указано: «Я, Вятковский, отдаю свой собственный двухэтажный полукаменный дом, находящийся в 1-й части г. Челябинска по Ахматовской улице, ныне занимаемый арестным домом, в найм для помещения арестуемых по приговорам мировых судей и для подвергаемых личному задержанию по распоряжениям мировых судей».

Это было помещение для административно арестованных, и как следует из текста контракта, дом и ранее сдавался для этих же целей. За аренду дома А. А. Вятковский получал 400 руб. в год с ежемесячными выплатами. Очистку улицы, труб, туалетов, подвозку воды для потребностей арестованных, служителя и сторожа, а также ремонт помещений, за исключением случаев повреждений, допущенных арестованными или служителями, он брал на себя. Кроме того, в аренду сдавались конюшня, погреб. Срок аренды составлял два года. В последующие годы дом для этих же целей сдавался в аренду наследниками А. А. Вятковского, после его продажи — и новым владельцем[15].

Андрея Александровича городские власти нередко привлекали к работе при возникновении в городе эпидемических ситуаций, иногда для подмены заболевших врачей. Но он участвовал и в общественной жизни уездного города. С 1880 по 1892 г. А. А. Вятковский избирался гласным (депутатом) городской думы, состоял так же почетным мировым судьей, к этому времени уже имел чин надворного советника.

Избирательная система в конце XIX в. была довольно своеобразной. По имущественному цензу избиратели делились на три разряда. Все

зависело от состояния, и следовательно, величины уплачиваемого налога, имела значение и принадлежность к определенному сословию. Так, в 1884 г. в 1-й разряд избирателей были включены 23 лица, в 2-й — 75, в 3-й — 903. Перворазрядные уплачивали все вместе 710 руб. 27 коп. (налоги), второразрядные — 703 руб. 70 коп., третьеразрядные — 700 руб. 57 коп. Согласно ст. 48 городового положения, на четырехлетие должны были быть избраны 60 гласных — по 20 в каждом разряде; 23 состоятельных избирателя выбирали 20 гласных, 903 простых, менее состоятельных горожан — столько же.

Андрей Александрович по имущественному цензу относился к избирателям 2-го разряда, а избирался как депутат по 1-му разряду[16].

В 1885 г. на должность городового врача Челябинска был переведен из Екатеринбурга врач Владислав Брониславович Загорский, поляк, впоследствии, после отъезда из Челябинска на родину, очень известный публицист, историк медицины, литератор, общественный деятель. Загорский проработал в Челябинске городовым врачом семь лет. После отъезда, уже проживая в Польше, он написал обширные мемуары, в которых в том числе изложил и свои впечатления о Челябинске.

Вот как он описывает первую встречу с Андреем Александровичем Вятковским по приезде в город:

> Переодевшись, я пошел к доктору Вятковскому, но не застал его дома. Меня приняла его жена, уже немолодая, тихая и симпатичная женщина, и усадила за обед. Видя, что я почти не ем, спросила о причинах отсутствия аппетита. Я признался ей, что кусок не лезет в горло от мысли, что моя жена и ее сестра сидят голодные, без обеда. Любезная Вятковская сразу же послала им со служанкой обильный обед, вино, закуски, хлеб и фрукты. Тогда и я с аппетитом принялся за еду, после чего с искренним чувством благодарности поцеловал руки почтенной хозяйки. Вятковские живут богато, в собственном доме с большим садом при нем и держат лошадей. У них две дочери: двенадцатилетняя Аня и семилетняя Леся. Год назад их настиг страшный удар. Из-за несчастной любви застрелился их сын-семиклассник...
>
> ...Вечером вернулся из станицы доктор Вятковский и сразу пришел к нам. Он был старшим казачьим врачом и носил военный мундир. Уже немолодой, коренастый, с пышной седой шевелюрой, грубоватый, говорил с малорусским акцентом, так как был малорусом, но производил впечатление добродушного, хотя и не слишком большого ума, человека. Врач из него был очень плохой, о чем мне еще доведется рассказать. Как и большинство интеллигенции в уральских городах, был последователем Вакха.
>
> Вятковский проявил к нам большое радушие...[17]

Владислав Брониславович не очень высоко оценивал профессиональные качества А. А. Вятковского, но при этом отмечал, что тот был хотя и грубоватый, но душевный, гостеприимный и добрый.

Резкость оценок спишем на молодость доктора, да и на происхождение Загорского (из семьи ссыльных поляков). Владислав

Загорский увлекался фотографией. Запечатлел он и А. А. Вятковского. Фотография в точности соответствует описанию его в мемуарах.

С молодых лет Андрей Александрович страдал сердечным заболеванием (стенокардией). В 1891 г. он написал заявление городскому голове:

Октября 4. 1891 г.

Г. Челябинскому городскому голове
гласного думы Андрея Вятковского

Заявление

Не имея возможности, по расстроенному здоровью, исполнять возложенные на меня думой обязанности члена попечительского совета женской прогимназии и члена исполнительной комиссии детского приюта, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, заявление это доложить думе для увольнения меня от означенных обязанностей.

Гласный А. Вятковский[18].

Через несколько месяцев, 31 января 1892 г., надворный советник Андрей Александрович Вятковский умер в возрасте 57 лет[19]. На его место, на должность врача 9-го медицинского участка, в Челябинск был переведен Алексей Степанович Арнольдов, а после его внезапной смерти в 1897 г. — Павел Александрович Агапов.

Наследство — дом на Ахматовской улице и «два пустопорожних места» на Александровской площади — перешло дочерям Вятковского[20]. Дочери были замужем: Александра — за членом Троицкого окружного суда дворянином Иваном Константиновичем Монюшко (впоследствии челябинский городской судья, попечитель городской библиотеки-читальни); Анна — за судебным следователем Вячеславом Александровичем Бедняковым[21]. В 1902 г. Александра Андреевна и Анна Андреевна продали отцовский дом крестьянину Алексею Александровичу Меньшикову[22].

Алексей Александрович Меньшиков только по сословию являлся крестьянином. На самом деле это был культурный, высокообразованный человек, успешный коммерсант. Сын его Владимир был женат на Наталье, дочери упомянутого выше известного в Челябинске врача ОКВ Павла Александровича Агапова.

Поиск потомков Андрея Александровича Вятковского результатов пока не принес. Но надежда имеется.

Примечания

[1] РГИА. Ф-1349. Оп. 6. Д. 59. Л. 143.
[2] ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5263. Л. 54.
[3] Там же. Л. 33. Д. 5529. Л. 54.
[4] Там же. Д. 5048. Л. 1 — 2 об.
[5] РГИА. Ф-1349. Оп. 6. Д. 59. Л. 143.
[6] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 27. Л. 37 об., 38 ; Д. 32. Л. 46 об., 47.

[7] Всеподданнейший отчет об Оренбургском казачьем войске за 1895 г. 2. Часть гражд. Оренбург, 1896. С. 58.

[8] ОГАЧО. Ф. И-98. Оп. 1. Д. 31. Л. 15.

[9] Российский медицинский список на 1869 г. СПб. : Мед. департамент М-ва внутр. дел, 1869. С. 49.

[10] ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6798. Л. 2 — 4 об.

[11] Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 47. Л. 91 об. ; Д. 74. Л. 40 об., 41.

[12] Журнал заседаний Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Оренбург : Тип. Оренб. губерн. правления, 1879. С. 58.

[13] Обзор Оренбургской губернии: Приложение к всеподданнейшему отчету за 1878 г. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/39850-za-1878-god 1879#mode/inspect/page/5/zoom/6.

[14] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 152. Л. 122 об., 123.

[15] Там же. Д. 1144. Л. 4, 5, 7, 9.

[16] Там же. Д. 166. Л. 4, 5, 90 об. ; Адрес-календарь и справочная книжка по Оренбургской губернии на 1888 г. Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1888. С. 28, 44.

[17] URL: https://polona.pl/item/moje-wspomnienia-t-3-lata-1884 -1892,MzI1ODU0MzE/491/#info:metadata (рукопись на польском языке, перевод К. В. Дружинина).

[18] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 243. Л. 90.

[19] Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 223. Л. 13 об., 14.

[20] Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 383. Л. 56, 57.

[21] Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 252. Л. 243 об., 244.

[22] Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 698. Л. 196.

М. А. Базанов

Николай Семенович Шибанов: ростки истории повседневности в челябинском краеведении

Перестройка, распад Советского Союза и переход к рыночной экономике повлекли за собой полномасштабный мировоззренческий кризис. Прежние жизненные ориентиры, властно насаждавшиеся партийными структурами и системой государственной пропаганды, утратили свое значение. Бóльшая часть населения оказалась в состоянии полной дезориентации. Единый и предписанный «сверху» образ мира исчез, новый еще предстояло создать. Мгновенно появилось множество конкурирующих и отрицающих друг друга его вариантов, между которыми предстояло сделать выбор. И выбор этот каждый должен был сделать самостоятельно.

На это сложное время и пришелся пик творческой активности челябинского краеведа Николая Семеновича Шибанова (1936–2008).

В его документах и работах 1970–1980-х гг. нет явных признаков того, что он критически относился к марксисткой идеологии или советской власти. Напротив, в личном фонде краеведа сохранились тетради с конспектами по истории КПСС и основам марксистско-

ленинской философии[1]. Заметим, мало кто столь долго хранит у себя такие документы. Его служебные характеристики не содержат следов каких-либо оппозиционных высказываний или действий. Напротив, Н. С. Шибанов оценивается как человек «политически грамотный»[2]. Более того, в 1974 г. он написал серию очерков о председателе казачьей секции Оренбургского губисполкома краскоме Н. П. Захарове[3], деятельность которого оценивалась им однозначно позитивно. Пожалуй, из общего ряда в них выбивалось лишь явно доброжелательное описание П. П. Маслова — комиссара Приуралья при белых, профессора-экономиста, при жизни В. И. Ленина вступавшего с ним в открытую полемику. Однако и он в очерках описан как человек пусть и симпатичный, но заблуждающийся, с которым Н. П. Захарову было «не по пути».

Все изменилось в начале 1990-х гг. Н. С. Шибанов стал одним из активных участников такого неоднозначного и противоречивого движения, как возрождение казачества. Конечно, способствовало тому само происхождение краеведа, однако далеко не каждый потомок казачьего рода тогда вспоминал о своих корнях. Н. С. Шибанов же стал войсковым старшиной Челябинской станицы Оренбургского войскового казачьего общества, был награжден рядом крестов и грамот ОКВ, освещал деятельность казаков на страницах прессы. В последние годы жизни он преподавал историю казачества в кадетском корпусе челябинской средней школы № 22, там же организовал школьный музей истории казачества[4].

Пожалуй, в наиболее концентрированном виде мировоззренческие представления Н. С. Шибанова изложены в его статье «Духовно-нравственное воспитание учащихся», написанной в 2000 г. Начинает он в ней с утверждения о том, что духовность — явление исключительно религиозное, присущее людям верующим. При этом он допускал существование и светской духовности, присущей даже атеистам (в качестве примеров краевед перечисляет писателей А. П. Чехова, М. Горького, М. А. Шолохова), но считал ее искусственной, в основе своей все равно опирающейся на религиозные заповеди. Духовность, по его словам, «отличает человека от всего сущего — земного»[5].

Современный мир, равно как и советское общество, Н. С. Шибанов оценивал как явление враждебное, несущее нравственное разложение и гибель. Выход же виделся ему в создании «широкой сети закрытых специализированных учебных заведений: кадетских, казачьих, военно-морских и воздушных корпусов <...> — своеобразных оазисов духовности, где бы смело вводились предметы духовной культуры и изучались бы православные произведения, жития святых и, прежде всего, велись занятия по Закону Божьему»[6]. Идеалом для него стала дореволюционная казачья среда, ее традиции, быт, нормы взаимоотношений. Именно на это всячески идеализируемое им время он и рекомендовал в статье ориентироваться всем педагогам, именно эти нравы прививать детям.

Не будем комментировать эти высказывания краеведа. Отметим лишь, что автор этой статьи весьма негативно оценивает подобные идеологические суждения и взгляды. Однако именно такова была жизненная позиция Н. С. Шибанова. И он активно реализовывал ее

не только в своей практической деятельности, но и в краеведческих трудах, что породило как их достоинства, так и явные недостатки.

Н. С. Шибанов полностью отказался от категорий классовой борьбы и обратил свое внимание на быт, материальное положение простых людей, попавших в жернова истории. Конечно же, им было решительно отброшено представление о том, что советская власть отражала чаяния простого люда. На конкретных ярких примерах Н. С. Шибанов демонстрировал, что падение уровня жизни населения в годы Гражданской войны стало одним из последствий политики большевиков. Особенно много внимания он уделял аграрным преобразованиям и их связи с разразившимся в стране голодом. Материалы судебного делопроизводства позволили ему показать, насколько жестко и бесчеловечно проводилась политика выкачки ресурсов из деревни.

Он же одним из первых среди челябинских историков и краеведов показал, что события Гражданской войны не исчерпываются противостоянием красных и белых и обратился к крестьянским восстаниям 1920–1921 гг. как самостоятельному движению. Вместо привычного для советской пропагандистской литературы термина «белобандиты» он именовал повстанцев «зелеными». Собственно, одна из самых известных его работ, посвященная деятельности антибольшевистского партизанского отряда под командованием С. А. Выдрина и Я. Г. Луконина, получила название «“Зеленая” война»[7].

Широк круг используемых им исторических источников. Немало информации он почерпнул из таких любопытных документов, как информационные сводки губернской ЧК, живописавшие быт и повседневность крестьян в начале 1920-х гг. Явной удачей исследователя были найденные им в судебном деле письма простого солдата-письмоводителя Н. И. Белова из Челябинска. Излишне разговорчивый военнослужащий в красках живописал бытовые условия своей жизни, в частности рассказывал о дороговизне и бушевавшей вокруг него эпидемии тифа, за что и понес наказание[8]. Немало усилий Николай Семенович уделял беседам и интервью с участниками и свидетелями описываемых событий. Записи сохранились в составе личного фонда краеведа в ОГАЧО[9].

Книги Н. С. Шибанова пестрят сносками на десятки архивных фондов, причем он не ограничивался одним лишь ОГАЧО (собственно, до 1999 г. двумя архивами — Государственным архивом Челябинской области и Центром документации новейшей истории Челябинской области), успев поработать и в федеральном Российском государственном военно-историческом архиве, и в ведомственном архиве Управления ФСБ России по Челябинской области. Подобный охват источников — явление для краеведа исключительное.

На конкретных примерах демонстрировал он и неспособность новых властей идти на компромиссы с крестьянством. Так, например, без удовлетворения осталась просьба коммунистов пос. Фоминского после успешного выполнения продразверстки выдать им зерна для посева[10]. И именно этот населенный пункт затем станет одним из центров крестьянского повстанческого движения.

Н. С. Шибанов явно стремился не просто сухо пересказывать выявленные им факты, но и реконструировать все происходившие со-

бытия в деталях. Его рассказ всегда зримый, рассчитанный на эффект присутствия, заполненный деталями и фактами, причем все это подавалось в качестве картинки динамической, движущейся — словно в кинематографе. Если Н. С. Шибанов писал о захвате повстанцами того или иного населенного пункта, то обязательно уточнял, где находились в этот момент советские должностные лица, что они делали — сражались или пытались убежать, как это происходило, с какого края вошли в селение «зеленые» и как они продвигались, что происходило после того, как советская власть там оказалась свергнута, как проходили митинги, на которые непременно собирали народ повстанцы, проводился ли суд над захваченными в плен, выносились ли смертные приговоры и как они приводились в исполнение. Читатель видел саму фактуру истории, непосредственно наблюдал ее ход.

Отдельный важный для творчества Н. С. Шибанова жанр — биографический очерк. Герои его всегда люди необычные, противоречивые и неоднозначные. Что важно, во многих случаях краевед не стремился эту противоречивость нивелировать, сделать менее отчетливой. Он часто обращался к фигурам красных и, несмотря на всю свою ненависть к большевикам, отдавал этим людям должное, подчеркивал их таланты и умения. Иногда они — в его изображении — совершали странные и парадоксальные поступки. Так, краском Ф. Г. Пичугин бежал из красного партизанского отряда... в Красную армию, где продолжил свою службу под другой фамилией. И краевед находит вполне логичное объяснение этому поступку[11].

Но у работ Н. С. Шибанова неизбежно есть и оборотная сторона. Не лучшим образом повлияла на них политическая ангажированность автора, отказывающего большевикам (фактически своим политическим оппонентам) в любой доле человечности. В одной из своих монографий краевед даже напрямую сравнивает происходившее в Советской России с балом Сатаны, а «Интернационал» — с гимном в его честь[12]. Дореволюционное прошлое, напротив, описывалось им в апологетических тонах, подавалось как единственно возможный пример для подражания.

Крайне эмоциональный, взвинченный, временами жесткий и хлесткий, временами восторженный тон его работ мешает их спокойному, критическому восприятию. Его книги постоянно балансируют на грани научного текста, публицистики и политической пропаганды. Кстати, характерно, что начиная вести речь не о безликой «советской власти», «коммунистах» или лидерах молодой Советской России (главного злодея среди которых Н. С. Шибанов явно видел в Л. Д. Троцком), краевед менял свой тон и выступал с более взвешенными оценками (что уже отмечено нами выше).

Это же стремление к публицистичности, к изящности, художественно привлекательному оформлению текста иногда понуждало автора писать вещи, вызывающие вопросы исследователей, настроенных на педантичную работу с историческими источниками. Как прямую речь он передавал в своих работах высказывания, диалоги и даже мысли изучаемых персонажей[13], хотя сноски, поставленные им, свидетельствуют — Н. С. Шибанов часто опирался на позднейшие воспоминания, причем не самих описываемых им людей, а их знакомых. Сомнительна

сама манера вводить в текст в таком обрамлении мысли людей — никто и никогда не сможет с такой точностью проникнуть в голову давно умершего человека. По сути, в таких случаях исследователь начинает дописывать, додумывать произошедшее в угоду художественности стиля своего изложения.

Заметно и то, что Н. С. Шибанов часто воспроизводил детали, факты, приводимые в воспоминаниях, написанных участниками спустя несколько десятилетий (а то и более полувека) после описываемых событий. Конечно же, это источник ненадежный, и пользоваться им следует с большой осторожностью.

Впрочем, как бы то ни было, отрицать значимость этих работ для местного краеведческого сообщества не приходится. И тут, пожалуй, следует сделать одно важное отступление.

В исторической науке уже давно обособилась и активно функционирует такая отрасль исследований, как история повседневности. Ее особенностью является то, что исторический процесс рассматривается «снизу», сквозь призму потребностей и восприятия рядовых людей, чьи имена не сохранили учебники истории или специализированные монографии. В Россию она пришла из работ немецких (точнее, западногерманских) историков, а вот в самой ФРГ своего рода колыбелью истории повседневности стало именно местное краеведение[14]. По сути, Н. С. Шибанов повторил путь немецких краеведов, обратившись, сам, вероятно, до конца того не осознавая, к этой столь упускаемой профессиональными учеными стороне исторической действительности. Конечно, написанное им остается несовершенным, но ведь он был любителем, не профессионалом. Значимо здесь само обращение к подобной тематике и проблематике.

Почти одновременно к схожей проблематике обратился и историк И. В. Нарский, в 2001 г. издавший свою фундаментальную монографию, посвященную повседневной жизни населения Уральского региона в годы Гражданской войны15. Книга эта по сей день считается образцом работы по истории повседневности, а самому И. В. Нарскому она принесла международную известность. Впрочем, освоение новой методологии профессиональными учеными — предмет отдельного разговора.

На хранении в ОГАЧО в настоящее время находится фонд Р-1892 «Шибанов Николай Семенович», сформированный из личных документов краеведа. Среди них рукописи его работ, личная и служебная переписка, собранные им исторические источники, автобиографии и личные характеристики, конспекты лекций и прочитанных научных работ, личные записи, посвященные прочтенным им книгам, и многое иное. В целом они позволяют будущим исследователям творчества Н. С. Шибанова проникнуть во «внутреннюю лабораторию» исследователя и понять ход его мыслей.

Примечания

[1] ОГАЧО. Ф. Р-1892. Оп. 1. Д. 77. Л. 42–195.
[2] Там же. Д. 70. Л. 1–4.
[3] См.: Там же. Д. 19.

[4] Там же. Д. 3, 4, 96, 97, 100, 101 и др.
[5] Там же. Д. 5. Л. 1.
[6] Там же. Л. 12.
[7] *Шибанов Н. С.* «Зеленая война»: ист. очерки. Челябинск, 1997.
[8] См.: Там же. С. 26–27.
[9] ОГАЧО. Ф. Р-1892 Оп. 1. Д. 104, 105, 108, 111, 129–137.
[10] *Шибанов Н. С.* Указ. соч. С. 21–22.
[11] *Он же.* Казачья Голгофа: очерки. Челябинск, 2004. С. 199–208.
[12] «Балом стал править Сатана: недаром же пели в гимне страны, а затем коммунистов — в "Интернационале": "Вставай, проклятьем заклейменный", — вот и встал, поднялся заклейменный проклятьем — всемирный и всесильный Сатана!..» (*Он же.* «Зеленая» война. С. 150).
[13] Приведем лишь один пример: «– Одевайтесь, краснопятые, откомиссарились... — скомандовал молодцеватый, в новенькой форме сотник. У Никифора Парфеновича — первая мысль: "Накрыли, гады, кто-то предал, навел"» (*Он же.* Жизнь и судьба гвардейца: ист. очерк. Челябинск, 2002. С. 30).
[14] См. например: *Оболенская С. В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 182–198 ; *Журавлев С. В.* История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3–27 ; *Людтке А.* Указ. соч. С. 53–83.
[15] *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

С. Д. Батищев

Дмитрий Никифорович Огиенко (1918–2010): солдат Второй мировой войны, маркшейдер, горный инженер Североуральского бокситового рудника

В каждой семье найдутся представители, биография которых известна лучше, поскольку задокументирована, и сохранились материалы, которые позволяют воссоздать основные биографические вехи. В моей семье одним из таких представителей является мой прадед Дмитрий Никифорович Огиенко. Его биография известна членам семьи и узкому кругу краеведов г. Североуральска, поскольку он являлся участником Великой Отечественной войны. Это факт, несомненно, послужил основой такой «долгой» памяти об этом человеке. Мой текст является компиляцией ранее созданных работ (как опубликованных, так и рукописных, отложившихся в семейном архиве). Цель статьи несколько эгоистическая — сохранить память об одном из своих предков не только в кругу семьи, но и для более широкой аудитории, способствовать акцентуации, включению «малой» истории в контекст «большой».

«Книга памяти» Североуральска является основным сводным источником информации о жителях-фронтовиках этого небольшого города (и окрестных поселков), расположенного на Северном Урале. Вошли туда данные и о моем прадеде.

Приведу эту сжатую информацию целиком: «Огиенко Дмитрий Никифорович, гв. ст. лейтенант, родился в 1918 году в Краснодарском крае. Призван в декабре 1942 года Нагайбакским РВК. Служил политруком стр. батальона с декабря 1942 г. по 9 мая 1945 г. и с 9 августа 1945 г. по 3 сентября 1945 года в составе 21 гв. стрл. полка, 7-й воздушно-десантной дивизии, 243 стр. дивизии, Северо-Западного, Воронежского, Степного, 2-го Украинского и Забайкальского фронтов. Работал на шахте "Черемуховская" СУБРа маркшейдером. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями "За отвагу", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.", "За победу над Японией", орденом "Знак Почета", медалями "За трудовое отличие", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда"»[1].

Вот такие сухие «справочные» сведения. Но благодаря инициативе учителя истории школы № 13 пос. Черемухово Людмилы Алексеевны Лавлинской эти несколько строк превратились в основу проекта одной из ее учениц Анастасии Сенченко, которая, используя методы «устной истории» (прежде всего интервьюирование), воссоздала биографию Д. Н. Огиенко. Эта работа находится в рукописном виде[2]. Существует лишь несколько экземпляров, причем один хранится в школьном музее, другой — в нашем семейном архиве. Поэтому мы опираемся преимущественно на эту работу (если не оговорено другое).

Дмитрий Никифорович Огиенко родом из Краснодарского края. Он родился 12 октября 1918 г. в многодетной (всего на свет появилось семнадцать детей, но до взрослых лет дожили только трое) и зажиточной крестьянской семье; отец на лето нанимал батраков. На этом основании семью причислили к кулакам, в феврале 1930 г. раскулачили и выслали на север. Так судьба забросила их на Урал. Приехали в Карпинск. Там Дмитрий окончил четыре класса школы. Позднее всех раскулаченных распределили по поселкам, семья Огиенко переехала в пос. Галка в 18 км от Карпинска. Там все трудились на лесозаготовках, жили в бараках, надеялись на возвращение домой.

В 1931 г. Дмитрий заболел кожным туберкулезом. Лечили его в местном фельдшерском пункте, позднее направили в Карпинскую больницу. Там на соседней койке лежал мужчина, больной рожей, и медсестра при перевязке занесла инфекцию Дмитрию, после чего он лежал в беспамятстве с высокой температурой и раздувшейся ногой. Врачи думали, что мальчик уже не выживет, и позволили отцу забрать его домой. С благодарностью вспоминал Дмитрий Никифорович умелого поселкового фельдшера, который его выходил. Отец Дмитрия Никифоровича умер в 1934 г., парня отправили в детский дом, где он учился в 5-м и 6-м классах. Детей, больных туберкулезом, вывозили в Сысертский санаторий, где Дмитрию пришлось жить и лечиться 18 месяцев, и он пропустил учебный год. Но при поддержке директора детского дома Дмитрий смог окончить седьмой класс в 1938 г.

Настала пора осваивать какую-нибудь специальность. При выборе техникума юноша руководствовался размером выдаваемой там стипендии, поэтому остановился на Исовском горном техникуме. Сдал отлично все вступительные экзамены, за исключением русского (сказывался кубанский говор), и его зачислили на специальность «маркшейдер».

С началом войны техникум закрыли, а студентов перевели в металлургический техникум им. Ползунова в Свердловск. К этому времени Дмитрий уже успел окончить три курса. Как и все советские юноши, он стремился на фронт. Но когда ему оформляли документы, то ошибочно написали не 1918 год рождения, а 1920. К тому же из-за перенесенной им болезни комиссия постановила — к строевой службе не годен.

По окончании учебы Дмитрий был направлен на Балканский рудник (40 км от Магнитогорска). Проработал там несколько месяцев, пока не добился «комсомольской путевки» на фронт (осенью 1942). Он поехал в Челябинск, оттуда его направили в Раменское под Москвой. Там определилась военная специальность — автоматчик. Зачислили в 1-ю автоматную роту 4-й гвардейской воздушно-десантной армии. Вскоре по рекомендации замполита Дмитрий стал комсоргом роты. Несколько месяцев находился в «учебке». На фронт его отправили в феврале 1943 г. Он и его боевые товарищи принимали участие в наступлении на Старую Руссу, промерзали в болоте. В числе многих Дмитрий форсировал Днепр.

В те дни он вступил в партию, стал парторгом роты, читал газеты людям, поднимал им боевое настроение. Одни из ярких воспоминаний: на его глазах были убиты командир взвода и командир расчета (Дмитрий вместе с ними пробирался к своим ребятам во время немецкого обстрела сельского кладбища); очередью из вражеского танка были убиты трое связных, с которыми он отправился узнать о судьбе соседней роты (связь с ней прервалась). Дмитрия спасли выдержка и терпение, и он с горечью впоследствии вспоминал о бессмысленной смерти однополчан: не выждав времени, они побежали на глазах у немецких танкистов.

Батальон, в котором служил Д. Н. Огиенко, после форсирования Днепра наступал на Черкассы. Выстроились цепью. Немцы прятались в окопах, предпринимали попытки отбить наши орудия, местами им удавалось окружить отдельные части. Кругом рвались снаряды и мины, много наших солдат полегло на поле боя. И все-таки к новому 1944 г. Дмитрий Никифорович со своими товарищами были уже в Черкассах. В январе — феврале 1944 г. он принял участие в Корсунь-Шевченковской операции, в это же время стал парторгом батальона. В мае 1944 г. его направили на фронтовые курсы младших лейтенантов, по завершении которых ему присвоили это звание. Младший лейтенант Огиенко в составе штаба резервного батальона прошел военными дорогами Румынию, Венгрию, Чехословакию. В районе Малые Тары он, вооруженный всего одной гранатой, взял в плен немца и отвел его в штаб полка. Там же, в Чехословакии, его батальону сдалась в плен группа немецких солдат — более тридцати человек. Батальон Д. Н. Огиенко участвовал и в Будапештской операции: на своем участке боя удалось силами около ста человек уничтожить более 800 солдат противника. В конце войны батальон наступал на Прагу, и там наши бойцы узнали от радистов о победе.

На интернет-портале «Память народа» мне удалось обнаружить наградной лист (датированный 5 января 1945 г.) к ордену «Красная Звезда». Приведу цитату из этого документа:

...В боях с немецкими захватчиками за высоту 200, 27 декабря 1944 года младший лейтенант Огиенко проявил исключительные образцы отваги и мужества. Тов. Огиенко в трудную минуту боя, под сильным пулеметно-минометным огнем противника, презирая смерть первым поднялся на штурм высоты, своим личным примером воодушевляя бойцов на новые боевые подвиги. Славный партийный организатор младший лейтенант Огиенко непосредственно находится в стрелковых ротах батальона, где проводит большую воспитательную работу среди личного состава... За смелость и инициативу проявленные в боях, представляется к правительственной награде — ордену «Красная Звезда»[3].

Уже в июне 1945 г. из Чехословакии через Германию Дмитрий Никифорович направился на восток — ГКО развернул широкую переброску соединений для укрепления боевых сил и средств на Дальнем Востоке. Там продолжалась Вторая мировая война. Наши союзники вели войну с Японией на Тихом океане и были заинтересованы в помощи СССР. Такое соглашение было подписано в Ялте: Советский Союз взял обязательство вступить в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии.

Лейтенант Д. Н. Огиенко оказался в одной из дивизий Забайкальского фронта под командованием маршала Малиновского. Наступали на правом фланге фронта. Главной операцией была Маньчжурская, целью которой являлось уничтожение Квантунской армии Японии в Северо-Восточном Китае и Корее совместно с 1-м Дальневосточным фронтом и Тихоокеанским флотом. Ветеран вспоминал:

В каждой дивизии выделили танки и САУ, бойцы шли пешком больше суток, без перерыва; такой маршрут выдержали только опытные (в боях с Германией шли и по 50—70 километров в день), многие семнадцатилетние парни из Средней Азии погибли; пустыня Гоби, жара неимоверная, кругом пески; страдали от жажды люди, гибли лошади бельгийской породы, впрягали в повозки верблюдов, ишаков, быков; для питания с собой гнали стада овец, но страдали не только без воды, но и без соли. Ребята погибали не только от противника (воевали японцы отчаянно и коварно: шли на смерть, как в райские врата, взрывали себя и губили наших, делали вид, что сдаются в плен, а на подходе могли кинуть в глаза песок), умирали от непривычных климатических условий, да и по собственной вине (был такой случай, когда, выйдя к железной дороге, увидели цистерну с техническим спиртом, напились взахлеб и потеряли 10 человек)[4].

Через Гоби и Хинган пришел Дмитрий Никифорович к миру.

После войны Дмитрий Никифорович служил еще два года, его не отпускали, так как он был ценным политработником: продолжал службу в качестве парторга батальонной связи при дивизии в Иркутске.

Только в феврале 1947 г. началась его мирная жизнь. Приехал к брату в пос. Черемухово, до 1981 г. трудился маркшейдером на шахте

«Черемуховская», затем до 1987 г. — горным инженером. Работал до семидесяти лет. За его добросовестный труд ему неоднократно присваивали звание «Ударник пятилетки» и удостоили высокой правительственной награды — ордена «Знак Почета» (1971). Кроме того, руководство шахты премировало Д. Н. Огиенко к юбилейным датам двумя столами (в условиях повального дефицита лишними они не были).

О войне напоминают многочисленные награды ветерана: орден Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды; медали Жукова, «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и многие юбилейные награды. В семейном архиве хранятся справки о награждении его медалями «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги». В документах указано, что медали «при убытии из части не вручены». Сам Дмитрий Никифорович не предпринимал шагов, чтобы их получить.

Смерть настигла Д. Н. Огиенко 2 апреля 2010 г. Ему был 91 год. Свое долголетие в интервью журналисту газеты «Наше слово» он объяснял следующим образом: «Пешие прогулки каждый день и 50 граммов коньяка, но не больше!»[5]

Вот что я могу рассказать о своем прадеде. Не слишком много. Но что сохранилось, тем и делюсь.

Хочется сказать, что информация о ветеранах отдельного населенного пункта должна включаться в уроки истории в рамках краеведческого компонента. Краеведческий материал, как мы отмечали в одной из своих предыдущих публикаций, «может быть использован на обычных уроках истории с целью показать, что события, описанные в учебниках, являются не абстрактными вещами, а вполне реальными, они проходили, если так можно выразиться, за дверью школьной аудитории»[6]. Определение немного корявое, но по сути верное.

Архивы — прежде всего муниципальные, если речь заходит о небольших городах и поселениях — могут организовывать разного рода виртуальные тематические выставки краеведческой направленности. Конечно, на этих выставках должны быть экспонаты не только военной тематики, но и мирной: например, история градообразующих предприятий, на которых работает большинство жителей населенного пункта. Об опыте организации подобных выставок муниципальным архивом Североуральска мы говорили в отдельной публикации[7].

Примечания

[1] Книга памяти североуральцев — участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / сост. В. С. Мартынов, П. П. Мартынова. Вып. 2. Североуральск, 2000. С. 223.

[2] *Сенченко А.* Солдат Второй мировой (на правах рукописи). Североуральск, 2006. 15 с.

[3] URL: https://pamyat-naroda.ru/ (дата обращения: 01.12.2020).

[4] *Сенченко А.* Указ. соч. С. 12.

[5] *Корнеева Л.* Десантник Огиенко // Наше слово. 2009. 23 окт.

[6] *Батищев С. Д.* Нужно ли краеведение в школьном историческом образовании? // I Кривощёковские историко-архивные чтения. Кудымкар, 2019. С. 270.

[7] См.: *Батищев С. Д.* Роль и значение архивов в современном российском социуме // Роль архивов в современном обществе : сб. ст. по материалам науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Гос. архив. службы России / под общ. ред. Т. Н. Кондратьевой. Тюмень : Печатник, 2018. С. 154–157.

Л. А. Бенедиктович

Василий Иванович Плевак

Разработка научных биографий известных государственных и общественных деятелей, о которых в советский период писали мало или вообще не писали, стала одним из важных направлений современной российской историографии.

Одной из таких ярких фигур конца XIX — начала XX в. является присяжный поверенный Федор Никифорович Плевако (1842–1908), яркий представитель поколения эпохи либеральных реформ.

Москвичи гордятся Ф. Н. Плевако как великим судебным оратором, блестящая деятельность которого прошла преимущественно в столице. Но родился Федор Плевако в уездном Троицке Оренбургской губернии, где жили его родители, где прошли его детские годы и откуда он начал свой яркий путь к вершинам ораторского искусства, став одним из самых известных и успешных адвокатов России.

Литература о Плевако обширна, о нем написано больше, чем о ком-либо другом из российских адвокатов[1], издан двухтомник его речей[2], однако сведения о происхождении, родителях, детстве и юности Ф. Н. Плевако, прошедших вдали от столичного шума, практически неизвестны широкой общественности.

В отечественной историографии, до сих пор освещались в основном историко-правовые взгляды и адвокатская практика Ф. Н. Плевако, его общественно-политическая деятельность. Но собственно биографических сведений о Федоре Никифоровиче авторы указали критически мало либо сообщили ошибочные или вовсе неверные данные. Даже в работах, вышедших еще при жизни Ф. Н. Плевако, имеются грубые ошибки и неточности. Так, Л. Д. Ляховецкий[3] в первой же строчке своей характеристики Ф. Плевако, изданной еще в 1902 г., неверно указал год его рождения — 1843, а затем дал ошибочные сведения о его учебе и начале юридической практики. Эта же ошибка в годе рождения Плевако перекочевала затем и в 22-й том «Большой энциклопедии» С. Н. Южакова[4].

Вопрос об этническом происхождении родителей Федора Плевако до сего дня до конца не разрешен. Видимо, поэтому авторы многих публикаций о жизни Ф. Н. Плевако обходят его стороной.

По мнению московского историка В. И. Смолярчука, родителями Федора были член Троицкой таможни надворный советник Василий Иванович Плевак, происходивший из украинских дворян, и крепостная киргизка Екатерина Степанова, с которой Плевак прижил четырех детей (двое из них умерли младенцами), но брака не узаконил[5].

Менее убедительны другие версии, согласно которым Ф. Н. Плевако — сын поляка и башкирки (В. А. Маклаков)[6], «литвина и калмычки» (Б. А. Подгорный)[7].

Бесспорно одно: имя Феодор (Теодор или Федор) происходит от древнегреческого имени Теодорос («божий дар»), его фактической калькой является славянское имя Богдан, которое давали в основном незаконнорожденным детям.

Так все же, кто именно был отцом Федора Плевако?

Метрика о его крещении также не дает ответа на этот вопрос.

Первоначально метрика в виде копии свидетельства, выданного по прошению губернского секретаря Петра Николаева Брагина Оренбургской консисторией, была отыскана в личном деле студента Московского Императорского университета Федора Плевака[8]. Подлинная же запись о крещении Федора была найдена в делах ОГАЧО сравнительно недавно — в 2015 г.[9] — челябинским исследователем В. Стафеевым.

Согласно метрической записи, датированной 13 апреля 1842 г.[10], у троицкой мещанки девицы Екатерины Степановой дочери Степановой появился на свет незаконнорожденный сын Федор, который был окрещен на следующий день в Троицкой соборной церкви. Восприемниками у святой купели были дворовый человек полковника Голощапова Николай Воробьев и дворовая девка супруги станового пристава Карпова — Агриппина Степанова. Тем не менее достоверно известно, что отцом будущего знаменитого московского адвоката был чиновник Троицкой таможни Василий Иванович Плевак, который прижил от вольноотпущенной дворовой девки управляющего этой таможни Петра Кривошеина Екатерины Степановой пятерых детей, в том числе и Федора.

Коллежский асессор Василий Иванович Плевак (ок. 1790 — 08.09.1853) 18 апреля 1833 г. был определен Департаментом внешней торговли в Троицкую таможню пакгаузным надзирателем, а 1 августа 1833 г. назначен членом Троицкой таможни[11]. В Троицк Плевак прибыл в июле 1833 г. из столичного Санкт-Петербурга по собственному прошению — он был недоволен своей службой в Государственном заемном банке Министерства финансов в качестве простого журналиста, а желал продолжать службу по ведомству Департамента внешней торговли[12].

Еще до Октябрьской революции в России прозвучала версия о том, что Василий Иванович по происхождению был «литвин», то есть жителем бывшего Великого княжества Литовского[13]. Исследователь биографии Ф. Н. Плевако, уже упоминавшийся В. И. Смолярчук в 1989 г. писал, что «его отец происходил то ли из Литвы, то ли из Киевской губернии, из обедневшего украинского дворянского рода»[14]. А в 2000 г. он привел свидетельство уже самого Федора Никифоровича: «...по рассказам близких, отец его происходил из обедневшего литовского дворянства»[15].

Н. А. Троицкий почти одновременно выпустил две работы. В одной указывается что «Василий Иванович из украинских дворян»[16], в другой же появляется утверждение, что Плевако — «сын литовского и украинского дворянина»[17].

О восточнославянских корнях Василия Плевака говорит и его фамилия, явно произведенная от прозвища с помощью типичного суффикса *-ак/-як*, характерного для украинского (Вторак, Корчак, Лысак) и белорусского (Беляк, Пестрак) языков[18].

Василий Плевак действительно происходил из дворян Волынской губернии[19], что следует из его формулярных списков, обнаруженных в архивах Санкт-Петербурга и Челябинска. Исходя из этого, можно согласиться с утверждением, что Плевак был по своему происхождению скорее литвином (жителем бывшего Великого княжества Литовского), чем украинцем[20].

Дополнительно о литовском (литвинском) происхождении отца знаменитого адвоката может свидетельствовать факт награждения его в сентябре 1839 г. орденом Святого Станислава 3-й степени. Этот чисто польский орден после разделов Польши был соединен с русскими орденами, а окончательно вошел в состав имперских орденов в 1831 г. Им, как правило, награждали российских подданных польского происхождения[21].

По данным челябинских интернет-ресурсов, до приезда Василия Плевака в Троицк Екатерина Степанова была крепостной служанкой, приписанной ко двору начальника таможни. И якобы именно усилиями В. И. Плевака она получила свободу и была определена в мещанское сословие[22]. От связи с Екатериной Степановой у Василия Плевака (по разным сведениям) было несколько детей, из них известны пятеро: Иван (1834, Троицк — умер в младенчестве), Мария (1836, Троицк — умерла в младенчестве), Доримедонт (12.09.1837, Троицк — 01.10.1874, Москва), Федор (13.04.1842, Троицк — 23.12.1908, Москва), Юлия (08.08.1853, Москва — ноябрь 1908, Москва). И если в метрической записи 1837 г. о крещении Доримедонта Никифорова в Троицкой соборной церкви его мать названа «отпущенницей» коллежского советника Петра Федорова Кривошеина, то уже в метрике 1842 г. о крещении Федора Екатерина Стефанова названа «троицкой мещанкой».

Следует отметить, что российское законодательство XIX в. считало детей, родившихся вне законного брака (брака, совершенного по обряду Церкви с соблюдением всех необходимых условий), незаконнорожденными и не признавало за ними практически никаких прав. Царский Указ от 7 февраля 1762 г. подтверждал уже действующее запрещение вводить незаконнорожденных «в знатное шляхетство», в наследство и «в фамилию» по воле их воспитателей[23]. Усыновление незаконнорожденных детей законодательство того времени не предусматривало. Указом 1829 г. император Николай I повелел прошений об их усыновлении и узаконении не принимать и не рассматривать[24].

Экскурс в российское законодательство показывает, что официальное усыновление Федора его отцом никак не могло состояться в рамках действовавших законов. Даже если бы Василий Плевак признал Федора своим сыном, усыновление его произойти не могло: на момент крещения Федора его отец не был женат на матери ребенка, и родившийся ребенок считался незаконнорожденным, что было официально зарегистрировано в метрической книге Троицкой соборной церкви.

Незаконнорожденным детям в Российской империи отчество присваивалось при совершении метрической записи об их рождении сообразно имени своего восприемника. Фамилией незаконнорожденный ребенок именовался одинаково с отчеством[25]. Так как восприемником

у новорожденного Феодора был Николай Воробьев, то отчество Федора и фамилия его были установлены по восприемнику — Николаев, что находит свое подтверждение в архивных документах Плевако.

Однако в российской историографии почему-то сложилось неверное представление о том, что незаконнорожденный будущий «гений слова» получил отчество и фамилию (Никифоров) по имени Никифора — крестного отца своего старшего брата. А вот якобы позднее в университет он поступал с отцовской фамилией Плевак и по окончании университета добавил к ней букву «о», причем называл себя с ударением на этой букве — Плевако́[26]. «Итак, — заключает по этому поводу В. И. Смолярчук, — у него три фамилии: Никифоров, Плевак и Плевако»[27]. Но эти утверждения биографов Ф. Н. Плевако противоречат найденным архивным документам его семьи.

Старший из братьев Плевако, также рожденный вне брака в 1837 г. Доримедонт, действительно был Никифоровым — по имени своего восприемника. Тем не менее все дети Василия Плевака носили разные фамилии и отчества: старший сын Доримедонт был Никифоров, младший — Федор Николаев, а родившаяся в 1853 г. в Москве дочь была Юлия Васильева.

А что же в действительности хранится в российских архивах о Василии Плеваке, Екатерине Степановой и их детях? С постановки такой задачи, собственно, и началась работа по поиску биографических сведений о семье знаменитого адвоката. Данную публикацию о Василии Ивановиче Плеваке не стоит рассматривать как какую-то законченную работу. Это еще только некий черновик, только попытка изложить те сведения, что удалось найти за последние несколько лет работы.

* * *

Место рождения и родителей Василия Ивановича Плевака пока установить не удалось. Происходил же он, как отмечалось выше, из дворян Волынской губернии. Каких-либо недвижимых имений ни сам Василий Плевак, ни родные его не имели. В браке он не состоял (был холост). Вероисповедания православного. Службу начал в Волынской губернии в Главном суде канцеляристом.

Согласно формулярному списку о службе коллежского секретаря Василия Плевака от 26 февраля 1825 г.[28], он 7 апреля 1810 г. поступил в число канцелярских служителей во 2-й департамент Волынского главного суда[29].

15 декабря 1810 г. произведен губернским регистратором.

С 27 декабря 1810 по 17 октября 1812 г. пребывал в распоряжении волынского губернского прокурора как прикомандированный от суда чиновник.

После увольнения из Волынского главного суда поступил в Радзивиловский таможенный округ Министерства финансов, где пребывал в должности помощника надзирателя с 21 марта 1813 по 27 ноября 1813 г., а после сокращения штатов по данному округу служил внештатным помощником надзирателя до 20 января 1816 г.

С 28 августа 1816 г. Плевак продолжил службу в качестве писца Преборовской пограничной заставы Преборовской же пограничной

таможни Брестского таможенного округа (Гродненская или Литовско-Гродненская губерния).

31 декабря 1817 г. был произведен в коллежские регистраторы.

В период с 14 августа 1818 по 10 января 1819 г. Плевак был откомандирован в г. Брест-Литовский в распоряжение начальника Брестского таможенного округа. В этот же период по поручению начальника округа управлял Добронижской и Немировской дистанциями.

31 декабря 1820 г. произведен губернским секретарем, а 31 декабря 1823 г. — коллежским секретарем.

В период с 14 января 1824 по 14 февраля 1824 г. исправлял должность помощника управляющего Преборовской таможней. 26 февраля 1825 г. уволен от должности по прошению.

Подал прошение о поступлении на службу в Кизлярскую пограничную таможню Астраханского пограничного таможенного округа Министерства финансов, и 18 декабря 1825 г. был назначен пакгаузным надзирателем с производством в титулярные советники.

7 мая 1831 г. В. И. Плевак произведен в коллежские асессоры (патент герольдии Правительствующего сената 23 октября 1831 г.)[30].

После увольнения из Кизлярской таможни Василий Плевак 7 ноября 1832 г. был назначен в Государственный заемный банк Министерства финансов и переехал в Санкт-Петербург. Но прослужил он в этом банке в должности рядового журналиста (то есть лица, ведущего журнал учета входящих / исходящих документов) совсем недолго и 14 апреля 1833 г. по своему прошению о желании продолжать службу по ведомству Департамента внешней торговли был от этой должности уволен.

Вот таким был служебный путь Василия Плевака до его появления в Троицке.

В журнале заседаний присутствия Троицкой пограничной таможни[31] первая запись об участии В. Плевака в заседании относится к 3 июля 1833 г. Согласно распоряжению управляющего таможней коллежского советника Кривошеина, пакгаузному надзирателю Плеваку было поручено временно исполнять должность члена таможни.

Согласно формулярному списку[32], Василий Иванович Плевак 22 августа 1837 г. был удостоен знака отличия беспорочной службы «XV лет».

16 сентября 1839 г. ему пожалован орден Святого Станислава 3-й степени.

24 сентября 1839 г. он был произведен в надворные советники.

29 августа 1844 г. удостоен знака отличия беспорочной службы «XX лет».

В августе 1851 г. В. Плевак вышел в отставку и переехал на постоянное жительство в Москву.

В 1833 г. по прибытии на службу в Троицк Василий Плевак знакомится с Екатериной Степановой (ок. 1816 — 1883), которая в то время еще служила при дворе управляющего Троицкой таможней Петра Кривошеина.

«Отцу моему, — много лет спустя писал Федор Никифорович Плевако, — понравилась, не то как девушка, не то как удобная служанка, моя мать, и ему любезно уступили ее. Брак их не был узаконен, и дети

записывались как “рожденные от установившейся связи от троицкой мещанки Екатерины Степановой, девицы”»[33].

По выходу в отставку Василий Плевак перебирается с семьей в Москву на постоянное жительство. С ним из Троицка приехали Екатерина Степанова, сыновья Доримедонт и Федор, а также Агриппина (Груша) Степанова, что в 1842 г. была восприемницей при крещении Федора. В 1852 г. В. И. Плевак со своей семьей проживал в Москве на ул. Остоженке, в доме Гавриловой. Также есть сведения о том, что в 1852–1853 гг. надворный советник Василий Иванов Плевокин (Плювакин) проживал на квартире у госпожи Барской (Барыковой), вместе с ним проживали «города Троицкого Оренбургской губернии мещанские девицы Екатерина Стефанова и Агрипина Стефанова, а также Оренбургской губернии Троицкого уезда мещанские дети Дормидонт 14, Федор 10 лет Никифоровы»[34]. Такие же данные в исповедных ведомостях Воскресенской церкви мы имеем и за 1853–1854 гг.

Умер Василий Плевак в Москве 8 сентября 1853 г. в возрасте 63 лет, похоронен на кладбище Покровского монастыря (могила не сохранилась)[35].

Член Троицкой таможни Василий Иванович Плевак получал очень неплохое денежное содержание. Его годовое жалование в 1849 г. составляло 428 руб., да еще было и прибавление к нему согласно Таможенному уставу в размере 397 руб., а всего 825 руб. Такой годовой доход позволил ему оставить после себя весьма достойное наследство — около 36 тыс. руб., которое он завещал в пользу Екатерины Степановой и двух своих сыновей.

Попробую дать ответ на гипотезу, уже неоднократно выдвигавшуюся разными исследователями, о возможном участии Василия Плевака в польском восстании 1831 г. и о последующей его ссылке в Оренбургскую губернию. Еще в советское время такое предположение сделал известный писатель Валентин Пикуль в своем произведении «Не от крапивного семени»: дескать, Василий Плевак — польский революционер, «был сослан в Сибирь, там он встретил калмычку, которая и родила ему сына»[36].

Я эту гипотезу не поддерживаю в силу того, что невозможно себе представить, чтобы лицо, участвовавшее в польском восстании, получило должность на государственной службе и возможность проживать в столичном городе, Санкт-Петербурге, сразу же после подавления этого восстания, то есть в 1832 г. А ведь Василий Плевак уже в ноябре 1832 г. состоял на службе в столичном Государственном заемном банке. Кроме того, сомнительно, чтобы участник восстания 1831 г. был в 1837 г. удостоен знака отличия беспорочной службы «XV лет», а в 1839 г. пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени и произведен в надворные советники. Это была бы просто невероятная карьера.

Но есть и иные сомнения в возможности участия Василия Плевака в восстании 1831 г. Польское восстание началось 29 ноября 1830 г. и продолжалось до 21 октября 1831 г. Но Василий Плевак из Кизлярской таможни был уволен только 30 марта 1831 г. Когда В. И. Плевак действительно убыл из Кизляра и куда, нам пока неизвестно. Возможно, он убыл из Кизляра только после того, как в мае 1831 г. был

произведен в коллежские асессоры. А так как патент на указанный чин Департамент герольдии Правительствующего сената был направлен по прежнему месту его службы и лично получен В. Плеваком (это следует из материалов его дела в Государственном заемном банке[37]), то из Кизляра Плевак мог выехать гораздо позже, чем 23 октября 1831 г. (дата указа Департамента герольдии о выдаче патента на обер-офицерский чин, дающий право на потомственное российское дворянство).

Так что пока Василий Плевак из Кизляра ехал до Литвы (это около месяца пути на почтовых лошадях), восстание уже могло быть подавлено.

При этом нельзя не учитывать фактор вероисповедания Василия Плевака. Его православие, как мне представляется, практически сводит на нет саму возможность его участия в восстании 1831 г., целью которого было восстановление Польши как независимого самостоятельного государства. Это было прежде всего дворянское восстание. А конфессиональный состав дворянства, участвовавшего в «революции» 1831 г., был однороден, так как польские дворяне в абсолютном большинстве были римо-католики. Кроме того, Василий Плевак не только был православного вероисповедания, но и происходил из дворян Волынской губернии, где восстание было слабым и быстро подавлено российскими войсками.

Вопрос о вероисповедании Василия Ивановича Плевака мной установлен абсолютно точно. Прежде всего, его православное вероисповедание записано в официальном документе 1849 г. — в «формулярном о службе Василия Плевака списке Троицкой таможни»[38]. Кроме того, Василий Плевак был похоронен на православном кладбище в Москве, и в 1851–1853 гг. он был прихожанином московской православной Воскресенской церкви.

Вопрос о происхождении Василия Плевака из дворян Волынской губернии подтверждается данными его формулярного списка о службе в качестве члена Троицкой пограничной таможни за 1849 г. Но род волынских Плеваков не только не был утвержден в российском дворянстве, а, скорее всего, и не представлял доказательств своего благородного происхождения в Волынское дворянское депутатское собрание. Во-первых, это следует из того, что в деле 1831 г. об увольнении В. И. Плевака из Кизлярской пограничной таможни начальник Астраханского таможенного округа отказался ходатайствовать перед Департаментом внешней торговли Министерства финансов о награждении титулярного советника Василия Плевака следующим чином коллежского асессора «за непредставлением о дворянском его происхождении надлежащих документов». При этом и сам Плевак в своем прошении в Кизлярскую пограничную таможню от 2 января 1831 г. указывает, что документы о дворянском происхождении им не представлены, и просит, ссылаясь на мнение Государственного совета, высочайше утвержденного 8 февраля 1822 г., освободить его от обязанности представления документов о своем дворянском происхождении, предусмотренной Указом от 19 декабря 1803 г.

Во-вторых, 30 ноября 2016 г. мной получено уведомление из Государственного архива Житомирской области Республики Украины об отсутствии в делах Волынского дворянского депутатского собрания

выводных дел Плеваков. Личное дело Василия Ивановича Плевака не выявлено ни в фонде «Волынский главный суд», ни в фонде «Волынский губернский прокурор». Дворянское дело Плевака отсутствует и в Российском государственном историческом архиве. В «Гербовнике Волынской шляхты», изданном в Польше также отсутствуют сведения о такой фамилии, как Плевак (на сегодня издано семь томов этого гербовника).

Примечания

[1] См.: *Тимофеев А. Г.* Судебное красноречие в России: критические очерки. СПб., 1900 ; *Ляховецкий А. Д.* Характеристики известных русских судебных ораторов (Ф. Н. Плевако, В. М. Пржевальский, Н. П. Шубинский). СПб., 1902 ; *Маклаков В. А.* Ф. Н. Плевако. М., 1910 ; *Доброхотов А. М.* Слава и Плевако. М., 1910 ; *Подгорный Б. А.* Плевако. М., 1914 ; *Кони А. Ф.* Князь А. И. Урусов и Ф. Н. Плевако // А. Ф. Кони. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. М., 1968; *Смолярчук В. И.* Гиганты и чародеи слова. М., 1984 ; *Он же.* Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989.

[2] См.: *Плевако Ф. Н.* Речи : в 2 т. / под ред. Н. К. Муравьева. М., 1909–1910.

[3] *Ляховецкий Л. Д.* Указ. соч.

[4] Большая энциклопедия : слов. общедоступ. сведений по всем отраслям знания : в 20 т. Т. 22 (доп.): Мендельсон — Фразибул / под ред. С. Н. Южакова. СПб. : Изд-во т-ва «Просвещение», 1909.

[5] *Смолярчук В. И.* Адвокат Плевако: очерк о жизни и судебной деятельности адвоката Ф. Н. Плевако. Челябинск, 1989. С. 11–13.

[6] *Маклаков В. А.* Указ. соч. С. 37.

[7] *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 6–7.

[8] ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 27. Д. 331. Л. 9 — 9 об.

[9] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 107. Л. 19 об.

[10] Все даты приводятся по старому стилю.

[11] Согласно формулярному списку 1849 г.: ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 136.

[12] РГИА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1235.

[13] *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 6–7.

[14] *Смолярчук В. И.* Указ. соч. С. 11.

[15] *Плевако Ф. Н.* Избранные речи / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000. С. 7.

[16] *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1899–1904 гг. Тула, 2000. С. 33.

[17] Там же. С. 76.

[18] *Унбегаун Б.* Русские фамилии : пер. с англ. / общ. ред. Б. А. Успенского. М., 1989. С. 220, 241.

[19] Волынская губерния (1792–1925, до 1795 — Изяславская) — юго-западная губерния Российской империи на территории исторической области Волынь.

[20] ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 136.

[21] *Всеволодов И. В.* Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем / предисл. Г. Ф. Кима. М., 1990. С. 162.

[22] URL: http://panteon-istorii.narod.ru/other/plevako.html (дата обращения: 01.12.2020) ; http://www.chelpress.ru/newspapers/ucourier/archive/24-04-2002/3/a677.html.

[23] ПСЗРИ-1. Т. 15. № 11436.

[24] ПСЗРИ-2. Т. 4. № 3027.

[25] Метрики (общие акты состояний) / сост. Л. П. Новиков ; под ред. прот. Н. А. Каллистова. СПб., 1907.
[26] *Россиев П. А.* Памяти Ф. Н. Плевако // Ист. вестн. 1909. № 2. С. 682.
[27] *Смолярчук В. И.* Указ. соч. С. 15.
[28] РГИА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1233.
[29] В аттестате о службе в Кизлярской таможне указан 1-й департамент Волынского главного суда: РГИА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1235.
[30] Там же.
[31] ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 136.
[32] Там же. Д. 391.
[33] Цит. по: *Плевако Ф. Н.* Избранные речи... С. 8.
[34] ЦГА Москвы. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 1773.
[35] Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1907–1908. С. 425.
[36] *Пикуль В.* Миниатюры. СПб., 1992. С. 171.
[37] РГИА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1235. Л. 6.
[38] ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 136.

Л. Т. Жайбалиева, О. К. Гукасян

Оренбургский губернатор В. А. Перовский и его роль в продвижении России в Среднюю Азию

В истории гсударства особую роль играют исторические личности. В первую очередь мы говорим о тех, кто относится к руководящему составу: лидерах государств, военных деятелях, ученых. От правильно принятых ими решений зависит дальнейшая судьба страны. На сегодняшний день мы можем наблюдать результаты их деятельности.

Данная тема получила развитие в конце дореволюционного этапа становления исторической науки. Исследователи, занимаясь изучением истории регионов страны, обращали внимание на местных губернаторов, от деятельности которых напрямую зависело экономическое, политическое и социальное развитие края. В царской России губернаторы были представителями правителя и фактически обладали его властью.

В исторический период, начавшийся после правления Петра I, губернаторы появились практически во всех регионах страны. Оренбургская губерния являлась не только крупным административно-территориальным образованием, но и важным политическим и экономическим центром. В связи с этим деятельность местных губернаторов представляет собой особый интерес при изучении истории не только Оренбургского края, но всей страны.

Огромный вклад в развитие региона внес Василий Алексеевич Перовский, оренбургский военный губернатор в 1833–1842 гг., оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1851–1857 гг. Василий Алексеевич провел большое количество внутренних преобразований, наладил отношения с соседними народами и превратил край в важную часть Российской империи. Период, когда регионом управлял В. А. Перовский, часто называют «золотым веком Оренбургской истории».

Несмотря на то что деятельность В. А. Перовского на посту губернатора была оценена многими исследователями как самая эффективная, в отечественной историографии отсутствуют исторические труды, полностью посвященные его деятельности. Историки, занимающиеся изучением региона, чаще всего описывают походы в Среднюю Азию, практически не анализируя личность губернатора и проводимые мероприятия. Однако отрывки, посвященные ему, встречаются в большом количестве работ.

Основной документальной базой исследования деятельности генерал-губернатора являются материалы Государственного архива Оренбургской области. Эти документы отложились в фондах канцелярии оренбургского генерал-губернатора, канцелярии оренбургского губернатора, Оренбургского губернского правления, Оренбургской экспедиции пограничных дел.

В фонде канцелярии оренбургского генерал-губернатора важными источниками являются отчеты генерал-губернатора по управлению Оренбургским краем; дела, отражающие политико-экономические отношения с казахскими жузами и государствами Средней Азии, социально-экономическое положение Оренбургской губернии и т. д.[1]

Ценным документом в этом фонде является дело «О мерах В. Перовского по улучшению управления губернией». Здесь собраны письма и рапорты оренбургского военного губернатора военному министру с предложениями об улучшении управления краем, а также указы императора, принятые в результате ходатайства В. А. Перовского[2]. В фонде отложилось много документов, которые отражают историю военных походов под командованием В. А. Перовского[3]. Это списки карт и планов Хивинского похода 1839–1840 гг., сведения по учету офицеров казачьих войск, участвовавших в Хивинской экспедиции, сведения о награждении участников военной экспедиции, декларации оренбургского военного губернатора, описания мест сражений и т. д.

Прежде чем изучать деятельность В. А. Перовского на посту губернатора Оренбургского края и его военные походы, необходимо проследить процесс становления его личности и характера. Василий Алексеевич получил великолепное образование, знал несколько иностранных языков, занимался живописью, музыкой и увлекался поэзией. Молодой дворянин окончил Московский университет, где получил степень кандидата, поступил в Муравьевское училище для колонновожатых, где стал поручиком. В этом чине принял участие в Отечественной войне 1812 г. В звании адъютанта командовал армией генерала от инфантерии Милорадовича.

С 1815 г. В. А. Перовский стал активно подниматься по карьерной лестнице. Служил в гвардейском Генеральном штабе, а через год его перевели в лейб-гвардию Егерского полка. Затем в звании капитана стал служить в лейб-гвардии Измайловского полка. В 1818 г. вступил в ряды декабристов и стал членом «Союза благоденствия». Однако из-за плохого состояния здоровья был вынужден отправиться на лечение в Италию и после возвращения связь с декабристами уже не поддерживал.

При Николае I получил чин полковника, когда сопровождал будущего императора в путешествии по русским землям. За свою

преданность и хорошую службу В. А. Перовский был назначен личным адъютантом самого императора. В 1828–1829 гг. принимал участие в русско-турецкой войне. На поле сражения получил серьезную рану, но остался жив. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В том же году удостоен почетного звания генерал-адъютанта.

Таким образом, благодаря своей настойчивости, целеустремленности и самоотверженности В. А. Перовский заслужил доверие Николая I, в связи с чем именно ему император поручил управление Оренбургским краем. Кроме того, В. А. Перовский был назначен командиром Оренбургского отдельного корпуса.

Василий Алексеевич был самым молодым из руководителей, которые занимались управлением Оренбургской губернией. Молодой, амбициозный и талантливый руководитель как никто другой подходил на роль управленца Оренбургским краем. Энергия, которой обладал Перовский, требовала от него заняться работой, не ограниченной какими-либо рамками столичного устоя. Новое назначение способствовало реализации потенциала талантливого руководителя, давало ему возможность применить свои навыки на посту государственного деятеля[4].

Оренбургский военный губернатор составил программу, в соответствии с которой должна была вестись эффективная работа по улучшению края[5]. Чтобы реализовать этот план, необходимо было привлечь способных и талантливых государственных служащих, исследователей в различных областях наук, культурных деятелей. Такие люди были привезены из Петербурга, а также из соседних регионов.

В число помощников губернатора вошли известные в столице личности, среди них врач и писатель В. И. Даль. Он был назначен чиновником, который занимался особыми поручениями, в его компетенции была естественно-научная деятельность. В свою команду он пригласил камер-юнкера Дурасова и молодого чиновника Лебедева. Среди оренбургских деятелей он выбрал генерал-майора Г. Ф. Генса.

В первой половине XIX в. в Оренбург пригласили специалиста по статистике — географа и картографа Я. В. Ханыкова, работа которого заключалась в исследовании оренбургских земель. Его труды — карты Южного Урала, Аральского моря и Хивинского ханства — стали огромным вкладом в изучение истории Оренбургского края. Не обошла стороной слава и его брата — Н. В. Ханыкова, который также занимался географией и этнографией, преуспел в дипломатии. Если первый брат занимался разработкой карт, то второй отдавал предпочтение природе Южного Урала, зауральских степей. Он был и путешественником, совершил походы в Хиву и Бухару.

В 1839 г. в Оренбургскую губернию приехал геолог и путешественник офицер Е. П. Ковалевский. Он занимался разработками золотых месторождений на Урале, исследованием рек Сырдарья и Амударья, участвовал в экспедиции в Бухару, обследовал залежи угля в Стерлитамакском уезде.

Благодаря своей способности видеть в людях потенциал, В. А. Перовский умело собирал вокруг себя видных ученых, способных исследователей, талантливых культурных и общественных деятелей. Все это впоследствии принесло свои плоды[6].

С вступлением на новую должность В. А. Перовский определил для себя основные задачи, которые требовали незамедлительного решения. Во-первых, необходимо было обеспечить защиту оренбургских земель от нападений кочевых народов. Для этого сооружались военные пограничные линии. Во-вторых, губернатор должен был поддерживать дипломатические отношения с башкирским населением, а также заниматься улучшением жизни казаков. Оставались неразрешенными и требовали особого внимания внешнеполитические задачи — оборона подвластных Российской империи казахских кочевий и приграничных русских селений от хивинских набегов.

Оренбургский край располагался на огромной территории, включая в себя практически половину современного Казахстана, что усложняло управление регионом. При этом В. А. Перовский делал все возможное для того, чтобы расширить территорию края, позволить Российской империи глубже проникнуть в Среднюю Азию и усилить позиции страны в глазах среднеазиатских стран.

Долгое время Российская империя старалась не вмешиваться в дела казахских ханств, придерживаясь нейтральной позиции. В рамках этой политики правительству приходилось закрывать глаза на разорительные набеги[7]. Однако со временем ситуация начала меняться. Причин для этого было несколько. Так, в связи с безнаказанностью со стороны российских властей казахи все чаще стали нападать на поселения на территории Российской империи. Несмотря на то что были построены специальные укрепления и регулярно проводились карательные рейды, нападки со стороны казахских степей продолжались.

Кроме того, правительству России во главе с императором было известно о планах продвижения на юг Великобритании. Так, Англия уже смогла закрепиться в Афганистане. Кроме того, она активно внедряла своих людей в азиатские ханства с целью сбора информации о регионе и политической обстановке в них. Таким образом, Великобритания могла взять под свой контроль Среднюю Азию, а дальше — закрепиться в Китае. Такая расстановка сил угрожала не только усилению позиций Англии на международной арене, но и ставила под угрозу российские границы, поскольку английские солдаты могли бы присутствовать рядом с русскими поселениями, а британская империя могла провоцировать правителей Хивы, Бухары и Коканда.

У России были позади победоносные войны, после которых страна постепенно восстанавливалась, чему способствовали и выплаты со стороны поверженных государств. Правительство искало новые пути и средства расширения территории и усиления позиции страны на международной арене. Средняя Азия была очень привлекательным вариантом.

Среднеазиатский регион был важным экономическим партнером. Россия не только участвовала в торговле с азиатскими странами, но и видела в них выгодного поставщика сырья для производства. Территории Средней Азии были богаты хлопком, необходимым для российского производителя. Присоединение азиатских стран и последующее экономическое взаимодействие с ними принесли бы России огромную выгоду.

Благодаря перечисленным факторам не только русское правительство, но и обычные граждане все больше становились заинтересованными в присоединении Средней Азии. Кроме того, данное

сотрудничество было бы выгодно обеим сторонам. В связи с этим император и его окружение начали строить планы по присоединению среднеазиатских стран.

В конце 1830-х гг. В. А. Перовский начинает подготовку похода на Хивинское ханство. К этому времени на его территории удерживалось около двух тысяч российских подданных. Их захватывали в плен в результате набегов и относились, как к рабам. Первоначально В. А. Перовский планировал достигнуть компромисса дипломатическим путем. Однако для решения проблемы был необходим инструмент давления, в качестве которого выступили около 500 хивинских караванов, которые перевозили разнообразные товары на общую сумму более 1,5 млн руб. Торговцев задержали по личному указанию губернатора, однако относились к ним с уважением. Василий Алексеевич направил в Хиву грамоту, в которой предлагал обменять торговцев на российских подданных. Через год хивинский хан в качестве ответа отпустил всего 25 человек, и еще пятерых — в следующем году. Таким образом, всем стало ясно, что дипломатическим путем данный вопрос решить не получится.

В результате В. А. Перовский составил план военного похода на Хиву. В ноябре 1839 г. из Оренбурга выступил отряд, в состав которого входили батальоны пехоты и казачьи полки общей численностью около пяти тысяч человек. При себе экспедиция имела 20 орудий и обоз из 10 тыс. верблюдов. Планировалось продвижение четырьмя колоннами.

Однако погодные условия не позволили экспедиции достичь своей цели. В конце ноября температура опускалась ниже 30 градусов, из-за чего солдаты получали обморожения, а верблюды быстро уставали из-за движения через глубокие сугробы. Солдат, получивших обморожения, не направляли обратно в город для оказания медицинской помощи, а заставляли продолжать путь. Таким образом, уже на середине пути количество боеспособных солдат сократилось более чем вдвое. В солдатской среде начинали выражать недовольство походом. В связи с этим, рационально оценив положение, В. А. Перовский приказал возвращаться. Таким образом, даже не вступая в вооруженные конфликты, русская армия потеряла больше тысячи солдат из-за сложных погодных условий и болезней[8].

Несмотря на то что поход фактически был сорван и погибло большое количество людей, сам факт того, что русская армия готова была выступить в мороз и пройти долгий путь, оказал огромное впечатление на хивинского хана. В результате летом 1840 г. было освобождено свыше 400 пленников, которых Хива самостоятельно обеспечила едой и переправила в г. Гурьев, располагавшийся к Хиве ближе остальных крупных городов. Николай I в знак благодарности за возвращение российских подданных из рабства наградил В. А. Перовского алмазными знаками ордена Св. Александра Невского[9].

Завоевание Хивы являлось составной частью проникновения России в Среднюю Азию, ее культурного, экономического и политического освоения огромной империи. В ходе организованного в 1873 г. генералом Кауфманом похода среднеазиатская держава стала российским протекторатом и утратила независимость внешней политики[10].

В середине XIX в. правительство России беспокоила политика не только Хивы, но и Кокандского ханства. Наиболее значительной здесь была крепость Ак-Мечеть, возведенная в 1817 г. на пересечении торговых путей. В 1852 г. Перовский поставил задачу захватить крепость. Отрядом корпусного обер-квартирмейстера Бларамберга была покорена лишь внешняя часть, а цитадель осталась неприступной. В 1853 г. крепость Ак-Мечеть была взята под командованием Василия Перовского. Вскоре по личному указанию императора укрепление было переименовано в форт Перовский.

Последней военной операцией Василия Алексеевича было взятие хивинского укрепления Ходжо-Нияз в 150 верстах от форта Перовского. С этого момента усилилась роль России в Центральной Азии и начались активные завоевания территорий в этой части света.

Служба в Оренбургском крае позволила В. А. Перовскому продемонстрировать свои способности организатора, администратора и хорошего дипломата. Взаимодействуя с азиатским населением и правителями, он старался предоставить им больше возможностей, в том числе льготы, отменил повинности по организации транспортных сообщений в казахские жузы. Данные меры позитивно сказались не только на экономическом взаимодействии, но и на отношении местного населения к российским властям.

Присоединение Средней Азии к Российской империи имело большие последствия. Благодаря активному развитию экономических отношений с Россией вскоре среднеазиатские страны смогли выйти на международный уровень. В связи с этим в Среднюю Азию начали проникать европейские идеи и традиции, которые либо смешивались с уже имеющимися, либо вытесняли их. Другими словами, в азиатских странах начался процесс разложения старого патриархально-феодального строя. Претерпела изменения и экономическая сфера. Благодаря налаживанию торговли с Россией и другими странами в азиатских странах перестало быть обязательным натуральное хозяйство. Если раньше жители Средней Азии производили все необходимые продукты и создавали все предметы, то теперь появился и стал быстро развиваться рынок с товарно-денежным обращением. Развитие экономики региона позитивно сказывалось на экономике всей страны в целом, в связи с чем правительство шло на определенные уступки. Так, например, были изъяты и переданы в собственность казахам небольшие участки земли, ранее принадлежавшие русской знати.

После присоединения Средней Азии на ее территорию начался приток населения из Российской империи, Китая и других соседних стран. За год в среднем прибывало около 50 тыс. человек. Это было связано, в первую очередь, с невысоким размером податей. Кроме того, в регионе была спокойная политическая и экономическая обстановка, огромные территории земель не были заселены. Российское правительство поощряло переезд русских в Среднюю Азию, поскольку это способствовало укреплению политических и экономических связей.

Благодаря вмешательству российского правительства были прекращены междоусобные распри. Кроме того, частично ради получения выгоды, частично под давлением со стороны Российской империи некоторые среднеазиатские страны отказались от рабовладельчества.

Постепенно происходили изменения и в законодательной сфере: изначально некоторые российские законы распространялись на территории стран Средней Азии, а со временем и вовсе было установлено единое законодательство, полностью соответствующее законам России.

Таким образом, военно-политическая, административная и хозяйственная деятельность В. А. Перовского оставили яркий след не только в истории региона, но и в истории России. Военные походы, которые предпринимались по инициативе оренбургского военного и генерал-губернатора, являются составной частью российской внешней политики середины XIX в. Василий Алексеевич сыграл ключевую роль в присоединении Средней Азии. Именно благодаря ему и Российская империя, и среднеазиатские ханства смогли наладить взаимовыгодное сотрудничество.

Примечания

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5237 ; Оп. 5. Д. 10798/3, 10925, 10931, 10993, 11076, 11300, 11377, 11530, 11538 ; Оп. 6. Д. 12172, 12859, 13254/16, 13313, 13394 ; Оп. 7. Д. 774 ; Оп. 10. Д. 3583, 3819а, 5068, 5141 ; Оп. 10/3. Д. 3 ; Оп. 12. Д. 153 ; Оп. 18. Д. 96, 99, 156, 161.

[2] Там же. Оп. 18. Д. 99.

[3] Там же. Оп. 6. Д. 12172 ; Оп. 10. Д. 4927. Л. 26–27 ; Д. 5141, 5068.

[4] *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М. : Наука, 1978. С. 96.

[5] Записки генерал-майора И. В. Чернова // Оренбургская ученая архивная комиссия. Вып. 18. Оренбург : Типолит. губерн. правления, 1907. С. 181.

[6] История Оренбуржья / сост и науч. ред. Л. И. Футорянский. Оренбург : Кн. изд-во, 1996. С. 218.

[7] *Глущенко Е. А.* Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. М. : Центрполиграф, 2010. С. 201.

[8] Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский: Документы. Письма. Воспоминания / сост. Е. Г. Вертоусова и др. Оренбург, 1999. С. 301.

[9] Там же. С. 304.

[10] *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. М. : Наука, 1965. С. 165.

М. А. Исаков[*]

«Я остаюсь на своей солдатской позиции»: героический жизненный путь знаменитого земляка — токаря Южно-Уральского машиностроительного завода Ш. Б. Жуматаева

Российская земля с давних времен славилась своими сынами: великими учеными, мудрыми руководителя, храбрыми воинами. Сохраняется данная традиция и сейчас. Множество соотечественников можно взять как пример для подражания молодому поколению, которое в беззаветном служении Отечеству и своему народу черпает силы для новых мужественных поступков и героических подвигов. Не является исключением и Оренбуржье, в котором так же, как и во всей стране, есть множество своих героев. Один из них — мой земляк, герой войны и труда Ш. Б. Жуматаев.

Шакир Бактыбаевич Жуматаев — Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин Орска, основатель трудовой династии. Он работал токарем-расточником на Южно-Уральском машиностроительном заводе (Орск), активно занимался общественной деятельностью, не раз становился главным героем публикаций в СМИ. В первую очередь это местные издания: статья о нем опубликована на сайте Орского краеведческого музея[1], в обобщающих работах о героях Оренбуржья[2], на информационных ресурсах «Историческая страница Орска», «Краевед Оренбуржья» и «Герои страны»[3]. Но в них биография Б. Ш. Жуматаева излагается очень кратко или в виде отдельных фрагментов. Мы постараемся описать ее в полном объеме, собрав воедино разрозненные данные.

Источником нам послужили материалы из Государственного архива Оренбургской области (Орск), где имеется фонд знаменитого орчанина[4], в котором отражена его биография, имеются воспоминания о фронтовой и мирной жизни. В архивную опись, состоящую из 13 наименований, включены биографические материалы Ш. Б. Жуматаева: биография, документы о нем, его рукописи и изобразительные документы. Также мы использовали фонд «Архивные коллекции документов орчан — участников Великой Отечественной войны»[5] и информационные ресурсы «Подвиг народа» и «Память народа»[6], где опубликованы его наградные документы. Воспоминания Ш. Б. Жуматаева опубликовала газета «Советская Россия» в 2011 г.[7]

11 февраля 2021 г. исполняется 30 лет с того дня, когда Шакир Бактыбаевич ушел на заслуженный отдых, 5 апреля — полвека, как он был удостоен одной из высших государственных наград — звания Героя Социалистического Труда. Поэтому считаем необходимым вспомнить его героический жизненный путь и осветить основные моменты жизни знаменитого земляка.

---

[*] Научный руководитель Игорь Александрович Новиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Родился Шакир Бактыбаевич Жуматаев 15 мая 1925 г. С сентября 1932 г. по июнь 1942 г. обучался в Орской средней школе № 1. Окончив восемь классов, работал конюхом, возчиком на лошадях, на хлебокомбинате. Как и большинство сверстников, взрослую жизнь начал с участия в Великой Отечественной войне. Был призван в ряды Красной армии в январе 1943 г. в возрасте семнадцать лет. В запасных полках прошел боевую подготовку, рассказывая о которой, признавался: «Тяжело было, и сейчас при воспоминаниях на губах привкус солдатского пота»[8]. Но неимоверные усилия не прошли даром: после учебы он показал отличный результат на стрельбах из винтовки и миномета. Получил специальность минометчика. «Мы рвались на фронт!»[9], — восклицал ветеран и дополнял: «6 ноября 1943 г. радости не было предела»[10]: в этот день его отправили на 3-й Украинский фронт автоматчиком в составе 101-го гвардейского полка 35-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии. Спустя месяц, 5 декабря 1943 г., он принял боевое крещение у небольшого украинского с. Павловка под Днепропетровском: «Это был ночной бой, настоящий!»[11], — вспоминает ветеран. В марте 1944 г. Шакир Бактыбаевич получил свою первую награду — медаль «За отвагу». «В боях за поселок Киевское 13 марта 1944 г., действуя смело и решительно, огнем из автомата истребил 7 немецких солдат и 1го унтер-офицера»[12], — так указано в его представлении к награждению.

Война продолжалась, и Красная армия все дальше продвигалась на запад, изгоняя врага со своей территории. В апреле — мае 1944 г. гвардии младший сержант Жуматаев участвовал в боях за Днестровский лиман и в форсировании Днестра, плацдарм на правом берегу которого дивизия удерживала весь май, отбивая яростные атаки немцев. За эти бои он был представлен к награждению второй медалью «За отвагу». «В боях против немецко-фашистских захватчиков на Право-Днестровском плацдарме в районе высоты 47,5, когда противник с участием танков 11 мая 1944 г. контратаковал наши рубежи, смелыми и решительными действиями огнем со снайперской винтовки истребил четверых солдат из вражеского танкового десанта и подавил огонь вражеского ручного пулемета»[13], — указано в представлении к награде. В начале июня часть Ш. Б. Жуматаева была передана в резерв и снова отправлена на переправу через Днестр, на левый берег, несмотря на то что это происходило не в условиях боя. Во время переправы Шакир Бактыбаевич едва не погиб. Он по неосторожности упал в воду в полном обмундировании, от гибели в быстром течении Днестра спасло только то, что он превосходно умел плавать.

В июне 1944 г. 35-я гвардейская стрелковая дивизия, в которой служил Ш. Б. Жуматаев, из резерва 3-го Украинского фронта была передана 1-му Белорусскому фронту. После доукомплектования живой силой и техникой она вновь была отправлена в бой. В июле 1944 г. дивизия вступила в ожесточенную схватку за р. Западный Буг. С боями форсировав ее, за шесть дней дивизия прошла 180 км, а 1 августа, преодолев Вислу, захватила Магнушевский плацдарм на ее правом берегу. В боях за расширение плацдарма Шакир Бактыбаевич был ранен в ногу, но поле боя не оставил. Лишь вечером он вечером был направлен в медсанбат, где лечился более двух месяцев.

После выписки вернулся в свою часть, которая находилась на том же плацдарме, понеся большие потери, доукомплектовывалась людьми и техникой: «Чувствовалось, как сжималась боевая пружина для удара по гитлеровцам»[14], — передавал свои ощущения Шакир Бактыбаевич.

Наступление началось 14 января 1945 г. Говоря словами Шакира Бактыбаевича, «боевая пружина разжалась, началось грандиозное наступление Висла — Одер, которое готовилось более четырех месяцев»[15]. Участие в нем принял и наш герой. За подвиг уже в первый день операции он был удостоен третьей награды — и снова медали «За отвагу»: «В бою за населенный пункт Гловачув 14 января 1945 г. меткой стрельбой из автомата уничтожил в стремительном бою одного немецкого офицера и троих солдат противника»[16]. В марте 1945 г. его дивизия взяла штурмом г. Кюстрин. За подвиг в бою 9 марта 1945 г. за взятие крепости Китц близ этого города Шакир Бактыбаевич получил орден Славы III степени: «...будучи легко раненым в голову после перевязки возвратился в строй»[17].

Приближалось окончание войны. Младший сержант Жуматаев участвовал и в последних боях Великой Отечественной, вносил вклад в расширение Одерского плацдарма, продолжавшееся целый месяц, куда стягивались силы для последнего удара. Он, как участник этих боевых действий, вспоминает: «16 апреля 1945 г. Одерский плацдарм зашевелился. В условное время накатился сплошной гул, мощь артиллерийский залпов, более 40 тысяч орудий»[18]. Его дивизия участвовала в боях за Зееловские высоты. За их штурм Шакир Бактыбаевич был удостоен очередной боевой награды — ордена Красного Знамени (за спасение командира полка: «26 апреля 1945 г. в районе аэропорта города Берлин наблюдательный пункт командира полка оказался в окружении. Тов. Жуматаев вместе с командиром взвода геройски вели бой против 2-х батальонов противника. В этом бою тов. Жуматаев лично уничтожил 12 немецких солдат и взял в плен 5 солдат противника, чем обеспечил жизнь командира полка и выход из окружения»[19]). 2 мая 1945 г. после взятия рейхстага для младшего сержанта Шакира Бактыбаевича Жуматаева война окончилась.

За участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. он был награжден орденами Красного Знамени и Славы 3-й степени, тремя медалями «За отвагу», а также медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Однако только спустя четыре года, в 1950-м, Шакир Бактыбаевич закончил службу в звании старшины и вернулся в Орск. Началась мирная жизнь, в которой, как и на фронте, он также отличался образцовым поведением. За трудовые подвиги и участие в общественной жизни не раз удостаивался государственных наград.

С 1 апреля 1950 г. Шакир Бактыбаевич работал на Южно-Уральском машиностроительном заводе учеником токаря, окончил орскую вечернюю школу № 45. Родному заводу он отдал 40 лет трудовой жизни, из них 30 лет — непосредственно у станка. Прошел большой трудовой путь «от рядового токаря до дипломированного мастера высочайшего класса»[20]. Он основал на заводе династию Жуматаевых, общий стаж которой в 1985 г. составлял 125 лет. В 1964 г. поступил на заочное отделение машиностроительного техникума на специальность

«техник-технолог по резке металла». Окончив обучение в 1969 г., работал расточником, токарем. С 1 июля 1986 г. пять лет был старшим мастером.

Шакир Бактыбаевич вспоминал: «Вся моя сознательная жизнь прошла в гуще трудового народа. Никогда не отрывался от общества. Общественная работа была превыше всего»[21]. Действительно, он всю свою жизнь активно занимался общественной деятельностью. Избирался депутатом Орского городского Совета депутатов трудящихся двух созывов, депутатом Оренбургского областного Совета народных депутатов двух созывов. Считал для себя наградой то, что коммунисты цеха № 1 избрали его секретарем партийной организации, а коллектив цеха № 1 несколько лет доверял возглавлять профсоюзный комитет. До распада СССР он был одним из инициаторов ленинских субботников. Большое внимание уделял молодежи, встречался со студентами машиностроительного техникума, профтехучилища № 1 Орска, ходил на встречи со школьниками. Особенно часто — на встречи с учениками школы № 11, где был создан военный музей с фотографиями участников Великой Отечественной войны и их письмами с фронта. До самой смерти Шакир Бактыбаевич помнил, как однажды учащиеся школы № 11 ехали в трамвае с плакатами: «Едем на Ленинский субботник на ЮУМЗ к Герою Социалистического Труда Жуматаеву Шакиру Бактыбаевичу»[22].

Всю жизнь наш герой честно работал и был убежден, что лишь тот, кто трудится, не будет потом ни о чем жалеть и, как он написал в своих воспоминаниях, «сосать лапу»[23]. Гордился он и специальной надписью на двери своей квартиры: «Здесь живет династия Жуматаевых».

Как было сказано выше, за свою деятельность в мирной жизни Шакир Бактыбаевич не раз удостаивался государственных наград. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1971 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда (за успехи в выполнении заданий пятилетнего плана, достижение высоких технико-экономических показателей[24]), а решением исполнительного комитета Орского городского Совета народных депутатов от 16 июля 1981 г. — звание «Почетный гражданин города Орска»[25]. Несколько раз за активное участие в заводской, общественной жизни и высокие производственные показатели Шакир Бактыбаевич был награжден благодарственными письмами, почетными грамотами. Его портрет помещен на Аллею почета Южно-Уральского машиностроительного завода. За высокие производственные результаты, достигнутые в социалистическом соревновании, он несколько раз награждался знаком «Победитель соцсоревнования»[26].

Ни к христианам, ни к мусульманам он себя не относил. Говорил: «Знаю, что есть на земле Бог, но религий не признаю»[27]. Неприятно ему было видеть, читать в газетах, что нынешнее поколение плохо знает историю своей Родины, не помнит, что была страшная и жестокая Великая Отечественная война. Он считает себя счастливым человеком, потому что защищал свою страну во время этой войны, гордится тем, что он, советский солдат, спас человечество от геноцида.

Большую роль в жизни каждого гражданина играет семья, от нее во многом зависит весь жизненный путь человека. Поэтому считаем

необходимым упомянуть о семье нашего героя. Жена Шакира Бактыбаевича, Евгения Васильевна, была поистине его верной спутницей, хранительницей очага, во всем помогала любимому мужу. «Благодаря ей я стал Героем Социалистического Труда. Благодаря ей я с такой душой работал. Вызывал уважение товарищей. Ко мне тянулись. Избирали на общественные должности»[28], — утверждает Шакир Бактыбаевич. И дополняет: «Я не раз говорил ей: если бы позволил закон, я бы свою Звезду повесил тебе»[29]. Он познакомился с будущей супругой во время службы в Белоруссии. Это была любовь с первого взгляда, они поженились в 1948 г., а после демобилизации в 1950 г. он приехал с ней в Орск. За шестьдесят лет совместной жизни супруги вырастили трех сыновей и трех дочерей.

Умер Шакир Бактыбаевич 10 июня 2018 г. на 93-м году жизни, похоронен в Орске на Степном кладбище[30].

Город помнит о своем герое: портрет Шакира Бактыбаевича Жуматаева украшает Аллею трудовой славы, созданную в 2015 г.[31] Шакир Бактыбаевич — пример храброго солдата, честного работника и умелого руководителя, новатора производства, активного общественного деятеля, всю свою жизнь старавшегося делать людям добро, приносить пользу обществу. Следует отметить, что с этой задачей он отлично справлялся, за что не раз отмечался государством, вызывал уважение общества, остался в народной памяти.

Примечания

[1] Герои Социалистического Труда. Жуматаев Шакир Бактыбаевич // Орский краеведческий музей. URL: http://orskmuseum.ru/people/geroi-sotsialisticheskogo-truda/zhumataev-shakir-baktybaevich.

[2] *Россовский В. П.* Герои труда : биограф. справ. Калуга, 1999. С. 66–67 ; *Мохунов Г. А.* Герои Оренбуржья. Оренбург, 2008.

[3] *Каргапольцев С.* Жуматаев Шакир Бактыбаевич // Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14620.

[4] Филиал Государственного архива Оренбургской области в г. Орске. Ф. Р-452.

[5] Там же. Ф. Р-345.

[6] Жуматаев Шакир Бактыбаевич // Память народа: подлинные документы о Второй мировой войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes.

[7] *Жуматаев Ш.* Остаюсь в солдатской позиции // Совет. Россия. 2011. 21 июля. URL: https://www.sovross.ru/articles/640/10401.

[8] Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Жуматаев Шакир Бактыбаевич. Строка в наградном листе медали «За отвагу» // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : электрон. банк док. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=34517136&tab=navDetailManAward.

[13] Жуматаев Шакир Бактыбаевич. Строка в наградном листе медали «За отвагу» // Там же. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=33829140&tab=navDetailManAward.

[14] Филиал ГАОО в г. Орск. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

[15] Там же.

[16] Жуматаев Шакир Бактыбаевич. Строка в наградном листе медали «За отвагу» // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : электрон. банк док. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=37385810&tab=navDetailManAward.

[17] Жуматаев Шакир Бактыбаевич. Строка в наградном листе ордена Славы 3-й степени // Там же. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=28350852&tab=navDetailManAward.

[18] Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

[19] Жуматаев Шакир Бактыбаевич. Строка в наградном листе ордена Красного Знамени // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : электрон. банк док. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=27740931&tab=navDetailManAward.

[20] Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

[21] Там же. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

[22] Там же. Л. 9.

[23] Там же.

[24] В Президиуме Верховного совета СССР // Юж. Урал. 1971. 8 апр.

[25] Почетные граждане города Орска. URL: http://orsk-adm.ru/?q=pochet.

[26] Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. Р-113. Оп. 2.

[27] Там же. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

[28] Шакир Жуматаев: Остаюсь в солдатской позиции // 35-я гвардейская стрелковая Лозовская Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия. URL: https://www.35-gv-sd.ru/шакир-жуматаев-остаюсь-в-солдатской-позиции.

[29] Там же.

[30] Ушел из жизни фронтовик Жуматаев Шакир Бактыбаевич. URL: https://orsk.ru/news/80550.

[31] Аллея трудовой славы в Орке // Краевед Оренбуржья : сайт. URL: https://toropceva.com/alleya-trudovoy-slavyi-v-orske.html.

Н. А. Капитонова

«Два капитана». Трагедия вирусолога. «Госпожа пенициллин»

Можете себе представить, чтобы в одной семье три человека получили главную премию СССР — Сталинскую, да еще в очень трудное время (война и первый послевоенный год)? И они в семье не единственные, кого можно назвать талантливыми людьми.

В древнем русском городе Пскове жила семья Зильберов. Глава семьи — военный музыкант (капельмейстер) Александр (Абель Абрамович) Зильбер. Отцу было некогда заниматься детьми, а их в семье было шестеро. На них огромное влияние оказала мать — Анна Григорьевна, человек высокообразованный, выпускница Московской консерватории, хозяйка музыкального магазина, организатор концертов в городе известных артистов (Шаляпина, Комиссаржевской и др.).

О каждом из шести детей Зильбера можно писать отдельную статью. Стоит рассказать хотя бы о тех трех, которые прославили нашу родину.

«Два капитана»

Пожалуй, самый известный — младший из сыновей Зильберов, писатель. Вениамин Зильбер в 21 год издал свою первую книгу «Мастера и подмастерья». В редакции ему посоветовали взять псевдоним. Молодой писатель долго не думал и стал Каверин. Эта фамилия принадлежала приятелю Пушкина, гусару, дуэлянту, азартному, но очень образованному человеку.

Каверин писал для взрослых и детей романы (17!), повести, рассказы, воспоминания, статьи, сказки. Для детей он написал целый сказочный цикл «Ночной сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году». Писатель создал целую библиотечку книг, которые и сейчас интересны читателям. По многим произведениям сняли фильмы, мультфильмы. Но особую известность приобрела его книга «Два капитана».

Вениамин Александрович родился в Пскове 19 апреля 1902 г. В детстве он был равнодушен к музыке, зато стал настоящим книгочеем. Особенно любил приключенческие книги. Учился в гимназии. Особое влияние на мальчика оказали старший брат Лев и его друг — будущий писатель Юрий Тынянов (1894–1943). Позже книги Тынянова «Пушкин», «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и другие будет читать вся страна. Каверин писал: «Тынянов был моим первым литературным учителем, внушившим мне горячую любовь к русской литературе».

Но до книг Каверина были еще и Первая мировая война, революция, Гражданская война... Семья обеднела. Школу Вениамин оканчивал уже в Москве, куда перебралась семья. Поступил в Ленинградский университет. Получил два диплома, так как учился сразу на двух факультетах (изучал историю и иностранные языки).

Свою первую книгу Каверин решился подарить Горькому. Завязалась переписка. Горький не раз потом помогал Каверину в трудных ситуациях. Когда после университета Каверин собирался заниматься наукой, на него написали донос. 1924 год. Ему грозил арест. Горький помог юноше остаться в университете. Параллельно с научной работой Каверин писал книги. Похоже на чудо, но у Каверина в 28 лет вышел трехтомник его сочинений.

В 1940 г. увела свет первая книга «Два капитана» (о ней чуть позже). Выпустить вторую книгу помешала война. Каверин остался в осажденном Ленинграде, был военным журналистом, а его семью и детей эвакуировали на Урал. В ноябре 1941 г. писателя, больного, вывезли на «большую землю». Он нашел семью в Перми. Попросился в качестве корреспондента «Известий» на Северный флот. Там он прослужил всю войну. Писал честно не только о победах, но и неудачах нашей армии. После войны Каверины стали жить в Москве, в «писательском доме» в Лаврушинском переулке. Одни за другими выходили его книги, собрания сочинений.

О «Двух капитанах»

Однажды Вениамин Александрович в санатории познакомился с молодым ученым Лобашовым. Тот поразил его своей биографией, характером. Лобашов стал прототипом Сани Григорьева: то же раннее

сиротство, немота, беспризорничество, жизнь в школе-коммуне, та же целеустремленность и даже то, что мальчиком Лобашов был влюблен в дочку школьного учителя. А дальше Каверин придумал историю с погибшим почтальоном, загадочным письмом штурмана Климова, которое выучил наизусть Саня Григорьев из г. Энска (Пскова). Поиски следов погибшей экспедиции капитана Татаринова стали целью жизни Сани Григорьева.

«Два капитана» стала одной из самых любимых книг у ребят. Клятва, которую дали Саня Григорьев с другом — «Бороться и искать, найти и не сдаваться!», — стала клятвой тысяч мальчишек и девчонок. Кстати, это был девиз и самого Каверина. Читатели стали требовать продолжения книги. Военная служба Каверина на Северном флоте, знакомство с полярным летчиком Клебановым (погиб в 1943 г.) помогли Каверину написать о взрослом Сане Григорьеве, который стал военным летчиком. Как у Сани Григорьева, были прототипы и у второго капитана — Ивана Львовича Татаринова — исследователя Севера, погибшего в 1915 г. Каверин хорошо знал историю экспедиций Седова, Брусилова, Русанова, читал дневники штурмана Альбанова, выжившего участника погибшей экспедиции Брусилова.

Наверное, главное в романе не приключения, не характеры героев, а мужество автора. Роман писался в трагические 1937–1938 гг., времена арестов, расстрелов, доносов, добровольных и выбиваемых. Роман «Два капитана» — обвинение предательства, символ честности, верности, достоинства. Каверин ни разу в романе не упомянул партию, имя Сталина, что уже было мужеством. Этот роман мог стоить свободы, а то и жизни автору. Были и другие обстоятельства, которые могли привести к аресту (об этом позже). Каверин писал: «Я испытывал чувство ожидания ареста в течение десятилетий, в особенности с середины 30-х годов» («Эпилог»).

Но случилось чудо. Вторую книгу романа напечатали в военном 1944 г. А через два года за «Двух капитанов» Каверин получил Сталинскую (Государственную) премию. Книгу много раз переиздавали (70 только прижизненных изданий!), трижды экранизировали, переводили на другие языки. Премия помогла Каверину построить дачу в Переделкино, где прошли его последние годы.

Все, кто знал Вениамина Александровича, говорят о нем как об очень порядочном и честном человеке, у которого вся жизнь была борьбой за справедливость. Он выступал, писал в защиту напрасно обиженных и униженных. Помогал выжить Зощенко, от которого все отвернулись после известного разгромного постановления 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Помогал опальной Анне Ахматовой. У него жил Заболоцкий после ссылки. Не подписал Каверин и письмо против Пастернака...

В 1957 г. писатель тяжело заболел. Ему нельзя было двигаться, говорить, читать. И тогда он стал вспоминать детство, юность, семью. Эти воспоминания вошли в книгу «Освещенные окна». В 70 лет он написал свою лучшую книгу о любви — роман «Перед зеркалом».

В последние годы жизни Каверин писал особую книгу: «Я хотел умереть с чистой совестью, поэтому и создал “Эпилог”». Книга адресована не детям. В ней сложная история советской литературы,

рассказ о трагических судьбах многих писателей. Автор боялся, что книга никогда не увидит свет. Ее напечатали незадолго до его смерти. Каверин успел подержать томик в руках.

Вениамин Александрович Каверин умер 2 мая 1989 г., похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Нам остались его честные книги — восемь томов сочинений (1980–1983).

У Каверина была хорошая семья. Жена — младшая сестра Юрия Тынянова Лидия Николаевна Тынянова (1902–1984). Была тоже писательницей. Ее книги были очень известными в свое время: «Повесть о великой актрисе» (о М. Ермоловой), «Друг из далека» (о Миклухо-Маклае), «Неукротимый Гарин» (о Гарине-Михайловском)... Сын. Николай — вирусолог, доктор медицинских наук, академик. Его жена — дочь поэта Николая Заболоцкого. Дочь Вениамина Александровича Наталья — ученый-фармаколог.

Немногие герои книг в нашей стране заслужили памятники: в Смоленске установлен памятник Василию Теркину (герою поэмы А. Твардовского), в Пскове, на родине Каверина — героям его знаменитой книги капитану Татаринову и Сане Григорьеву. Они шагают вместе, хотя в книге они никогда не встречались.

Дом Зильберов не сохранился, на его месте лежит камень — валун с мемориальной доской на нем. Псковская областная детская библиотека носит имя Каверина. В г. Полярном (Мурманская область), где во время войны служил Каверин, есть площадь «Двух капитанов».

В 2019 г. издана двухтомная энциклопедия «Два капитана» (СПб. : РОССПЭН) — научно-исторический труд.

Мало кто знает о том, что В. А. Каверин имеет отношение к нашему краю.

В начале 1930-х гг. было принято посылать известных писателей на знаменитые стройки — описывать героизм строителей. Приезжали писатели и на Магнитку. Зимой 1931 г. московская радиогазета командировала в Магнитку журналиста и писателя Аркадия Гайдара. Была детская книга «Гайдар у горы Магнитной» (Н. Богданов), которую издали в Челябинске в 1974 г. Но ни в книге, ни в газетах, ни на радио нет слов Гайдара о Магнитке. Может быть, неслучайно?

Писатель Валентин Катаев приезжал в Магнитку в качестве журналиста. Вместо статьи он написал ставший знаменитым в то время роман «Время, вперед!», по которому позднее написана пьеса, снят кинофильм (главного героя сыграл Сергей Юрский). Главное, о чем писал Катаев, это был трудовой подвиг строителей Магнитки, их неимоверный энтузиазм на возведении металлургического гиганта.

Оказывается, тогда на Магнитке побывал и Вениамин Александрович Каверин. Об этом почему-то не писали. Сейчас понятно, почему.

Каверин увидел Магнитку такой, какой она была, без прикрас. Стройка его поразила. Но поразил не только энтузиазм строителей, но и те нечеловеческие условия, в которых шло строительство. Чтобы все это увидеть, он жил не в гостинице, как Катаев, а с рабочими в бараке. Писать правду тогда было нельзя, ее никто бы не напечатал, а автор мог поплатиться жизнью. К тому же Каверин сильно рисковал. Он приехал в Магнитку с рекомендательным письмом от одного

ответственного лица в Москве к первому секретарю Магнитогорского горкома комсомола Мандельштаму (однофамилец поэта). Но пока он ехал, секретаря арестовали как врага народа. Два комсомольца, которые встречали Каверина, никому не сказали про это письмо. Несколько строчек письма могли стать причиной ареста Каверина как «пособника врага». Кстати, сведений о секретаре Мандельштаме нигде нет. Память о нем стерли.

Может быть, поэтому и Гайдар не смог написать о своих впечатлениях у горы Магнитной, он всегда был честен. И Каверин смог честно рассказать об увиденном на строительстве только через тридцать лет после поездки. Об этом он написал в «Эпилоге» (М., 2002), в статье «Несколько лет» (Новый мир. 1966). Когда в 1976 г. готовился к изданию двухтомник, рассказ о Магнитке был изъят.

Невозможно не процитировать Каверина:

> Да, строилась с необычайной быстротой первая домна. Времени, в обычном смысле слова, не существовало: газета выходила под датами, указывающими, сколько дней осталось до конца первого периода: задута домна; второго закончена мартеновская печь; и так далее. Одновременно закладывались кирпичный, бетонный, цементный и другие заводы. Строился «социалистический» город.
>
> Быстрота, с которой на плоской, голой степи, у подножья горы Магнитной, как бы плывущей — пологой, равнодушной — в раскаленном воздухе над этим столпотворением, возник город, — быстрота была феноменальная, как утверждали два прикрепленных ко мне комсомольца. Но по будущему городу бродили, спотыкаясь, умирающие от голода, мертвенно бледные женщины в не виданных мною чувашских или мордовских костюмах — жены или вдовы кулаков, работавших на стройках или тоже умиравших где попало. Кладбище росло скорее, чем комбинат. В наскоро построенных бараках жить было невозможно — клопы сыпались с потолков, покрывали стены. Рабочие спали на земле, подле бараков.
>
> Километрах в пяти-шести в своем поселке (кажется, он назывался Березки) жили иностранцы, приезжающие на строительство в своих машинах — энергичные, моложавые, бодрые. Неравенство между жизнью в Березках и на строительстве было, мало сказать, оскорбительным — оно говорило о рабском отсутствии достоинства, о самооплевывании, совершавшемся согласно существующим директивам. Дух напряженного подчинения господствовал в каждом слове.
>
> ...Все, что открывалось перед нами в Магнитогорске, было необыкновенным. Но, может быть, еще более необыкновенное заключалось в том, что, ясно видя прямую связь между ростом кладбища и ростом комбината, я как бы старался не видеть эту связь — и, стало быть, бродил по строительству с закрытыми глазами...

Может быть, эти строчки, написанные Кавериным, помогут молодым сегодняшним читателям посмотреть на нашу историю не с «закрытыми» глазами. И не только на строительство Магнитки, но и на строительство ЧТЗ, челябинского металлургического комбината, на время 1930-х гг., которое пережили их предки, жившие не только на Южном Урале.

Воспоминания Каверина о посещении Магнитки недавно пригодились в городе. В Магнитогорске есть энтузиаст — историк Геннадий Александрович Васильев, который совершает подвиг. Он издал уже двенадцать (!) томов «Книги памяти». В них десятки тысяч имен людей, которые строили Магнитку не по своей воле, репрессированных в городе и в ближайших районах. В 2018 г. Геннадий Александрович нашел под Магниткой заброшенное кладбище, где в братских могилах были захоронены первостроители 1930–1940-х гг. (доказательство — разбитая гранитная плита с надписью). Васильев добился открытия на кладбище памятного знака. В выступлении на открытии и в газетной статье он цитировал строчки Каверина.

Трагедия вирусолога

Лев Зильбер (1894–1966) был любимым братом Каверина. Льва Александровича Зильбера называют выдающимся советским иммунологом и вирусологом, создателем отечественной школы медицинской вирусологии. У него была очень трудная судьба.

Лев окончил Псковскую гимназию с серебряной медалью, в 1919 г. — медицинский факультет МГУ. В Гражданскую войну он врач военного госпиталя на Кавказском фронте (в рядах Красной Армии). Создал сыворотку для борьбы с сыпным тифом. С 1921 г. работал в Москве в Институте микробиологии. В 1928 г. вместе с молодой ученой Зинаидой Ермольевой стажировался в Институте Пастера во Франции, Институте Коха в Германии. Вернулись они уже мужем и женой. В 1929 г. работал в Баку (директор Азербайджанского института микробиологии). В это время в Нагорном Карабахе обнаружили очаг чумы. Лев Александрович с коллегами сумел за две недели справиться с эпидемией. В 1930 г. Зильбера представили к ордену Красного Знамени, который ему вручили через 35 лет! Первый арест по доносу. Обвинение — Зильбер будто бы хотел заразить чумой Баку. Тюрьма. Благо, времена были еще не кровожадными. Он просидел в тюрьме всего четыре месяца. Спасли его хлопоты Зинаиды Ермольевой (о ее роли в жизни Зильбера и о ней самой рассказ впереди). В 1932 г. Лев Александрович погасил в Казахстане эпидемию оспы. В 1934 г. — Москва. Зильбер добился создания Центральной вирусной лаборатории при Наркомздраве РСФСР и отдела вирусологии в институте микробиологии СССР. Лев Зильбер стал известным ученым, многое сделавшим в науке.

В 1937 г. он участвовал в Дальневосточной экспедиции Наркомздрава СССР по изучению тяжелого инфекционного заболевания на востоке страны. Зильбер и его коллеги очень рисковали своим здоровьем и жизнями. Но за короткий срок они впервые в истории выяснили, что болезнь переносится клещами. Зильбер придумал вакцину

против клещевого энцефалита, способы борьбы с ним. Это открытие было очень важным, так как энцефалитные клещи распространились по всей Сибири, Уралу, Казахстану...

Но только экспедиция вернулась — сразу поступил донос, в котором сообщалось, что Зильбер собирался заразить всю Москву энцефалитом, используя городской водопровод. Лубянка, Бутырка, Суханово (самая страшная тюрьма)... К этому времени были узаконены пытки в тюрьмах. Зильбер держался мужественно, достойно, не подписывал ложных обвинений. Ему сломали ребра, руку, отбили почки, пытали бессонницей, голодом, холодом. Иногда допрашивали по трое суток подряд (палачи сменялись). Ему грозил расстрел как «изменнику родины».

Брак Зильбера и Ермольевой был недолгим. Второй муж Зинаиды — ученый-вирусолог Алексей Захаров был арестован в 1938 г. по доносу, не выдержал пыток, сознался в самых невероятных преступлениях и в том же году был расстрелян.

Зинаида Ермольева уже не была женой Зильбера, но всеми силами старалась освободить из тюрьмы бывшего мужа. Бились за него и Каверин, и Тынянов. Ермольева подключила ученых. В 1939 г. — свобода. Зильбер — заведующий отделом вирусологии в центральном Институте эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава СССР. В 1940 г. последовал третий арест. Опять пытки. Ссылка в лагерь на десять лет. Север, Печора. Валил лес. Было очень трудно, он мог тогда умереть, но, на его счастье, у начальника лагеря должна была родить жена. Роды были трудными, и Зильбер сумел спасти жизнь и матери, и ребенка. За это его назначили главным врачом лагерного лазарета. Он оставался ученым. Заключенные умирали от авитаминоза (пеллагры). Из ягеля (северный мох) Зильбер сумел добыть средство против авитаминоза. Спас сотни человек от смерти. Это открытие приписали НКВД. А ученого перевели в «шарашку», где условия были более щадящими. Но Зильбера заставляли там работать над бактериологическим оружием. Он категорически отказался. Стал заниматься «вирусной теорией происхождения рака». Заключенные в обмен на табак ловили ему для опытов мышей и крыс. Зильбер не успел закончить исследования. Еще раньше ему разрешили свидание в тюрьме с Зинаидой Ермольевой, и он сумел тайно передать с ней на волю рукопись своей статьи о вирусной природе рака. Рукопись была написана мельчайшим почерком на папиросной бумаге.

1944 г. Лев Зильбер не выжил бы, если бы опять за его освобождение не бились Каверин (вот почему ему грозил арест), Зинаида Ермольева, которая подключила главного хирурга армии Николая Бурденко, крупнейших ученых. Накануне 50-летия Зильбера на имя Сталина они написали письмо. Неизвестно, дошло ли до Сталина это письмо, но Зильбера освободили из тюремной больницы.

Существует настоящая история или легенда, что Сталин лично извинился перед ученым за прошлое. Невероятно! Это был бы единственный случай в советское время.

Лев Зильбер получил Сталинскую премию (1946) за труды об энцефалите. Стал академиком, научным руководителем Института вирусологии АМН СССР.

Лев Александрович женился второй раз в 1935 г. В начале войны его жена и двое сыновей были угнаны в Германию и почти четыре года находились в немецком трудовом лагере. Чудом выжили. Лев Александрович нашел их в 1945 г. в нашем пересыльном лагере, откуда людям была одна дорога — в сибирские лагеря. Зильбер сумел освободить семью и вывезти на самолете.

Лев Зильбер возглавил Комитет по вирусологии рака Международного противоракового союза. У него имелось множество наград: орден Ленина, медали, почетные звания. Он почетный член многих зарубежных академий наук. Удостоен Государственной премии СССР (посмертно). Умер Лев Зильбер в 72 года во время работы. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Судьба Льва Зильбера достойна романа. Всей своей жизнью он дал людям высокий нравственный урок. Мужество, достоинство, удивительная работоспособность, верность делу... Сыновья Лев и Федор — ученые, академики (молекулярная биология). Лев Львович Киселев — один из авторов книги об отце («Лев Александрович Зильбер». М., 2004).

«Госпожа пенициллин»

Первая жена Льва Зильбера, Зинаида Виссарионовна Ермольева (1897–1974), которая очень много сделала, чтобы сохранить бывшему мужу свободу и жизнь, сама была выдающимся ученым и человеком. По происхождению донская казачка. Окончила гимназию в Новочеркасске с золотой медалью, затем медицинский факультет Ростовского университета. На этот факультет не принимали женщин, Ермольева с трудом добилась права учиться там. В 1922 г. в Ростове случилась эпидемия холеры. Зинаида Виссарионовна ради науки заразила себя холерным вибрионом. К счастью, она выжила, победила эпидемию. Это она предложила хлорировать воду.

В 1939 г. началась эпидемия холеры в Афганистане. Зинаида Виссарионовна работала в Ташкенте, чтобы обезопасить среднеазиатские республики от эпидемии. Создала сыворотку против холерного вируса, дифтерии, брюшного тифа. Вернулась в Москву, работала в Биохимическом институте. Профессор, доктор наук.

Война. К лету 1942 г. перед знаменитой битвой за Сталинград в городе скопилось много беженцев, наших солдат. Разведка донесла, что немцы хотят заразить город холерой. Ермольеву срочно направили туда. Противохолерный препарат, посланный из Москвы, не дошел до Сталинграда (разбомбили поезд). Ермольева сумела наладить его производство в осажденном городе, где она провела полгода. Ее лаборатория находилась в подвале разрушенного дома. Пятьдесят тысяч человек ежедневно получали средства от холеры. Эпидемии в Сталинграде не было. За этот ее подвиг в конце августа 1942 г. она была награждена орденом Ленина. В том же году вышла ее монография «Холера». В 1943 г. Она получила Сталинскую премию 1-й степени. Ермольева отдала эти немалые деньги на строительство боевого самолета.

В начале войны тысячи раненых умирали от заражения крови. Надо было найти лекарство от этой беды. В 1942 г. Зинаиде Ермольевой

удалось получить отечественный антибиотик — пенициллин (крустозин), который спасал даже самых тяжелых раненых. А позже удалось наладить его производство у нас, да еще и из отечественного сырья. Еще раньше пенициллин открыли англичане Говард Флори и Борис Чейни (у него были русские корни). Они стали Нобелевскими лауреатами. Было налажено производство пенициллина и в США. Г. Флори приезжал в 1944 г. к нам, чтобы сверить эффективность английского, американского и советского пенициллина. В испытаниях принимал участие главный хирург армии Николай Бурденко. Наш пенициллин оказался эффективнее английского и равен американскому. Еромльева тогда говорила: «Ни одной отрезанной ноги!» Флори называл Ермольеву «Госпожа пенициллин».

После войны Зинаида Ермольева возглавила Институт биологической профилактики инфекций. Выдающийся микробиолог, эпидемиолог. Автор более 500 научных работ, шести монографий. Академик, заслуженный деятель науки. С 1956 г. и до конца своих дней возглавляла Комитет по антибиотикам. Еще перед поездкой на стажировку за границу (1928) она выучила французский и немецкий языки.

Зинаиду Ермольеву можно назвать спасителем Льва Зильбера. Они разошлись еще в начале 1930-х, но это не мешало Ермольевой смертельно рисковать, спасая бывшего мужа. У нее самой в доме всегда стоял небольшой чемоданчик на случай ареста.

Как и Лев Александрович, Зинаида Ермольевна умерла на работе после только что проведенной ею научной конференции. Ей было 77 лет.

Каверин хорошо знал Ермольеву. Восемь лет писал о ней «Открытую книгу» (трилогия), в которой показал судьбу Татьяны Власенковой (Зинаиды Ермольевой), подвиги вирусологов. Писал мучительно — не все можно было писать в то время. Книгу долго не печатали, а когда напечатали (1948), посыпались разгромные статьи. Но потом по фильму были сняты два фильма и телесериал «Черные кошки» (2013). Первая часть «Открытой книги» — «Юность Тани» — вошла в список чтения для подростков и молодежи.

Как жалко, что вирусологи Лев Зильбер и Зинаида Ермольева не дожили до наших дней, когда весь мир оказался охваченным ковидом! Сколько они смогли бы сделать в борьбе с этой заразой!

Но следует вернуться к семье Зильберов и хотя бы коротко перечислить остальных членов семьи.

Мира (1890–1988) — старшая из дочерей Зильберов. Была музыковедом. Ее муж И. Руммель был первым директором Народного дома им. А. Пушкина.

Лея (Елена) (1892–1944) стала женой писателя Юрия Тынянова.

Давид — военный врач (1897–1967), гигиенист, профессор.

Александр (псевдоним — Ручьев) (1899–1970) композитор и дирижер. Жена его — Екатерина Ивановна Зильбер (во втором браке стала женой драматурга Евгения Шварца).

Вся эта большая семья достойна уважения и памяти.

В. В. Кашин

Руководитель внешней разведки Советского Союза уралец П. М. Фитин

Урал дал стране немало настоящих героев, в пантеоне Славы занимают достойное место советские разведчики Н. И. Кузнецов, И. А. Ахмеров и др.

Павел Михайлович Фитин (1907–1971) возглавлял внешнюю разведку Советского Союза весь период Второй мировой войны (1939–1946) и внес поистине неоценимый и до сих пор до конца неоцененный вклад в Победу. До последнего времени его служба были «терра инкогнита», поэтому для исследователей жизнь и деятельность уральца Фитина представляет значительный интерес.

Павел Фитин родился в декабре 1907 г. в зауральской глубинке, прилегающей к восточному склону Уральских гор, в бассейне р. Тобол в крестьянской семье. До революции с. Ожогино относилось к Шатровской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии, а в период с 1923 по 1934 г. входило в Уральскую область с центром в Свердловске. После выделения в 1943 г. самостоятельной Курганской области (ныне входит в Уральский федеральный округ) малая родина Фитина относится к этому преимущественно сельскохозяйственному району России.

Сразу после Гражданской войны его родители — землепашцы Михаил Илларионович (1880–1934) и Евдокия Максимовна (1882–1952) — с пятью детьми вступили в сельхозкоммуну «Звезда». Павел был первенцем и в летний период также был занят на общественных работах на земле.

В начале 1920-х гг. во время антисоветских выступлений в Зауралье повстанцы продержали около месяца 13-летнего подростка вместе с отцом-коммунистом под угрозой расправы, пока коммунаров не освободили части Красной Армии. И этот трагический случай, несомненно, повлиял на жизненный и идейный выбор уральца: Павел вступил в члены ВКП(б) в девятнадцать лет, работая в Шатровском райкоме комсомола[1].

Примечательно, что в период 1927–1928 гг. член окружного комитета комсомола П. М. Фитин обучался на подготовительных курсах Тюменского сельхозтехникума для поступления в Тимирязевскую академию. В то же время там учился уроженец Екатеринбургского уезда будущий разведчик Н. И. Кузнецов (1911–1944). Однако их пути разошлись: Николай вынужденно вернулся в родную дер. Зырянка из-за смерти отца, а Павла направили для получения высшего образования в столицу, где он успешно окончил Институт механизации сельского хозяйства в 1932 г. В разгар массовых репрессий в органах госбезопасности образовался дефицит квалифицированных кадров. В результате партийного набора в 1938 г. молодой инженер был направлен в Наркомат внутренних дел и определен на курсы ускоренного обучения. К тому времени выпускник вуза прошел срочную одногодичную службу в одной из первых советских танковых бригад под Калугой в качестве рядового. Без отрыва от работы он поступил

в Московский институт востоковедения, однако окончить его ему не довелось. Весной 1939 г. в ходе отбора по деловым и личным качествам, с учетом опыта партийной и руководящей работы на Урале и в столичном издательстве «Сельхозгиз», тридцатилетний офицер был утвержден на должность руководителя закордонной разведки в системе НКВД. Иногда его справедливо называют «реаниматором» зарубежных резидентур, что стало крайне важным и необходимым процессом для Советского Союза накануне мировой войны[2].

* * *

Деятельность советской разведки в военные годы развивалась в различных направлениях, но остановимся только на двух событиях с танковым аспектом, тесно связанных между собой и с Уралом.

В мае 1943 г., за два месяца до начала последней наступательной операции гитлеровцев на Восточном фронте, П. М. Фитин направил в ГКО СССР доклад о конкретных направлениях главных вражеских ударов под Курском и Белгородом. Германская промышленность обеспечила наступление 2700 танков, включая четыреста новейших «Пантер», «Тигров» и самоходные орудия «Фердинанд», нацеливаясь позже и на Москву. Гитлер в обращении к войскам накануне операции «Цитадель» отметил, что «русские добивались того или иного успеха в первую очередь с помощью своих танков. Мои солдаты! Теперь, наконец, у вас лучшие танки, чем у русских»[3]. В результате Ставка Верховного Главнокомандования приняла своевременные и необходимые меры, а советские войска нанесли упреждающий удар за 15 минут до запланированного наступления. В целом стратегически, количественно и качественно Красная армия превзошла противника, что привело к разгрому вермахта на Курской дуге.

Потерпев сокрушительное поражение от РККА, оснащенной современной военной техникой, политическое и военное руководство германского рейха наконец осознало значение сложившегося военно-промышленного комплекса СССР на Урале и приняло решение о нанесении удара по индустриальным объектам. До этого руководители третьего рейха в своих планах и директивах не рассматривали Урал в качестве цели в ходе военной кампании[4].

В результате эвакуации к середине войны до половины оборонной промышленности СССР сосредоточилась на 60-м меридиане. Так, крупнейший в Европе металлургический комбинат в Магнитогорске обеспечил 50 % потребной брони, 100 % тяжелых танков производили на Урале, Уральский танковый завод освоил поточно-конвейерное производство и выдавал фронту по 600 танков Т-34 ежемесячно с 1943 г. Только одно вновь организованное танковое предприятие в Нижнем Тагиле за три с половиной военных года произвело 26 тыс. Т-34, обогнав все танковые заводы Германии[5].

Из всех возможных вариантов действий (бомбардировки, авиадесанты и др.) противник остановился на заброске диверсионных групп с целью уничтожения энергетических объектов и остановки предприятий. Действительно, энергосистема Урала работала без резерва генерации, и вывод из строя электростанций, подстанций

и линий электропередач напряжением 500 кВ могли привести к длительной остановке энергоемких производств стали и алюминия, танков и самолетов[6].

Реализацию планов осуществляло VI Управление «СД-Заграница» Главного управления имперской безопасности (РСХА), возглавляемого В. Шелленбергом (1910–1952). Семьдесят курсантов, отобранных из числа белоэмигрантов и военнопленных РККА, приступили к пятимесячным занятиям по топографии и взрывному делу в спецшколе разведывательно-диверсионного органа «Цеппелин» под Бреслау в сентябре 1943 г.

Благодаря тому что руководство советской разведки успешно восстановило работу в Европе, агентурные источники в белоэмигрантских кругах и системе подготовки «Цеппелина» собрали и передавали в Москву исчерпывающую информацию о нацистских планах подрывной работы на Урале в начале октября 1943 г. и продолжали информировать о ней в дальнейшем. Это позволило Центру ставить перед территориальными органами безопасности конкретные задачи по предотвращению выявленных угроз.

Из материалов уголовного дела, расследованного СМЕРШ Уральского военного округа во второй половине 1944 г. в отношении трех оставшихся в живых и задержанных диверсантов, в полной мере стали известны ход подготовки и планы подрывных акций на Урале. Сравнительный анализ свидетельствует о высокой степени достоверности добытой в Германии развединформации. Советская разведка точно обозначила цели на Среднем и Южном Урале, руководителя и состав диверсантов, способ доставки и основные цели[7].

* * *

Громадный вклад внесла руководимая П. М. Фитиным служба в создание в СССР ядерного оружия. Во время войны и сразу после нее от резидентур в Англии и США поступил колоссальный объем разведывательных материалов, позволивших Советскому Союзу в 1949 г. покончить с атомной монополией США.

Весной 1947 г. П. М. Фитина направили служить в промышленную провинцию — Свердловск. Сам по себе факт смещения с высоких постов и удаления из столицы не являлся чем-то уникальным. Так, за шесть лет Второй мировой войны в нашей стране сменилось пять руководителей военной разведки.

В ходе успешных военных действий и после военной победы известность многих советских военачальников значительно выросла. Авторитет молодых и энергичных «генералов Победы» представлял потенциальную угрозу личной власти Сталина, так как они могли, пусть даже гипотетически, объединиться на антисталинской платформе. Поэтому отменялись торжественные встречи и чествования боевых маршалов в столице, и, наоборот, наиболее авторитетные и информированные руководители целенаправленно удалялись в глубинные районы страны.

Вслед за П. М. Фитиным отправили в Свердловск и Г. К. Жукова, опала которого кончилась только после смерти И. В. Сталина.

Никакой прямой связи между «высланными» военачальниками мы не видим, но схема их перемещения по карте Европы весьма показательна. Г. К. Жуков после взятия Берлина «задержался» в оккупационной зоне до марта 1946 г., возглавляя Советскую военную администрацию и войска в Германии. После службы на границе с Западной Европой он был назначен на должность первого заместителя министра обороны СССР. Кому-то виделось, что маршал, обладая лидерскими качествами в полной мере, мог сделать неверные выводы из послевоенных общемировых тенденций, когда его боевые коллеги по антигитлеровской коалиции Ш. де Голль (1944–1946, 1959–1969), Д. Эйзенхауэр (1952–1960) и Л. Свобода (1968–1975) претендовали и занимали должности руководителей государств. И. В. Сталин, просчитывая ситуацию наперед, всегда крепко держал кадровую политику в своих руках. И тогда вполне логично, что Г. К. Жуков, подписавший акт о капитуляции Германии и принимавший Парад Победы в Москве в 1945 г., оказался на Урале в 1947-м.

Аналогично и П. М. Фитин после освобождения с ответственной должности летом 1946 г. был направлен в Советскую оккупационную зону заместителем Уполномоченного МГБ СССР в Германии. Отметим, что это была не командировка, а назначение на новую должность. Из Восточной Европы П. М. Фитин последовал на границу с Азией. А служить в Москве ему более не довелось. 1 апреля 1947 г. генерал-лейтенант П. М. Фитин заступил на должность заместителя начальника Свердловского управления госбезопасности по оперативной работе, сменив подполковника.

Однако все перемещения П. М. Фитина нельзя рассматривать в отрыве от стратегических задач, решавшихся страной в послевоенные годы. С точки зрения государственных проблем, вполне логичным являлось направление разведчика на территорию повергнутого врага. Если во время войны возможность атомных исследований в СССР ограничивалась нехваткой урана, то по ее окончании советским спецслужбам удалось разыскать десятки тонн малообогащенного урана в Германии. Кроме того, для добычи урановой руды на шахтах Тюрингии и Саксонии было создано акционерное общество «Висмут», в котором работали немецкие, чешские и советские специалисты.

На оккупированной территории активно шел розыск немецких ученых и инженеров в области вооружения. И в этой части аппарат Уполномоченного МГБ в Германии активно содействовал решению приоритетных задач государства своими специфическими методами. Было выявлено более полутора тысяч человек, имевших отношение к ядерным исследованиям, в СССР вывезено более трехсот немецких физиков-ядерщиков, из которых более сотни являлись докторами наук. Трудно переоценить их вклад в советские разработки. Так, немецкий ученый Н. Риль за создание диффузионного метода разделения изотопов был удостоен Сталинской премии и звания Героя Социалистического труда в 1949 г. Несколько лет он работал вместе с Н. В. Тимофеевым-Ресовским на объектах Челябинской области[8].

На Урале примером промышленного внедрения материалов, добытых спецслужбами, стало строительство диффузионного завода (ныне ЗАТО г. Новоуральск), который выдал первую партию обогащенного

урана-235 в 1949 г. Другой завод на севере Свердловской области, оснащенный крупнейшей электромагнитной установкой, произвел в то же время требуемый оружейный уран.

Полагаем, что в период строительства, запуска закрытых предприятий-городов и контрразведывательного обеспечения секретных научных разработок на Урале, в том числе с привлечением иностранных ученых и источников, заместитель руководителя Свердловского управления МГБ был активно вовлечен в создание отечественного атомного щита. Сам П. М. Фитин так кратко отразил это в воспоминаниях: «В послевоенные годы мне на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов, и в этой связи вновь неоднократно встречаться с Игорем Васильевичем Курчатовым, талантливым ученым и замечательным человеком. В беседах он вновь подчеркивал, какую неоценимую услугу в решении атомной проблемы в СССР сыграли материалы, добытые советской разведкой»[9].

27 сентября 1951 г. генерал-лейтенанта П. М. Фитина назначили министром МГБ Казахской ССР. В послевоенном Казахстане решалась очень важная для страны задача, так как первое испытание атомной бомбы было проведено на Семипалатинском полигоне в августе 1949 г. Оно долго держалось в тайне, и только спустя полгода руководство СССР официально заявило о наличии у себя атомного оружия. Однако группа ученых под руководством И. В. Курчатова разработала более мощную водородную бомбу, которую вскоре испытали там же, в казахских степях. Угрозе атомного шантажа со стороны США был найден асимметричный ответ.

Спустя десять суток после кончины вождя (5 марта 1953) П. М. Фитина возвратили в Свердловск на должность начальника нового управления МВД. Это назначение утвердил Л. П. Берия, который возглавил объединенное МВД СССР и претендовал на руководство всей страной. Кадровое назначение, подписанное одиозной политической фигурой, сыграло недобрую службу бывшему разведчику. После того как Л. П. Берия был вскоре арестован, П. М. Фитина сместили с должности и подвели под следствие в отношении «банды Берии». Скорый суд и расправа над когда-то всесильным министром поставили крест на его военной карьере. 16 июля 1953 г. новый министр внутренних дел С. Н. Круглов уволил 45-летнего генерала со службы «по служебному несоответствию». При всех последующих реформах силовых и властных структур его так и не восстановили на военной службе, оставив без пенсии, несмотря на огромные заслуги перед государством[10].

Павел Михайлович не опустил руки и продолжал работу в системе Госконтроля, а в последние годы трудился директором фотокомбината в Союзе советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Фитин умер в 63 года в Москве на операционном столе.

По результатам успешной Курской битвы и последующего наступления Красной Армии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 г. комиссар госбезопасности П. М. Фитин был награжден орденом Красной Звезды среди других полутора тысяч сотрудников НКВД: «За образцовое выполнение заданий Правительства по охране государственной безопасности». Этим и закончилось

награждение руководителя внешней разведки боевыми советскими орденами, хотя позднее на его груди появились еще ордена Чехословакии, Югославии и Тувинской республики. Даже с учетом двух предвоенных «фитинских» орденов Красного Знамени складывается впечатление, что Л. П. Берия как руководитель был не очень-то щедрым на поощрение подчиненных. Генерал Фитин не получил ни одной «полководческой» награды, хотя многие добытые его ведомством материалы равнялись иным выигранным сражениям.

Биографический аспект завершим тем, что на Урале Павел Михайлович встретил новую любовь, местную спортсменку Р. М. Жукову, которая, впрочем, не пополнила счет его трех официальных браков. После его отставки она оставила опального генерала, продолжив активную спортивную карьеру[11].

В Свердловск перебрался его старший сын — Анатолий Павлович Фитин (1932–1981), который по окончании Свердловской школы МГБ проходил службу на офицерских должностях в местном Управлении МГБ — МВД, заочно окончив исторический факультет Уральского госуниверситета. Последние годы своей жизни он руководил одним из городских подразделений Ленинградского УКГБ и скоропостижно скончался в 1981 г.[12]

В 2016 г. в Екатеринбурге на углу зданий ГУВД (пр. Ленина, 57) и УФСБ России по Свердловской области (ул. Вайнера, 4) торжественно открыли памятную доску, посвященную службе П. М. Фитина на Урале. через год в Москве возле здания пресс-бюро Службы внешней разведки России (Остоженка, 51) появился его памятник, а в прошлом году — улица его имени в столичном районе Ясенево.

Примечания

[1] *Бондаренко А. Ю.* Фитин. М. : Молодая гвардия, 2015. С. 22–25.

[2] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 56. Д. 2638. Л. 3, 5.

[3] Мировые войны XX века. Кн. 4: Вторая мировая война : док. и материалы. М. : Наука, 2002. С. 409.

[4] *Шелленберг В.* В паутине СД: мемуары. М. : Вече, 2012. *С.* 256–268.

[5] История танкостроения на Уральском танковом заводе № 183 им. Сталина : [рукоп.] // Музей ОАО «НПК «Уралвагонзавод». 1946. Т. 2, кн. 2. С. 9, 14.

[6] *Кашин В.* Урал под прицелом. Операция «Ульм». Нижний Тагил : ДиАл, 2015. С. 50–67.

[7] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 170. Л. 70–92.

[8] Николаус Риль в атомном проекте СССР / авт.-сост. В. Н. Ананийчук. Снежинск : Изд-во РФЯЦ — ВНИИТФ, 2011. С. 37–41.

[9] Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки : очерки : в 4 т. Т. 4. М. : Междунар. отношения, 2014. С. 23.

[10] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 56. Д. 2638. Л. 11.

[11] Жукова Римма Михайловна (1925–1999) — чемпион СССР по конькобежному спорту (1952–1954), чемпион мира в классическом многоборье (1955), автор пяти мировых рекордов и книг «На катке», «Звените, коньки», «Лед, сталь и характер».

[12] *Бондаренко А. Ю.* Указ. соч. С. 355, 356, 381, 382.

Н. Н. Кирилова

Мой дед Степан Яковлевич Кирилов

Родился С. Я. Кирилов в дер. Тамбовка Большеглушицкого района Куйбышевской (ныне Самарская) области. Окончил ветеринарный техникум в Троицке. В 1938 г. 19 мая был принят на работу в ветлечебницу Копейска на должность ветфельдшера, к тому времени стаж его работы ветврачом составлял уже семь лет. 27 июня 1941 г. райвоенкомат призвал Степана Яковлевича Кирилова в ряды РККА.

На сайте Министерства обороны ОБД «Мемориал» в документе Красноярского краевого военкомата сообщается: «Военветфельдшер Кириллов Степан Яковлевич — ветфельдшер 174 стрелковой дивизии. Пропал без вести в июле 1941 г»[1]. 174-я стрелковая дивизия была сформирована на территории Уральского военного округа (УрВО), в Челябинске, в июле — августе 1940 г. на базе запасной стрелковой бригады. В июне 1941 г. в УрВО с непосредственным подчинением Ставке Верховного Главнокомандующего была развернута 22-я армия. По директиве Генерального штаба РККА 22-я армия в составе управления и двух стрелковых корпусов, 51-го и 62-го (шести стрелковых дивизий: 98, 112 и 153-й 51-го стрелкового корпуса и 170, 174, 186-й 62-го стрелкового корпуса), передислоцировалась из УрВО на оборонительном рубеже Идрица — Себеж — Дретунь — Витебск, то есть в укрепленные районы Себежский и Полоцкий.

Из «Журнала боевых действий» 174-й стрелковой дивизии[2]:

> 24–25 июня 1941 г. дивизия была переброшена под Полоцк. В обороне Полоцкого района дивизия уничтожила тысячи солдат и офицеров противника, сотни автомашин, десятки танков и другого вооружения.
>
> Дивизия вела тяжелые бои 27 июня 1941 г. в районе Полоцка в составе 22 армии, находившейся в подчинении СВГК (Второй стратегический эшелон), на рубеже обороны Дисна — Улла и Полоцкого укрепленного района. Встретив упорное сопротивление частей и соединений РККА, немецкое командование отказалось от прямых боевых столкновений, немецкие войска стали обходить город Полоцк с юга (через Уллу на Витебск) и с севера (через Дисну на Невель), при этом образовался так называемый Полоцкий выступ обороны; формирования, размещенные в нем, долгое время сковывали 8 немецких дивизий ВС* Третьего рейха и угрожали тылам наступающих на восток частей и соединениям сухопутных войск ВС Германии. 2 июля 174 стрелковая дивизия передана Западному фронту. 7 июля войска оккупантов вошли в боевое соприкосновение с войсками 22-й армии во всей ее полосе обороны.

Из «Журнала боевых действий» 174-й стрелковой дивизии[3]: «Попав в районе г. Полоцка в окружение, 174-я стрелковая дивизия (командир дивизии, генерал-майор Зыгин Алексей Иванович) с боем 21.07.1941 г. вышла из окружения»[4].

* Вооруженные силы.

Историю своей жизни в плену дед рассказывал в голодном 1947 г. своей беременной жене Анне Васильевне Кириловой (в девичестве Бородина), чтобы ей легче было перенести голод. Вспоминал, рассказывал и плакал. А в ноябре 1947 г. родилась моя мама —Лариса Степановна Кирилова.

Воспоминания Кирилова Степана Яковлевича, рассказанные жене, пронесенные в памяти его дочерью и записанные внучкой

Гитлеровцы сначала бомбили наши обороняющиеся части авиацией, потом пошли танки и пехота. С группой бойцов мы заняли круговую оборону в воронке, из оружия у нас винтовки, и патронов к ним почти нет.

Немцы окружили воронку и предложили: либо сдаетесь, либо вас всех здесь одной гранатой...

Так попал в плен, в концентрационный лагерь.

Голод мучил более всего. Люди умирали каждый день.

Я знал, что человек мучительно умирает от желудочных болезней, если не вырабатывается желудочный сок долгое время при отсутствии пищи. Кусочек хлеба, который давали, состоял на 50 % из опилок, я делил его на три части, хотя страшно хотелось проглотить этот хлеб весь и сразу! Но я сдерживал себя, собирая остатки воли. Первый кусок клал в рот и эту крошку заставлял себя рассасывать как можно дольше. Только когда подходил час обеда, доставал вторую крошку, так же рассасывал ее. Трудно было осознавать, что в кармане лежит кусочек хлеба, но его нельзя съесть. И когда я брал вечером на ужин третий, последний кусочек и так же его рассасывал, становилось легче: больше хлеба в кармане нет, не надо себя сдерживать от желания съесть его. Это было почти невозможно вытерпеть, но как медик я понимал, что только так можно выжить.

Пока вырабатывается желудочный сок, получая хоть крошку, желудок не выжигает сам себя.

Не я один, все, кто был рядом, думали о еде, о том, как прожить хотя бы день в плену.

Однажды кто-то сказал, что на заднем дворе немецкой столовой выбрасывают кости. Все бросились туда, я кинулся вместе со всеми. Смертельно голодные люди дрались между собой за эти кости, буквально убивая друг друга. По природе я слабее других, поэтому сразу понял, что драться наравне с другими не могу. Я отошел в сторону и увидел на крыльце столовой стоящих немецких офицеров, которые наблюдали за этим «спектаклем» и смеялись. Один из них подошел ко мне и на ломаном русском спросил: «Почему не дерешься? Разве ты не хочешь есть?» Я ответил, что кости голые и есть там нечего, меня там просто убьют. Тогда он ушел и вернулся с хлебом.

Мне очень помогало знание немецкого языка. Я родился и рос на Волге, где жили немцы. Мы, русские и немецкие ребята, играли вместе. Поэтому разговорный немецкий я знал и мог понять, о чем говорят немцы, знал, что они собираются делать. Это часто помогало мне вести себя правильно, в плену даже от мелочей зависела жизнь.

Легче было тем, у кого была профессия. Один из пленных был хорошим портным, он шил немцам одежду. Я подумал: может, и я смогу сшить, вроде ничего сложного. Подошел к нему и стал смотреть; он остановился, посмотрел на меня и сказал: «Если хочешь учиться — отдай свой дневной паек». Я решился, дня 2—3 смотрел, абсолютно голодный. Мне казалось, что я понял: в чужих руках все было просто.

Обучившись этому ремеслу, окончательно решился, подошел к одному из немецких офицеров и предложил ему свои услуги «портного». За хлеб я готов был сшить ему брюки. На следующий день он принес полбулки хлеба и ткань. Обрадованный таким поворотом, я смело взялся за дело в свободное от работы в лагере время.

Разложил материал, все сделал как надо, начал сшивать и понял, что ничего не получится. Несколько дней говорил немцу, что много работы и не могу приступить к пошиву. Немец каждый раз приносил хлеб. Я тянул время и уже понял, что материал испорчен. А кушать и жить хотелось. Я продолжал врать, придумывая всякие причины, не признавался. Наконец немец понял, что я вру, и сказал: «Показывай что есть». Мне ничего не оставалось, как вытащить свою работу. Немец развернул материал, посмотрел и спросил: «Зачем врал?» Я ответил: «Кушать хочу». Он спокойно сказал: «Русская свинья». И ушел.

Приближалась зима. Заключенные приловчились воровать одеяла, для того чтобы поддевать под верхнюю полосатую робу. Но вором я оказался неловким. Во время построения на аппельплаце один из офицеров заметил мой необычный вид, подошел ко мне и заставил раздеться, увидел одеяло, сорвал его с меня и начал бить. Наши ребята стояли шеренгами. Я уже терял сознание, когда кто-то в толпе не то крикнул, не то выстрелил. Немец оглянулся, этого мгновения хватило, чтобы руки товарищей втащили меня в толпу, передвигая дальше, дальше от офицера, который бегал и орал, чтобы строй разошелся. Но заключенные стояли. Очнулся я уже в бараке. Так меня спасли товарищи, рискуя своими жизнями.

* * *

Подружился я с одним из пленных, потому что он такой же слабый, как я и тоже ветфельдшер. В плен попал в результате контузии, без сознания, поэтому плохо слышал. Мы держались вместе. Однажды в обеденный перерыв мы сидели на солнце, отдыхали после работы (о том, где применялся труд заключенных, дед никогда не рассказывал. — *Н. К.*), к нам подошел один из пленных и сказал: «Вот ворота, завтра в это же время будьте здесь. Через забор перекинут веревку, хватайте ее, держите и ни за что не отпускайте. Если отпустите, убьем!»

На следующий день сели там, где было сказано и стали наблюдать за воротами. Действительно появилась веревка, мы оба ухватились за нее, держать было трудно, мы повисли на ней и смогли удержать. Вскоре выскочил на середину двора один из пленных и крикнул: «Лагерь свободен! Бегите, кто куда может!» Когда выскочили за ворота, то увидели — на этой веревке повешен часовой. Весь лагерь разбежался. Выбрав направление на восток, мы побежали. Передвигались только

ночью, днем отсыпались в лесу, пытаясь замаскироваться в кустарнике и листве, понимали, что население нас выдаст. Бежали неделю, питаясь ягодами, грибами, травами.

Вскоре я стал узнавать местность. С ужасом мы поняли, что сделали круг и вернулись назад к лагерю. Через какое-то время послышался лай собак. Мы оба знали, что при поимке на сбежавших узников сначала спускают голодных овчарок, которые рвут человека на части, могут загрызть насмерть. Мой друг не услышал собак, я сказал ему об этом, мы оба забрались на деревья, чтобы хотя бы оттянуть травлю собаками.

Овчарки шли по нашему следу и вскоре они появились, лаяли, задрав морды кверху. За ними прибежали немцы. С деревьев заставили слезть. Сначала рвали собаки, затем немцы, насладившись этим зрелищем, избивали нас сами. Я был избит так, что мог передвигаться только, держась за стену.

Полуживых нас вернули в лагерь, мы видели, что многих из тех, кто сбежал, поймали. Если раньше, до побега, давали хоть кусочек хлеба, то теперь не давали даже воды. Люди умирали не столько от голода, сколько от жажды. Когда немцы принесли воду, она была подозрительно мутной. Я попробовал ее и понял — сильно соленая.

В результате этого опыта, проходившего в Дахау с июля по сентябрь 1944 г., смерть подопытных наступала еще медленнее и мучительнее. Нацисты пытались выяснить, можно ли приспособить для питья морскую воду. Для этого они отобрали 90 цыган, которых полностью лишили еды и воды, оставив им лишь соленую морскую воду. Эти несчастные страдали от жестокой жажды и обессиленно ползали по полу, пытаясь облизать его и найти хоть каплю пресной воды, оставшейся после уборки. Большинство из них в результате умерло от сильного обезвоживания[5].

Я уговаривал товарищей, не пить эту воду, предупреждал, что они умирать будут тяжелее, большинство послушали и не стали пить, но некоторые не выдержали и напились досыта. Они умирали страшно, мучительно.

После этого побега я сказал: «Больше я никуда не побегу. Или умру здесь, или дождусь своих».

Вскоре по лагерю покатилась весть о победе Советской армии на фронте, о «котле», в который попала целая армия. Эти обстоятельства повлияли на поведение охраны лагеря: они стали мягче обращаться с пленными, уже не были такими жестокими.

* * *

Нас вывели на рынок, где местные жители могли купить себе рабов для ведения хозяйства (самой тяжелой работы).

С утра построили на аппельплаце. Приезжали немцы, поляки, выбирали себе рабов, как скотину: проверяли мышцы, зубы, о чем-то спрашивали «продавцов». Тех, кто был посильнее, забирали сразу.

Мы с другом стояли среди других, и по нам было видно, что тяжелую работу выполнять не сможем. День подходил к концу, нас оставалось не так много, в том числе и мы с другом. Никто нас не брал, уж очень мы были тощие.

Приехала полячка. Выбирать было уже не из кого: «товар» остался самый хилый. Она забрала нас. Меня оставила у себя, а друга отправила к брату. Больше мы с ним не виделись.

Хозяин велел мне снять все. В истопленную баню разрешил зайти и мыться, а мои лохмотья полные вшей, сжег в печке. Мне выдали чистое! Я был счастлив, потому как не помнил уже, когда последний раз испытывал это ощущение чистоты.

Хозяин налил мне маленькую тарелку горячего супа и дал небольшой кусочек настоящего (не лагерного) хлеба! Я с трудом заставлял себя есть медленнее и, видимо, жадными глазами смотрел на еду. Он понял это и сказал, что накормит досыта, но не сразу. Если сразу — умрешь. Я и сам это хорошо понимал, но сдерживаться было почти невозможно. Разморенный баней, чистым бельем, горячей пищей, покоем, которого не испытывал уже давно, я уснул.

Когда проснулся, хозяин сказал, что я проспал сутки. Он снова налил мне супа и дал хлеба, порция была уже чуть больше. Так постепенно я начал восстанавливаться. Хозяин поручил мне работу на скотном дворе: кормить домашних животных, убирать за ними...

Все шло хорошо, но вскоре заболела любимая кобыла хозяина. Он вызвал ветеринара, и какое-то время ветеринар лечил кобылу. А потом сказал, что ничего уже не сделаешь — она все равно сдохнет. Хозяин очень переживал, а я боялся признаться в том, что я тоже ветеринар. Потому что в лагере за это меня сразу бы убили, и я давно не лечил животных и многое забыл, хотя и имел предположения, как помочь лошади. Я пленный, бесправный, любая моя ошибка будет стоить мне жизни. И все-таки я рискнул. Спросил хозяина, если он доверяет мне, то я попробую вылечить животное. Дело было безнадежным, и он согласился. Я попросил необходимые лекарства и начал лечение. Кобыла уже слегла. Я не отходил от нее ни днем ни ночью, ночевал рядом с ней. И мне удалось ее выходить. Радости хозяина не было предела. Он рассказал об этом случае соседям. Вскоре люди стали приводить больных животных. У меня получалось, я старался. Вскоре стали просить моего владельца разрешить мне приезжать в более далекие уголки села.

Как-то он разрешил мне пользоваться мотоциклом. Я стал ездить на вызовы. Сориентировался на местности и решил бежать, воспользовавшись этим транспортом. Проехал около 200 километров, но на одном из постов меня остановил полицай, потребовал показать документы, их конечно не было. Меня арестовали, привезли назад к хозяину (не били на людях). Очень ругали за то, что я оскорбил его доверие этим побегом. А мой владелец плакал и говорил, что он бы на моем месте давно сбежал и сокрушался, что мой побег не удался. Меня посадили на телегу, он дал мне хлеб, мясо, чтоб в лагере я мог поесть. Когда привезли в лагерь, продукты отобрали. Вновь наступила лагерная голодуха.

И все же жить стало легче, даже в лагере: приближался фронт. Чтобы выжить, я решил добиться инвалидности. Растравил себе ногу, изобразил травму. Меня послали на комиссию, их было несколько. Если в комиссии были немцы, меня утверждали на инвалидность, русские полицаи не верили.

Но в конечном итоге меня признали инвалидом III группы, определили на легкую работу — ассенизатором. Дали лошадь, повозку. Я должен был чистить помойки и туалеты. Рядом с нашим лагерем располагались другие лагеря, где заключенными были французы, англичане и др. Жили они лучше, на их помойках можно было найти остатки пищи. Я вновь ожил, начал поправляться, жить стало легче.

Как-то ко мне подошел один из пленных и сказал: «Попытайся провезти пищевые отходы». Бочку с этими отходами я вез на территорию нашего лагеря из других соседних лагерей, здесь эти отходы выливал. Спрятать объедки под одеждой я не мог — обыскивали. Но на помойках было много пергаментной бумаги. Я собирал эту бумагу и объедки, каждый кусочек крепко заматывал в пергамент и забрасывал в бочку с помоями. При въезде в наш лагерь проверяли меня и бочку (ее протыкали, чтобы я никого не мог вывести из лагеря или завести). Когда выливал бочку, отыскивал пергаментные свертки, выбирал их, приходил тот заключенный, с которым у нас была договоренность, и забирал еду.

Вскоре офицеры лагерей заметили, что я подбираю кусочки, и стали выбрасывать большие куски хлеба и даже целые невскрытые банки консервов. Все эти продукты я передавал тому пленному, а он говорил: «Степан, ты спас от голода ... человек. Тебе благодарность от подпольной организации».

Конспирация была идеальной. Кроме этого мужчины я никого не знал. Поэтому, если бы меня поймали и даже разрезали на куски, я смог бы указать только на того пленного, который забирал еду. Только одного человека. Но мне повезло, меня не поймали.

Вскоре фронт подвинулся к лагерю вплотную, и мы были освобождены советскими войсками. Солдаты выскакивали на аппельплац и кричали «Вы свободны!»

Все пленные, кто был глухим — услышал, слепым — прозрел, а я забыл хромать... Каждый просто хотел жить!

После войны Степан Яковлевич вернулся в Копейск. 1 января 1946 г. был принят на работу в Копейскую горветлечебницу на должность ветфельдшера. Через четыре месяца он ушел с этой должности и поступил на работу в хозяйственный отдел треста «Копейскуголь» ветфельдшером.

Дед умер 19 марта 1951 г. в возрасте 50 лет, попав в автомобильную аварию.

Примечания

[1] URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74434546.

[2] ЦАМО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 6.

[3] Там же.

[4] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/174-я_стрелковая_дивизия_(1-го формирования).

[5] О том же: URL: https://russian.rt.com/inotv/2015-05-07/Al-Aan-Dikie-eksperimenti-nemeckih.

Ю. Я. Козлов

Два ордена учителя В. И. Марсуверского

При изучении истории казачьего пос. Янгельского было выявлено много интересных фактов и необычных судеб[1]. Одна из них — судьба учителя начальной школы В. И. Марсуверского (1893–1944), биографию которого удалось восстановить по документам из фондов Челябинского и Новосибирского областных архивов. Сведения об особенностях обучения в казачьих школах дополняют общую картину развития школьного образования на Урале.

19 февраля 1893 г. казак пос. Янгельского ст. Магнитной Верхнеуральского уезда (в наши дни — Агаповский район Челябинской области) Иван Иванович Марсуверский и жена его Евлампия Дмитриевна в Свято-Николаевской церкви своего прихода крестили сына Василия, родившегося 17 февраля[2]. Когда Василию исполнилось восемь лет, он, как и все его сверстники, начал учиться в поселковой начальной школе, время обучения в которой составляло четыре года. Надо полагать, что Василий был прилежным и способным учеником, поэтому родители поддержали желание сына продолжить учебу и стать учителем, а семейный достаток позволял вносить плату за обучение. В 1907 г. он успешно сдал вступительные экзамены в специальный педагогический класс в Верхнеуральске[3].

Войсковое правление ОКВ уделяло особое внимание народному образованию, строительству школ, подготовке кадров учителей. В работах исследователей истории развития народного образования на территории ОКВ и, в частности, посвященных подготовке педагогических кадров для казачьих школ, отмечено, что с 1885 г. «подготовка учительских кадров для начальной школы стала осуществляться непосредственно с открытием для этого “специальных педагогических классов”». В Верхнеуральской станице такой класс был открыт при мужской школе. В течение трех лет будущие учителя занимались по программе высших начальных училищ, дополнительно им преподавались педагогика, методика, дидактика, проводилась месячная педагогическая практика в одной из начальных школ.

«Правлением 2-го военного отдела были арендованы два здания: одно — просторное и светлое, с достаточным количеством учеников аудиторий, другое — меньшее, использовавшееся как общежитие (интернат) для учащихся. Оба здания имели благоустроенный вид, были хорошо оснащены мебелью. Плата за обучение и содержание в общежитии (в т. ч. постельные принадлежности, питание и нательное белье) составляла 6 руб. в месяц с каждого обучавшегося. Специально-педагогический класс был полностью обеспечен комплектом необходимых методических пособий, учебниками, другими материалами и принадлежностями; имелась библиотека с разнообразной литературой. Педагогический коллектив состоял из 3 учителей-предметников, 1 учителя чтения и законоучителя (священника). Количество учащихся почти всегда было стабильным (до 40 чел., в основном мальчиков; девочки поступили только в 1911). Желающих учиться в специально-педагогическом классе всегда было много, конкурс ежегодно увеличивался»[4].

В 1910 г. семнадцатилетний Василий успешно выдержал специальные испытания (экзамены) и получил звание учителя начальных классов. В сентябре того же года был назначен учителем в школу пос. Янгельского[5]. 10 мая 1913 г. приказом № 319 по ОКВ казак Василий Иванович Марсуверский был утвержден в должности учителя Янгельской мужской поселковой школы[6].

Согласно «Положению об общественном управлении в казачьих войсках» от 13 мая 1870 г., учителя начальных школ на время исполнения возложенных на них обязанностей освобождались от службы в строевых частях, а время, в течение которого они исполняли свои обязанности по общественному управлению, засчитывалось им в срок действительной полевой службы. Поэтому в Первую мировую войну Василий не был мобилизован и продолжал работать в школе.

В августе 1918 г. на территории Верхнеуральского уезда после вытеснения краснопартизанских отрядов установилась власть белоказачьего правительства. В июле 1919 г. Василий Марсуверский был мобилизован и назначен во 2-й запасной полк переписчиком. С этим полком он уходил в Тургай при отступлении Белой армии с территории ОКВ[7].

В сентябре 1919 г. Оренбургская армия Дутова, отступая на юг, двигалась по малонаселенному и пустынному краю, не имея снабжения. При отходе были брошены остатки артиллерии, отсутствовали транспорт, боеприпасы, провиант и обмундирование. В частях свирепствовал тиф. К середине октября в строю осталось не более половины личного состава. Отступление продолжалось уже на Каркаралинск и Семипалатинск. Не было теплой одежды, что в условиях наступления зимы быстро сказалось самым негативным образом. Населенные пункты были редки и малы и не могли стать полноценной базой для войск.

Казаки сдавались в плен целыми полками, стремились вернуться в родные станицы. В числе этих казаков был и казак Янгельской станицы Василий Марсуверский. В своей биографии он указывал, что перешел на сторону Красной армии 3 ноября 1919 г., а 12 ноября вступил добровольно в ее ряды и отмечал, что в боевых действиях принимал участие в качестве рядового красноармейца лишь однажды — в бою под Каркаралинском[8].

Василий служил делопроизводителем мобилизационной части 3-й стрелковой степной бригады, а затем в той же должности в Ферганском облвоенкомате. В декабре 1921 г. он был демобилизован, а затем направлен в распоряжение Верхнеуральского уоно[9]. В ноябре 1921 г. В. И. Марсуверский был назначен заведующим начальной школой пос. Янгельского и работал в этой должности до августа 1929 г.[10] Есть все основания полагать, что именно Василий Иванович Марсуверский являлся первым руководителем Янгельской поселковой начальной школы в советский период ее истории.

В эти годы Василий Иванович был занят и на общественной работе. С 1921 по 1924 г. состоял членом сельсовета, с 1927 по 1929 г. был председателем ревизионной комиссии потребкооперации[11].

Рассказ об учителях Янгельской школы тех далеких лет сохранился в воспоминаниях Т. И. Петровой (Исаковой): «1924 год. Мне 10 лет.

Мой первый учитель был Андрей Иванович Иванов, учитель без диплома, просто грамотный человек. А я его любила за то, что хорошо пел, и мой дуэт с ним на елке в 1924 году помнит его дочь, помню я, помнила моя мама. Это была красивая русская песенка: “У зори-то, у зореньки”. Следующими учителями, третьего и четвертого классов, были Василий Иванович Марсуверский и совсем молодой Владимир Александрович Дегтярев. Последнего мы все очень любили. Он организовал первый пионерский отряд, ходил с нами в походы, проводил сборы»[12].

В сентябре 1929 г. В. И. Марсуверский решением Магнитного райисполкома был переведен в школу пос. Магнитного и работал учителем 9-го класса. В период с 1929 г. по 1932 г. по-прежнему был загружен и общественной работой: являлся председателем ревизионной комиссии Магнитного сельсовета. Что побудило Василия Ивановича покинуть родные места? Неизвестно. Но в 1933 г. он, по согласованию с роно Магнитного района, выехал в Новосибирскую область, в районный центр с. Купино. Распоряжением Купинского роно назначен преподавателем начальной школы с. Новая Деревня неподалеку от пристанционного пос. Чистоозерного[13].

До 1935 г. он работал учителем, завучем этой школы. После преобразования школы в среднюю был назначен ее директором. За учебно-воспитательную, общественную работу Василий Иванович неоднократно награждался денежными премиями, «ударными грамотами», а также путевкой на курорт. Пристанционный поселок в те годы быстро рос и развивался, увеличивалось его население. Многодетных тогда было много: нередко в семьях было пять, семь, десять детей. А в годы войны в Чистоозерном жили четыре семьи, в которых было по 16 детей[14].

Назрела необходимость открыть среднюю школу в Чистоозерном, в котором была только начальная школа. В 1938 г. было принято решение построить в Чистоозерном новую большую школу. Одновременно со строительством начальная школа из Новой Деревни переводилась в пос. Чистоозерный. Руководить строительством новой школы доверили директору Новодеревенской школы Марсуверскому. Его стараниями и хлопотами строительство новой двухэтажной кирпичной школы быстро продвигалось, и 1 сентября 1939 г. занятия начались уже в новом здании.

Директором был назначен Василий Иванович Марсуверский, именовалась она в те годы Новодеревенской неполной средней школой. Светлые большие классы, просторные коридоры — они и до сих пор отвечают требованиям, предъявляемым к школьным помещениям[15].

В 1939 г. В. И. Марсуверский — член райкома Союза учителей, член исполкома Чистоозерского района, председатель культурной комиссии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1939 г. за выдающиеся успехи в деле школьного обучения и советского воспитания детей в сельских школах, отличную постановку учебной работы и активное участие в общественной жизни в деревне Василий Иванович Марсуверский был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1944 г. Василий Иванович ушел с поста директора школы по состоянию здоровья. Годы напряженной работы давали о себе знать.

Выпускник 1942 г. учитель химии Чистоозерной средней школы № 1 Семен Васильевич Дьякович вспоминал: «Учеников он поражал своим внешним обликом: высокий, худой, аскетического вида. Лицо строгое, неулыбчивое. Пронзительный взгляд черных с желтизной глаз проникал, казалось, в самую душу, заставляя ее трепетать. Марсуверского побаивались ученики, и, кажется, учителя. Он был суровый и требовательный человек, но требования его были справедливы и обоснованы. Являясь хорошим методистом, особенно в области начального образования, он оказывал большую помощь молодым учителям. Много он сделал для развития народного образования в районе».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1944 г. Василий Иванович Марсуверский был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени.

В 1947 году он скончался, находясь на лечении в санатории в Кисловодске. Скорее всего, его подкосила весть о смерти сына Анатолия, умершего от ран в полевом госпитале в марте 1944 г.

В наши дни бывшая Новодеревенская школа носит наименование — МБОУ "Чистоозерная СОШ № 1». 23 февраля 1988 г. в школе был открыт музей, имя первого директора школы указано в паспорте школы, его знают и помнят.

Выявленные архивные документы об учителе В. И. Марсуверском пополнят теперь и летопись Янгельской школы им. А. К. Филатова.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Козлов Ю. Я.* Казачий поселок Янгельский (1743–1917). Челябинск : Цицеро, 2018.

[2] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 18. Д. 8.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 7759.

[4] *Каминский Ф. А.* Народное образование в Оренбургском казачьем войске // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13.

[5] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 7759.

[6] Приказы по ОКВ. Оренбург, 1913.

[7] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 7759.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] *Петрова Т.* Воспоминания : [рукоп.] // Личный архив автора. URL: http://s_1.chi.edu54.ru/p18aa1.html.

[14] Там же.

[15] Там же.

Т. А. Королёва

Врач-терапевт Анна Павловна Купцова

Анна Павловна Купцова родилась 22 февраля 1924 г. в г. Касли. Окончила лечебный факультет Свердловского медицинского института (1949).

Появление дальних родственников Анны Павловны на Урале, в Каслях, связано с введением Российским патриархом Никоном нового метода крещения, с расколом церкви. Недовольные этим «кержаки» (от р. Кержец в Нижегородской области) перебрались на Урал в дикие, необжитые места.

Прадед Анны Павловны по линии матери — Кузнецов, был одним из этих кержаков. В свое время в Каслях были кержацкие монастырь, церковь, кладбище. Местные кержаки были довольно серьезными людьми. Хорошо знали Библию и соблюдали все ее каноны. Никто из них не употреблял алкоголя и не курил. Мужчины обычно носили длинные и пышные бороду и усы.

Каслинские кержаки строго соблюдали некоторые правила. Около ворот своего дома ставили чашку или стакан. Проходивший мимо путник всегда мог ими воспользоваться. Умерших хоронили ночью, толпы провожающих на похоронах не было. Смерть считалась естественным явлением, одним из этапов жизни. Слез, большой печали, отчаянья никто по этому поводу не выказывал.

Врачу А. П. Купцовой приходилось лечить больных кержаков в больнице. Они очень отличались от остальных больных. Назначения врача выполняли, но все же надеялись больше на Бога. Однажды она видела в руках у больного кержака книгу с интригующим названием «Веку две тысячи лет». Попросила дать почитать. Отказал. Прошло более 50 лет, а название книги не стерлось из памяти. В другой раз лечившийся в стационаре кержак Губин позвал только что окончившую институт Анну Павловну и сказал: «Лечи хорошо, если умру, тебя с собой возьму». В понимании кержаков тех лет, врач, исцеляя больных, выполняет лишь повеление Божье.

Мать А. П. Купцовой, А. В. Яскина, родилась в 1904 г. в Каслях и рано осталась без матери. Отец ее был в это время на фронте; мать умерла, когда старшей дочери было 12 лет, а младшей полтора года. Пережили они голод, разруху, холод, Гражданскую войну, приход чехов, нэп. С 12-летнего возраста Анна умела доить корову.

Отец ее Павел Михайлович Самохвалов, 1899 г. р., хорошо играл на однорядной гармошке. «Звонкая была такая, — вспоминает Анна Павловна, — почти ни одна свадьба в период нэпа в округе не проходила без его участия».

Семья была крестьянская, крепкая. Арендовали несколько десятин земли. Имели заимку на берегу оз. Бердяниш (в настоящее время здесь стоит г. Озерск). Сеяли хлеб, имели немало крупного рогатого скота, птицы, овец и другую живность. В озере ловили крупных карасей. На заимку иногда приходили местные татары, башкиры. Их всегда радушно встречали и угощали.

На заимке стояли четыре избушки: Сериковых, Столбиковых, Самохваловых и Гвоздевых. Избушки были с небольшими окошками, внутри — нары. Крыши соломенные. Вокруг каждой — плетень из ивы, рядом — большое картофельное поле, загон для лошадей. Коров на заимке не держали.

На улице стоял камин, в котором варили уху, готовили другие блюда. Собирались все вечером «общим котлом», ужинали. Какое было раздолье, и всего в пятнадцати километрах от Каслей! Дорога к заимке извилистая, мягкая, без камней и бетона. В сухую погоду хорошо было ехать на возе с хлебом. На ногах сарыки (обувь), а в руках — кнут. Хлеб молотили на стане. Молотилка работала с помощью четырех лошадей. Анна в восьмилетнем возрасте была погоняльщицей лошадей на этой молотилке.

Заимка была в двухстах метрах от берега. Запомнились густые заросли тростника и «дорожка» в нем для прохода на чистую воду. Берег песчаный. Много купались. Для ловли рыбы ставили «катцы» и «морды», рыбу из них выбирали совком.

Дед по линии отца — Михаил Максимович Самохвалов, высокий, сухопарый. Он не только не курил и не пил спиртного, но и дома вообще не держал ни того ни другого — ни зелья, ни дурмана. Имел четырех дочерей и двух сыновей. Один из его сыновей — отец Анны Павловны. По характеру дед был требовательным, скрытным. К нему с симпатией относились революционеры с завода. Связи с ними он не поддерживал, но ему доверяли — знали, что не выдаст. Когда кто-нибудь его спрашивал: «Куда пошел?», ответ был один: «К мужику!» Когда шел от кого-нибудь, ответ на аналогичный вопрос был тот же: «От мужика!» Добиться от деда другого ответа никому не удавалось.

Хозяйство у деда было крепкое: заимка, две лошади, несколько коров, овцы, птица. Сеяли, косили сено, рубили дрова. Все делали только для себя и своими руками. Кулаками не были, но раскулачиванию подверглись в 1932 г. Представители новой власти выгребли из амбара весь хлеб, увели коров и лошадей, поймали в «короб» овечек, описали все имущество. Оставили в доме только то, что нельзя было вынести из-за больших габаритов. Все отвезли на базар, на торги.

В Каслях раскулачивали в то время очень многих. Деду сказали: «Вот оставили вам постель, собирайтесь, скоро приедем, подлежите высылке». Днем жили более или менее спокойно, а ночью со страхом ждали этой самой высылки. Так и не дождались. Видимо, кто-то не включил их в какой-то список. Через два дня после изъятия корова сама пришла домой, оторвавшись от привязи возле горсовета. Самохваловы боялись запустить ее во двор. Ходила бедняга вокруг дома целый день. Так никто из исполкомовских о ней и не вспомнил. Запустили вечером во двор, накормили. Не вспомнили власти и про людей, не выселили. Но остались Самохваловы без куска хлеба, долго бедствовали.

Мать и отец Анны Павловны десять лет жили в Сунгуле. Отец работал токарем в санатории. Анна жила в это время с бабушкой и дедушкой в Каслях, училась в школе, окончила десятилетку. Каждую неделю на выходной ездила в Сунгуль к родителям, а потом — обратно в школу. Родители вновь обзавелись хозяйством. Летом в лесу было

много грибов и ягод, а в озере много крупной рыбы. Взрослые были работящими, очень любили своих детей, а дети во всем помогали и уважительно относились к родителям.

По восьмой класс Анна была отличницей, старостой класса. В старших классах училась без троек. Среди классов школы было организовано соревнование по успеваемости. Результаты соревнования освещались в стенной газете. По результатам учебы учеников разных классов «рассаживали» — кого на черепаху, кого на коня, а кого и на самолет. Класс Анны всегда «летал» на самолете, то есть был лучшим.

Летом 1941 г. пришли из леса с ягодами — а на улице много народу, все слушают сообщение по радио через громкоговоритель. Подошли и узнали горестную весть: «Война!..» Из-за закрытия санатория переехали всей семьей в Касли. Отец устроился токарем на завод, получил «бронь» от службы в армии. Работал по 12 часов в день почти без выходных.

К тому времени в Касли были эвакуированы Липецкий завод № 61 и Харьковский завод № 332. Анна училась в то время в 10-м классе. В школе было много ребят, эвакуированных из Москвы. В один дом (отцовский) поселили несколько русских немцев, девушек из Поволжья, в другой дом (дедов) — трудармейцев.

Однажды девочки пришли в школу, а там никого из парней нет — всех забрали на фронт. После войны вернулись немногие. Кто вернулся, ничем себя не посрамил. Среди них — Николай Васильевич Ершов. Он был награжден орденом Красной Звезды, позднее работал главным бухгалтером на Каслинском машиностроительном заводе.

Анна школу окончила в 1942 г. и поступила работать в закрытую промышленную фотолабораторию Каслинского радиозавода, где делали микросхемы для танков. Работа была вредной, за вредность получали бесплатное молоко. Отец тяжело болел, часто обращался к врачам, много и долго лечился. Навещая отца, Анна часто видела врачей в белых халатах, общалась с ними. Они не раз помогали отцу поправиться и отдаляли печальный исход болезни.

В 1944 г. с большим трудом Анна уволилась с завода. По законам военного времени увольнения через 12 дней после подачи заявления по собственному желанию не было. Надо было доказывать необходимость увольнения. В том же году она поступила в Свердловский медицинский институт. Конкурс на лечебный факультет был пять человек на место.

Многих парней из старших классов во время войны призвали в армию. В 1945 г. они вернулись для продолжения учебы. Отличались от ребят, поступивших в институт после школы. Было очень заметно, что они побывали в пекле войны, все стали очень серьезными и хорошо учились.

День победы 9 мая 1945 г. в институте, общежитии — радость неописуемая! Общежитие гудело всю ночь. Радовались, целовались, обнимались, плакали все 600 студентов всех трех потоков. Все девчонки и всего три парня! Остальные были еще на фронте.

«Идут выпускные экзамены. Приехал “заказчик” по набору кадров. Вызывают нас вместе с подругой Зинаидой Суворовой в деканат и говорят: “Вот листы бумаги, заполните их, поедете работать

по специальному назначению в запретную зону, листы сдать завтра», — рассказывала Анна Павловна. Она отказалась, сказала, что поедет только в Касли, так как отец ее тяжело болен. Представитель был очень недоволен, начал кричать, грозить, что может «завалить» на экзаменах. Анна не отступила, вернула представителю его бланки чистыми. На распределение пошла на третий день. Утвердили против желания Анны Павловны. Она получила направление в г. Полевской Свердловской области, что в 80 км от Каслей. Какой-то шутник из членов комиссии заметил, что навещать отца можно на лыжах. Кто-то подсказал, что можно обратиться к директору Каслинской школы, депутату Верховного Совета РСФСР Александре Тимофеевне Статировой. Так Анна и сделала. Депутат из Москвы привезла бумагу в облздравотдел о распределении трех врачей (в том числе и Самохваловой) в Челябинскую область. На основании этого документа Челябинский облздравотдел направил всех трех врачей в Касли. Кроме нашей героини среди них были Мария Федоровна Распопина и Тамара Ивановна Яскина.

Анна прибыла по распределению в Касли в 1949 г. Здесь уже работали главный врач Д. В. Статиров, хирург С. Я. Захаров, окулист Захарова, акушер-гинеколог Е. Я. Губанова, невропатолог Л. Я. Хлызова (Дятлова). В том же 1949 г. в Касли прибыли еще двенадцать врачей: А. Г. Игнатова, Л. Н. Вострогина, Ф. М. Ахлюстина, А. И. Лебедев, М. Н. Захарова, З. В. Кошкина и др. Почему в один год столько врачей? Можно только предположить, что секретные города Озерск и Снежинск были тому причиной.

Анна Павловна некоторое время работала участковым терапевтом в микрорайоне «Сосновка». Скорой медицинской помощи не было, из транспорта имелась только лошадь. В октябре 1949 г. заведующий горздравотделом Д. В. Статиров вызвал Анну Павловну к себе и сказал: «Поедете в Вишневогорск главным врачом больницы».

В Вишневогорске была глухомань, большинство рабочих жили в землянках, а врачу выделили квартиру в двухэтажном доме. Вся медицинская служба состояла из двух комнат амбулатории и стационара на несколько коек в Булдыме. После приема приходилось идти пешком в стационар через гору Каравай. В стационаре больные находились в валенках, барак плохо держал тепло, пол был дырявым. Вначале работала одна Анна, в помощниках у нее был фельдшер. Позднее приехала врач-педиатр Нина Федоровна Елисеева.

До организации рудника никаких поселений здесь не было, потом появились домишки, землянки, несколько бараков. Началось строительство шахты, где добывали руду редких металлов. Все рабочие жили в достатке. Расчет за труд получали в бонах. Зверя, грибов и ягод в лесу было великое множество...

Мужа Анне Павловне предрек вишневогорский старик-старовер Василий Васильевич Чуфаров. Приехали как-то Самохваловы в Вишневогорск собирать ягоды, встретили этого старика-старовера, остановились. Он сказал: «У меня есть два племянника, через десять лет выбирай кого-нибудь в мужья». И добавил: «Через десять лет эта девка будет нашей». Прошло десять лет. Однажды Анна Павловна пошла смотреть стройку. Окликает ее старушка с молодым человеком, спрашивает: «Не вы ли Анна Самохвалова?» «Я...», — отвечает Анна.

«А я Мария Петровна с Вязовки. Вы должны меня помнить, приезжали собирать ягоды на Сунгуль. А это мой племянник. Знакомьтесь».

Он учился в институте, приехал на каникулы. Так и познакомились. Через несколько месяцев в 1950 г. Купцов стал мужем Анны Павловны. Сбылись пророческие слова старика Чуфарова. Муж бросил учебу в институте после второго курса, который только что окончил с отличием. Приехал в Вишневогорск, устроился на работу в лесничество. После приезда педиатра Н. Ф. Елисеевой и хирурга (молодой девушки) в 1951 г. Купцовы переехали в Касли.

Анна Павловна вновь стала работать участковым врачом в Каслях. В 1952 г. к заведующему Каслинским горздравотделом Д. В. Статирову приехала молодой фельдшер из дер. Новая Теча и, горько плача, рассказала, что мальчик, ее сын, «обезножел», а все домашние гуси и утки на селе — слепые. Д. В. Статиров направил Анну Павловну разобраться на месте что к чему. Приехав в деревню, она увидела в речке массу купающихся ребятишек, а совсем рядом — действительно слепых гусей и уток. Доложила заведующему горздравотделом. Знал он действительную причину или нет, сказать трудно. Но другие, в том числе и жители с. Новая Теча, никакого представления ни о секретном городе, ни о том, что в нем производилось, не имели.

В 1957 г. произошел взрыв на производственном объединении «Маяк» в Озерске. Вскоре из Ленинграда приехали врачи, специалисты по лучевой болезни, и рассказали о возможных последствиях радиоактивного загрязнения местности вблизи места аварии. Многие врачи сразу уехали в Харьков, Липецк и другие города. Остались в основном врачи — коренные жители Каслей.

В 1961 г. переехала в Снежинск Л. Я. Дятлова, работавшая начальником медсанчасти Каслинского машиностроительного завода. На ее место была назначена А. П. Купцова. Утверждение в должности происходило на заседании исполкома городского Совета. В медсанчасти уже было построено терапевтическое отделение, имелся невропатолог. Но не было других узких специалистов, не хватало терапевтов, вместо них работали три фельдшера. Приемы в поликлинике проводили фельдшеры. В 1962 г. началось расширение стационара до 75 коек. К основному зданию пристроили столовую, кухню, лабораторию.

С 1960-х до 1980-х гг., вплоть до начала перестройки в стране, были созданы самые благоприятные условия для работы «его величества рабочего класса» (любимое и часто употребляемое выражение А. П. Купцовой). Все, что было связано со здоровьем рабочего или служащего завода, находилось в одних руках. За здоровье рабочего строго спрашивали во всех вышестоящих инстанциях. Для улучшения здоровья рабочего проводился целый комплекс мероприятий. Во главе их всегда стояла неутомимая А. П. Купцова. Благодаря ее завидной настойчивости во главе всех — главным контролером, так сказать — был начальник медсанчасти. Администрация предприятия на деле беспокоилась о здоровье рабочих. Медсанчасть считалась цехом здоровья на заводе. Еженедельно по заводу совершала обход специальная комиссия (представители директора, парткома, профкома, санитарной службы города, начальник медсанчасти), которая выявляла все факторы, влияющие на здоровье рабочих.

Делались замечания ответственным лицам, устанавливались сроки устранения неполадок. При следующем посещении их выполнение контролировалось. Ежеквартально рабочие из рук начальника медсанчасти получали 35 путевок в санатории, вплоть до Ялты. Путевки в дома отдыха рабочие получали ежегодно без всяких ограничений.

Открыт был и с успехом функционировал заводской профилакторий. Для диспансерных больных с заболеваниями органов пищеварения организовано бесплатное диетпитание. При затруднениях бюджетного финансирования предприятие помогало приобретать медикаменты, мягкий и твердый инвентарь. Флюорографическое обследование проводилось прямо на территории завода. Была значительно улучшена вентиляционная система, уменьшена вибрация на рабочих местах и т. д. После проведения всех этих мероприятий значительно снизилась профессиональная заболеваемость (силикоз, бронхиальная астма, лейкозы).

На территории заводов (машиностроительного и радиозавода) работали пять здравпунктов, два зубных кабинета, две комнаты гигиены. Терапевты вели прием прямо на здравпунктах. Были организованы и работали санитарные дружины и санитарные посты. Всегда выполнялся план по донорству.

Завершал весь этот процесс борьбы за здоровье человека ежеквартальный отчет о заболеваемости рабочих и служащих (так называемая форма 3-1). Скрупулезно подсчитывалось среднее количество дней нетрудоспособности (в среднем на сто работающих, по группам заболеваний), средняя продолжительность лечения на больничном листе. Не дай бог, если на предприятии показатели заболеваемости значительно изменятся по сравнению со среднеотраслевыми в худшую сторону. Жди тогда вызова «на ковер» с объяснениями: почему, отчего и как. Много раз в течение года вопрос о 3-1 рассматривался на заседаниях руководства завода, профкома, комитета народного контроля разных уровней, в разных организациях КПСС, на заседания исполкомах, сессиях Совета народных депутатов.

Анной Павловной земляки восхищаются до сих пор, хотя ее давно уже нет в живых. Вот что говорит о ней коллега Ахлюстина Валентина Павловна: «Это был первый начальник, мой руководитель. Для Анны Павловны существует только больной и “господин рабочий класс”. Разговоров на другую тему не признавала. Всех рабочих завода, и особенно больных, знала в лицо, по фамилии и многих по имени, отчеству. Сама дисциплинированная, требовала пунктуальности от других. Хотя Есенин и был в те годы запрещен — многие из его стихов Анна Павловна знала наизусть и читала их, когда куда-нибудь вместе ездили. В часы отдыха любила песни и танцы. Работа в МСЧ Каслинского машиностроительного завода была для Валентины Павловны вторым (практическим) институтом»[1].

Рассказывает Георгий Михайлович Коровин: «Я в то время работал в руководстве Каслинской ЦРБ. Имел по работе постоянный контакт с Анной Павловной. Она была беспокойным, пробивным, грамотным врачом, во главу угла всегда ставила интересы рабочего человека. Если какой-то вопрос трудно решался, она нередко вставляла в свои доводы главный “козырь”: “Ведь я ж не для себя прошу, я выступаю от

имени Его Величества рабочего класса”. Прямо скажу, это помогало. И потому помогало, что Анна Павловна действительно была выразителем интересов рабочего человека, а рабочие видели в ней своего защитника в вопросах сохранения своего здоровья. “Но я верю только в лучшее, и оно обязательно будет”, — сказала в заключение нашей давней беседы Анна Павловна»[2].

За свою трудовую деятельность Анна Павловна Купцова была награждена орденом «Знак Почета», медалью «Ветеран труда», многочисленными почетными грамотами и благодарностями от руководства медсанчасти машзавода, районной больницы. А главная ее заслуга — добрая память о ней всех тех, кто хоть однажды соприкоснулся в своей судьбе с этой удивительной женщиной и врачом.

Примечания

[1] Из интервью с Валентиной Павловной Ахлюстиной осенью 2020 г.

[2] Рукопись врача-инфекциониста, краеведа Георгия Михайловича Коровина.

И. А. Новиков

«Подушка и скамейка для юного шахматиста»: материалы периодической печати как один из источников изучения биографий знаменитых земляков (на примере чемпиона мира по шахматам А. Е. Карпова)

Одним из видов письменных исторических источников является периодическая печать: газеты, журналы, альманахи и т. д., зарождение которых в XVIII в. стало одним из важных составляющих отражения начала нового времени в истории нашей страны. Двадцатый век стал расцветом этого источника исторической информации, самого массового, самого популярного, самого востребованного. Кроме центральных и региональных изданий начинают выходить городские и районные, многотиражки заводов и фабрик, вузов и других организаций. Старшему поколению даже сейчас невозможно представить вечер без шелеста газетных или журнальных страниц. Именно в них бóльшая часть населения черпала для себя разнообразную новостную информацию, получала идеологическую подпитку для новых свершений, у иных они вызывали ироническую ухмылку.

Информацию, печатавшуюся в небольших по формату, выходящих иногда не каждый день «местных» газетах (городских и районных), можно разделить на несколько видов. Во-первых, информация хронологического характера, или о событиях, происходивших в городе (районе). Во-вторых, статьи по конкретным аспектам деятельности горожан (сельских жителей). В-третьих, сведения биографического

характера. Причем не только рассказы о конкретных людях, но и упоминания о том или ином человеке в самых различных информационных материалах: репортажах с мест событий, отчетах о разнообразной деятельности, в том числе в сфере образования, культуры, спорта. В-четвертых, сведения по истории города (района).

Несколько лет назад, просматривая подшивки газеты «Златоустовский рабочий» в поисках информации о самой титулованной спортсменке Южного Урала — «уральской молнии» Л. П. Скобликовой, чьи детские годы прошли на склонах горы Косотур, — мы неоднократно встречали рассказы о ее спортивных успехах и достижениях, отклики земляков о ее ледовых победах, что дало возможность внести в ее биографию некую изюминку, часть добытой информации вошла в более поздние публикации[1]. Неожиданно для нас на страницах газеты за 1961 г. большое число спортивных новостей было посвящено юному шахматисту из Златоуста десятилетнему Толе Карпову, будущему чемпиону мира по шахматам.

Спустя годы А. Е. Карпов вспоминал о своих первых шахматных шагах: «В те годы у нас, в Златоусте, был подлинный шахматный бум. У нас во дворе почти все ребята умели играть в шахматы. В какой-то момент шахматы вытеснили все остальные игры, и, устроившись на крылечке, мы целыми днями играли в шахматы. А впервые выточенные из дерева фигурки я увидел дома — мой отец очень любил шахматы. Родители часто вспоминают, с какой жадностью, когда мне не было четырех лет, я наблюдал за партиями между отцом и его друзьями. Но с правилами игры, несмотря на мои горячие просьбы, меня познакомили не сразу. Кажется, не меньше года я добивался права сесть за шахматную доску. Помню, как я ужасно расстраивался, проигрывая партию. А отец говорил, что без проигрышей не будет и выигрышей, и что, если я так буду расстраиваться, то он не будет со мной играть! Но прошло некоторое время, и я стал оказывать отцу упорное сопротивление, а иногда даже выигрывать у него»[2].

Научившись в четыре года играть в шахматы, в шесть лет юный Толя вышел на шахматную орбиту своего двора — дома № 22 по ул. Ленина в исторической части Златоуста. Он вспоминал: «Дворовым настольным играм в нашей стране всегда был присущ особый дух демократии. Дождись своей очереди и играй. Проиграл — освободи место следующему в очереди. Возраст игрока не имел никакого значения»[3]. Именно в баталиях с отцом и в дворовых сражениях прошло становление юного Карпова — шахматиста. Затем будет шахматный клуб во Дворце спорта металлургического завода.

Шестьдесят лет назад, в январе 1961 г., взошла новая звезда на спортивном небосводе Южного Урала, которая с каждым новым турниром горела все ярче и ярче, вызывая восхищение, любопытство и интерес не только у почитателей шахмат, но и у многих наших земляков и жителей других регионов. В большей мере этому способствовали публикации о юном даровании не только на страницах городской газеты, но и в центральных изданиях «Советская Россия»[4] и «Шахматы в СССР»[5].

Анатолий Евгеньевич Карпов — гордость Южного Урала. 23 мая 2021 г. ему исполнится 70 лет![6] Он почетный гражданин Златоуста[7],

лауреат народной премии «Светлое прошлое»[8], имеет другие награды. Однако начальный этап становления Анатолия Карпова как шахматиста, за редким исключением, не нашел отражения в литературе о нем. Чаще всего он описан в краеведческих изданиях[9]. К сожалению, результаты первых шахматных успехов и побед Толи Карпова пока не удалось обнаружить в документах ОГАЧО, если не брать во внимание материалы личного характера, его отца, номенклатурного работника Златоустовского завода им. Ленина, Евгения Степановича Карпова, отложившиеся в фонде обкома партии[10].

В 1961 г. «Златоустовский рабочий» одиннадцать раз публиковал материалы, посвященные юному шахматисту Толе Карпову. Ни в одной из них его не назвали по-другому, кроме как «Толя Карпов». Заметки разные по объему: от нескольких строк до полноценной спортивной новостной информации. Все публикации размещены на последней (четвертой) странице и посвящены участию мальчика в шахматных соревнованиях: в шести случаях — в чемпионате города[11], в трех — в областном чемпионате среди школьников и юношей[12], в двух — в финале первенства РСФСР[13]. Автором пяти публикаций является главный судья соревнований С. Шацкий, одной — преподаватель Г. Улюкин; еще у пяти публикаций автор не указан. Особенно живыми, интригующими, с искрометными словечками в адрес юного шахматиста являются заметки С. Шацкого. Он Толю Карпова называет чаще всего «маленьким чемпионом», «самым маленьким», «маленьким пионером», «малышом». В заметке 25 февраля он писал: «Центральной партией в прошедшем туре была, конечно, встреча между самым маленьким и самым высоким участником. Толя Карпов встречу провел, что называется, на ногах. Его голова едва возвышается над шахматным столиком, и Толе приходится стоять чуть поодаль, чтобы лучше видеть доску»[14]. 19 марта он же сообщал: «Толя, как обычно, играл точно. На партию он затратил всего 20 минут. Умение быстро “схватывать” позицию — характерно для Карпова... юному шахматисту необходимо заставить себя больше думать, играть помедленнее. Действительно, на большинство партий он затрачивает менее четверти положенного времени»[15].

Приведем тексты двух публикаций в «Златоустовском рабочем» за 1961 г. об успехах Анатолия Карпова: «Юный чемпион» (о победе на первом первенстве Челябинской области среди школьников) и «Успех Толи Карпова» (об участии в финале первенства РСФСР среди юношей).

Юный чемпион

Во время шахматных «битв» за звание чемпиона области среди школьников внимание болельщиков чаще всего останавливалось на игре школьника Толи Карпова, самого молодого участника турнира.

Уже в первом туре жребий свел Толю с челябинским десятиклассником. Вписав в турнирную таблицу первое очко, Толя показал, что возраст — не главное достоинство шахматиста.

Главными противниками Толи в борьбе за первое место были шесть челябинцев. По-разному начинали они игру, но результат

был неизменен — Толя одерживал победу. Особенно упорно протекала партия с чемпионом среди школьников Челябинска десятиклассником Шнайдером, который в случае поражения выбывал из борьбы за первое место. Толя Карпов все же заставил чемпиона Челябинска сложить оружие.

Успехи Толи Карпова неслучайны. Он играет в шахматы с четырех лет, последние год-два обстоятельно изучает начальную стадию шахматной игры и его дебютный репертуар довольно широк: испанская партия, защита Нимцовича, итальянская партия и др.

Шахматная общественность города должна обратить серьезное внимание на дальнейшее развитие и углубление шахматного мастерства Толи Карпова. Талант надо беречь и растить[16].

Успех Толи Карпова

Толя Карпов начал играть в шахматы, когда ему исполнилось только 4 года. Сначала с отцом, потом с товарищами. А осенью прошлого года он пришел в шахматную секцию спортпавильона металлургов. Первые партии, сыгранные с лучшими заводскими спортсменами, насторожили взрослых. Порадовала точность ходов, сложные комбинации, опасные атаки, за доской был опытный шахматист. Неловко чувствовали себя побежденные дяди. Но что поделаешь — побеждает сильнейший. Нынешней зимой Толя впервые участвовал в розыгрыше первенства области по шахматам среди школьников.

На досках шла упорная борьба. Златоустовский шахматист добился заслуженного успеха. Выполнил норму второго спортивного разряда. Толя Карпов завоевал звание чемпиона области.

А в марте юный шахматист вновь участвует в областных соревнованиях только теперь в юношеских. На этих соревнованиях Т. Карпов занял пятое место.

В июле в городе Боровичи, недалеко от Ленинграда проводилось личное первенство Российской Федерации среди юношей по шахматам.

Учитывая исключительные способности Толи Карпова областная секция шахматистов ходатайствовала о включении его в соревнования. И вот среди 66 соревнующихся юношей, златоустовский десятилетний шахматист. Это самый юный участник турнира. Талант мальчика сразу был замечен. Его победы производили очень хорошее впечатление. Он 3 встречи выиграл, 3 проиграл и 4 свел к ничейной, набрав тем самым 5 очков из 10 возможных. Это первый шахматист в нашей стране, достигнувший в десятилетнем возрасте норму первого спортивного разряда.

Сейчас Толя отдыхает в пионерском лагере «Орленок» недалеко от г. Туапсе. Что ж — отдых заслуженный[17].

Таким образом, публикации в газете «Златоустовский рабочий» за 1961 г. — единственный источник информации о первых успехах де-

сятилетнего «бриллианта» Толи Карпова — первого чемпиона Челябинской области по шахматам среди школьников. Поэтому материалы периодических изданий необходимо использовать при изучении биографий известных наших земляков.

Примечания

[1] Например: *Новиков И. А.* «Уральская молния» Л. П. Скобликова в архивных документах Челябинской области // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 286–290 ; *Он же.* «Уральская молния» // Преподавание истории в школе. 2019. № 9. С. 32–38.

[2] ОГАЧО. Ф. Р-1814. Оп. 1. Д. 227. Л. 18.

[3] Там же. Л. 17.

[4] *Альшиц Л.* Десятилетний шахматист // Совет. Россия. 1961. 14 июля.

[5] Успех юного шахматиста // Шахматы в СССР. 1961. № 10. С. 300.

[6] Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2021 / сост.: Э. А. Арсламбаева, И. Н. Пережогина. Челябинск, 2020. С. 35.

[7] АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 812. Л. 8 ; Гордость Южного Урала: почетные граждане Челябинской области : энциклопедия / ред. кол.: И. И. Вишев и др. Челябинск, 2019. С. 135 ; Золотые имена Златоуста: о почетных гражданах города Златоуста и Златоустовского городского округа. Изд. 2-е, испр. и доп. / сост. А. В. Козлов, Т. В. Шадрина. Златоуст, 2017. С. 24.

[8] Знаменитые земляки — лауреаты народной премии «Светлое прошлое» : биобиблиогр. пособие / сост.: Л. В. Макарова, Н. В. Козлова. Челябинск, 2012. С. 15–19.

[9] *Верзаков Н. В., Черноземцев В. А., Понуров В. В.* Златоуст : крат. очерк : путеводитель-справ. Челябинск, 1984. С. 103–105 ; Златоуст — город крылатого коня / авт.-сост. А. В. Козлов. Златоуст, 2004. С. 232–233 ; *Моисеев А. П.* Златоустовский городской округ: тетрадь юного краеведа. Челябинск, 2013. С. 52.

[10] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 160. Д. 587.

[11] *Шацкий С.* Старт шахматистов // Златоуст. рабочий. 1961. 14 февр. ; *Он же.* После четырех туров // Там же. 25 февр. ; *Он же.* После десяти туров // Там же. 19 марта ; Итоги первенства по шахматам // Там же. 2 июня ; *Шацкий С.* Соревнуются шахматисты // Там же. 13 сент. ; *Он же.* Идут сражения шахматистов // Там же. 3 дек.

[12] Первый чемпион // Там же. 13 янв. ; *Улюкин Г.* Юный чемпион // Там же. 15 янв. ; Шахматные новости // Там же. 28 марта.

[13] Первые очки Толи Карпова // Там же. 12 июля ; Успех Толи Карпова // Там же. 12 авг.

[14] *Шацкий С.* После четырех туров // Там же. 25 февр.

[15] *Шацкий С.* После десяти туров // Там же. 19 марта.

[16] *Улюкин Г.* Указ. соч.

[17] Успех Толи Карпова...

О. С. Репникова

Пауль Эмильевич Рикерт — антифашист, политэмигрант, ученый

Нет плохих народов, есть плохие люди. Народ-предатель — это абсурд.

П. Э. Рикерт (Хальперн)

Пауль Эмильевич Рикерт — человек первого поколения XX в. Прирожденный боец за справедливость, идейный коммунист, интернационалист, антифашист, человек широко и глубоко образованный. Рикерт — человек своего времени. Погружаясь в историю его жизни, невозможно остаться равнодушным. В нем восхищает все — его любовь к природе и уважение к людям, жажда познания, умение видеть красоту во всем, даже в камнях.

Пауль Хальперн родился 30 октября 1907 г. в Берлине в семье мелкого чиновника Эмиля Хальперна. Учился в реальной (классической) гимназии с обязательным изучением древних и трех живых языков. Занимался в хоре при Домском соборе Берлина. Друг Пауля Хальперна Борис Викторович Раушенбах вспоминал: «Пауль рассказывал мне, что в детстве пел в церковном хоре. Не из религиозных соображений, а потому, что у него был слух, прекрасное чувство музыки и хорошо поставленный мальчишеский голос. Голос, как это часто бывает, с возрастом пропал, но с берлинским хором мальчиков он объехал всю Европу, включая Скандинавию»[1].

Сразу по окончании гимназии в 1926 г. Пауль поступил в Берлинский университет на философский факультет (химическое отделение). В студенческие годы он много путешествовал по Европе. На учебу и свой досуг зарабатывал репетиторством. В 1928 г. Пауль вступил в Коммунистическую партию Германии, вел активную подпольную антифашистскую деятельность.

Берлинский университет Пауль Хальперн окончил в ноябре 1931 г. В 1931–1932 гг. в том же Берлинском университете проходил аспирантуру. В начале 1933 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук, но документа, подтверждающего это звание, получить не успел, так как в это время в Германии разворачивались драматические события. 27 февраля 1933 г. произошел инцидент, который вошел в историю как «поджог рейхстага». Гитлер заявил, что поджог совершили коммунисты, и что таким образом они подали сигнал к началу коммунистического переворота. На следующий день был опубликован указ рейхспрезидента «О защите народа и государства», в котором отменялась свобода личности, собраний, союзов, слова, печати. Ограничивалась тайна переписки и неприкосновенности частной собственности. По всей стране начались аресты коммунистов.

Примерно через год подпольной жизни из-за постоянной угрозы разоблачения и ареста ЦК компартии Германии решил перевезти Пауля Хальперна в Советский Союз. Он пересек границу Германии

и Чехословакии и приехал в Прагу, где в советском посольстве получил документы на другое имя. В июне 1934 г. он прибыл в СССР. Уже в июле того же года Центральным комитетом Международной организации помощи борцам революции он был признан политэмигрантом, получил советское гражданство и новое имя — Пауль Эмильевич Рикерт. Он мог выбрать любое место жительства, ведь химики в то время были очень нужны, и многие на его месте выбрали бы Москву, но он с детства страстно любил минералогию, камни были его большой любовью. И в качестве постоянного места жительства он выбрал Урал, город Свердловск, который привлекал его как крупный научный центр и минералогический район.

Приехав на Урал, Пауль Рикерт получил интересную работу — научного сотрудника в Уральском научно-исследовательском химическом институте (УНИХИ). В свободное время занимался минералогией. Но спокойный период в его жизни продлился всего три года.

В 1937 г. начались тотальные чистки советского общества от «зараженных контрреволюцией» кадров армии, дипломатических работников, работников Коминтерна и разведки. Под этот каток репрессий попал и Пауль Рикерт. В 1937 г. он был обвинен в шпионаже в пользу Германии, признан социально опасным элементом и осужден на три года исправительно-трудовых лагерей с отбыванием наказания в Онеглаге (Архангельская область, ст. Плесецкая Северной железной дороги). Свою вину Рикерт не признал. Можно только догадываться, что чувствовал человек, сумевший избежать ареста, бесчеловечных пыток в застенках гестапо в Германии, оказавшийся в стране, в которой, как ему казалось, он будет в безопасности, среди своих единомышленников и друзей, где его, невиновного, объявят шпионом и лишат свободы на целых три года.

Освободился он в 1940 г. и до ноября 1941 г. работал на хромпиковом заводе в Первоуральске.

В 1941 г. Пауль Эмильевич, как и многие граждане Советского Союза, был мобилизован в ряды Красной Армии, но по распоряжению представителя Государственного комитета обороны был снят в Свердловске с эшелона, направлявшегося с пополнением в Москву, и оставлен «для окончания отработки методики холодного хромирования орудийных стволов». Проработал на Уральском хромпиковом заводе Рикерт недолго, всего полгода.

28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживавших в районах Поволжья». Эту дату можно назвать началом депортации советских немцев из различных областей Советского Союза на Урал. И уже зимой — весной 1942 г. в районе Нижнего Тагила были созданы спецотряды из советских немцев. В один из этих отрядов (№ 18-74) и был «трудмобилизован» Первоуральским райвоенкоматом Пауль Эмильевич Рикерт. Его назначили на должность контрольного мастера в отдел технического контроля кирпичного завода[2]. Вместе с ним в отряде находились и другие высококвалифицированные специалисты: Борис Викторович Раушенбах (впоследствии разработчик ракетной техники, помощник Сергея Павловича Королева), Отто Николаевич Бадер (известный археолог, кандидат исторических наук), Армин Генрихович Стронберг

(кандидат химических наук, химик-аналитик), Виктор Викторович Мадер (ученый-математик). Были забыты заслуги российских немцев, их активное участие в строительстве крупнейших промышленных предприятий в стране и в частности на Урале, забыт их неоценимый вклад в развитие и становление советского общества.

Знакомство Рикерта с Раушенбахом переросло в долгую дружбу. Борис Викторович писал в своей книге «Постскриптум»: «Когда мы встретились в лагере, я его сразу приметил, хотя ничего особенного с виду в нем не было — высокий, худощавый, в очках... Дружба с Паулем у нас сохранилась и после того, как мы расстались со своими решетками, дружили семьями...»[3]

Интересным явлением в лагере на кирпичном заводе стало создание «академии кирпичного завода» (по другим данным — «малой академии»), где после обязательных работ заключенные ученые читали друг другу доклады, делали сообщения по своей специальности. В труднейших условиях, работая по 10—12 часов, эти люди находили возможность обучать других и развиваться самим, общаясь друг с другом. Из книги Б. В. Раушенбаха «Постскриптум»: «Помню, кто-то рассказывал о тонкостях французской литературы конца XVIII века, причем с блеском, эрудированно, изящно... Сам я рассказывал о будущей космической эре, хотя до запусков было невероятно далеко, больше двадцати лет, но я говорил обо всем серьезно, как профессионал профессионалам. Бадер поведал нам о самых интересных археологических раскопках на Урале, Пауль — о его минералогических богатствах, о своей уникальной коллекции минералов...»[4]

По просьбе Нижнетагильского краеведческого музея Отто Николаевич Бадер проводил раскопки на Горбуновском торфянике. Ему помогали в этом Раушенбах, Рикерт и еще те, кому разрешалось покидать зону. Во время работы Пауль Эмильевич Рикерт обратил внимание на илистое болото, расположенное в центре торфяника. Он сделал заключение, что грязи этого болота (сапропели) целебны и могут быть полезны для лечения людей. Позже сапропели стали применять на практике. Вольдемар Эдуардович Рунг, начальник медсанчасти треста «Тагилстрой», настоял на том, чтобы в соседнем с поликлиникой доме, в цокольном этаже, организовали грязелечение. Там и стали применять горбуновские грязи, результаты были очень хорошие[5].

В 1945 г. стройотряд № 18-74 был расформирован, но кирпичный завод остался. Здесь и продолжал трудиться Пауль Рикерт. В августе 1945 г. мастера П. Э. Рикерт, И. А. Майер и В. Г. Вольф разработали приспособление, рационально механизирующее процесс пересадки недосушенного сырца вагонеткой Келлера в камеру досушки. За эту разработку они получили авторское вознаграждение[6]. В сентябре 1945 г. те же мастера разработали и внедрили новое рационализаторское предложение: установку козырька-отражателя в газоходе сушилки для улучшения условий сушки кирпича-сырца, что способствовало более равномерной подаче газа и сокращало срок сушки кирпича. За это рационализаторское предложение также была выдана премия[7].

В 1946 г. Рикерт продолжал работать на кирпичном заводе. Он и другие его коллеги внесли ряд рационализаторских предложений по улучшению работы сушилки № 1. Внедрение данного предложения

внесло ряд положительных изменений в конструкцию сушилки и дало возможность вырабатывать оптимальный тепловой режим для сушки сырца. За свое рационализаторское предложение Рикерт был премирован[8]. В 1947 г. Пауль Эмильевич Рикерт и Вольдемар Генрихович Вольф доработали этот способ и подали заявку на авторское свидетельство, которое было внесено в Государственный реестр изобретений СССР 8 февраля 1950 г. под номером 83045[9].

В июне 1946 г. Рикерт был назначен начальником завода холодного асфальта бетонного комбината, но из-за своей принципиальности, требовательности и бескомпромиссности в отстаивании научных и моральных принципов проработал в этой должности всего пять месяцев. Из-за нехватки природных битумов ему приказали ввести в асфальт как компонент отходы коксохимического производства — битумоподобные каменноугольные смолы. Он отказался это сделать, понимая, что смолы канцерогенны и опасны для здоровья людей, вступив тем самым в конфликт с вышестоящим руководством. Его сместили на должность старшего инженера заводоуправления, в мае 1949 г. назначили на должность инженера технического отдела. Здесь вместе с Николаем Березиным, тоже инженером, Пауль Рикерт разработал способ приготовления растворов и бетонов с применением водной вытяжки из хлорной извести для затворения во время зимнего строительства, что позволило вести кладочные, облицовочные, штукатурные работы при температуре до −35 °С. Это были годы великих строек. Страна, разрушенная немецкими захватчиками, нуждалась в таких изобретениях, но не смотря на это, работы были прикрыты. В конце ноября 1950 г. Пауля Рикерта и вовсе уволили с формулировкой «из-за отсутствия работы по специальности»[10]. По воспоминаниям Игоря Рикерта, сына Пауля, реальной причиной увольнения стал отказ техника-строителя Березина и инженера Рикерта включить людей из управления треста «Тагилстрой», не имеющих никакого отношения к работе, в список изобретателей метода твердения морозостойких бетонных смесей[11]. Позже, в 1954 г., Пауль Эмильевич Рикерт получил авторское свидетельство № 97338 на свое изобретение «Способ приготовление гидравлических вяжущих веществ, растворов, бетонов для производства строительных работ в зимнее время»[12].

После увольнения из треста «Тагилстрой» Пауль Эмильевич стал работать в средней школе рабочей молодежи № 8 Нижнего Тагила. Он преподавал химию, физику, иностранные языки (немецкий, французский) в 5−10-х классах[13]. Проработал учителем семь лет.

В этот период он задумался о переезде вместе с женой в другое место жительства. В своем письме Вере Михайловне Раушенбах он пишет: «Сумеем ли мы летом что-нибудь подходящее найти? Купили атлас СССР и путешествуем по картам то на восток, то на юг (на запад и север нас не тянет). Возраст такой, что надо думать уже об окончательном месте пребывания. Нас тянет в район, даже если не вблизи железной дороги. Лишь бы был лес, да школа, да плодородная земля»[14].

Но пока он еще в Тагиле и продолжает заниматься своим любимым делом — минералогией. Он так же любит природу, ходит вместе с семьей в длительные походы, привлекает к раскопкам своих учеников. Рикерта всегда окружали ребята с рюкзаками и молотками в руках.

Многим он помог выбрать жизненный путь. Еще в 1947 г. в своем дневнике «Солнечная долина», написанном для любимой жены, он отмечал: «...природа близка и желанна, когда к ней возвращаешься из твердыни городской индустрии. (Старая мудрость — познавать в противоположностях.)...»[15]

Разносторонности интересов Пауля Эмильевича остается только удивляться. Он не очень любил поэзию, писал стихи сам. На хранении в Нижнетагильском городском историческом архиве имеются сборники его стихов, написанные на немецком и русском языках. Он также занимался переводом с русского языка на немецкий (стихотворение А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», пролог к поэме «Руслан и Людмила», стихотворение М. Ю. Лермонтова «Черкешенка», поэма М. Горького «Песня о Буревестнике»).

Археология также входила в круг его интересов. В августе 1954 г. Пауль Рикерт обследовал северо-восточный склон горы Голый Камень, где обнаружил артефакты каменного века. Об этом он 17 октября 1954 г. написал в отчете директору Нижнетагильского музея краеведения А. А. Самаровой[16]. В этом документе Пауль Эмильевич указал, что у него в распоряжении имеется подъемный материал, найденный «в непосредственной близости от первоначального залегания». Он считал, что предметы были выброшены из культурных слоев при обработке склона под огороды в 1942—1947 гг. Место сбора Рикерт обозначил как «Голый Камень II—V» и привел схему его расположения (современное объединенное название «Гальянская палеолитическая стоянка»).

13 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», а в ноябре 1956 г. дело в отношении Пауля Рикерта было прекращено, он был реабилитирован военным трибуналом Уральского военного округа с формулировкой «за отсутствием состава преступления». Через два года он смог поехать в Германию, где встретился (в последний раз) со своей матерью.

После реабилитации Пауль Рикерт смог подняться на более высокий уровень в педагогической деятельности. 27 августа 1957 г. он был освобожден от занимаемой должности и направлен в распоряжение Нижнетагильского педагогического института. Работал он там сначала на кафедре языков на должности старшего преподавателя. В 1960 г. избран по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры химии. В 1964 г. был назначен на должность исполняющего обязанности доцента кафедры химии. Был уволен 5 января 1968 г. в связи с уходом на пенсию, но уже 1 марта того же года назначен временно на должность старшего преподавателя кафедры химии.

В годы работы в Нижнетагильском педагогическом институте Пауль Эмильевич продолжал заниматься научной работой в области силикатных вяжущих. Им был разработан метод двумерной pH-метрии в твердеющих вяжущих. Этот способ был защищен авторским свидетельством. Он написал методические руководства по минералогии и кристаллографии для студентов химико-биологического факультета, а также для экскурсоводов отделов природы музеев. Им написано множество докладов: «Валентность химических элементов и химическая

валентная связь», «Анализ геологической карты Мурзинского района» и др. Составлены упражнения по грамматике немецкого языка для студентов педагогического института, написана работа «Порядок членов предложения в немецком языке». Пауль Эмильевич сам составлял карты: Нижнетагильского промышленного района, окрестностей Баумановского, Каменского и Высокогорского железных рудников. В 1971 г., незадолго до своей кончины, Пауль Эмильевич закончил научную статью «Аметист» — о природе окраски этого камня.

30 ноября 1971 г. в морозный день Пауля Эмильевича Рикерта не стало. Он нашел свой покой на старом кладбище в дер. Фокинцы под Нижним Тагилом. Прошло уже пятьдесят лет, как его нет, но память о нем жива. О нем помнят его ученики, его близкие. Память о нем сохраняют его научные труды, собранные им коллекции минералов и сборники написанных им стихов.

Примечания

[1] URL: wolgadeutsche.net.
[2] НТГИА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 14.
[3] *Раушенбах Б. В.* Посткриптум / лит. зап. И. Сергеевой. М. : Пашков дом, 1999. 216 с.
[4] Там же.
[5] НТГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 8. Л. 41.
[6] Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 404. Л. 56–57.
[7] Там же. Л. 108–110.
[8] Там же. Д. 423. Л. 75.
[9] Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 21.
[10] Там же. Д. 14.
[11] Рикерт Пауль Эмильевич // Тагил. шк. 2008. № 9 (59).
[12] НТГИА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 26.
[13] Там же. Д. 14.
[14] Там же. Д. 29.
[15] Там же. Д. 18.
[16] Там же. Д. 28.

В. Г. Семенов

Николай Альметьев — есаул с генеральскими обязанностями

Вся тяжесть мобилизации в Первую мировую войну в 1914 г. из-за отсутствия в Оренбургском казачьем войске кадров льготных полков легла на войсковой штаб. Личный состав штаба, не полностью укомплектованный в мирное время, с проведением мобилизации уменьшился в два раза. По этой причине чины штаба несли непосильную работу, не получая за это никакой дополнительной платы. Ходатайства на эту тему Главным штабом отклонялись.

Мобилизационная часть войскового штаба являлась частью строевого отделения, в котором состоял исправляющий должность старшего адъютанта есаул Николай Михайлович Альметьев. Именно благодаря

его выдающейся деятельности мобилизация частей ОКВ на фронты Первой мировой войны прошла успешно. Уже через месяц после начала войны все ОКВ было мобилизовано, вплоть до особых конных сотен.

Атаман ОКВ генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов, видевший непомерную работу чинов войскового штаба и в особенности отлично-усердную службу есаула Альметьева, считал своим нравственным долгом ходатайствовать о производстве офицера в чин войскового старшины. Он понимал, что сделать это будет непросто, поскольку чин есаула Николай Михайлович Альметьев получил перед началом войны, и ждать следующего чина по закону придется долго. С другой стороны, Альметьев был лишен права получить чин войскового старшины за боевые отличия, поскольку как незаменимый штабной офицер был оставлен в войске.

Не смирившись с отказом Главного штаба «в изъятие из закона», то есть в виде исключения, представить есаула Альметьева к производству в войсковые старшины, 15 сентября 1914 г. атаман ОКВ генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов обратился с ходатайством к военному министру[1]. В нем он, в частности, писал: «В первую очередь из имеющих быть представленными к награде я хотел бы провести производство названного обер-офицера в войсковые старшины, но меня затрудняет в этом случай неимения строевого сверстника, который был бы произведен не за боевые отличия в штаб-офицеры. Тем не менее, принимая во внимание отлично-усердную службу и выдающуюся деятельность упомянутого обер-офицера, особенно проявленную им за время мобилизации войска, делопроизводство которой было исключительно в его ведении, я беру на себя смелость просить ходатайства Вашего Высокопревосходительства о производстве есаула Альметьева в войсковые старшины “в изъятие из закона”»[2]. К письму атамана прилагалось описание заслуг есаула Альметьева:

> И[справляющий] д[олжность] старшего адъютанта войскового штаба Оренбургского казачьего войска, состоящего по тому же войску, есаула Альметьева [Николая], представляемого к производству в войсковые старшины в изъятие из закона.
>
> Есаул Альметьев состоит в войсковом штабе с 13 мая 1913 года и за это время службы показал себя отличным, усердным работником, с большими служебными познаниями и опытом. Обладая отличными умственными способностями, большой энергией, тактом и чуткой отзывчивостью к интересам всех чинов войска, есаул Альметьев все время неутомимо и с любовью работает на пользу мобилизации войска, что называется, не за страх, а за совесть.
>
> В 1902 г. приказом по военному ведомству № 247 в войсковом штабе было учреждено особое мобилизационное отделение, в составе одного старшего адъютанта штаб-офицера Генерального штаба и помощника старшего адъютанта обер-офицера Генерального штаба или строевого офицера войска, но в 1909 году приказом по военному ведомству № 549 должность старшего адъютанта мобилизационного отделения была упразднена,

а само отделение было соединено со строевым отделением, и теперь все делопроизводство по мобилизации войска находится в ведении исключительно строевого отделения войскового штаба, где по штату положено 3 адъютанта.

Старший адъютант названого отделения, войсковой старшина Печенкин [Владимир Иванович] в марте месяце текущего года был командирован в отдельный Оренбургский казачий дивизион для цензового командования сотней, и исправления должности старшего адъютанта строевого отделения было возложено на есаула Альметьева.

С объявлением войны войсковой старшина Печёнкин за назначением его командующим 16 Оренбургским казачьим полком в войско не возвратился, а другой адъютант строевого отделения подъесаул Анисимов [Николай Семенович] был назначен и[справляющим] д[олжность] штаб-офицера для поручений при мне, и есаул Альметьев остался в отделении один. С 17 июля текущего (1914) года мобилизовано все Оренбургское казачье войско, до особых сотен включительно.

Работа есаула Альметьева при таких исключительных обстоятельствах, как мобилизация всего войска, оказалась в крайне тяжелых условиях, особенно если принять во внимание отсутствие в войске кадров льготных полков, мобилизация коих также сосредоточена в войсковом штабе. Тем не менее мобилизация всех частей закончена вовремя, а запасные и особые конные сотни даже ранее срока на 10 дней, несмотря на то обстоятельство, что вопрос о мобилизации в военное время особых конных сотен был только начат в марте сего года и окончательно не был еще выработан[3].

Такой результат можно приписать только исключительной трудоспособности есаула Альметьева, вложившего в эту работу всю свою душу и здоровье. Полагаю, что такому исключительно благоприятному результату мобилизации войска должна соответствовать и награда такого редкого, полезного труженика, как есаул Альметьев, и первое, о чем приходится думать, это чтобы за свою огромную работу на пользу войска он, лишенный возможности удовлетворить свое желание пойти в бой, не потерял ничего против своих сверстников, получивших счастливый случай отличиться на поле брани.

Такой наградой для него может быть следующий чин войскового старшины, которого после демобилизации и при нормальных условиях службы ему нельзя будет дождаться за весь остаток своей службы. А между тем при демобилизации войска старшему адъютанту строевого и мобилизационного отделения войскового штаба предстоит выполнить работу еще более кропотливую и ответственную, чем при мобилизации.

Лично наблюдая днем и ночью огромную непосильную работу чинов войскового штаба, и в особенности есаула Альметьева, считаю нравственным долгом своим усердно ходатайствовать о производстве названного офицера в войсковые старшины “в изъятие из закона” для поощрения вышеописанной

отлично-усердной службы его. Наказной атаман, Генерал-лейтенант Сухомлинов[4].

За успешно проведенную мобилизацию есаул Альметьев 26 февраля 1915 г. был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени[5]. В чин войскового старшины Н. М. Альметьев был произведен в мае 1916 г.

Последний наказной атаман ОКВ генерал-лейтенант М. С. Тюлин оценил Н. М. Альметьева, исполнявшего обязанности начальника штаба ОКВ, как очень добросовестного офицера[6]. Позже Тюлин отмечал: «Альметьев 2 года отлично исправлял должность начальника штаба, я в виде поощрения, когда назначили Товарищева[7], дал ему запасной полк в Оренбурге... и из него вышел отличный командир полка»[8].

Биографические сведения о Н. М. Альметьеве были опубликованы в биографическом справочнике А. В. Ганина и В. Г. Семенова «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891—1945». Здесь они приводятся с дополнениями и уточнениями.

Николай Михайлович Альметьев (21.10.1872 — 1938) — из казаков-татар (нагайбаков) станицы Верхнеуральской 2-го военного отдела ОКВ. Православный. Окончил Верхнеуральское городское двухклассное училище[9], Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду (1892). В службу вступил по утверждению в правах 2-го разряда, с зачислением в 1-й Оренбургский казачий полк с прикомандированием к 1-й Оренбургской казачьей отдельной сотне 30 июня 1890 г. Произведен в старшие урядники и зачислен юнкером в Оренбургское казачье юнкерское училище 1 сентября 1890 г.

Вахмистр сотни юнкеров с 8 июля 1891 г. Подхорунжий с 2 июля 1892 г. 26 августа 1892 г. был назначен в распоряжение атамана 2-го военного отдела ОКВ с зачислением в списки 5-го Оренбургского казачьего полка. С 22 сентября 1893 г. хорунжий; с 1 июля 1897 г. сотник; с 6 декабря 1904 г. подъесаул; с 20 января 1914 г. есаул; с 6 мая 1916 г. войсковой старшина; с 19 марта 1919 г. полковник.

Служба: 6 мая 1895 г. командирован в 5-й Оренбургский казачий полк; на льготе — с 22 сентября 1893 г.; исправляющий должность делопроизводителя полкового суда 5-го Оренбургского казачьего полка с 1 мая 1897 г.; заведующий полковой библиотекой (13 мая 1897 — 20 февраля 1898). На льготе с 17 мая 1898 г. Атаман станицы Великопетровской с 22 декабря 1898 г. Наблюдающий за конно-плодовыми табунами во 2-м военном отделе ОКВ с 15 апреля 1903 г. Командирован в 5-й Оренбургский казачий полк 5 сентября 1904 г. Назначен делопроизводителем полкового суда 9 сентября 1904 г.

27 мая 1905 г. переведен в 11-й Оренбургский казачий полк, в составе которого участвовал в Русско-японской войне. Переведен в 15-й Оренбургский казачий полк с назначением исправляющим должность полкового адъютанта 4 января 1906 г. 28 мая 1906 г. назначен командиром 1-й сотни 15-го Оренбургского казачьего полка. Уволен на льготу 23 сентября 1906 г.

С 5 декабря 1907 до 26 мая 1908 г. наблюдающий за обучением казаков 1-го военного отдела ОКВ. 16 января 1910 г. командирован в 5-й Оренбургский казачий полк. Назначен начальником полковой

учебной команды с 6 августа 1910 г. По выслуге срока службы уволен на льготу 11 декабря 1912 г.

Исправляющий должность помощника старшего адъютанта войскового штаба ОКВ с 13 мая 1913 г. Утвержден в должности 12 октября 1913 г. Исправляющий должность старшего адъютанта войскового штаба ОКВ с 18 августа 1914 г. Исправляющий должность начальника штаба ОКВ (5 августа 1914 — 8 января 1917). Командир 1-го Оренбургского казачьего запасного полка (16 февраля 1917 — 28 марта 1918). Участник Тургайского похода (17 апреля — 7 июля 1918). В комплекте казачьих полков (1918). Выдавал чеки на бесплатные обеды офицерам (июль 1918).

Старший адъютант казачьего отдела штаба Оренбургского военного округа (с 25 июля 1918). Начальник казачьего и инородческого отдела штаба Оренбургского военного округа (1918). Назначен дежурным генералом штаба Юго-Западной армии (25 октября 1918). Исправляющий должность дежурного генерала штаба Юго-Западной армии, позднее — Отдельной Оренбургской армии (с 23 октября 1918). Откомандирован в распоряжение походного атамана всех казачьих войск на формирование его штаба (31 мая 1919). Уполномоченный командующего Южной армии по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Оренбургском военном округе на театре военных действий (с 27 июля 1919). Командир 35-го Оренбургского казачьего полка (1919). Участник Голодного похода (ноябрь — декабрь 1919). В эмиграции в Китае с 1920 г.

Награды: почетное оружие за отличное окончание курса Оренбургского казачьего юнкерского училища (25.07.1892); серебряная медаль «В память царствования императора Александра III» (12.06.1897); орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (04.10.1906); орден Св. Станислава 3-й степени (09.01.1909); бухарский орден Серебряной Звезды 1-й степени (13.04.1910); золотая юбилейная медаль эмира Бухарского (05.05.1911); орден Св. Анны 3-й степени (06.05.1913); орден Св. Станислава 2-й степени (26.02.1915); орден Св. Анны 2-й степени за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны с 30 июля 1915 г. (21.07.1916); орден Св. Владимира 4-й степени с бантом с надписью «25 лет» (12.07. 1919).

Супруга — Анна Ионовна, уроженка Оренбургской губернии, дочь верхнеуральского купца. Вторым браком женат на Софии Константиновне Дюскиной, дочери есаула[10]. Дочь Татьяна (р. 05.03.1909). У родителей — деревянный дом в пос. Остроленском[11].

Братья: Петр (15.06.1874 — ?), Василий (09.01.1879 — ?), Феодор (1876–1920). Петр и Василий были офицерами ОКВ, Феодор — священником. Арестован НКВД Узбекской ССР (06.06.1938). Осужден к высшей мере наказания.

Примечания

[1] Военный министр В. А. Сухомлинов доводился родным братом наказному атаману Оренбургского казачьего войска Н. А. Сухомлинову.

[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26798. Л. 85, 85 об.

[3] Со льготы было мобилизовано 12 казачьих полков, три казачьи батареи и 33 особые казачьи сотни. Всего свыше 17 тыс. человек.

[4] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26798. Л. 86, 86 об., 88.

[5] Высочайший приказ по Военному ведомству от 26 июля 1916 г.

[6] РГБ. Ф. 307 Тюлины. Архивный фонд, 1860-1933. Папка 2, Д. 3. Л. 53 об.

[7] Генерал майор С. М. Товарищев и войсковой старшина В. И. Печенкин были выпускниками Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург, 2017. С. 540, 543

[8] РГБ. Ф. 307. Д. 3. Л. 56.

[9] Это же училище окончили генералы И. Г. Акулинин и В. Г. Сухов. См.: *Семенов В. Г.* Герой двух войн южноуралец генерал Сухов // Генеалогия и архивы : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 269.

[10] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26798. Л. 87.

[11] *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945 : биограф. справ. М., 2007. С. 88–90.

Н. Н. Тараторина-Смит, Н. Н. Тараторина-Розанова

Одиссея лесничего Николая Николаевича Тараторина

Наш дед, Николай Николаевич Тараторин, был расстрелян 28 ноября 1937 г. в 23 часа 15 минут в печально известном урочище Сандармох в Карелии. Ему было 49 лет и один день. Мы, внучки, знали его лишь по фотографиям — импозантный, с «буденовскими» усами — да из рассказов нашего папы, тоже Николая Николаевича. Папа был удивительным рассказчиком, и благодаря этому таланту перед нами оживали и становились близкими люди, ушедшие в мир иной задолго до нашего рождения. Однако папа, родившийся в тяжелом 1919 г., сам мало знал о жизни семьи до своего рождения: взрослые молчали, и лишь изредка старшие сестры шепотом делились с младшим братом о чем-то из «прежней жизни». Девяностые годы дали нашему папе, профессиональному журналисту, возможность ознакомиться с делом его отца в архивах КГБ, из которого очень многое стало для него истинным открытием.

Наш отец Николай Николаевич Тараторин (младший) родился в 1919 г. в сибирском г. Минусинске, был арестован в 1938 г. на первом курсе Московского института физкультуры по сфабрикованному обвинению, строил канал Москва — Волга, шесть месяцев отработал на лесоповале, был выпущен досрочно (с предписанием о «минус пяти городах») в 1939 г., ушел на фронт 19 июля 1941 г., прошел всю войну от Москвы до Вены, полковник, журналист, похоронен на Троекуровском кладбище в 2003 г.

Публикуемая ниже история жизни и гибели нашего деда основана на папиных мемуарах и устных семейных историях. Мы дополнили этот текст выдержками из газет того времени, архивных материалов и документов ЧК и НКВД, найденных нами уже после папиной смерти. Правда, даже самая горькая, лучше, чем ложь. Настало время эту прав-

ду извлекать из глубин семейной памяти каждого из нас, сделать ее неотъемлемой частью нашего коллективного исторического опыта.

Этот рассказ — дань памяти нашим деду и отцу. Поклон их праху.

Николай Николаевич Тараторин родился 27 ноября 1888 г. в с. Воскресенское Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Его отец, Николай Сергеевич Тараторин (родился в 1859 г. в семье крестьянина Каслинского завода Сергея Трофимова Тороторина), по окончании военной службы в звании унтер-офицера работал лесосмотрителем в Каслинской лесной даче. Сохранилась публикация 1907 г., в которой Николай Сергеевич делится опытом борьбы с лесными пожарами и надеется, что его советы помогут «уменьшить число пожаров, сократить расходы на их тушение и этим сберегут лес. И тогда я, старый лесник, любящий природу, а особенно лес, буду вполне вознагражден за свой маленький труд»[1].

В семье превыше всего почитали Господа Бога, государя Николая Александровича и его, Николая Сергеевича, чье слово для родных было законом. Глава семьи был строг, справедлив, единовластен и паче всего блюл веру Христову, почтение императору и семейную честь.

Сыновья Михаил и Сергей решили стать военными, служили офицерами в царской армии, а затем в армии Колчака. На допросах в Бутырской тюрьме в 1936 г. Николай Николаевич покажет, что «брат Сергей был офицером, в партии Эс-Эров, принимал участие в белогвардейских действиях в Каслинском заводе...»[2] Следователь Соловейчик «любезно» подтвердит этот факт и уточнит, что поручик царской армии Сергей Николаевич Тараторин был расстрелян под Иркутском в 1920 г. в один день со своим главкомом адмиралом Колчаком.

В отличие от братьев Николай Николаевич решил идти по стопам отца-лесничего. Вот что он пишет в автобиографии, конфискованной при обыске 25 марта 1936 г. и подшитой ко второму тому «Дела № 244380 НКВД»[3]:

> Когда мне было 13 лет, я в 1901 году из-за притеснения мачехи бежал из дома в Кыштым к тетке и поступил на службу в Главное управление Кыштымскими горными заводами на должность мальчика-практиканта в лесотаксаторскую чертежную...
>
> ...15-летним мальчиком я написал басню на всесильного в то время управляющего Южным горным округом инженера Карпинского[4]. Он чем-то рассердил меня — мальчишку, и я высмеял его в басне. Басня попала Карпинскому, и он вызвал меня... Наутро, дрожащий от страха, явился я в «Господский дом»[5]... [Карпинский] сунул мне мою басню и сказал: «Читай вслух!» Я молчал. «Читай!» Дрожа от страха и сквозь слезы прочитал ему вслух. Карпинский постучал мне пальцем в лоб и сказал: «Умная голова, да дураку досталась. Найди учителя, пусть подготовит тебя за 6 классов гимназии. Поедешь учиться за счет заводов, дурак».
>
> Весь 1903 год я учился у репетитора, коему Карпинский платил из заводских сумм, учился усердно и, обладая способностями, хорошо подготовился. Осенью 1904 г. я выдержал

одним из первых огромный конкурсный экзамен в Талицкую среднюю лесную школу (ныне Талицкий лесотехникум), в коем 1906 г. закончил вторым по успеваемости теоретический курс и по отбытии годичной практики по лесоустройству Нязепетровской и Каслинской лесных дач получил диплом за номером 977 на звание лесовода. Как лучший студент лесной школы я был командирован за счет Кыштымского горного округа в Петербургский [Императорский] лесной институт как практикант для прохождения теории и практики по углежжению и вообще по лесной технологии. Числился не студентом, а практикантом у профессора Филиппова[6].

В апреле 1908 г. двадцатилетний Николай Тараторин прибыл в г. Минусинск Енисейской губернии на должность помощника лесничего Сыдинского лесничества.

Из воспоминаний сына, Николая Николаевича Тараторина-младшего (1919–2003)

Подтянутый, стройный, компанейский парень сразу стал своим в среде молодой интеллигенции города. Вскоре он познакомился с Антониной, «Ниной», дочерью знатного купца, почетного гражданина города Глеба Захаровича Узунова и племянницей Николая Павловича Пашенных. Оба представляли два именитых купеческих рода, были известными меценатами, попечителями гимназий и приютов, построившими в городе немало до сих пор сохранившихся зданий. Выбор дочери и племянницы был одобрен, и свадьбу отыграли уже в 1909 году.

В 1911 году отец был призван на действительную военную службу в 8-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. После увольнения в запас в звании «фейерверкер» отец опять вернулся к лесной работе, приняв под свое ведомство Ермаковское лесничество.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. В качестве вольноопределяющегося отец ушел на фронт. Он провоевал три с половиной года и вернулся домой в январе 1918 г. с двумя тяжелыми ранениями и орденом Св. Анны, «Золотою нагрудною на Аннинской ленте» с надписью «За усердие» (номер 58371)[7].

Отец, как и прежде, много публиковался в местных газетах. В статьях за 1918–1919 годы — гнев и крик души за варварство и жестокость по отношению к людям и лесу: «...картину бесшабашного вандализма представляют теперь леса Минусинского края. В тех деревнях, где большевизм расцвел пышным репейником (напр. с. Мична), там расхищение общенародного богатства дошло до невероятных размеров... Уничтожается лесной запас целых десятилетий. На логические доводы о преступности такого отношения к лесу обычно отвечают: “Теперь свобода, а лесу на наш век хватит”... История революций всех стран говорит нам, что люди, устав от крови и волнений, бегут к всеисцеляющей матери-природе, ищут на ее груди успокоения. Пощадите природу!» (Труд [Минусинск]. 5 (18) августа 1918 г.)

Отец пишет о варварском расхищении леса, об отказе крестьян-заготовителей выполнять лесные поставки, а когда лесники пытаются

навести порядок их ждет лютая расправа (Труд [Минусинск]. 101, 8 ноября (26 окт.), 1918 г.): «...здесь, в Сибири, в течение последнего года покойные ученые лесоводы А. И. Черных, В. С. Разсудов, С. К. Линский и наконец курбатовский лесничий Ачинского уезда Тапочкин были зверски замучены при исполнении своих обязанностей, причем последний должен был подвергнуться обливанию водой на морозе до тех пор, пока не превратится в ледяной столб!!!»

26 июня 1918 г. в Минусинске была восстановлена власть городской думы. С организацией Минусинского военного района началась мобилизация военнообязанного населения в колчаковскую армию. Из-за тяжелых фронтовых ранений отца определили в нестроевую службу в качестве «чиновника военного времени», назначили губернским секретарем Управления начальника Минусинского военного района. 17 августа 1919 г. вышло постановление о назначении отца комендантом г. Минусинска, которое было напечатано во всех местных газетах.

В напряженном ритме проходила жизнь отца в самый разгар Гражданской войны с января 1918 года до самого ее окончания — 1920 года. Все это усугубляли беды, чередой преследовавшие семью: 24 февраля (8 марта) 1919 г. умер отец жены — Глеб Захарович Узунов, опора всего рода. А через несколько месяцев скончалась и горячо любимая жена, оставив на руках вдовца двух дочерей и новорожденного сына — меня, родившегося (по новому стилю) 23 февраля 1919.

В конце ноября 1919 года партизанская [Красная] армия заняла Минусинск. Армией командовал А. Кравченко, бывший агроном Минусинского уезда и прапорщик царской армии. Его «правой рукой» был бывший ссыльный в Минусинске С. Сургуладзе. Оба они хорошо знали чиновников города, членов городской думы и сотрудников управления военного района. В апреле 1920 года отца арестовали и увезли в Красноярск, где им почти полгода занималась «тройка» губернского ВЧК. Итог: три года тюремного заключения. По счастью для отца, следствие закончилось в октябре, в третью годовщину Октябрьской революции. По этому поводу была объявлена амнистия. В августе 1922 отец был выпущен на свободу с обвинением «за участие в белой прессе» (из допроса от 25 мая 1936 года).

С ведома новых властей отец возвратился в свое лесничество к своему любимому делу. Осенью 1922 года ему дали дополнительное поручение: возглавить работу по озеленению города. По жалобе нескольких пролетариев на «контрика-лесничего» отца снова арестовали и отправили в Красноярск. Началось следствие. Но теперь его вело не ВЧК, а обыкновенный гражданский суд. Были вызваны и «пострадавшие».

— В чем вы обвиняете лесничего?

— Он нас по-всякому ругал и палкой угрожал! Обзывал лодырями и голодранцами!

— А палкой бил?

— Нас не бил, а других бил или не бил — не знаем. Может, и бил кого!

Я описываю эти эпизоды так подробно, точно сам был их свидетелем, потому что, знакомясь с уголовным делом отца, по которому он

был осужден в 1936 году и расстрелян в 1937, я очень удивился, увидев в этом деле все следственные материалы ВЧК за 1920 и 1922 годы. Как видно, обвинительные документы живут гораздо дольше, чем обвиненные по ним люди.

Факты обвинения не подтвердились, следователи закрыли дело и освободили отца. Но в Минусинск отец не вернулся, прекрасно понимая, что в Минусинске ему жить спокойно не дадут. В городе уже вовсю шла национализация — семьи Узуновых и Пашенных теряли не только свои родовые дома, коммерцию, но и жили под реальной угрозой потери свободы и жизни. Отец не мог навлечь на них еще большие неприятности своим «контрреволюционным» прошлым.

Семья обосновалась в Красноярске. Вот как отец говорит об этом времени на допросах: «В 1922 году Енисейским губисполкомом я был кооптирован с лесной службы на постройку крупного лесохимического Кучеровского завода, каковой в ноябре 1923 года закончил и был премирован серебряными часами за № 708853 и 120 товарными (золотыми) рублями». В том же 1923 году отец получил совет от приятеля, когда-то работавшего в ЧК: «Закончишь стройку, не вздумай вернуться в Красноярск. Ты думаешь, если ЧК освободило тебя в двадцатом и не занялось тобой в двадцать втором, то оно о тебе забыло? Нет, ЧК ничего и никого не забывает. Рано или поздно они вспомнят о тебе и займутся тобой по-настоящему. Мой тебе совет: уезжай из Сибири как можно дальше и как можно скорее».

Так отец и поступил — бегство продолжалось, наш путь лежал на Урал. С 1923 по 1931 год семья обосновалась в Сарапуле, где когда-то жила семья нашей мачехи Натальи Александровны Боде, происходившей из семьи обрусевших прусских подданных. Весной 1931 года отца вызвали в ОГПУ. Как ученому лесоводу ему предложили выехать в командировку в Ростов-на-Дону, чтобы «вылечить» гибнущую одну из аллей лесопарка, принадлежавшего их ведомству. К концу командировки отца арестовали, но выпустили через несколько месяцев.

В эти годы служебные дела отца пошли в гору, особенно после удачного претворения в жизнь его идеи перевода прикамского лесного массива на методы коллективного крестьянского лесопользования[8]. Это создало отцу солидный авторитет в области и даже всесоюзную известность. Он был удостоен письменной благодарности Академии наук СССР и перевода в Свердловск летом 1933 года. Наступило затишье и некоторое благополучие. Отцу дали должность с огромным объемом работы: подведомственные ему леса раскинулись на огромных просторах Урала от Карского моря до Татарии и Башкирии, от Волги до Оби и Иртыша. Одновременно отец продолжал исследовательскую работу, публиковал труды по научно-техническим вопросам, периодически читал лекции по лесотехнологии и военно-химическому делу. Его изобретение — передвижной аппарат для добычи хвойно-эфирных масел — было одобрено и зарегистрировано 26 февраля 1931 г. за № 369.

Увы, кажущееся благополучие уже в который раз длилось недолго. Глубокой ночью за две недели до наступления нового 1935 года раздался повелительный стук в дверь и кухонное окно. Отец сразу проснулся и начал торопливо одеваться.

— Наташа, вставай. Это за мной!

Стук повторился. Дверь открыла бабушка. Включили свет. Вошли двое. Один, не задерживаясь, прошел в комнату, другой остался у двери. Разговор с отцом был вежливым, коротким и негромким. Я тоже проснулся, натянул на голову одеяло и наблюдал в щелочку за происходившим. Я первый раз видел, как арестовывают людей, хотя слышал об этом много раз: аресты в те времена не были редкостью. Собравшись, отец простился с бабушкой, обнял мать, подошел ко мне, приподнял краешек одеяла, поцеловал меня в лоб и перекрестил.

Отец вернулся через неделю. Из бесед со следователем отец понял, что на него заведено солидное дело, в котором фиксируется каждый его шаг и в которое вошли материалы о его прошлых встречах с сотрудниками ЧК, ОГПУ, начиная со времен Канска и Красноярска.

Наступила весна 1935, город готовился к празднованию Первомая. Отец был завален заявками на поставку цветов для проведения первомайских собраний. Несмотря на холодную уральскую весну, оранжерея Свердловского парка культуры и отдыха была полна волшебным многоцветьем. Однако за два дня до праздника резко похолодало. Отец заволновался, но его заверили, что теплица в порядке. В день съемки урожая отца встретил запыхавшийся от быстрого бега садовник:

— Беда, Николай Николаич! Цветы померзли, погибли все до одного!

Не прошло и двух часов, как вокруг теплицы появились милиционеры с собаками, одна за другой подкатывали машины, из которых выходили представители разных высоких инстанций. Вопрос о «цветочной диверсии» сразу встал в полный рост в партийных, административных инстанциях, в силовых органах: ОГПУ и милиции. Следствие не привело ни к каким результатам, но отца осудили на общем собрании и исключили из профсоюза. На всякий случай.

Как много лет тому назад отец понял, что в Сибири места под солнцем не найти, так и теперь для него стало очевидным, что и на Урале он лишний. После долгих раздумий и советов с матерью отец решил попытать счастья в Москве, обратиться к профессору Войту[9] — председателю жюри Всесоюзного конкурса по озеленению индустриальных городов. Профессор принял его любезно: он помнил работу отца, был о ней высокого мнения. По его рекомендации отцу предложили должность директора лесопаркового заповедника Кусково. Сначала отца удивило столь высокое назначение, но побывав на месте, он понял: роскошный когда-то парк с совершенно уникальной флорой был заброшен и не ухожен со времен Октябрьского переворота. Но выхода у отца не было: либо эта работа, либо никакой, и он взялся за дело с присущей ему горячностью.

Однако прошло совсем немного времени, и поистине недремлющие органы проявили нешуточный интерес — их насторожила «одиссея» отца: от Минусинска, через Канск, Красноярск, Свердловск к Москве. Были посланы запросы всюду и везде. Получила здесь свою версию и оценку свердловская «цветочная диверсия».

Тем временем я с бабушкой оставался в Свердловске до окончания девятого класса. В марте 1936 г. во время весенних каникул я приехал в Москву на всесоюзные соревнования школьников по гимнастике.

Я пригласил отца и мачеху на соревнования. Они обещали прийти, но не пришли. После окончания соревнований 25 марта я поехал к родителям. Меня встретила заплаканная мачеха:

— Сегодня ночью арестовали папу.

Отца увезли на Лубянку, где он и пробыл с конца марта по июль 1936 года. Никаких свиданий и передач в течение всего этого периода не разрешалось. Следствие вел некто Михаил Ильич Соловейчик[10]. Для дачи свидетельских показаний был вызван не только ряд сотрудников Моссовета, Кусковского лесопарка, но и несколько рабочих и служащих парка из Свердловска. Несколько раз в качестве свидетеля вызывалась и мачеха.

В первых числах июля 1936 года следственное дело № 12559, начатое 25 марта, было передано на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР с квалификацией подследственного Тараторина Н. Н. как СОЭ — социально опасного элемента, обвиняемого по статье УК РСФСР 58 п. 13 и 58 п. 10 ч. 1 — за контрреволюционную пропаганду, оскорбления, порочащие Советскую власть. Таким постановлением от 14 июля 1936 года Особое совещание при НКВД СССР определило Тараторину Н. Н., бывшему директору лесопарка Кусково, меру наказания: три года заключения под стражу с отбыванием этого срока в исправительно-трудовых лагерях Бел-Балтлага в Карельской АССР. Перед отправкой этапа отцу дали короткое свидание с женой, после которого он ушел от всех нас в иную, абсолютно бесправную жизнь — «жизненный тупик», из которого ему не суждено было вернуться.

В конце 1937 г. наша семья получила извещение о том, что отец скончался в лагерном лазарете от болезни. Ни даты смерти, ни официального свидетельства о ней, ни места захоронения в извещении указано не было. Только через 24 года безответных обращений и запросов в многочисленные инстанции был получен первый официальный ответ из Московского городского суда: «дело... прекращено за недоказанностью обвинения» (22 июня 1961)

Дальнейшие запросы об обстоятельствах смерти и месте его захоронения оставались без ответа. На их выяснение ушло еще 30 лет.

МБ Карелии 6.09.1994 г.

Ваш отец Тараторин Николай Николаевич, 1888 года рождения, уроженец с. Воскресенское, Челябинской обл., работавший директором Кусковского исторического лесопарка, проживавший в г. Свердловске, ул. Народной Воли, д. 109, был арестован 25 марта 1936 года НКВД в г. Москве и осужден Особым совещанием при НКВД 14 июля 1936 г. за контрреволюционную деятельность на срок 3 года ИТЛ. Наказание отбывал в Бел-Балтлаге в Медвежьегорском р-не. Конкретно где, не установлено. Отбывая наказание в Бел-Балтлаге НКВД СССР в сентябре 1937 года 3 отделом ББК был необоснованно привлечен к уголовной ответственности за то, что “систематически вел контрреволюционную агитацию среди заключенных, наносил оскорбления в адрес Советской власти”.

По постановлению «тройки» НКВД СССР от ноября 1937 года ему была назначена высшая мера наказания — рас-

стрел, который приведен с исполнение 28 ноября 1937 года. Сведений о месте приведения приговора в исполнение, а также о месте захоронения не имеется и установить их не представляется возможным. В период проведения предварительного следствия Ваш отец содержался под стражей на подконвойном пункте 2-го Онежского отделения ББК. Поэтому можно предположить, что приговор приведен в исполнение в окрестностях г. Медвежьегорска.

По заключению, утвержденному прокурором Карельской АССР от 13 апреля 1989 года, Ваш отец реабилитирован посмертно.

<...>

И. о. начальника УФСК РФ по
Республике Карелия
(зам. министра безопасности) А. М. Грошев

Летом 1996 г. представителю Петрозаводского о[бщест]ва «Мемориал» Ю. А. Дмитриеву удалось разыскать место массовых расстрелов в окрестностях Медвежьегорска — урочище САНДАРМОХ. Это подтверждалось не только раскопками, но и документами из архивов НКВД, которые получили гласность тоже благодаря настойчивости Ю. А. Дмитриева и его помощников. Среди них были документы, проливающие свет на трагичную гибель моего отца.

В сентябре 1937 г. отец был вызван в следственное подразделение Медвежьегорского отделения ББК. По имеющимся в распоряжении следствия сведениям (доносы лагерных стукачей), он — Тараторин Н. Н., — имея изобретение оборонного характера, пытался через заключенных, осужденных за шпионскую деятельность, связаться с иностранными разведками и передать им техническую идею своего изобретения. Следствие длилось один день и состояло лишь из одного допроса. (Подлинник протокола в УФСБ России по Республике Карелия № П-13155.)

Через 2 месяца и 3 дня после допроса, 20 ноября 1937 года, дело отца было передано на рассмотрение тройки НКВД, которая определила ему высшую меру наказания — РАССТРЕЛ. На этом же заседании было «рассмотрено» еще 390 дел и по всем до одного вынесено то же решение — расстрел. Протокол № 21 от 20.IX.1939 г. подписали председатель тройки Тениссон, члены тройки и. о. секретаря Карельского обкома ВКП(б) Николай Иванович Иванов и прокурор Михайлович, а также технический секретарь (не член тройки) Исакова.

Расстрелы начались через 6 дней после вынесения приговора. Вся группа осужденных — 392 человека — были расстреляны за 7 дней в период с 26 ноября по 9 декабря 1937 г. Расстрелы производились ночью. Иногда за одну ночь расстреливали до 118 человек. Всю группу расстреливали 3 человека: Медведев Н. Н., Шондыш и Бондаренко, поочередно по одному-два человека, при обязательном присутствии «нейтрального» представителя НКВД. Под каждым списком расстрелянных ими людей палачи ставили дату, точное (до минуты) время расстрела и свои подписи.

Отец был расстрелян 28 ноября 1937 г. в 23 часа 15 минут в группе из семи человек. Расстрел производился в следующем порядке:

Тараторин Николай Николаевич — СОЭ. Возраст 49 лет.

Бибикин Михаил Павлович — крестьянин, чл[ен] ВКП(б), 51 год.

Крупковский Степан Александрович — кулак, 50 лет.

Яхонтов Петр Николаевич — священник, 38 лет.

Кулик Степан Иосифович — слесарь, 51 год.

Берцанов Висон Орцехович — ингуш, 51 год.

Попов Иван Федорович (Павлович) — служ[ащий] КВЖД, 25 лет.

Примечания

[1] *Тараторин Н. С.* Лесные пожары и их тушение : руководство для лесовладельцев и лесной стражи при борьбе с лесными пожарами. Екатеринбург : Тип. В. Г. Чекана, 1907.

[2] *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 226. «На начало августа 1918 г. в рядах Уральского корпуса находилось... несколько отдельных боевых отрядов, не входивших в состав формируемых полков, в том числе Каслинская дружина (Каслинский завод, начальник — поручик Тараторин)...»

[3] ГАРФ. Ф. 10035, Оп. 1. Д. П-66038. Л. 96.

[4] Павел Михайлович Карпинский (1843–1907) — горный инженер, статский советник, управитель Кыштымского горного округа (1887–1903).

[5] «Господский Дом» («Белый Дом» — историческое здание в Кыштыме, усадьба Демидова — Расторгуева, где с мая 1887 по 1904 г. проживал с семьей П. М. Карпинский).

[6] Профессор Николай Андреевич Филиппов — инженер-технолог, профессор Императорского лесного института, крупнейший специалист по технике и технологиям ремесленных производств, связанных с обработкой дерева.

[7] Приказ 880 от 23 июня 1916 г. // Приказы командующего X армией. Б. м. : Б. и., 1914–1917.

[8] *Тараторин Н. Н.* Крестьянские лесные коллективы (Опыт коллективного управления и пользования лесами в Сарапульском округе) // Свердловск ; Уральск : Крестьян. газ., 1929.

[9] Константин Викторович Войт (1887–1970) — лесовод, селекционер, педагог, профессор. С 1929 по 1937 г. руководил лесным отделом Всесоюзного научно-исследовательского института древесины.

[10] Следователь Михаил Ильич Соловейчик родился в 1907 г. в Ташкенте. Он допрашивал Николая Николаевича Тараторина в Бутырке с 26 марта по 14 июля 1936 г. Автор двухтомного «Дела № 12559». На время допросов М. И. Соловейчик был сержантом, подписывался «П/ОПЕРУПОЛ. 7 отд. ЭКО УГБ НКВД Московской области». В конце 1930-х был переведен в Москву, дослужился до подполковника КГБ, получил ордена и медали.

А. В. Ульянов

Полковник Михаил Пашнин и его братья. Казачий крест

Тема Гражданской войны в последнее время, к сожалению, популярностью не пользуется, к ней сейчас обращаются только немногие специалисты-историки и любители-краеведы. В советское время тематика революции и Гражданской войны рассматривалась с позиций коммунистической идеологии. В современной действительности нет четких позиций государства по отношению к данной теме, поэтому о событиях 1917–1922 гг. говорят редко. Между тем это целый пласт нашей истории с большим количеством белых пятен. Трагические годы излома эпох поставили людей перед тяжким выбором: по какому пути пойти, какие идеалы защищать? Стоял такой выбор и перед многими нашими земляками, и большинство из них выбрали идеалы белой борьбы. Яркий тому пример — судьбы уроженцев пос. Харинского Миасской станицы казаков Михаила Николаевича Пашнина и его братьев Павла, Петра, Александра и Якова. Их жизнь, что называется, — зеркало эпохи. Они избрали путь контрреволюции и прошли его до конца. Не нам осуждать их за это или восхвалять.

Михаил Николаевич Пашнин родился 8 ноября (по старому стилю) 1886 г. в пос. Харинском Миасской станицы Троицкого отдела Оренбургского казачьего войска, в казачьей семье Николая Яковлевича и Анны Яковлевны Пашниных. У Михаила были сродные братья (от первой жены отца Евдокии Михайловны): Павел (1875 г. р.) и Петр (1977), и родные (от общей матери) братья Александр (1898), Яков (1903), сестра Александра (1894). Семья Пашниных жила в достатке. В 1898 г. Михаил окончил двухклассное училище в станице Миасской, затем помогал отцу в ведении хозяйства. В 1904 г. или в начале 1905 г. женился на казачьей дочери из пос. Пятково Миасской станицы Елене Егоровне Пятковой. 27 октября 1905 г. у них родился первенец — дочь Капитолина, единственная из детей, дожившая до взрослых лет. Остальные дети умерли в младенчестве.

С 1906 по 1909 гг. Михаил Николаевич проходил действительную военную службу в 3-м Оренбургском (Уфимско-Самарском) казачьем полку в Малороссии. Местом дислокации полка было селение Волочиск Волынской губернии. По окончании службы, как написано в анкете, «жил в станице при родителях». С 1911 по 1913 гг. «в станице Мияской учил военной службе молодых казаков»[1]. В 1914 г. с началом Первой мировой войны был призван на службу по мобилизации. Из г. Троицка Оренбургской губернии был отправлен в г. Люблин Царства Польского, воевал в 5-й сотне 17-го Оренбургского казачьего полка. В 1915 г. окончил военно-технические курсы при штабе армии. За время войны прошел путь от урядника до хорунжего. 15 мая 1916 г. в чине прапорщика награжден орденом Св. Анны 4-й степени, 19 августа 1916 г. — орденом Св. Станислава 3-й степени (с мечами и бантом). 5 февраля 1917 г., уже в чине хорунжего, высочайшим указом был представлен к награждению орденом Св. Анны 3-й степени (с мечами)[2]. Революционные события Михаил встретил, будучи

в Саратове при штабе 2-й Оренбургской казачьей дивизии. Вернулся с войны в конце 1917 г. Возвращение в родной дом было не очень радостным: жена Елена умерла еще в 1915 г. от чахотки. Михаил Николаевич революционных преобразований не принял, остался монархистом. В 1918 г. вступил в ряды Белой армии, командовал сотней в составе Султаевского отряда, в июле 1918 г. получил чин сотника. С июня по июль числился в составе 6-го ОКП, с июля по август в 17-м ОКП и с августа 1918 г. был командиром сотни в 11-м ОКП, в котором прошел бóльшую часть своего боевого пути в Гражданской войне. С августа 1919 г. отступал в Сибирь в составе армии адмирала Колчака.

Вместе с Михаилом покинул родину брат Яков, которому было 15 лет. Яков Николаевич Пашнин родился в 1903 г. Был младшим ребенком в семье. Мальчик рано остался без отца, умершего в 1912 г. С 1912 по 1916 гг. Яков учился в поселковой казачьей школе. По ее окончании помогал матери вести хозяйство. Яков поступил добровольцем в команду связи при штабе 4-й Оренбургской казачьей бригады, вместе с бригадой отступал в Сибирь[3].

В своей работе «Оренбургские казаки в борьбе с большевиками 1918–1922 гг.» казачий генерал А. В. Зуев весьма высоко оценил командирские качества Михаила Пашнина, очень часто вспоминая его в своих мемуарах:

> Делясь воспоминаниями о пережитых тяжелых днях боевой страды, я не могу обойти молчанием героических и самоотверженных подвигов двух командиров сотен вверенного мне полка: подъесаула В. Белова и сотника М. Н. Пашнина, которые своею стойкостью в бою и примерной доблестью главным образом способствовали успеху в борьбе с большевиками. Умелое и доблестное руководство вверенными им сотнями привело к общему подъему всех доблестных чинов полка и только при такой настроенности и решимости полка можно было питать надежду на победу над много раз превосходящим по численности врагом...
>
> ...В один из таких рейдов, в район ст. Агрыз, лежащей на ж.-д. линии Сарапул — Казань, в которой квартировал штаб советской дивизии, 4 и 5 сотни под общей командой сот. М. Н. Пашнина, с приданной ему конной сотней ачинцев, совершили ряд блестящих дел, результатом которых был отход или почти бегство красных из-под Аргыза.
>
> ...Здесь, как оказалось впоследствии, путь преградил нам сильный отряд Карандашвили[4] с пулеметами и пушками. В завязавшемся бою вначале нами был одержан успех; красные были сбиты с первой позиции, но отойдя на вторую, вновь упорно начали обороняться. Пехота Барнаульского полка, чрезвычайно слабая по численности, действовавшая вначале самоотверженно, со смертью к[оманди]ра батальона, капитана, георгиевского кавалера, потеряла пафос и стала отходить. Это обстоятельно

грозило полным крахом и гибелью всему отряду, ибо отряд охватила паника и подводы одна за другой ринулись назад, давя друг друга. Но положение спас выдвинутый на наш правый фланг дивизион есаула Пашнина 11 Оренб[ургского] каз[ачьего] полка (ныне полковник) численностью не более 50 всадников, который, действуя на фланге, приковал к себе внимание красных и последние вынуждены были считаться с фланговой силой, давшей возможность уйти отряду без преследования. В отряде считали дивизион есаула Пашнина уже погибшим, однако к вечеру есаул М. Н. Пашнин присоединился к отряду, не потеряв ни одного человека ранеными или убитыми. Действия есаула Пашнина в значительной степени способствовали поднятию настроения в отряде и вновь воскресили было упавший воинский дух его бойцов.

Также следует упомянуть бой у дер. Кайнак 29 августа 1919 г., где 3-я и 5-я сотни 11-го ОКП под командой М. Пашнина наголову разгромили два эскадрона красных гусар.

Михаил и Яков Пашнины стали участниками Сибирского Ледяного похода — трагического перехода Белой армии через тайгу зимой 1919/20 гг. Михаил Николаевич к тому времени уже имел чин есаула. Яков Николаевич в начале 1920 г. перешел в 11-й ОКП, в его составе прибыл в Читу. Оба брата были награждены знаками отличия ордена «За Великий Сибирский поход», Якову было в то время всего-то 16 лет.

В Забайкалье братья Пашнины продолжили воевать с красными в составе изрядно поредевшего 11-го ОКП, влившегося в армию атамана Семенова. В 1921 г. братья эвакуировались из Забайкалья вместе с семеновцами, теснимыми войсками Дальневосточной народной республики, и прибыли в Приморье. В 1921 г. во Владивостоке Яков поступил в школу подхорунжих, на следующий год успешно ее окончил. В Приморье Михаил воевал в составе Отдельного ОКП белых вооруженных сил, в августе 1922 г. получивших название «Земская рать». Полк этот дислоцировался в Никольске-Уссурийском. Когда Михаилу Николаевичу был присвоен чин полковника, точно неизвестно — вероятно, на излете борьбы с красными. В ноябре последние формирования белых покинули российский Дальний Восток и эвакуировались через порт Владивостока в корейский порт Гензан. Оттуда братья с остатками Земской рати в январе 1923 г. прибыли в Манчжурию: сначала в г. Чаньчунь, затем в военный лагерь в г. Гирине. В этом городе Яков провел три месяца, нанимаясь на поденную работу, а Михаил — весь 1923 г.

Для казака Михаила Пашнина позади остались годы Первой мировой и Гражданской войн. Долгие восемь лет он провел в седле, в постоянных сражениях, был ранен в голову и правую ногу, пройдя за эти годы путь от урядника до полковника. За храбрость и командирские качества, кроме уже упоминавшихся наград, Михаил был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени.

Яков в 1923 г. и Михаил в 1924 г. приехали в Харбин, сделавшийся их домом на двадцать с лишним лет. Здесь Михаил Николаевич

встретил уроженку Барнаула Татьяну Арсеньевну, ставшую его женой. Супруги поселились в квартире № 5 дома № 24 по ул. Балканской в пригороде Харбина Модягоу. Михаил Николаевич занялся конным извозом. В 1925 г. полковник Пашнин вступил в Общевоинский союз, с 1926 г. числился в Оренбургской казачьей станице им. атамана А. И. Дутова. В 1928 г. приобрел два автомобиля, сдавал их в аренду, тем самым добывая средства к существованию. Супруга его была домохозяйкой. 30 августа 1937 г. М. Н. Пашнин зарегистрировался в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). В 1942 г. продал автомобили и стал управляющим имуществом г-на Эрмля. Его месячный доход в этой должности составлял 60 гоби (манчжурских юаней) в месяц.

По приезду в Харбин Яков какое-то время занимался поденной работой, в 1924 г. при помощи брата устроился извозчиком на легковую биржу, где «получал 5 иен в месяц на всем готовом». В 1926 г. окончил шоферские курсы в школе «Славия». С 1927 г. Яков Николаевич работал на автомобильной бирже в Харбине с зарплатой 40 долларов в месяц, зимой следующего года ездил в командировку в г. Цицикар, где работал на грузовом автомобиле, после этого продолжил трудиться на автомобильной бирже в Харбине и зарабатывал до 150 долларов в месяц. Женился на русской уроженке Харбина Наталье Гавриловне (Боевой), в 1930 г. у них родилась дочь Александра. Семья жила в Модягоу на съемных квартирах: сначала на ул. Скобелевской, д. 18, кв. 1, затем на ул. Сербской, д. 9, кв. 4. В середине 1930-х гг. ежемесячно за аренду квартиры Яков платил 8 гоби (маньчжурских юаней), при зарплате 45 гоби в месяц. Яков Николаевич Пашнин так же числился в Оренбургской станице им. атамана Дутова и был членом Общевоинского союза. Как и его брат Михаил, Яков остался верен монархическим убеждениям.

Братья были близкими знакомыми генерала А. В. Зуева. Он являлся руководителем БРЭМ и атаманом Оренбургской станицы им. Дутова. Следует сказать, что в одной из анкет на вопрос: «Кто из общественных или административных лиц может за вас поручиться?», Яков Николаевич ответил: «Зуев Аристарх Васильевич, атаман Оренбургской станицы, ул. Речная, д. № 1».

О других трех братьях информации немного.

После смерти отца старший из братьев, Павел Николаевич, стал главой рода. Павел был женат трижды. Первые две его жены рано умерли, дети от них — тоже. Третьей женой П. Н. Пашнина стала Анна Степановна Шумова, 1890 г. р., из пос. Шумовского Миасской станицы. Анна была моложе своего мужа на 15 лет. У них родилось несколько детей. Согласно записям в похозяйственной книге дер. Харино за 1926 г., состав их семьи был таков: Павел Николаевич Пашнин, 51 год, Анна Степановна, 36 лет, Николай Павлович, 16 лет, Василий Павлович, 9 лет, Виктор Павлович, 7 лет, Анфисья Павловна, 3 года, Капитолина Павловна, 2 года. В 1927-м и в последующие годы дочери в списках похозяйственных книг отсутствуют: видимо, умерли от какой-то болезни (в середине 1920-х — начале 1930-х гг. на Урале свирепствовали эпидемии малярии, сибирской язвы и др.). В 1927 г. у Павла и Анны родилась самая младшая дочь — Александра.

Петр Николаевич Пашнин до революции, согласно записям в метрических книгах, имел чин урядника. Также, по рассказам родственников, он был церковным старостой Александро-Невского храма, пойдя по стопам своего дяди Василия Яковлевича Пашнина, бывшего на этой должности много лет. Петр был дважды женат. Согласно записи в похозяйственной книге за 1927 г., в составе семьи числились: Петр Николаевич Пашнин, 49 лет, жена его Елена Ивановна, 39 лет, дочь Татьяна Петровна, 19 лет, сын Константин Петрович, 14 лет, дочь Фекла Петровна Гладилова, 24 года, сын Алексей (родился в том году).

Третий брат из оставшихся на родине, Александр Николаевич Пашнин, 1901 г. р., был женат на Евдокии Васильевне, 1901 г. р. Их дочери: Антонина, 1925 г. р., и Анастасия, 1927 г. р.

Судя по всему, все пятеро братьев Пашниных приняли участие в борьбе с большевиками в годы Гражданской войны. Поселок Харинский (с 1918 г. — станица Харинская) был одним из центров контрреволюционной борьбы местного казачества, и братья Павел, Петр и Александр не остались в стороне. Но с белыми ушли только вдовый Михаил и безусый юноша Яков, а женатые братья остались в родном поселке.

Время шло, рождались дети, семьи росли, в эпоху нэпа хозяйства братьев увеличились и укрепились. Но с началом коллективизации над ними, как над кулаками и бывшими белоказаками, нависла реальная угроза ареста и расстрела. Узнав, что они одни из первых в списках контрреволюционеров, Павел Николаевич принял решение уходить в Китай — к Михаилу и Якову. Братья ушли, оставив семьи и хозяйства. По рассказам потомков Павла Пашнина, его жена Анна Степановна наотрез отказалась уходить на чужбину. Павел, Петр и Александр в 1930 г. покинули родину, и о их дальнейшей судьбе нет никакой информации — как в воду канули. Скорее всего, до Харбина они не дошли, пересечь границу им не удалось. Михаил и Яков в анкетах БРЭМ о других братьях не упоминают вообще и пишут, что родственников, находящихся в СССР, не имеют. Документы БРЭМ датируются 1930–1940-ми гг. — временем японской оккупации Манчжурии, поэтому о родственниках в Советском Союзе упоминать было небезопасно.

А семьи бежавших в Китай братьев Павла, Петра и Александра жили в страхе за свою жизнь. Имущество у них отобрали, но из поселка не выслали. Анна Степановна с детьми осталась жить в Харино, в землянке, так как дома лишилась. Он был перевезен в Челябинск и простоял в центре города на ул. Труда до 1970-х гг. Бывая в городе, Анна Степановна показывала свой бывший дом внукам из окна трамвая. О судьбе семей Петра и Александра никаких подробностей не имеется.

По рассказам родственников, в конце 1930-х гг. сыновья Павла Николаевича, Василий и Виктор, узнали, что их хотят арестовать как сыновей белогвардейцев по политической 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР. В то время судимых по этой статье ждали либо высшая мера наказания, либо десять лет лагерей. Сыновья Павла, поняв, что их все равно осудят, решили «сесть» по уголовной статье, совершив

кражу колхозного имущества. Со второй или третьей попытки им это удалось, им дали сроки за кражу. О судьбе Василия ничего не известно, а Виктор Павлович Пашнин после освобождения из лагеря остался на Дальнем Востоке, жил в Магаданской области в одном из рыбацких поселков на берегу Охотского моря, работал в рыбацкой артели. Судно, на котором находился Виктор, затонуло во время шторма, и он погиб со всей бригадой. Старший сын Павла Николай Павлович Пашнин — участник Великой Отечественной войны, сержант гвардии, механик-водитель самоходной установки, затем слесарь-монтажник на ремонтном взводе. Награжден двумя медалями «За отвагу», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией». Первая медалью «За отвагу» получена им за участие в боях за освобождение Латвии: «В районе Залдату Мазмаяс Добельского района Латвийской ССР отлично маневрировал на поле боя, благодаря чему экипажем и им лично было подбито два немецких танка и уничтожено до 20 гитлеровцев». Второй медалью «За отвагу» — за бои с японцами на Дальнем Востоке: «Сержанта Пашнина Николая Павловича, слесаря-монтажника ремонтного взвода, за то, что он во время совершения полком 700 километрового боевого марша по безводным степям Внутренней Монголии, через болота, горные реки и перевалы Большого Хингана проявил доблесть и мастерство. За марш проделал 1 средний и 3 текущих ремонта боевых машин».

Свое повествование о судьбах братьев Пашниных закончу рассказом о возвращении на Родину из Китая Михаила Николаевича Пашнина и его супруги Татьяны Арсеньевны. Документального подтверждения возвращения пока нет, но есть рассказы родственников, потомков Павла Николаевича Пашнина. Факт возвращения белоэмигрантов в послевоенное время — явление очень редкое, тем более возвращение бывшего белого офицера, полковника. Вернулись Михаил Николаевич и Татьяна Арсеньевна, по рассказам родственников, в 1952 или 1953 г. Также неизвестно, отбывал ли срок в советских лагерях бывший полковник Пашнин или нет. С 1923 г. Михаил Николаевич не был напрямую связан с военной или полицейской службой, в отличие от своего земляка Ивана Васильевича Пашнина, например, и поэтому вряд ли был осужден по приезду в СССР. Вероятно, прибыли супруги Пашнины в Челябинск прямиком из Китая. Вернувшись в родные места, Михаил Пашнин с женой поселились в Челябинске, в районе площади МОПРа (точный адрес неизвестен). В честь своего приезда Михаил собрал родню. Но не все родственники бывшего полковника Белой армии осмелились встретиться с ним, так как время было сложное: семьи братьев Пашниных, оставшиеся в СССР, четверть века прожили с клеймом детей и жен «врагов народа».

Весьма показательна реакция старшего племянника М. Н. Пашнина, Николая Павловича, на приезд дяди и его приглашение встретиться и отметить это событие: «Я со всякой белогвардейской сволочью за одним столом сидеть не собираюсь». Николая можно понять в данной ситуации: он, воспитанный советской системой и на советских ценностях, прожил жизнь с грузом того, что он сын и племянник белогвардейцев. Интересно, думал ли он, освобождая Манчжурию от японцев

в августе 1945 г., о возможной встрече в тех краях со своим отцом или его братьями? Мы этого уже никогда не узнаем. Встреча дяди и племянника все же состоялась, но была очень напряженной: Николай, поддавшись уговорам своей жены Антонины все-таки приехал в гости к дяде. Время и дату приезда заранее, видимо, не согласовывали. Дверь открыл сам Михаил Николаевич, и тогда Николай сказал, что не переступит порог его дома. Развернулся и пошел. Михаил с порога, в нательном белье, догнал племянника на улице, просил за что-то прощения и извинялся. Николай вернулся в дом, они пообщались, но недолго, племянник вскоре ушел, всю дорогу ругаясь, и больше никогда не приезжал к дяде.

О дальнейшей судьбе Якова Николаевича Пашнина и его семьи ничего не известно. Последние документы БРЭМ, где они упоминаются, датированы 1944 г. В СССР Яков не вернулся. Остается предполагать, что после освобождения Манчжурии советскими войсками семья Якова покинула Северный Китай и отбыла в Шанхай или другой южный приморский город, а оттуда — в США или Австралию, как многие русские белоэмигранты, в том числе оренбургские казаки.

Супруги Михаил Николаевич и Татьяна Арсеньевна Пашнины тихо прожили остаток своих дней в Челябинске. Когда они умерли и где похоронены, неизвестно.

Таковы трагические судьбы братьев Пашниных — сынов оренбургского казачества, отдавших молодость белой борьбе и испивших горькую чашу изгнания.

Примечания

[1] Государственный архив Хабаровского края. Ф-830. Оп. 3. Д. 35998.
[2] Информационный портал «Первая мировая война 1914–1918 гг.
[3] Государственный архив Хабаровского края. Ф-830. Оп. 3. Д. 35999.
[4] Так в тексте. Имеется в виду командир партизанского отряда Нестор Александрович Каландаришвили.

Часть IV
Генеалогия и краеведение

Р. Г. Буканова, Ф. Г. Закирова

Из истории деревни Курятмасово (Курьятмасово) Давлекановского района Республики Башкортостан

В преддверии предстоящей Всероссийской переписи населения мы представляем историю дер. Курьятмасовой (Курятмасова) Давлекановского района Республики Башкортостан. А. З. Асфандияров в книге «История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий» не обошел ее вниманием[1]. Мы дополним его рассказ материалами из фондов главного архивного учреждения Башкортостана, краеведческими исследованиями.

Начнем с названия деревни. Научный сотрудник Давлекановского историко-краеведческого музея Массар Зайнулович Мухаметзянов, долгие годы работавший его директором, считает, что название происходит от словосочетания «коро ятмас», что в переводе с башкирского означает «суша (сухость) не ляжет», то есть местность болотистая, часто заливаемая водой.

Деревня Куръятмас Белебеевского уезда в середине XIX в. входила в состав 12-го башкирского кантона. В фонде И-138 «Оренбургская казенная палата» хранится «Ведомость о числе юрт, деревень и душ Белебеевского уезда 12-го кантона» за октябрь 1841 г. В ведомости указаны данные 8-й ревизии (переписи) 1834 г. Деревня Куръятмасова (в тексте — Куруятмасова) входила в 19-ю юрту Кыркули-Минской волости 12-го башкирского кантона. В деревне на собственной земле проживали башкиры-вотчинники (73 мужчины и 77 женщин), а также припущенники (17 мужчин и 20 женщин). В графе «Название тюб, в которых состоит селение» — прочерк. Значит, данные селения не имели разделения на тюбы. В графе «Кочуют или постоянно живут в домах башкирцы означенных селений» указано: «Кочуют». В «Ведомостях о числе тептярей и бобылей в Белебеевском уезде» за 30 мая 1840 г. в 1-м стане числится дер. Курьетмасова, число жителей мужского пола в ней — 46, количество принадлежавшей им земли — 850 десятин; получили землю они по договору 15 февраля 1779 г. с башкирами-вотчинниками Кыр-Ильминской волости, землей владели совместно с башкирами-вотчинниками[2]. Следовательно, в дер. Курьятмасовой проживали башкиры — вотчинники и припущенники, а также на правах припущенников — тептяри.

В фонде И-1 «Оренбургское губернское правление» хранится «Отношение Оренбургской палаты государственных имуществ о наделении землей припущенников Уршакминской и Куркульминской волостей»

от 31 октября 1844 г. В документе сказано, что в дер. Куръетмасовой «башкирцев по 7 ревизии 11, по 8-й 17 душ. Тептярей по 7 ревизии 26 по 8-й 46 душ. Из припущенников этих поселились предки первых с давнего времени и документа на то не имеют, а последние, то есть тептяри, **по двум татарским договорам 1779 года**»[3] (выделено нами — *Авт.*). Документ того же содержания был отправлен оренбургскому военному губернатору[4]. Здесь речь идет о припущенниках. Башкир-вотчинников же в деревне было, по 7-й ревизии, 61 человек, по 8-й — 73.

В фонде И-172 «Комиссия, высочайше утвержденная для наделения землей башкирских припущенников» хранится «Именной список башкирцев вотчинников, проживающих в Куркульминской волости, также припущенников — башкирцев же» от 9 мая 1856 г., по которому в дер. Куръятмасовой, по 7-й ревизии, проживало вотчинников — 52, припущенников — 9; по 8-й — соответственно 73 и 9 душ мужского пола.

Там же хранится и «Посемейный список о причисленных в башкирское войско тептярях, проживающих на даче башкир Куркульминской волости 21 башкирского кантона»[5] от 5 мая 1856 г. Три семьи были переселены в 1779 г. из дер. Сирдыковой Кырзиланской волости и «по распоряжению начальства по 7 и 8 ревизиям причислены по окладу настоящего места жительства»[6]. Остальные восемь семей тептярей в 1779 г. переселены из дер. Кургановой Канлинской волости Белебеевского уезда, «в натуре ныне не существующей», и также, по 7-й и 8-й ревизиям, причислены по окладу к дер. Куръятмасовой.

В фондах НАРБ по дер. Куръятмасовой сохранились материалы сказок 5-й ревизии (1795). В 1795 г. в дер. Куръятмасовой Белебеевского уезда команды тептяря Абдулзелиля Маметкулова проживали шесть тептярей мужского пола (семья Султамрата Муртазина). По указу Оренбургского губернского правления от 8 августа 1811 г. из дер. Кубяковой перечислены 16 тептярей мужского пола (число женщин не указано). Прибыли семьи Мидияра Масгутова и Абдрахмана Абдреева. Всего, по переписи 1811 г., в деревне числились 22 тептяря мужского пола. Ревизскую сказку подписал Мурадым Султамратов[7]. В 1816 г. в дер. Курьятмасовой проживали 49 тептярей — 26 мужчин, 23 женщины. В деревне было девять дворов тептярей: семьи Султамрата Мурадымова (в 1811 г. ему было 83 года, умер в 1815 г.), Мурадыма Султамратова, Мратбакия Султамратова, Фейзуллы Медиярова, Дильмухамета Кильмухаметова, Тохветуллы Медиярова, Абдрахима Абдреева, Зейнуллы Абдрахимова, Габидуллы Абдрахимова[8].

По ревизии 1859 г., в дер. Куруятмасовой 21-го башкирского кантона 11-го юрта проживали 247 душ мужского пола и 251 душа женского пода — «башкиры, мещеряки, тептяри». Из них «из башкир» — 159 мужчин и 164 женщины, в том числе Мухаметкарим Хасянов, указной мулла; «из тептярей» — 88 мужчин и 87 женщин. Ревизскую сказку подписали: «...сказкосоставитель деревни Шланлыкулевой государственный крестьянин Хабибулла Сейфуллин сын Байтеряков руку приложил. Сельский начальник деревни Куруятмасовой из тептярей башкирец Курбангали Фейзуллин подписался по-татарски (подпись). Исправляющий должность старшины № 11 юрты Хуснутдин Акымбетев подписался по-татарски (подпись). Кантонный начальник (подпись)»[9].

В «Списке населенных мест Российской империи» (СПб., 1877; т. 45) значится дер. Курьятмасова Уфимской губернии Белебеевского уезда 2-го стана при р. Курьятмасе; расстояние от уездного города 36 верст, от становой квартиры — 59 верст; число дворов — 80, жителей мужского пола — 266 душ, женского пола — 272; население — башкиры; имелись мечеть, училище; жители занимались пчеловодством[10].

По данным 1-й Всеобщей переписи населения Российской империи (1897), в деревне проживали 500 мужчин и 621 женщина, а также временно пребывали шесть человек[11]. В «Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии» содержатся следующие сведения:

> Д[еревня] Куръятмас (*припущенники*) — при р. Удряк; на севере участка есть болото. Надел на 11 ревизских душ, в одном месте. Изменения в угодьях: все поля образовались частью из-под леса, частью из-под степи. Переделы по ревизским душам. Поля на ровном возвышенном месте, до 3 верст от селения. Почва — суглинистый чернозем с примесью камня или гальки. Полеводство бессистемное. Под огородами до 20 десятин; садят лишь картофель. Выгон частью по низине, частью по крутым склонам. Лес расположен так же. Есть базар в селении. Промыслы: сельские работы в соседних имениях; некоторые покупают дрова в казенном соседнем лесу и продают их; до 20 домохозяев плотничают; имеется до 200 пеньков пчел, воск продают по 10 руб. пуд.
>
> *Вотчинники* — при р. Асли-Удряк, годной для устройства мельниц; в участке большое — до 600 (?) дес. — болото. Надел на 132 ревизских души, в одном месте. Изменения в угодьях: все угодья увеличились на счет степи. Передел по ревизским душам. Поля по ровным местам, также по склонам и холмам, до 9 верст от селения. Почва суглинистая — 40 десятин, чернозема — 550 дес., каменистая — 40 дес. и черноземная с примесью гальки — 300 дес. В полях встречаются ложбинки, шишки (небольшие горы), по которым выступает глина или камень и которые не пашутся. Полеводство бессистемное. На огородах сеют картофель для собственного употребления. Выгон частью по низине, частью по холмам. Лес по низине, по холмам и по болотистому месту. В селении ежедневные базары. Промыслы: поденные работы в соседних имениях, извоз, есть от 20 до 30 пеньков пчел[12].

В «Полном алфавитном списке всех населенных мест Уфимской губернии» (Уфа, 1906) в Казангуловской волости Белебеевского уезда значится деревня «Курьятмас, при руч. Курьятмас». В деревне имелись мечеть, три бакалейные лавки, базар. Расстояние от уездного города 48 верст, от волостного правления — 28 верст, число дворов — 207, число жителей мужского пола — 618 душ, женского пола — 620[13].

По данным подворной переписи 1912–1913 гг., в дер. Курьятмас Казангуловской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии проживали вотчинники (народность — башкиры, наличных хозяйств —

136), а также припущенники (народность — тептяри, башкиры, наличных хозяйств — 127). В деревне проживало вотчинников 742 человека (382 мужчины и 360 женщин); припущенников — 683 (352 мужчины и 331 женщина); площадь надельной земли: 5406 десятин — у вотчинников, 951 десятин — у припущенников[14].

Таким образом, документы о землевладении башкир-вотчинников и их припущенников подтверждаются документам из архивов различных хозяйственно-экономических учреждений досоветского периода.

Мечеть. В документах из архивных фондов Оренбургского магометанского духовного собрания и Президиума Верховного Совета БАССР имеются разночтения о дате постройки мечети в дер. Курьятмасовой (Курятмасовой) — 1845 и 1897 гг. По всей вероятности, поскольку мечеть в селении была одна, она была перестроена или вновь отстроена в связи с обветшанием старого здания. Для деревянной постройки 50 лет — немалый срок. Пожары в разные периоды истории так же были не редкость.

В фонде Оренбургского магометанского духовного собрания хранятся ведомости о числе приходов и духовных лиц в Уфимской губернии. В дер. Курьятмасовой Старо-Казангуловской волости Белебеевского уезда значится соборная мечеть, построенная в 1845 г.[15] Сведений о назначении упомянутого выше Мухаметкарима Хасянова указным муллой в ведомостях не имеется.

Гиззатулла Зиннатуллин, 43 лет (другим почерком вписано: «он же Абдрахим Габдрахманов»), имам-зямиг, хатып и мугаллим. Утвержден указом от 28 октября 1887 г. № 4730.

Мухамедзян Альмухамедов, муазин и мугаллимо-сыбиан, утвержден указом от 9 апреля 1880 г.

Габдрахман Муфтихитдинов, 47 лет, имам-хатыпом утвержден отношением Уфимского губернского правления от 9 января 1913 г.

Сибгатулла Шарафутдинов, р. 28 декабря 1885 г., утвержден имамом и мугаллимом 6 (21 марта) 1918 г.

Решением Президиума Верховного Совета БАССР от от 22 июня 1939 г. № 13 ходатайство граждан дер. Куръятмасово Куръятмасовского сельсовета Давлекановского района о закрытии мечети в деревне было удовлетворено, деревянное культовое здание передано Давлекановскому райисполкому для использования под клуб. По сведениям местных жителей, мечеть была построена в 1897 г. Ходатайство о закрытии ее в 1929 г. было отклонено БашЦИК. С 1937 г. за неимением служителей культа мечеть не функционировала[16].

Деревня Курьятмас до 1923 г. входила в состав Казангуловской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии (с 1922 г. — Белебеевского кантона БАССР). На основании постановления БашЦИК от 10 февраля 1923 г. из Имай-Карамалинской и Казангуловской волостей была образована Давлекановская волость Белебеевского кантона[17]. С 1930 г., когда кантонно-волостное деление было заменено районным, и по настоящее время с. Курятмас входит в состав Давлекановского района.

В справочнике «Список населенных пунктов Башреспублики» (Уфа, 1926), составленном по данным переписи 1920 г., в Давлекановской волости Белебеевского кантона значится дер. Курьятмас. Преобладающая

национальность — башкиры, до волостного исполкома — 20 верст, число дворов — 290, число душ мужского пола — 741, женского пола — 785, число хозяйств в 1925 г. — 164[18].

На территории БАССР была (и есть в настоящее время) еще одна дер. Курьятмас — на территории Ермекеевского района. С 1939 г. населенный пункт в Давлекановском районе стал писаться в документах как «Курятмасово» (без мягкого знака). Так, в справочнике «Административно-территориальное деление БАССР на 1 июня 1940 года» (Уфа, 1941) в Курятмасовском (так в тексте) сельском совете Давлекановского района значится с. Курятмасово (так в тексте), расстояние от железнодорожной ст. Давлеканово — 35 км, население на 17 января 1939 г.: мужчин — 565 человек, женщин — 575[19].

По данным на 1 января 1969 г., в составе Алгинского сельского совета Давлекановского района значится с. Курятмасово; численность населения — 1110 человек, преобладающая национальность — башкиры[20].

Таким образом, использование комплекса архивных документов, научной, краеведческой литературы и памятников устной истории позволяет воссоздать историю населенных пунктов в максимальном приближении к реальной картине прошлого. Надеемся, что история республики, страны и впредь будет пополняться монографиями и статьями, основанными на архивных источниках.

Примечания

[1] *Асфандияров А. З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа : Китап, 2009. С. 269.

[2] НАРБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1690. Л. 118.

[3] Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 1, 8 об.

[4] Там же. Ф. И-2. Оп. 1, Д. 4875. Л. 18 об.

[5] Там же. Ф. И-172. Оп.1. Д. 112. Л. 23, 23 об., 27, 27 об.

[6] Там же.

[7] Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 97. Л. 423 — 423 об.

[8] Там же. Д. 149. Л. 515–519.

[9] Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 737. Л. 1–28.

[10] Списки населенных мест Российской империи. Т. 45. СПб., 1877. С. 44.

[11] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45: Уфимская губерния. Тетр. 1. СПб., 1901. С. 36–37.

[12] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 4: Белебеевский уезд. Уфа, 1898. С. 901.

[13] Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1906. С. 51.

[14] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1914. С. 1596–1603.

[15] НАРБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 5. Л. 238 об. — 239.

[16] Там же. Ф. Р-494. Оп. 3. Д. 1856. Л. 1, 4.

[17] Там же. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 703. Л. 60.

[18] Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа, 1926. С. 24.

[19] Административно-территориальное деление БАССР. Уфа, 1941. С. 160.

[20] Административно-территориальное деление БАССР. Уфа, 1969. С. 139.

А. О. Буранок, А. В. Митин

Генеалогия сельца Елховка середины XVIII — начала XIX века

Согласно краеведческому справочнику Н. А. Арнольдова и Е. А. Горелова[1] датой основания с. Елховка Елховского района Самарской области считается 1745 г. Скорее всего, данная дата (1745–1746) не верна, и деревня — потом сельцо, позже с. Елховка — было образовано в 1774–1775 гг.[2] В метрических книгах Ставропольского уезда с. Покровское («Елховое озеро тож») впервые упоминается в 1777 г.[3], а в документах о покупке земли у калмыков в 1775 г.[4], а однодворцы в Елховку пришли в 1774 г.[5] Все это позволяет нам говорить об образовании Елховки в 1774–1775 гг.

Н. А. Арнольдов и Е. А. Горелов приводят легенду о том, что основателями тогда еще деревни были крестьяне Сенгилеевского уезда Симбирской губернии Мигунов и Редькин, взявшие в аренду земли у калмыков из Ставропольского калмыцкого войска Предтеченской роты (Красное поселение)[6].

В газете «Самарские губернские ведомости» за 1856 г. говорится о тех самых Мигунове и Редькине, легендарных основателях Елховки[7]; кое-какую информацию о них можно почерпнуть из метрических книг и ревизских сказок, так что получается, что они личности вполне конкретные.

Мигуновы — впоследствии жители с. Бормы, как и сказано в «Самарских губернских ведомостях». Точнее, были два брата, Елисей Андреевич (1761–1837) и Игнат Андреевич (1771–1843). Они присутствуют в исповедной росписи с. Бормы 1810 г. и в ревизских сказках. Видимо, в «Самарских губернских ведомостях» говорится об их отце Андрее Мигунове.

Василий Ананьевич Редькин (1760 — 13.01.1838). Предполагаем (документально это пока не подтверждено), что Ананий Редькин — отец этого Василия, а также братьев Ивана (? — ?) и Ивана (1764 — 04.02.1842) Ананьевичей Справчиковых. И он же под фамилией Веретенников упомянут здесь: «Старшины и рядовые калмыки с общего мирского согласия дали сей договор Ставропольского ведомства в нем поселившимся деревни Елховки Земель справсчикам Алексею Булдакову, Ананью Веретенникову и всем той деревни жителям...»[8]. Одна из ветвей Справчиковых указана в ревизской сказке 1834 г. как раз под фамилией Веретенников. Предполагаем, что Редькин — «уличная фамилия». Само сочетание «справчик Ананий Веретенников» весьма показательно. В переселенческих документах «справчик» — это первопоселенец, прибывший на новое место первым, справлявший возникающие административные и хозяйственные вопросы.

Деревня была основана на левобережье р. Кондурчи, на землях капитана Ильи Петровича Ульянина[9]. «Название дано по близлежащему оврагу Елховый, впадающему в р. Кондурчу. На карте XVIII в. данный овраг обозначен как река Елховка»[10].

Называлась новопоселенная деревня по-разному: Покровская Елховка, Елховка, Покровка, Елховое Озеро. Н. А. Арнольдов

и Е. А. Горелов отмечали: «Исторически село разделено на четыре части (конца) со своими названиями: восточный (от р. Кондурчи) — Хива (что означает «вода»); северный — Лобановка (т. е. на взлобке, на взгорье); южный — Солонцы (здесь заболоченные земли); кроме того, в состав села уже в XX в. была включена соседняя дер. Низовка»[11].

Согласно план-карте Самарской линии от Бузулука до Самары 1771 г., Елховка располагалась на землях «дачи отставных калмык Криволуцкой слободы 74»[12].

В 1774 г. в Елховку самовольно переселяются однодворцы и ясачные (казенные) крестьяне из Казанской губернии[13].

В деле о земельном споре между крестьянами с. Покровского, Елховка тож, и удельным ведомством есть упоминания о документах, по которым крестьяне и однодворцы покупали и брали в аренду землю у калмыков в конце XVIII — начале XIX в. Так, 16 мая 1775 г. у калмыков Кобельминской роты ясашными крестьянами из вновь поселенной дер. Бормы Ставропольского уезда Алексеем Булдаковым и с. Николаевского Симбирского уезда Ананием Веретенниковым за 600 руб. были куплены покосы и несколько угодий по р. Тукшум и Кондурча[14]. 18 октября 1775 г. все тому же справщику крестьянину новопоселенного с. Покровского, Елховка тож, Ананию Веретенникову калмыки из Предтеченской роты продали за 50 руб. покосы и земельные угодья по р. Кондурча и Тукшум[15]. 30 ноября 1775 г. калмыки из Кобельминской роты сдали ясашному крестьянину дер. Новая Борма Алексею Булдакову с товарищами за 600 руб. луга, покосы и земельные угодья по р. Кондурча и Тукшум[16].

1 июня или 1 июля (разночтение в документах) 1776 г. калмыки из Предтеченской роты сдали справщикам крестьян с. Елховка Алексею Булдакову и Ананию Веретенникову на 80 лет за 200 руб. покосы по р. Кондурча[17]. В договоре упоминаются: 1) от калмык: Ставропольского корпуса Предтеченской роты сотник Василий Чидан, хорунжий Тимофей Диржи, есаул Андрей Чил, владыки Александра Сулу, пятидесятник Федор Согроп, Сидор Доржи, Афанасий Балдур, десятники Митрофан Дензек, Егор Жирмби, Леонтий Зошзба, Михайла Габук, Илья Беки, Антон Менуукъюкюн, Харитон Шарихол; сверх комплекта хорунжий Леонтий Зармик, Алексей Ренцвек, Яков Жарба, Загиоен Иван Делок; рядовые: Агифон Баста, Кузьма Сурин, Иван Лозон, Домба Артемий Жабра, Михайла Генжиб, Гаврила Шинток, Григорий Бапрта, Степан Мерих, Семен Ауush, Федор Хочкучи, Ларион Жирмба, Леонтий Жермчу, Селиверст Зодьбо, Василий Данба, Василий Дондок, Борис Биринг, Матвей Соломинги, Леонтий Селояк, Сергей Солот, писарь Яков Габунов, войсковой старшина Федор Болотков, ротмистр и толмач Дмитрий Алтаев, войсковой писарь Иван Бояров; 2) от Ставропольского ведомства вновь поселившейся дер. Елховки — земель справщики Алексей Булдаков и Ананий Веретенников[18].

В 1776 г. елховские жители пустили на снятую у калмыков землю крестьян из дер. Загряцкой[19]: майора Семена Иванова сына Жукова «за деньги взятые ими Елховскими с крестьян Жукова в число заплаченных Елховскими калмыкам деньги сто восемьдесят восемь рублей пятьдесят копеек»[20]. В договоре упоминаются Ставропольского уезда

дер. Новая Борма ясашный крестьянин Алексей Булдаков, Симбирского уезда Большой Бормы справщик Ананий Веретенников, Ставропольского уезда дер. Загряцкой майора Семена Иванова сына Жукова крестьянин его Иван Макаров[21]. Обращает на себя внимание тот факт, что в документе 1807 г. земля именуется «снятой», а в выписке 1867 г. с документа 1776 г. —«купленной».

Наследниками помещика Жукова будут его родственники Ульянины, в частности внук Жукова капитан-лейтенант флота Илья Петрович Ульянин[22].

Согласно ведомости Симбирского наместничества 1780 г., дер. Елховка при р. Кондурче и оз. Елховом относилась к Самарскому уезду. В ней проживали 39 ясачных крестьян, 85 экономических крестьян, 10 пахотных солдат, а кроме того, «сшедшие своевольно из Казанской губернии, и поселившихся после указа из Сената запрещающего переход в Оренбургскую губернию без рассмотрения губернаторов, и апробации Сената, потому и платят подати и вообще с прежними жительствовами где по ревизии написаны» «в деревне Елховке, при речке Кандурче, ясашных крестьян 59, однодворцов 34»[23].

В 1782 г. был заключен еще один договор сдачи в аренду на 80 лет калмыками покосов мирским обывателям новопоселенной Елховки, в договоре упоминаются: 1) от калмыков: Ставропольского калмыцкого войска Предтеченской роты ротмистр Василий Чидан; пятидесятники: Василий Борлонов, Сидор Доржи, Козьма Коценов; Ягодинской роты ротмистр Иван Беляков; 2) от армии: майор и войсковой полковник Федор Болотков, войсковой судья Федор Ананда, войсковой есаул Дмитрий Алтаев, войсковой квартирмейстер Федор Барышевский, войсковой хорунжий Константин Герасимов, войсковой писарь Иван Бояров. От «вновь поселившегося села Покровского, Елховое Озеро тож»: выборный Ефим Калашников; рядовые: Семен Богомолов, Иван Александров сын Алашеев (? — 19.06.1814), Егор Абрамов сын Головачев, Иван Иванов сын Сорокин, Василий Павлов сын Салютов, Федор Федоров сын Бурлаков, Ефрем Игнатьев сын Уваров[24].

На карте из «Атласа 1794 г. для юношества. Пермское и Уфимское наместничества» Елховка уже есть[25].

Согласно «Экономическим примечания к планам дач генерального межевания, 1765–1843 гг.» (РГАДА. Ф-1355), по 5-й ревизии в Елховке насчитывалось 136 дворов, в которых проживали 436 мужчин и 477 женщин. Рост численности населения за 15 лет (с 1780 по 1795), если считать только мужчин (в прежних ревизиях фигурировали только они), — на 209 ревизских душ, или в 1,9 раза.

> Деревня Покровская Елховка тож, что ныне село. Общего владения капитана Ильи Петрова сына Ульянина и казенного ведомства экономических, ясашных крестьян, пахотных солдат и однодворцов. Под поселением 77 десятин 2093 сажен. Пашни 5277 десятин 1289 сажен. Сеннаго покосу 1233 десятины 1040 сажен. Степи 682 десятины 500 сажен. Сенного покосу по коему мелкий кустарчик 48 десятин 1800 сажен. Положение имеет по берегам дву озер Елховых и одного безымянного. В оном селе после межевания в 1811-м году построена церковь каменная

с деревянною оградою во имя Покрова Пресвятой Богородицы и жди в... прихожан, седичею простирается река Кондурча — по правой и левой с речки Тукшума. На правой сторонах и по обе стороны сказанных рек Кондурчи речки Тукшум и часть залива безымянного с врагов двух Широкий с семью отвершинами Елхового с шестью отвершинами и тринадцати безымянных озер дву Елховых, двух Кривых, Лещевого, Черного, Долгова, Зеленогва и Осли безымянных: те реки, речка, залив, овраги и озера против они... в сильное жаркое летнее время вси... мелеют местах бывают река глубиною в сажень шириною от дватцати и до тритцати саженей. Часть залива безымянного длиною сто пятьдесят, шириною тритцать сажень, глубиною два аршина. Речки шириною три сажени, глубиною с пол аршина. Озера первое Елховое длинною шестьсот сажен, шириною от дватцати до сорока сажен. Второе Елховое длинною одна верста шириною сорок сажен. Лещевое длинною триста шириною тритцать сажен. Два правых, Черное, Далгое, Зеленое длинною от двусот и до двусот пятидесяти — шириною от дватцати до сорока сажен. И безымянные длинною от пятидесяти и до сту сажен, шириною от дватцати до сорока сажен. Все ж оныя глубиною да дву аршин. В реке, заливе, речке и озерах ловится рыба щука, окуни, платва, ерши, пискари, налимы, караси, ирши самими жителями оной деревни для домашнего обиходу. Воды в реке, речках и озерах для...[26]

В деле о передаче однодворцев, государственных крестьян, лашманов из удельного ведомства в Самарскую палату государственных имуществ (1851) есть ссылка на 5-ю ревизию относительно однодворцев. Указано, что их тогда проживало 117 душ[27].

«3 июля 1800 г. межевальщику Метракову депутатами со стороны калмык и... крестьян села Елховки в том, что помещичьи и елховские крестьяне полюбовно [припустили] в землю их села Елховки»[28].

«4 июля 1800 г. калмыки Предтеченской роты и елховские крестьяне владении последним земли, отошедшие от калмык, и уступили им на 40 лет сенные покосы»[29].

4 июля 1800 г. калмыки из Предтеченской роты продали коронным крестьянам сельца Елховка «собственные свои луга от реки Тукшума вниз на реке Кондурче все без остатка». В договоре упоминаются: от калмыков: войсковой есаул Иван Ренцаков, Ставропольского калмыцкого войска Предтеченской роты ротный есаул Илья Саситанов, пятидесятник Федор Задбаев, Степан Забунов, Семен Байбулатов, Михайла Шарыпов, ротный толмач Василий Увашнев, писарь Федор Лузанов лутчия Авдей Федоров, [неразборчиво] Зозба Зощеков, Иван Баклузур, Илья Суний, Василий Буромайна и Семен Харив; от Самарского округа Елховской волости сельца Елховки коронные крестьяне: волостной голова Кондратий Васильев (1739 — 18.08.1809, в дальнейшем Кондрины), поверенный Ефим Калашников; старшины: Назар Уваров, Василий Калугин, Яков Жирнов (Яков Васильев Жирнов, 1756 — 24.08.1830), Иван Лашев, Трофим Гарнастаев (Трофим Савельев Горностаев, 1762 — 11.12.1842), Ларион Кляузов (Ларион

Степанов Кляузов, 1758 — 26.10.1838); Ставропольский господин землемер Иван Яковлевич Митраков[30].

В том же 1800 г. при генеральном межевании Елховская дача (8807 десятин 1651 сажен) была обмежована одной окружной межой в бесспорное владение экономических, ясашных крестьян, пахотных солдат, однодворцев и капитана Ульянина. Земля была разделена на два рода: 1) купленная казенными (позже стали именоваться удельными) крестьянами, однодворцами и помещиком; 2) купленная одними казенными (удельными) крестьянами и однодворцами, без всякого участия помещика[31].

Таким образом, на основе уже найденных текстов и ссылок на документы, мы видим, что было восемь договоров о покупке и найме земельных угодий, лугов и покосов по р. Тукшум и Кондурча елховскими крестьянами у калмыков за период с 1775 по 1800 гг., на что суммарно было потрачено 3250 руб.

У внука помещика С. И. Жукова капитан-лейтенанта флота Ильи Петровича Ульянина наследницами были дочери: Александра Ильинична Ульянина[32], Екатерина Ильинична Ульянина[33], Мария Ильинична Ульянина[34]. По разделу имущества крестьяне и земля в Елховской даче достанутся Екатерине Ильиничне Ульяниной, а по мужу — княгине Мансыревой.

Казенные крестьяне и однодворцы владели рыбными ловлями в дачах с. Елховка на оз. Елховое и Лещевое, а также на оз. Зеленое, Круглое, Светлое, Липовое, и на одном берегу р. Кондурчи с мелкими безымянными озерами[35]. Данные рыбные ловли составляли две отдельные оброчные статьи, еще одной был базар при с. Елховка (еженедельный, по понедельникам, при восьми лавках, два полка и весы с гирями)[36].

В апреле 1809 г. жители сельца Елховка заключили договор с симбирским купцом Иваном Петровичем Свешниковым о строительстве близ сельца мельницы на р. Кондурче за 1200 руб. В договоре упоминаются 113 жителей сельца Елховка. Благодаря многолетней кропотливой работе с метрическими книгами А. В. Митина и Л. Л. Кузнецовой мы сегодня можем указать фамилии и даты жизни большинства упоминаемых в данном документе людей:

> ...Экономического Иван Осипов (Крупнов 1766 — 16.12.1832), мирскии люди Маркел Осипов (Крупнов 1757 — 1824), Родион Силеверстов (Глухов 1765 — 1828), Филипп Иванов (Глухов 1751 — 28.09.1821), Яков Павлов (Лотов 1778 — ?), Конон Иванов (Краснов 1762 — 5.10.1846), Иван Тимофеев (Жаринов 1763 — 30.07.1832), Яков Григорьев (Жаринов 1770 — 1822), Василий Степанов (без фамилии 1767 — 26.01.1837), Яков Васильев (Жирнов 1756 — 24.08.1830), Ерофей Кузьмин (1749 — 20.08.1833, в дальнейшем Ерофеевы), Клементей Степанов (1770 — 1839, в дальнейшем Климовы), Яков Иванов (Шибалин 1791 — 10.02.1825), Михайла Филипов (Казеннов 1780 — 23.11.1850), Иван Онтонов (Свищев 1776 — 13.10.1847), Кузьма Филипов (Казеннов 1767 — 21.09.1847), Осип Никифоров (Назайкинский 1745 — 7.10.1822), Симион Васильев (Калугин

1764 — 1829), Иван Васильев (Калугин 1766 — 19.08.1840), Степан Федоров (Мордяшов 1784 — 1855), Гаврила Офонасьев (Марков 1756 — 10.02.1830), Семион Митрофанов (Козлов 1785 — 13.02.1840), Филип Григорьев (Козлов 1766 — 17.08.1833), Иван Иванов (Шибалин 1764 — 1819). Однодворцы и пахотные солдаты: Степан Максимов (Лазарев 1768 — 18.04.1811), Родион Ефимов (Грязнов 1773 — 21.05.1829), Лазарь Максимов (? — ?, в дальнейшем Лазаревы), Платон Мануилов (1769 — 24.02.1835, в дальнейшем Платоновы), Калина Тимофеев (1761 — 4.07.1833, в дальнейшем Калинины), Иван Александров (Алашеев ? — 19.06.1814), Иван Макаров (без фамилии 1797 — 2.07.1848), Евграф Савельев (Китов 1767 — 30.12.1834), Яков Тимофеев (Аленин 1766 — 13.03.1828), Григорий Иванов (Сорокин 1755 — 1823), Никонор Федоров (Лазарев 1776 — 1.04.1844), Василий Павлов (Панин 1781 — 30.11.1834), Григорий Кандратьев (Кондрин 1765 — 10.11.1820), Федор Онтипов (возможно Лазарев), Гаврила Иванов (Головачев 1792 — 1851), Дмитрий Кандратьев (Кондрин 1784 — 9.08.1814), Андреян Савельев (Китов 1761 — 26.01.1822), Потап Савельев (Китов 1767 — 1818), Тарас Степанов (Кляузов 1772 — 9.02.1824), Лорион Степанов (Кляузов 1758 — 26.10.1838), Симион Степанов (Кляузов 1766 — 10.10.1825), Василий Семионов (Белов), Семион Семионов (Белов 1763 — 1820), Иван Семионов (Белов 1771 — 1818), Иван Обрамов (1740 — 20.02.1810, вероятно Головачев), Андрей Васильев (Головачев 1788 — 1852). Ясачные крестьяне: Иван Онаньев (Справчиков 1764 — 4.02.1842), Василий Онаньев (Редькин 1760 — 13.01.1838), Петр Иванов (Справчиков 1774 — 13.02.1846), Григорий Андреев (Справчиков 1760 — 16.08.1831), Петр Корнилов (Полежаев, 1740–1819), Алексей Ефимов (Бородин 1752 — 6.04.1824), Парфян Петров (Справчиков 1760 — 8.04.1830), Карп Павлов (без фамилии, 1769–1824), Игнатей Гордеев (Гордеев 1764 — 5.01.1824), Алексей Онаньев (Сорокин 1762 — 19.01.1829), Спиридон Никитин (Майоров 1764–1836), Иван Иванов (Малинин 1763 — 26.03.1827; Тюрин), Иван Кирилов (Топталов 1770 — 6.08.1819), Петр Иванов (Справчиков 1774 — 13.02.1846 или без фамилии 1771–1821), Семион Иванов (Кукин 1773 — 16.08.1831), Никифор Игнатьев (Усков 1761–1824), Фома Игнатьев (Усков 1767 — 28.07.1843), Кузьма Игнатьев (Усков 1767 — 15.02.1835), Клементей Егоров (Спрыгин 1766 — 16.01.1827), Василий Маркелов (Марыков 1742–1818), Тимофей Васильев (Марыков ? — ?), Иван Дмитриев (Серебряков 1776 — 19.09.1843), Маркел Тимофеев (Рубцов 1781 — 8.12.1852), Офонасий Ильин (Рубцов 1782–1851), Василий Михайлов, Семион Петров (Полежаев), Куприян Ефимов (Калашников 1771 — 9.04.1923), Петр Егоров (Калашников 1757–1831), Трофим Савельев (Горностаев 1762 — 11.12.1842), Николай Васильев (Баранов 1780 — 1.05.1832), Семион Спиридонов (Казарин 1772 — 3.12.1834), Никифор Гордеев (Гордеев 1765 — 6.02.1831), Ефим Тимофеев (Топталов 1784 — 16.05.1850), Степан Савельев (без фамилии 1759–1817), Николай Павлов (без фамилии 1769–1817), Селиверст Васильев

(Баранов 1769 — 20.02.1835), Михаила Ефимов (Хабаров 1775 — 14.11.1849), Семион Ондреев (Круглов 1774–1849), Семион Ефимов (Калашников 1769 — 23.01.1847), Иван Михайлов (Востров 1778–1848), Федор Михайлов (Востров 1768–1830), Егор Офонасьев (Юнин 1781–1851), Яков Остафьев (Уваров 1765–1840), Трофим Никифоров (Уваров 1770 — 3.01.1810), Михаила Алексеев (без фамилии 1751 — 26.12.1829), Михаила Данилов (Носков 1753 — 12.01.1834), Сидор Андреев (Круглов 1768–1843), Антон Клементьев (Спрыгин 1757–1825), Клементей Григорьев (возможно Спрыгин), Петр Алексеев (без фамилии 1769–1855), Никита Евдокимов (Нестеров 1776 — 16.01.1847), Иван Федоров (возможно Чугунов 1759–1809), Фрол Евдокимов (Нестеров 1781 — 27.08.1847), Федор Семионов (Слепов 1788 — 13.12.1834 или без фамилии 1774–1840), Онисим Трофимов (Топталов 1782 — 31.08.1831), Петр Евдокимов (без фамилии 1761 — 20.01.1814), Филип Михайлов (Нестеров 1754 — 20.11.1814), Липат Кирилов (Топталов 1772 — 28.08.1833), Евграф Тимофеев (Топталов 1775 — ?), Логин Ефимов (Бородин 1759 — 17.05.1831), Данила Ефимов (Бородин 1771–1846), Александр Дмитриев (Головачев 1770 — 17.10.1823), Кузьма Иванов[37].

И мельница на р. Кондурче в дачах с. Елховка о четырех мукомольных и одном обдирочном поставах была построена купцом Свешниковым в 1809 г.[38] Отцы и деды упоминаемых в документе людей, а частью и лично, являлись основателями Елховки.

В 1816 г. атаманом калмыцкого казачьего войска Борышевским была построена еще одна мельница о четырех мукомольных и двух обдирочных поставах в дачах с. Елховки на р. Кондурче. Однодворцам указанного села принадлежала ее половина[39].

Из объяснения стряпчего Самарской удельной конторы коллежского асессора Селиверста Алексеевича Терехина видна дальнейшая перипетия земельных отношений в даче Елховки:

...В 1816 году наследницы капитана Ульянина просили отмежевать крестьянам их по 15 десятин на душу особо от казенных поселян села Елховки. О чем в Самарском Уездном Суде возникло дело по которому, как равно и в решении оного суда состоявшемся 1818 года Февраля 28-го объяснен весь переход земли от калмык к крестьянам и права их на оную. Дело это по инстанциям доходило до рассмотрения Правительствующего Сената общего собрания Московских Департаментов, по решению которым прав владельцев села Елховки вменено: княгиню Мансыреву[40] (которой по разделу между наследницами должно имение Ульянина) оставив в селе Елховке при таком владении, какое имеет предоставить ей с удельными (что прежде были казенными) крестьянами и однодворцами оного села размежеваться полюбовно для чего правил, о чем дано знать Симбирской Гражданской Палате, а от Палаты о том, как видно из отношения её Удельной Конторы от 21 июня 1843 года за № 3607, предписано Уездному Суду, в котором о том оно

и подлинное дело; вследствие чего полюбовная сказка между Уделом и прочими владельцами села Елховки составлена и в общим паном генерального межевания и книгою представлена в Департамент Уделов...[41]

Численность населения с. Покровского, Елховка тож, по 8-й ревизии (1833–1835)[42]: экономических крестьян — 117, ясачных крестьян — 345, казенных — 25, однодворцев — 107; всего — 594 души мужского пола. У них во владении было: усадебной, пашенной и сенокосной земли — 3505 десятин, лес — 272, неудобной земли — 624 десятины (по чересполосному с помещиками владению). Мирские оброчные статьи, заведенные мирскими обществами: мельница на р. Кондурче о четырех поставах (300 руб.), половина мельницы на той же реке (225 руб.). Жители занимались хлебопашеством и скотоводством. Почва оценивалась как посредственная, «хлеб родился ржаной и яровой сам третей», трава и пастбища — посредственные, от города село находилось в 80 верстах[43].

В 1835 г. на основании именного высочайшего указа, данного Правительствующему сенату 25 января 1835 г., Елховская дача поступила во владение удела[44].

Примечания

[1] *Арнольдов Н. А., Горелов Е. А.* История Елховского района в названиях и документах : краевед. справ. Кошки ; Елховка, 2010. С. 12. URL: elhov.samgd.ru›upload/files/70000...истории.pdf.

[2] Сопоставив 2-ю ревизию «новопоселенной деревни близ Кондурчи речки на речке Елховке порутчика Николая Васильева сына Зубова крестьян» 1748 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351. Л. 97–105) с метрическими книгами дер. Зубовки (Успенской) за 1748, 1749, 1754 гг. (Архив мэрии г. Тольятти. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–12 ; Д. 2. Л. 32–34 ; Д. 4. Л. 76–81), приходим к выводу, что ревизская сказка отражает дер. Зубовку (Успенское тож), а не Елховку нынешнего Елховского района. У П. И. Рычкова не упоминается Елховка (см.: *Рычков П. И.* Лексикон, или Словарь топографической Оренбургской губернии Петра Ивановича Рычкова : [рукоп.] : в 2 т. : [писарской список]. Б. м., 1776, 1777.

[3] Архив мэрии г. Тольятти. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11. Л. 16–18.

[4] ЦГАСО. Ф. 43. Оп. 6. Д. 94. Л. 268 об. Текста самого договорного письма от 16 мая 1775 г. пока найти не удалось.

[5] См.: Создание Симбирского наместничества (губернии). 1780 год. URL: http://archeo73.ru/Russian/18vek/gubernia1780/samar.htm ; Из объяснения стряпчего Самарской удельной конторы коллежского асессора Селиверста Алексеевича Терехина // ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 49.

[6] *Арнольдов Н. А., Горелов Е. А.* Указ. соч.

[7] Самар. губерн. вед. 1856. 18 февр. С. 33–34.

[8] ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 26-27об. Копия середины XIX века с документа 1776 года.

[9] Вероятно, помещик в Елховке — капитан Илья Петров сын Ульянин — был предводителем уездного дворянского собрания Курмышского уезда (упомянут в документах Приказа Казанского дворца). URL: https://forum.vgd.ru/post/758/24751/p1143354.htm?hlt=Мигунов+Сенгилеевский+уезд#pp1143354.

[10] *Арнольдов Н. А., Горелов Е. А.* Указ. соч. С. 12.

[11] Там же.

[12] ГАОО. Ф. 124. Оп. 6. Д. 2. Файл можно получить по ссылке: URL: plan_karta_samarskoy_linii_1771_b.jpg ; https://yadi.sk/i/o_Ao-XZ9dzUFH.

[13] ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 49.

[14] Там же. Ф. 43. Оп. 6. Д. 94. Л. 268 об. Текста самого договорного письма от 16 мая 1775 г. пока найти не удалось.

[15] Там же. Текста самого договорного письма от 18 октября 1775 г. пока найти не удалось.

[16] Там же.

[17] Там же. Л. 268 об. — 269.

[18] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 26–27 об. Копия середины XIX в. с документа 1776 г.

[19] См.: URL: https://forum.vgd.ru/1843/70059/100.htm. Видимо, имеется ввиду «деревня Загрядская (она же Кильна), что на речке Кильне, неподалеку от Кондурчинской крепости, основана в период между 1-й и 2-й ревизиями. Владельцы: 1748 г. — статский советник Иван Антонович Алексеев и отставной майор Иван Денисович Жуков (а); 1795 г. — капитанша Анна Семенова Ульянова (б); 1811 г. — девицы Александра Ильинична, Мария Ильинична и Екатерина Ильинична Ульяновы (в); 1816 г. — флота лейтенантша Александра Ильинична по мужу Шишмарева и девица Екатерина Ильинична Ульянова (г). По данным 2-й ревизии, заселялась из следующих населенных пунктов: 1. Казанского уезду, Ногайской дороги ясашное село Верхняя Кандала, возвращенные из бегов. 2. Казанского уезду, Ногайской дороги ясашная деревня Помряскина, возвращенные из бегов. Библиография: а) РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351. Л. 120–122 ; б) Архив Республики Башкортостан. Ф. И-138. Д. ??? Л. 195 — 198 об. ; в) ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 19. Л. 217–219 ; г) ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 40. Л. 331–346».

[20] ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 54.

[21] Там же. Л. 84 об. — 85. См.: URL: https://forum.vgd.ru/1843/70059/100.htm.

[22] См.: Там же. Л. 54 об.

[23] Создание Симбирского наместничества (губернии). 1780 год. URL: http://archeo73.ru/Russian/18vek/gubernia1780/samar.htm.

[24] ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 24–25 об. Копия середины XIX в. с документа 1782 г.

[25] Атлас 1794 г. для юношества. Пермское и Уфимское наместничества. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_1794_perm-ufa.

[26] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 14/1422. Л. 212–213.

[27] ЦГАСО. Ф. 43. Оп. 4. Д. 71. Л. 6 об. — 7.

[28] Там же. Оп. 6. Д. 94. Л. 269. Текста самого документа от 3 июля 1800 г. пока найти не удалось.

[29] Там же. Текста этого договора от 4 июля 1800 г. пока найти не удалось.

[30] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 47, 48. Лист 47 — оригинал документа. Лист 48 — копия середины XIX в. для Самарской гражданской палаты.

[31] Там же. Л. 1–1 об.

[32] Александра Ильинична Ульянина была замужем за Глебом Семеновичем Шишмаревым (1781 — 22.10(03.11).1835, Петербург). Русский мореплаватель, контр-адмирал. В 1815–1818 гг. совершил кругосветное плавание на бриге «Рюрик» под командой О. Е. Коцебу. Производил гидрографические работы в Тихом океане. В 1819–1822 гг. командовал шлюпом «Благонамеренный» в кругосветной экспедиции под начальством

М. Н. Васильева, которая пыталась найти морской путь из Берингова пролива в Атлантическом океане вдоль берегов Сибири или Америки. Именем Шишмарева названы бухта на Аляске, проход у Маршалловых островов, острова в Карском море и пик в Антарктиде (см.: URL: http://www.tverlife.ru/news/40550.html ; URL: ru.wikipedia.org›Шишмарёв, Глеб Семёнович ; URL: https://forum.vgd.ru/1843/70059/40.htm?a=stdforum_view&o=).

[33] Екатерина Ильинична Ульянина была замужем за князем Павлом Ивановичем Мансыревым (1785–1845). Капитан, военную карьеру начал в 1800 г. в лейб-гвардии Семеновском полку; 20 ноября 1802 г. произведен в прапорщики с переводом в Ново-Ингерманландский пехотный полк, где и служил вплоть до отставки (1814). Участник кампаний 1805–1806 гг. (был при Аустерлице), русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г., заграничного похода 1813–1814 гг. В сражении при Бородине «во время сильной неприятельской канонады оказал примерную храбрость и неустрашимость, при чем и ранен», награжден орденом Св. Анны 4-й степени; в сражении при Малоярославце, «будучи командирован со стрелками, храбростию своей отразил неприятельских стрелков до самой их колонны и, получив рану, не оставлял своего места, покуда не был сменен Одесского пехотного полка стрелками», за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1825–1828 гг. предводитель дворянства Спасского уезда Тамбовской губернии. Князь Павел Иванович Мансырев имел детей: Сергея (1819 — ?), Николая (1820 — ?), Марию (1822 — ?), Елизавету (1823 — ?) и Александру (1827–1896; по мужу княгиня Кильдишева, владелица с. Данилово Елатомского уезда). См.: URL: https://forum.vgd.ru/1843/70059/20.htm?a=stdforum_view&o= ; URL: http://elatma2008.narod.ru/E05.htm.

[34] См.: ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 54 об. Мария Ильинична Ульянина была замужем за подполковником Поповым (см.: URL: https://forum.vgd.ru/1843/70059/140.htm?a=stdforum_view&o=).

[35] ЦГАСО. Ф. 43. Оп. 4. Д. 71. Л. 74 об. — 75.

[36] Там же. Л. 75 об. — 76.

[37] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 52 — 53 об. Копия начала XIX в.

[38] Там же. Ф. 43. Оп. 4. Д. 71. Л. 73 об. — 74.

[39] Там же. Л. 72 об. — 73.

[40] Капитанша княгиня Екатерина Ильина Мансырева (Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 67 об. ; Ф. 170. Оп. 6. Д. 19. Л. 224–232).

[41] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 49 — 49 об.

[42] Там же. Л. 92 об. — 93 ; Ф. 43. Оп. 6. Д. 94. Л. 288.

[43] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 44. Л. 92 об. — 93.

[44] Там же. Л. 73 об.

Е. Ю. Кожевникова

Личные и семейные истории в истории Урала. В стихии градостроительства

> Суть нашей работы — сберечь дух времени, бережно предать его следующим поколениям. Именно в гармоничном сплаве старого и современного — ценность нашего города.
>
> *В. И. Соломеин*

Каждая эпоха имеет свои особенности, характерные черты. Любой период времени отмечен событиями, влияющими на процессы в социальном пространстве и на судьбы людей. Ход истории отражается во многом: в науке, в литературных произведениях, в монументальном и градостроительном искусстве.

Профессиональная деятельность каждого человека так или иначе оставляет след в истории: в истории отдельного учреждения, предприятия, города. А труд немногих остается навсегда в истории родного края, в истории страны.

Нижнетагильский городской исторический архив каждый год комплектуется интереснейшими документами личного происхождения, представляющими научный интерес и ценность. Каждый личный архивный фонд уникален. В 2018 г. в архив поступили документы семейной пары, двух талантливых инженеров-строителей, чья деятельность тесно связана не только с историей Нижнего Тагила, но и с другими городами Свердловской области. Был создан семейный фонд супругов Валентина Ивановича и Жанны Ивановны Соломеиных. Богатый комплекс документов, включенных в семейный фонд, — отражение истории семьи в истории Урала.

Волей судьбы они оба оказались студентами строительного факультета Уральского политехнического института им. С. М. Кирова (специальность «городское строительство и хозяйство»). И не могли себе представить, что рука об руку, много лет двигаясь в одном направлении, станут авторами проектов, зримо отразивших эпоху в жилых комплексах, микрорайонах, зданиях и благоустройстве городов Свердловской области.

По окончании института Валентин Иванович Соломеин по распределению был направлен в Хабаровск, в Управление главного архитектора, на должность инженера производственной группы. В марте 1962 г. переведен в строительное управление треста «Хабаровскжилстрой», где работал на разных должностях: мастер строительного участка, монтажник, мастер на участке крупнопанельного домостроения.

Жанна Ивановна Соломеина начала трудовую деятельность в проектно-конструкторской конторе «Главвладивостокстрой» в должности инженера. С 1961 по 1962 гг. работала инженером в производственной группе в Управлении главного архитектора Хабаровска. Затем до 1963 г. была старшим научным сотрудником в секторе

градостроительства Дальневосточного научно-исследовательского института по строительству.

В 1963 г. по приглашению Шалвы Михайловича Челидзе, начальника Нижнетагильского отделения проектного института «Свердловскоблпроект», супруги Соломеины переехали в Нижний Тагил. Генеральными подрядными организациями отдела капитального строительства (ОКС) Нижнетагильского городского исполнительного комитета являлись четыре треста: № 88, Тагилстрой, Свердловсксовхозстрой, Свердловскоблстрой. Но именно Свердловскоблстрой был основным институтом по проектированию объектов ОКСа Нижнетагильского горисполкома[1]. Здесь Валентин Иванович был назначен старшим инженером в архитектурном секторе. В декабре 1964 г. переведен на должность главного архитектора проектов, затем стал руководителем, позже — начальником архитектурно-планировочной мастерской № 2. Жанна Ивановна проработала здесь 26 лет на разных должностях: старший архитектор, руководитель группы, руководитель бригады[2].

Начало их профессиональной деятельности пришлось на шестидесятые годы — время радикальных перемен, новых, открытий и технологий, которые продолжали развиваться и в 1970–1990-е гг. В этот период в Нижнем Тагиле, как и во всей стране, решались задачи повышения экономического уровня, развития культурного и жилищно-гражданского строительства.

А для начинающих архитекторов это был способ реализоваться, повысить свой профессиональный уровень и воплотить архитектурные замыслы.

В мемуарах «Про свою жизнь» Валентин Иванович пишет: «Чем хорош институт в сравнительно небольшом городе? Тем, что тебе в работу сразу дают большие проекты. Мне посчастливилось работать над большими серьезными проектами. В различном качестве — или автора, или руководителя проекта»[3]. И действительно, большие, серьезные проекты и планы были намечены к реализации в области строительства и благоустройства в Нижнем Тагиле. На заседании 7-й сессии 9-го созыва Нижнетагильского городского Совета депутатов трудящихся 29 сентября 1964 г. обсуждался вопрос об окончании застройки и благоустройства центральной части города[4]. На совещании актива партийных, советских и хозяйственных руководителей Нижнего Тагила по рассмотрению откорректированного плана застройки города слушали автора проекта генплана П. П. Джишкариани. Приняли решение: одобрить проект планировки, разработанный институтом «Гипрогор» и откорректированный в соответствии и с решением Госстроя РСФСР от 29 сентября 1965 г. № 35 и Госплана РСФСР от 23 июня 1965 г. № 15-102; просить Свердловский облисполком согласовать «Основные положения генерального плана города Нижний Тагил»[5]. Основные положения генерального плана были утверждены Постановлением Совета министров РСФСР от 24 мая 1967 г. № 361. Предусматривалось, что размещение объектов нового жилищного и культурно-бытового строительства (первая очередь) будет осуществляться на площадках Гальяно-Горбуновского массива (ГГМ) и района Новые Ключики. В центральной части города и в Дзержинском районе будут завершаться этапы строительства и благоустройства. Также генеральным планом

предусматривалась застройка города пятиэтажными жилыми домами, а на отдельных, наиболее важных в градостроительном отношении участках — домами повышенной этажности[6].

Так сложилось, что Дзержинский район Нижнего Тагила стал основным объектом Валентина Ивановича. И первая серьезная работа, которая была ему поручена, — планировка и застройка предзаводской зоны Уралвагонзвода (УВЗ): «Мне было немного не по себе — неужели все будет построено так, как я “нарисую”? Это очень непростая задача. Предзаводская зона — это граница между жильем и промышленностью, своеобразный буфер между заводом и жилой зоной. Когда человек идет на работу, он должен получить производственный настрой, а когда идет с работы домой, он должен получить начало релаксации. Так, в проекте было много чисто функциональных вещей, приводящих в порядок пространство между заводом и жильем, устройством красивой и капитальной заводской ограды вместо деревянного косого забора. Кроме того, было предусмотрено сооружение ряда объектов культурно-бытового обслуживания, объектов торговли и т. п.».

В. И. Соломеин как автор проекта выступил с докладом на заседании Градостроительного совета, на котором присутствовали руководители города, представители санэпидстанции, пожарного надзора и директор Уралвагонзавода Иван Васильевич Окунев. Несмотря на критику в адрес руководства завода за отсутствие должного внимания к проблемам предзаводской зоны, И. В. Окунев признал замечания автора правильными и поддержал его. Проект был рассмотрен и одобрен Градостроительным советом.

Список объектов в районе Вагонка, спроектированных В. И. Соломеиным или с его участием, большой: жилой район и городская больница № 1 на Пихтовых горах, родильный дом на пр. Вагоностроителей, психиатрическая и туберкулезная больницы, районный суд, автомобильные дороги и трамвайные пути.

Но и в центральной части города расположены здания и сооружения, построенные по проектам Валентина Ивановича. Первый объект в центре города — Нижнетагильское медицинское училище. В. И. Соломеин был назначен руководителем группы, на него возложили обязанности по осуществлению авторского надзора за строительством. Валентин Иванович считал, что это ответственная и интересная обязанность проектировщика — поддерживать связь со стройкой, с прорабами и мастерами, решать возникающие при строительстве вопросы и проблемы. Система централизованного планирования, существовавшая в то время в СССР, отдавала приоритет строительству детских учреждений (сады, школы) и жилых домов, а не общественных зданий, к которым относилось училище. Для того чтобы проект прошел все стадии рассмотрения и был одобрен, а затем утвержден, в технической документации объект обозначили как «Школа в квартале № 13». За основу был взят типовой проект № 2С-02-7 общеобразовательной школы, куда внесли все необходимые планировочные изменения[7]. И несмотря на чрезмерную централизацию в стране, город все же получил прекрасное здание с отличными условиями для профессиональной подготовки среднего медицинского персонала.

1970-е годы были отмечены масштабным строительством социальных и культурных объектов. Во многих городах активно возводились кинотеатры, дворцы культуры, цирки. Всего в стране в то время велось строительство двадцати цирков. Нижний Тагил не стал исключением. Цирк проектировался и строился по заказу Всесоюзного объединения «Союзгосцирк». Авторы привязки типового проекта: архитекторы В. И. Солтыс, А. И. Обухов, В. И. Соломеин, конструктор П. А. Барышев. За успешное выполнение работы по строительству этого уникального объекта начальник архитектурно-планировочной мастерской Нижнетагильского отделения Свердловскгражданпроекта В. И. Соломеин был отмечен Почетной грамотой Министерства культуры СССР.

Было много и других работ, в которых В. И. Соломеин принимал участие: оформление привокзальной площади, строительство музыкального училища, учебного корпуса строительного техникума, филиала политехнического института, широкоформатного кинотеатра «Современник», объектов Музея горнозаводского дела, торговых центров, коммунальных учреждений, крематория и многого другого.

Если Дзержинский район по долгу службы стал «родным» Валентину Ивановичу, то разработка проектов и планов застройки южного участка ГГМ, расположенного между так называемой «старой» Гальянкой и пос. Горбуново, досталась Жанне Ивановне. Это был экологически чистый и комфортный район для проживания тагильчан.

Необходимо отметить, что проект детальной планировки ГГМ был подготовлен Жанной Ивановной еще в 1966 г. А в 1969 г. были внесены корректировки и оформлены проекты застроек отдельных микрорайонов ГГМ в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 мая 1969 г. № 392 «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства». Оно обязывало придерживаться рациональной и экономически обоснованной структуры строительства по типам жилых домов, их этажности и конструкциям. Осуществлять застройку городов и жилых массивов было необходимо в комплексе со всеми необходимыми культурно-бытовыми объектами, в строгом соответствии с генеральными планами, проектами детальной планировки и застройки[8].

В списке авторских работ Жанны Ивановны Соломеиной, составленном в середине 1990-х гг. председателем Нижнетагильской городской организации Союза архитекторов РФ А. В. Грядовым, значатся 54 проекта, бóльшая часть которых была успешно реализована. Это проекты застройки микрорайонов ГГМ № 1–5, Театрального бульвара, набережной Тагильского пруда, спорткомплексов в пойме р. Тагил в Выйской части города и Дзержинском районе. Ж. И. Соломеина разработала также три программы развития жилищного, культурно-бытового и коммунального строительства (1979, 1985, 1989)[9].

В семейном фонде Соломеиных хранится научно-техническая документация: схемы и эскизы планировки районов, ситуационные планы пересечения проспектов, проекты благоустройства жилых секторов. В каждом архитектурном решении прослеживается реалистичный, эстетический и практичный подход. В работах Валентина Ивановича и Жанны Ивановны четко видно понимание архитекторами градо-

строительных задач, вопросов размещения инженерного оборудования, технологии современного строительного производства. Для них характерны тщательная проработка планировочных моментов и увязка их с вопросами инженерной подготовки, создание комфортных микроклиматических условий, транспортного и пешеходного движения, культурно-бытового обслуживания жителей в жилых районах города.

В 1979 г. Жанна Ивановна и Валентин Иванович подготовили авторские альбомы архитектурных работ в качестве приложения к рекомендациям для вступления в Союз архитекторов СССР. В них включены фотографии объектов застройки Нижнего Тагила, Качканара, Невьянска, Кировграда. В 1980 г. эти альбомы, а также рекомендации таких известных членов Союза архитекторов СССР, как Дмитрий Сергеевич Попов, Зоя Гавриловна Путилова, Владимир Иванович Солтыс, послужили основанием для принятия супругов Соломеиных в члены Союза архитекторов СССР. Опытные инженеры-строители, профессионалы в своем деле, они были востребованы не только в Нижнем Тагиле. Параллельно они занимались проектированием объектов в других городах Свердловской области.

Валентин Иванович выполнял проектные и планировочные работы по следующим объектам: в Качканаре — застройка микрорайонов № 7–10 и ул. Свердлова (три 12-этажных жилых дома, здание городского комитета КПСС и горисполкома); в Кушве — застройка жилых микрорайонов № 1, 3 и здание горисполкома; в Кировграде — застройка жилых микрорайонов № 1, 2, Дворец пионеров, Дом быта и хирургический корпус городской больницы; в Невьянске — родильный дом; в Верхней Пышме — жилая застройка по ул. Орджоникидзе, мечеть и реконструкция кинотеатра; в Екатеринбурге — комплекс складов, производственное здание научно-производственного объединения «САУТ» и реконструкция базы «Звезда»; в Среднеуральске — православный храм, торгово-складской комплекс. Жанна Ивановна также получала заказы на проекты детальной планировки и застройки жилых микрорайонов, центральных площадей, спортивных комплексов и стадионов в Невьянске, Асбесте, Кушве, Качканаре, пос. Баранча.

В 1989 г. наступил новый этап в жизни Соломеиных. Единогласным решением общего собрания Нижнетагильской организации Союза архитекторов СССР Валентин Иванович был рекомендован на должность директора новой творческой архитектурно-проектной мастерской «Тагилархпроект», которую возглавлял до июня 2011 г.[10] Жанна Ивановна полностью поддержала супруга и тоже перешла в эту же мастерскую на должность главного инженера проектов. И снова они вместе, делая одно дело и двигаясь к одной цели.

Здесь они получали заказы на не менее интересные работы: проекты реставрации исторических и архитектурных памятников, реконструкции промышленных объектов, благоустройства территорий. Много было инициативных работ, часть из которых осталась нереализованной. Но о каждой супруги вспоминают с трепетом и любовью. Например, очень интересной авторской работой В. И. Соломеина является схема организации автомобильного, трамвайного и пешеходного движения в районе Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал», где предполагался тоннель, который полностью исключал дви-

жение транспорта возле исторического комплекса[11]. Также заслуживает внимания проект организации пешеходного движения трудящихся Нижнетагильского металлургического комбината, согласно которому из центра города и с автовокзала трудящиеся могли по закрытым галереям за 15–20 минут дойти до своих рабочих мест. Проект был одобрен, проведены топографические изыскания. Но в связи с наступившим кризисом в экономике работы были остановлены, договор расторгнут[12]. В творческой копилке Соломеиных инициативные предложения по совершенствованию транспортной сети города, проект инженерно-лабораторного корпуса коксохимического производства, вычислительно-управляющего центра на ул. Первомайской и многое другое.

Коллектив архитектурно-планировочной мастерской «Тагилархпроект» под руководством В. И. Соломеина активно участвовал в реализации различных проектов, в конкурсах. В 1995 г. из Брюсселя пришло приглашение на участие в международном конкурсе «Европейский приз за реконструкцию города». Специалисты мастерской охотно согласились, понимая, что Нижний Тагил вполне заслуживает темы реконструкции, особенно центральная его часть. Архитекторами проекта выступили Н. Д. Солодова, Е. В. Стеканова, А. В. Янгиров, руководитель проекта — В. И. Соломеин[13]. Призового места по итогам конкурса мастерская не получила, но участие в нем было смелым решением и интересным опытом. Все участники были отмечены благодарственными письмами. А вот в городском творческом конкурсе по модернизации фонтана в Театральном сквере Нижнего Тагила архитектурно-планировочная мастерская «Тагилархпроект» заняла первое место. Кроме богатого архитектурного оформления комплекса с озеленением и освещением проект предусматривал создание инновационных функциональных пешеходных связей, в том числе и для людей с ограниченными физическими возможностями.

В 2011 г. Валентин Иванович сложил с себя полномочия руководителя коллектива и продолжил работу в этой же мастерской в должности главного архитектора, затем был архитектором проектов до февраля 2018 г.

За время работы в проектных организациях Валентин Иванович и Жанна Ивановна выполнили лично или в составе коллективов проекты застроек микрорайонов, жилых и коммунальных зон, общественных зданий, больничных комплексов, храмов, а также проекты индивидуальных жилых домов. Ж. И. Соломеиной неоднократно присваивалось звание «Лучший проектировщик года», ее имя заносилось в Книгу почета и на Доску почета Нижнетагильского отделения проектного института «Свердловскгражданпроект». За высокие производственные показатели и большой вклад в развитие строительного комплекса Свердловской области Ж. И. Соломеина отмечена многочисленными Почетными грамотами и благодарностями.

Валентин Иванович активно участвовал в работе групп авторского надзора за строительством крупных объектов, государственной комиссии по приемке жилых и общественных зданий в эксплуатацию. За многолетний добросовестный труд, активное участие в благоустройстве города и достигнутые производственные успехи неоднократ-

но заносился на Доску почета. Имеет нагрудный знак ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных и залежных земель», малый серебряный знак Законодательного Собрания Свердловской области «За большой вклад в социально-экономическое развитие Свердловской области» (2014), почетный знак Российского союза строителей «Строительная слава» (2015).

Многолетний творческий труд инженеров-градостроителей Валентина и Жанны Соломеиных неразрывно связан с архитектурой, с проблемами градостроительства в застройке Нижнего Тагила и других городов Свердловской области. Об этом свидетельствует большой перечень их авторских работ. В каждом районе города есть объекты, построенные по проектам Валентина Ивановича и Жанны Ивановны Соломеиных. Это жилые дома, детские сады, школы, роддома, больницы, православные храмы, парки, Дворец пионеров и многие другие сооружения, которые, без преувеличения, украшают наш город и являются его достопримечательностями.

Любой результат — это результат. Будь то отдельный проект, который не удалось воплотить в жизнь, проект, осуществленный частично, или, что особенно приятно, фотография с натуры рядом с чертежом, эскизом, макетом, подтверждающая реализацию замыслов и идей.

Богатый опыт и практика позволяли супругам Соломеиным решать сложные градостроительные задачи. В настоящее время жители Нижнего Тагила и гости города наблюдают плоды их деятельности — общественные здания, учреждения культуры, здравоохранения, образования, комфортные жилые районы с мощной социальной инфраструктурой. Все это в целом создает нынешний облик нашего города.

Примечания

[11] НТГИА Ф. 511. Оп. 1. Д. 2. Л. 94, 99.
[2] Там же. Ф. 731. Оп. 2. Д. 11.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 23. С. 101.
[4] Там же. Ф. 70. Оп. 2. Д. 920. Л. 159.
[5] Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 131. Л. 2–5.
[6] Там же. Ф. 467. Оп. 1. Д. 56. Л. 46–49.
[7] Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 146. Л. 104.
[8] Там же. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1063. Л. 1–3.
[9] Там же. Ф. 731. Оп. 2. Д. 20. Л. 2–4.
[10] Там же. Оп. 1. Д. 40.
[11] Там же. Оп. 6. Д. 14.
[12] Там же. Д. 15.
[13] Там же. Оп. 1. Д. 50.

А. А. Назаров

История формирования городского населения Урала на примере отдельной семьи

История моей семьи тесно связана с Уралом, даже притом что многие мои предки приехали сюда из других частей России и СССР. В своей работе я бы хотел рассмотреть их миграцию на Урал и последующую деятельность в рамках происходящих исторических событий.

Цель работы — установление взаимосвязей между деятельностью моих предков и глобальными историческими событиями. Задачи: 1) поиск генеалогической информации; 2) выявление причин тех или иных событий, связанных с моими предками, исходя из глобального исторического процесса.

Не все мои предки мигрировали на Урал в течение последних ста лет. О проживании некоторых на Урале известно еще с XVIII в. В переписной книге Соликамского уезда 1711 г. зафиксированы Шалимовы, проживавшие в Лысьвенском починке (нынешняя Зюкайка) и Зукае (ныне дер. Зюкай Карагайского района). Предположительно, в связи с нехваткой земель и повышением налогов и повинностей в пользу государства (вводится подушная подать, которая была больше подворной) мои предки ушли на запад, на свободные земли, где основали дер. Гаревку.

В результате губернской реформы Екатерины II был образован Оханский уезд, в связи с чем в 1782 г. была произведена перепись неучтенных деревень, куда вошли Гаревка, с. Вознесенское, дер. Горынцы, Рускино, Федосята и Ганичи, также основанные крестьянами в XVIII в. и находящиеся невдалеке от Гаревки. Примечательна также разнородность населения в плане вероисповедования. Например, в отличие от остальных деревень, в Ганичах жили старообрядцы. На 1782 г. в Гаревке проживали сыновья Фотия Шалимова: Иван, Сергей, Андрей и Константин[1]. То есть, по-видимому, второе и третье поколения семьи.

Шалимовы вплоть до 1967 г. продолжали постоянно жить в Гаревке. Их судьба зависела от происходящих вокруг событий. Поскольку они были зажиточными крестьянами, в 1930-е гг. их раскулачили. Моего трижды прадеда Митрофана Шалимова выслали на Коноваловские пашни (сейчас микрорайон Садовый г. Перми). В 1937 г. он был репрессирован во второй раз и 13 июля 1939 г. умер, находясь под следствием. Его зять и мой прапрадед Андрей Михайлович Лыков тоже был арестован 25 октября 1937 г. за вредительство и антисоветскую агитацию (по семейной легенде — за то, что уехал из деревни во время сенокоса, так как еще 13 марта 1937 г. вышел закон, запрещающий нахождение крестьян вне колхоза без справки из сельсовета). Расстрелян 13 ноября 1937 г.

Великая Отечественная война не обошла моих предков стороной. Сын Андрея Михайловича, мой прадед, Алексей Андреевич Лыков, 1925 г. р., был призван на фронт в августе 1943 г., участвовал в Полтавско-Кременчугской операции, однако в первом же для него

бою под Полтавой 9 сентября получил ранение в ногу. Поэтому был демобилизован, впоследствии работал в Верещагинской МТС трактористом.

Его семью затронуло ограничение личного подворья, проводимое Н. С. Хрущевым. Огород был уменьшен до 30 соток. В связи с аграрной политикой Хрущева начался массовый переток крестьян в города за лучшей жизнью[2]. В этом процессе приняла участие моя бабушка Елена Алексеевна Назарова (Лыкова), которая в 1967 г. переехала в Пермь. Сегодня дом в Гаревке является дачей нашей семьи.

Однако основная часть моих предков переселилась на Средний Урал уже в советское время.

Мой прадед Иван Федорович Назаров был оренбургским казаком, воевал в Первую мировую войну, где его произвели в офицеры. Он приехал в Пермь в 1920–1921 гг., что, вероятнее всего, было связано с голодом в Оренбуржье, который являлся следствием продразверстки, когда изымалось даже то зерно, которое должно было пойти на семена. В некоторых районах доходило до людоедства[3]. В Перми он работал сначала конюхом на «Биомеде», затем инспектором кавалерии Пермского (Молотовского) военкомата. Выезжал на учения в 1928 г. в Оренбург. Зимой 1943/44 гг. Иван Федорович в связи с введением должности командующего кавалерией РККА и необходимостью пополнения войск лошадьми как инспектор кавалерии выехал на недавно освобожденную от войск вермахта Кубань. Там он отморозил ногу, что привело к ее ампутации. Умер в 1945 г. Семья Ивана Федоровича осталась в Перми.

Еще одной причиной миграций моих предков на Урал было назначение на должность. Так, мой прапрадед Александр Семенович Иванов был в 1930 г. назначен НКПС в Свердловск заместителем начальника Пермской железной дороги, поскольку из-за начала индустриализации к организации путей сообщения в промышленных районах привлекались лучшие специалисты, лояльные к советской власти. В их числе и был Александр Семенович.

До революции он окончил Петербургский институт путей сообщения, служил на Армавирско-Туапсинском участке Северо-Кавказской железной дороги начальником партии, затем на Беломорско-Балтийском направлении, а с 1912 г. был начальником участка службы пути на Екатерининской железной дороге[4]. Судя по обращениям к нему в письмах, хранящихся в домашнем архиве («ваше высокородие»), имел чин действительного статского советника. Революцию встретил начальником службы пути Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. Был в Курске, потом в Киеве. В 1920 г. начальник службы пути Левобережной Украины. В 1921 г. инспектор технического управления НКПС. Занимал высокие посты на южных железных дорогах (Оренбург и Средняя Азия), куда отпросился у Ф. Э. Дзержинского из-за начинающего развиваться туберкулеза. Л. Б. Каменев поднимал вопрос о награждении Александра Семеновича орденом Трудового Красного Знамени[5].

С 1924 г. А. С. Иванов по личному распоряжению Ф. Э. Дзержинского работал в Воронеже, откуда и был переведен в Свердловск. Однако еще до его назначения НКПС положением о Народном

комиссариате по военным и морским делам от 30 января 1929 г. обязывался к налаживанию сообщения РККА, в связи с чем была проведена ревизия подвижного состава, в том числе и ЮВЖД, где обнаружилось, что 30 % паровозов находятся в очень плохом состоянии. К уголовной ответственности за вредительство был привлечен начальник службы движения В. В. Шухов, чьим протеже был Александр Семенович.

Во время работы Александра Семеновича в Свердловске правила обслуживания железных дорог стали ужесточаться. Так, в июне 1933 г. был утвержден «Устав о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта СССР», на законодательном уровне разрешалось доносить подчиненным на начальство, а также предусматривался переход дисциплинарной ответственности в уголовную. В связи с чем по показаниям подчиненного в декабре 1933 г. Александр Семенович был осужден за вредительство и контрреволюционную деятельность и приговорен к высшей мере наказание с заменой на десять лет заключения в ИТЛ[6]. 2 декабря 1936 г., спустя три года пребывания в Ухтинско-Печорском лагере на разведке и добыче нефти, асфальтита и радия, А. С. Иванов скончался от инсульта. Но несмотря на гибель мужа и отца, его семья осталась жить на Урале.

Следующей причиной переселения на Средний Урал моих предков является желание получить хорошее образование. Мой дед, Али Мухамедович Азизов, приехал в Пермь в 1973 г. из-за того, что здесь училась моя бабушка. Он поступил в Пермский политехнический институт, так как в Баку, откуда он приехал, поступить было гораздо сложнее.

В 1956 г., когда было введено бесплатное образование, количество мест в вузах было рассчитано на число поступающих, но из-за огромных человеческих потерь в Великой Отечественной войне и поступающих, и мест для них было немного. Однако из-за послевоенного «бэби-бума» в конце 1960-х — начале 1970-х гг. количество поступающих выросло, а количество мест в вузах увеличивалось не так быстро. Конкурс был три-пять человек на место. Азербайджанская молодежь поступала в основном в бакинские вузы. Причем хорошо подготовиться к экзаменам могли либо дети интеллигенции, которым помогали родители, либо дети тех, кто мог нанять репетиторов[7]. А Али Мухамедович вырос в бедной семье. Мать его была медсестрой, отец — плотником. Поэтому Али Мухамедович поступил не в бакинский вуз, а в Пермский политехнический институт, куда конкурс был гораздо меньше. Впоследствии он так и остался на Урале.

Таким образом, к основным причинам переселения моих предков на Урал можно отнести социально-экономические (голод 1920–1921 гг., индустриализация) и социально-культурные (желание получить высшее образование). При этом часть моих предков проживала в Предуралье как минимум с начала XVIII в. Мне представляется, что именно такой синтез «старожилов» и людей, приехавших на Урал из-за различных политических, экономических и социальных причин в течение советского и постсоветского периодов, служит основой для формирования современного городского населения Урала.

Примечания

[1] *Шумилов Е. Н.* Населенные пункты Пермского края : крат. ист. справ. Изд. 2-е, испр. и доп. Пермь, 2012.

[2] *Конышев Д. Н.* Аграрные реформы периода оттепели 1953–1964 гг.: к постановке вопроса // Власть. 2020. № 2.

[3] *Кобзов В. С.* Уральская Варна: к 150-летию основания казачьей станицы. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1992. С. 69.

[4] *Бродская Г. Ю.* Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишневосадская эпопея : в 2 т. Т. 2: 1902–1950-е. М., 2000. С. 415–431.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Логвинович Г. В.* Развитие и кризисные черты в системе высшего образования СССР в 1970–1980-х годах // Вестн. Томс. гос. пед. ун-та. 2018. № 3.

И. В. Неповинных

Воспоминания Владимира Федоровича Вострotина

Мой отец Владимир Федорович Вострotин родился в Самаре 10 мая 1917 г., в переломный момент истории страны — между двумя революциями. Как и почему его семья оказалась в Самаре, мне неизвестно, ведь его отец и мать были родом из Каслей и большую часть жизни прожили там. Вероятно, семья была вынуждена искать лучшие условия для жизни, поскольку, как известно, в начале XX в. Каслинский и Кыштымские заводы переживали серьезный экономический кризис, что не могло не сказаться на жизни рабочих. Вскоре после октябрьского переворота и Гражданской войны семья вернулась в Касли. В 1934 г. умерла мать Владимира, его отец женился во второй раз. Отношения в семье не заладились, и Владимир с младшим братом Аркадием переехали в Кыштым, где стали работать на механическом заводе. В годы Великой Отечественной войны Владимир Федорович участвовал в боях, был тяжело ранен. После войны женился на Нине Дмитриевне Трифоновой. В браке родились трое детей: Инна, Алевтина и Юрий. В Кыштыме семья проживала до 1963 г., потом переехала в Челябинск. Умер Владимир Федорович Вострotин 20 сентября 1989 г. Свои воспоминания он написал в 1987 г. по просьбе внуков, которые спрашивали его о жизни, о войне.

> Родился я в 1917 г. в Самаре. Мой отец, Федор Петрович, родом из Каслей, в то время был участником революции и служил в частях ЧОН г. Самары (это была чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией).
>
> После окончания Гражданской войны моего отца назначили военным комиссаром в Каслях, и поэтому там прошло мое детство. Окончил семь классов в 1933 г. Это были годы тяжелой жизни, в то время шло восстановление народного хозяйства после разрухи, нанесенной Гражданской войной. Дети в то время старались всячески помогать взрослым в их работе. Собирали

на полях колоски, работали на прополке огородов, собирали взрослых на собрания (в то время проходила коллективизация), ходили на субботники по заготовке леса. Хотя мы были еще маленькими, заготавливали и пилили лес для строек ЧГРЭС и тракторного завода, собирали сучки, таскали их в кучи. А питание у нас, прямо скажем, было плохое, да и носить было нечего. Помню, я ходил в отцовской буденновке, холщовых брюках и старых отцовских валенках.

В то время нужно было поднимать индустрию, ведь страна была аграрной, начали строить фабрики и заводы, строить тракторы, выпускать станки, строить электростанции. Это были годы 1-й пятилетки, появилась новая техника, а ей нужно управлять. Был такой лозунг: «Техника без людей, овладевших техникой, мертва, а техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна делать чудеса».

Я поступил в школу ФЗУ (фабрично-заводское ученичество), учился в группе станочников. Мы должны были не только знать все имеющиеся в то время станки, но и с успехом на них работать. Учиться тоже было нелегко. Ходили на комсомольские субботники, участвовали в художественной самодеятельности. Как сейчас помню, у нас была создана агитбригада. Вот примерно с чем мы выступали со сцены:

Одежда, уголь, соль и спички —
Все нужно нам, растет страна.
И дружно в общей перекличке,
Заводы просят чугуна!
Эй, металлисты! Больше стали!
Эй, горняки! Даёшь руду!
А те, которые отстали,
Идут у нас на поводу!

Нелегкие это были годы. Окончил я школу ФЗУ в 1935 г. по специальности «фрезеровщик». Роста был я небольшого, и для того чтобы работать на станке, приходилось подставлять под ноги ящик или еще какие-то мостки. Тогда я был еще несовершеннолетним.

После того как мне исполнилось 18 лет, я переехал в г. Кыштым, поступил работать на Кыштымский механический завод (позднее машиностроительный завод им. Калинина), где работал вначале фрезеровщиком, а затем плановиком цеха, где проработал до октября 1938 г., то есть до призыва в Красную Армию. В это время в Германии начал оформляться фашизм, пришел к власти Гитлер, и мы чувствовали, что надвигаются черные дни для нашей страны. После работы на заводе, то есть после смены, шли в тир, сдавали на значок «Ворошиловский стрелок», учились метко стрелять, занимались строевой подготовкой. Помню, у нас на весь город был один планер, и мы учились управлять им. Учились и готовились к противохимической обороне, сдавали на значок «Готов к ПВХО». Девушки

готовились быть сестрами милосердия, сдавали на значок «Готов к ГСО» («Готов к санитарной обороне»). Так что значки у нас были не покупные, а заработанные своим трудом. Помню, на значок «ГТО» II ступени мне пришлось сдавать очень трудно — десять потов сошло, пока я на него сдал.

Также занимались в клубе художественной самодеятельности, ставили постановки.

Как-то ставили мы пьесу «Бронепоезд "Князь Мстислав Удалой"». Это было название бронепоезда, который красногвардейцы отобрали у беляков. Мне досталась отрицательная роль сына кулака, который агитировал против революции. Так вот, когда комиссар этого бронепоезда Кацман говорит: «Кончим воевать, хорошо жить будем, построим большие дома, построим паровозы величиной с дом, дети наши будут гулять в цветущих садах», мне же, как сыну кулака, приходилось все отрицать. По пьесе этот отрицательный герой был расстрелян.

В то время еще не было стадионов, и мы расчищали площадки и играли в волейбол, зимой делали каток на озере и катались на коньках, на лыжах ходили в лесу.

8 октября 1938 г. я пошел в военкомат на комиссию. Меня призвали в Красную Армию. Я был зачислен в 9-й Новосибирский кавалерийский оперативный полк НКВД, где меня сразу зачислили в полковую школу учиться на младшего командира пулеметного отделения станковых пулеметов «Максим», где я проходил службу до августа 1939 г.

В это время японцы напали в районе реки Халхин-Гол на Монгольскую Народную Республику. Нас всем полком погрузили в вагоны вместе с конями и боевой техникой и направили в район боевых действий. Доехали мы до станции Даурия, где нас расформировали по пограничным заставам 54-го пограничного отряда, где мы несли службу по охране государственной границы. Это была очень тяжелая служба, но ответственная и почетная. Там, на участке, отвечаешь за свой порученный пост, находишься и днем и ночью лицом к лицу с врагом, в любую погоду приходится быть начеку. Прошло много лет, а я и сейчас помню: бывало, чуть задремлешь на посту — сразу вздрагиваешь и начинаешь про себя мурлыкать какую-нибудь песню. Помню, меня устраивала вот эта:

Присядь-ка рядом, что-то мне не спится,
Письмо я другу нынче написал,
Письмо в Москву, в далекую столицу,
Которой я не разу не видал.
Пусть гром гремит, пускай погода злится,
И пусть вступает сон в свои права,
Но я не сплю в дозоре, на границе,
Чтоб крепким сном спала моя страна.

На Халхин-Голе, на границе, мы в составе наряда с ефрейтором Маматовым задержали нарушителя, который переплыл реку

Аргунь во время нашего несения службы на границе. А было так. Мы несли службу ночью летом, и вот перед утром из тумана на середине реки Маматов заметил плывущий в нашу сторону предмет. Мы думали вначале — плывет бревно, притаились и следили. Потом смотрим, когда было уже близко, на бревне держится что-то живое. Мы переползли туда примерно, где должен предмет причалить к берегу, и видим — человек. Задержали, он был вооружен ножом, мы его доставили на заставу.

В конце 1939 г. началась война на финской границе с Финляндией.

Нас с застав собрали, в том числе и меня, сформировали 6-й пограничный полк, где я был командиром пулеметного отделения. Помню последний бой. Финны беспрерывно контратаковали наш батальон, пытались захватить нашу высоту, где мы закрепились. Усилили минометный огонь. И вот рядом разорвалась мина, убило пулеметчиков, 1-й и 2-й номера. Я лег за станковый пулемет, но не успел сделать и очереди, как разорвалась мина, пулемет повредило, а меня ранило. Это было 3 марта 1939 г., а 12 марта 1940 г. кончилась война, финны запросили мира.

После этого я лечился в госпитале. Затем был направлен снова на заставу, в свой родной 54-й погранотряд, где обучал красноармейцев военному делу и нес пограничную службу, был старшиной погранзаставы.

22 июня 1941 г. началась Отечественная война с фашистской Германией. У нас на границе было относительно спокойно. Я по своему соображению не мог находиться там, где было спокойно, и считал, что мое место там, где льется кровь, где рушатся наши города. Я подавал рапорт за рапортом, чтобы меня направили в действующую армию, но получал отказ. И не только один я был таков. И вот, в конце 1942 г. я был направлен в действующую армию, вначале на 1-й Прибалтийский, а затем вся 39-я армия была переведена на 3-й Белорусский фронт, где я участвовал в 19-й гвардейской дивизии командиром пулеметного взвода, где за хорошее руководство мне было присвоено звание гвардии младшего лейтенанта.

Осенью 1943 г. наш 3-й Белорусский фронт наступал в направлении г. Витебска. В этом районе леса и непроходимые болота. Противник в районе Усвяты — Велиж, под деревней Липинки, окружил нашу дивизию, мы оказались в «мешке». Разрыв между флангами оставался не более 5 километров. Попытки наших подразделений расширить разрыв между флангами не давал положительных результатов. В этом месте противник сосредоточил большое число огневой техники, кроме того, нам не было покоя с воздуха ни днем, ни ночью. Расположение же огневых средств и численность противника для нашего командования были неизвестны. Нужна была хорошая глубокорейдовая разведка, однако разведчики приходили ни с чем или просто не возвращались, уничтоженные противником. По всем признакам, в этом районе противник готовил большое наступление. Наше

командование решило произвести разведку боем, а это значит, что мы в открытую должны вести бой, навязав его противнику, и в это время выявить его расположение, а также засечь огневые точки. И вот, нашему батальону было приказано с рассветом вступить в бой с противником, занять его первые оборонительные линии и взять «языка».

Помню, мне, как командиру взвода, было придано два станковых пулемета «Максим», которые я расположил на флангах. Слева был сосновый бор, справа — очень топкое болото. С наступлением темноты мы начали продвигаться скрытно и тихо, чтобы к рассвету подойти как можно ближе к расположению противника. Но противник на рассвете нас обнаружил и открыл сильный огонь, видимо, со всех своих огневых средств. Продвижение наше было приостановлено, батальон понес большие потери, кроме того, с воздуха били самолеты. Противник нас начал теснить в болото, и нам ничего не оставалось, как отойти в это проклятое болото, ведь нам нужно было вести бой, выполнять поставленную задачу. Было очень много раненых и убитых, последних приходилось оставлять прямо на поле боя. К вечеру противник нас полностью оттеснил в болото и окружил.

Со стороны противника кричали: «Русь, сдавайтесь! Вы окружены!» По нам был открыт сильный орудийный и минометный огонь. К счастью, не все снаряды разрывались, а просто чавкали в болоте (не срабатывал взрыватель). Ночью также не было никакого покоя, наше расположение освещалось осветительными ракетами и фонарями, опущенными на парашютах. С воздуха день и ночь над нами кружились самолеты. Продукты, которые мы брали с собой, были на исходе, т. к. сухой паек солдата был невелик. День и ночь мы находились в холодной, грязной воде, укрыться было совершенно негде, т. к. листва с веток деревьев вся облетела. Это был какой-то кромешный ад. Стоны тяжелораненых нас угнетали, а ранены мы были все, кого-нибудь да где-то повредило.

В этой обстановке мы находились 12 суток. И вот, наконец, послышалось наше родное «Ура!», кольцо противника было прорвано. Когда мы проводили бой в окружении, противник себя обнаружил, а наши «Катюши» сделали свое дело. Фланги были расширены. И какая для нас была радость, что мы живые вышли из этого ада! И какое это было печальное зрелище, когда мы выходили из этого болота: мы обросшие, грязные, голодные выносили на себе тяжелораненых, выносили свою боевую технику.

Нас отвели на отдых. Дивизия готовилась наступать на г. Витебск. От нашей роты осталось в живых 13 человек. Меня наградили медалью «За отвагу». Ну а потом опять пошли бои, пока я не получил тяжелое ранение и уже навсегда вышел из строя. На фронте в действующей армии я был до 1944 г., не дошел до Витебска 8 километров. На этом закончилась для меня война.

Затем лечился 7 месяцев в госпитале, получил инвалидность и был направлен в г. Кыштым военруком ремесленного училища

№ 12. Потом работал контролером на заводе, мастером ОТК. С 1963 г. жил в г. Челябинске, работал на абразивном заводе термистом, затем в объединении «Полет». С 1977 г. на пенсии.

Л. А. Новожилова

Атаманы Великопетровской станицы (персоналии, обзор источников)[1]

Идея обобщить сведения об атаманах Великопетровской станицы принадлежала замечательному педагогу и краеведу Юрию Михайловичу Алентьеву (1949–2020), который на протяжении многих лет занимался историей с. Анненского Карталинского района, консультировал исследователей, отвечал на письма потомков оренбургских казаков.

В данной статье приведены сведения о станичных начальниках (атаманах) Великопетровской станицы и поселковых атаманах пос. Великопетровского с краткой характеристикой документальных первоисточников. Замечу, что некоторые фамилии атаманов, основанные на воспоминаниях старожилов, упоминались в книгах краеведов[2], но без документального подтверждения данных. Для читателей: сведения сгруппированы по источникам, выделение фамилии в тексте указывает на проверенный статус атаманства.

Среди опубликованных данных — сведения из «Биографического справочника офицеров Оренбургского казачьего войска», которые строго документированы и не вызывают сомнений. Станичными атаманами названы ***Вениамин Петрович Водопьянов***[3] (1896–1898) и ***Николай Михайлович Альметьев***[4] (с 22.12.1898). Эти фамилии есть в числе участников церковных обрядов в метрических книгах Петропавловской церкви станицы Великопетровской. Авторы «Именного справочника казаков...» предваряют список награжденных казаков Великопетровской станицы указанием станичного атамана в 1915 г. — старшего урядника ***Ефима Кадошникова***[5].

Документы начального периода (1845–1850-е) истории Великопетровской станицы хранятся в фондах ГАОО, их значительная часть представлена в «Деле о построении церкви в станице Велико-Петровской...»[6]. Список казаков-первопоселенцев за 1845 г. был впервые опубликован в 2013 г., указаны фамилии 155 казаков — глав семейств, и 26 вдов; всего указанных душ в семьях — 799, в том числе мужчин — 396, женщин — 403. Зауряд-хорунжий Герасим Казанцев указан под номером 1[7], под списком — его подпись с указанием должности «станичный начальник». Замечу, что на срок пребывания в должности станичные начальники, не имеющие офицерского чина, признавались хорунжими. Метрические книги Петропавловской церкви Великопетровской станицы позволили уточнить сведения о нем: ***Герасим Яковлевич Казанцев*** (1811–1887) указан в чине хорунжего (1846–1850), затем упоминался как «сотник» (1852, 1856)[8], становится есаулом (1857)[9], упоминается как «майор» и «отставной майор» (1883, 1887)[10]. 25 октября 1859 г. есаул Казанцев, «заседатель 7-го полка»,

заверил своей подписью «Акт о строительстве храма». В «Акте об иконостасе» 1860 г. в качестве станичного начальника указан уже урядник ***Ложников***, рядом — подписи судьи урядника Осинцева, церковного старосты Павла Артемьева[11].

Замечу, что прямое указание атаманства в метрических книгах встречается крайне редко. Так, «Велико-Петровской станицы атаман, урядник ***Ефим Петров Кадошников***» упоминается 5 апреля 1916 г. в связи с крещением сына Василия[12]. Удостоверение 1893 г. со штампом, заверенное поселковым атаманом ***Тепляковым*** и писарем Абидаевым, сохранилось в метрической книге Космо-Дамианской церкви пос. Анненского[13]. Священник той же церкви Николай Владыкин 19 июля 1917 г. подклеил удостоверение за подписью поселкового атамана ***Абидаева***[14].

Напомню, что атаман — назначаемый или выборный начальник в казачьих войсках и селениях, выполнявший военные, полицейские и административные функции. Деятельность станичных атаманов регламентировалась «Положением о войске» (1840), «Положением об общественном управлении в казачьих войсках» (1870), «Положением об общественном управлении станиц казачьих войск» (1891).

Порядок избрания (назначения) станичных атаманов являлся не простой процедурой. Обязательной была рекомендация атамана отдела, при утверждении наказным атаманом учитывались «чин кандидата, его боевые заслуги, грамотность, степень благонадежности»[15]. Станичный атаман приносил присягу в присутствии священника и представителей полкового правления.

Самые точные данные с указанием сроков атаманства представлены в приказах по ОКВ. Так, в тексте только одного приказа — № 188 от 1 сентября 1862 г. — были указаны данные о двух станичных начальниках: слагал полномочия станичный начальник урядник ***Дюскин***, принимал — «Оренбургского казачьего полка № 7 урядник ***Евграф Шибанов***»[16].

С 1870 г. должность «начальник станицы» была преобразована в «атаман», избирались атаманы на станичных сходах. Срок пребывания в должности был трехлетним. С 1873 по 1876 гг. станичным атаманом был урядник Демьян Щеголев[17], по метрическим книгам — ***Демьян Егорович Щеголев*** (1838–1917)[18]. Как правило, атаманами выбирали авторитетных и заслуженных людей, которые уже проявили свои лучшие качества в военном или административном деле. Это подтверждает письмо оренбургского историка В. Г. Семенова:

> Великопетровцы могут гордиться, ведь станичным атаманом в 1876 году стал один из первых полных Георгиевских кавалеров Афанасий Тевтелев (Тефтелев). Высылаю подтверждения из приказов по ОКВ.
>
> Приказ по ОКВ № 149 от 31 июля 1873 года:
>
> Урядник 3-й Оренбургской сотни Афонасий Тевтелев — ЗОВО 4 степени № 29 589, «За храбрость в делах с 12 по 30 мая 1873 года под стенами г. Хивы».

Приказ по ОКВ № 155 от 29 августа 1876 года:

3-го Оренбургского казачьего полка 2-й сотни старший урядник Афонасий Тевтелев — ЗОВО 3 ст. № 2163, ЗОВО 2 ст. № 538 «За отличия в делах с кокандцами под Махрамом 22 августа, 1 и 3 октября 1875 года».

Приказ по ОКВ № 261 от 27 февраля 1876 года:

3-го Оренбургского казачьего полка 2-й сотни вахмистр Афонасий Тевтелев ЗОВО 1 ст. № 186, «За дела зимней экспедиции в январе 1876 г. 1, 2, 4 и 6 — рекогносцировка г. Андижана, 8 — штурм г. Андижана, 18 — дело под Асаке и 27 января дело под Уч-Курганом»[19].

Добавлю, что, по метрическим данным, ***Афанасий Васильевич Тефтелев*** относился к казакам пос. Полтавского.

В фонде ГАОО хранится «Дело запрещенного священника Гавриила Волкова...»[20]. Рапорт судебному следователю 3-го участка Верхнеуральского уезда о казаках, умерших без покаяния и причастия Святых Тайн, заверен атаманом станицы Аристархом Бородиным и станичным писарем Колобынцевым. В показаниях от 15 января 1885 г. атаман положительно характеризует священника Волкова и упоминает факт обращения к нему в связи с проводами казаков, назначенных на службу. Подготовка и отправка казаков на службу была главной обязанностью станичных атаманов, деятельность благочиния тоже была у них под контролем. Думаю, что ***Аристарх Семенович Бородин*** (1847–1896), уроженец пос. Анненского, был хорошо знаком с урядником Николаем Терентьевым, атаманом аннинских казаков, был в курсе хлопот об увеличении земельного общественного надела, о посылке ходоков в столицу[21].

Согласно «Расписанию городам и селениям Оренбургской губернии», в 1890 г. в Великопетровский станичный юрт входили поселки Великопетровский, Парижский, Анненский, Полтавский, Толстинский, Варненский и семь хуторов[22].

По Положению 1891 г.: «...п. 4. Станичное управление в каждом станичном обществе составляют: 1) станичный сбор, 2) станичный атаман, 3) станичное правление и 4) станичный суд»[23]. Среди нововведений — ограничение участников принятия станичных решений. Ими становились выборные от казаков-домохозяев. Сбор считался состоявшимся, если присутствовали его атаман или заместитель, при голосовании было больше $^{2}/_{3}$ голосов выборных, решение принималось большинством голосов. Проводились сборы, как правило, в воскресные и праздничные дни. Станичный атамана на проведение сборов должен был являться со знаком отличия звания атамана — насекой (род булавы). Низший размер годового жалования станичного атамана в Оренбургском войске составлял 300 руб.

Обязательная документация станичного правления: книга приговоров станичного сбора с именным списком лиц, имеющих право участия в сборах; книга станичного суда; штрафной журнал; книга сделок и договоров; книга о приходе и расходе станичных и переходящих сумм; списки награжденных казаков; ведомости поземельных уго-

дий; книги и списки о воинской службе. В Великопетровской станице (с поселками) на 1 января 1891 г. числилось 229 казаков приготовительного разряда, 583 служащих казака, 44 урядника и чина унтер-офицерского звания, 10 обер-офицеров и 1 штаб-офицер. Отставных чинов проживало 690 человек, в том числе 639 казаков, 47 урядников и унтер-офицеров, 2 обер-офицера и 2 штабс-капитана[24].

К сожалению, дела Великопетровского станичного правления в фондах ОГАЧО не сохранились. Лишь обрывки некоторых документов и обложки папок станичного и почетного судов были случайно обнаружены с оборотной стороны документов в деле Великопетровского райкома партии 1920–1922 гг.[25] Имя станичного атамана вахмистра Щербакова встретилось под требовательной ведомостью 1907 г. Документ относился к финансовой отчетности и предназначался для управления 2-го отдела ОКВ. На жалование инструкторам испрашивалась сумма, были расписаны размеры окладов и добавочных сумм для вахмистров, старших урядников, штаб-трубача и трубача-казака. «Расчетный обмундировочный лист» (9 января 1913) тоже относился к ведению атамана станицы[26].

Именно атаманы должны были «надзирать за общим благоустройством в станицах, охранять благочиние, порядок, безопасность лиц и имуществ от преступных действий, принимать первоначальные меры для восстановления нарушений тишины, порядка и безопасности, впредь до особого распоряжения подлежащего начальства, а также наблюдать, чтобы не было потрав, лесных и полевых пожаров и лесных порубок...»[27].

Еще один лист — «обрывок прошлого» — касался «порубщиков леса», которых задержал на Толстинской дороге станичный атаман Щербаков. Разбирательство проводил атаман пос. Великопетровского вахмистр Кадошников в присутствии объездчика общественных лесов Ивана Темникова и понятого Василия Елистратова. Свою вину казаки признали.

Оригинал фотографии станичного правления 1907 г. хранится в фонде Музея истории с. Париж[28]. На уникальном снимке — десять человек, в том числе шесть писарей и переписчиков. Аккуратным почерком записаны данные о членах станичного правления: станичный атаман — вахмистр ***Василий Павлович Щербаков***, 1875 г. р., (Щербаковы — казаки пос. Полтавского); атаман пос. Великопетровского — урядник ***Михаил Афанасьевич Вязмитинов***, 1879 г. р.; помощник атамана Евграф Петрович Дюсмикеев; станичный казначей — урядник Михаил Иванович Киржацкий.

По Положению 1891 г., возраст станичного атамана и станичного судьи должен был быть более 33 лет (кроме лиц войскового сословия, имеющих офицерские и гражданские чины), почетный судья должен был быть старше 40 лет, для других выборных должностей были ограничения: не моложе 25 лет и не старше 60 лет. Соответственно важными критериями были не только жизненный опыт, но и состояние здоровья, ясность ума. Поселковый атаман избирался сроком на три года, утверждал его в должности атаман отдела.

В 1913 г. поселковым атаманом был избран 30-летний ***Сергей Александрович Ложников***, уроженец пос. Великопетровского, 1883 г. р.

Его послужной список 1921 г. представлен в архивном деле Верхнеуральского уездного военного комиссариата. Привлекли внимание строки: «Избран атаманом поселка 1913 г. апрель 10. Уволен с должности 1914 июля 20. Мобилизован в годы войны в 15 Оренбургский казачий полк в должности взводного 1914 июля 23»[29]. Бывший поселковый атаман проявил себя смелым воином, был награжден двумя Георгиевскими крестами и двумя Георгиевскими медалями «За храбрость»[30]. Казаки Великопетровской станицы, служившие в годы Первой мировой войны в 15-м ОКП, «за отвагу и мужество в делах против неприятеля» получили 62 Георгиевских креста, 37 Георгиевских медалей и 27 медалей «За усердие»[31]. В 2014 г. в с. Великопетровка на месте проводов казаков был сооружен памятник, посвященный казакам-героям. В списке Георгиевских кавалеров поселка — имя С. А. Ложникова.

...2 марта 1917 г. сборщик Вязмитинов оформил запись в финансовом отчете Великопетровскому станичному правлению о деньгах, взысканных с лиц войскового сословия за ссуду хлеба по компании 1911/12 гг. Он не знал, что это был последний день великой Российской империи...

20 марта 1918 г. Илья Васильевич Щеголев был избран председателем Великопетровского поселкового совета. В рапорте в окружное правление 2-го округа за подписью старшего писаря Елистратова 28 марта (год не указан, предположительно 1918-й) чувствуется растерянность: «Прошу дать указание, как поступать с атаманами поселков, кто, согласно ранее имеющимся распоряжениям, от мобилизации освобождены, но нет указания, когда и куда эти освободившиеся от должности атаманы должны командироваться со времени их отчисления или же ждать об этом особого распоряжения. Кроме того, ранее прибывшим из германского или австрийского плена казакам давалась годовая льгота, но как видно из газет, прибывшим из плена дается только 3-месячная льгота...»[32]

15 июня 1918 г. И. В. Щеголев «уволен из председателей», а 1 октября 1918 г. «мобилизован в Белую армию в 4-ю Оренбургскую казачью конную батарею»[33]. Станичники поддержали войскового атамана А. И. Дутова. 9 июля 1918 г. был сформирован Великопетровский (Полтавский) казачий полк, с 24 августа он именовался 10-м Оренбургским казачьим полком. Свидетельством того времени является фотография «Троица» (1919)[34], на которой казаки запечатлены после праздничной службы, с Георгиевскими крестами на груди. Сведения об атаманах периода Гражданской войны нуждаются в уточнении.

* * *

В партийных документах начала 1920-х гг. вчерашние казаки именуются «хлеборобами», вместо станичного правления — райкомы и станисполкомы. При политике расказачивания заслуженные награды и чины царской армии становились отягчающим обстоятельством, основанием для преследований. В архивном деле с перепиской Полтавского райисполкома привлек документ 1928 г. Вот его текст полностью:

Машинопись
Секретно

В Полтавский райисполком Троицкого округа Уральской области

Правление 1-го МГУ просит дать справку, что из себя представляет по своему происхождению гр. КАЗАНЦЕВ Григорий Васильевич, родители которого проживают в Полтав[ском] пос[елке]. По документам, имеющимся в Университете, он числится сыном крестьянином, а по сведениям со стороны, он сын активного работника жандармско-полицейского характера.

Член правления по студенческим делам: Роспись (Седов)

Заверено печатью 1-го Московского Государственного Университета.

Рукопись
Секретно

Правлению Первого Московского Государственного Университета

На № 47 от 26.07 с. г.

Отец гражданина Казанцева Григория Васильевича был ранее и в настоящее время является зажиточным крестьянином Полтавского поселка Троицкого уезда (далее зачеркнуто: имеющий антисоветские настроения).

До революции служил казачьим атаманом и инструктором по обучению казаков. Со дня революции и по сие время на существующий строй имеет антисоветские взгляды. Сам Казанцев Григорий Васильевич состоял членом ВЛКСМ, исключен по вышеуказанной причине.

Подпись неразборчива[35]

Дальнейшая судьба потомка атамана[36] мне неизвестна...

Приведу еще один документ из магнитогорского архива — протокол заседания избирательной комиссии Полтавского района от 27 октября 1934 г. В числе лишенных избирательных прав по Великопетровскому сельсовету — 28 человек. Среди них под первым номером указан Михаил Андреевич Скопина (священник), под номером 4 — Михаил Иванович Киржацкий («как бывшего атамана станицы и эксплоатацию чужого труда»), под номером 26 — Василий Юлаев («бывший урядник и атаман поселка, эксплатировавший чужой труд с целью извлечения прибыли»)[37].

При знакомстве с архивно-следственным делом № 7306[38] в документах ***Василия Романовича Юлаева*** (1876–1937), уроженца пос. Великопетровского, осужденного по ст. 58-2, 10, 11 Уголовного кодекса РСФСР, я обратила внимание на строки в характеристике и выписке из протокола 1933 г., подчеркнутые красным карандашом следователя: «В старое время служил в царской армии вахмистром, имел за отличную службу крест и после, когда со службы [вернулся] был поселковым атаманом»[39]. Бывший станичный атаман ***Михаил Иванович Киржацкий*** (1879–1937) тоже назван «активным участником контрреволюционной

троцкистско-террористической повстанческой организации». Сроки ведения дела говорят сами за себя: 24 октября — арест, 25 октября — допрос, 26 октября вынесено обвинительное заключение, 27 октября — постановление тройки: «Расстрелять». Исполнение приговора приурочили к юбилею Октября; расстреляны были бывшие атаманы в Магнитогорской тюрьме в один день — 9 ноября 1937 г., реабилитированы в 1955 г. Проверка, проведенная следственной отделом КГБ по Челябинской области, установила, что «доказательства по этому делу полностью сфальсифицированы бывшими работниками Магнитогорского горотдела НКВД»[40].

Надеюсь, что поиск будет продолжен новыми исследователями. «Имя — часто единственное, что остается от ушедшего из жизни человека. Но очень часто по прошествии трех-четырех поколений из памяти народной исчезает и оно...», — писал Юрий Михайлович Алентьев, понимающий значение родовой памяти в воспитании достойных сограждан. Хочется верить, что жители села сохранят и обустроят памятник первому станичному атаману[41], место казачьей часовни у родника[42]. Чтобы правнуки помнили...

Примечания

[1] См. таблицы с персоналиями в приложениях книг: *Новожилова Л. А.* Метрические книги свидетельствуют... К истории Велико-Петровской станицы. Челябинск, 2016. С. 328–331 ; *Она же.* Казачья часовня: документальные истории. Челябинск, 2020. С. 80 –87.

[2] *Булучевский Н. В.* Из истории родного края. (Карталы начинались с Полтавки). Челябинск, 2000. С. 40 ; *Верхотуров И. Н.* История села Великопетровка. Карталы, 2000. С. 13.

[3] *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска : биограф. справ. М., 2007. С. 153.

[4] Там же. С. 89.

[5] *Бешенцев В. Г., Завершинский В. И., Козлов Ю. Я., Семенов В. Г., Шалагин А. В.* Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Челябинск, 2012. С. 144.

[6] ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6619.

[7] Там же. Л. 44–46. Впервые опубликована краеведом А. Г. Тептеевым в: Союз. мысль : электрон. газ. 2013. № 24. URL: http://uralgenealogy.ru/content/view/661/224

[8] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 19. Д. 224 (данные предоставлены генеалогом Г. А. Дружининой).

[9] Там же. Д. 282.

[10] Там же. Д. 4.

[11] ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6619. Л. 167 об.

[12] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 19. Д. 44. Л. 54 об.

[13] Там же. Д. 13. Л. 95.

[14] Там же. Д. 38. Л. 252.

[15] *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Таналык: крепость, станица, село. Оренбург, 2015. С. 226.

[16] Приказ № 188. 1 сентября 1862 г. // Приказы по ОКВ, 1862 (данные предоставлены историком А. Г. Любимовым).

[17] Приказ № 120. 12 июня 1873 г. // Приказы по ОКВ, 1873 (данные предоставлены историком В. Г. Семеновым).

[18] Данные предоставлены генеалогом Г. А. Дружининой.

[19] Письмо В. Г. Семенова — Л. А. Новожиловой. 2020 (из личного архива автора).

[20] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4592.

[21] Подробно см. главу «Борьба за землю» в: *Алентьев Ю. М., Дегтярев А. Г.* Анненское: история и современность. Магнитогорск ; Анненское, 1994. С. 44–58.

[22] Летопись Великопетровского прихода (1843–1952) : сб. материалов и архив. док. Магнитогорск, 2010. С. 41.

[23] Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. Изд. Вестн. казачьих войск (неофиц.). СПб, 1901. URL: https://vk.com/wall-67622485_626 (дата обращения: 14.02.2021).

[24] *Алентьев Ю. М.* Карталинский район : учеб. пособие для учащихся. Магнитогорск, 1995. С. 27.

[25] Там же. С. 33–56.

[26] *Новожилова Л. А.* «И сотвори им вечную память...»: к истории Великопетровской станицы. Челябинск : Цицеро, 2017. С. 42–43.

[27] Оренбургское казачье войско: история и современность : справ. материал / сост. А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов. Челябинск, 1993. С. 44–45.

[28] Фотография впервые опубликована в: Летопись Великопетровского прихода... С. 105.

[29] ОГАЧО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 64. Л. 588 об.

[30] *Бешенцев В. Г., Завершинский В. И., Козлов Ю. Я., Семенов В. Г., Шалагин А. В.* Указ. соч. С. 151.

[31] *Выдрин В. Е.* Служба казаков-великопетровцев в 15-м Оренбургском казачьем полку // Союз. мысль. 2013. № 24. URL: http://uralgenealogy.ru/content/view/661/224 (дата обращения: 13.02.2021).

[32] ОГАЧО. Ф. П-354. Оп. 1. Д. 13. Л. 101 об.

[33] Там же. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 64. Л. 4–6.

[34] Оригинал фотографии хранится в музее школы с. Великопетровка.

[35] Городской архив Магнитогорска. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 7. Публикуется впервые.

[36] Василий Николаевич Казанцев упоминается в: *Ярошецкий А. Б.* Судьбы полтавских казаков // Хронист. Челябинск, 2016. С. 146–157.

[37] Городской архив Магнитогорска. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

[38] Документы дела см.: *Новожилова Л. А.* Указ. соч. С. 154–172.

[39] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 293. Л. 83 — 83 об.

[40] Та мже. Д. 296. Л. 23.

[41] В 2018 г. на сельском кладбище в Великопетровке карталинский краевед А. Б. Ярошецкий идентифицировал высеченную надпись на старинном мраморном памятнике с личностью первого станичного атамана. Подробнее см.: *Ярошецкий А. Б.* Войсковой старшина Герасим Казанцев // Гороховские чтения : материалы десятой регион. музейн. конф. ; сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2019. С. 214–221.

[42] В мае 2020 г. было обнаружено место казачьей часовни, построенной по приговору жителей Великопетровского станичного юрта 1895 г. Приказ с указанием места был предоставлен оренбургским историком В. Г. Семеновым. Подробнее см.: *Ярошецкий А. Б.* Обретенное место часовни // Карталы. История города... URL: http://www.kartaly-history.ru/obretennoe-mesto-chasovni/ (дата обращения: 15.02.2021) ; *Он же.* Обретенное место часовни // Новожилова Л. А. Казачья часовня: документальные истории. Челябинск, 2020. С. 66–72.

М. Г. Плаксина

Тютняры на страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей»

Тютняры (в переводе с марийского — «разливающаяся река») — народное название поселения, раскинувшегося по берегам оз. Большие и Малые Ирдяги (в переводе с башкирского — «мужской спор») на территории современного Аргаяшского района Челябинской области. Изначально оно включало дер. Губернскую, Кузнецкую (позже — села), Беспалова и Смолина. Заселялось переселенцами из с. Тютняры Рождественской волости Кузнецкого уезда Саратовской губернии, которые принесли на Урал родные названия. Территория поселения входила в Рождественскую волость Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

С выделением Екатеринбургской епархии из состава Пермской в 1886 г. в нее отошли и Тютняры. По указу Святейшего синода от 17 марта 1899 г. № 1584 решено было при Тихвинской церкви дер. Губернской, приписной к Кузнецкому приходскому храму Екатеринбургского уезда, открыть самостоятельный приход[1], к которому была приписана дер. Беспалова и Сак-Эльгинский выселок (или — Саймоновск) с Никольским храмом, который в 1906 г. также был выделен в самостоятельный приход. Деревня стала называться «селом Губернским».

13 октября 1906 г. его преосвященство епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан выехал поездом из Екатеринбурга на ст. Аргаяш II и утром 14 октября на лошадях проследовал в с. Губернское, где совершил чин освящения храма и отслужил божественную литургию; затем посетил женское и мужское земские училища. Из Губернского владыка проследовал в дер. Беспалову, где осматривал каменное здание церкви-школы, возведенное трудами настоятеля храма отца Михаила Христолюбова. Его преосвященство спрашивал учащихся из Закона Божия и других предметов школьного курса, в Беспаловской церковно-приходской школе он осмотрел тетради учащихся по чистописанию и диктанту. Из дер. Беспаловой владыка проследовал в с. Кузнецкое и Смолинское, в храме которых совершил молебен. Храмы были переполнены, во всех трех раздавались листки религиозного содержания, полученные от братства святого праведного Симеона Верхотурского[2].

Подробнее освящение храма Тихвинской иконы Божией Матери описано священником М. Христолюбовым[3]:

> Летопись говорит, что желание создать храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери в деревне Губернской, бывшей приписной к приходу Кузнецкого села, зародилось у жителей в 1848 году по случаю сильной холерной эпидемии, свирепствовавшей в соседних заводах Каслинском и Кыштымском. Там каждодневно сотнями погребались умершие, а благодаря обету построить храм, наступлением Владычицы, в деревне Губернской зараза не имела места, несмотря на то, что жителям ея, как в то время горнозаводским рабочим, приходилось иметь постоянное общение с заводами и их населением...

Только чрез 31 год усиленное желание прихожан, наконец, увенчалось успехом: в 1879 году января 31-го храм был заложен по благословению владыки Вассиана, епископа Пермского и Верхотурского. Первоначально предполагали построить храм одноэтажный, но едва успели свести своды, как они, вследствие грубых отступлений при работе от требований техники (колонны были облицованы кирпичом, а внутри наложен бутовый камень и мусор) разрушились. После этого было решено вести постройку основательнее, но уже строить храм двухэтажный. В 1892 г. оба этажа храма были закончены, и 23 июня нижний храм во имя Тихвинской Божией Матери был освящен благочинным священником Адр. Парышевым по благословению епископа Екатеринбургского Афанасия. Придельные престолы в честь Трех Святителей и Михаила Архангела, освящены в 1897 году 25 и 26 июня протоиереем Василием Луканиным по благословению владыки Владимира, епископа Екатеринбургского и Ирбитского. Верхний же храм все время в течение 21 года стоял неотделанным и ожидал очереди, несмотря на то, что в этот промежуток прихожане успели пристроить к храму величественную, каменную колокольню и освятить ее в 1902 г. Верхний храм все пустовал и пустовал, служа убежищем для голубей и галок...

Новый бич Божий — неурожай — заставил прихожан глубже вдуматься в свое положение и вспомнить обет отцов своих. В 1910 году 5 августа приходское собрание решило, наконец, устроить верхний храм и воздвигнуть в нем престол в честь Преображения Господня. Дело было передано в полное распоряжение местного церковно-приходского попечительства и при нем строительного комитета, под председательством настоятеля священника Михаила Христолюбова... Постройка иконостаса, вместе с необходимыми киотами для алтаря и храма, была сдана иконостасному мастеру г. Никулину за 6700 руб. Заказ в два года был выполнен, и 14 октября назначен день освящения. На рапорте о. Благочинного, производившего окончательный прием всех работ и устройство иконостаса, милостивейшая резолюция Его проесвященства, преосвященнейшего Митрофана, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, последовала таковая: «Если Бог благословит и буду жить, постараюсь лично совершить освящение». Приготовляясь к торжеству освящения, прихожане храм внутри украсили зеленью и цветами. Величественный иконостас — длиною в 23 ар[шина] и высотою 10 ар[шин], с 16 местными иконами по чеканному фону, исполненными художественной иконописью, светлый купол, отделанный орнаментными и живописными изображениями св. Апостолов и св. Евангелистов, прекрасно исполненные, поставленные по сторонам арочных столбов, киоты со св. иконами Нерукотворного Образа, Казанской Б[ожией] Матери, Святых в память 300-летия Дома Романовых и пр. Все это производит прекрасное впечатление и вызывает неподдельное чувство радости и довольства... за сто лет существования коренного прихода в селе Кузнецом

(Губернский самостоятельно открыт в 1899 г.) ни один храм лично Владыками не освящался, Архиерейское служение божественной литургии наше прихожане не слышали...

В церковной ограде хлебом и солью встретил владыку староста храма М. П. Архипов. Местный хор со св. иконами и хоругвиями ожидал на паперти, и, пропев исполла, с пением тропаря Преображению, в преднесении св. икон последовал в верхний храм, предшествую владыке... Началось обычное совершение чина освящения храма и божественной литургии. В служении участие принимали 1 протоиререй и 7 священников. Пели два хора — архиерейский и местный.

Наряду с традиционным православием в Тютнярах (особенно в дер. Беспалова) существовали большие группы старообрядцев. Беседы миссионеров с ними опубликованы в неофициальной части ведомостей за 1901–1902 гг.[4] В 1910–1911 гг. в деревнях и селах Тютняр появились иоанниты, называвшие себя последователями Иоанна Кронштадтского и провозглашавшие его преемником Бога на земле. Первоначально они вполне дружелюбно воспринимались местными жителями, но стремление обратить их в свою веру не возымело поддержки[5].

В период Первой мировой войны усилилось патриотическое влияние Церкви: священник Михаил Христолюбов выступил в ведомостях со статьей «Признательность деревни защитникам Родины»[6], которую посвятил Стефану Герасимовичу Пичугову — подпрапорщику 195-го Оровайского полка, прибывшему в краткосрочный отпуск в январе 1916 г. в с. Губернское, на свою малую родину. В статье он назван Георгиевским кавалером, украсившим свою грудь «полным Георгиевским бантом». По сведениям Российского государственного военно-исторического архива[7], 28 июля и 3 октября 1914 г. рядовой 195-го пехотного Оровайского полка Стефан (Степан) Пичугов числился раненым и выбывшим в Харьковский эвакуационный пункт армий Юго-Западного фронта, где пробыл до начала 1915 г. 25 июля 1916 г. он вновь попал в лазарет — в Евгениевский перевязочно-питательный пункт Российского общества Красного Креста при армиях Западного фронта. 14 декабря 1916 г. подпрапорщик С. Г. Пичугов находился в 12-м Земском лазарете Самары, куда поступил после ранения в Румынии. Церковный попечительский совет откликнулся на просьбу настоятеля прихода о вручении герою-воину св. иконы Спасителя, что и было сделано в день Сретения Господня.

Дальнейшую судьбу С. Г. Пичугова удалось проследить по книге А. М. Кручинина «Русский полк с финским именем», где представлена таблица «Нижние чины 195-го пехотного Оровайского полка — полные Георгиевские кавалеры». Среди них назван и подпрапорщик Степан Герасимович Пичугов. В главе «Офицерские судьбы» этой же книги читаем следующее:

Когда в августе 1918 года 3-я офицерская рота капитана И. В. Случевского наступала вместе с чехами вдоль Егоршинской железной дороги, то подступы к станции Крутиха и саму станцию защищал в числе прочих красных частей батальон

1-го горного советского полка. Батальоном командовал в то время бывший подпрапорщик — ороваец Степан Герасимович Пичугов. На военную службу Степан Пичугов был призван в январе 1914 года и попал в Оровайский полк... Смышленому парню, окончившему начальную школу и проработавшему слесарем на заводе, солдатская наука давалась легко. На войне Степан Пичугов вел себя храбро и заслужил все четыре Георгиевских креста. После второго ранения и госпиталя подпрапорщик С. Г. Пичугов оказался в Перми в 107-м запасном пехотном полку, где в 1917 году проникся большевистскими идеями. Демобилизованный к себе на родину, он принял самое активное участие в создании новой власти в своем селе Рождественское Екатеринбургского уезда. В мае 1918 года он организовал Рождественский партизанский отряд, с которым позднее влился в 1-й советский горный полк, где стал командовать батальоном... Дальнейшие события привели Степана Пичугова за Каму, где с февраля 1919 года он командовал 23-м Верхнекамским полком Особой бригады. Затем ему довелось формировать 2-й крепостной полк в Екатеринбурге и возглавлять бригаду внутренних войск, с которой он подавлял западносибирское крестьянское восстание. За отличия в годы гражданской войны Степан Пичугов получил орден Красного Знамени. Прошло семь лет после того, как перед новобранцем С. Г. Пичуговым предстали белые стены Оровайских казарм, и вот в 1921 году он вновь прибыл в эти казармы, но уже в качестве командира 507-го Екатеринбургского стрелкового полка. Затем судьба привела С. Г. Пичугова в авиацию, где он командовал эскадрильей и авиаотрядом, служил начальником Свердловского аэропорта и почти два десятка лет работал в авиапромышленности на разных должностях, в том числе и помощником главного конструктора в конструкторском бюро С. В. Илюшина. Скончался С. Г. Пичугов в 1970 году и похоронен в Москве[8].

Таким образом, епархиальные ведомости отражали важнейшие события духовной и светской жизни отдельных территорий, являясь своеобразным хронографом прошлого. Дополнительные сведения можно получить, использовав издание М. Ю. Нечаевой[9].

Примечания

[1] Указ Святейшего правительствующего синода // Екатеринбург. епарх. вед. 1899. Отд-ние офиц. № 11. С. 255.

[2] Из епархиальной жизни // Екатеринбург. епарх. вед. 1913. Отд-ние неофиц. № 42. С. 1002–1005.

[3] *Христолюбов М.* Освящение храма Его преосвященством Митрофаном, епископом Екатеринбургским и Ирбитским в селе Губернском // Екатеринбург. епарх. вед. 1914. Отд-ние неофиц. № 10. С. 202–207.

[4] Собеседование с глаголемыми старообрядцами, веденое Рождественским миссионерским комитетом в селе Губернском Екатеринбургского уезда // Екатеринбург. епарх. вед. 1901. Отд-ние неофиц. № 13. С. 573–583 ; Собеседование с глаголемыми старообрядцами, происходившее в селе

Губернском Екатеринбургского уезда 18 февраля [1901 г.] // Там же. № 9. С. 389–398 ; Собеседование с глаголемыми старообрядцами в селе Губернском // Там же. 1902. Отд-ние неофиц. № 5. С. 218–228.

[5] *Здравомыслов А.* Иоанниты в селах Губернском и Кузнецком Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Екатеринбург. епарх. вед. 1910. Отд-ние неофиц. № 16–17. С. 305–315 ; *Он же.* Снова «Черные вороны» в селах Губернском и Кузнецом // Екатеринбург. епарх. вед. 1911. Отд-ние неофиц. № 20. С. 449–452.

[6] *Христолюбов М.* Признательность деревни защитникам Родины // Екатеринбург. епарх. вед. 1916. Отд-ние неофиц. № 9. С. 142–145.

[7] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 3501, 6696 ; Оп. 4. Д. 5031.

[8] *Кручинин А. М.* Русский полк с финским именем. Екатеринбург, 2000. С. 104, 134–135.

[9] *Нечаева М. Ю.* Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886–1917 : аннотир. библиогр. указ. Екатеринбург, 2009.

С. А. Сергеев

«От героев былых времен не осталось порой имен...» Память о полковнике российской армии Павле Петровиче Побыванце

История нашего Отечества в XX в. была насыщенна событиями. Память о некоторых из них до сегодняшнего дня жива. Но есть и другие, образы которых незаметно теряют яркость, сглаживаются временем. Постепенно такие эпизоды истории становятся лишь одними из целой вереницы исторических дат, предпосылок и причин, знать которые должны школьники, студенты и историки. И здесь нет вины общества или государства. Жизнь идет, продолжает свой бег время, общество решает насущные вопросы, двигаясь к новым целям. Это непреложный закон жизни.

Одним из таких событий, которое по многим причинам осталось в тени в минувшем 2020 г., стало 115-летие со дня окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. Война оказалось сложной и трагичной для нашей страны[1]. Международный дальневосточный конфликт вскрыл целый комплекс социально-политических и экономических проблем и стал одной из причин первой русской революции 1905–1907 гг.[2] Сотни тысяч верных Отечеству воинов с честью выполнили свой долг, многие из них не вернулись домой, к своим очагам и семьям. Одним из павших был командир 214-го пехотного Мокшанского полка полковник Павел Петрович Побыванец.

На сегодняшний день биографические сведения о Павле Петровиче Побыванце доступны для ознакомления всем интересующимся военной историей. Наиболее известными в этом отношении являются электронные ресурсы «Офицеры РИА»[3], «Пензенские хроники»[4], «Уральский воинский некрополь»[5], «Челябинская область»[6] и др. Нужно отметить, что особенностью информации, размещенной на указанных электронных площадках, является ее особая краткость и лаконичность. Сюда же следует отнести и отсутствие ссылок на первоисточники, за ис-

ключением ресурса «Офицеры РИА»[7], где представлена одна ссылка на документ Центрального государственного исторического архива (ЦГИА)[8]. Соответственно такое положение вещей вызывает неподдельный интерес к дальнейшему изучению основных этапов жизни и смерти офицера. Так, до сегодняшнего дня остается открытым вопрос о точном месте захоронения останков Павла Петровича Побыванца. Целью настоящего исследования является разрешение двух проблем: окончательное установление и подтверждение места захоронения останков и фиксация совершенных действий по сохранению памяти о боевом командире.

В контексте разрешения первой проблемы следует указать на тот факт, что практически во всех публикациях, так или иначе связанных с участием 214-го пехотного Мокшанского полка в сражениях на Дальнем Востоке, гибелью П. П. Побыванца и творчеством капельмейстера полка И. А. Шатрова, местом захоронения останков командира полка указана территория Симеоновской церкви (Свято-Симеоновский храм) Златоуста. Однако, как говорилось выше, утверждения требуют более точной аргументации. Примером, в том числе, могут послужить последние по времени появления научные публикации и энциклопедические статьи Н. А. Антипина «Коммеморация Русско-японской войны в культурной памяти на Южном Урале»[9], «Российское общество после Русско-японской войны 1904–1905 гг.: встраивание военного опыта в коллективную память»[10] А. В. Тюстина, И. С. Шишкина[11], И. В. Купцова и В. Г. Семенова[12]. Одним из основных аргументов, позволяющим судить о месте последнего пристанища П. П. Побыванца, является статья Г. В. Еремина «Мокшанский полк на сопках Манчжурии», опубликованная в 1992 г. на страницах «Военно-исторического журнала»[13]. Именно здесь исследователь впервые отмечает дату и место похорон командира мокшанцев (25 мая 1905, Златоуст), указывая на первый источник информации — газету «Уфимские губернские ведомости» (1905. № 90, 120). Так это или иначе, выяснить не удалось. Указанные номера отсутствовали на родине центральной газеты губернии — в подшивке среди документов Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан[14].

Вторым источником, ставшим, как показали дальнейшие события, основой для утверждения точного места нахождения могилы, стала публикация на страницах газеты «Уфимские губернские ведомости» № 115 уже за 1906 г.[15] Здесь в рубрике «Из жизни губернии» отмечены два события. Первое (двухгодовалой давности) связанно с церемонией похорон героя при железнодорожной церкви у ст. Златоуст. В церемонии приняло участие нескольких тысяч человек. Второе рассказывает о том, что 8 мая 1906 г. в момент возвращения Мокшанского полка в Златоуст на перроне был отслужен молебен. Во время же следования полка от вокзала к казармам была отслужена панихида на могиле «в благоговейной памяти по убитом командире Павле Петровиче Побыванце»[16]. Предполагалось, что единственным местом на пути следования полка к казармам, где могла находиться могила, являлась территория станционной Симеоновской церкви. К сожалению, сведения из метрической книги Симеоновской церкви Златоуста[17], данные «Журнала военных действий» 214-го Мокшанского полка[18]

и справочника «Петербургский некрополь»[19] не подтвердили вышеуказанное предположение. Записи о месте погребения в них отсутствовали.

Поворотным событием в разрешении проблемы с уточнением места захоронения останков русского офицера стали подготовка и выпуск известным российским историком Денисом Николаевичем Шиловым второго тома издания «Материалы к “Русскому провинциальному некрополю” великого князя Николая Михайловича»[20]. Особая значимость книги в том, что в ней содержатся сведения из уникального проекта историка и организатора науки великого князя Николая Михайловича «Русский провинциальный некрополь», в ходе составления которого в 1909–1912 гг. духовенством всех исповеданий были описаны десятки тысяч наиболее замечательных надгробий по всей территории Российской империи. Во второй том и вошли данные по Уфимской губернии начала XX в., не изданные в свое время. Документы о погребенных на территории империи сохранились в архивах Санкт-Петербурга (РГИА) и Москвы (ГЛМ, РГАДА).

Итак, в рапорте священника Симеоновской церкви Иустина Илларионова на имя благочинного 1-го округа Златоуста протоиерея Николая Александровича Страхова от 14 апреля 1909 г. отмечается: «На церковной ограде похоронен только один командир 214-го Мокшанского полка Павел Петрович Побыванец, которому воздвигнут мраморный памятник с большим мраморным крестом. На кресте имеется надпись золотыми буквами: “Господи благослови”. У подножия креста прикреплена серебренная лента с надписью: “Незабвенному нашему командиру, бесстрашному, безупречному, доброму герою, павшему в бою с японцами за честь и доблесть русского оружия Павлу Петровичу Побыванцу от скорбящих по нем душой боевых товарищей-офицеров 214-го Мокшанского полка”: “Командир 214-го Мокшанского полка Павел Петрович Побыванец 28-го февраля 1905 года умер от ран, полученных в боях под Мукденом в русско-японскую войну»[21]. В издании также указано, что именно по завещанию самого Павла Петровича его тело было перевезено на ст. Златоуст к Симеоновской церкви[22].

Вместе с тем, несмотря на более чем вековой период времени, прошедшего с момента гибели боевого командира Мокшанского полка, память о нем сохранилась до сегодняшнего дня. Ниже приводятся известные факты коммеморации.

После Великой российской революции захоронения на территории Симеоновской церкви сохранились до момента разрушения храма — весны 1960 г. Факт нахождения нескольких могил на территории подтверждается воспоминаниями очевидцев: священнослужителем храма протоиереем Лазарем Васильевичем Новокрещенным[23], местными жителями: В. А. Ткаченко, Т. А. Шевкуновой[24], Г. И. Полежаевой[25], Н. П. Петуховой[26]. Во время строительства широкоэкранного кинотеатра «Комсомолец» могилы были утрачены.

26 мая 2005 г. в городской газете «Суббота» руководителем военно-исторического клуба «Горный щит» А. Кручининым была опубликована статья с биографическими сведениями о жизни и гибели полковника П. П. Побыванца и анонсировано событие об установке памятного креста около строящегося храма[27].

28 мая 2005 г. в 10:00 на стройплощадке около алтаря строящегося Свято-Симеоновского храма Златоуста был установлен памятный крест с табличкой «Побыванец П. П., полковник и кавалер, командир 214 Мокшанского полка». Крест был установлен по инициативе членов военно-исторического клуба «Горный щит» из Екатеринбурга (председатель А. Кручинин). На церемонии присутствовали: златоустовский краевед, почетный гражданин города А. В. Козлов, представители СМИ, директор Златоустовского городского краеведческого музея Ю. П. Окунцов, советник главы Златоустовского городского округа В. Е. Кириллов, депутат Златоустовского собрания депутатов Л. В. Тяптина, настоятель храма иерей Виктор Фролов; певчие: А. А. Василевская, С. В. Мисюра, О. Э. Мисюра, Г. В. Неретина; прихожане: А. Н. Зимина, В. С. Афиногентова и др.[28] В память о почившем боевом командире была отслужена панихида. По окончании мероприятия, на следующий день, крест решением настоятеля храма был убран во избежание возможной утраты, так как на территории храма велись строительные работы, а охрана объекта со стороны строительной организации была слабо налажена. Это факт послужил информационным поводом для еще одной публикации в городской газете «Златоустовский рабочий» с целью привлечения внимания общественности к появившейся проблеме[29]. Директору музея Ю. П. Окунцову настоятелем храма иереем Виктором Фроловым было направлено письмо с разъяснениями по поводу сложившейся ситуации. Позже крест был помещен в экспозицию созданного приходского музея, а место нахождения могилы было отмечено общим памятным знаком. Установка памятного креста была отражена также в ряде публикаций в электронных средствах массовой информации[30].

По благословению митрополита Челябинского и Златоустовского Иова имя воина Павла Побыванца было внесено в синодик Свято-Симеоновского храма для поминовения на богослужениях[31].

4 мая 2009 г. настоятелем восстановленного на старом месте Симеоновского храма иереем Виктором Фроловым получено разрешение от правящего архиерея Челябинской митрополии на установку на территории храма памятного знака «в честь старой Свято-Симеоновской церкви, всех здесь живших, молившихся и погребенных». Памятный знак был изготовлен мастерами-каменотесами фирмы «Габбро» под руководством В. П. Зубова. Памятник представлял собой мраморную плиту светло-серого цвета размером 50×100 см, выгравированная надпись была выделена краской золотого цвета. Полное содержание надписи: «На этом месте будет установлен памятный знак в честь старой Свято-Симеоновской церкви (1901–1960 гг.), всех здесь служивших, молившихся и погребенных»[32]. Позже, 29 августа 2009 г., был совершен молебен и на территории (на поляне у южной части цокольного этажа) восстановленного храма и установлен указанный памятный знак. На мероприятии присутствовали причт и прихожане храма, почетный гражданин Златоуста, заслуженный художник РФ скульптор В. П. Жариков, меценат В. П. Мальцев[33]. В. П. Жариковым предложены варианты памятника. В связи с отсутствием финансирования дальнейшая работа была приостановлена. Через пять лет, весной 2016 г., памятный знак (плита) был вмонтирован в специально подготовленную нишу

цокольной части южной стены храма-часовни в честь Порт-Артурской иконы Божией Матери, возведенной с южной стороны от алтаря основного храма[34].

Летом 2010 г. Златоустовским телевидением в рамках реализации серии краеведческих передач «Городские легенды» был снят сюжет о полковнике П. П. Побыванце[35].

За период с 2009 по 2014 гг. произошло переосмысление первоначальной идеи. Учитывая возросший интерес общественности к роли нашего города в истории России, значимости исторической памяти в деле воспитания подрастающего поколения, было принято решение строить храм-часовню в памятный год[36].

22 мая 2011 г. при храме открылся первый в Златоустовском округе Музей церковной истории. В экспозиции, посвященной дореволюционной истории Симеоновской церкви, были установлены фотография Павла Петровича Побыванца и обломок шашки, найденный на территории храма во время проведения строительных работ в 2006–2007 гг.[37]

4 июля 2014 г. получено благословение митрополита Челябинского и Златоустовского Никодима на возведение на территории Свято-Симеоновского храма памятного храма-часовня в честь иконы Божией Матери «Торжество Пресвятой Богородицы» (Порт-Артурская)[38]. Проект выполнен мастерской Н. М. Русина (архитектор М. М. Жернаков).

11 сентября 2014 г., в День памяти православных воинов и 260-летия со дня основания Златоуста, в год памяти 110-летия со дня начала Русско-японской и 100-летия со дня начала Первой мировой войн, состоялись праздничный молебен и закладка памятной плиты в основание храма-часовни. На молебне присутствовали благочинный Златоустовского округа протоиерей Александр Кривоногов, митрофорный протоиерей Анатолий Кривоногов, протоиерей Виктор Фролов, иерей Максим Гордеев, иерей Константин Лалыгин, иеромонах Алексей (Стюрьев), иерей Николай Невзоров, краеведы А. В. Козлов, С. Ю. Волокитин, представители администрации округа (заместитель главы Златоустовского городского округа по общим вопросам А. В. Рыбкин), депутатского корпуса, Златоустовского отделения ОАО «РЖД», работники и служащие различных организаций города, прихожане Свято-Симеоновского храма и жители железнодорожного района Златоуста.

29 ноября 2015 г. в Свято-Симеоновский храм была доставлена капсула с землей из Мукдена, с мест сражений российских войск в годы Русско-японской войны. Горсть земли передал настоятелю храма протоиерею Виктору Фролову офицер МЧС, член Российского военно-исторического общества челябинец П. А. Стромов[39].

3 декабря 2015 г. решением приходского собрания Свято-Симеоновского храма[40] был дан старт акции «Именной кирпичик», и символический строительный кирпич с именем воина Павла 10 мая 2016 г. заложен в кирпичную кладку при строительстве часовни в честь Порт-Артурской Божией Матери[41].

27 мая 2016 г. в Златоустовском краеведческом музее состоялось памятное мероприятие, посвященное 110-летию написания И. А. Шатро-

вым знаменитого вальса «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Представителями прихода храма в дар музею были переданы копии ответов на запросы из архивов, полученные в процессе поиска сведений о полковнике П. П. Побыванце и копии страниц книги «Материалы к “Русскому провинциальному некрополю” великого князя Николая Михайловича», где указаны данные о погребении офицера[42].

Таким образом, вышеприведенные данные позволяют констатировать окончательное разрешение вопроса о точном месте захоронения останков боевого командира 214-го пехотного Мокшанского полка полковника Павла Петровича Побыванца (территория Свято-Симеоновского храма Златоуста), а также факт утраты могилы и памятника, установленного на ней его боевыми товарищами. Вместе с тем в период с 2000 по 2016 гг. отмечается появление и постепенное усиление интереса к личности русского офицера и поддержанию памяти о нем. Этот процесс был связан с восстановлением прихода и здания Свято-Симеоновского храма на его старом месте. Активное участие в поддержании памяти о боевом офицере принимал настоятель храма протоиерей Виктор Фролов.

На сегодняшний день вопрос о продолжении прерванной коммеморативной практики и знакомства подрастающего поколения златоустовцев, жителей района у железнодорожного вокзала, гостей города с важным культурно-духовным объектом на туристической карте Златоуста остается открытым.

Примечания

[1] *Данилов А. А.* История России в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : Велби : Проспект, 2004. С. 162–163.

[2] *Артемов В. В., Лубченков Ю. Н.* История для профессий и специальностей технического, естественно-научного, социально-экономического профилей : учебник для нач. и сред. профес. образования : в 2 ч. Ч. 2. 4-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2012. С. 104.

[3] Побыванец Павел Петрович // Офицеры РИА. URL: https://webcache.googleusercontent.com.

[4] Побыванец Павел Петрович // Пензенские хроники. URL: http://penzahroniki.ru.

[5] Побванец Павел Петрович // Уральский воинский некрополь. URL: http://www.bergenschild. ru.

[6] Побыванец Павел Петрович // Челябинская область. URL: http://chelportal.ru.

[7] Побыванец Павел Петрович // Офицеры РИА.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 841. Л. 108.

[9] *Антипин Н. А.* Коммеморация Русско-японской войны в культурной памяти на Южном Урале // Во славу Русского оружия : материалы науч.-практ. конф., посвящ. Отечеств. войне 1812 г. / сост.: Е. А. Евстигнеев, Н. А. Зарецкая, Т. Л. Корецкая. Челябинск : Камен. пояс, 2012. С. 159.

[10] *Антипин Н. А.* Российское общество после Русско-японской войны 1904–1905 гг.: встраивание военного опыта в коллективную память // Общество и государство: социокультурные аспекты взаимодействия / науч. ред. О. С. Нагорная. Челябинск : Юж.-Урал. технолог. ун-т, 2012. С. 31.

[11] *Тюстин А. В., Шишкин И. С.* Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие : биогр. слов. : в 3 т. Т. 2: М–Т. М. : Локус Станди, 2012. С. 114.

[12] *Купцов И. В., Семенов В. Г.* Побыванец Павел Петрович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 5. Челябинск, 2008. С. 231.

[13] *Еремин Г. В.* Мокшанский полк на сопках Маньчжурии // Воен.-ист. журн. 1992. № 10. С. 83–85.

[14] Письмо директора Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан Р. З. Ширгазина № 1006 от 01.08.2007 (из архива автора).

[15] Уфим. губерн. вед. 1906. № 115.

[16] Там же.

[17] АЗГО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 8.

[18] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 26470. Ч. 1. Л. 192.

[19] Письмо директора Российского государственного военно-исторического архива И. О. Гаркуша № 1032 от 26 апреля 2007 года (из архива автора).

[20] Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича : в 2 т. Т. 2: Губернии и области Урала, Сибири и Дальнего Востока. СПб., 2015. 592 с.

[21] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 40. Л. 175 ; Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2.

[22] Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2. С. 148.

[23] Письмо Л. В. Новокрещенных от 18.03.2006 г. (из архива автора).

[24] Аудиозапись беседы с В. А. Ткаченко, Т. А. Шевкуновой от 17.03.2006 г. (из архива автора).

[25] Аудиозапись беседы с Г. И. Полежаевой от 25.12.2009 (из архива автора).

[26] В Златоусте установлен памятный крест полковнику Павлу Побыванцу. URL: https://www.cheltv.ru/V-Zlatouste-ustanovlen-pamyatnyy-krest-polkovniku-Pavlu-Pobyvancu.

[27] *Кручинин А.* Незабвенный Павел Петрович // Суббота. 2005. 26 мая.

[28] *Окунцов Ю. П.* Установили крест, но его украли // Златоуст. рабочий. 2005. 25 июня ; *Кручинин А.* Указ. соч. ; Побыванец Павел Петрович // Уральский воинский некрополь. URL: http://www.bergenschild.ru/ projects/ Necropolis/Page1.htm.

[29] *Окунцов Ю. П.* Указ. соч.

[30] В Златоусте установлен памятный крест полковнику Павлу Побыванцу.

[31] Синодик Свято-Симеоновского храма г. Златоуста (из архива автора).

[32] *Щапов М.* Фотоснимок памятного знака. 29.08.2009 г. (из архива автора).

[33] Там же.

[34] *Бурылова Р. Г.* Фотоснимок памятного знака. 01.06.2016 г. (из архива автора).

[35] *Вотинова Н. В.* Городские легенды. Златоустовское телевидение. 2010. (из архива автора).

[36] *Фролов В.* Воззвание. Маленький храм — большая история. 2014 (из архива автора) ; *Он же.* Пояснительная записка от 02.07.2014 (из архива автора).

[37] *Сергеев С. А.* Фотоснимок экспозиции. 22.05.2012 (из архива автора).

[38] *Фролов В.* Прошение на имя правящего архиерея Челябинской митрополии от 02.07.2014 (из архива автора).

[39] Златоусту передали символическую капсулу с места одной из битв Русско-японской войны. URL: http://kialim.ru/news/860.

[40] Выписка из протокола № 36 приходского собрания православного прихода храма во имя Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца Златоуста от 03.12.2015 г. (из архива автора) ; *Егоров В.* В Златоусте в памятную часовню заложат именные кирпичи и маньчжурскую землю. URL: https://u24.ru/news/22023/v-zlatouste-v-pamyatnuyu-chasovnyu-zalozhat-imennye.

[41] *Морарь Е.* На стену часовни в Златоусте нанесли имена мокшанцев. URL: https://zlatoust.bezformata.com/listnews/stenu-chasovni-v-zlatouste-nanesli/46826770.

[42] *Булатов А.* Священник из Златоуста посетил юбилей легендарного вальса «На сопках Маньчжурии». URL: https://mitropolia74.ru/novosti/svyashchennik_iz_zlatousta_posetil_yubiley_legendarnogo_valsa_na_sopkakh_manchzhurii/?sphrase_id=32640.

М. А. Сидоров, С. А. Сергеев

Неизвестные факты фронтовой биографии ветеранов — сотрудников экономического отделения Златоустовского техникума технологий и экономики

В 2020 г. наш многонациональный народ торжественно отметил 75-летнюю годовщину исторического события, когда торжественный голос Юрия Левитана известил о долгожданной Победе. Все дальше и дальше в прошлое уходят героические и трагические дни Великой Отечественной войны. Немного остается с нами тех, кто приближал как мог Великую Победу. Все меньше остается живых свидетелей тех роковых событий.

На экономическом отделении Златоустовского техникума технологий и экономики для Музея боевой славы выделено специальное помещение. Там хранятся сведения, воспоминания, фотографии времен Великой Отечественной войне. Авторы этих бесценных свидетельств — руководители, преподаватели, работавшие в учебном заведении в послевоенное время. В свою очередь о каждом из них студентами разных лет собраны биографические сведения, фотоснимки, есть и фронтовые письма.

Целью нашей работы является поиск, анализ, систематизация новых интересных фактов из жизни руководителей, преподавателей экономического отделения Златоустовского техникума технологий и экономики — ветеранов и участников войн 1930-х гг. Для пополнения информационной базы мы использовали такие источники, как биографические очерки руководителей и преподавателей экономического отделения, данные с электронного портала документов Второй мировой войны «Память народа»[1].

Экономическое отделение Златоустовского техникума технологий и экономики имеет давнюю историю. По окончании Великой Отечественной войны страна начала восстанавливать разрушенное хозяйство. Встал вопрос о необходимости развития торговли — основного рычага

развития экономики. Назрела необходимость подготовки квалифицированных кадров для этой отрасли народного хозяйства. Приказом по Народному комиссариату торговли СССР от 15 октября 1945 г. № 132 был создан Златоустовский техникум советской торговли. На первых порах он располагался в здании начальной школы № 4 (ул. Ленина), позже в течение 13 лет арендовал пять классных комнат в школе № 10 (ул. Большая Ветлуга, 127)[2].

Именно в послевоенный период к работе по подготовке специалистов в области торговли приступили бывшие фронтовики. До конца 1970-х гг. в техникуме на разных должностях работали девять ветеранов-фронтовиков: Борис Михайлович Самойлин, Василий Тимофеевич Маслов, Владимир Федотович Козлов, Павел Николаевич Ковин, Моисей Яковлевич Золотаревский, Сергей Алексеевич Староверов, Александр Захарович Лобачев, Евгений Иванович Рензяев, Павел Семенович Зубов. Даже после выхода на заслуженный отдых они продолжали свою педагогическую деятельность — проводили классные часы, встречи со студентами, на которых делились воспоминаниями о своей фронтовой жизни[3].

Выше говорилось, что музее современного экономического отделения имеются фотографии и биографические очерки о ветеранах. Информация достаточно полно рассказывает об их жизненном пути и трудовых заслугах. Имеются отзывы сотрудников и студентов. Мы изучили и проанализировали пять наиболее интересных биографий сотрудников.

Борис Михайлович Самойлин — почетный гражданин Златоуста (16 августа 2000), преподаватель, партийный и комсомольский работник, участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Отечественной войны и Красной Звезды (2 мая 1922 — 9 марта 2010). Уроженец с. Метлино Екатеринбургского уезда Екатеринбургской губернии. Рано потерял родителей. В 1941 г. окончил 10 классов школы № 14. Работал заточником на заводе им. В. И. Ленина (июль — сентябрь 1941), затем учился в Златоустовском военно-инженерном училище, по окончании которого в мае 1942 г. был направлен на фронт в звании лейтенанта. Командовал саперным взводом и взводом разведки, ротой в составе 15-й штурмовой инженерно-саперной бригады Резерва Главного командования; участвовал в обороне Кавказа (в составе подразделений морского десанта), форсировании Днепра, освобождении Украины и Чехословакии. После демобилизации (1946) вернулся в Златоуст. Работал в аппарате Ленинского райкома коммунистической партии (1946–1949, середина 1950-х). В 1951 г. окончил Златоустовский учительский институт. В 1951–1953 гг. — первый секретарь Златоустовского городского комитета ВЛКСМ. В 1959 г. окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С конца 1950-х гг. заведовал отделом пропаганды и агитации Златоустовского горкома КПСС, в 1963–1977 гг. был директором Златоустовского техникума советской торговли. Избирался депутатом Ленинского районного и Златоустовского городского советов. В 1979–1989 г. являлся председателем городского Совета ветеранов. Награжден орденами Отечественной войны I степени (1944, 1985), Красной Звезды (двумя, оба — 1943), медалями, нагрудным знаком «Отличник советской торговли» (1970).

Василий Тимофеевич Маслов — преподаватель военного дела, физики, заведующий учебной частью, методист заочного отделения техникума. Родился 7 апреля 1921 г. в с. Лебедки Соколовского района. Окончил школу № 25 Златоуста, с отличием — педагогическое училище (1939) и Златоустовский учительский институт (1941), Челябинский педагогический институт (1947–1953). 5 августа 1941 г. был мобилизован, стал курсантом Рижского пехотного училища в Стерлитамаке). Участник обороны Москвы (29-я стрелковая бригада, 1-я гвардейская бригада). Ранен в январе 1942 г. После излечения назначен секретарем военкома полка. Участник обороны Сталинграда (137-я зенитная батарея). Воевал на 2-м Украинском фронте (1943, 747-е стрелковое отделение). Курсант Киевского танкового училища (1943–1945). Демобилизован в 1946 г. Награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й степени; тремя медалями (за освобождение Москвы, Сталинграда, Курской дуги), шестью медалями за боевые заслуги. В Златоустовском техникуме советской торговли преподаватель военного дела (1946–1947), физики (1960–1964), завуч (1964–1978), методист заочного отделения (1978–1981). Награжден знаком «Отличник советской торговли» (1975), медалью «Ветеран труда» (1981), занесен в «Книгу почета» техникума.

Павел Николаевич Ковин (21 декабря 1905 — 2005) — преподаватель бухгалтерского учета, заведующий кабинетом учетных дисциплин, методист, заведующий отделением, заместитель директора по учебной работе, заведующий заочным отделением. Уроженец с. Корлыханово Белокатайского района Башкирской АССР. Окончил начальную школу (1916–1918), Корлыхановское высшее начальное училище (1919), курсы бухгалтерского учета (1927–1928), Уфимский рабфак (1931–1934), с отличием — Казанский финансово-экономический институт (1934–1938). Рано начал трудовую и общественную деятельность. Секретарь Корлыхановского сельсовета (1919–1923), конторщик в Яныбаевском лесничестве и одновременно председатель Корлыхановского сельбатрачкома и председатель лесорабочкома (1925–1926), председатель комитета профсоюза сельхозлесрабочих на волостной конференции батраков (1926). Счетовод в Емашинском потребобществе, старший счетовод в Месягутовском леспромхозе (1930), счетовод по обложению налогом населения (1930), бухгалтер на кустовой базе Узбекснабторга (1931), старший бухгалтер Уфимского ЗРК паровозоремонтного завода (1932–1933). Сотрудник Челябинского областного финансового отдела (1938–1939), бухгалтер-аналитик Челябинского облторготдела, затем главный бухгалтер, заместитель главного бухгалтера Златоустовского горторга (1940–1942), главный бухгалтер отдела рабочего снабжения металлургического завода (1942).

13 марта 1942 г. был мобилизован в армию. На фронте служил в должностях курсанта 49-го отделения запасного телеграфного батальона, старшего писаря роты связи 9-й гвардейской строевой бригады (1942), заведующего делопроизводством 9-й гвардейско-строевой бригады (1942–1943), начальника интендантских складов 109-й гвардейской строевой дивизии (1943–1944), помощника начальника административно-хозяйственной части 109-й гвардейской строевой дивизии (1944–1945). Демобилизован в декабре 1945 г.

в звании гвардии лейтенанта. Работал в Златоустовском техникуме советской торговли (1946–1978): преподаватель бухгалтерского учета, заведующий кабинетом учетных дисциплин, методист, заведующий отделением, заместитель директора по учебной работе, заведующий заочным отделением.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», знаком «Отличник советской торговли» (1957). Занесен в «Книгу почета» техникума (1970)[4].

Сергей Алексеевич Староверов — мастер производственного обучения. Родился 20 ноября 1918 г. в Златоусте в семье рабочего. Окончил начальную школу (1926–1933), одногодичную школу ФЗО Наркомпита (1933), Златоустовский техникум советской торговли (1954–1956, специальность «технолог общественного питания»). Трудовую деятельность начал в 16 лет. До войны работал поваром и заведующим производством в тресте столовых (1934–1936), на мясокомбинате в качестве заведующего производством (1939–1941). Участвовал в Великой Отечественной войне (1941–1945). После демобилизации был заведующим производством в горторге (1945–1947, 1952–1960), на мясокомбинате (1947–1952), мастером производственного обучения в торговом техникуме (1960–1978). Находясь на заслуженном отдыхе, еще шесть лет временно (по два месяца) работал мастером производственного обучения на технологическом отделении техникума. Награжден орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «20 лет Победы», «30 лет Победы», «40 лет Победы», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «Ветеран труда»[5].

Александр Захарович Лобачев — военрук техникума. Родился 14 марта 1914 г. в станице Абинской Абинского района Краснодарского края. Окончил восемь классов в родной станице (1930), затем вечернюю школу (1930–1935), одногодичную школу Северо-Кавказского военного округа (1936), военное училище им. М. В. Фрунзе, курсы командиров дивизионов ВОАШ СА в г. Семенове (1943–1946). Работать пошел в 16 лет на почту. Затем был заведующим отделом по распространению печати Абинского районного отделения Союзпечати (1935), кредитным инспектором Абинского отделения Госбанка (1935). В декабре 1935 г. призван в армию. В январе 1936 г. зачислен курсантом в одногодичную школу Северо-Кавказского военного округа (СКВО). Назначен командиром орудия (1936), командиром взвода (1937) в школе 222-го стрелкового полка 74-й Таманской дивизии СКВО. Член ВКП(б) с 1937 г., курсант военного училища им. М. В. Фрунзе (1938–1939). Участник советско-финской войны (1939) в качестве политрука 8-й и 15-й армий, политрук полковой батареи 11-й строевой бригады. Был ранен. После выздоровления направлен в Закавказский военный округ, где получил назначение на должность политрука. Однако ввиду отсутствия командира батареи ему приходилось выполнять дополнительно обязанности командира. Избран секретарем партийного бюро 104-й пехотной

дивизии (1940), направлен в 47-й отдельный инженерно-аэродромный батальон (1941); служил в Иране в состав 44-й армии (1941–1943), в районе г. Моздок на Северо-Кавказском фронте. Впоследствии находился на должностях: парторга учебного полка и парторга ВОАШ СА, начальника резерва офицерского состава артиллерии ЦГВ (Австрия, 1946), помощника начальника отдела кадров Управления командующего артиллерией ЦГВ, заместителя начальника школы, затем начальника школы сержантского состава (1947), заместителя начальника школы 2552-го корпусного артиллерийского полка 63-го стрелкового корпуса Уральского военного округа (1951–1954), старшего офицера Златоустовского горвоенкомата (1954–1959). Уволен по выслуге лет с правом ношения военной формы (1959).

В техникум советской торговли пришел на должность военрука в звании майора в 1967 г., проработал до 1980 г. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, 15 боевыми медалями, знаком «Отличник РККА», отмечен благодарностью командарма С. М. Буденного[6].

Как видно из приведенных данных, отраженных в табл. 1, наибольшее количество информации о фронтовой жизни собрано в очерках о Борисе Михайловиче Самойлине и Василии Тимофеевиче Маслове[7]. В их биографиях приводятся воспоминания, выдержки из писем (как, например, у Б. М. Самойлина). Более того, его воспоминания были опубликованы в знаменитом краеведческом издании «Златоуст — фронту»[8]. Меньше всего известно о фронтовой жизни С. А. Староверова и А. З. Лобачева, П. Н. Ковина. Это дает повод обратиться к иным источникам для сбора информации.

Для восстановления пробелов в биографии нами была составлена контрольная табл. 2 с кратким описанием военного статуса каждого из ветеранов. Для надлежащей характеристики были взяты такие категории, как воинское звание, место службы, государственные награды, номер и дата наградного листа и информация о награждении. В этом ключе главным источником информации стал электронный портал документов Второй мировой войны «Память народа»[9]. Итак, вот какие подвиги совершили наши фронтовики-ветераны (орфография документов сохранена).

Старший лейтенант Лобачев Александр Захарович 21.10.1944 г. был награжден орденом Красной Звезды[10]. Будучи политруком полковой батареи 163-го отдельного стрелкового полка 11-й стрелкой дивизии в составе 15-й действующей армии на фронте борьбы с белофиннами (18.01.1940 г. по 09.03.1940 г.), обеспечил хорошо поставленной воспитательной работой высокое морально-политическое состояние подчиненных, что способствовало успешному выполнению боевых заданий. В борьбе с белофиннами проявил личный героизм в уничтожении гранатами вражеского дзота (24.02.1940), где несмотря на полученные ранения в руку и ногу, остался в строю. 23.02.1940 г. по личной инициативе его батарея была применена в стрельбе прямой наводкой по белофинским дзотам, что обеспечило занятие «инженеркой» сев. гор. Пяткерант и дальнейшее продвижение пехоте, где был вторично ранен. В настоящее время является парторгом артполка школы.

К работе относится честно и добросовестно, партии Ленина — Сталина предан, пользуется авторитетом среди офицерского состава.

Гвардии лейтенант Ковин Павел Николаевич 02.06.1945 г. был награжден орденом Красной Звезды[11]. За время работы в должности помощника начальника административно-хозяйственной части — казначея показал себя как исполнительный, дисциплинированный офицер Красной армии. В любую обстановку обеспечивал весь личный состав денежным содержанием. Среди начальников служб управления дивизии (109-я Гвардейская стрелковая Бориславская Краснознаменная ордена Суворова дивизия) пользуется авторитетом. Финансовые отчеты в финансовое отделение предоставляет досрочно по произведенным ревизиям финансового хозяйства управления. Замечаний не имеет, финансовое хозяйство находится в отличном состоянии. Приказы НКО №1-210 по денежному довольствию военнослужащим знает хорошо. Несмотря на артиллерийско-минометный обстрел противником, бомбежки с воздуха командного пункта дивизии не терялся и своевременно рассчитывал офицерский состав денежным содержанием.

Но самая интересная фронтовая биография у **старшего сержанта Сергея Алексеевича Староверова**. У него есть три награды. Каждая из них получена за выполнение самой ответственной работы на фронте — обеспечение солдат горячей пищей. Первую свою награду — медаль «За отвагу» — он получил 14 января 1943 г.[12] В наградном листе отмечено: «...в должности повара 445-го отдельного саперного батальона показал образцы мужества и отваги. Работая поваром, неоднократно рискуя своей жизнью, доставлял горячую пищу бойцам на передний край. 8 декабря 1941 года под ураганным огнем противника у д. Трехсвяцкая Клинского района ползком доставил на поле боя горячую пищу взводу, участвовавшему в бою. 1 февраля 1942 г., рискуя жизнью, под минометным и пулеметным огнем противника накормил горячей пищей роту, ведущую бой за д. Клепенино. 3 февраля 1942 г. с присущей ему энергией оказал первую помощь двум тяжело раненным в бою под д. Кошкино бойцам и доставил их на пункт медпомощи. Всегда вкусно и доброкачественно изготовлял пищу для бойцов. Обучил 2 человек красноармейцев приготовлению хорошей пищи в полевых условиях. В настоящее время находится в госпитале».

Таким образом, благодаря поиску в электронной базе данных «Память народа» нам удалось найти новые сведения о награждениях некоторых из преподавателей-фронтовиков, узнать их воинские звания и подвиги, которые они совершили. В частности, найдены наградные листы Александра Захаровича Лобачева, Павла Николаевича Ковина и Сергея Алексеевича Староверова. Собранные дополнительные данные переданы в Музей боевой славы экономического отделения техникума, а для студентов первых курсов был проведен «Урок памяти».

Считаем, что на данном этапе мы достигли поставленной цели. Исследование будет продолжено.

Таблица 1

Краткая характеристика фронтовиков — сотрудников, руководителей и преподавателей Златоустовского техникума советской торговли

Ф. И. О.	Награды	Должность	Годы работы
Александр Захарович Лобачев	Ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, 15 медалей	Преподаватель, военный руководитель	1967–1980
Павел Николаевич Ковин	Ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета»; 10 боевых медалей, медаль «Ветеран труда»; знак «Отличник советской торговли»	Преподаватель бухгалтерского учета	1946–1978
Борис Михайлович Самойлин	Два ордена Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды; 15 боевых медалей, медаль «Ветеран труда»; знак «Отличник советской торговли»	Преподаватель, директор	1963–1977
Василий Тимофеевич Маслов	Ордена Отечественной войны I и II степеней; медали за освобождение Москвы, Сталинграда, Курской дуги, шесть медалей «За боевые заслуги», медаль «Ветеран труда»; знак «Отличник советской торговли»	Преподаватель, заместитель директора по учебной части	1946–1981
Сергей Алексеевич Староверов	Ордена Красной Звезды, Славы 3-й степени; 10 боевых медалей, медаль «Ветеран труда»; знак «Отличник советской торговли»	Мастер производственного обучения	1960–1978

Таблица 2

Военный статус фронтовиков — сотрудников экономического отделения техникума и их боевые награды

Ф. И. О.	Воинское звание	Воинская часть	Награда	Наградной лист	Краткое описание подвига
Александр Захарович Лобачев	Старший лейтенант	163-й ОСП, 11-я стрелковая дивизия, 15-я армия	Орден Красной Звезды	№ 10 от 21.10.1944	Проявил личный героизм в уничтожении гранатами вражеского дзота
Павел Николаевич Ковин	Гвардии лейтенант интендантской службы	109-я гвардейская стрелковая дивизия	Орден Красной Звезды	№ 38 от 02.06.1945	Несмотря на артиллерийско-минометный обстрел противником, бомбежку с воздуха командного пункта дивизии, не терялся и своевременно рассчитывал офицерский состав денежным содержанием

Окончание табл. 2

Ф. И. О.	Воинское звание	Воинская часть	Награда	Наградной лист	Краткое описание подвига
Сергей Алексеевич Староверов	Старший сержант	113-й стрелковый корпус	Орден Красной Звезды	№ 42 от 25.07.1944	Во время наступательных операций, работая поваром у командира корпуса, никогда не отставал от передовой части. Всегда вовремя и без задержек приготовлял горячую и вкусную пищу
		Краснознаменный 113-й стрелковый корпус	Орден Славы 3-й степени	№ 162 от 10.09.1945	За хорошее отношение к своим служебным обязанностям по обеспечению питанием передовой группы, личную инициативу и настойчивость при выполнении порученного задания
		311-я стрелковая дивизия 445-й особый саперный батальон	Медаль «За отвагу»	№ 1 от 14.01.1943	Работая поваром, неоднократно рискуя своей жизнью, доставлял горячую пищу бойцам на передний край

Примечания

[1] Память народа : электрон. портал док. Второй мировой войны. URL: https://pamyat-naroda.ru/?utm_source=podvig_lnk.

[2] История ЗТЭТ. ГБОУ ПОО «ЗТТиЭ». Сведения об образовательной организации. URL: http://www.ztte.ru/page.php?id=27.

[3] *Крылосова Л. И.* История техникума «ЗТЭТ». Техникум — вчера, сегодня, завтра : [рукоп.]. Златоуст, 2014.

[4] Очерк о Ковине П. Н. // Музей экономического отделения ГБОУ ПОО «ЗТТиЭ».

[5] Очерк о Староверове С. А. // Музей экономического отделения ГБОУ ПОО «ЗТТиЭ».

[6] Очерк о Лобачеве А. З. // Музей экономического отделения ГБОУ ПОО «ЗТТиЭ».

[7] Очерк о Самойлове Б. М. // Музей экономического отделения ГБОУ ПОО «ЗТТиЭ» ; Очерк о Маслове В. Т. // Музей экономического отделения ГБОУ ПОО «ЗТТиЭ».

[8] Златоуст — фронту / сост. А. В. Козлов, Ф. Н. Яблонский. Изд. 2-е, испр. и доп. Златоуст : ФотоМир, 2010. С. 91–99.

[9] Память народа...

[10] Наградной лист № 10 от 21.10.1944 г. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie39369243.

[11] Наградной лист № 38 от 02.06.1945 г. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig chelovek_nagrazhdenie2059 5400.

[12] Наградной лист № 1 от 14.01.1943 г. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie161959 59.

А. А. Сокулин

Герои Советского Союза из г. Копейска Челябинской области: сравнительный анализ биографий

Великая Отечественная Война — самое тяжелое испытание, которое выпало нашей Родине в ее многовековой истории. Мужество и героизм воинов и простых граждан достиг апогея: появилось понятие «массовый героизм», когда целые армии стояли «насмерть». Родина высоко ценила подвиги своих защитников. По данным краткого биографического справочника «Герои Советского Союза», высшей степенью отличия — звания Героя Советского Союза — были удостоены 11 657 человек (из них 3051 — посмертно), в том числе 90 женщин (49 посмертно)[1]. Среди них 263 южноуральца, чьи имена указаны на мемориальных плитах в Челябинске[2], и десять моих земляков копейчан[3] — тех, кто в разные годы был связан с г. Копейском Челябинской области. Считаем очень важным хранить память о них, знать, какими людьми они были и какой жизненный путь прошли. Мы попытались проанализировать их биографии с целью выявления общих и особенных фактов их жизни, что позволило по-новому увидеть некоторые аспекты их жизненного пути.

Основными источниками для анализа послужили хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ наградные листы героев нашего исследования, взятые с информационного ресурса «Память народа: подлинные документы о Второй мировой войне», которые содержат сведения о военнослужащих, представленных к той или иной награде (в нашем случае это звание «Герой Советского Союза»). Информация на лицевой стороне документа состоит из двух разделов. Первый содержит следующие данные: фамилию, имя, отчество, год рождения, домашний адрес, партийность, национальность, год призыва и срок нахождения в действующей армии (фронт), военное звание, должность, часть, сведения о ранениях и полученных боевых наградах, а также каким военкоматом был призван. Второй раздел содержит краткое описание личного подвига военнослужащего, фамилию представляющего его к награждению, его роспись и дату составления документа. Оборотная сторона наградного листа представляет собой заключение вышестоящих начальников: ходатайство командира части о присвоении военнослужащему звания «Герой Советского Союза», заключение Военного совета армии, подписанное командармом и членом Военного совета. Здесь же указаны даты подписания заключения и выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоения звания.

Другим источником информации о наших земляках стали документы ОГАЧО: характеристики, неопубликованные фотографии и биографии героев, в том числе фотокопии наградных листов, которые хранятся в материалах А. С. Кислицына в фондах Р-625 «Челябинский областной краеведческий музей»[4] и Р-1130 «Краевед А. П. Ушаков»[5].

Важные и интересные материалы содержатся также в публикациях центральной газеты «Правда»[6] и региональных газетах «Челябинский рабочий»[7] и «Копейский рабочий»[8]. Эти публикации содержат биографии героев, сведения о награждении и совершенных подвигах, а также об их послевоенной жизни.

Материалы о южноуральцах — Героях Советского Союза, в том числе копейчанах, содержатся в исследованиях А. С. Кислицына[9], А. П. Ушакова[10], в статьях энциклопедии «Челябинская область»[11], «Копейск : краткая энциклопедия»[12], в справочнике-путеводителе «Памятные доски города Копейска»[13], в кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза»[14], в других исследованиях, энциклопедических и справочных изданиях[15].

Изучив сведения, полученные из наградных листов, справочных изданий и других источников, мы выявили критерии, по которым может быть охарактеризован жизненный путь наших героев. В соответствии с выявленными критериями нами были составлены четыре таблицы, которые представлены в приложении. В них мы обобщили все собранные данные. Они стали основой для сравнительного анализа жизненного пути копейчан — Героев Советского Союза, позволив выявить общее и особенное в их биографиях.

Первая таблица («Общие анкетные данные») включает следующие графы: Ф. И. О. (фамилия, имя, отчество); даты жизни; место рождения; национальность; происхождение; образование; гражданская специальность; партийность.

Вторая таблица («Данные о военной службе») показывает возраст поступления в действующую армию; фронт; род войск, часть; звание, должность; награды, полученные за участие в операциях Красной Армии в 1939–1945 гг. Проанализировав графы таблицы, мы можем проследить боевой путь героев.

Третья таблица («Данные, связанные с получением звания Героя Советского Союза») содержит такие графы: операция, за участие в которой представлен к званию Героя; данные о подвиге (дата совершения, формулировка основания для награждения, дата составления наградного листа); номер и дата указа о награждении; номер Звезды Героя. Обобщенные в этой таблице данные позволяют изучить все обстоятельства, связанные с получением звания «Герой Советского Союза».

В последней, четвертой таблице («Послевоенная жизнь и память о Герое») имеются такие графы: когда стало известно о подвиге на родине; сведения о послевоенной жизни героя; память о герое. Эти сведения позволят узнать о том, когда земляки узнали о подвигах героев, жизненном пути, который они прошли в послевоенный период, и памяти, оставшейся об их героической жизни.

Проанализировав данные, обобщенные в *первой таблице*, мы узнали, что большинство наших героев (семь человек) родились до

Октябрьской революции 1917 г., а трое — после нее. На момент начала Великой Отечественной войны лишь двоим не исполнилось 18 лет — И. Н. Васильеву и Г. С. Кузнецову. Однако по достижении совершеннолетия они были призваны на фронт.

Пять человек родились на территории современной Челябинской области (Ф. А. Алабугин, И. Н. Васильев, Г. С. Кузнецов, В. А. Похвалин и С. В. Хохряков), один (И. М. Глухих) — на территории нынешней Курганской области, то есть на «Большом Урале». Два человека приехали в Копейск до Великой Отечественной войны из других регионов страны: П. Е. Огнев переехал из Казахстана, В. Ф. Рыбкин — из Орловской области. Два человека приехали в Копейск только после войны: Н. Т. Сириченко — из Белгородской области, Ф. А. Щур — из Донецкой. Девять из десяти наших Героев русские по национальности, один (Ф. А. Щур) — украинец.

Бóльшая часть (восемь человек) родились в крестьянских семьях, один (В. А. Похвалин) — в семье рабочего, еще один герой исследования (С. В. Хохряков), по нашим данным, родился в семье казаков. По этому вопросу в настоящее время нет уточненных сведений, что связанно с утерей метрической книги, хранившей эти данные. В настоящее время нами ведется работа по установлению точных данных, касающихся происхождения Семена Васильевича.

Что касается уровня образования наших земляков, то по девяти из них есть данные, и лишь у В. А. Похвалина мы не нашли сведений об окончании им того или иного учебного заведения. Известно, что он, уже работая на шахте, окончил курсы горных десятников. Семь человек окончили городские школы-семилетки, два человека (Ф. А. Алабугин и П. Е. Огнев) учились в сельских семилетних школах и оба не окончили их (Ф. А. Алабугин окончил лишь четыре класса, а П. Е. Огнев — шесть). Шесть человек (И. Н. Васильев, И. М. Глухих, Г. С. Кузнецов, П. С. Огнев, С. В. Хохряков и Ф. А. Щур) продолжили обучение в школах ФЗУ или на рабфаке. Два человека (И. М. Глухих и С. В. Хохряков) стали кадровыми военными: И. М. Глухих — летчиком, С. В. Хохряков — танкистом.

Шесть человек по окончании учебных заведений пошли работать на шахты: трое (Ф. А. Щур, Н. Т. Сириченко и В. Ф. Рыбкин) — в Донбассе, еще трое (И. Н. Васильев, П. Е. Огнев и С. В. Хохряков) — в Копейске. Два человека стали трактористами (Ф. А. Алабугин и И. М. Глухих). Г. С. Кузнецов работал слесарем, Г. А. Похвалин — на медеплавильном комбинате. Из общего ряда наших земляков выделяются И. М. Глухих и С. В. Хохряков, получившие помимо гражданских и военные специальности.

В разное время семь человек стали членами партии, двое, в силу своего возраста, были членами ВЛКСМ (И. Н. Васильев и Г. С. Кузнецов), двое (Ф. А. Алабугин и П. Е. Огнев) подали документы на вступление в партию и стали кандидатами в члены ВКП(б). Только В. Ф. Рыбкин был беспартийным.

После анализа сведений, содержащихся во *второй таблице*, мы выяснили, что наши земляки попали в действующую армию в возрасте: пять человек — от 18 до 25 лет, остальные — от 27 до 33 лет. Восемь из наших героев сражались на фронтах, освобождавших Украину

(Степной, Южный, 1-й, 2-й и 3-й Украинские), двое (В. Ф. Рыбкин и Н. Т. Сириченко) — на фронтах, освобождавших Белоруссию (1-й и 3-й Белорусские). Большинство наших земляков (шесть человек) служили в стрелковых войсках, остальные четверо — в разных: В. Ф. Алабугин — в саперных, И. М. Глухих — летчик, Н. Т. Сириченко — артиллерист, С. В. Хохряков — танкист. Пятеро служили в гвардейских частях.

Шесть человек имели различные офицерские звания: С. В. Хохряков и И. М. Глухих стали офицерами до Великой Отечественной, а Г. С. Кузнецов, П. Е. Огнев, В. А. Похвалин и Н. Т. Сириченко стали офицерами в годы войны. Ф. А. Алабугин на момент совершения подвига имел звание ефрейтора, а закончил войну в звании сержанта. В. Ф. Рыбкин прошел всю войну рядовым. И. Н. Васильев и Ф. А. Щур имели звание старшего сержанта и старшины соответственно и относились к младшему командному составу.

Все наши земляки кроме Золотой Звезды были удостоены и других наград — орденов и медалей, полученных ими как до, так и во время Великой Отечественной войны. И. Н. Глухих свою первую награду — орден Красной Звезды — получил во время советско-финской войны 1939–1940 гг., С. В. Хохряков в 1939 г. за участие в боях на р. Халхин-Гол был награжден медалью «За отвагу» и орденом Монгольской Народной Республики «Полярная звезда». Обращает на себя внимание, что шестеро героев за свои подвиги были награждены медалью «За отвагу», которая высоко ценилась среди фронтовиков, так как ею награждали исключительно за личную отвагу, проявленную в бою. Троим также была вручена медаль «За боевые заслуги», троим — орден Красной Звезды, причем И. М. Глухих этим орденом был награжден дважды. Н. Т. Сириченко и И. М. Глухих награждены орденом Александра Невского, который вручался только офицерам за выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину. Пятеро награждены орденом Отечественной войны I степени, этим орденом в 1985 г. в честь 40-летия Победы наградили всех Героев Советского Союза, кто был жив в 1985 г. И. М. Глухих награжден орденом Отечественной войны I степени дважды, первое награждение состоялось в годы войны.

В *третьей таблице* обобщены сведения, позволившие нам узнать все обстоятельства совершения нашими земляками героического поступка. По датам совершения копейчанами подвигов можно проследить основные наступательные операции Красной армии в конце 1943 — первой половине 1944 г. Четверо (Ф. А. Алабугин, И. Н. Васильев, В. А. Похвалин и Ф. А. Щур) были удостоены звания «Герой Советского Союза» за операции, связанные с выходом к Днепру и форсированием его, длившимися с 26 августа по 23 декабря 1943 г. По итогам «битвы за Днепр» Левобережная Украина была практически полностью освобождена от захватчиков.

Трое наших земляков (Г. С. Кузнецов, П. Е. Огнев и С. В. Хохряков) получили Звезду Героя во время проведения следующей — Днепровско-Карпатской стратегической операции (24 декабря 1943 — 17 апреля 1944), в ходе которой от оккупантов была освобождена

Правобережная Украина и советские войска вышли к государственной границе СССР.

Следующая крупномасштабная битва, в которой копейчане получили знаки высшего воинского отличия, — операция «Багратион», проводившаяся с 23 июня по 29 августа 1944 г. против группы армий «Центр» и ставшая одной из крупнейших в этой войне. В ходе обширного наступления были освобождены Белоруссия, Восточная Польша и часть Прибалтики. В этой битве отличились Н. Т. Сириченко и В. Ф. Рыбкин.

Отдельно можно выделить И. М. Глухих, так как он сражался в воздухе. Награждение летчиков происходило в большинстве случаев в особенном порядке. Их награждали за количество совершенных боевых вылетов, проведенных воздушных боев, прикрытие бомбардировочной авиации и наземных войск и за количество уничтоженных самолетов врага.

Наградные листы содержат краткое и конкретное изложение личного подвига или заслуг, за которые военнослужащий представлялся к званию «Герой Советского Союза». Изучив их, мы узнали, что пятеро наших земляков были представлены к высокому званию за форсирование водных преград, захват и удержание плацдармов на вражеском берегу. Это И. Н. Васильев и В. А. Похвалин (форсирование Днепра), П. Е. Огнев (Буга и Прута), Г. С. Кузнецов (Днестра) и В. Ф. Рыбкин (р. Проня). Понтонер Ф. А. Алабугин обеспечивал переправу через Днепр и за неделю доставил на правый берег 2340 человек, 17 орудий, 2150 ящиков боеприпасов и много другого военного имущества и техники[16]. И. М. Глухих был представлен к званию «Герой Советского Союза» за 141 боевой вылет, он провел 38 воздушных боев, лично сбил 10 самолетов противника и «проявил себя как умелый и опытный командир — за время боев его эскадрилья сбила 50 самолетов противника»[17]. Н. Т. Сириченко, отбивая контратаку немцев, был неоднократно ранен, но не оставил командование батареей и «личным своим героизмом воодушевлял бойцов». В этой контратаке противник потерял более двухсот солдат и офицеров и был отброшен на запад[18]. Ф. А. Щур в «бою за хутор Первомайский, ворвавшись во вражеские окопы, лично сам уничтожил 26 фашистов, а в рукопашной схватке, когда кончились патроны, прикладом убил 3 фашистов»[19].

Особо выделим нашего земляка, награжденного Звездой Героя дважды. Свое первое награждение С. В. Хохряков получил за умелое командование танковым батальоном в ходе Проскурово-Жмеринской наступательной операции, уничтожив 9 орудий противотанковой обороны, 22 самоходки, 30 ротных пулеметов, 10 танков, 15 автомашин, 19 минометов, 342 солдата и офицера; также были захвачены трофеи: 9 автомашин, 18 вагонов с грузами, дизельное топливо, 750 подвод обоза с разным военным имуществом, взяты в плен 130 человек. Вторую Звезду Героя Семен Васильевич получил за освобождение г. Ченстохова (Польша). За двое суток непрерывных боев город был полностью очищен от немцев. Были уничтожены 1200 солдат и офицеров противника, шесть танков «Пантера» и «Тигр», 10 бронемашин, 150 грузовых машин, 20 легковых, 25 полевых пушек, а также минометы, пулеметы, винтовки и автоматы[20].

Непосредственное награждение героев происходило не сразу — иногда это занимало чуть более двух месяцев, как, например, в случае с первой звездой С. В. Хохрякова (представление — 21 марта 1944, награждение — 24 мая 1944). В то же время В. Ф. Рыбкин был награжден лишь спустя около десяти месяцев после представления (представление — в мае 1944, награждение — 24 марта 1945). В среднем же между представлением и награждением проходило около трех-четырех месяцев.

Как мы выяснили, по номеру Звезды Героя невозможно определить последовательность награждения. Например, трое наших земляков (В. А. Похвалин, Ф. А. Щур и Ф. А Алабугин) совершили подвиги в один период времени — с 20 по 28 октября 1943 г. (восемь дней), однако номера их Золотых Звезд на это не указывают (6787, 2665 и 2474 соответственно). Номер звезды В. А. Похвалина (Указ о награждении от 22 февраля 1944), совершившего свой подвиг более чем на полгода раньше Г. С. Кузнецова (Указ от 13 сентября 1944), значительно больше — 6787 и 948 соответственно. Однополчане И. Н. Васильев (представлен 28 сентября 1943, указ от 25 октября 1943, Звезда № 3436) и В. А. Похвалин (представлен 20 октября 1943, Указ от 22 февраля 1944, Звезда № 6787) совершили свои подвиги в течение одного месяца, но даты указа о присвоении звания разные и порядковые номера звезд различаются на несколько тысяч. Это связанно с тем, что Золотые Звезды находились у командующих фронтов или командующих родами войск (авиации, артиллерии, бронетанковых), и вручение их происходило сразу после выхода Указа.

Последняя, *четвертая таблица* содержит сведения о связи героев со своей малой родиной. Родные и близкие военнослужащих могли узнать о награждении Золотой Звездой Героя из выпусков газеты «Правда», где публиковали списки награждаемых. Публикация подобных списков происходила довольно быстро — в день выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания или в последующие два-три дня после этого[21]. Также в газете «Челябинский рабочий» публиковались статьи и заметки о земляках-героях. В 1945 г. таких публикаций было несколько, больше всего (три) — о П. Е. Огневе[22]. Кроме того, в этой же газете было опубликовано по одной статье о других наших земляках — Г. С. Кузнецове[23] и И. Н. Васильеве[24].

Не все из наших героев вернулись с войны: пал смертью храбрых С. В. Хохряков. И. М. Глухих и В. Ф. Рыбкин переехали в другие регионы и не вернулись в Копейск. И. М. Глухих жил в Москве, работал летчиком-испытателем, хотя и не забывал Копейск, в котором жил, учился и работал до войны. Иван Михайлович приезжал в наш город, встречался с учащимися своего училища № 34, разговаривал с журналистами из «Копейского рабочего». В. Ф. Рыбкин уехал в Углегорск и вернулся к своей довоенной профессии шахтера. В то же время И. Н. Васильев, В. А. Похвалин, Г. С. Кузнецов и П. Е. Огнев сразу после войны вернулись в родной Копейск. Позже двое последних переехали в другие города Советского Союза: Г. С. Кузнецов в 1969 г. переехал в г. Елизово Камчатской области, а П. Е. Огнев уехал учиться в военное училище в Харькове и остался там служить. Трое наших героев переехали жить и работать в Копейск спустя некоторое

время после окончания войны: Ф. А. Алабугин — из с. Фроловка Красноармейского района Челябинской области, Н. Т. Сириченко — из г. Валуйки Белгородской области, а Ф. А. Щур — из г. Макеевка Донецкой области.

В память о копейчанах — Героях Советского Союза их бюсты сегодня стоят на Аллее героев в Копейске (создана в 2005, а бюст В. Ф. Рыбкина — в 2015)[25]. На здании городского военкомата, из которого многие из них были призваны на фронт, в мае 2005 г. установлена мемориальная доска с именами девяти героев (кроме В. Ф. Рыбкина)[26]. В честь четверых (П. Е. Огнева, В. А. Похвалина, С. В. Хохрякова и Ф. А. Щура) в Копейске названы улицы. В с. Мандрово Белгородской области в честь Н. Т. Сириченко названа улица. Также именем дважды Героя Советского Союза С. В. Хохрякова названы улицы в Челябинске, Перми и Каменце. На здании Копейского политехнического колледжа, названного в честь С. В. Хохрякова, 5 мая 2017 г. установлены мемориальные доски в честь И. М. Глухих, Г. С. Кузнецова и С. В. Хохрякова[27]. Кроме того, память о героях хранят и другие мемориальные доски: в дер. Фроловка (в честь Ф. Е. Алабугина), с. Чистом (Г. С. Кузнецова), Харькове (П. Е. Огнева); памятный знак, установленный в г. Енакиево Донецкой области, — посвящен В. Ф. Рыбкину. В г. Валуйки установлен бюст Н. Т. Сириченко. Память о Семене Васильевиче чтят в его родной Коелге, где установлен его бюст, и Копейске, где ему установлен памятник[28]. Также ежегодно в Копейске с 1968 по 2019 гг. проводилось Всероссийское соревнование по боксу памяти дважды Героя Советского Союза С. В. Хохрякова. В 2015 г. «Почтой России» выпущен конверт и состоялось его спецгашение к 100-летию со дня рождения С. В. Хохрякова. Фирмой ЕК Castings выпущен набор «Непобедимые» из 16 «солдатиков»-уральцев, один из которых — Семен Хохряков[29].

Таким образом, на основании обобщения изученных материалов по десяти копейчанам — Героям Советского Союза мы пришли к следующим выводам. По своему социальному происхождению бóльшая их часть была из крестьян (80 %), причем значительная часть родилась до революции 1917 г. (70 %). Девять человек (90 %) имели оконченное или неоконченное семилетнее образование, шестеро (60 %) учились в школах ФЗУ и на вечерних рабфаках, двое (20 %) закончили вузы и стали кадровыми военными. Восемь человек (80 %) имели рабочие профессии (из них 60 % — шахтеры), двое (20 %) были трактористами, другие двое (20 %) получили помимо гражданских еще и военные специальности. Преобладание рабочих свидетельствовало о начавшейся масштабной индустриализации страны. Только один человек (10 %) был беспартийным. Остальные являлись членами ВКП(б) (50 %), кандидатами в члены ВКП(б) (20 %) или членами ВЛКСМ (20 %). Двое героев (20 %) смогли проявить себя до Великой Отечественной войны: один был награжден за участие в советско-финской войне, один — за бои на Халхин-Голе. Копейчане воевали на Украинских (80 %) и Белорусских (20 %) фронтах, преимущественно в стрелковых войсках (60 %), преимущественно в офицерских званиях (60 %); четверо (40 %) — были рядовыми или из младшего командного состава. Преобладание Украинских

фронтов обусловило награждение большинства копейчан (70 %) званием Героя за операции по освобождению Украины: четверых (40 %) — за «битву за Днепр», троих (30 %) — за Днепровско-Карпатскую операцию, двоих (20 %) — за участие в операции «Багратион», летчика И. М. Глухих — за совокупность боевых заслуг. При этом пятеро (50 %) были награждены за форсирование водных преград (рек), захват, удержание и расширение плацдармов на вражеском берегу. Помимо звания Героя Советского Союза копейчане удостоились также и других боевых наград: шестеро (60 %) получили медаль «За отвагу». Один из героев не вернулся с войны. Не все остальные девять связали свою послевоенную жизнь с Копейском, но несмотря на это, память о героях Великой Отечественной хранят множество книг о событиях тех лет, газетные статьи и мемориальные доски с именами героев, улицы сел и городов, названные в их честь, установленные бюсты и памятные знаки.

Приложение

Таблица 1

Общие анкетные данные

№ п/п	Ф. И. О.	Даты жизни	Место рождения	Национальность	Происхождение	Образование	Гражданская специальность	Партийность

Таблица 2

Данные о военной службе

№ п/п	Ф.И.О.	Возраст поступления в армию, каким РВК призван	Фронт	Род войск, часть	Звание, ВУС	Награды, полученные за участие в операциях РККА 1939–1945 гг.

Таблица 3

Данные, связанные с получением звания Героя Советского Союза

№ п/п	Ф. И. О.	Операция, за участие в которой представлен к званию Героя	Данные о подвиге (дата совершения, формулировка основания для награждения, дата составления наградного листа)	Дата утверждения высшим армейским руководством, должность	Дата награждения	Номер звезды

Таблица 4

Послевоенная жизнь и память о герое

№ п/п	Ф. И. О.	Когда стало известно о подвиге на родине	Сведения о послевоенной жизни героя	Память о герое

Примечания

[1] Герои Советского Союза : крат. биограф. слов. : в 2 т. Т. 1: Абаев — Любичев. М., 1987 ; Т. 2: Любов — Ящук. М., 1988.

[2] *Новиков И. А.* Южноуральские герои Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Южный Урал: от колесниц до мирного атома / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2017. С. 90.

[3] Герои Советского Союза — копейчане / авт.-сост. О. В. Касимова. Копейск, 2005.

[4] ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 238 ; Д. 239. Л. 1, 4, 10, 15, 16, 21, 22 ; Д. 240. Л. 1, 5, 12, 17, 18, 24.

[5] Там же. Ф. Р-1130. Оп. 1. Д. 16, 44, 54, 114, 152, 166, 182, 221.

[6] Правда. 1943. 2 мая ; 1944. 12 янв., 24 февр., 17 мая, 25 мая, 14 сент., 15 сент.

[7] Заметка с фото // Челяб. рабочий. 1945. 14 янв. ; *Мишин П.* Встреча с героем // Там же. 1945. 16 дек. ; Наши земляки в боях за Родину // Там же. 1945. 14 июля ; Наши земляки — герои Отечественной войны // Там же. 1945. 18 июля ; По Челябинску и области // Там же. 1945. 28 нояб.

[8] *Емельянов В. П.* О Герое Советского Союза В. Ф. Рыбкине // Копейс. рабочий. 2013. 2 авг. ; *Козлов Л.* Это было недавно // Там же. 1981. 6 июня ; *Рагозин И.* Памятник Герою Советского Союза // Там же. 1971. 24 апр. и др.

[9] *Кислицын А. С.* Овеянные славой. Очерки о южноуральцах — Героях Советского Союза. Челябинск, 1965 ; *Он же.* Южноуральцы — Герои Советского Союза. Челябинск, 1960.

[10] *Ушаков А. П.* Во имя Родины: Рассказы о челябинцах — Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы. Челябинск, 2004. С. 30–33, 34–36, 91, 117, 242–244, 314, 341, 369, 446.

[11] Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 93, 594, 870 ; Т. 3. С. 546–547 ; Т. 4. С. 692 ; Т. 5. С. 337 ; Т. 6. С. 51 ; Т. 7. С. 45–46, 484. Челябинск.

[12] Копейск : крат. энцикл. Челябинск, 2007. С. 8, 56, 104, 137, 157, 169, 175, 207–208, 233.

[13] Копейчанам — Героям Советского Союза // Памятные доски города Копейска : справ.-путеводитель / авт.-сост. Е. С. Меньшенина, В. Б. Феркель. Челябинск, 2016. С. 43–46, 111–112.

[14] Герои Советского Союза : крат. биограф. слов. Т. 1. С. 37, 243–244, 329, 799 ; Т. 2. С. 191, 315, 388, 468, 693, 816.

[15] *Иванова М. С., Горшкова М. В., Носкова З. Д.* Герой Советского Союза И. Н. Васильев // Гороховские чтения : материалы шестой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2015. С. 126–130 ; *Новиков И. А.* Первый в Челябинской области Герой Советского Союза Г. М. Лаптев в боях за родину: поиск истины // Там же. С. 111–125 ; *Он же.* Южноуральские герои Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Южный Урал: от колесниц до мирного атома / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2017. С. 90–97 ; *Рагозин И. Д.* Комбат Хохряков. Челябинск, 2000 ; *Он же.* Легендарный танкист из Коелги. Копейск, 2014.

[16] Наградной лист Алабугина Федора Андреевича. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150000001&tab=navDetailDocument.

[17] Наградной лист Глухих Ивана Михайловича. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150006465&tab=navDetailDocument.

[18] Наградной лист Сириченко Николая Трофимовича. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150030399&tab=navDetailDocument.

[19] Наградной лист Щура Феодосия Андреевича. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150037750&tab=navDetailDocument.

[20] Наградной лист Хохрякова Семена Васильевича. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150038530&tab=navDetailDocument.

[21] Правда. 1943. 2 мая ; 1944. 12 янв. ; 24 февр. ; 17 мая ; 25 мая ; 14 сент. ; 15 сент.

[22] Заметка с фото... ; По Челябинску и области // Челяб. рабочий. 1945. 28 нояб. ; *Мишин П.* Указ. соч.

[23] Наши земляки в боях за Родину...

[24] Наши земляки — Герои Отечественной войны...

[25] *Басургина Л. Г., Кирилова Н. Н.* Сквер павших героев // Продвижение. 2014. № 5.

[26] Копейчанам — Героям Советского Союза... С. 43–46, 111–112 ; *Колмогоров В. В.* Мемориальные и аннотационные доски города Копейска. Копейск, 2013. С. 6.

[27] Памятники города Копейска : справ.-путеводитель / авт.-сост.: Е. С. Меньшенина, В. Б. Феркель. Челябинск, 2017. С. 73, 79, 80, 84–85, 87.

[28] *Новиков И. А.* Южноуральские герои Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 92, 96 ; Памятники истории Челябинской области : справочник / Ф. Я. Дробот, В. С. Колпакова, Н. П. Парфентьев и др. Челябинск, 1990. С. 170.

[29] Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/main.asp.

Г. И. Старикова

Локальная история и генеалогия (на примере казачьего рода Заварухиных из станицы Магнитной)

Одно из научных направлений в современной исторической науке — микроистория (локальная история, история повседневности). Возникнув в Италии и Франции в 1970-е гг., в настоящее время она занимает все более важное место в изучении прошлого. История повседневности завоевывает умы и серьезных ученых, и любителей старины. Она нацелена на исследование истории небольших населенных пунктов и жизни простых людей в реальные моменты их жизни. В своем интересе к судьбам конкретных людей и их участию в историческом процессе микроистория и генеалогические исследования очень близки и могут дополнять друг друга.

При восстановлении родового древа важно не то, как далеко в прошлое мы протянем тот или иной род (довольствуясь лишь именами предков), важно изучить биографии предков, их образ жизни, понять особенности их мироощущения. Историк М. Блок сказал: «Предметом истории является человек». Очень часто благодаря сохранившимся письмам, дневникам, даже небольшим заметкам в книгах или на фотографиях и конечно же архивным документам удается действительно услышать голоса давно умерших людей, почувствовать их эмоции, узнать мнение о современных им событиях. Реконструкция повседнев-

ной жизни — быта, взаимоотношений в сообществе, принадлежности к той или иной церкви, обрядов, деталей личной жизни и многого другого — интересуют и историков, и генеалогов.

История станицы Магнитной Оренбургской губернии — это микроистория. Многие магнитогорские краеведы и историки работали с архивными документами. Имеются исторические исследования В. Баканова, А. Дегтярева, В. Машковцева, Г. Стариковой. Воспоминания и песни старожилов записаны краеведами Г. Серовым и Г. Гончаровой. Однако многие темы, и прежде всего детали повседневной жизни, вероисповедания станичников, требуют дальнейшего изучения. Возможно, именно генеалогические поиски раскроют новые страницы истории, позволят посмотреть на жизнь станицы глазами современника. Столкновение характеров, вероисповеданий, личные конфликты — все это вводит нас в мир станицы XIX в.

В истории крепости и станицы Магнитной известно немало коренных казачьих семей, живших здесь на протяжении столетия. Однако не всегда за скупыми строками метрических книг и архивных документов можно увидеть отдельную личность.

Казачий род Заварухиных — один из немногих исключений. Отдельные представители этого рода оказались втянуты в громкие исторические события, и их имена, прямая речь, показания станичников помогают узнать об их роли в различных событиях, личностные особенности, образ мышления и многое другое. Исследование истории рода Заварухиных помогает также осветить несколько моментов в истории станицы Магнитной.

Основные источники восстановления родословной Заварухиных: «Ревизские сказки крепости Магнитной 1834 г.», «Метрические книги Троицкой церкви станицы Магнитной», дело «О совратившихся из православия в раскол жителях Магнитной станицы», «Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года».

В 1805 г. в крепость Магнитную из Челябы были переведены на жительство и службу несколько семей исетских казаков. Именно они составили костяк жителей Магнитной в XIX — начале XX в. Среди них были и Заварухины, видимо, происходившие от челябинских первопоселенцев. Фамилия Заварухиных встречается в переписи населения Челябинской крепости 1740 г. и в ревизской сказке г. Челябы за 1782 г. Самое первое упоминание относится к 1740 г.: «Семен Андреев сын Заварухин сорока [лет], у него жена Марья Дементьева дочь тридцати лет, дети Конан пяти, Иван году. Родом Балахнинского уезду Саузольской волости деревни Попово, дворцовой крестьянин, до возрасту воспитан Христовым именем оттоль сошел с женой от хлебной скудости назад тому пять лет и пришел Шадринского дистрикта в село Кривское и жил с полгода. В подушной оклад положен на прежнем жилище. В Чилябинскую крепость записан в прошлом 736 году полковником Тевкелевым»[1]. Так что семья ведет свою историю из Нижегородской губернии.

По документам 1782 г., в Челябе жили: служащий Ульян Заварухин с женой Крестиной Кондратьевой, служилый казак Антон Иванович Заварухин с женой Пелагеей Федоровной, Данила Кондратьевич Заварухин с женой Настасьей Васильевной. («Ревизская сказка города

Челябы за 1782 год», сведения из Интернета) Возможно, все эти семьи имели отношение к переселенцам в Магнитную крепость. Отмечается совпадение некоторых дат и имен. Однако необходимо более детальное изучение документов, чтобы доказать их родственные связи.

В «Ревизской сказке крепости Магнитной 1834 г.» (сведения из Интернета) отмечены четыре семьи Заварухиных: Степана Ульянова (урядник), Сергея Данилова (урядник), Ивана Антонова (казак) и Ивана Федорова (урядник). По метрическим книгам мы знаем о многих событиях (рождения, свадьбы, смерти, участие в жизни других станичников) в этих семьях на протяжении столетия[2]. Подробно остановимся на одной ветке, родоначальником которой был Иван Федорович Заварухин. Именно о представителях этой семьи сохранилось наибольшее количество сведений.

Иван Федорович Заварухин приехал в крепость Магнитную в 1823 г. В возрасте 12 лет его перевели из Челябы (сирота? к родственникам?). Возможно, Ульян Заварухин был его дедом (у него был сын Федор, 1776 г. р.), а Степан Ульянович — дядей. Информация о нем скудна, много недоказанных пока предположений, но и имеющиеся данные говорят о незаурядной личности. В 22 года — урядник, к 40 годам — сотник, в 49 лет — отставной урядник, в 1860 г. — есаул. Наверняка, в Оренбургском архиве мы сможем найти информацию о его службе и наградах. По ревизской сказке 1834 г., у Ивана Федоровича была жена Марина и две дочери. Дальнейшую его жизнь легко проследить по метрическим книгам церкви станицы Магнитной. В 1853 г. он вторым браком женился на Александре Ивановне, в этом же году у них родился сын Илья (в метрической книге есть запись, что в 1864 г. ему выдано свидетельство). В августе 1860 г. в возрасте 49 лет Магнитной станицы отставной есаул Иван Федорович умер от горячки, о чем есть запись в метрической книге[3]. Нам известно о шестерых детях Ивана Заварухина. Но яркий след в жизни станицы оставили два сына — Михаил и Алексей. Через их судьбы мы можем представить жизнь староверов в станице в течение полувека — во второй половине XIX в. (переход в раскол, преследования, руководители общины, взаимоотношение с православными станичниками и священниками).

В XVIII–XIX вв. старообрядчество было широко распространено в среде оренбургских казаков. Однако оно не было повсеместным. В станице Магнитной проживало большое количество староверов-беспоповцев. В 1860-е гг. отмечался рост старообрядчества по всей стране. Это было время реформ в России, в том числе и в религиозной сфере. Начинался процесс легализации староверов, который в большинстве мест проходил мирно. На этом фоне выделяются события в Магнитной станице. В Государственном архиве Оренбургской области хранится дело «О совратившихся из православия в раскол жителях Магнитной станицы» за 1863–1867 гг.[4] Речь идет о переходе в раскол в 1860-е гг. значительной части казаков станицы Магнитной, об их побеге в башкирские леса и отказе от присяги. В этом деле имеются и списки казаков, перешедших в раскол, и переписка священника с епархиальным начальством, и материалы суда с показаниями подсудимых и приговором.

С 1861 г. в станице Магнитной в домах староверов Починского, Таскаева все чаще проводятся собрания, на которых читают раскольничьи книги, встречаются со странниками-староверами. Тайные встречи проходили и раньше, но теперь в них активно вовлекаются новые станичники. Заинтересовало происходящее и молодого думающего казака Михаила Ивановича Заварухина.

В мае 1863 г. восемнадцать казаков станицы тайно уехали в башкирские леса за Белорецкие заводы на богомолье. При этом некоторые из них должны были отправиться на службу на подавление польского восстания. Дело рассматривалось в комиссии военного суда, учрежденного при войсковом дежурстве. Для решения конфессиональных вопросов суд неоднократно обращался в Оренбургскую духовную консисторию. 19 сентября 1867 г. комиссия военного суда признала тринадцать казаков виновными «в отступлении от православной веры в раскол и произнесении некоторыми из них дерзких выражений против православной церкви и священства, и привлечении к расколу других». В деле «О совратившихся из православия в раскол жителях Магнитной станицы» часто встречается имя Михаила Ивановича Заварухина (1838 г. р.). Многие детали его жизни раскрывают метрические книги церкви станицы Магнитной.

Если судить по метрическим книгам, это была обычная жизнь казака. В 1857 г. Михаил Иванович женился на казачьей девице Прасковье Степановне Коновой[5], которая умерла в возрасте 37 лет от водянки в один день с новорожденным сыном[6]. В этом браке родилось не менее шести детей. В 1874 г. Михаил Иванович женился второй раз на Елене Федоровне. Возможно, он был женат и третий раз (в 1890-е гг.) — на Акулине Константиновне. Если бы мы знали об этом человеке только по этим записям, навряд ли он привлек наше внимание. Но в 1860-е гг. Михаил Иванович Заварухин оказался тесно связан с важными событиями, происшедшими в станице.

Информация из дела «О совратившихся из православия в раскол жителях Магнитной станицы» расширяет наши знания о его биографии. На службу он поступил 1 января 1857 г., находился неоднократно в командировках, был неграмотен, не штрафован, женат и имел детей. Молодой казак Михаил Заварухин до 1863 г. в отступлении от православия замечен не был. Священник станицы Магнитной Василий Дружинин показал, что М. Заварухин «после того как стал ходить к Ефиму Починскому, совершенно оставил церковь, и на Светлой неделе священника со святыми иконами в дом к себе не пустил, а в день Святой Троицы с презрением от целования св. Креста отступил назад». Обвинялся Михаил Заварухин также и в том, что говорил богохульные слова. Подсудимый объяснял свое поведение тем, что в станице Магнитной служит недостойный священник (употребляет табак). Он также сказал: «Во время праздника Святой Троицы, будучи в параде, уклонился от приложения к святому кресту, потому что счел недостойным священника, подносившего крест»[7].

19 сентября 1867 г. комиссия военного суда признала тринадцать казаков виновными «в отступлении от православной веры в раскол и произнесении некоторыми из них дерзких выражений против православной церкви и священства, и привлечении к расколу других»,

но так как «они обратились к православной вере до конца их жизни с семействами своими, то на основании 151 ст. 1 кн. Военного уголовного устава водворить их по прежнему жительству». У Михаила Заварухина взяли подписку о неуклонном исполнении обрядов православной церкви. Оренбургская духовная консистория писала в комиссию военного суда о нем: «...как не решительно отпавшего от церкви, а только колебавшегося сомнениями в вере, родившимися в том после чтения подложных книг... отобрать подписку в том, что он будет впредь твердым... книг раскольничьих читать и расколоучителей слушать не станет»[8].

Действительно ли Михаил Заварухин вернулся в лоно православной церкви? Косвенные свидетельства показывают, что он остался в расколе. И прежде всего об этом говорит история его брата Алексея Заварухина — известного староверческого законоучителя, который говорил, что в раскол пришел вслед за старшим братом. В своих откровениях он называет Михаила слабохарактерным, находившимся под чужим влиянием. Однако показания самого Михаила, священника и станичников раскрывают перед нами характер незаурядный, решительный, вдумчивый. Складывается впечатление, что он относился к плеяде правдоискателей, для которых жизнь не ограничивается повседневными делами. Он не побоялся пойти против семейных традиций (судя по всему, семья была православной). Говорил о недостатках священника и церкви не только в кругу староверов, но и станичникам на улице, и на суде. Казак Лаврентий Воробьев показал, что во время разговора о бежавших в леса староверах Заварухин сказал, что они служат Богу, что в православной церкви «стоит черт с розгами» и что он в нее ни за что не пойдет. А казак Плотников дал показания, что в разговоре с ним М. Заварухин назвал священника православной церкви «окаянным»[9]. Будучи сам неграмотным, он внимательно слушал чтение книг и помог младшему брату получить образование. К сожалению, о духовной жизни Михаила Заварухина после суда мы практически ничего не знаем. Но именно его поиски правды привели к появлению в станице яркого и авторитетного законоучителя — Алексея Ивановича Заварухина.

В феврале 1895 г. старовер, казак станицы Магнитной Алексей Заварухин обратился к преосвященнейшему Тихону епископу Оренбургскому и Уральскому с просьбой о присоединении к православию и попросил архипастырского благословения «для вступления в новую жизнь и обещал употребить свое старание, чтобы привлечь заблудших раскольников в лоно православной церкви». В 1895 г. в «Оренбургских епархиальных ведомостях» было опубликовано письмо Алексея Заварухина с подробным объяснением его поступка. Некоторые даты в тексте ошибочны и, видимо, приводятся по памяти, но выразительным языком изложены и история его семьи, и его жизнь старовера, и рассказ о том, что́ изменило его отношение к вере. Для станицы, в которой жило много староверов, это был смелый и неожиданный поступок, последствия которого коснулись многих.

Алексей Заварухин писал:

Я был рожден от православных родителей в 1848 году и остался после матери двух лет, а после отца 14 лет, под руководством старшего брата. В нашей местности искони существовал сильный раскол. В 1866 году и мой слабохарактерный брат под влиянием местных законоучителей перешел в раскол, причем я, как член семьи, должен был следовать его примеру. С течением времени я сблизился с раскольниками и усвоил их учение.

Когда мне исполнилось 23 года, я женился на дочери раскольника, только брак я принял по православным каноническим обрядам, желая тем придать законную форму моей брачной жизни; будучи обучен грамоте и имея сильную охоту к чтению старых книг, я, при плохом понимании смысла их, а также под влиянием местных расколоучителей, более и более утверждался в расколе. В скором времени я стал во главе местного раскола и ратовал подобно гонителю Савлу, будучи убежден в правоте раскола; но наш милосердный Бог, не хотя смерти грешника, коснулся моего окаянного помраченного сердца и открыл мне свет истинный.

Однажды мне случилось идти на раскольничью беседу, но на дороге попался мне грешному человек, который предложил мне книгу «Окружное послание»; я, хотя и с отвращением, но все-таки не отказался взять ее и стал упражняться в чтении ее. «Послание» как луч солнца, выходящий из-за темного облака, просветило мне сердечные очи. Ныне я пришел к истинному познанию, что действительно вся раскольническая прелесть тяготит старообрядцев, но гордость заставляет их отвращаться от истинного света.

Затем я обратился, после беседы с о. миссионером г. Челябы, к приходскому батюшке, и он по долгу пастырскому долго беседовал со мной о православной вере, чем и привлек меня к сближению с истинной Православной церковью; его вразумления восстановляли во мне новые силы и новый дух к сознанию своего заблуждения, теперь я совершенно убежден в правоте Православной греко-российской церкви.

Редакция газеты «Оренбургские епархиальные ведомости» написала, что «Его Преосвященство выразил свою радость по поводу вступления в лоно православной церкви нового члена и на прошении Заварухина наложил такую резолюцию: “Присоединяющемуся к св. Церкви Алексею Заварухину и всему семейству его преподать через священника мое архипастырское благословение и выразить ему мою отеческую великую радость об обращении его со всеми домашними на путь спасения. Надеюсь, что он многим раскольникам подаст доброе назидание и словом своим и примером и посодействует их обращению в лоно св. Церкви”»[10].

В 1896 г. священник Александр Добролюбов отметил: «За самое последнее время раскол ослабевает в своей нравственной силе благодаря обращению в православие в 1895 году начетчика Алексея Ивановича Заварухина»[11].

Об Алексее Ивановиче Заварухине сохранились свидетельства и в метрических книгах церкви станицы Магнитной. Есть запись и о его венчании в 1870 г. с Марией Моисеевной Черновой, и о крещении двенадцати детей. Но, к сожалению, о его дальнейшей судьбе мы пока ничего не знаем.

Так три представителя рода Заварухиных оставили заметный след в истории крепости и станицы Магнитной.

Примечания

[1] *Дегтярев И. В.* Челябинская старина. Челябинск, 1996. С. 83.
[2] Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 1. Оп. 1.
[3] Там же. Д. 9.
[4] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9684.
[5] Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
[6] Там же. Д. 17.
[7] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9684. Л. 40.
[8] Там же. Л. 45.
[9] Там же. Л. 92.
[10] Оренбург. епарх. вед. 1895. № 12. С. 355.
[11] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 16 — 17 об.

В. И. Таушканова

Море житейское: дневники и письма краеведа И. В. Дегтярева

Все, кто интересуется историей и прошлым Челябинска, знают имя Ивана Васильевича Дегтярева (1903–1996). «Патриарх краеведения», «Рыцарь челябинского краеведения», «Ровесник двадцатого века», «Человек, нашедший Челябинск», «И. В. Дегтярев — человек и исследователь» — это заголовки статей, в которых написано о краеведе и его творчестве. Историки Челябинска его характеризуют как одного из наиболее значительных исследователей истории заселения Южного Урала. Когда в 1996 г. Иван Васильевич уже был тяжело болен, прикован к постели, его посетили челябинские краеведы, историки и поднесли ему подарок — его книгу «Челябинская старина: сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е гг. XVII — середина XIX в.)». Автор книги был рад подарку, он хотел услышать мнение ученых и увидеть свой труд напечатанным, и это произошло.

Настоящая статья включает дневниковые записи и тексты писем Ивана Васильевича и охватывает период 1931–1993 гг. Представлены письма и дневники только личного характера, дающие представление о бытовой и семейной стороне жизни краеведа. О жизни близких, о себе, о семье, о детях — вот о чем поведал в письмах Дегтярев. По жанру это эпистолярный рассказ о неустроенности и тяжелых испытаниях в жизни, о голоде, диалоги с самим собой, размышления и семейные истории. Крестьянин по происхождению, он с детства стремился получить образование, учился сам и учил детей в школе на протяжении всей жизни. Только когда И. В. Дегтярев вышел на пенсию, он отдался полностью творчеству, исследованию истории Южного Урала, истории заселения края и составлению родословий земляков.

Дневники и черновики писем личного характера, которые представлены в этой статье, хранились в его семье. В архиве Ивана Васильевича Дегтярева в Центре историко-культурного наследия г. Челябинска находятся письма от исследователей В. Бирюкова, К. Сальникова, В. Четина, А. Преображенского. С этими учеными краевед вел активную деловую переписку с 1963 г., когда переехал в Челябинск и стал внештатным сотрудником Челябинского краеведческого музея. К сожалению, я не была знакома с краеведом.

Заглавие статьи принадлежит автору дневников — он упоминает его в одном из своих писем. Предполагаю, что историк хотел написать автобиографическую повесть, потому что все записи, письма, черновики писем, дневники были собраны в одну папку. Не успел. Беру на себя смелость сделать малую часть этого (орфография автора оставлена без изменений). Дневники Дегтярева пестрят цифрами, датами, ценами на продукты и товары. Таков Иван Васильевич. Очень приземленной, бытовой может показаться эта статья, без комментариев о политической и экономической жизни общества, но все же в дневниковых записях краеведа о себе открывается нам правда о тяжелой и голодной жизни большинства таких же советских людей в некоторые

годы и даже в десятилетия советской поры. Форма личного письма и дневника могут быть интересны для наших современников. В его записях есть особый подтекст, я его обозначила темами смирения и любви: гордого смирения в жизни, выживания в ней, замкнутого одиночества, любви к своим близким, своим предкам, поиск своего предназначения в мире и, наконец, обретения свободы от человеческого осуждения, мнения.

1931 год. Из дневника

Я родился. От своей матери я неоднократно слышал, что я родился в осенние заговенье, она говорила: «...за стол пельмени есть, а мне пришло время родить, и я пошла в "малуху", ты там родился. 14 ноября по старому стилю, 27 ноября по новому стилю». 15 ноября Иванов день с этого дня начинается Рождественский пост. В честь Иванова дня мне было дано при крещении в церкви имя Иван. Это было 1903 году, матери тогда было 34 года, дата ее рождения 25 декабря старого стиля 1869 года. Отцу в то время было 28 лет, он родился 1875 году 1 января. Имя отца Дегтярев Василий Степанович, имя матери Дегтярева Татьяна Васильевна. В год моего рождения мои родители жили еще в семье, то есть в составе семьи моего деда отцовского отца Степана Еремеевича Дегтярева, которому было тогда 56 лет. Семья, где жили мои родители, где я родился, называлась тогда и продолжает называться теперь село Алабуга. Что в то время в Белоярской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии. В данное время село Алабуга Красноармейского района Челябинской области, находится на северо-востоке от Челябинска километров 80 в направлении на Шадринск. Дом деда моего, где жили родители и где я родился в 1903 году, находился на третьей от берега озера улице, на углу, при пересечении ее поперечной улице, идущий от берега озера. Когда я родился, дом просуществовал после моего рождения около 5 лет в 1908 году он был разломан, заменен новым, а новый простоял до 1943 года, а потом это место пустовало 12 лет, в 1956 году на этом месте построили дом Иван Иванович с женой Кокшаровой Марией. «Малуха» — хозяйственная изба, находилась на усадьбе деда Степана. Это и есть непосредственное место моего рождения и, конечно, уже давно не существует, но место осталось, это просто бугор на огороде Дегтярева Ивана Ивановича. Родители и деды, и вообще предки мои были природными крестьянами, следовательно, я тоже — крестьянин. «Малуха» называли малую избу, стоявшую тут же рядом, в огороде или на заднем дворе, использовали не для жилья, для хозяйственных целей, зимой содержались ягнята, козлята, сушили овчины, требенье, чесание льна. Иногда имелась русская печь, в крайнем случае, можно было временно использовать ее под жилье.

Мой прадед, мой дед. 4 апреля 1866 года в возрасте 52 лет умер от «горячки», так написано в церковной метрической книге, но надо думать, что от тифа, крестьянин Еремей Васильевич Дегтярев, это был мой прадед. Семья у Еремея осталась большая, имела следующий состав: жена, слабая больная и слепая Мария Тихоновна, еще проживали двое женатых сыновей со своими женами. Старший сын Александр

в возрасте 28 лет с женой Марьей с сыновьями Иван (3 года), Павел (7 месяцев). Средний сын Иван в возрасте 21 года с женой Антониной, с сыном Василием (сын был в грудном возрасте), еще у Еремея было двое неженатых сыновей Степан, в возрасте 18 лет и Савелий 16 годов и дочь Анна 14 лет. Всего, таким образом, семья насчитывала 11 человек. Потому, из этого состава Иван Еремеевич, жена Антонина и их ребенок жили в другом доме у Балдина Ивана Яковлевича, у которого Иван Еремеевич, ввиду бедности и многосемейности отца, был в работниках, как до женитьбы, так и после женитьбы, так на всю жизнь у него и остался. Ивойло Яковлевич не имел детей, «усыновил» его вместе с женой и передал впоследствии все хозяйство. А после смерти Еремея в хозяйстве за «большак» остался старший сын Александр Еремеевич, который женил своих младших братьев Степана и Савелия, выдал замуж сестру Анну в Алабуге в «Заречье» за Панова Дмитрия Ивановича. Александр совместно с братьями простроил новый дом, это тот самый сосновый дом под тесом, старинного типа. Это, когда заходишь в сени, то налево — изба, направо — такого же размера клеть или летняя изба без печи. Этот дом стоял на углу, напротив «Ратниковых», существовал до 1930 года. Вскоре после женитьбы был отделен Александром его брат Степан. Степан же с помощью богатого тестя построил себе новую избу такого же старинного типа, тоже под тесом, но не из сосновых бревен, а из березовых. У Степана Еремеевича впоследствии в последних числах декабря 1874 года родился сын Василий. Это мой отец. Умер отец в 1927 году, в марте. Получил это известие в деревне Карпиной Бродокалмакского района.

Моя мать и ее родные. Моя мать Дегтярева Татьяна Васильевна родилась 26 декабря1869 года (по новому стилю 7 января тогда 1870 года). Умерла на девяносто третьем году жизни 19 марта 1962 года. Поженились они с отцом в «промежговенье» в 1894 году, это период времени года от праздника Рождества Христова до Масленицы, это месяцы январь, февраль. Отцу тогда исполнилось 18 лет, а маме исполнилось 24 года. Из рассказов матери о себе самой, до выхода ее замуж, и о людях своей семьи, знаю. Родителями ее были отец крестьянин деревни Чудняково Агеев Фома Васильевич, мать Анна Николаевна урожденная Новокрещенова (дочь крестьянина села Алабуга Новокрещенова Николая Фомича), но родной Агеев Фома Васильевич умер за несколько месяцев до ее рождения, и мать овдовев, вернулась к своему отцу в Алабугу и вторично вышла замуж за крестьянина села Федорова Василия Степановича по прозвищу «Свинячьих». В семье отчима мать жила только с 12-летнего возраста, до этого времени жила у своего деда Николая Ивановича. Отчим относился нормально, не обижал и не ругал ее. По имени этого, неродного своего отца она и получила отчество «Васильевна». Хотя фактически была «Фоминична». От этого второго мужа у Анны Николаевны родились сыновья: Александр, Иван большой, Иван малой, Егор, Алексей и дочь Агафья. Это мои дяди по матери дядя Александр родился в 1872 году, умер стариком в январе 1948 года. Дядя Иван большой умер молодым в 1908 году от «чахотки» туберкулеза, дядя Иван Малый также умер около 1920 году от туберкулеза, дядя Егор тоже умер рано тоже от туберкулеза, дядя Алеша в тридцатые года в возрасте 50 лет тоже от туберкулеза, Ага-

фья умерла в 1920 годах, а бабушка Анна Николаевна возрасте 80 лет 2 мая 1924 года.

Мои воспоминания. В 1913 году сдал экзамен в селе Белоярском за третий класс в средней школе, а в 1914 году за четвертый класс в селе Пукташ. Известие об объявлении войны в 1914 году мы с отцом получили, будучи в поле у «Потемина». Отца взяли сразу же, но потом отпустили на один год. Вторично взяли летом 1915 года, но весной 1916 отпустили совсем. Я под осень 1915 года поступил учиться в Бродокалмакское высшее училище, благодаря стараниям нашей учительницы Серафимы Ивановны, к ней у меня добрая память. В 1916 год, а также семнадцатый, восемнадцатый года учился в Бродокалмакском высшем училище. В начале 1916 года во время каникул первый раз попал в город Челябинск, ездил с матерью и бабушкой Анной проведывать отца. Из событий февральской революции в 1917 году в Бродокалмаке помню молебен в церкви по этому случаю, помню школьную манифестацию и поздравление учителями друг друга. Об Октябрьском перевороте узнал лишь впоследствии осенью 1917 года от взрослых. Мы ученики вели споры о большевиках, о меньшевиках, об эсерах. Помню лозунги большевиков «Земля без выкупа». Мне кажется, что большевики пользовались симпатией большинства крестьян. Помню предвыборную кампанию в деревне, разговор, споры, но результатов не помню. Весной 1918 года пришли в Алабугу чехи, усиливалась «колчаковщина». Помню, что симпатии мужиков были не на стороне их. Учебные заведения не функционировали в этом году, и мне пришлось вместо продолжения учебы поступить осенью к Владимиру Семеновичу, где я был у него из-за приказчика, за караульщика, и за дворового батрака, ездил с ним по ярмаркам (Верхреча, Суховорское, Челябинск), а в перерыве между ярмарками ухаживал за скотом, прожил у него три месяца.

1919 год. Февраль. Провожали новобранцев из села Алабуга на железнодорожную станцию Каясан. Новобранцы эти с 1900 года рождения по «колчаковской» мобилизации. Апрель. Тепло, ясно. Занимались посевом. Сентябрь. Прошла организация ячейки ВЛКСМ, я записался в комсомол.

Октябрь. Поступил переписчиком в алабугский военкомат.

1920 год. Июнь. Вступил я в ячейку РКП(б), умерла моя сестра, ей было 11 лет. В Алабуге 10 августа сгорела вся Закурья (территория села). Выбрали меня секретарем ячейки РКП(б).

1921 год. Женился на Александре Маркевич.

В 1922 году в июне челябинской больнице родилась дочь Юлия. Приехал в Челябинск, демобилизовался из переписчиков военкомата. Поступил в городское коммунальное хозяйство переписчиком.

В мае случился сильный пожар в Челябинске в Заречной части.

Живу почти голодом сегодня продал 9 книг за 6000 руб. и купил 1 фунт хлеба, продал кальсоны.

Апрель. 1922 год. В Челябинске наводнение вода залила всю площадь. 15 июня уехал в Свердловск на двухмесячные курсы пропагандистов.

Август. Купил летнее пальто, первое за свою жизнь. По окончании курсов выехал из Свердловска и прибыл домой в Алабугу, куда приехали в июле из Челябинска Шура с Юлией.

Сентябрь. Приступил к работе пропагандистом РКП(б) Бродокалмакского района.

(В 1923 г. И. В. Дегтярев поступил в одногодичную совпартшколу и стал активистом партии и советским работником, агитатором. С 1924 г. организатор политико-просветительской работы в сельской районах Челябинского округа. — *В. Т.*)

1928 год. Январь. В связи с переводом работы по взиманию платежей и хлебозаготовок на боевые темпы, прибыл уполномоченным в Теренкульский сельский совет. В этом же месяце прибыл в слободу Кочердык на должность пропагандиста.

Февраль. Прибыл в Бурлево для проведения школы пропагандистов.

Март. Приехав в слободу по делам школы попадаю на историческое совещание уполномоченных, на следующий день уезжаю в Нижнюю Московку, потом в Николаевку, в Кислянский сельский совет, потом снова в Бурлево. Наконец, там удалось сходить первый раз по выезду из Бурлево (4 недели) в баню, взять напрокат чистого белья.

Май. В начале сева работал в Кременовском сельском совете, но не по посевной, а по «хоззаготовкам». Работать приходилось ночью, потому что мужики днем были в поле.

1929 год. 5 февраля сегодня произвел официальный развод с женой Александрой Маркевич. Было мне весьма не по себе, не для того на ней женился. Пословица: «Не радуйся — нашел, не тужи — потерял». Нет причин горевать, если неудача, по существу ничего не потерял. Живу в Челябинске с 12 февраля.

Июнь. У меня большое горе, горе какого я еще не переживал, умерла единственная доченька, моя радость — Юлечка. Перед этим несчастьем все прежнее бледнеет и кажется таким безобидным, что я сейчас согласился бы иметь это ежедневно, лишь бы Юлечка сейчас вот предстала предо мной живьем, но ее мне больше никогда не увидеть, вчера я получил телеграмму, что ее не стало. Вся прежняя жизнь сейчас встает передо мной как сон, я остался совершенно одинок, у меня сейчас нет никого и ничего. Я это именно сейчас вот только понял. Ясно для всех я далекий и чужой, всем безразличен, никто не примет ко мне участие. Мне не с кем поделиться не радостью не горем. У меня нет своего угла. Мне не с кем отдохнуть ни телом, ни душой. Я мыкаюсь по чужим людям, по чужим квартирам. Никто меня не встретит, когда я приезжаю, никто меня не ждет с нетерпением, какая я жизнь постылая. Когда я разводился, я лучше хотел сделать, ибо в той жизни не было всего того, что было нужно мне. И вот сейчас я совсем один, чужой среди чужих. Как тяжело! Больно! Как я любил Юлечку, она уже была смышленая и тоже очень любила папку. Как только вспоминаю о ней, в особенности о том, что она погибла только от неустроенности моей жизни, от того, что не сумел в нужное время отнять от такой безрассудной матери ее. Так сердце кровью обливается, становится невыразимо тяжело и больно. Мне ее очень жаль, мучительно до боли в сердце, жаль. Жаль еще потому, что она была до редкости способным ребенком, она в 2 года

хорошо разговаривала, умела считать до тринадцати. В общем подавала большие надежды, чего у других детей в этом возрасте в очень редких случаях наблюдается. И такого ребенка я не сумел сохранить. Я очень сомневаюсь, что в будущем смогу иметь такого же ребенка. Непосредственным виновником ее смерти явилась и ее мать, Юлечку сгубило тысячеверстное путешествие и резкая перемена климата. 11 суток езды по душным пескам в Среднею Азию в город Фрунзе. И там тоже невыносимая жара, пыль и малярия.

(В 1929 г. — агитация крестьян по коллективизации села. В 1930 г. направлен на учебу в Свердловск в Уралкомвуз. — *В. Т.*)

1931 год. Из письма

10 марта. Здравствуйте, мама и Миша! Сообщаю, что доехал благополучно, хотя не без мытарств. В Челябинск я приехал в тот день часов в 10 вечера, из Челябинска выехал часов через шесть, т. е. 4 утра, а в Свердловск приехал в 2 дня, 9 марта, а надо было приехать в 9:00 утра, это значит, я немного опоздал. Сегодня уже второй день занимаемся. Едва только я приехал, мне сообщают, что мне предоставлено место на курорт. У нас раннее составлялись списки нуждающихся в курортах, я записался и вот мне предоставляется место сроком на 1 месяц, с 1-го по 30 апреля, в Сухум на Кавказ. Так что, надо думать, что удастся поехать. Выезжать отсюда надо заранее, то есть 23 и 25 марта. Курорт, конечно, на казенный счет. Ответ напишите сразу же, чтобы письмо меня застало еще здесь. На днях пошлю вам посылку, вышлю кусок мыла простого, крупы гречневой 1 килограмм, может еще чего куплю. Кроме того, если найду здесь для дяди Александра книжечку, тоже пошлю вместе с посылкой, ее передадите. Ну, а пока, до свидания. Привет Митьше. Напишите, получили ли письмо от Якова.

26 апреля. Новый Афон. Через 4 дня нужно уезжать, а денег имею только 30 копеек. На дорогу нужно минимум 50 рублей. Не знаю, вышлет Гриценко ли. Из-за безденежья не заказал билета на машину, и места разобраны уже до 5 мая. Придется ехать обратно в Сухум. Из-за безденежья ни разу не пришлось фотографироваться, да и вообще без денег очень плохо приходится на каждом шагу.

(«Коллективизация является тупиковым и опасным путем для страны». Сторонник крестьянской общины. Арестован за «антисоветские высказывания». Арест по 58-й статье, исключение из партии, ссылка на три года в Среднюю Азию. 6 декабря 1931 г. — день ареста. 9 мая 1932 г. объявлено решение о выселении в Среднюю Азию. 15 мая прибыл в Ташкент, 19 мая — в Ходжент. Брат Михаил сопровождает его в ссылке. — *В. Т.*)

Из дневника

24 декабря 1932 года. Город Ходжент. Средняя Азия. Для памяти хочу описать условия, в которых живем в настоящее время. Получаю оклад 175 рублей в месяц. Брат Михаил получает 150 рублей в ме-

сяц. Несмотря на это, за последние два месяца живем очень и очень в большой нужде. Можно сказать, почти голодом. До 14 декабря паек получали по 200 грамм на день, 14 декабря со служащих сняли с пайка совсем. Мука на базаре пшеничная 150 рублей, кукурузная 100 рублей. Картошка 3 рубля килограмм, сало 12 рублей за фунт, крупа пшенная 3 рубля 50 копеек за фунт, мясо 10 рублей за килограмм, молоко 8 рублей четверть, масло коровье 15 рублей фунт, морковь 1 рубль за килограмм. Лепешка (туземная) весом 120 гр. стоит 1 рубль. Сахар из-под полы 8 рублей фунт. Все деньги уходят главным образом на хлеб. Вопросы питания не выходят из головы. Из-за нужды не приходится ходить ни в кино, ни в театр. Не приходится иметь никакого знакомства, ибо не бывает ни копейки свободных денег, это первое, а второе, что совершенно не в чем показаться в люди. Пальто худое, брюки, истрепанные до невозможности, так что в дыры видны кальсоны. В баню не ходил, и белье не сменял уже три месяца. 30 ноября ходил по грязи без калош в дырявых ботинках. 30 ноября купил на базаре калоши за 17 рублей. Денег едва-едва хватает прожить впроголодь, из вещей покупать совсем ничего не приходится. То, что покупал до 1930 года доносил до крайности. Вопрос о питании не оставляет меня в покое даже во сне. Основное питание это 2 лепешки (общий вес 200—300 грамм) в день. Морковь без хлеба, метка картошка без хлеба, пареная тыква без хлеба. 1 раз попадала требуха коровья, с вареньем и ели, как лакомство. Мясной суп, котлеты, белый хлеб, сыр, масло, колбасу, компот, чай, сахар, какао, кофе и других хороших вещей не приходится не только покупать, но даже нигде не вижу. В минуты голода не брезгую ничем, приходилось есть шелуху картофельную, жижу после варки картошки в мундире, остатки со стенок чугунки (все, что насыхает там после варки чего-либо, как-то то каши, картошки и прочего), или обманываешь желудок в минуты голода горячей водой солью. Наша деревенская, детская жизнь, когда я еще жил дома, одной лошадью и одной коровой, казавшаяся тогда убогой и незавидной, представляется теперь почти роскошной, ибо разве не роскошь каждый день есть досыта хлеб, частенько шаньги с маслом или со сметаной. Иногда — мясные щи. Есть картошки вволю, молоко каждый день, часто — блины, иногда пельмени мясные, чай с сахаром и прочее. Сейчас пишу это, а живот подводит с голоду, а в запасе есть только 2 фунта кукурузной муки, и ни копейке денег. С удовольствием бы покушал самой простой похлебки или «сухарницы» со сметаной и счел бы за роскошь сейчас поесть мясного супа или котлету, или колбасы с белым хлебом и стаканом молока.

18 февраля 1933 года. Средняя Азия. Сегодня исполнилось ровно 9 месяцев, как я нахожусь здесь. Ровно год с тех пор, как я виделся с братом Яковом. С матерью виделся 8 июля 1931 года полтора года назад.

Впервые как живу в Ходженте получил с трудом сахар-песок 6 руб. 35 коп. Вольная продажа килограмм стоит 12 рублей. Сегодня варил кофе без молока. Вчера купил брюки за 15 рублей, это равняется 3 фунта муки, 3 фунта крупы или 15 штук яиц, 1 кг говядины.

1933 год. 12 марта. Город Ходжент. Сегодняшний день несколько знаменательный. Во-первых, первый раз в жизни моя облигация,

точнее Михаила, выиграла, правда, пустяк — 4 рубля. Во-вторых, сегодня получил продовольственную карточку и с завтрашнего дня буду получать по одной единице хлеба по казенной цене. Оказывается, что эту карточку мы имели бы все время с момента моего водворения сюда, то есть с весны 1932 года, этого я не знал, голодовал.

1934 год. Ходжент. Эти два года в моей жизни, в основном, ничего не изменили. Оглядываясь назад, ничего не нахожу существенного, все равно что прошел по степной дороге. В моем положении и нельзя было рассчитывать на более богатую наполненную жизнь. Я человек так сказать «без всякого веса», «скинутый со счета», представленный только самому себе, никто не заинтересован ни в моем использовании, ни в моем существовании. Хочешь существуй, не хочешь, как хочешь. Обществу до меня дела нет, оно стоит к тебе задом. Что можно делать в этих условиях? Жить чисто «зоологической жизнью», этим довольствоваться. Чтобы жить, надо иметь специальность, которая бы давала средства к жизни. Мне не удалось получить никакой специальности, я имел в свое время только некоторый «вес», не имел специальности, но в тех условиях это было достаточно. Отсюда уже можно сделать вывод, насколько хорошо или плохо приходится удовлетворять мне свои физиологические потребности, те самые потребности, которые стремится удовлетворять всякий человек в мире, исключая только идиотов, сознательно отказывающихся от благ земной жизни, ради жизни «небесной», вроде Иоанна Крестителя. Я завидую двум категориям людей. Это инженеры и эскимосы. Инженер научился возводить сооружение или давать уголь, и ему за это хорошо платят, а я не научился, потому что некогда было, я заготавливал тогда хлеб, сеял, просвещал мужиков. Эскимос тоже в лучших условиях, чем я. Он умеет победить белого медведя, наловить вагон рыбы, а я этого не умею, потому что я его культурнее, потому что мне некогда было стать некультурным, я тогда учился, грамоте и культуре, а культура не квалификация. Я сейчас уподобляюсь недостроенному зданию, учился в общей сложности много, но до конца не довершил. Недостроенные здания выветриваются от времени. В начале осени предпринимал шаги, чтобы завершить образование, хотел поступить в высший педагогический институт, но до окончания срока не разрешили, срок закончится в декабре. Так что, нынешний учебный год уже пропущен. В будущем году видно будет, ну, скорее всего, что уже не удастся мне учиться в ВУЗе по целому ряду причин. Следовательно, от здания останутся одни развалины, и мне, очевидно, остается не рыпаться, не прыгать, не услаждать себя напрасными мечтаниями, примириться с фактом, навсегда остаться, так сказать, «ничем», и вечно пребывать в нужде. В смысле общественного положения быть «эскимосом», «зоологической единицей», а в смысле материального положения быть ниже этого «эскимоса», и бороться за свое существование. Я завидую ему в отношении сытности жизни и только. Эти сытность и материальное благополучие мне нужны не сами по себе, а как средство для достижения более высоких целей, чем наполнение желудка. Есть люди, которые возводят здания или строят сложные машины, занимаются научной деятельностью. Словом, есть люди, которые в деле познания природы, изучают ее на пользу человечеству, стоят непосредственно в первых рядах. И моя

цель, была, и есть — это быть среди них. Путь к этому — учеба. Но, как я сказал, возможность это для меня представляется потерянной. Кто я есть сейчас? Вернее, кем я являюсь в глазах окружающих? Если чисто с внешней стороны — человек невзрачного вида, если с точки зрения общественного положения — мелкий беспартийный полуслужащий, полурабочий, а именно, садовник Ходжентского физико-терапевтического института. А до этого, год тому назад, я был в «чине» счетовода.

(1935 г. По возвращении из ссылки работал в тресте «Горзеленстрой» Златоуста. Женился на Маргарите Малиновской. 16 октября 1936 г. родилась дочь Валентина. В 1937 г. поступил на естественно-географическое отделение Челябинского педагогического института. — *В. Т.*)

Из писем

3 декабря 1937 года. Челябинск

Дядя Александр, здравствуй!

Не обижайся, что я долго не писал. Квартиру искали долго больше месяца, наконец, нашли, по карману. За 80 рублей в месяц. Попробую поживем, может быть, как-нибудь осилим. Ведь где-то нам надо жить. Скоро именно через 2 месяца у нас будет второй ребенок. Маргарита устроилась недавно на работу в детские ясли, в эти же ясли носит и Валечку. В январе будет экзамен за первое полугодие, кто не выдержит того исключат. Мне хочется во что бы ты ни стало закончить. По существу, остается только полтора года до окончания, закончу в июле 1939 года. А по окончании, думаю, взять место не в городе, а в деревне, окопаться в какой-либо районной семилетке или десятилетке на долгие-долгие годы. От Якова за все время никаких известий нет, ничего не знаю, мать жива или нет. Напиши дядя Александр, когда все-таки ты приедешь. С 1 декабря будем учиться в новом здании пединститута, это угол улицы Спартак и улицы Лесной. Ну пока до свидания.

24 августа 1938 года не стало моего любимого Юрочки. Бедный ребеночек болел ровно 40 дней перенес подряд одну за другой несколько болезней, все справлялся с ними, и под конец маленький организм не в силах был больше сопротивляться. Папа понадеялся, что Юрочка выживет, что мимо пройдет это страшное несчастье. Но случилось страшное. Папка сейчас в таком состоянии, что готов не колеблясь отправиться сам вслед Юрочкой. Я вполне заслуживаю эти мучения, я дурак стопроцентный, несмотря на свои отличные способности в учебе, я умею устроить свою жизнь и жизнь семьи своей, а кто не умеет, тот погибает раньше времени, и пока живет, то жизнь его есть только прозябание, они настоящие полное радостная жизнь. Именно, только прозябание, только одни лишения и несчастья.

(1939 г. Развод с женой Маргаритой Малиновской. Мать Ивана Васильевича Татьяна Васильевна живет вместе с сыном и внучкой. — *В. Т.*)

1939 год. Апрель. Златоуст. Шура, извини за молчание, говорю это вполне осознанно, а не с долга вежливости. Никогда! Буквально никогда!! Не пишу никому ни братьям, ни дядям, никому. Запарился! Много подготовки, сижу ежедневно часов до 2 ночи. Каждый день 3 иногда 4 подготовки. Занят, много уроков, в две смены ежедневно, а вечерами то репетиция, то кружок, то заседание. Сажусь за подготовку всегда не ранее 12 ночи. Веду географию, химию, веду в школе 2 кружка, участвую в клубных постановках. Делаю подготовку к своим экзаменам в пединститут. В этом и в январе ездил на сессии сдавал сравнительно удачно. Этим летом надо бы сдать все за 4 курса. Мать и дочь здоровы, от братьев сведений не имею месяца четыре. Дядя Коля навряд ли доживет до весны. Доволен ли я приездом сюда? Нет! И даже очень недоволен. Надеюсь, что летом устроюсь в городе. Не буду тебе описывать всего, будет длинно очень, да ничего оригинального интересного нет. Семейную проблему намерены разрешить потом, в Челябинске. Жизнь сурова и полна случайностей. Более всего меня страшит судьба матери и дочери, в том случае, если они останутся одни. Без угла, без денег. Для любой жены, даже самой лучшей, они чужие и она для них тоже чужая. Кормить и одевать их никто кроме меня не обязан. Чужие, потому что с будущей женой не было у них длительной общей совместной жизни, наличие общего угла общего хоть какого-нибудь хозяйство.

(1939 г. И. В. Дегтярев с отличием оканчивает естественно-географическое отделение Челябинского педагогического института. По направлению работает в Усть-Катаве. Мать Ивана Васильевича, Татьяна Васильевна, живет вместе с сыном и внучкой. — *В. Т.*)

Из дневника

29 января 1940 года. Усть-Катав. Пишу на память свои условия в Усть-Катаве. Пришел с занятий из вечерней школы, поужинать ничем. Разогрели с матерью старую ячменную кашу. Каша в горло не лезет, чай пустой со старым черствым хлебом. Днем ходил на базар, мяса нет. Мать ходила днем за картошкой, не нашла. Запасов продуктов нет никаких. В магазинах нет ни муки, ни сахара, ни рыбы, ни масла. Вообще ничего нет кроме сухого кваса в коробках. Мать иногда проводит день с утра до вечера у магазина и все же приходит без хлеба. Что кушать? Чем кормить ребенка? Костюма у мня нет, валенок нет, хожу в морозы в ботинках даже без калош. Зимнего пальто нет, хожу в осеннем. В магазинах кроме галстуков нет ничего.

1 марта 1940 года. Да здравствует март! Уже полгода осталось позади. Впереди уже 3 месяца, а потом прощай Усть-Катав. По сравнению с осенью цена на молоко увеличилась в два раза. В магазинах абсолютно нет ничего. Имею вместо нормальных 75 часов работы, 190 часов, потому что работаю в трех школах. Получаю около 600 руб. Но почти ничего не остается, за полгода сэкономил 300 руб. Мне нужна одежда, потому что хожу в лохмотьях. Удастся ли что купить после года напряженной работы? Не знаю, как будем доживать до летнего отпуска. Будем голодовать. Когда же я куплю костюм, который соби-

раюсь купить уже 5 лет? Последний раз костюм я покупал в феврале 1934 года. С голоду потеряешь работоспособность. Что делать? Ехать?! Куда?! И даже было бы куда, туда же выехать не на что. Надо было учиться не на педагога, а на повара. Там весь оклад остался бы цел. Или надо было бы сделаться рабочим. Брат Василий не имеет высшего образования, всего только 5 классов, а зарабатывает на заводе до 1000 рублей в месяц. А еще проще, надо было бы с осени на всю зиму купить муки и картошки по дешевым ценам. Мне представляется, что единственно правильный путь улучшить свое материальное положение, это завести некоторые свое хозяйство, и почти не зависеть от наличия продуктов на рынке. Надо этой же весной завести огород, будут картошка морковь огурцы. Завести кур, будут яйца. Завести поросенка. И наконец, корову. Будет свое молоко масло и прочее. Покупать будем только хлеб, муку, крупу, рыбу, чай, сахар. Тогда можно даже иметь небольшую нагрузку в школе, от зарплаты будут оставаться небольшие деньги, нежели зарабатывать 500–600 рублей и ничего не иметь своего. Надо в начале июня ехать в Бродокалмак, и в первую очередь успеть посадить там огород.

(1941 г. Бродокалмак. Иван Васильевич работает в школе. Мать Ивана Васильевича живет вместе с сыном и внучкой. — *В. Т.*)

4 сентября дочь Валя заболела скарлатиной, увез ее с бабушкой в больницу, в Нижне-Петропавловку. Если меня возьмут в армию, то матери и Валентине трудно будет жить. Мать старая, ей 72 года, постоянно болеет, а дочь еще мала, в октябре ей исполнится 5 лет. Им должны давать за меня пособие 75 рублей в месяц. А при этих ценах это только на молоко, на хлеб, на муку, на жиры и другие продукты ничего не останется.

Бродокалмак. 5 сентября 1941 года. Сегодня от брата Якова получил письмо сообщает, что 9 августа брата Михаила взяли в армию, но куда именно, не знает. Сам Яков тоже день на день ждет повестку в армию. Затрудняется, как оставить семью, жена не работает и не может найти работу.

18 сентября 1941 года, 6 вечера. Я пошел пешком в Нижне-Петропавловскую больницу, чтобы проститься с дочерью и матерью и до 20 сентября должен пойти в армию. Якова забрали 26 августа. Писать больше некогда.

(Великая Отечественная война. Дегтярев находился на фронте в действующей армии в составе 452-го отдельного медико-санитарного батальона 371-й стрелковой дивизии с 20 сентября 1941 г. до июня 1945 г. Старшина административной службы. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1946 г. женился. В 1947 г. родился сын Владимир. — *В. Т.*)

Намерен написать здесь условия своей жизни какие они есть на сегодняшний день, день нового 1947 года. Мой возраст 43 года. Семья

жена, дочь Валентина рождение 16 октября 1936 года и сын Владимир рождения 30 июня 1946 года, а также мать старуха, на днях ей исполняется 77 лет.

Служебное положение: Я работаю учителем в Беликульской средней школе, веду арифметику в пятом классе, физику в шестом и седьмом классах, химию в седьмом классе, историю и конституцию. Нагрузка 24 часа в неделю. 4 уроков в день. Месячный заработок 700 рублей. Жена тоже учитель, заработок 600 рублей. Наш с женой заработок составляет в месяц около 1300 рублей. Много это или мало? Привожу цены на продукты здесь в деревне. Зерно пшеница 500 рублей пуд, картошка 150 рублей пуд, масло 170 рублей за килограмм, молоко 10 рублей за литр, мясо 40 рублей за килограмм. Никаких других продуктов здесь не купить. Расходы на освещение, на отопление, на культурные нужды, на лечение и так далее, не имеются. Кроме всех расходов нужно делать и накопления на черный день. Соль, масло, спички и сахар дает государство в количествах, далеко не обеспечивающих потребности. На учителей полагается также керосин. За всю жизнь до сегодняшнего дня получал по 2 литра. Этого явно недостаточно и керосин покупаем по 15 рублей у частных лиц. Дровами обеспечивает школа. Но дрова это — метровые толстые чурки, которые еще нужно пилить и колоть, прежде чем вложить их в печку. Качество дров низкое, преимущественно осиновые, мозглые, почти не горят и от них, как говорится, ни жару, ни пару. Квартирой также обеспечивает школа, занимаем казенный деревянный дом, в нем есть кухня и комната. Дом холодный косяки продувают. Печь в квартире не нагревалась, в квартире уже в октябре было очень холодно. Пришлось печь перекладывать. Частный мастер просил за работу 500 рублей. Такой расход в школьной смете не был предусмотрен. Платить мастеру из своих денег я не имел возможности. Тогда я решил, перекладывать печь своими собственными руками, разломал ее в конце октября и ежедневно после уроков работал над этой печью, мог выделять на эту работу 2—3 часа в день не более. Но каждый день. Печь я все же сложил, хотя очень долго до 1 декабря. Поскольку зарплата не обеспечивает необходимого прожитого минимума, то приходится иметь свое хозяйство. Его мы начали с огорода.

1946 год был годом исключительно мокрым, овощи, главным образом картошка, пострадали от сырости, помидоры стали гнить на корню. Собрали капусту 70 кочанов, свеклы, брюквы, огурцов, табака. Моркови и лука не собрали несколько.

В декабре месяце купили козу за 500 рублей у дяди Александра, он с нас взял весьма недорого. Корову купить не имеем возможности, за нее нужно платить 6000 рублей, а таких денег у нас нет. Осенью купили 2 кур и петуха, кормили их только картошкой. В начале сентября покупали месячного поросенка за 250 рублей, кормили его конечно картошкой. 10 декабря у нас было свое мясо. Вот все наше хозяйство мизерное. Коза объягниться должна около 20 января, будет давать, очевидно, около литра молока в сутки это только для Вовочки и для Валентины, а нам взрослым лакомиться молоком и не придется.

Опишу наше ежедневное меню, то есть, то, что мы кушаем.

Завтрак как состоит из похлебки, сваренной из картошки и капусты и забеленной двумя ложками молока. Похлебку едим с хлебом или с печеным, в другое утро из муки и отрубей и картошки. Никаких пирожков, блинов, шанежек, кофе со сливками и сахаром, оладьев и всего прочего не бывает.

Обед похлебка, сваренная из картошки и капусты и забеленная двумя ложками молока, то есть такая же как на завтрак, с той лишь разницей, что в завтрак похлебка свежая, а в обед похлебка, стоявшая полдня в печи. На второе — так называемая «жареная» картошка. Она не жареная в обычном смысле. Готовится так, в чашку кладется нарезанная как для супа картошка, туда наливается немного воды и немного молока, после этого она ставится в печь после хлеба в «вольный жар» и ко времени обеда она там испечется, масла в ней нет за неимением такового. За обедом хлеб кушаем осторожно, чтобы оставить немножко к ужину. Никаких котлет, биточков, гуляша, голубцов и прочего, как-то простой каши за обедом не бывает из-за отсутствия круп, мяса и жиров. Третье блюдо заменяется так называемыми «паренками». Это пареная в печи свекла и брюква.

Ужин. Густая похлебка, которая готовится так, сначала варят неочищенную картошку, когда она сварится ее чистят, толкут, разбавляют водой и снова ставят на огонь, когда она закипит, ее заправляют несколькими ложками муки или картофельного крахмала, дают этой смеси немного покипеть и ужин готов. Едим это довольно часто, без хлеба, так как хлеб остается редко. Вот и все. Побаловаться вином удается очень редко, так как, во-первых, оно очень дорого 100 рублей литр, а во-вторых, оно бывает в магазинах тоже очень редко, табак курю с собственного огорода, да в магазине папирос и табака не бывает.

Наша одежда довольно бедная. Я лично одет так: шинель, в которой я приехал с фронта, пальто ни осеннего, ни зимнего, тем более шубы, не имею. На голове немецкая шапка из заячьего или кроличьего меха, окрашенного в черный цвет. На ногах старые подшитые валенки белого цвета. Под шинелью — русский военный меховой жилет, под ним — старый изношенный летний пиджак — тоже немецкий трофей. Затем русские, военные, хлопчатобумажные брюки уже в нескольких местах разорванные, военная хлопчатобумажная гимнастерка. Жена имеет старое зимнее пальто, старое летнее пальто, серые поношенные валенки, из платьев существует только одно старенькое. Мать, кроме «ремков» и обносок, ничего не имеет. На дочери поношенное пальтишко, сшитое ей в прошлом году из куска материи неважного качества, а на ногах подшитые серые пимешки.

Наши постельные принадлежности: две подушки, соломенный матрас, старое ватное одеяло, из которого всюду лезет вата, два суконных одеяла, привезенных мной с фронта. Квартирная обстановка имеем две собственных некрашеных табуретки, одну полноценную скатерть, привезенную с фронта, на окнах шесть маленьких тюлевые занавески, тоже перевезенных мной с фронта вот и все. Ковров, мебели, зеркал и прочего не имеем. Из школьного имущества два стола, 3 стула кустарной работы, одно зеркало, часов нет. Посуда и инвентарь: самовара не имеем, из чайной посуды имеем один стакан, три блюдца,

одну чайную чашку, привезенную с фронта, 2 эмалированных кружечки, чайник на 3 л, который заменяет нам самовар, маленький фарфоровый чайник и одну рюмочку, привезенную мной с фронта, имеем одну фарфоровую тарелочку с трещиной, эмалированное блюдо, алюминиевое блюда и две тарелки из пластмассы. И еще есть 2 чугуна, один горшок, старая алюминиевая миска, 2 сковороды и 3 ведра. Вот и все наше имущество, лампы нет, пользуемся коптильной, которую я сделал сам из консервной банки и охотничьего патрона, музыкальных инструментов нет и швейной машины тоже нет. Топора и пилы нет, пользуемся школьными инструментами. Собственного дома тоже нет.

Мне хочется сравнить свою жизнь с жизнью моего отца того периода, когда ему было тоже 43 года. Отец был крестьянин имел свой дом избу со всеми необходимыми надворными постройками, следовательно, не мыкался со своей семьей по квартирам, имел лошадь. Имел дойную корову, подростков одну, две головы, несколько овец, кур, гусей, имел собственный посев в несколько десятин 7 или 5. Это был тот минимум, при котором хозяйство сводили концы с концами середняки. Сеяли десятин по 10—15 —середняки, богатые сеяли по 20 и более десятин. Был, конечно, огород, таким образом, самое необходимое в хозяйстве отца имелось всегда, свой хлеб ели без нормы, у нас в чулане находился сусек, в который входило два воза муки, мука в доме не переводилась. Если становилось мало муки нагребали из амбара пшеницы и ехали на мельницу. Муку просеивали, отруби шли на корм скоту. Значит самый главный продукт — пшеничный хлеб имелся тогда в неограниченном количестве, картошка тоже была в неограниченном количестве, по сравнению с настоящими временами, наш приварок был не так уж плох, беленая сметаной похлебка из крупы и картошки, пшенная каша на молоке, лапша, молоко, простокваша, мясные щи, пекли разнообразные шаньги, блины, оладьи, пельмени и довольно часто на столе была рыба. Было свое масло — льняное, конопляное, было свое сало. Так что, по сравнению с нынешними временами, питались мы совсем неплохо, даже очень хорошо. Веду свой рассказ по пословице «голодной куме — все хлеб на уме».

(1947 г. Апрель. Развод с женой Лидией Васильевной Потаповой. — *В. Т.*)

Картошку и муку не покупали из-за отсутствия денег, не покупали также ни зерна, ни муки. Как и чем питались? А вот как, «наше население» стали ходить в поле и собирать колоски. Это один из источников существования. Второй источник искать по огородам случайно не выкопанную осенью картошку. В поле ходили раз 10. Это дало нам 14 кг зерна пшеницы. Сколько раз ходили по огородам и сколько картошки учесть невозможно. Огороды нам помогали, пожалуй, больше, чем в поле, правда, копать землю на ноющий желудок — дело тяжелое, но иногда выхода не было. Вдвоем часа два-три копали, и накопали чтобы поесть один раз. Из этой мороженной картошки пекли лепешки. Труднее было ходить в поле за колосками. До пашни, где собирали колоски, идти полтора часа, очень устаешь, а там еще

надо рыть землю, чтобы найти норы с запасами колосков. Устаешь, и прямо едва успеешь умыться, идешь в школу проводить уроки второй смены. Конечно, не готов, что отрицательно сказывается на их качестве. Принесенные с поля колоски сушили на печке и в печке и, наконец, получали чистое зерно в количестве 1 или 2 килограммов. Но это еще не все, полученное зерно есть нельзя. Оно зимовало под снегом и может оказаться ядовитым, поэтому зерно несли в магазин и обменивали с доплатой 4 рубля за килограмм, зерно сначала сушили в печке, а потом размалывать на муку. Силы у меня совсем нет, надо копать в огороде и делать гряды под посадку, но я не могу поднять даже и пустой лопаты. Вот даже пишу с величайшим трудом. Сегодня не ходил в школу, не могу.

Из писем

6 декабря 1960 г. Село Алабуга

Дорогой сынок Володенька!

Твое письмо несказанно обрадовало меня. По счастливой случайности, оно пришло 27 ноября, а это день моего рождения, так что твоему письму я был вдвойне рад. Ты развеял на время грустные мысли у меня и поднял настроение. Володенька, меня удивило, что ты учишься в техникуме. Я полагал, что ты еще учишься в восьмом классе средней школы. Сколько лет в нем надо учиться? Когда ты станешь техником-строителем? Устраивает ли тебя эта перспектива, или у тебя имеются наклонности к чему-то другому? Как у тебя с музыкой и рисованием? Насколько ты выучился музыке и выступаешь где-либо или нет, например, на вечерах самодеятельности? Интересуют меня и твои успехи в области рисования. Какие ты имел по этому предмету в школе оценки, например, в пятом или в шестом классе? Рисуешь ли ты в свободное время или нет? Например, я в юности очень любил заниматься рисованием, даже людей с натуры рисовал и довольно удачно. Мне бы хотелось, посмотреть твои рисунки. Возможно, они у тебя есть. Хотя бы школьная тетрадь по рисованию. Вышли их мне бандеролью по почте. При каких обстоятельствах ты был в Москве? С экскурсией? Где там побывал? Был ли в Кремле? В каких музеях был? Был ли в кинотеатре «Мир»?

Володенька, у вас в техникуме большинство учащихся, вероятно, ребята взрослые, намного старше тебя. Некоторые, вероятно, имеют уже дурные привычки, в частности пристрастие к курению, эту дурную и вредную для здоровья привычку. Прошу тебя ни при каких обстоятельствах не поддавайся уговорам и советам друзей о том, чтобы начать курить, в свое время, будучи чуть-чуть постарше тебя, я по глупости поддался таким уговорам и привык курить, курил 33 года и очень сильно навредил своему здоровью и вынужден был бросить курить. Не курю уже 7 лет, и очень сожалею, что не сделал это значительно раньше. Обещай мне, что никогда не возьмешь папиросу в рот. Бойся, если возьмешь раз другой, привыкнешь и станешь курить, а привыкнув, не отвыкнешь, и тем себя загубишь. Верь мне, я прожил жизнь и знаю это по собственному опыту, знаю, что невозможно отвыкнуть. Таково уж коварство этого яда никотина. Лучше не пробуй его!

Несколько слов насчет твоей фотокарточки, которую ты мне прислал. Я рад видеть тебя, но я прошу тебя прислать мне другую. Снимись специально для меня. На этой присланной карточке ты заснят, так сказать, в домашнем виде, волосы непричесанные, ворот у рубашки не застегнут. Не всегда же ты бываешь в таком домашнем виде, бываешь и, так сказать, в выходном виде, ну вот, в этом выходном виде и снимись для меня. Если носишь галстук, не пионерский, конечно, а костюмный, тогда снимись в галстуке, уже без головного убора. И вышли мне несколько карточек, одну мне, одну Валентине, одну дяде Яше в Среднюю Азию, и сверх того еще 2, а всего 5, размер тот же. Буду ждать, Володя.

Пока, о многом поговорить не удалось, это в другой раз. Ну, будь здоров! С приветом твой папа. Большой привет также от бабушки. Пиши, да по возможности побыстрее. Я пришлю тебе свою карточку. Сейчас она еще не готова.

1961 г. Дорогой сынок Володенька! Приглашаю поехать в Среднюю Азию, в тот город, где я жил 4 года, бывший Ходжент, а теперь Ленинабад, на реке Сыр-Дарья в Ферганской долине. Не знаю, когда это удастся, но думаю, если не в 1961 году, то в 1962. Но в первую очередь, тебе нужно приехать к нам в гости в Алабугу в летние каникулы. Мы живем все еще только вдвоем с бабушкой, Валентина живет и работает в Челябинске. Весной этого года она вышла замуж, ей уже 24 года, адрес ее город Челябинск, Металлургический район, улица Дружбы. Может при настроении, написать ей.

Из дневника

1963 год Март. Село Алабуга. Я очень тяжело переживаю смерть моей матери. Когда умер у меня отец в марте 1927 года, мне было 23 года, я тогда не переживал так глубоко его утрату, как переживаю сейчас утрату своей матери. Я с ней прожил всю жизнь почти 60 лет, мне безмерно жаль ее. Когда уже уснувшая навеки, она лежала двое суток на скамье в углу комнаты, такая тихая, спокойная, как будто, действительно только уснувшая на время и не умершая. Она всю жизнь жила только моими интересами, думала только обо мне, а не о себе. Мне хотелось сказать так много и теплых, и ласковых слов, отблагодарить ее за ее все доброе, что в жизни она для меня сделала. Но, увы, благодарность моя и сыновья ласка к ней, уже были ей не нужны. Мне тяжело еще от мыслей о том, что я не использовал всех возможностей для улучшения ее здоровья и продления ее жизни. В этом деле я поступил ничуть не лучше любого неграмотного колхозника. Теперь совершенно явно вижу, где и что я мог бы сделать для матери, но не сделал. Что было бы надо сделать, пока она жила в городе. Мне надо было бы сделать полное медицинское обследование состояния ее здоровья установить диагнозы и приступить к лечению. Ведь о себе я беспокоился, ходил к врачам, проходил рентген, электрокардиограмму. Я знаю свои диагнозы и применяю лечение. Ну почему я не сделал этого для матери?! Я неоднократно слышал от нее жалобы на то, что у нее не дышится как следует. Я пропускал жалобы мимо ушей, а нужно было, бросив все уроки и дела вести ее к врачам и до-

биться настоящего обследования и лечения. Я не могу простить себе, что не проявил в этом деле необходимых упорства и настойчивости.

(С 1963 г. живет в Челябинске. Пенсионный возраст. Стал работать в качестве внештатного сотрудника областного музея. Результаты исследовательской деятельности — изданные статьи: «Челябинские сторонники Пугачева» (1971), «Откуда пошел Челябинск» (1981); «Челябинск в разных измерениях», «Какой была Челябинская крепость?», «Основание крепости», «Первоначальная застройка города» (1986); «Крепость становится городом», «Старейшие улицы города», «Челябинская анкета 1761 года», «Первые школы в Челябинске», «Начало медицинской службы в Челябинске», «Дом врача Жуковского», «Первые лекари Челябинска» (1993); «Об организации почтовой службы в Челябинске», «Пугачевцы в Челябинске», «Первые поселенцы Челябинска» (1996); «Храмы Челябинска» (совместно с В. С. Боже), «Челябинск православный» (совместно с В. С. Боже), «Купола над городом: исторические судьбы челябинских церквей» (совместно с В. С. Боже), «Александровская слобода миф или реальность?» «Имел ли Челябинск предшественника?». — *В. Т.*)

Из письма

25 декабря 1993 г. Челябинск

Здравствуйте Володя Валя и Оленька!

Всех вас благодарю за юбилейное поздравление, присланное вами к моему 90-летию. Еще поздравляю вас наступающим Новым годом, пусть он будет добрым для всех нас, а теперь сообщу вам печальное известие: 19 декабря умер мой брат Яков, живший в Средней Азии в Ленинабаде. Об этом сообщил мне его сын Олег, живущий там же. Пока от него получил только телеграмму, жду письмо, причина смерти не указана. Летом он писал мне, что очень плохо питается, отощал, пенсию получал всего 7700 рублей. Я пытался ему помочь, посылал деньги, но туда деньги принимают только до 5000 рублей. Я послал ему 12 августа 5000 рублей. Потом 17 августа еще 5000 рублей. В ответе он мне писал, что никаких денег он не получал. И только потом уже в декабре, он получил их и написал, вот такой у нас порядок при обслуживании людей!

О себе. Живем относительно нормально. За ноябрь пенсию получил 53 000 рублей компенсация 13 000 рублей. Но цены бешеные мясо 2000 рублей, кефир 300 рублей, хлеб 270 рублей. Писать не могу плохое настроение, безысходность. Как вы живете? Все ли вы здоровы? Всего всем доброго. Отец. Дадут ли нам что-либо новое прошедшие выборы!?

Из дневника

1994 год. Челябинск. Сегодня день моего рождения мне исполнился 91 год. В генетическом отношении я, видимо, в мать. Она тоже долго жила, на день кончины 19 марта 1963 года, она имела возраст 92 года. Яков тоже жил долго умер 19 декабря 1993 года в возрасте 88 лет. Физические я слаб, из квартиры не выхожу, по квартире хожу тихонько.

Сегодня день магнитной бури, это отзывается на моем самочувствии, чувствую большую слабость.

Из письма

20 января 1996 г. Челябинск

Здравствуйте Володя Валя и Оленька, письмо ваше получил 4 января, надеюсь, мою поздравительную с Новым годом телеграмму вы получили. Первоначально, я был очень удивлен тому факту, что адресовано письмо не мне как главе семейства, а члену семьи, то есть в обход меня. Это равносильно, если бы я адресовал свое письмо не тебе, а жене твоей Вале. Еще удивила меня фраза в письме «по телефону вроде бы все сказал», думаю, о каком телефонном разговоре идет речь, спрашиваю у Валентины, она отвечает, что Володя звонил тебе в ноябре и поздравлял с днем рождения и что я спал, и что она не разбудила меня и переговорила с тобой сама. Итак, в ноябре ты звонил мне, мне об этом неизвестно. Валентина не сказала мне о твоем звонке, то есть о состоявшемся разговоре ее с тобой. Не буду распространяться по этому вопросу, перейду к другой теме.

Мое здоровье в физическом отношении остается прежним, особых жалоб не имею, но в отношении умственной деятельности, то есть читать писать, мои возможности на очень низком уровне. Голова протестует против нагрузки. Приходится делать длинные перерывы на многие часы, а иногда и на многие дни. Вследствие чего время у меня большей частью расходуется впустую, не буду занят чем-либо полезным, однако, все же шевелюсь, в частности, ежедневно читаю газеты, выписываю «Советскую Россию». Занимался до последнего времени творческой работой, написал осенью книгу (точнее текст для книги) «Челябинская старина» по истории раннего Челябинска. Челябинское книжное издательство приняло мою рукопись к печати. С 10 января она находится в типографии, будет напечатано 1000 экземпляров. Готова книга будет в феврале. Гонорар за нее я уже получил. Не знаю, удастся ли еще мне что-либо написать и издать. Вероятно, нет. Для этого нужно время (несколько месяцев) и силы. Будут ли они у меня? Сомнительно.

На этом я заканчиваю свое письмо (чтоб не затягивать его далее). В ближайшее время, думаю, дня через два, я смогу продолжить его. Писал с вынужденными от усталости перерывами начал писать 20 числа, а заканчиваю 22 числа. Хотел бы знать, Володя, когда сможешь к нам приехать? Сможете ли приехать все трое? До свидания. Всего вам доброго! Отец. 22 января 1996 год.

Это было последнее письмо. По письмам и дневникам мы воспринимаем Ивана Васильевича Дегтярева реальным человеком со своими недостатками, комплексами, бескомпромиссного и искреннего. Он честен перед самим собой, в своих дневниках он решился на беззащитность, открыто раскрывая свои горе и радости. В трудных обстоятельствах жизни, в повседневности мог смотреть в глубину жизни, старался зафиксировать правду существования себя в сложных обстоятельствах бытия, вглядеться в простор истории, сумел победить старость, со-

хранить живое сердце, любовь и смирение. По мысли некоторых писателей, смирение — это состояние человеческой души, человеческой жизни, которая безмолвно, безропотно готова принять все, что будет дано и из всего принести плод.

У Ивана Васильевича Дегтярева это получилось — победить житейские невзгоды, неудачи личной жизни, плохое здоровье. В с. Алабуга живет его дочь Валентина Ивановна Ермолова. Его помнят и любят четыре внучки — Татьяна, Мария, Дарья, Ольга, есть трое правнуков. И. В. Дегтярев зафиксировал правду повседневной жизни людей ушедшей советской поры, оставил учеников и свой исторический труд исследователям творческой исторической мысли.

А. Н. Титова

Дыхание ушедшей эпохи

Люди редко думают о прошедшем. Жизнь заставляет спешить, нужно управиться с настоящим, необходимо позаботиться о будущем. До прошлого ли тут? Но однажды возникают вопросы. А что на этом месте было до меня? Какие люди жили за сто лет до нас? Чем они занимались, что их заботило?

Мне в руки попали два документа, которые относятся к дореволюционному периоду жизни России. Один из них — уведомление о принятии Лидии Трухиной в первый класс Кыштымской земской женской прогимназии, датированное 1912 г. Заинтересовавшись судьбой незнакомой мне девочки, я узнала, что первые женские гимназии появились в середине XIX в., когда женщине было позволено быть только женой и матерью семейства. Считалось, что образованная девушка должна прежде всего знать иностранные языки, немного из литературы, истории и географии, уметь писать без ошибок красивым почерком, легко и изящно танцевать и обладать безупречными манерами. Главными предметами для девиц считались Закон Божий, этикет и рукоделие.

Женские гимназии открывались в крупных городах России, но в Пермской губернии учреждали женские гимназии и в крупных селениях. В губернии к ним относились горнозаводские поселки, по численности населения, развитию торговой и общественной жизни ничуть не уступавшие официальным городам. Открылась такая гимназия и в Кыштымском заводе. Ее воспитанницы учились танцам, игре на пианино, домоводству и хорошим манерам. Начальницей гимназии стала Е. Толкачева, которая, кстати, преподавала будущим хозяйкам уроки домоводства, преподавателями — Л. Буракова, Н. Агишева, О. Цепелева, А. Аверьянова, Д. Утушкин. Много часов уделялось такому предмету, как Закон Божий, а сельскохозяйственную практику девушки проходили на усадьбе Б. Соловьева — попечителя гимназии, владельца фермы по выращиванию новых сортов зерна в Кыштымском районе. Обучение для девочек из Пермской губернии являлось бесплатным. Женская прогимназия была четырехклассной. При ней была создана первая в городе детская библиотека, в которой имелось

около двухсот книг. Между тем история гимназии в ее «классическом виде» длилась недолго — одно десятилетие. После революции в здании гимназии открылась школа второй ступени — девятилетка, которая готовила учителей начальных классов[1].

Второй документ — это письмо младшего писаря канцелярии полка по хозяйственной части Сергея Петровича Трухина из действующей армии (522-го Сольвычегодского полка) к своей сестре Лидии Трухиной. Письмо, несмотря на хорошее физическое состояние, с трудом читается, из-за того что написано по правилам дореволюционной грамматики.

Действующая армия 19 июня 1917 года

Здравствуйте дорогая Лидочка!

Шлю свой привет и желаю всего лучшего в жизни Вашей. Отвечаю на письма ваши от 2, 9, 26, и 30 мая сего года. Жив и здоров, переезжаем с места на место, с позиции на позицию и наш штаб полка также тянется с ними. Теперь остановились пока в Лифляндии от старой позиции то есть от из за Двинска верст 200—250 приблизительно. Жители — латыши и староверы в окрестных деревнях. Наш штаб полка по хозяйственной части поместился пока в деревне ЗЮНЫЙКИНЫ. Нового сообщить ничего не могу, потому что мы как кочевники перебираемся из поля в поле, из леса в лес сменяваясь с другими частями. Мир хоть его и желают все но при существующем положении невозможен. На сепаратный мир Россия не пойдет. Ждем созыва Учредительного собрания. Пишите как дела по хозяйству. Еще как живете подробно, ничего вредного для родины быть не будет. Цензура все пропустит, к военным делам не относится. Пишите Вы как живется в окопах — я же теперь уже не в окопах, теперь и в окопах живется легче не как при старом режиме — мордобития нигде нет. Пища хотя и не так то хорошая, но ведь армия, такой не хватает, а уж хорошей где взять. При теперешней разрухи. Посылку я получил — спасибо. Пиши как живете, возможно пространнее, все подробно.

О всех новостях про родственников Беловых, дядю и тетушку Зуйковых, Глазковых, Котлованових. Пишите - жду. Твой брат Сергей.

Продолжая поиск, я нашла сведения о семье Трухиных. В с. Воскресенском Каслинского районам жила вдова Родионова, у которой были две дочери — Мария Михайловна и Евдокия Михайловна.

Мария Михайловна вышла замуж за Белова, известного в селе как «Белов — давай делов», детей у них не было. Евдокия Михайловна вышла замуж за крестьянина — купца 3-й гильдии Петра Даниловича Трухина по прозвищу «Мешок» (в селе всех Трухиных звали «Мешковы» или «Данилычевы»). У них родились дети: Ольга, Александра, Анюта, Евдокия, Андрей, Сергей, Настя, Лидия. Жили Трухины в двухэтажном каменном доме. На первом этаже была лавка с подсобными помещениями, на втором — жилые помещения. В лавке торговали всем необходимым для жизни крестьян. Петр Данилович

кроме торговли занимался еще и сельским хозяйством. Небольшой доход иногда получал от сдачи в аренду крестьянам имевшихся у него косилок, сеялок, молотилок и другого инвентаря.

В с. Воскресенском жили не только крепкие земледельцы, но и купцы 3-й гильдии, которые одновременно вели крестьянское хозяйство. По природе своей это были мужики, крестьяне, а по деловой хватке и бойкости ума — торговые люди. Жили они на правом берегу р. Синары, в центральной части села, в каменных домах или в рубленых «пятистенках». Односельчане относились к ним с достаточным уважением, понимая, что свой «хлеб» они зарабатывают непростым трудом, требующим постоянных хлопот (недаром в России того времени купцам 3-й гильдии официально разрешались один двухнедельный и два недельных запоя в год).

Одним из таких воскресенских крестьян-купцов и был Петр Данилович Трухин. Он пользовался уважением в селе, некоторое время являлся церковным старостой. Был награжден ценным подарком — иконой с дарственной надписью. Семья вела большое хозяйство, трудились сами. Иногда в период уборки нанимали работников, с которыми Петр Данилович расплачивался сполна, так что все всегда были довольны и в нужное время приходили на помощь.

Глава семьи, Петр Данилович Трухин (1855–1915), умер от воспаления легких, его жена, Евдокия Михайловна Трухина (в девичестве Родионова; 1860–1943) прожила 83 года. Старшая дочь Ольга Петровна вышла замуж за Александра Петровича Зуйкова из Кыштыма, другая дочь, Александра Петровна, вышла замуж за Василия Васильевича Глазкова из Куяша. Анюта была больна и умерла в возрасте 30 лет. Евдокия Петровна вышла замуж за Петра Ивановича Кашина из Екатеринбурга. Настя умерла в возрасте 10 лет, Лидия Петровна (1901–1998) вышла замуж за сына купца Николая Григорьевича Прохорова (1897–1965) из Верхнего Уфалея. Старший сын Трухиных Андрей Петрович во время коллективизации в начале 1930-х гг. был выслан из села. Отбыв год в Сталинском лагере, написал, что едет домой, но в село не вернулся, пропал без вести. Второй сын, Петр Петрович Трухин, был призван в армию в Первую мировую войну. Погиб в Екатеринбурге в 1918 г., во время Гражданской войны.

Все дети Петра Даниловича получили образование. Лидия Петровна училась в Кыштымской земской женской прогимназии (жила на квартире у Зуйковых), затем много лет работала учительницей. Сам Петр Данилович выписывал книги, календари, журналы и газеты, в которых помещалось множество материалов на разные темы, в том числе по ведению хозяйства, а также сведения просветительного характера. Собирал он и открытки, которые в то время были очень красивыми и интересными по оформлению[2].

Расскажу подробней о семье Лидии Петровны Трухиной. В 1924 г. она вышла замуж за Николая Григорьевича Прохорова, который родился в Верхнем Уфалее в 1897 г., окончил в Москве реальное училище по специальности «бухгалтер». В конце 1924 г. у них родился сын Григорий (назван в честь деда со стороны отца), а в 1941 г. — дочь Надежда. До 1924 г. Прохоровы жили в Верхнем Уфалее, затем переехали в с. Воскресенское, где Николай Григорьевич работал

на Воздвиженском стекольном заводе им. Урицкого. В начале 1930-х гг. Николая Григорьевича арестовали. Он находился полгода под арестом, работал на лесозаготовках, копал могилы, чистил уборные. Мало кто вернулся из ссылки, но ему повезло. После его освобождения вся семья перебралась жить на Булдымский вермикулитовый рудник рядом с пос. Вишневогорском.

Работали там вручную, пластины вермикулита достигали размеров 40–50 см, иногда до 1–1,5 м. На лошадях вермикулитовую руду возили на ст. Силач. Николай Григорьевич работал мастером в карьере, потом директором рудоуправления. Жили в землянках, в бараке. Николай Григорьевич одевался просто, был небольшого роста, жилистый, худой, общительный, веселый, даже на начальника не похож. Помогал людям с жильем, мирил поссорившихся, утихомиривал разбушевавшихся. Как к человеку грамотному, к нему обращались за помощью — написать заявление или какую-нибудь просьбу. Был он вспыльчив, но отходил быстро. Любил петь, особенно романсы, играл на мандолине. В начале войны у Николая Григорьевича была бронь — он освобождался от призыва на фронт как руководящий работник[3].

Сын Прохоровых Григорий Николаевич в сентябре 1942 г. ушел на фронт. Физически он был развит хорошо, поэтому воевал в десантном подразделении пулеметчиком. Был трижды ранен. Участвовал в сражениях на Карельском и 3-м Украинском фронтах в составе 300-го стрелкового полка 99-й стрелковой дивизии. За героизм, проявленный в боях на территории Венгрии при освобождении г. Секешфехервара (март 1945), командир полка полковник Данилов наградил сержанта Прохорова орденом Славы 3-й степени. К сожалению, сержант Прохоров не дожил до победы — он погиб 8 апреля 1945 г. в Австрии, в районе Бендорф, у высоты Унтер-Пиштинг[4]. Друг Григория прислал его родным письмо с рассказом о его героической гибели. Узнав о смерти сына, Лидия Петровна серьезно заболела.

Николай Григорьевич вышел на пенсию в 1958 г. А в 1965 г. его не стало. Лидия Петровна жила с дочерью Надеждой в Вишневогорске. Умерла в возрасте 97 лет.

В России Первая мировая война всегда находилась в тени Великой Отечественной войны, и, пожалуй, поэтому ее следует называть «неизвестной войной». «Неизвестной» Первая мировая война остается в нашем сознании. Эта война втянула в свою орбиту много стран Европы. В этом письме солдат косвенно коснулся политики, писал о том, как они воюют. Что все устали от этой войны — и свои, и чужие. Все хотели мира. Это письмо той эпохи дышало веянием новой революции. Перед солдатами вставал вопрос: какой быть будущей России?

Поначалу нашлись только два старых документа, но мне стало интересно: есть ли сохраненная история Кыштымской гимназии? Есть ли информация о Сергее Петровиче и Лидии Петровне Трухиных, об их предках и потомках? Мной были открыты неизвестные страницы и интересные факты из жизни семьи Трухиных в различные исторические периоды. Члены этой семьи активно участвовали в революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах, работали и не были «простыми винтиками в системе». Они были опорой государства, пусть и кажется, что их труд, по сравнению с трудом всего народа, очень мал.

Благодаря дошедшим до нас документам мы узнали о том, как говорили и писали, что думали и чем жили наши земляки за сто лет до наших дней. «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего». Эта знаменитая фраза принадлежит великому русскому филологу и историку XIX в. Василию Осиповичу Ключевскому, который всю свою жизнь посвятил изучению русской истории. Сегодня мы особенно остро ощущаем потребность в познании минувшего, так как без знания прошлого невозможно ощутить в полной мере свою сопричастность к миру, имя которому — Родина.

Примечания

[1] URL: http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-zhenskogo-gimnazicheskogo-obrazovaniya-v-permskoy-gubernii-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-v#ixzz4dITrRl2d.

[2] *Батин В., Емельянов Б.* У Синарского истока: история села Воскресенского. Снежинск : Сокол, 2006. 318 с.

[3] Там же.

[4] URL: http://podvignaroda.mil.ru.

И. И. Швецова

Судьбы родов одной деревни на Южном Урале

На юго-востоке Челябинской области в семи километрах от районного центра с. Октябрьского есть деревенька Степановка с населением, по переписи 2016 г. 81 человек. Малая родина моей мамы Марии Степановны Черноштановой (в девичестве).

Деревня небольшая, всего две улицы, расположилась между двух озер — Горькое и Пески, недалеко от красивой березовой дубравы. Много рассказов и воспоминаний я слышала от мамы в детстве. Фамилии семей, которые проживали в этой деревне — Мицуковы, Литвяковы, Василенко, Сулимовы, Саханские, Федорцовы, Ковальчук и др. — часто упоминались ею.

В 2010 г., когда из старшего поколения осталась в живых только мамина сестра, я решила составить свою родословную по воспоминаниям. Веточки древа дополнялись настоящим, но оно не углублялось корнями. И вот в конце 2018 г. между родственниками по линии Черноштановых возник спор о появлении наших дедов в дер. Степановке. Одни утверждали, что они сиротами приехали из Черниговской губернии, другие говорили, что помнят из рассказов родителей о прадедах, которые тоже жили в этой деревне. Благодаря материалам ОГАЧО (фонд И-216) наша родословная была составлена вглубь еще на два поколения — до 1873 г. Из ответа на запрос в архив выяснилось, что деревня была основана в Кочердыкской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии в 1865 г. для переселенцев из Нижнетагильских заводов. И сразу вспомнилось, что когда-то, лет двадцать назад, я прочитала книгу Евгения Федорова «Каменный пояс». И даже не предполагала, что прототипами героев могли быть и мои далекие предки.

В плане межевания 1869 г. написано, что деревня основана на свободных землях Кочердыкской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии для партии Степана Мицука в количестве 78 душ[1]. Результаты ревизий 1858 и 1850 гг. по Нижнетагильским заводам Демидова просмотрены в ГАСО. Выяснилось, что мои далекие предки были причислены к заводам из с. Буда Воробьевская Новгород-Северского уезда. Поиск ревизской сказки за 1834 г. никак не удавался. Впустую было просмотрено семь сказок по Нижнетагильским заводам. А всего их девять. Прочитано много информации по истории основания сел в округе Нижнетагильских заводов, каждое из сел было основано в период переселения крестьян примерно в 1826–1828 гг. из Новгород-Северского уезда Черниговской губернии, но предки мои не находились. В ГАСО были просмотрены метрические книги церквей, в которых нашлись сведения о моих предках из семьи Феодора Емельяновича Черноштана. Его дети Сергей, Потап и Михаил, судя по записям в метрических книгах из ОГАЧО, в конце XIX в. переселились в дер. Степановку. От них на Южном Урале пошло разветвление фамилии Черноштановых (в результате трансформации вместо Черноштан стало Черноштанов).

Записи исповедных и метрических книг по Новгород-Северскому уезду Черниговской губернии просматривались на сайте оцифрованных мормонами церковных книг Государственного архива Черниговской губернии (ГАЧО). Удалось составить родословную за период с 1740 по 1830 гг. (с некоторыми промежутками).

В 1740 г. в с. Смяч Новгород-Северского уезда проживала семья казака Нестора Черноштана. В 1754 г. его сын Карп Черноштан — атаман Новгород-Северского наместничества Новгородского округа в с. Смяч[2].

В с. Буда Воробьевская проживала семья «посполитых» Тимофея Исаакова Черноштана. От него пошел род Черноштанов. Его потомок Феодор Емельянов был переведен Демидовым на Нижнетагильские заводы, а трое его сыновей доехали до Южного Урала. Оба села принадлежали графу Разумовскому. По метрическим книгам 1819 г., крестьяне принадлежали графу Разумовскому, по метрическим книгам 1830 г., крестьяне Демидова (нужные мне персоны) в метрических книгах 1830 г. не найдены. Но фамилия Черноштан встречается, значит, не все семьи Черноштана были переведены Демидовым на свои заводы, остались родственники и в Буде Воробьевской. Через социальные сети выяснила, что семья с такой фамилией проживает в Буде Воробьевской в настоящее время, но изучением родословной никто из них не занимался, и установить родственную связь с ними не удалось.

В документах «Присяги Стародубовского полку духовных и светских жителей в верности наследнику царевичу Петру Петровичу 1718 года»[3] и «Книга переписная города Чернигова и уезда обывателям поименно. 1721 год»[4] в с. Смяч записан также казак Нестор Черноштан, а в Буде — Исаак Черноштан. Предполагаю, что Нестор и Исаак — из одной семьи, но документального подтверждения еще не найдено.

Первые сведения о населении Стародубского полка содержатся в присяжной книге царю Алексею Михайловичу 1654 г.[5] В названном документе нужных фамилий и сел не найдено.

Просмотрен «Реестр всего войска Запорожского после Зборовского договора с королем польским Яном Казимиром 1649 г.»[6]. В Черкасском полку в сотне Андрея Драгилева (Дрыгало) встретились имена Михайло Чорноштанъко, Петро Сулимъ, Михайло Сергъенко. Связь 1649 и 1718 гг. не установлена, поэтому не известно, имеют ли они общие корни с Черноштанами, Сулимами и Сергиенко, которые встречаются в исповедных книгах Черниговской губернии и метрических книгах жителей дер. Степановка. Пока известно, что с 1718 г. семья Черноштанов корнями связана с историей Стародубского полка Шептаковской сотни.

Шептаковская сотня, Шептаковская экономия... Пролистывая в очередной раз страницы Интернета, нашла статью о покупке Демидовым для своих заводов крестьян Шептаковской экономии. По этим данным нашла ссылку в РГАДА на фонд Демидова «Дела Шептаковской вотчинной конторы 1826–1833 годы», в котором 40 дел. Интересно каждое дело: там и описание сел, и подробное описание переселения крестьян, одно из дел этого фонда — ревизская сказка причисленных к заводам крестьян (1833). По этой сказке было восстановлено звено в родословной от 1819 до 1850 г. Выяснила, что куплены были мои далекие предки вместе с другими крестьянами Сосницкого повета и Шептаковской экономии Демидовым за ненадобностью Разумовскому в 1826 г.: «...пять тысяч сто сорок (5140) ревизских мужеска пола душ с женами их и обоего пола детьми... за все недвижимое имение со всем написанным денег государственными ассигнациями один миллион рублей по сей же купчей пошлины 71960 рублей»[7]. На основании указа Правительствующего сената о переводе на уральские горные заводы из Новгород-Северского повета Черниговской губернии с женами и детьми обоего пола и имуществом на вечное жительство в Верхотурский уезд Пермской губернии, в Нижнетагильские заводы. В 1827 г. всего из разных сел и деревень Новгород-Северского и Сосницкого поветов было переведено 1000 душ мужского и 913 — женского пола. Из Буды переведено 35 семей[8]. В 1828 г. «854 мужского и 826 женского пола душ, из числа коих назначено сел: Стахорщины мужского 13, женского 12, Багриновки мужского 33 женского 33, Лариновки мужского 110, женского 118, Костобобра 106 мужского 83 женского, Архиповки 32 мужского, 32 женского, Буды 54 мужского, 53 женского, Шептаков 129 мужского., 114 женского, Печенюг 35 мужского, 31 женского»[9]. Сколько дошло до места назначения, в деле не указано. Шли в основном пешком. Из того же дела: «...крестьянам от ходьбы требуется больше пищи... телеги только нужны для перевозки платья и для усталых. Содержание в сутки взрослых — 20–25 копеек, потом прибавили 5–10 копеек из-за ропота, детям выделялось 10–15 копеек. Маршрут расписан с расстоянием между селениями от 18 до 75 верст. Среди крестьян выбирали десятников, чтобы они поддерживали порядок среди своих десяти».

Феодор Емельянов Черноштан в возрасте 33 года с семьей был переведен на заводы Демидова в 1828 г.

Таким образом, в моих поисках восстановился период с 1819 по 1833 гг. и установлена связь между с. Буда Воробьевская Новгород-Северского уезда Черниговской губернии и с. Воскресенским

Верхотурского уезда Пермской губернии. Документы по периоду от отмены крепостного права и до переселения в дер. Степановку Кочердыкской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии список первых переселенцев, в группе которых и были мои предки, не найдены!

Казаки, посполитые, крепостные крестьяне графа Разумовского до 1826 г., крепостные крестьяне Демидова с 1826 до 1828 г. проживали в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии, в 1828 г. переведены Демидовым на Нижнетагильские заводы, с 1828 г. до отмены крепостного права (по неуточненным данным, до 1869 г.) проживали в с. Воскресенском Верхотурского уезда Пермской губернии. В 1869 г. три семьи Черноштанов переселились в дер. Степановку Кочердыкской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне дер. Степановка Октябрьского района Челябинской области). Потомков этой фамилии в этой деревне не осталось. Проживают они в с. Октябрьском и Октябрьском районе, Увельском районе, Челябинске и Челябинской области, в Копейске, Кургане и Курганской области и других городах.

По найденным материалам можно составить цепочку родословной фамилии Черноштанов (Черноштан) по мужской линии.

– 1718 г. — посполитые с. Буда Воробьевская Исаак;

– 1721 г. — посполитые с. Буда Воробьевская Исаак Черноштан;

– 1745 г. — Иларион Исааков (1713 г. р.) и Пелагея Емельянова (1716) — крестьяне с. Буда[10];

– 1754 г. — Афанасий Илларионов (1729/1733) и Вера Прохорова (1735) — посполитые с. Буда[11];

– 1793 г. — Емельян Афанасиев (1772) и Анастасия Захариева (1772) — посполитые с. Буда, церковь Рождества Богородицы[12];

– 1819 г. — Феодор Емельянов (1794) и Елена Павлова — крестьяне графа Алексея Кирилловича Разумовского, жители Воробьевской Буды Черниговской губернии[13];

– 1833 г. — Федор Емельянов Черноштан (1794) — крепостные крестьяне Н. Н. Демидова Нижнетагильского завода[14];

– 1850 г. — Федор Емельянов Черноштан (1794)[15];

– 1858 г. — Федор Емельянов Черноштан (1794–1854) и Степанида Михеева (Никонова) (1807 г. р. — вторая жена)[16];

– 1861/1862 — «Алфавитный список крепостным заводским людям Служительскаго и рабочаго звания деревнь принадлежащих к Нижне-Тагильскому заводу с 1859/60 по 1864/65 село Воскресенское»[17].

Сергей Федоров Черноштан	26 лет	Углепост 90 1859/60 Углепост 90 1860/61 Чернодел 1861/1862
Иван Федоров Черноштан	25 лет	Углепост 90 1859/60 Углепост 90 1860/61 Руб. дров 1861/1862
Потап Федоров Черноштан	22½ лет	Постатный на Антон 1859/60 Чернодел 1860/1861 Чернод. на З. 1860/1861

В 1862/1863 гг. их в списках нет.

– 1869 г. — предположительно начало заселения дер. Степановка — новой родины для потомков фамилии Черноштан и других семей. В метрических книгах Входо-Иерусалимской и Введенской церквей, куда ходили мои предки, проживая в Верхотурском уезде, встречаются фамилии Саханские, Федорцовы, Мицуковы, Пунтусовы[18]. Семьи с такими фамилиями проживали в дер. Степановке.

Три семьи Черноштановых (Черноштан): Сергей Феодорович Черноштан (05.07.1831[19] — 1906) и Евдокия Климовна; Иван Феодорович Черноштан (29.09.1832 — ?[20]) и Марья Даниловна; **Потап Феодорович Черноштан** (08.12.1835 — ?[21]) и Христина Ивановна.

– 1892 г. — Степан Михайлович Черноштанов (29.07.1892 — ?) — родители Михаил Потапович Черноштанов (1862 г. р.) и Мария Венедиктовна[22], дер. Степановка Кочердыкской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии. По метрическим книгам, у Михаила Потаповича было два брака, от которых родились 13 детей. Посчастливилось выжить и продолжить свой род только четверым: Степану Михайловичу (29.07.1892 — октябрь 1933), Гавриилу Михайловичу (07.07.1897 — 11.11.1970), Екатерине Михайловне (16.11.1901 — 1981) и Григорию Михайловичу (28.09.1909 — 01.1942, пропал без вести);

– 1918 г. — регистрация брака Степана Михайловича (29.07.1892 — октябрь 1933) и Анастасии Яковлевны (25.10.1898 — 24.03.1964) Черноштановых[23], дер. Степановка Кочердыкской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии.

– 1923–1929 гг. — рождение детей Степана Михайловича и Анастасии Яковлевны Черноштановых;

– 1923 г. — Павел Степанович Черноштанов (02.11.1923 — 16.07.1993);

– 1925 г. — Анна Степановна Бурлева (Черноштанова) (28.08.1925 — 08.03.2014);

– 1927г. — Мария Степановна Долгополова (Черноштанова) (15.01.1927 — 10.11.2006);

– 1929 г. — Николай Степанович Черноштанов (15.12.1929 — 27.01.2000).

Список первых поселенцев дер. Степановки не найден, но некоторые фамилии, которые значатся в сводках учета крестьянских и казачьих хозяйств за 1922 г.[24], встречались при просмотре исповедных книг сел Шептаковской экономии: в с. Смячь — Сергиенко, в с. Буда — Сулим (Сулимов), Литвяк (Литвяков), Черноштан (Черноштанов), Костобобр- Мицук (Мицуков), в Фаевке и Лариновке — Ковальчук (Ковальчуков).

Судьба потомков первых поселенцев сложилась по-разному.

Не обошли стороной дер. Степановку годы репрессий. Тяжелейшие испытания выпали на семьи Сулимовых, Пунтусовых, Мицуковых в 1930–1940-е гг.[25]

На сайте Проза.ру есть рассказ Вадима Сулимова «Мой дед Федор Антонович. Судьба кулака»[26]. Повествование основано на документальных фактах. Это история одной семьи, но судьбы всех ссыльных в то время были похожи. Только не каждому удается узнать историю из документов, а рассказывать и вспоминать эти годы люди просто

боялись. Многие из репрессированных не возвращались на свое прежнее место жительства.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) мужчины уходили на фронт, и многие из них не вернулись. Все тяжбы тыловой жизни легли на плечи женщин и детей. Участниками Великой Отечественной войны были и потомки Черноштанов: Григорий Михайлович Черноштанов (28.09.1909 — январь 1942, пропал без вести), Федор Гаврилович Черноштанов (22.06.1919 — 11.07.1997), Павел Степанович Черноштанов (02.11.1923 — 16.07.1993). 24 февраля 1945 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги». Жена Павла Степановича была родом из с. Веркиевка Нежинского района Черниговской области. Наши предки проживали в соседних уездах Черниговской губернии. А родина предков, с. Буда Воробьевская, в период временной оккупации было сожжено гитлеровцами[27].

Потомок Ковальчуков, Яков Егорович Ковальчук, с 1962 по 1965 г. был председателем райисполкома Октябрьского района Челябинской области, а с 1965 по 1972 г. — первым секретарем Октябрьского райкома КПСС Челябинской области[28].

Наш современник, потомок Мицуковых Александр Федорович Мицуков руководит санаторием «Увильды» уже три десятка лет, а до этого был главврачом этого санатория[29].

Чем больше знакомишься с родословной, тем больше проявляется интерес к различным периодам, хочется лучше представить, как жили наши предки.

Планирую по возможности изучить и восстановить период с 1649 до 1718 г., найти документы по раскрепощению и переселению крестьян, список первых поселенцев. В поисках пока не рассматривались периоды Гражданской войны и коллективизации.

Примечания

[1] ОГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1187.
[2] ГАЧО. Ф. 0083. Оп. 0001. Д. 0001 ; Ф. 0083. Оп. 0001. Д. 0002 (начало).
[3] РГАДА. Ф. 140. Оп. 1. Д. 34.
[4] Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 62.
[5] Там же. Д. 3.
[6] История запорожских казаков : ист. док. URL: http://nipol.ucoz.ru/load/istorija_zaporozhskikh_kazakov/113-7.
[7] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 12. Д. 3.
[8] Там же. Д. 21.
[9] Там же. Д. 33.
[10] ГАЧО. Ф. 0679. Оп. 0001. Д. 0340 (продолжение) ; Д. 0341 (начало).
[11] Там же. Д. 0413 (продолжение) ; Д. 0415 (начало).
[12] Там же. Ф. 0712. Оп. 0001. Д. 0227 (продолжение).
[13] Там же. Ф. 0679. Оп. 0001. Д. 0128 (продолжение) ; Д. 0129 (начало).
[14] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 12. Д. 40.
[15] ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 284.
[16] Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 199.
[17] Там же. Ф. 643. Оп. 2. Д. 481.
[18] Там же. Ф. 6. Оп. 3. Д. 107 ; Д. 110.

[19] Там же. Д. 31. Л. 849.
[20] Там же. Д. 33. Л. 1085.
[21] Там же. Д. 35. Л. 1080.
[22] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 11. Д. 36.
[23] Там же. Д. 122.
[24] Там же. Ф. Р- 83. Оп. 1. Д. 155.
[25] https://ru.openlist.wiki/Служебная:OlSearch?olsearch-name=&olsearch-birth_min=&olsearch-birth_max=&olsearch-death_min=&olsearch-death_max=&olsearch-birthplace=&olsearch.
[26] *Сулимов В.* Мой дед Федор Антонович. Судьба кулака. URL: https://proza.ru/2016/10/03/1794.
[27] https://ukrssr.com/chernig/nseverskiy/buda-vorobevskaya-novgorod-severskiy-rayon-chernigovskaya-oblast.
[28] Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 7: Х–Я. Челябинск : Камен. пояс, 2008. Приложения. С. 633–698.
[29] https://chel.dk.ru/news/aleksandr-mitsukov-direktor-kurorta-uvildy-da-ya-vzryvnoy-chelovek-emotsionalnyy-237057064.

Сведения об авторах

Агуникян Нелли Тиграновна, магистрант историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (г. Челябинск), golubeva_nelly@mail.ru

Алексеев Николай Александрович, доктор медицинских наук, заведующий музеем истории медицины г. Челябинска, museumgkb1@yandex.ru

Антипин Николай Александрович, кандидат исторических наук, заместитель директора Объединенного государственного архива Челябинской области (г. Челябинск), antipin87@mail.ru

Базанов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области (г. Челябинск), bazanov.86@mail.ru

Батищев Сергей Дмитриевич, магистр историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (г. Челябинск), batischew.sergey2015@yandex.ru

Беляева Галина Николаевна, заместитель директора средней школы № 34 г. Могилева, аспирант кафедры археологии, истории Беларуси, специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (г. Могилев), h.belyaeva@mail.ru

Бенедиктович Леонид Анатольевич, юрист (г. Тирасполь), ligaxxxl@yandex.ru

Бессонов Михаил Сергеевич, член Уральского историко-родословного общества (г. Екатеринбург), bessonov.mihail2011@yandex.ru

Богданова Татьяна Васильевна, заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), taitiana@yandex.ru

Буканова Роза Гафаровна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа), brg777.50@mail.ru

Буранок Александр Олегович, кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара), buranok@yandex.ru

Бухаров Владимир Леонидович, главный специалист ООО «ЧТЗ — УралТрак», член Южно-Уральской ассоциации генеалогов-любителей, почетный член Уральского историко-родословного общества (г. Челябинск), vlbuharov@mail.ru

Воронкова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, научный консультант (дер. Городище Смоленской области), elena_voronkova@myrambler.ru

Гришина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (г. Челябинск), natalyagrishina@mail.ru

Гукасян Оксана Карленовна, магистрант Оренбургского государственного университета (г. Оренбург), ra-58@mail.ru

Гусева Евгения Сергеевна, главный библиотекарь библиотеки № 17 г. Каменска-Уральского, член-соревнователь Уральского историко-родословного общества (г. Каменск-Уральский), bibliotekafilial17@yandex.ru

Гутков Александр Иванович, генеалог, краевед (г. Магнитогорск), gutkov.a@mail.ru

Демаков Владислав Германович, научный сотрудник Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск), demakoff@inbox.ru

Емельянова Наталья Юрьевна, учитель-дефектолог детского сада № 393 г. Челябинска (г. Челябинск), elfika-natasha@mail.ru

Жайбалиева Люция Турсунгалиевна, кандидат исторических наук, доцент Оренбургского государственного университета (г. Оренбург), ra-58@mail.ru

Завьялова Лидия Михайловна, главный методист отдела использования и публикации документов Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (г. Ханты-Мансийск), zavialovalm@gahmao.ru

Закирова Фатыма Губайдулловна, кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела использования и публикации документов архивного фонда Национального архива Республики Башкортостан (г. Уфа), zakirova.fg@bashkortostan.ru

Игнатова Татьяна Викторовна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Совета православных церковных приходов Преображенского монастыря (г. Москва), tvsova11@yandex.ru

Исаков Максим Александрович, студент исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск), maksim200211@mail.ru

Капитонова Надежда Анатольевна, краевед, библиотекарь (г. Челябинск), n.a.kapitonova@mail.ru

Кашин Владимир Викторович, краевед, член Общества изучения истории отечественных спецслужб (г. Нижний Тагил), kashinvv@gmail.com

Кирилова Надежда Николаевна, библиограф Централизованной библиотечной системы Копейского городского округа (г. Копейск), kopeysk-cgb.ibo@mail.ru

Кирилюк Лариса Владимировна, ведущий архивист филиала в г. Таре Исторического архива Омской области (г. Тара), kirilyuk_lv@iaoo.ru

Кожевникова Елена Юрьевна, начальник отдела архивных технологий и использования документов Нижнетагильского городского исторического архива (г. Нижний Тагил), lena-ntag@yandex.ru

Козлов Александр Вениаминович, краевед, почетный гражданин Златоуста (г. Златоуст), felisket@yandex.ru

Козлов Юрий Яковлевич, краевед (с. Агаповка Челябинской области), agap7-agap@yandex.ru

Королёва Тамара Аркадьевна, патологоанатом районной больницы г. Касли (г. Касли)

Макарова Вера Николаевна, кандидат исторических наук, заведующая отделом истории Национального музея Республики Башкортостан (г. Уфа), vnmac@mail.ru

Мамаева Наталия Николаевна, старший преподаватель Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), nataliymamaeva@yandex.ru

Марина Анна Сергеевна, главный архивист отдела по работе с обращениями граждан Государственного архива Свердловской области (г. Екатеринбург), marina@gaso-ural.ru

Митин Андрей Викторович, генеалог, краевед (г. Екатеринбург), soroka1736@yandex.ru

Назаров Артём Алексеевич, студент Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), nazarovartem454@gmail.com

Неповинных Инна Владимировна, краевед (пос. Слюдорудник, г. Кыштым), mr_alex1976@mail.ru

Новиков Игорь Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск), novikovia69@mail.ru

Новожилова Людмила Александровна, краевед, член Южно-Уральской ассоциации генеалогов-любителей (г. Челябинск), rodoved1010@yandex.ru

Омигова Ксения Африкановна, член Уральского генеалогического общества, Уральского историко-родословного общества (с. Патруши Свердловской области), omigova@bk.ru

Пермякова Нина Николаевна, заведующая сектором по информационной работе библиотеки № 17 г. Каменска-Уральского, член-соревнователь Уральского историко-родословного общества (г. Каменск-Уральский), bibliotekafilial17@yandex.ru

Пирожкова Наталья Константиновна, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Государственного архива Пермского края (г. Пермь), pirozhkova@archive.perm.ru

Плаксина Марина Георгиевна, член Уральского историко-родословного общества, Уральского генеалогического общества (г. Екатеринбург), plaksi-marina@yandex.ru

Полянина Ольга Анатольевна, доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета (г. Уфа), olga-polyanina@mail.ru

Помыткина Вера Леонидовна, архивист филиала в г. Таре Исторического архива Омской области (г. Тара), pomytkina_vl@iaoo.ru

Пудовкин Сергей Игоревич, историк, педагог дополнительного образования детско-юношеского центра «Мир» (г. Нижний Тагил)

Репникова Олеся Станиславовна, главный хранитель фондов — заместитель директора Нижнетагильского городского исторического архива (г. Нижний Тагил), repnickowa79@yandex.ru

Савенко Вячеслав Вячеславович, военный пенсионер, действительный член Российского дворянского собрания (Челябинское региональное отделение) (г. Челябинск), vyacheslav.savenko@yandex.ru

Салимов Ниязбай Булатбаевич, кандидат филологических наук, заместитель директора Национального архива Республики Башкортостан (г. Уфа), calimov.nb@bashkortostan.ru

Сарабанская Людмила Анатольевна, заведующая библиотекой № 17 г. Каменска-Уральского, действительный член Уральского историко-родословного общества, руководитель Каменского отделения Уральского историко-родословного общества (г. Каменск-Уральский), bibliotekafilial17@yandex.ru

Семенов Владимир Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург), cpravochnik-okv@yandex.ru

Сергеев Сергей Александрович, преподаватель Златоустовского техникума технологий и экономики, член Челябинского регионального отделения Союза краеведов России (г. Златоуст), zlatoust8@mail.ru

Сидоров Максим Александрович, студент Златоустовского техникума технологий и экономики (г. Златоуст), maks_sid02@mail.ru

Сокулин Александр Александрович, учащийся школы № 1 г. Копейска (г. Копейск), sokulin1974@mail.ru

Старикова Галина Ильинична, ученый секретарь Магнитогорского историко-краеведческого музея (г. Магнитогорск), galina-museum@ya.ru

Тараторина-Розанова Нина Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка Российской академии наук (г. Москва), ninarozanova13@yandex.ru

Тараторина-Смит Наталия Николаевна, пенсионер (г. Москва), natulia.smith@gmail.com

Таушканова Вера Ивановна, краевед (г. Челябинск), taushkanova@list.ru

Титова Анна Николаевна, учащаяся школы № 1 г. Верхнего Уфалея (г. Верхний Уфалей), titova.elena7463@mail.ru

Тропина Мария Вячеславовна, заведующая сектором информационно-поисковых систем и защиты информации Государственного архива в г. Тобольске (г. Тобольск), cheremuha.73@mail.ru

Ульянов Александр Васильевич, краевед (пос. Петровский Челябинской области), ul.olesya@mail

Хегай Виктория Анатольевна, генеалог (г. Челябинск), aacenter@yandex.ru

Черных Валентина Александровна, краевед, инспектор по охране объектов культурного наследия Управления культуры администрации г. Верхнего Уфалея (г. Верхний Уфалей), valentina_muzeum1@mail.ru

Швецова Ирина Ивановна, краевед (с. Октябрьское Челябинской области), shvetsovaira@yandex.ru

Список сокращений

АЗГО — Архив Златоустовского городского округа
АМН — Академия медицинских наук
АССР —
БАМ — Байкало-Амурская магистраль
БАССР — Башкирская Автономная Советская Республика
БашЦИК —
ББК — Беломоро-Балтийский комбинат
ВВС — Военно-воздушные силы
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВОАШ СА — Высшая офицерская артиллерийская школа Советской армии
ВУС — военно-учетная специальность
ВЧК —
г — грамм
г. р. — год рождения
г., гг. — город, города; год, годы
га — гектар
ГААОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАКО — Государственный архив Кировской области
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАОО — Государственный архив Оренбургской (Омской) области
ГАПК — Государственный архив Пермского края
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАТО — Государственный архив Тюменской области
ГЛМ — Государственный литературный музей
гороно — городской отдел народного образования
горсовет — городской совет
ГТО — «Готов к труду и обороне»
губком — губернский комитет
губсобес — губернский отдел социального обеспечения
губЧК — губернская чрезвычайная комиссия
ГУВД — Главное управление внутренних дел
д. — дом (в адресе)
дер. — деревня
дзот — долговременная закрепленная огневая точка
Е. И. В. — Его (Ее) Императорское Величество

ед. хр. — единица хранения
ж.-д. — железнодорожный
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния
ЗАО — закрытое акционерное общество
ЗОВО — Знак отличия военного ордена
и. о. — исполняющий обязанности
им. — имени
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
к., коп. — копейка
кв. — квартира (в адресе)
кв. м — квадратный метр
кг — килограмм
КГБ — Комитет государственной безопасности
км — километр
КПОГА — Коми-Пермяцкий окружной государственный архив
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
м. — местечко
МБОУ — муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
МИДв — Министерство императорского двора
МСЧ — медико-санитарная часть
МТС — машинно-тракторная станция
МЧС — Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
НАРБ — Национальный архив Республики Башкортостан
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НАРТ — Национальный архив Республики Татарстан
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НПО — научно-производственное объединение
НТГИА — Нижнетагильский городской исторический архив
НЭП — новая экономическая политика
о. — отец
ОАО — открытое акционерное общество
ОБД — обобщенный банк данных
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГПУ — Особое государственное политическое управление
оз. — озеро
ОКВ — Оренбургское казачье войско
ОКП — Оренбургский казачий полк
ООН — Организация Объединенных Наций
ОСП — отдельный стрелковый полк
ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона
пос. — поселок
пр. — проспект

р. — река
р. — родился (при дате)
р., руб. — рубль
РАН — Российская академия наук
РВК — районный военный комиссариат
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная армия
РКП(б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация
с. — село
св. — святой
СВР — Служба внешней разведки
сл. — слобода
см — сантиметр
СМЕРШ — «Смерть шпионам»
СМИ — средства массовой информации
СНК — Совет народных комиссаров
СОШ — средняя общеобразовательная школа
ССРМ — Социалистический союз рабочей молодежи
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — станция
тыс. — тысяча
УК — Уголовный кодекс
УКГБ — управление Комитета государственной безопасности
ул. — улица
ум. — умер (при дате)
уоно — уездный отдел народного образования
УФСБ — управление Федеральной службы безопасности
ФЗО — фабрично-заводское обучение
ФЗУ — фабрично-заводское ученичество
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области
ЦГВ — Центральная группа войск

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦГИАРБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЦК — Центральный комитет

ЦРБ — центральная районная больница

ЧГРЭС — Челябинская городская электростанция

ЧК — чрезвычайная комиссия

ЧОН — части особого назначения

ш. — шоссе

экз. — экземпляр

ЮВЖД — Юго-Восточная железная дорога

Научное издание

Генеалогия и архивы

Материалы третьей Всероссийской
научно-практической конференции

Редактор *Н. А. Антипин*
Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 01.05.2021 г.
Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonC
Отпечатано на ризографе.
Усл. печ. л. 24,88.
Бумага офсетная
Тираж 150 экз.
Заказ № .

Государственное учреждение
«Объединенный государственный архив Челябинской области»
454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 87–89

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ОАО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60